

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ІЮЛЪ.

МОСКВА.

Типо-литографія Н. Н. Кушнерова и К°, Пименовская улица, д. Кушнеровой.

1886.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. (Психологическій этюдъ). — Вл. Г. Короленко.	1
II. НАСЛѢДНИКЪ ЛОРДА. (THE HEIR PRESUMPTIVE). — Романъ Флоренсъ Марріотъ. Переводъ съ англійскаго А. А. В. Гл. I—IV.	93
III. НА УЛИЦѢ. Романъ. Часть III, гл. I—IV. <i>Продолженіе</i> . — Д. Сибиряка (Д. Н. Мамма).	124
IV. НЕОБЫЧАЙНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТАРТАРЕНА ИЗЪ ТАРАСЬОНА. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. Первый эпизодъ	159
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. Н—ской	186
VI. СТАРЫЯ ПИСЬМА. (VERMÄCHTNISS). Романъ Эрнста Экштейна. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Р. Гл. I—VIII.	187
VII. ПОДУШНАЯ ПОДАТЬ И ОТМѢНА ХОЛОДСТВА ВЪ РОССИИ. II. Церковь и холопство.—В. О. Ключевскаго.	1
VIII. АЛЬФРЕДЪ ДЕ-МЮССЕ. (<i>Georg Brandes: «Die Hauptströmungen der Litteratur im XIX Jahrhundert»</i> . Т. V. «Die romantische Schule in Frankreich».)	20
IX. ОБРАЗОВАНІЕ ЖЕНЩИНЪ У НАСЪ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.—М. Л. Песковскаго.	54
X. ОЗЕРНЫЯ РЫБОЛОВНЫЯ АРТЕЛИ НА СѢВЕРѢ.—Г. П. Сафонова	94
XI. РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ.—А. Ф. Фортунатова.	110
XII. НАШИ САМОУЧКИ. (<i>И. С. Ремизова: «Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Самоучки»</i> . Спб., 1886 г.).—Ор. Ф. Миллера	136

Russkaja mysl'

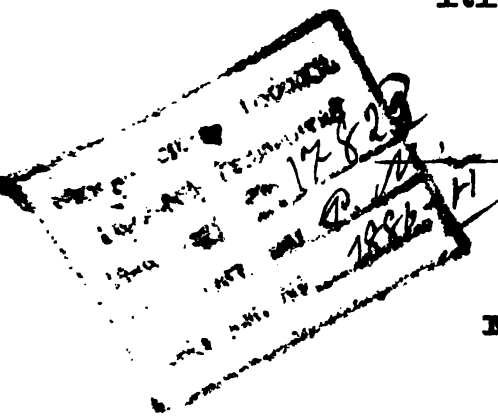
РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

КНИГА VII

МОСКВА.

1886.

Редація и главная контора: Леонтьевскій, 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ—при конт. Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи, и при книжн. магазинѣ А. А. Карцева, Фурьасовскій пер., д. Обидиной.

Въ С.-Петербургѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

APR 1 1984
LIBRARY

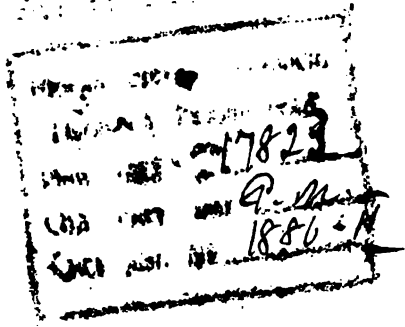

AP50
R875
V.7.7
MAIN
422
100

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. (Психологическій вѣтудъ). — Вл. Г. Короленко.	1
II. НАСЛѢДНИКЪ ЛОРДА. (THE HEIR PRESUMPTIVE). — Романъ Флоренсъ Марриэтъ. Переводъ съ англійскаго А. А. В. Гя. I—IV.	93
III. НА УЛИЦѢ. Романъ. Часть III, гл. I—IV. <i>Продолженіе</i> . — Д. Сибиряка (Д. Н. Мамина).	124
IV. НЕОБЫЧАЙНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТАРТАРЕНА ИЗЪ ТАРАСКОНА. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. Первый эдиовдъ	159
V. СТИХОТВОРЕНІЕ. — Л. Н—ской	186
VI. СТАРЫЯ ПИСЬМА. (VERMÄCHTNISS). Романъ Эрнста Экштейна. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Р. Гл. I—VIII.	187
VII. ПОДУШНАЯ ПОДАТЬ И ОТМѢНА ХОЛОПСТВА ВЪ РОССІИ. II. Церковъ и холопство. — В. О. Ключевскаго.	1
VIII. АЛЬФРЕДЪ ДЕ-МЮССЕ. (<i>Georg Brandes: «Die Hauptströmungen der Litteratur im XIX Jahrhundert»</i> . Т. V. «Die romantische Schule in Frankreich»)	20
IX. ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИНЪ У НАСЪ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. — М. Л. Песковскаго.	54
X. ОЗЕРНЫЯ РЫБОЛОВНЫЯ АРТЕЛИ НА СѢВЕРѢ. — Г. П. Сазонова	94
XI. РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ. — А. Ѳ. Фортунатова.	110
XII. НАШИ САМОУЧКИ. (<i>И. С. Ремизовъ: «Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Самоучки»</i> . Спб., 1886 г.). — Ор. Ѳ. Миллера	136

<p>XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Женское образованіе. — Записка о женскихъ гимназіяхъ. — Областной земскій съѣздъ въ Базани. — Страхование скота. — Земскія недомки. — Денежный вопросъ въ земствѣ и въ волости. — Отношеніе земства къ народному образованію. — Новыя возвышенія таможеннаго тарифа. — Виды на урожай и вывозъ хлѣба. — Новое положеніе о добровольномъ флотѣ. — Приготовленіе къ судебной реформѣ въ балтійскомъ краѣ. — Законъ о новыхъ правахъ присяжныхъ на судѣ. — Преобразованіе адвокатскихъ совѣтовъ. — Мѣры относительно евреевъ въ вѣдомствѣ судебномъ. — Новый законъ о воинской повинности евреевъ. — Анти-еврейская полемика въ Варшавѣ. — Вопросъ о преобразованіи интендантства . . . . .</p>	141
XIV. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. VI. — Н. Ш.	172
XV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Педагогія. — В. А. Гольцева	190
<p>XVI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика. — Философія. — Статистика и политическая экономія. — Юридическія книги. — Естественное и технологія. — Медицина. — Педагогія, учебники и дѣтскія книги. — Искусство. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>іюль</i>. — «Сѣверный Вѣстникъ», <i>апрѣль и май</i>. III. Указатель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ. V. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ «Русской Мысли» съ января 1886 г. по іюль включительно . . . . .</p>	1

СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ.

(Психологическій этюдъ *).

1. Слепой ребенокъ. Семья.

I.

Ребенокъ родился въ богатой семьѣ юго-западнаго края, въ глухую полночь. Молодая мать лежала въ глубокомъ забытѣ, но когда въ комнатѣ раздался первый крикъ новорожденнаго, тихій и жалобный, она заметалась съ закрытыми глазами въ своей постели. Ея губы шептали что-то и на блѣдномъ лицѣ, съ мягкими, почти дѣтскими еще чертами, появилась гримаса нетерпѣливаго страданія, какъ у балованнаго ребенка, испытывающаго непривычное горе.

Бабка наклонилась ухомъ къ ея что-то тихо шептавшимъ губамъ.

— Отчего... отчего это онъ? — спрашивала больная едва слышно.

Бабка не поняла вопроса. Ребенокъ опять закричалъ. По лицу больной опять пробѣжало отраженіе остраго страданія и изъ закрытыхъ глазъ скользнула крупная слеза.

— Отчего, отчего? — попрежнему тихо шептали ея губы.

На этотъ разъ бабушка поняла вопросъ и спокойно отвѣтила:

— Вы спрашиваете, отчего ребенокъ плачетъ? Это всегда такъ бываетъ, успокойтесь.

Но мать не могла успокоиться. Она вздрагивала каждый разъ при новомъ крикѣ ребенка и все повторяла съ гнѣвнымъ нетерпѣніемъ:

*) Этотъ этюдъ былъ первоначально напечатанъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и переработанъ авторомъ для *Русской Мысли*.

— Отчего... такъ... такъ ужасно?

Бабка не слыхала въ крикъ ребенка ничего особеннаго и, видя, что мать говоритъ точно въ смутномъ забытїи и, вѣроятно, просто бредитъ, оставила ее и занялась ребенкомъ.

Юная мать смолкла и только по временамъ какое-то тяжелое страданіе, которое не могло прорваться наружу движеніями или словами, выдавливало изъ ее глазъ крупныя слезы. Онѣ просачивались сквозь черныя, густыя рѣсницы и тихо катились по блѣднымъ, какъ мраморъ, щекамъ.

Быть можетъ, сердце матери почувало, что вмѣстѣ съ новорожденнымъ ребенкомъ явилось на свѣтъ темное, неисходное горе, которое нависло надъ колыбелью, чтобы сопровождать новую жизнь до самой могилы.

Можетъ быть, впрочемъ, что это былъ и дѣйствительный бредъ. Какъ бы то ни было, ребенокъ родился слѣпымъ.

II.

Сначала никто этого не замѣтилъ. Мальчикъ глядѣлъ тѣмъ тусклымъ и неопредѣленнымъ взглядомъ, какимъ глядятъ до извѣстнаго возраста всѣ новорожденныя дѣти. Дни уходили за днями, жизнь новаго человѣка считалась уже недѣлями. Его глаза прояснились, съ нихъ сошла мутная поволока, зрачекъ опредѣлился. Но дитя не поворачивало головы за свѣтлымъ лучемъ, проникавшимъ въ комнату вмѣстѣ съ веселымъ щебетаньемъ птицъ и съ шелестомъ зеленыхъ буковъ, которые покачивались у самыхъ оконъ въ густомъ деревенскомъ саду. Мать, успѣвшая оправиться, первая съ безпокойствомъ замѣтила странное выраженіе дѣтскаго лица, остававшагося неподвижнымъ и какъ-то не по-дѣтски серьезнымъ.

Молодая женщина смотрѣла на людей, какъ испуганная горлица, и спрашивала:

— Скажите же мнѣ, отчего онъ такой?

— Какой?—равнодушно переспрашивали посторонніе.— Онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ дѣтей такого же возраста.

— Посмотрите, какъ странно ищетъ онъ чего-то руками...

— Дитя не можетъ еще координировать движеній рукъ съ зрительными впечатлѣніями,—отвѣтилъ докторъ.

— Отчего же онъ смотреть все въ одномъ направленіи?... Онъ... онъ слѣпъ!—вырвалась вдругъ изъ груди матери страшная догадка, и никто не могъ ее успокоить.

Докторъ взялъ ребенка на руки, быстро повернулъ къ свѣту и заглянулъ въ глаза. Онъ слегка смутился и, сказавъ нѣсколько незначущихъ фразъ, уѣхалъ, обѣщая вернуться дня черезъ два.

Мать плакала и билась, какъ подстрѣленная птица, прижимая ребенка къ своей груди, между тѣмъ какъ глаза мальчика глядѣли все тѣмъ же неподвижнымъ и суровымъ взглядомъ.

Докторъ дѣйствительно вернулся дня черезъ два, захвативъ съ собою офталмоскопъ. Онъ зажегъ свѣчку, приближалъ и удалялъ ее отъ дѣтскаго глаза, заглядывалъ въ него и, наконецъ, сказалъ съ смущеннымъ видомъ:

— Бѣ сожалѣнiю, сударыня... вы не ошиблись... Мальчикъ дѣйствительно слѣпъ и, притомъ, безнадежно...

Мать выслушала это извѣстiе съ спокойною грустью.

— Я знала давно,—сказала она тихо.

III.

Семейство, въ которомъ родился слѣпой мальчикъ, было немногочисленно. Кромѣ названныхъ уже лицъ, оно состояло еще изъ отца и «дяди Максима», какъ звали его всѣ безъ исключенiя домочадцы и даже постороннiе. Отецъ былъ похожъ на тысячу другихъ деревенскихъ помѣщиковъ юго-западнаго края; онъ былъ добродушенъ, даже, пожалуй, добръ, хорошо смотрѣлъ за рабочими и очень любилъ строить и перестраивать мельницы. Это занятiе поглощало почти все его время, и потому его голосъ раздавался въ домѣ только въ извѣстные, опредѣленные часы дня, совпадавшiе съ обѣдомъ, завтракомъ и другими событiями въ томъ же родѣ. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда произносилъ неизмѣнную фразу: «здорова ли ты, моя голубка», послѣ чего усаживался за столъ и уже почти ничего не говорилъ, развѣ изрѣдка сообщалъ что-либо о дубовыхъ валахъ и шестерняхъ. Понятно, что его мирное и незатѣливое существованiе мало отражалось на душевномъ складѣ его сына.

За то дядя Максимъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Лѣтъ за десять до описываемыхъ событiй дядя Максимъ былъ извѣстенъ за самаго опаснаго забияку не только въ окрестностяхъ его имѣнiя, но даже въ Кiевѣ «на Контрактахъ» *). Всѣ удивлялись, какъ это въ такомъ почтенномъ во всѣхъ отношенiяхъ семействѣ, каково было семейство пани Попельской, урожденной Яценко,

*) „Контракты“—иѣстное названiе нѣкогда славной кiевской ярмарки.

могъ выдаться такой ужасный братецъ. Никто не зналъ, какъ слѣдуетъ съ нимъ держаться и чѣмъ ему угодить. На любезности пановъ онъ отвѣчалъ дерзостями, а мужикамъ спускалъ своеволие и грубости, на которыя самый смиренный изъ «шляхтичей» непременно бы отвѣчалъ оплеухами. Наконецъ, къ великой радости всѣхъ благомыслящихъ людей, дядя Максимъ за что-то сильно осердился на австрійцевъ и уѣхалъ въ Италію; тамъ онъ примкнулъ къ такому же забіякѣ и еретигу Гарибальди, который, какъ съ ужасомъ передавали паны-помѣщики, побратался съ чортомъ и въ грошъ не ставитъ самого «папежа». Конечно, такимъ образомъ Максимъ навѣки погубилъ свою безпокойную схизматическую душу, за то «Контракты» проходили съ меньшими скандалами и многія благородныя мамы перестали беспокоиться за участь своихъ сыновей.

Должно быть, австрійцы тоже крѣпко осердились на дядю Максима. По временамъ въ *Курьеркѣ*, изстари-любимой газетѣ пановъ-помѣщиковъ, упоминалось въ реляціяхъ его имя въ числѣ отчаянныхъ гарибальдійскихъ сподвижниковъ, пока однажды изъ того же *Курьерка* паны не узнали, что Максимъ упалъ вмѣстѣ съ лошадыю на полѣ сраженія. Разъяренные австрійцы, давно уже, очевидно, точившіе зубы на заядлаго волынца (которымъ чуть ли не однимъ, по мнѣнію его соотечественниковъ, держался еще Гарибальди), изрубили его, какъ капусту.

— Плохо кончилъ Максимъ, — сказали себѣ паны и приписали это специальному заступничеству св. Петра за своего намѣстника. Максима считали умершимъ.

Оказалось, однако, что австрійскія сабли не сужьли выгнать изъ Максима его упрямую душу и она осталась, хотя и въ сильно попорченномъ тѣлѣ. Гарибальдійскіе забіяки вынесли своего достойнаго товарища изъ свалки, отдали его куда-то въ госпиталь, и вотъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, Максимъ неожиданно явился въ домъ своей сестры, гдѣ и остался.

Теперь ему было уже не до дуэлей. Правую ногу ему совсѣмъ отрѣзали, и потому онъ ходилъ на костылѣ, а лѣвая рука была повреждена и годилась только на то, чтобы кое-какъ упираться на палку. Да и вообще онъ сталъ серьезнѣе, угомонился, и только по временамъ его острый языкъ дѣйствовалъ такъ же мѣтко, какъ нѣкогда сабля. Онъ пересталъ ѣздить «на Контракты», рѣдко являлся въ обществѣ и большую часть времени проводилъ въ своей библиотекѣ за чтеніемъ какихъ-то книгъ,

о которыхъ никто ничего не зналъ, за исключеніемъ апіорнаго предположенія, что книги совершенно безбожныя. Онъ также писалъ что-то, но такъ какъ его работы никогда не являлись въ *Курьеркѣ*, то никто не придавалъ имъ серьезнаго значенія.

Въ то время, когда въ деревенскомъ домикѣ появилось и стало расти новое существо, въ коротко остриженныхъ волосахъ дяди Максима уже пробиралась серебристая просѣдь. Плечи отъ постоянного упора костылей поднялись, туловище приняло квадратную форму. Странная наружность, угрюмо сдвинутыя брови, стукъ костылей и клубы табачнаго дыма, которыми онъ постоянно окружалъ себя, не выпуская изъ рта трубки, — все это пугало постороннихъ и только близкіе къ инвалиду люди знали, что въ изрубленномъ тѣлѣ бьется горячее и доброе сердце, а въ большой квадратной головѣ, покрытой щетиной густыхъ волосъ, работаетъ неутомная мысль.

Но даже и близкіе люди не знали, надъ какимъ вопросомъ работала эта мысль въ то время. Они видѣли только, что дядя Максимъ, окруженный синимъ дымомъ, просиживаетъ по временамъ цѣлыя часы неподвижно, съ отуманеннымъ взглядомъ и угрюмо сдвинутыми густыми бровями. Между тѣмъ, изувѣченный боецъ думалъ о томъ, что жизнь — борьба и что въ ней нѣтъ мѣста для инвалидовъ. Ему приходило въ голову, что онъ навсегда выбылъ уже изъ рядовъ и теперь напрасно загружаетъ собою фурштатъ; ему казалось, что онъ рыцарь, выбитый изъ сѣдла жизнью и поверженный ею во прахъ. Не малодушно ли извиваться въ пыли, подобно раздавленному червяку; не малодушно ли хвататься за стрѣи побѣдителя, вымаливая у него жалкіе остатки собственнаго существованія?

Пока дядя Максимъ съ холоднымъ мужествомъ обсуждалъ эту жгучую мысль, соображая и сопоставляя доводы *за* и *противъ*, передъ его глазами стало мелькать новое существо, которому судьба судила явиться на свѣтъ уже инвалидомъ. Сначала онъ не обращалъ вниманія на слѣпаго ребенка, но потомъ странное сходство судьбы мальчика съ его собственной заинтересовало дядю Максима.

— Гмъ, да! — задумчиво сказалъ онъ однажды, искоса поглядывая на ребенка, —этотъ малый тоже инвалидъ. Если сложить насъ обоихъ вмѣстѣ, пожалуй, вышелъ бы одинъ лядищій человѣчишко.

Съ тѣхъ поръ его взглядъ сталъ останавливаться на ребенкѣ все чаще и чаще.

IV.

Ребенокъ родился слѣпымъ. Кто виноватъ въ его несчастіи? Никто! Тутъ не только не было и тѣни чьей-либо «злой воли», но даже и самая причина несчастія скрыта гдѣ-то въ глубинѣ таинственныхъ и сложныхъ процессовъ жизни. А, между тѣмъ, при всякомъ взглядѣ на слѣпаго мальчика сердце матери сжималось отъ острой боли. Конечно, она страдала въ этомъ случаѣ, какъ мать, отраженіемъ сыновняго недуга и мрачнымъ предчувствіемъ тяжелаго будущаго, которое ожидало ея ребенка, но, кромѣ этихъ чувствъ, въ глубинѣ сердца молодой женщины щемило также сознаніе, что *причина* несчастія лежала въ видѣ грозной *возможности* въ тѣхъ, кто далъ ему жизнь... Этого было достаточно, чтобы маленькое существо съ прекрасными, но незрячими глазами стало центромъ семьи, бессознательнымъ деспотомъ, съ малѣйшею прихотью котораго сообразовалось все въ домѣ.

Неизвѣстно, что вышло бы современемъ изъ мальчика, предрасположеннаго къ безпредметной озлобленности своимъ несчастіемъ и въ которомъ все окружающее стремилось развить эгоизмъ, если бы странная судьба и австрійскія сабли не заставили дядю Максима поселиться въ деревнѣ, въ семьѣ сестры.

Присутствіе въ домѣ слѣпаго мальчика постепенно и нечувствительно дало дѣятельной мысли изувѣченнаго бойца другое направленіе. Онъ все также просиживалъ цѣлые часы, дымя трубкой, но въ глазахъ, вмѣсто глубокой и тупой боли, виднѣлось теперь вдумчивое выраженіе заинтересованнаго наблюдателя. И чѣмъ болѣе присматривался дядя Максимъ, тѣмъ чаще хмурились его густыя брови и онъ все усиленнѣе пыталъ своею трубкой. Наконецъ, однажды онъ рѣшился на вмѣшательство:

— Этотъ малый, — сказалъ онъ, пуская кольцо за кольцомъ, — будетъ еще гораздо несчастнѣе меня. Лучше бы ему не родиться.

Выраженіе остраго страданія прошло по лицу матери и она укоризненно посмотрѣла на брата.

— Жестоко напоминать мнѣ объ этомъ, Максъ! — сказала она тихо. — Напоминать безъ цѣли!...

— Я говорю только правду, — отвѣтилъ Максимъ. — У меня нѣтъ ноги и руки, но есть глаза. У малаго нѣтъ глазъ и современемъ не будетъ ни рукъ, ни ногъ, ни воли...

— Отчего же?

— Пойми меня, Анна, — сказалъ Максимъ мягче. — Я не сталъ бы напрасно говорить тебѣ жестокія вещи. У мальчика тонкая нервная организація. У него пока есть всѣ шансы развить остальныя свои способности до такой степени, что это хотя отчасти вознаградитъ его слѣпоту. Но для этого нужно упражненіе, а упражненіе вызывается только необходимостью. Глухая заботливость, устраняющая отъ него необходимость усилій, убиваетъ въ немъ всѣ шансы на болѣе полную жизнь.

Мать была умна, и потому съумѣла побѣдить въ себѣ непосредственное побужденіе, заставлявшее ее кидаться, сломя голову, при каждомъ жалобномъ крикѣ ребенка. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого разговора, мальчикъ свободно и быстро ползалъ по комнатамъ, настораживая слухъ на встрѣчу всякому звуку, и съ какою-то необычною въ другихъ дѣтяхъ живостью ощупывалъ всякій предметъ, попадавшій въ его руки.

У.

Мать онъ скоро научился узнавать по походкѣ, по шелесту платья, по какимъ-то еще, ему одному доступнымъ, неувидимымъ для другихъ признакамъ: сколько бы ни было въ комнатѣ людей, какъ бы они ни передвигались, онъ всегда направлялся безошибочно въ ту сторону, гдѣ она сидѣла. Когда она неожиданно брала его на руки, онъ все же сразу узнавалъ, что сидитъ у матери. Когда же его брали другіе, онъ быстро начиналъ ощупывать своими рученками лицо взявшаго его человека, и тоже скоро узнавалъ няньку, дядю Максима, отца. Но если онъ попадалъ къ человѣку незнакомому, тогда движенія маленькихъ рукъ становились медленнѣе; мальчикъ осторожно и внимательно проводилъ ими по незнакомому лицу и его черты выражали напряженное вниманіе; онъ какъ будто «вглядывался» кончиками своихъ пальцевъ.

По натурѣ онъ былъ бы очень живымъ и подвижнымъ ребенкомъ; но мѣсяцы шли за мѣсяцами и слѣпота все болѣе налагала свой отпечатокъ на темпераментъ мальчика, начинавшійся опредѣляться. Живость движеній понемногу терялась; онъ сталъ забиваться въ укромные уголки и сидѣлъ тамъ по цѣлымъ часамъ смирно, съ застывшими чертами лица, какъ будто къ чему-то прислушиваясь. Когда въ комнатѣ бывало тихо и смѣна

разнообразныхъ звуковъ не развлекала его вниманія, ребенокъ, казалось, думаетъ о чемъ-то съ недоумѣлымъ и удивленнымъ выраженіемъ на красивомъ и не подѣтски серьезномъ лицѣ.

Дядя Максимъ угадалъ: тонкая и богатая нервная организація мальчика брала свое и воспримчивостью къ ощущеніямъ осязанія и слуха какъ бы стремилась возстановить до извѣстной степени полноту своихъ воспріятій. Всѣхъ удивляла поразительная тонкость его осязанія. По временамъ казалось даже, что онъ не чуждъ ощущенія цвѣтовъ: когда ему въ руки попадали яркоокрашенные лоскутья, онъ дольше останавливалъ на нихъ свои тонкіе пальцы и по лицу его проходило выраженіе удивленнаго вниманія. Однако, современемъ стало выясняться все болѣе и болѣе, что развитіе воспримчивости идетъ, главнымъ образомъ, въ сторону слуха.

Вскорѣ онъ изучилъ въ совершенствѣ комнаты по ихъ звукамъ; различалъ походку домашнихъ, скрипъ стула подъ инвалидомъ дядей, сухое размѣренное шорканіе нитки въ рукахъ матери, ровное тиканіе стѣнныхъ часовъ. Иногда, ползая вдоль стѣны, онъ внимательно прислушивался къ легкому, неслышному для другихъ шороху и, поднявъ руку, тянулся ею за бѣгавшею по обоямъ мухой. Когда испуганное насѣкомое снималось съ мѣста и улетало, на лицѣ слѣпаго являлось выраженіе болѣзненного недоумѣнія. Онъ не могъ отдать себѣ отчета въ таинственномъ исчезновеніи мухи. Но впоследствии и въ такихъ случаяхъ лицо его сохраняло выраженіе осмысленнаго вниманія; онъ поворачивалъ голову въ ту сторону, куда улетѣла муха; изощренный слухъ улавливалъ въ воздухѣ тонкій звонъ ея крыльевъ.

Міръ, сверкавшій, двигавшійся и звучащій вокругъ, въ маленькую головку слѣпаго проникалъ, главнымъ образомъ, въ формѣ звуковъ и въ эти формы отливались его представленія. На лицѣ застывало особенное выраженіе, — то, которымъ характеризуется усиленное вниманіе къ звукамъ: нижняя челюсть слегка оттягивалась, брови сдвигались, голова наклонялась и вытягивалась впередъ на тонкой и удлинившейся шеѣ. При этомъ красивые, но остававшіеся неподвижными глаза придавали лицу слѣпаго какой-то суровый и вмѣстѣ трогательный отпечатокъ.

VI.

Вторая зима его жизни приходила къ концу. На дворѣ уже таялъ снѣгъ, звенѣли весенніе потоки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, здо-

ровѣ мальчика, который зимой все прихварывалъ и потому всю еѣ провелъ въ комнатахъ, не выходя на воздухъ, стало поправляться.

Вынули вторыя рамы и весна ворвалась въ комнату съ удвоенною силой. Въ залитыя свѣтомъ окна глядѣло смѣющееся весеннее солнце, качались голыя еще вѣтки буковъ, вдали чернѣли нивы, по которымъ мѣстами лежали бѣлыя пятна тающихъ снѣговъ, мѣстами же пробивалась чуть замѣтною зеленью молодая трава. Всѣмъ дышалось вольнѣе и лучше, на всѣхъ весна отражалась приливомъ обновленной и бодрой жизненной силы.

Для слѣпаго мальчика она врывается въ комнату только своимъ торопливымъ шумомъ. Онъ слышалъ, какъ бѣгутъ потоки весенней воды, точно въ догонку другъ за другомъ, прыгая по камнямъ, прорѣзаясь въ глубину размявшей земли; вѣтки буковъ шептались за окнами, сталкиваясь и звеня легкими ударами по стекламъ. А торопливая весенняя капель отъ нависшихъ на крышѣ сосулекъ, прихваченныхъ утреннимъ морозомъ и теперь разогрѣтыхъ солнцемъ, стучала тысячью звонкихъ ударовъ. Эти звуки падали въ комнату, подобно яркимъ и звонкимъ камешкамъ, быстро отбивавшимъ переливчатую дробь. По временамъ сквозь этотъ звонъ и шумъ окрики журавлей плавно проносились съ далекой высоты и постепенно смолкали, точно они тихо таяли въ воздухѣ.

На лицѣ мальчика это оживленіе природы сказывалось болѣзненнымъ недоумѣніемъ. Онъ съ усиліемъ сдвигалъ свои брови, вытягивалъ шею, прислушивался и затѣмъ, какъ будто встревоженный непонятною суетой звуковъ, вдругъ протягивалъ руки, разыскивая мать, и кидался къ ней, крѣпко прижимаясь къ ея груди.

— Что это съ нимъ?—спрашивала мать у себя и другихъ.

Дядя Максимъ внимательно вглядывался въ лицо мальчика и не могъ объяснить его непонятной тревоги.

— Онъ... не можетъ понять,—догадывалась мать, улавливая въ лицѣ сына выраженіе болѣзненного недоумѣнія и вопроса.

Дѣйствительно, ребенокъ былъ встревоженъ и безпокоенъ; онъ то съ живостью улавливалъ новые звуки, то удивлялся тому, что прежніе, къ которымъ онъ уже началъ привыкать, вдругъ смолкали и куда-то терялись.

VII.

Хаосъ весенней неурядицы смолкъ. Подъ жаркими лучами солнца работа природы входила все больше и больше въ свою колею, жизнь какъ будто напрягалась; ея поступательный ходъ становился стремительнѣе, точно бѣгъ разошедшагося поѣзда. Въ лугахъ зазеленѣла молодая трава, въ воздухѣ носился запахъ березовыхъ почекъ.

Мальчика рѣшили вывести въ поле, на берегъ ближней рѣки.

Мать вела его за руку. Рядомъ на своихъ костыляхъ шелъ дядя Максимъ, и всѣ они направлялись къ береговому холмику, который достаточно уже высушили солнце и вѣтеръ. Онъ зеленѣлъ густою муравой, и съ него открывался видъ на далекое пространство.

Яркій день ударилъ по глазамъ матери и Максима. Солнечные лучи согрѣвали ихъ лица, весенній вѣтеръ, какъ будто взмахивая невидимыми крыльями, сгонялъ эту теплоту, замѣняя ее свѣжею прохладой. Въ воздухѣ носилось что-то опьяняющее до нѣги, до истомы.

Мать почувствовала, что въ ея рукѣ крѣпко сжалась маленькая ручка ребенка, но опьяняющее вѣяніе весны сдѣлало ее менѣе чувствительной къ этому проявленію дѣтской тревоги. Она вздыхала полною грудью и шла впередъ, не оборачиваясь; если бы она сдѣлала это, то увидѣла бы странное выраженіе на лицѣ мальчика. Онъ поворачивалъ открытые глаза къ солнцу съ нѣмымъ удивленіемъ. Губы его раскрылись; онъ вдыхалъ въ себя воздухъ быстрыми глотками, точно рыба, которую вынули изъ воды; выраженіе болѣзненного восторга пробивалось по временамъ на безпомощно-растерянномъ личиѣ, пробѣгало по немъ какими-то нервными ударами, освѣщая его на мгновеніе, и тотчасъ же смѣнялось опять выраженіемъ удивленія, доходящаго до испуга и недоумѣлаго вопроса. Только одни глаза глядѣли все тѣмъ же ровнымъ и неподвижнымъ незрячимъ взглядомъ.

Дойдя до холмика, они усѣлись на немъ всѣ трое. Когда мать приподняла мальчика съ земли, чтобы посадить его поудобнѣе, онъ опять судорожно схватился за ея платье; казалось, онъ боялся, что упадетъ куда-то, какъ будто не чувствуя подъ собою земли. Но мать и на этотъ разъ не замѣтила тревожнаго движенія, потому что ея глаза и вниманіе были прикованы къ чудной весенней картинѣ.

Быль полдень. Солнце тихо катилось по синему небу. Съ холма, на которомъ они сидѣли, виднѣлась широко разлившаяся рѣка. Она пронесла уже свои льдины и только по временамъ на ея поверхности плыли и таяли кое-гдѣ послѣднія изъ нихъ, выдѣляясь бѣлыми пятнышками. На поемныхъ лугахъ стояла вода широкими лиманами; бѣлыя облачка, отражаясь въ нихъ вмѣстѣ съ опрокинутымъ лазурнымъ сводомъ, тихо плыли въ глубинѣ и исчезали, какъ будто и они таяли, подобно льдинамъ. Временами пробѣгала отъ вѣтра легкая рябь, сверкая на солнцѣ. Дальше за рѣкой чернѣли разопрѣвшія нивы и парили, застилая рѣющею, колеблющеюся дымкой и дальнія лачуги, крытыя соломой, и смутно зарисовавшуюся синюю полосу лѣса. Земля какъ будто вздыхала и что-то подымалось отъ нея къ небу, какъ клубы жертвеннаго фиміама.

Но все это видѣли только тѣ, у кого были глаза. Мальчикъ не видѣлъ этой картины, не могъ обнять взглядомъ великаго праздника природы, ея чуднаго храма; а то, что онъ чувствовалъ, было разрознено и смутно и только заставляло болѣзненно биться дѣтское сердце.

Съ первыхъ же шаговъ, когда солнечные лучи ударили ему въ лицо, согрѣли нѣжную кожу, онъ инстинктивно поворачивалъ къ нему свои незрячіе глаза, какъ будто чувствуя, къ какому центру тяготѣеть все въ окружающей невидимой для него картинѣ. Для него не было ни этой прозрачной дали, ни лазурнаго свода, ни широко раздвинутаго горизонта. Онъ чувствовалъ только, какъ что-то матеріальное, ласкающее и теплое касается его лица нѣжнымъ, согрѣвающимъ прикосновеніемъ. Потомъ кто-то прохладный и легкій, хотя и менѣе легкій, чѣмъ тепло солнечныхъ лучей, снимаетъ съ его лица эту нѣгу и пробѣгаетъ по немъ ощущеніемъ свѣжей прохлады. Въ комнатахъ мальчикъ привыкъ двигаться свободно, чувствуя вокругъ себя пустоту. Здѣсь же его охватили какія-то странно смѣнявшіяся волны, то нѣжно ласкающія, то щекочущія и опьяняющія. Грѣющія прикосновенія солнца быстро обмахивались кѣмъ-то, и струя вѣтра, звеня въ уши, охватывая лицо, виски, голову до самаго затылка, тянулась вокругъ, какъ будто стараясь подхватить мальчика, увлечь его куда-то въ пространство, котораго онъ не могъ видѣть, унося сознание, навѣвая забывчивую истому. Тогда-то рука мальчика крѣпче сжимала руку матери, а его сердце замирало и, казалось, вотъ-вотъ совсѣмъ перестанетъ биться.

Когда его усадили, онъ какъ будто нѣсколько успокоился. Теперь, несмотря на странное ощущеніе, переполнившее все его существо, онъ все же сталъ было различать отдѣльные звуки. Воздушныя волны неслись, попрежнему, неудержимо, и ему казалось, что онѣ проникаютъ внутрь его тѣла, такъ какъ удары его всколыхавшейся крови подымались и опускались вмѣстѣ съ ударами этихъ волнъ. Но теперь онѣ приносили съ собой то яркую трель жаворонка, то тихій шелестъ зазеленѣвшей березки, то чуть слышные всплески рѣбки. Ласточка свистѣла легкимъ крыломъ, описывая невдалекѣ причудливые круги, звенѣли мошки, и надъ всѣмъ этимъ проносился порой протяжный и печальный окрикъ пахаря, понукавшаго въ полуверстѣ лошадей надъ рѣспаханною полоской.

Но мальчикъ не могъ схватить этихъ звуковъ въ ихъ цѣломъ, не могъ соединить ихъ, расположить въ перспективу. Они какъ будто падали, проникая въ темную головку, одинъ за другимъ, то тихіе, неясные, то громкіе, яркіе, оглушающіе. По временамъ они толпились одновременно, неприятно смѣшиваясь въ непонятную дисгармонію. А волны бѣжали все быстрѣе, и мальчику казалось, что онѣ застилаютъ звуки, которые несутся теперь откуда-то съ другаго міра, точно воспоминаніе о вчерашнемъ днѣ. И по мѣрѣ того, какъ звуки тускнѣли, въ грудь мальчика вливалось ощущеніе какой-то щекочущей истомы. Лицо подергивалось ритмически пробѣгавшими по немъ переливами; глаза то закрывались, то открывались опять, и во всѣхъ чертахъ пробивался вопросъ, тяжелое усиліе мысли, воображенія. Не окрѣпшее еще и переполненное новыми ощущеніями сознаніе начинало изнемогать; оно еще боролось съ нахлынувшими со всѣхъ сторонъ впечатлѣніями, стремясь устоять среди нихъ, слить ихъ въ одно цѣлое и, такимъ образомъ, овладѣть ими, побѣдить ихъ. Но задача была не по силамъ темному мозгу ребенка, которому не доставало для этой работы зрительныхъ представленій.

И звуки летѣли и падали одинъ за другимъ, все еще слишкомъ пестрые, слишкомъ звонкіе... Охватившія мальчика волны вздымались все напряженнѣе, налетая изъ окружающаго звенѣвшаго и рокотавшаго мрака и уходя въ тотъ же мракъ, смѣняясь новыми волнами, новыми звуками... быстрѣе, выше, мучительнѣе подымали онѣ его, укачивали, баюкали... Еще разъ пролетѣла надъ этимъ тускнѣющимъ хаосомъ длинная и печальная нота человѣческаго окрика и затѣмъ все сразу смолкло.

Мальчикъ тихо застоналъ и откинулся назадъ, на траву. Мать быстро повернулась къ нему и тоже вскрикнула: онъ лежалъ на травѣ, блѣдный, въ глубокомъ обморокѣ.

VIII.

Дядя Максимъ былъ очень встревоженъ этимъ случаемъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ выписывать книги по физиологiи, психологiи и педагогикѣ и съ обычною своею энергiей занялся изученiемъ всего, что даетъ наука по отношенiю къ таинственному росту и развитiю дѣтской души.

Эта работа завлекала его все больше и больше, и поэтому мрачныя мысли о непригодности къ житейской борьбѣ, о «червякѣ, пресмыкающемся въ пыли», и о «фурштатѣ» давно уже незамѣтно улетучились изъ квадратной головы ветерана. На ихъ мѣстѣ воцарилось въ этой головѣ вдумчивое вниманiе; по временамъ даже розовыя мечты согрѣвали старѣющее сердце. Дядя Максимъ убѣждался все болѣе и болѣе, что природа, отказавшая мальчику въ зрѣнiи, не обидѣла его въ другихъ отношенiяхъ; это было существо, которое отзывалось на доступныя ему внѣшнiя впечатлѣнiя съ замѣчательною полнотою и силой. И дядѣ Максиму казалось, что онъ призванъ къ тому, чтобы развитъ присущи мальчику задатки, чтобы усиленiемъ своей мысли и своего влiянiя уравновѣситъ несправедливость слѣпой судьбы, чтобы вмѣсто себя поставить въ ряды бойцовъ за правое дѣло жизни новаго рекрута, на котораго, безъ его влiянiя, никто не могъ бы рассчитывать.

«Кто знаетъ, — думалъ старый гарибальдиецъ, — вѣдь, бороться можно не только копьемъ и саблей. Быть можетъ, несправедливо обиженный судьбою подыметъ современемъ доступное ему оружiе въ защиту другихъ, обездоленныхъ жизнью, и тогда я не даромъ проживу на свѣтѣ, изувѣченный старый солдатъ!...»

Даже свободнымъ мыслителямъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ не было чуждо суевѣрное представленiе о «таинственныхъ предначертанiяхъ» природы. Немудрено поэтому, что, по мѣрѣ развитiя ребенка, выказывавшаго недюжинныя способности, дядя Максимъ утвердился окончательно въ убѣжденiи, что самая слѣпота есть лишь одно изъ проявленiй этихъ «таинственныхъ предначертанiй». «Обездоленный за обиженныхъ!» — вотъ девизъ, который онъ выставилъ заранѣе на боевомъ знамени своего питомца.

IX.

Послѣ первой весенней прогулки мальчикъ пролежалъ нѣсколько дней въ бреду. Онъ то лежалъ неподвижно и безмолвно въ своей постели, то бормоталъ что-то и къ чему-то прислушивался. И во все это время съ его лица не сходило характерное выраженіе недоумѣнія.

— Право, онъ глядитъ такъ, какъ будто старается понять что-то и не можетъ,—говорила молодая мать.

Максимъ задумывался и кивалъ головой. Онъ понималъ, что странная тревога мальчика и внезапный обморокъ объяснялись обиліемъ впечатлѣній, съ которыми не могло справиться сознание, и рѣшился допускать къ выздоравливавшему мальчику эти впечатлѣнія постепенно, такъ сказать, расчлененными на составныя части. Въ комнатѣ, гдѣ лежалъ больной, окна были плотно закрыты. Потомъ, по мѣрѣ выздоровленія, ихъ открывали на время; затѣмъ его водили по комнатамъ, выводили на крыльцо, на дворъ, въ садъ. И каждый разъ, какъ на лицѣ слѣпаго являлось тревожное выраженіе, мать объясняла ему поражавшіе его звуки.

— Рожокъ пастуха слышенъ за лѣсомъ,—говорила она.— А это изъ-за щебетанія воробьиной стаи слышенъ голосъ малиновки... Аистъ влечетъ на своемъ колесѣ *). Онъ прилетѣлъ надняхъ изъ далекихъ краевъ и строить гнѣздо на старомъ мѣстѣ.

И мальчикъ поворачивалъ къ ней свое лицо, свѣтившееся благодарностью, бралъ ея руку и кивалъ головой, продолжая прислушиваться съ вдумчивымъ и осмысленнымъ вниманіемъ.

X.

Онъ начиналъ спрашивать обо всемъ, что привлекало его вниманіе, и мать или, еще чаще, дядя Максимъ рассказывали ему о разныхъ предметахъ и существахъ, издававшихъ тѣ или другіе звуки. Рассказы матери, болѣе живые и яркіе, производили на мальчика большее впечатлѣніе, но по временамъ впечатлѣніе это бывало слишкомъ болѣзненно. Молодая женщина, страдающая сама, съ растроганнымъ лицомъ, съ глазами, глядѣвшими съ безпомощною жалобой и болью, старалась дать своему

*) Въ Малороссіи и Польшѣ для аистовъ ставятъ высокіе столбы и накрываютъ на нихъ старыя колеса, на которыхъ птица завиваетъ гнѣздо.

ребенку понятіе о формахъ и цвѣтахъ. Мальчикъ напрягалъ вниманіе, сдвигалъ брови, на лбу его являлись даже легкія морщинки. Видимо, дѣтская голова работала надъ непосильною задачей, темное воображеніе билось, стремясь создать изъ косвенныхъ данныхъ новое представленіе, но изъ этого ничего не выходило. Дядя Максимъ всегда недовольно хмурился въ такихъ случаяхъ, и когда на глазахъ матери являлись слезы, а лицо ребенка блѣднѣло отъ сосредоточенныхъ усилій, тогда Максимъ вмѣшивался въ разговоръ, отстранялъ сестру и начиналъ свои рассказы, въ которыхъ, по возможности, прибѣгалъ только къ пространственнымъ и звуковымъ представленіямъ. Лицо слѣпаго становилось спокойнѣе.

— Ну, а какой онъ? большой?—спрашивалъ онъ про аиста, отбивавшаго на своемъ столбѣ точно лѣвивую барабанную дробь.

И при этомъ мальчикъ раздвигалъ руки. Онъ дѣлалъ это обыкновенно при подобныхъ вопросахъ, а дядя Максимъ указывалъ ему, когда слѣдовало остановиться. Теперь онъ совсѣмъ раздвинулъ свои маленькія рученки, но дядя Максимъ сказалъ:

— Нѣтъ, онъ еще гораздо больше. Если бы привести его въ комнату и поставить на полу, то голова его была бы выше спинки стула.

— Большой...— задумчиво произнесъ мальчикъ. — А малиновка — вотъ! — и онъ чуть-чуть развелъ сложенные вмѣстѣ ладони.

— Да, малиновка такая... За то большія птицы никогда не поютъ такъ хорошо, какъ маленькія. Малиновка старается, чтобы всѣмъ было пріятно ее слушать. А аистъ серьезная птица, стоитъ себѣ на одной ногѣ въ гнѣздѣ, озирается кругомъ, точно сердитый хозяинъ на работниковъ, и громко ворчитъ, не заботясь о томъ, что голосъ у него хриплый и его могутъ слышать посторонніе.

Мальчикъ весело смѣялся, слушая эти описанія, и забывалъ на время о своихъ тяжелыхъ попыткахъ понять рассказы матери. Но все же эти рассказы привлекали его сильнѣе и онъ предпочиталъ обращаться съ разспросами къ ней, а не къ дядѣ Максиму.

2. Источники музыкальнаго чувства. Слепой и пѣсня.

I.

Темная голова ребенка обогащалась новыми представленіями; посредствомъ сильно изоциреннаго слуха онъ проникалъ все дальше въ окружающую его природу. Надъ нимъ и вокругъ него, попрежнему, стоялъ глубокій, непроницаемый мракъ; мракъ этотъ нависъ надъ его мозгомъ тяжелою тучей, и хотя онъ залегъ надъ нимъ со дня рожденія, хотя, повидимому, мальчикъ долженъ бы свыкнуться съ своимъ несчастіемъ, однако, дѣтская природа по какому-то инстинкту безпрестанно силилась освободиться отъ мрачной завѣсы. Эти не оставлявшіе ребенка ни на минуту безсознательные порывы къ незнакомому для него свѣту отпечатлѣвались на его лицѣ все глубже и глубже выраженіемъ смутнаго страдающаго усилія.

Тѣмъ не менѣе, бывали и для него минуты яснаго довольства, яркихъ дѣтскихъ восторговъ, и это случалось тогда, когда доступныя для него виѣшнія впечатлѣнія доставляли ему новое сильное ощущеніе, знакомили съ новыми явленіями невидимаго міра. Великая и могучая природа не оставалась для слѣпнаго совершенно закрытой. Такъ, однажды, когда его свели на высокой утесъ, надъ рѣкой, онъ съ особеннымъ выраженіемъ прислушивался къ тихимъ всплескамъ рѣки далеко подъ ногами и съ замираніемъ сердца хватался за платье матери, слушая, какъ катились внизъ обрывавшіеся изъ-подъ ноги его камни. Съ тѣхъ поръ онъ представлялъ себѣ глубину въ видѣ тихаго ропота воды у подножья утеса или въ видѣ испуганнаго шороха падавшихъ внизъ камешковъ.

Даль звучала въ его ухахъ смутно замиравшею пѣсней; когда же по небу гулко перекатывался весенній громъ, заполняя собою пространство и съ сердитымъ рокотомъ теряясь за тучами, слѣпой мальчикъ прислушивался къ этому рокоту съ благоговѣйнымъ испугомъ и сердце его расширялось, а въ головѣ возникало величавое представленіе о просторѣ поднебесныхъ высотъ.

Такимъ образомъ, звуки были для него главнымъ непосредственнымъ выраженіемъ виѣшняго міра; остальные впечатлѣнія служили только дополненіемъ къ впечатлѣніямъ слуха, въ которыя отливались его представленія, какъ въ формы.

По временамъ, въ жаркій полдень, когда вокругъ все смолкало, когда затихало людское движеніе и въ природѣ устанавливалась та особенная тишина, подъ которой чувствуется только непрерывный, безшумный бѣгъ жизненной силы, на лицѣ слѣпаго мальчика являлось характерное выраженіе. Базалось, подъ влияніемъ внѣшней тишины, изъ глубины его души подымались какіе-то ему одному доступные звуки, къ которымъ онъ будто прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ. Можно было подумать, глядя на него въ такія минуты, что зарождающаяся неясная мысль начинаетъ звучать въ его сердцѣ, какъ смутная мелодія пѣсни.

II.

Ему шелъ уже пятый годъ. Онъ былъ тонокъ и слабъ, но ходилъ и даже бѣгалъ свободно по всему дому. Кто смотрѣлъ на него, какъ онъ увѣренно выступалъ въ комнатахъ, поворачивая именно тамъ, гдѣ надо, и свободно разыскивая нужные ему предметы, тотъ могъ бы подумать, если это былъ незнакомый человѣкъ, что предъ нимъ не слѣпой, а только странно сосредоточенный ребенокъ съ задумчивыми и глядѣвшими въ неопредѣленную даль глазами. Но уже по двору онъ ходилъ съ большимъ трудомъ, постукивая передъ собой палкой. Если же въ рукахъ у него не было палки, то онъ предпочиталъ ползать по землѣ, быстро изслѣдуя руками попадавшіеся на пути предметы.

III.

Былъ тихій лѣтній вечеръ. Дядя Максимъ сидѣлъ въ саду. Отецъ, по обыкновенію, захопотался гдѣ-то въ дальнемъ полѣ. На дворѣ и кругомъ было тихо; селеніе засыпало, въ людской тоже смолкъ говоръ работниковъ и прислуги. Мальчика уже съ полчаса уложили въ постель.

Онъ лежалъ въ полудремотѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ у него съ этимъ тихимъ часомъ стало связываться странное воспоминаніе. Онъ, конечно, не видѣлъ, какъ темнѣло синее небо, какъ черныя верхушки деревьевъ качались, рисуясь на звѣздной лазури, какъ хмурились лохматые «стрѣхи» стоявшихъ кругомъ двора строеній, какъ синяя мгла разливалась по землѣ вмѣстѣ съ тонкимъ золотомъ луннаго и звѣзднаго свѣта. Но вотъ уже

нѣсколько дней онъ засыпалъ подъ какимъ-то особеннымъ, чарующимъ впечатлѣніемъ, въ которомъ на другой день не могъ отдать себѣ отчета.

Когда дремота все гуще застилала его сознание, когда смутный шелестъ буквъ совсѣмъ стихалъ и онъ переставалъ уже различать и дальній лай деревенскихъ собакъ, и щелканіе соловья за рѣкой, и меланхолическое позвякиваніе бубенчиковъ, подвязанныхъ къ пасшемуся на лугу жеребенку, — когда всѣ отдѣльные звуки ступшеывались и терялись, ему начинало вазаться, что всѣ они, слившись въ одно стройное, гармоническое цѣлое, тихо влетаютъ въ окно и долго кружатся надъ его постелью, навѣвая неопредѣленные, но удивительно пріятныя грезы. На утро онъ просыпался разнѣженный и обращался къ матери съ живымъ вопросомъ:

— Что это было... вчера?... Что это такое?...

Мать не знала, въ чемъ дѣло, и думала, что ребенка волнуютъ сны. Она сама укладывала его въ постель и уходила, когда онъ начиналъ дремать, не замѣчая ничего особеннаго. Но на другой день мальчикъ опять говорилъ ей о чемъ-то пріятно тревожившемъ его съ вечера.

— Такъ хорошо, мама, такъ хорошо! Что же это такое?

Въ тотъ вечеръ она рѣшилась остаться у постели ребенка подольше, чтобы разъяснить себѣ странную загадку. Она сидѣла на стулѣ, рядомъ съ его кроваткой, машинально перебирая петли вязанія и прислушиваясь къ ровному дыханію своего Петруся. Базалось, онъ совсѣмъ уже заснулъ, какъ вдругъ въ темнотѣ послышался его тихій голосъ:

— Мама! ты здѣсь?

— Да, да! мой мальчикъ...

— Уйди, пожалуйста; *оно* боится тебя и до сихъ поръ *его* нѣтъ. Я уже совсѣмъ было заснулъ, а этого все нѣтъ...

Удивленная мать съ какимъ-то страннымъ чувствомъ слушала этотъ полусонный, жалобный шепотъ... Ребенокъ говорилъ о своихъ сонныхъ грезахъ съ такою увѣренностью, какъ будто это что-то реальное. Тѣмъ не менѣе, мать встала, наклонилась къ мальчику, чтобы поцѣловать его, и тихо вышла, рѣшившись незамѣтно подойти къ открытому окну со стороны сада.

Не успѣла она сдѣлать своего обхода, какъ загадка разъяснилась. Она услышала вдругъ тихіе переливчатые тоны свирѣли, которые неслись изъ конюшни, смѣшиваясь съ шорохомъ

ожнаго вечера. Она сразу поняла, что именно эти нехитрые переливы простой мелодіи, совпадавшіе съ фантастическимъ часомъ дремоты, такъ пріятно настраивали воспоминанія мальчика.

Она сама остановилась, постояла съ минуту, прислушиваясь къ задушевному напѣвамъ малорусскѣй пѣсни, и, совершенно успокоенная, ушла въ темную аллею сада, къ дядѣ Максиму.

«Хорошо играетъ Іохимъ,—подумала она.—Странно, сколько тонкаго чувства въ этомъ грубоватомъ на видѣ «хлопѣ».

IV.

А Іохимъ дѣйствительно игралъ хорошо. Ему ни почему была даже и хитрая скрипка, и было время, когда въ корчмѣ, по воскресеньямъ, никто лучше не могъ сыграть «бозака» или веселаго польскаго «краковяка». Когда, бывало, онъ, усѣвшись на бочкѣ, крѣпко притиснувъ скрипку бритымъ подбородкомъ и ухарски заломивъ высокую смушковую шапку на затылокъ, ударялъ кривымъ смычкомъ по упругимъ струнамъ, тогда рѣдко кто въ корчмѣ могъ усидѣть на мѣстѣ. Даже старый, одноглазый еврей, аккомпанировавшій Іохиму на контрабасѣ, одушевлялся до послѣдней степени. Его неуклюжій «струментъ», казалось, надрывается отъ усилій, чтобы послѣть своими тяжелыми басовыми нотами за легкими, пѣвучими и прыгающими тонами Іохимовой скрипки, а самъ старый Янкель, высоко подергивая плечами, вертѣлъ мысою головой въ ермолокѣ и весь подпрыгивалъ въ тактъ шаловливой и бойкой мелодіи. Что же говорить о крещеномъ народѣ, у котораго ноги устроены изстари такимъ образомъ, что при первыхъ звукахъ веселаго плясоваго напѣва сами начинаютъ подгибаться и притопывать?

Но съ тѣхъ поръ, какъ Іохиму полюбилась Марья, дворовая дѣвка сосѣдняго пана, онъ что-то не залюбилъ веселую скрипку. Правда, что скрипка не помогла ему побѣдить сердце вострой дѣвки, и Марья предпочла безусую нѣмецкую фізіономію барсваго камердинера усатой «пыкѣ» *) хохла-музыканта. Съ тѣхъ поръ его скрипки не слышали болѣе въ корчмѣ и на вечерникахъ. Онъ повѣсилъ ее на колышкѣ въ конюшнѣ и не обращалъ вниманія на то, что отъ сырости и его нерадѣнія на лю-

*) „Пыка“—по-малорусски ироническое названіе лица, фізіономіи.

бимомъ прежде инструментъ то и дѣло одна за другой лопались струны. А онѣ лопались съ такимъ громкимъ и жалобнымъ предсмертнымъ звономъ, что даже лошади сочувственно ржали и удивленно поворачивали головы къ ожесточившемуся хозяину.

На мѣсто скрипки Іохимъ купилъ у прохожаго карпатскаго горца деревянную дудку. Онъ, повидимому, находилъ, что ея тихіе задушевные переливы больше соответствуютъ его горькой судьбинѣ, лучше выразить печаль его отвергнутаго сердца. Однако, горская дудка обманула его ожиданія. Онъ перебралъ ихъ до десятка, пробовалъ на всѣ лады, обрѣзалъ, мочилъ въ водѣ и сушилъ на солнцѣ, подвѣшивалъ на тонкой бичевочкѣ подъ крышей, чтобы ее обдувало вѣтромъ, но ничто не помогало: горская дудка не слушалась хохлацкаго сердца. Она свистѣла тамъ, гдѣ нужно было пѣть, взвизгивала тогда, когда онъ ждалъ отъ нея томнаго дрожанія, и вообще никакъ не поддавалась его настроенію. Наконецъ, онъ осердился на всѣхъ бродячихъ горцевъ, убѣдившись окончательно, что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи сдѣлать хорошую дудку, и затѣмъ рѣшился сдѣлать ее своими руками. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ бродилъ съ насупленными бровями по полямъ и болотамъ, подходилъ къ каждому кусту ивы, перебиралъ ея вѣтви, срѣзалъ нѣкоторые изъ нихъ, но, повидимому, все не находилъ того, что ему было нужно. Его брови были, попрежнему, угрюмо сдвинуты и онъ шелъ дальше, продолжая розыскъ. Наконецъ, онъ попалъ на одно мѣсто, надъ лѣниво струившеюся рѣчкой. Вода чуть-чуть шевелила въ этой заводи бѣлыя головки кувшинокъ; вѣтеръ не долеталъ сюда изъ-за густо-разросшихся ивъ, которыя тихо и задумчиво склонялись къ темной, спокойной глубинѣ. Іохимъ, раздвинувъ кусты, подошелъ къ рѣчкѣ, постоялъ съ минуту и какъ-то вдругъ убѣдился, что именно здѣсь онъ найдетъ то, что ему нужно. Морщины на его лбу разгладились. Онъ вынулъ изъ-за голенища привязанный на ремешкѣ складной ножикъ и, окинувъ внимательнымъ взглядомъ задумчиво шептавшіеся кусты ивыяка, рѣшительно подошелъ къ тонкому, прямому стволу, качавшемуся надъ размытою кручей. Онъ зачѣмъ-то шелкнулъ по немъ пальцемъ, посмотрѣлъ съ удовольствіемъ, какъ онъ упруго закачался въ воздухѣ, прислушался къ шепоту его листьевъ и мотнулъ головой.

— Ото-жь воно самесенькее,—пробормоталъ Іохимъ съ удовольствіемъ, и выбросилъ въ рѣчку всѣ срѣзанные ранѣе прутья.

Дудка вышла на славу. Высушивъ иву, онъ выжегъ ей сердце раскаленною проволокой, прожегъ шесть круглыхъ отверстій, прорѣзалъ наискось седьмое и плотно заткнулъ одинъ конецъ деревянною затычкой, оставивъ въ ней косую узенькую щелку. Затѣмъ она цѣлую недѣлю висѣла на тонкой бичевкѣ, причеиъ ее грѣло солнцемъ и обдавало звонкимъ вѣтромъ. Послѣ этого онъ старательно выстругалъ ее ножемъ, почистилъ стекломъ и крѣпко обтеръ кускомъ грубаго сукна. Верхушка у нея была круглая, отъ середины шли ровныя, точно отполированныя грани, по которымъ онъ выжегъ съ помощью изогнутыхъ кусочковъ желѣза разные хитрые узоры. Попробовавъ ее нѣсколькими быстрыми перебивами гаммы, онъ взволнованно мотнулъ головой, крикнулъ и торопливо спряталъ въ укромное мѣстечко, около своей постели. Онъ не хотѣлъ дѣлать перваго музыкальнаго опыта среди дневной суеты. За то въ тотъ же вечеръ изъ конюшни полились нѣжныя, задумчивыя, переливчатыя и дрожащія трели. Иохимъ былъ совершенно доволенъ своею дудкой. Каза-лось, она была частью его самого; звуки, которые она издавала, лились будто изъ собственной его согрѣтой и разнѣженной груди, и каждый изгибъ его чувства, каждый отгѣнокъ его скорби тотчасъ же дрожалъ въ чудесной дудкѣ, тихо срывался съ нея и звучно несся вслѣдъ за другими, среди чутко внимавшаго вечера.

V.

Теперь Иохимъ былъ влюбленъ въ свою дудку и праздновалъ съ ней свой медовой мѣсяцъ. Днемъ онъ аккуратно справлялъ обязанности конюха, водилъ лошадей на водопой, запрягалъ ихъ, выѣзжалъ съ «паней» или съ Максимомъ. По временамъ, когда онъ взглядывалъ въ сторону сосѣдняго села, гдѣ жила жестокая Марья, тоска начинала сосать его сердце. Но съ наступленіемъ вечера онъ забывалъ обо всемъ мірѣ и даже образъ чернобровой дивчины застигался будто туманомъ. Этотъ образъ терялъ свою жгучую опредѣленность, рисовался передъ нимъ въ какомъ-то смутномъ фонѣ и лишь настолько, чтобы придавать задумчиво-грустный характеръ напѣвамъ чудесной дудки.

Въ такомъ музыкальномъ экстазѣ, весь изливаясь въ дрожащихъ мелодіяхъ, лежалъ Иохимъ въ конюшнѣ и въ тотъ ве-

черь. Музыкантъ успѣлъ совершенно забыть не только жестокою красавицу, но даже потерялъ изъ вида собственное свое существованіе, какъ вдругъ онъ вздрогнулъ и приподнялся на своей постели. Въ самомъ патетическомъ мѣстѣ онъ почувствовалъ, какъ чья-то маленькая рука быстро пробѣжала легкими пальцами по его лицу, скользнула по рукамъ и затѣмъ стала какъ-то торопливо ощупывать дудку. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ слышалъ около себя чье-то быстрое, взволнованное, короткое дыханіе.

— Цуръ тобі, пекъ тобі, — произнесъ онъ обычное заклинаніе и тутъ же прибавилъ вопросъ: — чортове, чи боже? — желая узнать, не имѣетъ ли онъ дѣла съ нечистою силой.

Но тотчасъ же скользнувшій въ открытыя ворота конюшни лучъ мѣсяца показалъ ему, что онъ ошибся. У его койки стоялъ слѣпой паничъ и жадно тянулся къ нему своими рученками.

Черезъ часъ мать, пожелавшая взглянуть на спящаго Петруся, не нашла его въ постели. Она испугалась сначала, но вскорѣ материнская сметка подсказала ей, гдѣ нужно искать пропавшаго мальчика. Іохимъ очень сконфузился, когда, остановившись, чтобы сдѣлать передышку, онъ неожиданно увидѣлъ въ дверяхъ конюшни «милостивую пани». Она, повидимому, уже нѣсколько минутъ стояла на этомъ мѣстѣ, слушая его игру и глядя на своего мальчика, который сидѣлъ на койкѣ, укутанный въ полушубокъ Іохима, и все еще жадно прислушивался къ оборванной пѣснѣ.

VI.

Съ тѣхъ поръ каждый вечеръ мальчикъ являлся къ Іохиму въ конюшню. Ему не приходило и въ голову просить Іохима сыграть что-нибудь днемъ. Казалось, дневная суета и движеніе исключали въ его представленіи возможность этихъ тихихъ мелодій. Но какъ только на землю опускался вечеръ, Петрусь испытывалъ лихорадочное нетерпѣніе. Вечерній чай и ужинъ служили для него лишь указаніемъ, что желанная минута близка, и мать, которой какъ-то инстинктивно не нравились эти музыкальные сеансы, все же не могла запретить своему любимцу бѣжать къ дударю и просиживать у него въ конюшнѣ часа два передъ сномъ. Эти часы стали теперь для мальчика самымъ счастливымъ временемъ, и мать съ жгучею ревностью видѣла, что вечернія впечатлѣнія владѣютъ ребенкомъ даже въ теченіе слѣду-

ющаго дня, что даже на ея ласки онъ не отвѣчаетъ съ прежнею безраздѣльностью, что, сидя у нея на рукахъ и обнимая ее, онъ съ какимъ-то задумчивымъ видомъ воспоминаетъ вчерашнюю пѣсню Іохима.

Тогда она припомнила, что нѣсколько лѣтъ назадъ, обучаясь въ кievскомъ пансіонѣ пани Радецкой, она, между прочими «приятными искусствами», изучала также и музыку. Правда, само по себѣ, это воспоминаніе было не изъ особенно сладкихъ, потому что связывалось съ представленіемъ объ учительницѣ, старой нѣмецкой дѣвицѣ Клапсъ, очень тощей, очень прозаической и, главное, очень сердитой. Эта чрезвычайно желчная дѣва, очень искусно «выламывавшая» пальцы своихъ ученицъ, чтобы придать имъ необходимую гибкость, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ замѣчательнымъ успѣхомъ убивала въ своихъ питомицахъ всякіе признаки чувства музыкальной поэтичности. Это пугливое чувство не могло выносить уже одного присутствія «панни» Клапсъ, не говоря объ ея педагогическихъ пріемахъ. Поэтому, выйдя изъ пансіона, и даже замужемъ, Анна Михайловна и не подумала о возобновеніи своихъ музыкальныхъ упражненій. Но теперь, слушая хохла-дударя, она чувствовала, что вмѣстѣ съ ревностью къ нему въ ея душѣ постепенно пробуждается ощущеніе живой мелодіи, а образъ нѣмецкой дѣвицы тускнѣетъ. Въ результатъ этого процесса явилась просьба пани Попельской къ мужу выписать изъ города піанино.

— Какъ хочешь, моя голубка,—отвѣтилъ образцовый супругъ.—Ты, кажется, не особенно любила музыку...

Въ тотъ же день было послано письмо въ городъ; но пока инструментъ будетъ купленъ и привезенъ изъ города въ деревню, должно было пройти не менѣе двухъ-трехъ недѣль.

А, между тѣмъ, изъ конюшни каждый вечеръ звучали мелодическіе призывы, и мальчикъ кидался туда, даже не спрашивая уже позволенія матери.

Специфическій запахъ конюшни смѣшивался съ ароматомъ сухой травы и острымъ запахомъ сыромятныхъ ремней. Лошади тихо жевали, шурша добываемыми изъ-за рѣшотки клочьями сѣна; когда дударь останавливался для передышки, въ конюшню явственно доносился шепотъ зеленыхъ буковъ изъ сада. Петригъ сидѣлъ, какъ очарованный, и слушалъ.

Онъ никогда не перерывалъ музыканта, и только, когда тотъ самъ останавливался и проходило двѣ-три минуты въ молчаніи,

нѣмое очарованіе смѣнялось въ мальчикѣ какою-то страстною жадностью. Онъ тянулся за дудкой, бралъ ее дрожащими руками и приглядывалъ къ губамъ. Такъ какъ при этомъ въ груди мальчика захватывало дыханіе, то первые звуки выходили у него какіе-то дрожащіе и тихіе. Но потомъ онъ понемногу сталъ овладѣвать немудренымъ инструментомъ. Іохимъ располагалъ его пальцы по отверстіямъ, и хотя маленькая рученка едва могла захватить эти отверстія, но все же онъ скоро свыкся съ звуками гаммы. При этомъ каждая нота имѣла для него какъ бы свою особенную фізіономію, свой индивидуальный характеръ; онъ зналъ уже, въ какомъ отверстіи живетъ каждый изъ этихъ тоновъ, откуда его нужно выпустить, и порой, когда Іохимъ тихо перебиралъ пальцами какой-нибудь несложный напѣвъ, пальцы мальчика тоже начинали шевелиться. Онъ съ полною ясностью представлялъ себѣ послѣдовательные тоны расположенными по ихъ обычнымъ мѣстамъ.

VI.

Наконецъ, ровно черезъ три недѣли изъ города привезли пианино. Петя стоялъ на дворѣ и внимательно слушалъ, какъ суетившіеся работники готовились нести въ комнату привозную «музыку». Она была, очевидно, очень тяжелая, такъ какъ, когда ее стали подымать, телѣга трещала, а люди врыхтѣли и глубоко дышали. Вотъ они двинулись раздѣренными, тяжелыми шагами, и при каждомъ такомъ шагѣ надъ ихъ головами что-то странно гудѣло, ворчало и позванивало. Когда странную музыку ставили на полъ въ гостиной, она опять отозвалась глухимъ гуломъ, точно угрожая кому-то въ сильномъ гнѣвѣ.

Все это наводило на мальчика чувство, близкое къ испугу, и не располагало въ пользу новаго неодушевленнаго, но вмѣстѣ сердитаго гостя. Онъ ушелъ въ садъ и не слышалъ, какъ установили инструментъ на ножкахъ, какъ пріѣзжій изъ города на-стройщикъ заводилъ его ключемъ, пробовалъ клавиши и настраивалъ проволочныя струны. Только когда все было кончено, мать велѣла позвать въ комнату Петю.

Теперь, вооружившись вѣнскимъ инструментомъ лучшаго мастера, Анна Михайловна заранѣе торжествовала побѣду надъ нехитрою деревенскою дудкой. Она была увѣрена, что ея Петя забудетъ теперь жонюшню и дударя и что всѣ свои радости бу-

дети получать отъ нея. Она взглянула смѣющимися глазами на робко вошедшаго вмѣстѣ съ Максимомъ мальчика и на Юхима, который попросилъ позволенія послушать заморскую музыку и теперь стоялъ у двери, застѣнчиво потупивъ глаза и свѣсивъ чуприну. Когда дядя Максимъ и Петя усѣлись на кушеткѣ, она вдругъ ударила по клавишамъ пианино.

Она играла пьесу, которую въ пансіонѣ пани Радецкой и подъ руководствомъ дѣвицы Клапсъ изучила въ совершенствѣ. Это было что-то не особенно шумное, но довольно хитрое, требовавшее значительной гибкости пальцевъ; на публичномъ экзаменѣ Анна Михайловна стяжала этою пьесой обильныя похвалы и себѣ, и особенно своей учительницѣ. Никто не могъ сказать этого навѣрное, но многіе догадывались, что молчаливый панъ Попельскій плѣнился панной Яценго именно въ ту короткую четверть часа, когда она исполняла трудную пьесу. Теперь молодая женщина играла ее съ сознательнымъ расчетомъ на другую побѣду: она желала сильнѣе привлечь къ себѣ маленькое сердце своего сына, увлеченнаго хохлацкою дудкой.

Однако, на этотъ разъ ея ожиданія были обмануты: вѣнскому инструменту оказалось не по силамъ бороться съ кускомъ украинской вербы. Правда, у вѣнскаго пианино были могучія средства, дорогое дерево, превосходныя струны, отличная работа вѣнскаго мастера, богатство обширнаго регистра. За то и у украинской дудки нашлись союзники, такъ какъ она была у себя дома, среди родственной украинской природы.

Прежде чѣмъ Юхимъ срѣзалъ ее своимъ ножомъ и выжегъ ей сердце раскаленнымъ желѣзомъ, она качалась здѣсь, надъ знакомою мальчику родною рѣчкой, ее ласкало украинское солнце, которое согрѣвало и его, и тотъ же обдавалъ ее украинскій вѣтеръ, пока зоркій глазъ украинца-дударя подиѣтилъ ее надъ размытою кручей. И теперь трудно было иностранному пришельцу бороться съ простою мѣстною дудкой, потому что она явилась слѣпому мальчику въ тихій часъ дремоты, среди таинственнаго вечерняго шороха, подъ шелестъ засыпавшихъ буковъ, въ сопровожденіи всей родственной украинской природы.

Да и пани Попельской далеко было до Юхима. Правда, ея тонкіе пальцы были и быстрѣе, и гибче; мелодія, которую она играла, сложнѣе и богаче, и много трудовъ положила дѣвица Клапсъ, чтобы выучить свою ученицу владѣть труднымъ инструментомъ. За то у Юхима было непосредственное музы-

кальное чувство, онъ любилъ и грустилъ и съ любовью своей, и съ тоскою обращался въ родной природѣ. Его учила несложнымъ напѣвамъ эта природа, шумъ ея лѣса, тихій шепотъ степной травы, задумчивая, родная, старинная пѣсня, которую онъ слышалъ еще надъ своею дѣтскою «люлькой».

Да, трудно оказалось вѣнскому инструменту побѣдить хохлацкую дудку. Не прошло и одной минуты, какъ дядя Максимъ вдругъ рѣзко застучалъ объ полъ своимъ костылемъ. Когда Анна Михайловна повернулась въ ту сторону, она увидѣла на побѣднѣвшемъ лицѣ Петрика то самое выраженіе, съ какимъ въ памятный для нея день первой весенней прогулки мальчикъ лежалъ на травѣ.

Юхимъ участливо посмотрѣлъ на мальчика, потомъ кинулъ пренебрежительный взглядъ на нѣмецкую музыку и удалился, ступая по полу гостиной своими неуклюжими «чоботьями».

VIII.

Много слезъ стоила бѣдной матери эта неудача, — слезъ и стыда. Ей, «милостивой пани» Попельской, слышавшей громъ рукоплесканій «избранной публики», сознавать себя такъ жестоко пораженной, и къмъ же? Простымъ конюхомъ Юхимомъ съ его глупою свистѣлкой! Когда она вспоминала исполненный пренебреженія взглядъ хохла послѣ ея неудачнаго концерта, красна гнѣва заливала ея лицо и она искренно ненавидѣла, «противнаго хлопа».

И, однако, каждый вечеръ, когда ея мальчикъ убѣгалъ въ конюшню, она открывала окно, облакачивалась на него и жадно прислушивалась. Сначала слушала она съ чувствомъ гнѣвнаго пренебреженія, стараясь лишь уловить смѣшныя стороны въ этомъ «глупомъ чириканьи»; но, мало-по-малу, — она и сама не отдавала себѣ отчета, какъ это могло случиться, — глупое чириканье стало овладѣвать ея вниманіемъ и она уже съ жадностью ловила задумчиво-грустные напѣвы. Спыхватившись, она задала себѣ вопросъ, въ чемъ же ихъ привлекательность, ихъ чарующая тайна, и понемногу эти синіе вечера, неопредѣленные вечернія тѣни и удивительная гармонія пѣсни съ природой разрѣшили ей этотъ вопросъ.

«Да, — думала она про себя, побѣжденная и завоеванная въ свою очередь, — тутъ есть какое-то совсѣмъ особенное, ис-

тинное чувство... чарующая поэзія, которую не выучишь по нотамъ».

И это была правда. Тайна этой поэзіи состояла въ удивительной связи между давно умершимъ прошлымъ и вѣчно живущею, и вѣчно говорящею человѣческому сердцу природой, свидѣтельница этой прошлаго. А онъ, грубый мужикъ въ смазныхъ «чоботяхъ» и съ мозолистыми руками, носилъ въ себѣ эту гармонию, это живое чувство природы.

И она создавала, что гордая «пани» смиряется въ ней передъ конюхомъ-хлопомъ. Она забывала его грубую одежду и запахъ дегтя, и сквозь тихіе переливы пѣсни вспоминалось ей добродушное лицо, съ мягкимъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ и застѣливо-юмористическою улыбкой изъ-подъ длинныхъ усовъ. По временамъ краска гнѣва опять прилиwała къ лицу и вискамъ молодой женщины: она чувствовала, что въ борьбѣ изъ-за вниманія ея ребенка она стала съ этимъ «хлопомъ» на одну арену, на равной ногѣ, и онъ, «хлопъ», побѣдилъ.

А деревья въ саду шептались у нея надъ головой, ночь разгоралась огнями въ синемъ небѣ и разливалась по землѣ синею тьмой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душу молодой женщины лилась горячая грусть отъ Іохимовыхъ пѣсенъ. Она все больше смирялась и все больше училась постигать нехитрую тайну непосредственной и чистой безыскусственной поэзіи.

Да, у мужика Іохима истинное, живое чувство! А у нея? Неужели у нея нѣтъ ни капли этого чувства? Отчего же такъ жарко въ груди и такъ тревожно бьется въ ней сердце и слезы поневолѣ подступаютъ къ глазамъ? Развѣ это не чувство, не жгучее чувство любви къ ея обездоленному слѣпому ребенку, который убѣгаетъ отъ нея къ Іохиму и которому она не умѣетъ доставить такого же живаго наслажденія?

Ей вспоминалось выраженіе боли, вызванное ея игрой на лицѣ мальчика, и жгучія слезы лились у нея изъ глазъ, и по временамъ она съ трудомъ сдерживала подступавшія къ горлу и готовые вырваться рыданія.

Бѣдная мать! Слепота ея ребенка стала и ея вѣчнымъ, неизлечимымъ недугомъ. Онъ сказывался и въ болѣзненно-преувеличенной нѣжности, и въ этомъ всю ее поглотившемъ чувствѣ, связавшемъ тысячью невидимыхъ струнъ ея изболѣвшее сердце съ каждымъ проявленіемъ дѣтскаго страданія. По этой причинѣ то, что въ другой вызвало бы только досаду, — это стран-

ное соперничество съ хохломъ-дударемъ,—стало для нея источникомъ сильнѣйшихъ, преувеличенно-жгучихъ страданій.

Такъ шло время, не принося ей облегченія, но за то и не безъ пользы: она начала сознавать въ себѣ приливы того же живаго ощущенія мелодіи и поэзіи, которое такъ очаровало ее въ игрѣ хохла. Тогда въ ней ожила и надежда. Подъ вліяніемъ внезапныхъ приливовъ самоувѣренности она нѣсколько разъ подходила къ своему инструменту и открывала крышку съ намѣреніемъ заглушить пѣвучими ударами клавишей тихую дудку. Но каждый разъ чувство нерѣшительности и стыдливаго страха удерживало ее отъ этихъ попытокъ. Ей вспоминалось лицо ея страдающаго мальчика и пренебрежительный взглядъ хохла, и щеки пылали въ темнотѣ отъ стыда, а рука только пробѣгала въ воздухѣ надъ клавиатурой съ боязливою жадностью.

Тѣмъ не менѣе, изо дня въ день какое-то внутреннее сознаніе своей силы въ ней все возрастало и, выбирая время, когда мальчикъ игралъ передъ вечеромъ въ дальней аллеѣ или уходилъ гулять, она садилась за піанино. Первыми опытами она осталась не особенно довольна: руки не повиновались ея внутреннему пониманію, звуки инструмента казались сначала чуждыми овладѣвшему ею настроенію. Но постепенно это настроеніе переливалось въ нихъ все съ бѣльшею полнотой и легкостью; уроки хохла не прошли даромъ, а горячая любовь матери и чуткое пониманіе того, что именно захватывало такъ сильно сердце ребенка, дали ей возможность такъ быстро усвоить эти уроки. Теперь изъ-подъ ея рукъ выходили уже не трескучія мудренныя «пѣсы», а тихая пѣсня, грустная украинская «думка» звенѣла и плакала въ темныхъ комнатахъ, размягчая материнское сердце.

Наконецъ, она приобрѣла достаточно смѣлости, чтобы выступить въ открытую борьбу, и вотъ, по вечерамъ, между барскимъ домомъ и Іохимовой конюшней началось странное состязаніе. Изъ затѣннаго сарая съ нависшею соломенною стрѣхой тихо вылетали переливчатая трели дудки, а на встрѣчу имъ изъ открытыхъ оконъ усадьбы, сверкавшей сквозь листву буковъ отраженіемъ луннаго свѣта, неслись пѣвучіе, полные аккорды фортепіано.

Сначала ни мальчикъ, ни Іохимъ не хотѣли обращать вниманія на «хитрую» музыку усадьбы, къ которой они питали

предубѣжденіе. Мальчикъ даже хмурилъ брови и нетерпѣливо понукалъ Іохима, когда тотъ останавливался:

— Э! играй же, играй!

Но не прошло и трехъ дней, какъ эти остановки стали все чаще и чаще. Іохимъ то и дѣло откладывалъ дудку и начиналъ прислушиваться съ возраставшимъ интересомъ, а во время этихъ паузъ и мальчикъ тоже заслушивался и забывалъ понукать пріятеля. Наконецъ, Іохимъ произнесъ съ задумчивымъ видомъ:

— Ото-жь, якъ гарно... Бачъ, якá воно штука...

И затѣмъ, съ тѣмъ же задумчиво разсѣяннымъ видомъ прислушивающагося человѣка, онъ взялъ мальчика на руки и пошелъ съ нимъ черезъ садъ къ открытому окну гостиной.

Онъ думалъ, что «милостивая пани» играетъ для собственнаго своего удовольствія и не обращаетъ на нихъ вниманія. Но Анна Михайловна слышала, какъ смогла ея соперница-дудка, видѣла свою побѣду, и ея сердце билось отъ гордости и счастья.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ея гнѣвное чувство къ Іохиму улеглось окончательно. Она была счастлива и сознавала, что обязана этимъ счастіемъ ему: онъ научилъ ее, какъ опять привлечь къ себѣ ребенка, и если теперь ея мальчикъ получитъ отъ нея цѣлыя сокровища новыхъ впечатлѣній, то за это оба они должны быть благодарны ему, мужику-дударю, ихъ общему учителю.

IX.

Ледъ былъ сломанъ. Мальчикъ на слѣдующій день съ робкимъ любопытствомъ вошелъ въ гостиную, въ которой не бывалъ съ тѣхъ поръ, какъ въ ней поселился странный городской гость, показавшійся ему такимъ сердито-крикливымъ. Теперь вчерашнія пѣсни этого гостя подкупили слухъ мальчика и измѣнили его отношеніе къ инструменту. Съ послѣдними слѣдами прежней робости онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стояло піанино, остановился на нѣкоторомъ разстояніи и прислушался. Въ гостиной никого не было. Мать сидѣла съ работой въ другой комнатѣ на диванѣ и, притаивъ дыханіе, смотрѣла на него, любуясь каждымъ его движеніемъ, каждою смѣной выраженія на нервномъ лицѣ ребенка.

Протянувъ издали руку, онъ коснулся полированной поверхности инструмента и тотчасъ же робко отодвинулся. Повторивъ раза два этотъ опытъ, онъ подошелъ поближе и сталъ внима-

тельно изслѣдовать инструментъ, наклоняясь до земли, чтобы ощупать ножки, обходя кругомъ по свободнымъ сторонамъ. Наконецъ, его рука попала на гладкія клавиши.

Тихій звукъ струны неувѣренно дрогнулъ въ воздухъ. Мальчигъ долго прислушивался къ исчезнувшему уже для слуха матери вибраціямъ и затѣмъ, съ выраженіемъ полного вниманія, тронулъ другую клавишу. Проведя послѣ этого рукой по всей клавиатурѣ, онъ попалъ на ноту верхняго регистра. Каждому тону онъ давалъ достаточно времени, и они, одинъ за другимъ, колыхались, дрожали и замирали въ воздухъ. Лицо слѣпца, вмѣстѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, выражало удовольствіе; онъ, видимо, любовался каждымъ отдѣльнымъ тономъ, и уже въ этой чуткой внимательности къ элементарнымъ звукамъ, составнымъ частямъ будущей мелодіи, сказывались задатки артиста.

Но при этомъ казалось, что слѣпой придавалъ еще какія-то особенныя свойства каждому звуку: когда изъ-подъ его руки вылетала веселая и яркая нота высокаго регистра, онъ подымалъ оживленное лицо, будто провожая вверху эту звонкую летучую ноту. Наоборотъ, при густомъ, чуть слышномъ и глухомъ дрожаніи баса онъ наклонялъ ухо; ему будто казалось, что этотъ тяжелый тонъ долженъ непременно низко раскатиться надъ землею, разсыпаясь по полу и теряясь въ дальнихъ углахъ.

Х.

Дядя Максимъ относился ко всѣмъ этимъ музыкальнымъ экспериментамъ только терпимо. Какъ это ни странно, но такъ явно обнаружившіяся склонности мальчика порождали въ инвалидѣ двойственное чувство. Съ одной стороны, страстное влеченіе къ музыкѣ указывало на несомнѣнно присущія мальчику музыкальныя способности и, такимъ образомъ, опредѣляло отчасти возможное для него будущее. Съ другой—къ этому сознанію примѣшивалось въ сердцѣ стараго солдата неопредѣленное чувство разочарованія.

— Конечно,—разсуждалъ Максимъ,—музыка тоже великая сила, дающая возможность владѣть сердцемъ толпы. Онъ, слѣпой, будетъ собирать сотни разряженныхъ франтовъ и барынь, будетъ имъ разыгрывать разные тамъ... вальсы и ноктюрны (правду сказать, дальше этихъ «вальсовъ» и «ноктюрновъ» не шли музыкальныя познанія Максима), а они будутъ утирать слезы

платочками. Эхъ, чортъ возьми, не того бы мнѣ хотѣлось, да что же дѣлать! Малый слѣпъ, такъ пусть же станетъ въ жизни тѣмъ, чѣмъ можетъ. Только все же лучше бы ужь пѣсня, что ли? Пѣсня говоритъ не одному неопредѣленно разнѣживающемуся слуху. Она даетъ образы, будитъ мысль въ головѣ и мужество въ сердцѣ.

— Эй, Іохимъ,—сказалъ онъ однимъ вечеромъ, входя вслѣдъ за мальчикомъ къ Іохиму. — Брось ты хоть одинъ разъ свою свистѣлку! Это хорошо мальчишкамъ на улицѣ или подпаску въ полѣ, а ты все же—таки взрослый мужикъ, хоть эта глупая Марья и сдѣлала изъ тебя настоящего теленка. Тѣфу! даже стыдно за тебя, право! Дѣвка отвернулась, а ты и раскисъ. Свистишь, точно перепелъ въ сѣткѣ!

Іохимъ, слушая эту длинную рацею раздосадованнаго пана, ухмылялся въ темнотѣ надъ его безпричиннымъ гнѣвомъ. Только упоминаніе о мальчишкахъ и подпаскѣ нѣсколько расшевелило въ немъ чувство легкой обиды.

— Не скажите, пане, — заговорилъ онъ. — Таковую дуду не найти вамъ ни у одного пастуха въ Украйнѣ, не то что у подпаска... То все свистѣлки, а эта... вы вотъ послушайте.

Онъ закрылъ пальцами всѣ отверстія и взялъ на дудкѣ два тона въ октаву, любуясь полнымъ звукомъ. Максимъ плюнулъ.

— Тѣфу, прости Боже! Совсѣмъ поглупѣлъ парубокъ! Что мнѣ твоя дуда? Всѣ онѣ одинаковы,—и дудки, и бабы, съ твоею Марьей на придачу. Вотъ лучше спѣлъ бы ты намъ пѣсню, коли умѣешь... хорошую «батькову» и «дѣдову» пѣсню.

Максимъ Яценко, самъ малороссъ, былъ человекъ простой съ мужиками и дворней. Онъ часто кричалъ и ругался, но какъ-то необидно, и потому къ нему относились люди почтительно, но свободно.

— А что-жь?—отвѣтилъ Іохимъ на предложенія пана.—Пѣвалъ когда-то и я не хуже людей. Только, можетъ, и наша мужицкая пѣсня тоже вамъ не по вкусу придется, пане?—уязвилъ онъ слегка своего собесѣдника.

— Э, брешешь, хлопецъ!—сказалъ Максимъ.—Пѣсня хорошая не дудкѣ чета, если только человекъ умѣетъ пѣть какъ слѣдуетъ. Вотъ послушаемъ, Петрусю, Іохимову пѣсню. Поймешь ли ты только, малый?

— А это будетъ «хлопская» пѣсня?—спросилъ мальчикъ.— Я понижаю «по-хлопски».

Максимъ вздохнулъ.

— Эхъ, малый! Это не хлопскія пѣсни... Это пѣсни сильного, вольнаго народа. Твои дѣды по матери пѣли ихъ на степяхъ по Днѣпру, и по Дунаю, и на Черномъ морѣ... Ну, да ты поймешь это когда-нибудь, а теперь я боюсь другаго.

Дѣйствительно, Максимъ боялся другаго непониманія. Онъ думалъ, что яркіе образы пѣсеннаго эпоса требуютъ непременно зрительныхъ представленій, чтобы говорить сердцу. Онъ боялся, что темная голова ребенка не въ состояніи будетъ усвоить картиннаго языка народной поэзіи. Онъ забылъ, что древніе баяны, что украинскіе кобзари и бандуристы были по большей части слѣпые. Правда, тяжкая доля, увѣче заставляли нерѣдко брать въ руки лиру или бандуру, чтобы просить съ нею подаваніе. Но не все же это были только нищіе и ремесленники съ гнусавыми голосами и не все они лишились зрѣнія только подъ старость. Слепота застилаетъ видимый міръ темною завѣсой, которая, конечно, ложится на мозгъ, затрудняя и угнетая его работу, но все же изъ наслѣдственныхъ представленій и изъ впечатлѣній, получаемыхъ другими путями, мозгъ творитъ въ темнотѣ свой собственный міръ, грустный, печальный и сумрачный, но все же не лишенный своеобразной, смутной поэзіи.

Максимъ съ мальчикомъ усѣлись на сѣнѣ, а Іохимъ прилегъ на свою лавку (эта поза наиболѣе соответствовала его артистическому настроенію) и, подумавъ съ минуту, запѣлъ. Случайно или по чутвому инстинкту выборъ его оказался очень удачнымъ. Онъ остановился на исторической картинѣ:

Ой тамъ на горі, тай женці жнуть...

Всякому, кто слышалъ эту прекрасную народную пѣсню въ надлежащемъ исполненіи, навѣрное, врѣзался въ памяти ея странный мотивъ, высокій, протяжный, будто подернутый грустью историческаго воспоминанія. Въ ней нѣтъ событій, кровавыхъ сѣчь и подвиговъ. Это и не прощаніе козака съ милою, не удалий набѣгъ, не экспедиція въ чайкахъ по синему морю и Дунаю. Это только одна мимолетная картина, всплывшая мгновенно въ воспоминаніи малорусса, какъ смутная греза, какъ отрывокъ изъ сна объ историческомъ прошломъ. Среди будничнаго и сѣраго настоящаго дня въ его воображеніи встала вдругъ эта картина, смутная, тусклая, подернутая тою особенною грустью, которая вѣдетъ отъ исчезнувшей уже родной старины. Исчезнувшей, но

еще не-безслѣдно! О ней говорятъ еще высокія могилы-курганы, гдѣ лежатъ козацкія кости, гдѣ въ полночь загоряются огни, откуда слышатся по ночамъ тяжелые стоны. О ней говоритъ и народное преданіе, и смолкающая все болѣе и болѣе народная пѣсня:

Ой, тамъ на горі, тай женці жнуть,
А по-підъ горою, по-підъ зеленою
Козаки идуть,
Козаки идуть!...

На зеленой горѣ жнецы жнутъ хлѣбъ. А подъ горой, внизу, идетъ козацье войско.

Максимъ Яценко заслушался грустнаго напѣва. Въ его воображеніи, вызванная чудеснымъ и удивительно сливающимся съ содержаніемъ пѣсни мотивомъ, всплыла эта картина, будто освѣщенная меланхолическимъ отблескомъ заката. Въ мирныхъ поляхъ, на горѣ, беззвучно наклоняясь надъ нивами, виднѣются фигуры жнецовъ. А внизу безшумно проходятъ отряды, одинъ за другимъ, сливаясь съ вечерними тѣнями долины.

По переду Дорошенко
Веде свое войско, войско запорожське
Хорошенько.

И протяжная нота исторической пѣсни колышется, звенить и смолкаетъ въ воздухѣ, чтобы затѣмъ зазвенѣть опять и вызвать изъ сумрака все новыя и новыя фигуры...

Такія представленія вызывала пѣсня у дяди Максима, но и мальчикъ, слушавшій ее съ омраченнымъ и грустнымъ лицомъ, тоже воспринималъ ее по своему.

Когда пѣвецъ пѣлъ о горѣ, на которой жнутъ жнецы, воображеніе тотчасъ же переносило Петруся на высоту знакомаго ему утеса. Онъ узналъ его потому, что внизу плещется рѣчка чуть слышными ударами волны о камень. Онъ уже знаетъ также, что такое жнецы, онъ слышитъ позвякиваніе серповъ и шорохъ падающихъ колосьевъ.

Когда же пѣсня переходила къ тому, что дѣлается подъ горой, воображеніе слѣпаго слушателя тотчасъ же удаляло его отъ вершинъ въ долину...

Звонъ серповъ смолкъ, но мальчикъ знаетъ, что жнецы тамъ, на горѣ, что они остались, но ихъ не слышно, потому что они высоко, такъ же высоко, какъ сосны, шумъ которыхъ онъ слы-

шалъ, стоя подъ утесомъ. А внизу, надъ рѣкой, раздается частый, ровный топотъ конскихъ копытъ... Ихъ много, отъ нихъ стоитъ неясный гулъ тамъ, въ темнотѣ, подъ горой. Это «идутъ козаки».

Онъ знаетъ также, что значить козака. Старика «Хведька», который заходитъ по временамъ въ усадьбу, всѣ зовутъ «старымъ козакомъ». Онъ не разъ бралъ Петруся къ себѣ на колѣна, гладилъ его волосы своею дрожащею рукой. Когда же мальчикъ, по своему обыкновенію, ощупывалъ его лицо, то осязалъ своими чуткими пальцами глубокія морщины, большіе обвисшіе внизъ усы, впалыя щеки и на щекахъ старческія слезы. Такихъ же козаковъ представлялъ себѣ мальчикъ подъ протяжные звуки пѣсни тамъ, внизу, подъ горой. Они сидятъ на лошадахъ, такіе же, какъ «Хведько», усатые, такіе же сгорбленные, такіе же старые. Они тихо подвигаются безформенными тѣнями въ темнотѣ и такъ же, какъ «Хведько», о чемъ-то плачутъ, быть можетъ, оттого, что и надъ горой, и надъ долиной стоятъ эти печальные, протяжные стоны Іохимовой пѣсни, — пѣсни о «необачномъ козачинѣ», что промѣнялъ молодую жінку на походную «люльку» и на боевыя невзгоды.

Максиму достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что чуткая натура мальчика способна откликнуться, несмотря на слѣпоту, на поэтическіе образы пѣсни.

3. Первая дружба.

I.

Благодаря режиму, который былъ заведенъ по плану Максима, слѣпой во всемъ, гдѣ это было возможно, былъ предоставленъ собственнымъ усиліямъ, и это принесло самые лучшіе результаты. Въ домѣ онъ не казался вовсе безпомощнымъ, ходилъ всюду очень увѣренно, самъ убиралъ свою комнату, держалъ въ извѣстномъ порядкѣ свои игрушки и вещи. Кроме того, насколько это было ему доступно, Максимъ обращалъ вниманіе на физическія упражненія: у мальчика была своя гимнастика, а на шестомъ году Максимъ подарилъ племяннику небольшую и смирную лошадку. Мать сначала не могла себѣ представить, чтобы ея слѣпой ребенокъ могъ ѣздить верхомъ, и она называла за тѣю брата чистымъ безуміемъ. Но инвалидъ пустилъ въ дѣло все свое влияніе и черезъ два-три мѣсяца мальчикъ весело ска-

валъ въ сѣдлѣ рядомъ съ Іохиномъ, который командовалъ только на поворотахъ.

Такимъ образомъ, слѣпота не помѣшала правильному физическому развитію и вліяніе ея на нравственный складъ ребенка было по возможности ослаблено. Для своего возраста онъ былъ высокъ и строенъ; лицо его было нѣсколько блѣдно, черты тонки и выразительны. Черные волосы отбѣняли еще болѣе бѣлизну лица, а большіе, темные, мало подвижные глаза придавали ему своеобразное выраженіе, какъ-то сразу приковывавшее вниманіе. Легкая складка надъ бровями, привычка нѣсколько подаваться головой впередъ и выраженіе грусти, повременамъ пробѣгавшее какими-то облаками по красивому лицу, — это все, чѣмъ сказалась слѣпота въ его наружности. Его движенія въ знакомомъ мѣстѣ были увѣренны, но все же было замѣтно, что природная живость подавлена и проявляется лишь повременамъ довольно рѣзкими нервными порывами.

II.

Теперь впечатлѣнія слуха окончательно получили въ жизни слѣпотаго преобладающее значеніе, звуковыя формы стали главными формами его мысли, центромъ умственной работы. Онъ запоминалъ пѣсни, вслушиваясь въ ихъ чарующіе мотивы, знакомился съ ихъ содержаніемъ, окрашивая его грустью, веселіемъ или рефлексіей мелодіи. Онъ еще внимательнѣе ловилъ голоса окружающей природы и, сливая смутныя ощущенія съ привычными родными мотивами, повременамъ умѣлъ обобщать ихъ свободною импровизаціей, въ которой трудно было отличить, гдѣ кончается народный, привычный уху мотивъ и гдѣ начинается личное творчество. Онъ и самъ не могъ отдѣлать въ своихъ пѣсняхъ этихъ двухъ элементовъ: такъ цѣльно слились въ немъ они оба. Онъ быстро заучивалъ все, что передавала ему мать, учившая его игрѣ на фортепіано, но любилъ также и Іохинову дудку. Фортепіано было богаче, звучнѣе и полнѣе, но оно стояло въ комнатѣ, тогда какъ дудку можно было брать съ собой въ поле, и ея перебивы такъ нераздѣльно сливались съ тихими вздохами степи, что порой Петрусь самъ не могъ отдать себѣ отчета, вѣтеръ ли навѣваетъ издалека смутныя думы, или это онъ самъ извлекаетъ ихъ изъ своей свирѣли.

Это увлеченіе музыкой стало центромъ его умственного роста;

оно заполняло и разнообразило его существованіе. Максимъ пользовался имъ, чтобы знакомить мальчика съ исторіей его страны, и вся она прошла передъ воображеніемъ слѣпнаго, сплетенная изъ звуковъ. Заинтересованный пѣсней, онъ знакомился съ ея героями, съ ихъ судьбой, съ судьбой своей родины. Отсюда начался интересъ къ литературѣ, и на девятомъ году Максимъ приступилъ къ первымъ урокамъ. Умѣлые уроки Максима (которому пришлось изучить для этого спеціальныя приемы обученія слѣпыхъ) очень нравились мальчику. Они вносили въ его настроеніе новый элементъ — опредѣленность и ясность, уравновѣшившія смутныя ощущенія музыки.

Такимъ образомъ, день мальчика былъ наполненъ; нельзя было пожаловаться на скудость получаемыхъ имъ впечатлѣній. Базалось; онъ жилъ полною жизнью, насколько это возможно для ребенка. Базалось также, что онъ не сознаетъ и своей слѣпоты.

А, между тѣмъ, какая-то странная недѣтская грусть, все-таки, сквозила въ его характерѣ. Максимъ приписывалъ это недостатку дѣтскаго общества и старался пополнить этотъ недостатокъ.

Деревенскіе мальчики, которыхъ приглашали въ усадьбу, дичились и не могли свободно развернуться. Бромъ непривычной обстановки, ихъ немало смущала также и слѣпота «панича». Они пугливо посматривали на него и, сбившись въ кучу, молчали или робко перешептывались другъ съ другомъ. Когда же дѣтей оставляли однихъ въ саду или въ полѣ, они становились развязнѣе и затѣвали игры, но при этомъ оказывалось, что слѣпой какъ-то оставался въ сторонѣ и грустно прислушивался къ веселымъ возгласамъ товарищей.

Повременамъ Іохимъ собиралъ ребятъ вокругъ себя въ кучку и начиналъ рассказывать имъ веселыя пріказки и сказки. Деревенскіе ребята, отлично знакомые и съ глуповатымъ хохлацкимъ чортомъ, и съ плутовками-вѣдьмами, пополняли эти рассказы изъ собственнаго запаса и вообще эти бесѣды шли очень оживленно. Слепой слушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, но самъ смѣялся рѣдко. Повидимому, юморъ живой рѣчи въ значительной степени оставался для него недоступнымъ, и немудрено: онъ не могъ видѣть ни лукавыхъ огоньковъ въ глазахъ раскшица, ни смѣющихся морщинокъ, ни подергиванія длинными усами.

III.

Незадолго до описываемаго времени въ небольшомъ сосѣднемъ имѣніи переимѣнился «поссессоръ» *). На мѣсто прежняго, безпокойнаго сосѣда, у котораго даже съ молчаливымъ паномъ Попельскимъ вышла тяжба изъ-за какой-то поправки, теперь въ ближней усадьбѣ поселился старикъ Яскульскій съ женою. Несмотря на то, что обоимъ супругамъ въ общей сложности было не менѣе ста лѣтъ, они поженились сравнительно недавно, такъ какъ панъ Ягубъ долго не могъ сколотить нужной для аренды суммы и потому мыкался, въ качествѣ «эконома», по чужимъ людямъ, а пани Агнѣшка, въ ожиданіи счастливой минуты, жила въ качествѣ почетной «покоювки» у графини NN. Когда, наконецъ, эта счастливая минута настала и женихъ съ невестой стали рука объ руку въ костелѣ, то въ усахъ и чубѣ молодцоватаго жениха половина волосъ были совершенно сѣдые, а покрытое стыдливимъ румянцемъ лицо невесты было тоже обрамлено серебристыми локонами.

Это обстоятельство не помѣшало, однако, супружескому счастью, и плодомъ этой поздней любви явилась единственная дочь, которая была почти ровесницей слѣпому мальчику. Устроивъ подъ старость свой уголь, въ которомъ они, хотя и условно, могли считать себя полными хозяевами, старики зажили въ немъ тихо и скромно, какъ бы вознаграждая себя этою тишиной и уединеніемъ за суетливые годы тяжелой жизни «въ чужихъ людяхъ». Первая ихъ аренда оказалась не совсѣмъ удачной и теперь они нѣсколько съузили дѣло. Но и на новомъ мѣстѣ они тотчасъ же устроились по своему. Въ углу, занятомъ иконами; перевитыми плющемъ, у старухи, вмѣстѣ съ «пальмой» и «громницей» **), хранились какіе-то мѣшечки съ травами и корнями, которыми она лечила мужа и приходившихъ къ ней деревенскихъ бабъ и мужиковъ. Эти травы наполняли всю избу особеннымъ, специфическимъ благоуханіемъ, которое неразрывно связывалось въ памяти всякаго посѣтителя съ воспоминаніемъ объ этомъ чистомъ маленькомъ домикѣ, объ его тишинѣ и по-

*) Въ юго-западномъ краѣ довольно развита система арендованія имѣній. Арендаторъ (по мѣстному „поссессоръ“) является какъ бы управителемъ имѣнія. Онъ вымачиваетъ владѣльцу известную сумму, а затѣмъ отъ его предпримчивости зависитъ извлеченіе большаго или меньшаго дохода.

**) „Пальма“ соответствуетъ нашей „вербѣ“, а „громница“—восковая свѣча, которую зажигаютъ въ сильныя бури, а также даютъ въ руки умирающимъ.

рядкѣ и о двухъ старикахъ, жившихъ въ немъ какою-то необычною въ наши дни тихою жизнью.

Въ обществѣ этихъ стариковъ расла ихъ единственная дочь, небольшая дѣвочка, съ длинною русою косою и голубыми глазами, поражавшая всѣхъ при первомъ же знакомствѣ какою-то странною солидностью, разлитую во всей ея фигурѣ. Казалось, спокойствіе поздней любви родителей отразилось въ характерѣ дочери этою недѣтскою разсудительностью, плавнымъ спокойствіемъ движеній, задумчивостью и глубиной голубыхъ глазъ. Она никогда не дичилась постороннихъ, не уклонялась отъ знакомства съ дѣтьми и принимала участіе въ ихъ играхъ. Но все это дѣлалось съ такою искреннею снисходительностью, какъ будто для нея лично все это было не нужно. Дѣйствительно, она отлично довольствовалась своимъ собственнымъ обществомъ, гуляя, собирая цвѣты, бесѣдуя съ своею куклой, и все это съ видомъ такой солидности, что повремениамъ казалось, будто передъ вами не ребенокъ, а вродотная взрослая женщина.

IV.

Однажды Петрусь былъ одинъ на холмикѣ, надъ рѣкой. Солнце садилось, въ воздухѣ стояла тишина, только мычаніе возвращавшихся въ деревню стадъ долетало сюда, смягченное разстояніемъ. Мальчикъ только что пересталъ играть и откинулся на траву, отдаваясь полудремотной истомѣ лѣтняго вечера. Онъ забылся на минуту, когда вдругъ чьи-то легкіе шаги вывели его изъ дремоты. Онъ съ неудовольствіемъ приподнялся на локоть и прислушался. Шаги остановились у подножія холмика. Походка была ему незнакома.

— Мальчикъ!—услышалъ онъ вдругъ возгласъ дѣтскаго голоса.—Не знаешь ли, кто это тутъ сейчасъ игралъ?

Слѣпой не любилъ, когда нарушали его одиночество. Поэтому онъ отвѣтилъ на вопросъ не особенно любезнымъ тономъ:

— Это я...

Легкій удивленный возгласъ былъ отвѣтомъ на это заявленіе, и тотчасъ же голосъ дѣвочки прибавилъ тономъ простодушнаго одобренія:

— Какъ хорошо!

Слѣпой промолчалъ.

— Что же вы не уходите?—спросилъ онъ затѣмъ, слыша, что непрощенная собесѣдница продолжаетъ стоять на мѣстѣ.

— Зачѣмъ же ты меня гонишь?— спросила дѣвочка своимъ чистымъ и простодушно-удивленнымъ голосомъ.

Звуки этого спокойнаго дѣтскаго голоса пріятно дѣйствовали на слухъ слѣпаго; тѣмъ не менѣе, онъ отвѣтилъ въ прежнемъ тонѣ:

— Я не люблю, когда ко мнѣ приходятъ...

Дѣвочка засмѣялась.

— Вотъ еще!... Смотрите - ка! Развѣ вся земля твоя и ты можешь кому-нибудь запретить ходить по землѣ?

— Мама приказала всѣмъ, чтобы сюда ко мнѣ не ходили.

— Мама? — переспросила задумчиво дѣвочка.— А моя мама позволила мнѣ ходить надъ рѣкой...

Мальчикъ, нѣсколько избалованный всеобщю уступчивостью, не привыкъ къ такимъ настойчивымъ возраженіямъ. Вспышка гнѣва прошла по его лицу нервною волною; онъ приподнялся и заговорилъ быстро и возбужденно:

— Уйдите, уйдите, уйдите!...

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, но въ это время отъ усадьбы послышался голосъ Іохима, звавшаго мальчика къ чаю. Онъ быстро сбѣжалъ съ холмика.

— Ахъ, какой гадкій мальчикъ, — услышалъ онъ за собой негодующій возгласъ.

На слѣдующій день, сидя на томъ же мѣстѣ, мальчикъ вспомнилъ о вчерашнемъ столкновеніи. Въ этомъ воспоминаніи теперь не было досады. Напротивъ, ему даже захотѣлось, чтобы опять пришла эта дѣвочка съ такимъ пріятнымъ, споконнымъ голосомъ, какого онъ никогда еще не слышалъ. Знакомыя ему дѣти такъ громко кричали, смѣялись, дрались и плакали, но ни одинъ изъ нихъ не говорилъ такъ пріятно. Ему стало жаль, что онъ обидѣлъ незнакомку, которая, вѣроятно, никогда болѣе не вернется.

Дѣйствительно, дня три дѣвочка совсѣмъ не приходила. Но на четвертый Петрусь услышалъ ея шаги внизу, на берегу рѣки. Она шла тихо, что-то въ полголоса напѣвая про себя и, повидимому, не обращая на него вниманія.

— Послушайте!— обликнулъ онъ ее, слыша, что она проходитъ мимо.— Это опять вы?

Сначала дѣвочка не отвѣтила, такъ какъ она была обижена первымъ пріемомъ; но вдругъ что-то въ его вопросѣ, повидимому, показалось ей страннымъ и она остановилась.

— Развѣ вы не видите, что это я?—спросила она съ большимъ достоинствомъ, поправляя въ рукѣ букетъ полевыхъ цвѣтовъ.

Этотъ простой вопросъ больно отозвался въ сердцѣ слѣпаго. Онъ ничего не отвѣтилъ и откинулся на траву. Но разговоръ уже начался, и дѣвочка, все стоя на томъ же мѣстѣ и занимаясь своимъ букетомъ, опять спросила:

— Кто тебя выучилъ такъ хорошо играть на дудкѣ?

— Иохимъ выучилъ,—отвѣтилъ Петрусь.

— Очень хорошо! Только... отчего ты такой сердитый?

— Я... не сержусь на васъ,—сказалъ мальчикъ тихо.

— Ну, такъ и я не сержусь... Давай играть вмѣстѣ...

— Я не умѣю играть съ вами,—отвѣтилъ онъ, потупившись.

— Не умѣешь играть?... Почему?

— Такъ.

— Нѣтъ, почему же?

— Такъ,—отвѣтилъ онъ чуть слышно и еще болѣе потупился.

Ему не приходилось еще никогда говорить съ кѣмъ-нибудь о своей слѣпотѣ, и простодушный тонъ дѣвочки, предлагавшей съ наивною настойчивостью этотъ вопросъ, отзывался въ немъ тупою болью.

— Какой ты смѣшной,—заговорила она съ снисходительнымъ сожалѣніемъ, усаживаясь рядомъ съ нимъ на травѣ. — Это ты, вѣрно, оттого, что еще со мной незнакомъ. Вотъ узнаешь меня, тогда перестанешь бояться. А я не боюсь никого.

Она говорила это съ безпечною ясностью, перебирая, въ то же время, васильки и фіалки. Между тѣмъ, слѣпой принялъ ея вызовъ на ближайшее знакомство. А такъ какъ узнавать наружность людей онъ привыкъ единственно доступнымъ ему способомъ, то и на этотъ разъ прибѣгъ къ этому способу: взявъ лѣвою рукой дѣвочку за плечо, онъ правой сталъ ощупывать ея волосы, потомъ вѣки и быстро пробѣжалъ пальцами по лицу, кое-гдѣ останавливаясь и внимательно изучая незнакомыя черты.

Все это было сдѣлано такъ неожиданно и быстро, что дѣвочка, пораженная удивленіемъ, не могла сказать ни слова; она только глядѣла на него широко открытыми глазами, въ которыхъ отражалось чувство, близкое къ ужасу. Только теперь она замѣтила, что въ лицѣ ея новаго знакомаго есть что-то необычайное. Блѣдныя и тонкія черты застыли на выраженіи напряжен-

наго вниманія, какъ-то не гармонировавшаго съ его неподвижнымъ взглядомъ. Глаза мальчика глядѣли куда-то, безъ всякаго отношенія къ тому, что онъ дѣлалъ, и въ нихъ странно переливался отблескъ закатывающаго солнца. Все это показалось дѣвочкѣ на одну минуту просто тяжелымъ кошмаромъ.

Высвободивъ свое плечо изъ руки мальчика, она вдругъ вскочила на ноги и заплакала.

— Что ты дѣлаешь со мной, гадкій мальчикъ?—заговорила она гнѣвно, сивозъ слезы.—Зачѣмъ ты меня трогаешь? Что я тебѣ сдѣлала?... Зачѣмъ?...

Онъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, озадаченный, съ низко опущенною головой, и странное чувство, смѣсь досады и униженія, наполнило жгучею болью его сердце. Въ первый разъ еще пришлось ему испытать униженіе калѣки; въ первый разъ узналъ онъ, что его физическій недостатокъ можетъ внушать не одно сожалѣніе, но и испугъ. Конечно, онъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ угнетавшемъ его тяжеломъ чувствѣ, но оттого, что сознаніе это было неясно и смутно, оно доставляло не меньше страданія.

Чувство жгучей боли и обиды подступило къ горлу мальчика; онъ упалъ на траву и заплакалъ. Плачъ этотъ становился все сильнѣе, судорожныя рыданія потрясали все его маленькое тѣло, тѣмъ болѣе, что какая-то врожденная гордость заставляла его подавлять эту вспышку.

Дѣвочка, которая сбѣжала уже съ холмика, услышала эти глухія рыданія и съ удивленіемъ повернулась. Видя, что ея странный новый знакомый лежитъ лицомъ къ землѣ и горько плачетъ, она почувствовала участіе, тихо взошла на холмикъ и остановилась надъ плачущимъ.

— Послушай,—заговорила она тихо,—о чемъ ты плачешь? Ты, вѣрно, думаешь, что я нажалуюсь? Ну, не плачь, я никому не скажу.

Слово участія и ласковый тонъ вызвали въ мальчика еще большую нервную вспышку плача. Тогда дѣвочка присѣла около него на корточки и стала успокаивать его понемногу, глядя рукой его волосы. Потомъ она, съ чисто-женскою настойчивою мягкостью, приподняла его голову и стала вытирать платкомъ его заплаканные глаза, точно мать, которая успокаиваетъ огорченнаго ребенка.

— Ну, ну!—заговорила она шутливымъ тономъ взрослой женщины.—Я давно не сержусь. Я вижу, ты жалѣешь, что напугалъ меня...

— Я не хотѣлъ напугать тебя, — отвѣтилъ онъ, глубоко вздыхая, чтобы подавить нервные приступы.

— Ну, ну, хорошо! Я не сержусь... Ты, вѣдь, больше не будешь,—говорила она, приподнимая его съ земли и стараясь усадить рядомъ съ собою.

Онъ повиновался. Теперь онъ сидѣлъ, какъ прежде, лицомъ къ сторонѣ заката, и когда дѣвочка опять взглянула на это лицо, освѣщенное красноватыми лучами, оно опять показалось ей страннымъ. Въ глазахъ мальчика еще стояли слезы, но глаза эти были, попрежнему, неподвижны; черты лица то и дѣло передергивались отъ приступовъ дѣтскаго плача, но, виѣсть съ тѣмъ, въ нихъ виднѣлось недѣтское глубокое и тяжелое горе.

— Какой ты, право... странный,—сказала она съ задумчивымъ участіемъ.

— Я не странный,—отвѣтилъ мальчикъ съ жалобною гримасой.—Нѣтъ, я не странный... Я... я—слѣпой!

— Слепо-ой? — протянула она нарастающимъ и голосъ ея дрогнулъ, какъ будто это грустное слово, тихо произнесенное мальчикомъ, нанесло неизгладимый ударъ въ ея маленькое женственное сердце.

— Слепо-ой? — повторила она еще болѣе дрогнувшимъ голосомъ и, какъ будто ища защиты отъ охватившаго всю ее недолимаго чувства жалости, она вдругъ обвила шею мальчика руками и прислонилась къ нему лицомъ.

Пораженная внезапною печальнаго открытія, маленькая женщина не удержалась на высотѣ своей солидности и, превратившись вдругъ въ огорченнаго и безпомощнаго въ своемъ огорченіи ребенка, она, въ свою очередь, горько и неутѣшно заплакала.

IV.

Между тѣмъ, солнце, какъ будто вращаясь въ раскаленной атмосферѣ заката, погружалось за темную черту горизонта. Мелькнулъ еще разъ золотой обрѣзъ огненнаго шара, потомъ брызнули двѣ-три горячія искры и темныя очертанія дальняго лѣса вспыхнули вдругъ непрерывною синеватою чертой. Съ рѣзки потянуло прохладой.

Дѣвочка перестала плакать и только повременамъ еще всхлипывала, преодолаясь. Петрусь сидѣлъ съ опущенною головою и какъ будто удивленный этимъ выраженіемъ горячаго сочувствія.

— Мнѣ... жалко...— все еще всхлипывая, вымолвила она, наконецъ, въ объясненіе своей слабости.

Потомъ, нѣсколько овладѣвъ собою и помолчавъ, она сдѣлала попытку перевести разговоръ на посторонній предметъ, къ которому они оба могли бы отнестись равнодушно.

— Солнышко сѣло,—произнесла она задумчиво.

— Я не знаю, какое оно,—былъ печальный отвѣтъ.—Я его только... чувствую...

— Не знаешь солнышка?

— Да.

— А... а свою маму?... тоже не знаешь?

— Мать знаю. Я всегда издалека узнаю ея походку.

— Да, да, это правда. И я съ закрытыми глазами узнаю свою мать.

Разговоръ принялъ болѣе спокойный характеръ.

— Знаете,—заговорилъ слѣпой съ нѣкоторымъ оживленіемъ,—я, вѣдь, чувствую солнце и знаю, когда оно закатилось.

— Почему ты знаешь?

— Потому что... видишь ли... Я самъ не знаю почему...

— А-а!—протянула дѣвочка, повидимому, совершенно удовлетворенная этимъ отвѣтомъ, и они оба помолчали.

— Я могу читать,—первый заговорилъ опять Петрусь,—и скоро выучусь писать перомъ.

— А какъ же ты?—начала было она и вдругъ застѣнчиво смолкла, не желая продолжать щекотливаго допроса. Но онъ ее понялъ.

— Я читаю въ своей книжкѣ,—пояснилъ онъ,—пальцами.

— Пальцами? Я бы никогда не выучилась читать пальцами... Я и глазами плохо читаю. Отецъ говоритъ, что женщины плохо понимаютъ науку.

— А я могу читать даже по-французски.

— Какой ты умный!—искренно восхитилась она.—Однако, я боюсь, какъ бы ты не простудился. Вонъ надъ рѣкой какой туманъ.

— А ты сама?

— Я не боюсь; что мнѣ сдѣлается?

— Ну, и я не боюсь. Развѣ можетъ быть, чтобы мужчина

простудился скорѣе женщины? Дядя Максимъ говорить, что мужчина не долженъ ничего бояться: ни холода, ни голода, ни грома, ни тучи.

— Максимъ?... Это который на костыляхъ?... Я его видѣла. Онъ страшный.

— Нѣтъ, онъ нисколько не страшный. Онъ добрый.

— Нѣтъ, страшный! — убѣжденно повторила она. — Ты не знаешь, потому что не видалъ его.

— Я его знаю. Онъ меня всему учить.

— Бьетъ?

— Никогда не бьетъ и не кричитъ на меня... никогда...

— Это хорошо. Развѣ можно бить слѣпаго мальчика? Это было бы грѣшно.

— Онъ и никого не бьетъ, — сказалъ Петрусь нѣсколько разсѣянно, такъ какъ его чуткое ухо слышало шаги Юхима.

Дѣйствительно, рослая фигура хохла зарисовалась черезъ минуту на холмистомъ гребнѣ, отдѣлявшемъ усадьбу отъ берега, и его голосъ далеко раскатился въ тишинѣ вечера:

— Па-ны-чу-у-у!

— Тебя зовутъ, — сказала дѣвочка, поднимаясь.

— Да. Но мнѣ не хотѣлось бы идти.

— Иди, иди! Я къ тебѣ завтра приду. Теперь тебя ждуть и меня тоже.

V.

Дѣвочка точно исполнила свое обѣщаніе и даже раньше, чѣмъ Петрусь могъ на это рассчитывать. На слѣдующій же день, сидя въ своей комнатѣ за обычнымъ урокомъ съ Максимомъ, онъ вдругъ поднялъ голову, прислушался и сказалъ съ оживленіемъ:

— Отпусти меня на минуту. Тамъ пришла дѣвочка.

— Какая еще дѣвочка? — удивился Максимъ и пошелъ вслѣдъ за мальчикомъ къ выходной двери.

Дѣйствительно, вчерашняя знакомка Петруся въ эту самую минуту вошла на дворъ усадьбы и, увидя проходившую по двору Анну Михайловну, свободно направилась прямо къ ней.

— Что тебѣ, милая дѣвочка, нужно? — спросила она, думая, что ее прислали по дѣлу.

Маленькая женщина солидно протянула ей руку и спросила:

— Это у васъ есть слѣпой мальчикъ?... Да?

— У меня, милая, да, у меня,—отвѣтила пани Попельская, любуясь ея ясными глазами и свободой ея обращенія.

— Вотъ видите ли... Моя мама отпустила меня къ нему. Могу я его видѣть?

Въ эту минуту Петрусь самъ подбѣжалъ къ ней, а на крыльцѣ показалась фигура Максима.

— Это вчерашняя дѣвочка, мама! Я тебѣ говорилъ,—сказалъ мальчикъ, здороваясь.—Только у меня теперь урокъ.

— Ну, на этотъ разъ дядя Максимъ отпустить тебя,—сказала Анна Михайловна,—я у него попрошу.

Между тѣмъ, крохотная женщина, чувствовавшая себя, повидимому, совсѣмъ «какъ дома», отправилась на встрѣчу подходившему къ нимъ на своихъ костыляхъ Максиму и, протянувъ ему руку, удостоила ветерана снисходительнаго одобренія:

— Это хорошо, что вы не бьете слѣпаго мальчика. Онъ мнѣ говорилъ.

— Неужели, сударыня?—спросилъ Максимъ съ комическою важною, принимая въ свою широкую лапу маленькую ручонку дѣвочки.—Какъ я благодаренъ моему питомцу, что онъ съумѣлъ расположить васъ въ мою пользу!

И Максимъ разсмѣялся, поглаживая ея руку, которую держалъ въ своей. Между тѣмъ, дѣвочка продолжала смотрѣть на него своимъ яснымъ, открытымъ взглядомъ, сразу завоевавшимъ его жено-ненавистническое сердце.

— Смотри-ка, Аннуся,—обратился онъ къ сестрѣ съ странною улыбкой,—нашъ Петръ начинаетъ заводить самостоятельныя знакомства. И, вѣдь, согласись, Аня... несмотря на то, что онъ слѣпъ, онъ все же съумѣлъ сдѣлать недурной выборъ, не правда ли?

— Что ты хочешь этимъ сказать, Максъ?—спросила молодая женщина строго, и горячая краска залила все ея лицо.

— Шучу!—отвѣтилъ братъ лаконически, видя, что своею шуткой онъ тронулъ больную струну, вскрылъ тайную мысль, шевелившуюся въ ея предусмотрительномъ материнскомъ сердцѣ.

Анна Михайловна еще болѣе покраснѣла и, быстро наклонившись, съ порывомъ страстной нѣжности обняла дѣвочку, которая приняла неожиданно-бурную ласку все съ тѣмъ же яснымъ, хотя и нѣсколько удивленнымъ взглядомъ.

VI.

Съ этого дня между поссессорскимъ домикомъ и усадьбой Попельскихъ завязались ближайшія отношенія. Дѣвочка, которую звали Эвелиной, приходила ежедневно въ усадьбу, а чрезъ нѣкоторое время она тоже поступила ученицей къ Максиму. Сначала этотъ планъ совмѣстнаго обученія не очень понравился пану Яскульскому. Во-первыхъ, онъ полагалъ, что если женщина умѣетъ записать бѣлье и вести домашнюю расходную книгу, то этого совершенно достаточно; во-вторыхъ, онъ былъ добрый католикъ и считалъ, что Максиму не слѣдовало воевать съ австрійцами, вопреки ясно выраженной волѣ «отца-папежа». Наконецъ, его твердое убѣжденіе состояло въ томъ, что на небѣ есть Богъ, а Вольтеръ и волтеріанцы кипятъ въ адской смолѣ, каковая судьба, по мнѣнію многихъ, была уготована и пану Максиму. Однако, при ближайшемъ знакомствѣ, онъ долженъ былъ сознаться, что этотъ еретикъ и забіяка—человѣкъ очень пріятнаго нрава и большого ума, и вслѣдствіе этого поссессоръ пошелъ на компромиссъ.

— Вотъ что, Веля,—обратился онъ съ рѣчью къ дочери, оставляя ее у Максима для перваго урока.—Помни всегда, что на небѣ есть Богъ, а въ Римѣ святой его «папежъ». Это тебѣ говорю я, Валентинъ Яскульскій, и ты должна мнѣ вѣрить, потому что я твой отецъ,—это *primo*. *Secundo*, я шляхтичъ славнаго герба, въ которомъ вмѣстѣ съ «копной и воробной» не даромъ обозначается крестъ въ синемъ полѣ. Всѣ Яскульскіе, будучи когда-то хорошими рыцарями, смыслили также кое-что въ дѣлахъ, касающихся неба, и потому ты должна мнѣ вѣрить. Ну, а въ остальномъ, что касается *orbis terrarum*, слушай, что тебѣ скажетъ панъ Максимъ Яценко, и учись хорошо.

— Не бойтесь, панъ Валентинъ, — сказалъ ему Максимъ, улыбаясь,—мы не вербуемъ паненокъ для отряда Гарибальди.

VI.

Совмѣстное обученіе оказалось очень полезнымъ для обоихъ. Петрусь шелъ, конечно, впереди, но это не исключало нѣкотораго соревнованія. Бромъ того, онъ помогалъ ей часто выучивать уроки, а она находила иногда очень удачные приемы, чтобы объяснить мальчику что-либо, трудно понятное для него,

слѣпаго. Кромѣ того, ея общество вносило въ его занятія нѣчто своеобразное, придавало его умственной работѣ особый тонъ пріятнаго возбужденія.

Вообще эта дружба была настоящимъ даромъ благосклонной судьбы. Теперь мальчикъ не искалъ уже полного уединенія; онъ нашелъ то общеніе, котораго не могла ему дать любовь взрослыхъ, и въ минуты чуткаго душевнаго затишья ему пріятна была ея близость. На утесъ или на рѣку они всегда отправлялись вдвоемъ. Когда онъ игралъ, она слушала его съ наивнымъ восхищеніемъ. Когда же онъ откладывалъ дудку, она начинала передавать ему свои дѣтски-живыя впечатлѣнія отъ окружающей природы; конечно, она не умѣла выражать ихъ съ достаточною полнотою подходящими словами, но за то въ ея несложныхъ разсказахъ онъ улавливалъ какъ будто характерный колоритъ каждаго описываемаго явленія. Такъ, когда она говорила, напри- мѣръ, о темнотѣ раскинувшейся надъ землею сырой и черной ночи, онъ будто слышалъ эту темноту въ сдержанно звуча- щихъ тонахъ ея робѣющаго голоса. Когда же, поднявъ кверху задумчивое лицо, она сообщала ему: «Ахъ, какая туча идетъ, какая туча темная, претемная!»—онъ ощущалъ сразу будто хо- лодное дуновеніе и слышалъ въ ея голосѣ пугающій шорохъ ползущаго по небу гдѣ-то въ далекой высотѣ чудовища.

4. Слѣпота. Смутные запросы.

I.

Есть натуры, будто заранѣе предназначенныя для тихаго подвига любви, соединенной съ печалью и заботой, — натуры, для которыхъ эти заботы о чужомъ горѣ составляютъ какъ бы атмосферу, органическую потребность. Природа заранѣе надѣлила ихъ спокойствіемъ, безъ котораго немислимъ будничныи подвигъ жизни; она предусмотрительно смягчила въ нихъ личные порывы, запросы личной жизни, подчинивъ эти порывы и эти за- просы господствующей чертѣ характера. Такія натуры кажутся, нерѣдко, слишкомъ холодными, слишкомъ разсудительными, ли- шенными чувства. Онѣ глухи на страстные молящіе призывы грѣшной жизни и идутъ по грустному пути долга такъ же спо- койно, какъ и по пути самаго яркаго личнаго счастья. Онѣ кажутся холодными, какъ снѣжныя вершины, и такъ же, какъ

онъ, величавы. Житейская пошлость стелется у ихъ ногъ; даже клевета и сплетня скатываются по ихъ бѣлоснѣжной одеждѣ, точно грязныя брызги съ крыльевъ лебедя...

Маленькая знакомка Петра представляла въ себѣ всѣ черты этого типа, который рѣдко вырабатывается жизнью и воспитаніемъ: онъ, какъ талантъ, какъ гений, дается въ удѣлъ избраннымъ натурамъ и проявляется рано. Мать слѣпаго мальчика понимала, какое счастье случай послалъ ей сыну въ этой дѣтской дружбѣ. Понималъ это и старый Максимъ, которому казалось, что теперь у его питомца есть все, чего ему еще не доставало, что теперь душевное развитіе слѣпаго пойдетъ тихимъ и ровнымъ, ничѣмъ не смущаемымъ ходомъ...

Но это была горькая ошибка.

II.

Въ первые годы жизни ребенка Максимъ думалъ, что онъ совершенно овладѣлъ душевнымъ ростомъ мальчика, что процессы этого роста совершаются если не подъ прямымъ его вліяніемъ, то, во всякомъ случаѣ, ни одна новая сторона ихъ, ни одно новое приобрѣтеніе въ этой области не избѣгаютъ его наблюденія и контроля. Но когда насталъ въ жизни ребенка періодъ, который является переходною гранью между дѣтствомъ и отрочествомъ, Максимъ увидалъ, какъ неосновательны эти гордыя педагогическія мечтанія. Чуть не каждая недѣля приносила съ собой что-нибудь новое, повременамъ совершенно неожиданное по отношенію къ слѣпому, и когда Максимъ старался найти логическіе источники новой идеи или представленія, то ему приходилось теряться. Какая-то невѣдомая сила, органической ростъ или преимственность развитія, очевидно, вмѣшивались въ педагогическую работу Максима, и ему приходилось останавливаться съ чувствомъ благоговѣнія передъ таинственными процессами жизни. Въ этихъ толчкахъ природы, ея даровыхъ откровеніяхъ, какъ бы нарушающихъ пропорціональность между запасомъ приобрѣтаемыхъ свѣдѣній, съ одной стороны, и личнымъ опытомъ — съ другой, передъ Максимомъ обнаруживалась ясно та неразрывная связь жизненныхъ явленій, которая проходитъ, дробясь въ тысячѣ процессовъ, черезъ послѣдовательный рядъ отдѣльныхъ, «особныхъ» жизней.

Сначала это наблюденіе испугало Максима. Видя, что не онъ

одинъ владѣть умственнымъ строемъ ребенка, что въ этомъ строеѣ сказывается что-то отъ него независящее и выходящее изъ сферы его вліянія, онъ испугался за участь своего питомца, испугался возможности такихъ запросовъ, которые могли бы послужить для слѣпаго только причиной неутолимыхъ страданій. И онъ пытался разыскать источники этихъ, откуда - то пробивающихся ключей, чтобы... закрыть ихъ для блага слѣпаго ребенка.

Не ускользнуло это и отъ вниманія матери. Однажды утромъ Петрикъ прибѣжалъ къ ней въ необыкновенномъ волненіи.

— Мама, мама!—закричалъ онъ.—Я *видѣлъ* сонъ.

— Что же ты *видѣлъ*, мой мальчикъ?—спросила она съ печальнымъ сомнѣніемъ въ голосъ.

— Я видѣлъ во снѣ, что я... вижу... тебя и Максима и еще...

— Что же еще?

— Я не помню.

— А меня помнишь?

— Нѣтъ, — сказалъ мальчикъ въ раздумьи. — Я забылъ все...

Это повторялось еще нѣсколько разъ и всякій разъ мальчикъ становился грустнѣе и тревожнѣе.

III.

Однажды, проходя по двору, Максимъ услышалъ въ гостинной, гдѣ обыкновенно происходили уроки музыки, какія-то странныя музыкальныя упражненія. Они состояли изъ двухъ нотъ. Сначала отъ быстрыхъ, послѣдовательныхъ, почти сливавшихся ударовъ по клавишу дрожала самая высокая яркая нота верхняго регистра; затѣмъ она рѣзко смѣнялась низкимъ раскатомъ баса. Любопытствовавъ узнать, что могли означать подобныя странныя экзерциціи, Максимъ заковылялъ по двору и черезъ минуту вошелъ въ гостиную. Въ дверяхъ онъ остановился какъ вкопанный передъ слѣдующею представившеюся ему картиной.

Мальчикъ, которому шелъ уже 10 годъ, сидѣлъ у ногъ матери на низенькомъ стулѣ. Рядомъ съ нимъ, вытянувъ шею и поводя по сторонамъ длиннымъ клювомъ, стоялъ молодой прирученный аистъ, котораго Іохимъ подарилъ «паничу». Мальчикъ каждое утро кормилъ его изъ своихъ рукъ, и птица всюду со-

проводила своего новаго друга-хозяина. Теперь Петрусь придерживалъ анста одною рукою, а другою тихо проводилъ вдоль его шеи и затѣмъ по туловищу, съ выраженіемъ усиленнаго вдумчиваго вниманія на лицѣ. Въ это самое время мать, съ пылающимъ, возбужденнымъ лицомъ и печальными глазами, быстро ударяла пальцемъ по клавишу, вызывая изъ инструмента непрерывно звенѣвшую высокую ноту. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слегка перегнувшись на своемъ стулѣ, она съ болѣзненною внимательностью вглядывалась въ лицо ребенка. Когда же рука мальчика, скользя по ярко-бѣлымъ перьямъ, доходила до того мѣста, гдѣ эти перья рѣзко смѣняются черными на концахъ крыльевъ, Анна Михайловна сразу переносила руку на другой клавишъ и низкая басовая нота глухо раскатывалась въ комнатѣ.

Оба, и мать, и сынъ, такъ были поглощены своимъ страннымъ занятіемъ, что не замѣтили прихода Максима, пока онъ, въ свою очередь, очнувшись отъ удивленія, не прервалъ сеанса вопросомъ:

— Аннуса! что это значить?

Молодая женщина, встрѣтивъ испытующій взглядъ Максима, сильно сконфузилась, точно застигнутая строгимъ учителемъ на мѣстѣ преступленія.

— Вотъ видишь ли,—заговорила она смущенно,—онъ говоритъ, что различаетъ нѣкоторую разницу въ окраскѣ анста, только не можетъ ясно понять, въ чемъ эта разница... Право, онъ самъ первый заговорилъ объ этомъ, и мнѣ кажется, что это правда...

— Ну, такъ что же?...

— Ну, вотъ... я хотѣла ему... немножко... объяснить эту разницу различіемъ звуковъ... Не сердись, Максъ, но, право, я думаю, что это очень похоже...

Эта неожиданная идея поразила Максима такимъ удивленіемъ, что онъ въ первую минуту не зналъ, что сказать сестрѣ. Онъ заставилъ ее повторить свои опыты и, присмотрѣвшись къ напряженному выраженію лица слѣпаго, покачалъ головой.

— Послушай меня, Анна,—сказалъ онъ, оставшись наединѣ съ сестрою.—Не слѣдуетъ будить въ мальчигѣ вопросовъ, на которые ты никогда, никогда не въ состояніи будешь дать полнаго отвѣта. Мальчику не остается ничего болѣе, какъ свыкнуться со своею слѣпотой, а намъ надо стремиться къ тому, чтобы онъ никогда не задавался вопросами о свѣтѣ... Я ста-

раюсь, чтобы никакіе внѣшніе вызовы не наводили его на бесплодные вопросы, и если бы удалось устранить эти вызовы, то мальчикъ не сознавалъ бы недостатка въ своихъ чувствахъ, такъ же, какъ мы, обладающіе всѣми пятью органами, не грустимъ о томъ, что у насъ нѣтъ еще шестаго.

Сестра, какъ и всегда, подчинилась убѣдительной аргументаціи брата, но на этотъ разъ оба они ошибались: заботясь о внѣшнихъ побужденіяхъ, Максимъ забывалъ тотъ могучій стимулъ, который былъ заложенъ въ дѣтскую душу самой природой.

IV.

Передъ ними былъ слѣпой ребенокъ, будущій человекъ и, быть можетъ, отецъ дальнѣйшихъ поколѣній. «Роковая судьба» или кабая-то скрытая въ таинственной дробности явленій «случайность» навсегда закрыла его глаза, эти окна, которыми вливаются въ душу впечатлѣнія отъ яркосверкающаго, цвѣтнаго разнообразнаго міра. Его судьба была рѣшена, и ему лично никогда не суждено было увидать свѣта солнца. Но, вѣдь, онъ, потомокъ зрячихъ родителей, являлся лишь однимъ звеномъ безконечной цѣпи прошедшихъ жизней и носилъ въ себѣ возможность жизней будущихъ. Всѣ эти уходящія въ безконечную даль минувшаго живыя звенья, такъ или иначе отклигавшіяся всею своею организаціей на свѣтовые впечатлѣнія, передали и ему эту внутреннюю способность, и черезъ него, слѣпаго, они передавали ее такой же безконечной цѣпи будущихъ зрячихъ людей *). Такимъ образомъ, гдѣ-то въ таинственной глубинѣ дѣтской души дремали въ неясномъ существованіи «возможностей» полученныя по наслѣдству, но еще не тронутыя внѣшнимъ возбужденіемъ силы. Весь строй его ума, сложившійся въ унаслѣдованныя формы, хранилъ въ себѣ тотъ «субстратъ» свѣтовыхъ впечатлѣній, который отлагался подъ тысячью внѣшнихъ свѣтовыхъ реакцій его предковъ. Такимъ образомъ, по внутренней организаціи слѣпой являлся тѣмъ же зрячимъ человекомъ, только... съ закрытыми навѣки глазами. Отсюда смутное, но никогда совершенно не оставлявшее мальчика сознание какой-то потребности, искавшей удовлетворенія, неопредѣленное стремленіе оформить дремлющія въ душѣ силы, которыя никогда не

*) У слѣпыхъ рѣдко рождаются слѣпыя дѣти.

призывались къ работѣ. Отсюда же какія-то смутныя предчувствія и порывы, вродѣ того стремленія къ полету, которое каждый испытывалъ въ дѣтствѣ и которое сказывается въ этомъ возрастѣ такими чудными снами.

Отсюда, наконецъ, вытекали инстинктивныя потуги дѣтской мысли, отражавшіяся въ его чертахъ болѣзненнымъ вопросомъ. Эти наследственныя, но не тронутыя въ личной жизни и потому не отлившіяся въ опредѣленныя формы «возможности» свѣтовыхъ представленій вставали точно призраки въ дѣтской головкѣ, безформенныя, неясныя и темныя, вызывая мучительныя и смутныя усилія.

Вся природа подымалась безсознательнымъ протестомъ противъ индивидуальнаго «случая» за нарушенный общій законъ.

У.

Такимъ образомъ, сколько бы ни старался Максимъ устранить всё внѣшніе вызовы, онъ никогда не могъ уничтожить внутренняго давленія неудовлетворенной потребности. Самое болѣе, чего онъ могъ достигнуть своею осмотрительностью, это — не будить ее раньше времени, не усиливать страданій слѣпаго. Въ остальномъ тяжелая судьба ребенка должна была идти своимъ чередомъ, со всѣми ея суровыми послѣдствіями.

И она надвигалась темною тучей. Природная живость мальчика съ годами все болѣе и болѣе исчезала, подобно убывающей волнѣ, между тѣмъ какъ смутно, но непрерывно звучащее въ душѣ его грустное настроеніе усиливалось, сказываясь на его темпераментѣ. Смѣхъ, который можно было слышать во время его дѣтства при каждомъ особенно яркомъ новомъ впечатлѣніи, теперь раздавался все рѣже и рѣже. Все смѣющееся, веселое, носящее на себѣ печать юмора, было ему мало доступно, за то все смутное, неопредѣленно-грустное и туманно-меланхолическое, что слышится въ южной природѣ и отражается въ народномъ пѣсенномъ эпосѣ, онъ улавливалъ съ замѣчательною полнотою. Слезы являлись у него каждый разъ на глазахъ, когда онъ слушалъ, какъ «въ полі могила зъ вітромъ говорила», и онъ самъ любилъ ходить въ поле слушать этотъ говоръ. Въ немъ все больше и больше вырабатывалась склонность къ уединенію, и когда въ часы, свободныя отъ занятій, онъ уходилъ одинъ на свою одинокую прогулку, домашніе ста-

рались не ходить въ ту сторону, чтобы не нарушать этого единенія. Усѣвшись гдѣ-нибудь на курганѣ въ степи, или на холмикѣ, надъ рѣкой, или, наконецъ, на хорошо знакомомъ утесѣ, онъ слушалъ лишь шелестъ листьевъ да шепотъ травы или неопредѣленные вздохи степнаго вѣтра. Все это особеннымъ образомъ гармонировало съ глубиной его душевнаго настроенія. Насколько онъ могъ понимать природу, тутъ онъ понималъ ее вполне и до конца. Тутъ она не тревожила его никакими опредѣленными и неразрѣшимыми вопросами; тутъ этотъ вѣтеръ влиялся ему прямо въ душу, а трава, казалось, шептала ему тихія слова сожалѣнія, и когда душа юноши, настроившись въ ладъ съ окружающею тихою гармоніей, размягчалась отъ теплой ласки природы, онъ чувствовалъ, какъ что-то подымается въ груди, прибывая и разливаясь по всему его существу. Онъ припадалъ тогда къ сыроватой прохладной травѣ и тихо плакалъ, но въ этихъ слезахъ не было горечи. Иногда же онъ бралъ дудку и совершенно забывался, подбирая задумчивыя мелодіи къ своему настроенію и въ ладъ съ тихою гармоніей степи.

Понятно, что всякій человѣческій звукъ, неожиданно врывавшійся въ это настроеніе, дѣйствовалъ на него болѣзненнымъ, рѣзкимъ диссонансомъ. Общеніе въ подобныя минуты возможно только съ очень близкою, дружескою душой, а у мальчика былъ только одинъ такой другъ его возраста, именно—бѣлокурая дѣвочка изъ поссессорской усадьбы...

И эта дружба крѣпла все больше, отличаясь полною взаимностью. Если Эвелина вносила въ ихъ взаимныя отношенія свое спокойствіе, свою тихую радость, сообщала слѣпому новые отбѣнки окружающей жизни, то и онъ, въ свою очередь, давалъ ей... свое горе. Казалось, первое знакомство съ нимъ нанесло чуткому сердцу маленькой женщины кровавую рану: выньте изъ раны кинжалъ, нанесшій ударъ, и она истечетъ кровью. Первые познакомившись на холмикѣ въ степи со слѣпымъ мальчикомъ, маленькая женщина ощутила острое страданіе сочувствія и теперь его присутствіе становилось для нея все болѣе необходимымъ. Въ разлукѣ съ нимъ острая боль этой раны будто раскрывалась вновь и оживала, и она стремилась къ своему маленькому другу, чтобы неустанною заботой утолить свое собственное страданіе.

VI.

Однажды въ теплый осенній вечеръ оба семейства сидѣли на площадкѣ передъ домомъ, любуясь звѣзднымъ небомъ, синѣвшимъ глубокою лазурью и горѣвшимъ огнями. Слепой, по обыкновенію, сидѣлъ рядомъ съ своею подругой около матери.

Всѣ на минуту смолкли. Около усадьбы было совсѣмъ тихо; только листья повремениамъ, чутко встрепенувшись, бормотали что-то невнятное и тотчасъ же смолкали.

Въ эту минуту метеоръ, сорвавшись откуда-то изъ глубины темной лазури, пронесся яркою полосой по небу и тихо угасъ, оставивъ за собой на мгновение фосфорическій слѣдъ. Мать, сидѣвшая объ руку съ Петрикомъ, почувствовала, какъ онъ встрепенулся и вздрогнулъ.

— Что это... было?—повернулся онъ къ ней взволнованнымъ лицомъ.

— Это звѣзда упала, дитя мое.

— Да, звѣзда, — прибавилъ онъ задумчиво. — Я такъ и зналъ.

— Откуда же ты могъ знать, мой мальчикъ?—переспросила мать съ печальнымъ сомнѣніемъ въ голосъ.

— Нѣтъ, это онъ говоритъ правду, — виѣшалась Эвелина. — Онъ многое знаетъ... «такъ»...

Уже эта все развивавшаяся чуткость указывала, что мальчикъ замѣтно близится къ критическому возрасту между отрочествомъ и юношествомъ. Но пока его ростъ совершался довольно спокойно. Казалось даже, будто онъ свыкся съ своею долей, и странно-уравновѣшенная грусть, безъ просвѣта, но и безъ острыхъ порываній, которая стала обычнымъ фономъ его жизни, теперь нѣсколько смягчилась. Но это былъ лишь періодъ временнаго затишья. Эти роздыхи природа даетъ какъ будто нарочно: въ нихъ молодой организмъ устаетъ и крѣпнетъ для новой бури. Во время этихъ затишій незамѣтно набираются и зрѣютъ новые запросы. Одинъ толчекъ—и все душевное спокойствіе всколеблется до глубины, какъ море подъ ударомъ внезапно налетѣвшаго шквала.

4. Любовь.

I.

Такъ прошло еще нѣсколько лѣтъ.

Ничто не измѣнилось въ тихой усадьбѣ. Попрежнему шумѣли буи въ саду, только ихъ листва будто потемнѣла, сдѣлалась еще гуще; попрежнему бѣлѣли привѣтливыя стѣны, только онѣ чуть-чуть покривились и осѣли; попрежнему хмурились соломенные стрѣхи и даже свирѣль Іохима слышалась въ тѣ же часы изъ конюшни; только теперь уже самъ Іохимъ, посѣдѣвшій старымъ холостымъ конюхомъ, предпочиталъ слушать игру слѣпаго панича,—на дудкѣ или на фортепіано—безразлично.

Максимъ посѣдѣлъ еще больше. У Попельскихъ не было другихъ дѣтей и потому слѣпой первенецъ, попрежнему, остался центромъ, около котораго группировалась вся жизнь усадьбы. Для него усадьба замкнулась въ своемъ тѣсномъ кругу, довольствуясь своею собственною тихою жизнью, къ которой примыкала неменѣ тихая жизнь поссессорской «хатки». Такимъ образомъ, Петръ, ставшій уже юношей, выросъ, какъ тепличный цвѣтокъ, огражденный отъ рѣзкихъ стороннихъ вѣяній далекой жизни.

Онъ, какъ и прежде, стоялъ въ центрѣ громаднаго темнаго міра. Надъ нимъ, вокругъ него, всюду протянулась тьма безъ конца и предѣловъ; чуткая тонкая организація подымалась, какъ упруго-натянутая струна, на встрѣчу всякому впечатлѣнію, готовая задрожать отвѣтными звуками. Въ настроеніи слѣпаго заиѣтно сказывалось это чуткое ожиданіе: ему какъ будто казалось, что вотъ-вотъ эта тьма протянется къ нему своими невидимыми руками и тронетъ въ немъ что-то такое, что такъ томительно дремлетъ въ душѣ и ждетъ пробужденія.

Но знакомая добрая и скучная тьма усадьбы шумѣла только ласковымъ шепотомъ стараго сада, навѣвая смутную, баюкающую, успокоительную думу. Далекій міръ не врывается сюда своими рѣзкими бурливыми струями. Слѣпой зналъ объ немъ изъ пѣсенъ, изъ исторіи. Подъ задумчивый шепотъ сада, среди тихихъ будней усадьбы, онъ узнавалъ лишь по рассказамъ о буряхъ и волненіяхъ далекой жизни. И все это рисовалось ему сэвозъ какую-то волшебную дымку, какъ пѣсня, какъ былина, какъ сказка.

Базалось, такъ было хорошо. Мать видѣла, что, огражденная будто стѣной, душа ея сына дремлетъ въ какомъ-то за-

колдованномъ полуснѣ, искусственномъ, но спокойномъ. И она не хотѣла нарушать этого равновѣсія, боялась его нарушить.

Эвелина, выросшая и сложившаяся какъ-то совершенно незамѣтно, глядѣла на эту заколдованную тишь своими ясными глазами, въ которыхъ можно было повременамъ подмѣтить что-то вродѣ недоумѣнія, вопроса о будущемъ, но никогда не было и тѣни нетерпѣнія. Попельскій-отецъ привелъ имѣніе въ полный порядокъ, но до вопросовъ о будущемъ его сына доброму человеку, конечно, не было ни малѣйшаго дѣла. Одинъ только Максимъ, по своей натурѣ, съ трудомъ выносилъ эту тишь, и то какъ нѣчто временное, входившее поневолѣ въ его планы. Онъ считалъ необходимымъ дать душѣ юноши устояться, окрѣпнуть, чтобы быть въ состояніи встрѣтить рѣзкое прикосновеніе жизни.

Между тѣмъ, тамъ, за чертой этого заколдованнаго круга жизнь кипѣла, волновалась, бурлила. И вотъ, наконецъ, наступило время, когда старый ветеранъ рѣшился разорвать этотъ кругъ, отворить дверь теплицы, чтобы въ нее могла ворваться свѣжая струя наружнаго воздуха.

II.

Для перваго случая онъ пригласилъ къ себѣ стараго товарища, который жилъ верстахъ въ 70-ти отъ усадьбы Попельскихъ. Максимъ иногда бывалъ у него и прежде, но теперь онъ зналъ, что у Ставрученка гостить пріѣзжая молодежь, и написалъ ему письмо, приглашая всю компанію. Приглашеніе это было охотно принято. Старики были связаны давнею дружбой, а молодежь помнила довольно громкое нѣкогда имя Максима Яценка, съ которымъ связывались извѣстныя традиции. Одинъ изъ сыновей Ставрученка былъ студентъ кіевскаго университета по модному тогда филологическому факультету. Другой изучалъ музыку въ петербургской консерваторіи. Съ нимъ пріѣхалъ еще юный кадетъ, сынъ одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ.

Ставрученко былъ крѣпкій старикъ, сѣдой, съ длинными козацкими усами и въ широкихъ козацкихъ шараварахъ. Онъ носилъ кисеть съ «тютюномъ» и «люльку» привязанными у пояса, говорилъ не иначе, какъ по-малорусски, и рядомъ съ двумя сыновьями, одѣтыми въ бѣлыя свитки и «мережаныя» малороссійскія сорочки, очень напоминалъ гоголевскаго Тараса Бульбу съ его «хлопцами». Однако, въ немъ не было и слѣдовъ романтизма, отличавшаго гоголевскаго героя. Наоборотъ,

ГЬ БЫЛЪ ОТЛИЧНЫЙ ПРАКТИКЪ-ПОМѢЩИКЪ, всю жизнь превосходно ^{на} адившій съ крѣпостными отношеніями, а теперь, когда эта «неволя» была уничтожена, съумѣвшій хорошо приноровиться и къ новымъ условіямъ. Онъ зналъ народъ, какъ знали его помѣщики, т.-е. зналъ каждаго мужика своей деревни и у каждаго мужика зналъ каждую корову и чуть не каждый лишній барбанаецъ въ мужицкой мошнѣ.

За то, если онъ и не дрался съ своими сыновьями на кулачки, какъ Бульба, то все же между ними происходили постоянные и очень свирѣпыя дебаты, которые не ограничивались ни временемъ, ни мѣстомъ. Всюду, дома и въ гостяхъ, по самому ничтожному поводу между старикомъ и молодежью вспыхивали нескончаемые споры; начиналось обыкновенно съ того, что старикъ, посмѣиваясь, дразнилъ «идеальныхъ паничей»; паничи горячились, старикъ тоже разгорячался, и тогда подымался самый невообразимый галдежъ, въ которомъ обѣимъ сторонамъ доставалось не на шутку.

Это было отраженіе извѣстной розни «отцовъ» и «дѣтей»; только въ юго-западномъ краѣ, вслѣдствіе бѣльшей мягкости нравовъ, и это явленіе въ средѣ семьи сказывалось въ смягченной формѣ. Молодежь, съ дѣтства отданная въ школы, деревню видѣла только въ короткое каникулярное время, и потому у ней не было того конкретнаго знанія народа, каковымъ отличались отцы-помѣщики. Когда поднялась въ обществѣ волна «народолюбія», заставшая юношей въ высшихъ классахъ гимназій, они обратились къ изученію роднаго народа, но начали это изученіе съ книжекъ. Второй шагъ привелъ ихъ къ непосредственному изученію проявленій «народнаго духа» въ его творествѣ. Хожденіе въ народъ паничей въ бѣлыхъ свиткахъ и мерзанныхъ сорочкахъ было тогда сильно распространено въ юго-западномъ краѣ. На изученіе экономическихъ условій не обращалось особеннаго вниманія. Паничи записывали слова и музыку народныхъ думокъ и пѣсенъ, изучали преданія, свѣряли историческіе факты съ ихъ отраженіемъ въ народной памяти, — вообще смотрѣли на мужика сквозь поэтическую призму интеллигентно-народническаго идеализма. Такимъ образомъ, въ спорахъ старика съ молодежью сталкивались два совершенно различныхъ взгляда, и они никогда не могли договориться до какого-либо соглашенія. Бывало, впрочемъ, нерѣдко, что старикъ заслушивался самъ краснорѣчивыхъ тирадъ молодежи.

— Вот послушай ты его,—говорилъ Ставрченко Макс, лукаво поталкивая его локтемъ, когда студентъ ораторствовалъ съ раскраснѣвшимся лицомъ и свергающими глазами.— Вотъ, собачій сынъ, говорить, какъ писать!... Подумаешь, и въ самомъ дѣлѣ умный человѣкъ. А расскажи ты намъ, ученая голова, какъ тебя мой Нечипоръ надулъ?... А?...

Старикъ поводилъ усами и хохоталъ, рассказывая съ чисто-хохлацкимъ юморомъ соотвѣтствующій случай. Юноши краснѣли, но, въ свою очередь, не оставались въ долгу. «Если они не знаютъ Нечипора и Хведька изъ такой-то деревни, за то они изучаютъ весь народъ въ его общихъ проявленіяхъ; они смотрятъ съ высшей точки зрѣнія, при которой только и возможны выводы и широкія обобщенія. Они обнимаютъ однимъ взглядомъ далекія перспективы, тогда какъ старые и заматорѣлые въ рутинѣ практики изъ-за деревьевъ не видятъ всего лѣса».

Старику не было непріятно слушать ученныя рѣчи сыновей.

— Таки-видно, что не даромъ въ школѣ учились,—говаривалъ онъ.—А все же, я вамъ скажу, мой Хведько васъ обоихъ и введетъ, и выведетъ, какъ телятъ на веревочкѣ, вотъ что!... Ну, а меня нѣтъ. Я самъ его, шельму, въ свой кисеть уложу и въ карманъ спрячу. А вы еще молокососы, дурни!

III.

Въ данную минуту одинъ изъ подобныхъ споровъ только что затихъ. Старшее поколѣніе удалилось въ домъ и сквозь открытыя окна слышно было повременамъ, какъ Ставрченко съ торжествомъ рассказывалъ разные комическіе эпизоды и слушатели весело хохотали.

Молодые люди остались въ саду. Студентъ, подостлавъ подъ себя свитку и заломивъ «смущковую» шапку, разлегся на травѣ съ нѣсколько тенденціозною непринужденностью. Его старшій братъ сидѣлъ на завалинкѣ рядомъ съ Эвелиной. Кадетъ, въ аккуратно застегнутомъ мундирѣ, помѣщался съ ними рядомъ, а нѣсколько въ сторонѣ, опершись на подоконникъ, сидѣлъ, опустивъ голову, слѣпой: онъ обдумывалъ только что смолкшіе и глубоко взволновавшіе его споры.

— Что вы думаете обо всемъ, что здѣсь говорилось, панна Эвелина?—обратился къ своей сосѣдкѣ молодой Ставрченко.— Вы, кажется, не проронили ни одного слова.

— Все это очень хорошо, т.-е. то, что вы говорили отцу. Но...

— Но... что же?

Дѣвушка отвѣтила не сразу. Она положила къ себѣ на колѣна свою работу, разгладила ее руками и, слегка наклонивъ голову, стала разсматривать ее съ задумчивымъ видомъ. Трудно было разобрать, думала ли она о томъ, что ей слѣдовало взять для вышивки канву покрупнѣе, или же обдумывала свой отвѣтъ.

Между тѣмъ, молодые люди съ нетерпѣніемъ ждали этого отвѣта. Студентъ приподнялся на локтѣ и повернулъ къ дѣвушкѣ свое лицо, оживленное любопытствомъ. Ея сосѣдъ уставился въ нее спокойнымъ, пытливымъ взглядомъ. Слепой перемигнулъ свою непринужденную позу, выпрямился и потомъ вытянулъ голову, отвернувшись лицомъ отъ остальныхъ собесѣдниковъ.

— Но,—проговорила она тихо, все продолжая разглаживать рукой свою вышивку, — у всякаго человѣка, господа, своя дорога въ жизни.

— Господи!—рѣзко вскрикнулъ студентъ,—какое благоразуміе! Да вамъ, моя панночка, сколько лѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Семнадцать, — отвѣтила Эвелина просто, но тотчасъ же прибавила съ наивно-торжествующимъ любопытствомъ:—а, вѣдь, вы думали, гораздо больше, не правда ли?

Молодые люди засмѣялись.

— Если бы у меня спросили мнѣніе насчетъ вашего возраста,—сказала ей сосѣдъ,—я сильно колебался бы между тринадцатью и двадцатью тремя. Право, иногда вы кажетесь совсѣмъ-таки ребенкомъ, а разсуждаете порой какъ умная старушка.

— Въ серьезныхъ дѣлахъ, Гаврило Петровичъ, нужно и разсуждать серьезно, — произнесла маленькая женщина докторальнымъ тономъ, опять принимаясь за работу.

Всѣ на минуту смолкли. Иголка Эвелины опять мѣрно заходила по вышивкѣ, а молодые люди оглядывали съ любопытствомъ миниатюрную фигуру благоразумной особы.

Эвелина, конечно, значительно выросла и развилась со времени первой встрѣчи съ Петромъ, но замѣчаніе студента насчетъ ея возраста было совершенно справедливо. При первомъ взглядѣ на это небольшое, худощавое созданье казалось, что это еще дѣвочка; но въ ея неторопливыхъ, размѣренныхъ движеніяхъ сказывалась нерѣдко солидность женщины. То же впечатлѣніе

производило и ее лицо. Такія лица бываютъ, кажется, только у славянокъ. Правильныя, красивыя черты зарисованы плавными холодными линиями; голубые глаза глядятъ ровно, спокойно; румянецъ рѣдко является на этихъ блѣдныхъ щекахъ, но это не та обычная блѣдность, которая ежеминутно готова вспыхнуть пламенемъ жгучей страсти; нѣтъ, это скорѣе холодная бѣлизна снѣга. Прямые свѣтлые волосы Эвелины чуть-чуть оттѣнялись на мраморныхъ вискахъ и спадали назадъ тяжелою косой, какъ будто оттягивавшей назадъ ее голову при походкѣ.

Слѣпой тоже выросъ и возмужалъ. Всякому, кто посмотрѣлъ бы на него въ ту минуту, когда онъ сидѣлъ поодаль отъ описанной группы, блѣдный, взволнованный и красивый, сразу бросилось бы въ глаза это своеобразное лицо, на которомъ такъ рѣзко отражалось всякое душевное движеніе. Черные волосы красивою волной склонялись надъ выпуклымъ лбомъ, по которому прошли раннія морщинки. На щекахъ быстро вспыхивалъ густой румянецъ и такъ же быстро разливалась матовая блѣдность. Нижняя губа, чуть-чуть оттянутая углами внизъ, повременамъ какъ-то напряженно вздрагивала, а большіе красивые глаза, глядѣвшіе неизмѣнно-ровнымъ и неподвижнымъ взглядомъ, придавали молодому лицу чистаго южно-русскаго типа какой-то не совсѣмъ обычный мрачный оттѣнокъ.

— И такъ, — насмѣшливо заговорилъ студентъ послѣ нѣкотораго молчанія, — панна Эвелина полагаетъ, что все, о чемъ мы говорили, недоступно женскому уму, что удѣлъ женщины — узкая сфера дѣтской и кухни.

Молодая дѣвушка отвѣтила съ обычною серьезностью:

— Нѣтъ, я этого не думаю. Я понимаю все, о чемъ здѣсь говорилось; значить, женскому уму это доступно. Я говорила только о себѣ лично.

Она смогла и наклонилась надъ шитьемъ съ такимъ вниманіемъ къ этой работѣ, что у молодаго человѣка не хватило рѣшимости продолжать дальнѣйшій допросъ.

— Странно, — пробормоталъ онъ. — Можно подумать, что вы распланировали уже свою жизнь до самой могилы.

— Что же тутъ страннаго, Гаврило Петровичъ? — тихо возразила дѣвушка. — Я думаю, даже Илья Ивановичъ (имя кадета) намѣтилъ уже свою дорогу, а, вѣдь, онъ моложе меня.

— Это правда, — сказалъ кадетъ, довольный этимъ вызовомъ. — Я недавно читалъ біографію NN. Онъ тоже поступалъ

по ясному плану: въ двадцать лѣтъ женился, а въ двадцать пять командовалъ частью.

Студентъ ехидно засмѣялся, дѣвушка слегка покраснѣла.

— Ну, вотъ видите, — сказала она черезъ минуту съ тою же невозмутимостью въ голосъ, — у всякаго своя дорога.

Никто не возражалъ больше. Среди молодой компаніи водворилась серьезная тишина, подъ которой чувствуется такъ ясно недоумѣлый испугъ: всѣ смутно поняли, что разговоръ перешелъ на деликатную личную почву... И среди этого молчанія ясно слышался только шорохъ темнѣющаго и будто чѣмъ недвольнаго стараго сада.

IV.

Всѣ эти бесѣды, эти споры, эта волна кипучихъ молодыхъ запросовъ, надеждъ, ожиданій и мнѣній, — все это нахлынуло на слѣпаго неожиданно и бурно. Сначала онъ прислушивался къ нимъ съ выраженіемъ восторженнаго изумленія, но вскорѣ онъ не могъ не замѣтить, что эта живая волна катится мимо него, что ей до него нѣтъ дѣла. Къ нему не обращались съ вопросами, у него не спрашивали мнѣній, и скоро оказалось, что онъ стоитъ особнякомъ, въ какомъ-то грустномъ уединеніи, тѣмъ болѣе грустномъ, чѣмъ шумнѣе была теперь жизнь усадьбы.

Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ прислушиваться ко всему, что для него было такъ ново, и его крѣпко сдвинутыя брови, поблѣднѣвшее лицо выказывали усиленное вниманіе. Но это вниманіе было мрачно; подъ нимъ таилась тяжелая и горькая работа мысли.

Мать смотрѣла на сына съ печалью въ глазахъ. Глаза Эвелины выражали сочувствіе и безпокойство. Одинъ Максимъ будто не замѣчалъ, какое дѣйствіе производитъ шумное общество на слѣпаго, и радушно приглашалъ гостей навѣдываться почаще въ усадьбу, обѣщая молодымъ людямъ обильный этнографическій матеріалъ къ слѣдующему пріѣзду.

Гости обѣщали вернуться и уѣхали. Прощаясь, молодые люди радушно пожимали руки Петра. Онъ порывисто отвѣчалъ на эти пожатія и долго прислушивался, какъ стучали по дорогѣ колеса ихъ брички. Затѣмъ онъ быстро повернулся и ушелъ въ садъ.

Съ отъѣздомъ гостей въ усадьбѣ все стихло, но эта тишина показалась слѣпому какою-то особенной, необычной и странной. Въ ней слышалось какъ будто признаніе, что въ усадьбѣ случилось что-то особенно важное. Въ смолешихъ аллеяхъ, отзывавшихся только шепотомъ буковъ и сирени, слѣпому чуялись отголоски недавнихъ разговоровъ. Онъ слышалъ также, въ открытое окно, какъ мать и Эвелина о чемъ-то спорили съ Максимомъ въ гостиной. Въ голосѣ матери онъ замѣтилъ мольбу и страданіе, голосъ Эвелины звучалъ негодованіемъ, а Максимъ, казалось, страстно, но твердо отражалъ нападеніе женщинъ. Съ приближеніемъ Петра эти разговоры мгновенно смолкали.

Максимъ езнательно, безпощадною рукой пробилъ первую брешь въ стѣнѣ, окружавшей до сихъ поръ міръ слѣпаго. Гулкая и безпокойная первая волна уже хлынула въ эту брешь, и душевное равновѣсіе юноши дрогнуло подъ этимъ первымъ ударомъ.

Теперь ему казалось уже тѣсно въ его заколдованномъ кругѣ. Его тяготила тишь усадьбы, лѣнивый шепотъ и шорохъ стараго сада, тяготило споконіе юнаго душевнаго сна. Тьма заговорила къ нему своими новыми обольстительными голосами, заколыхалась передъ нимъ, тѣсясь, съ тоскливою суетой заманчиваго оживленія.

Она звала его, манила къ себѣ, будила дремавшіе въ душѣ запросы, и уже эти первые призывы сказались въ его лицѣ блѣдностью, а въ душѣ—тупымъ, хотя еще смутнымъ страданіемъ. А Максимъ готовился пробить новую и еще новую брешь.

У.

Когда черезъ двѣ недѣли молодые люди опять вернулись вмѣстѣ съ отцомъ, Эвелина встрѣтила ихъ съ холодною сдержанностью. Однако, ей было трудно устоять противъ обаятельнаго молодаго оживленія. Цѣлые дни молодые люди шатались по деревнѣ, охотились, записывали въ поляхъ пѣсни жницъ и жнецовъ, а вечеромъ вся компанія собиралась, какъ и въ первый вечеръ, на завалинкѣ усадьбы, въ саду.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Эвелина не успѣла спохватиться, какъ разговоръ опять перешелъ на щекотливыя темы. Какъ это случилось, ни она, да и никто не замѣтилъ. Это вышло такъ же незамѣтно, какъ незамѣтно потухала заря и по

саду расплзались вечернія тѣни, какъ незамѣтно завелъ соловей въ кустахъ свою вечернюю пѣсню.

Молодой человекъ говорилъ пылко, съ тою особенною юношескою страстью, которая кидается на встрѣчу неизвѣстному будущему безразсчетно и безразсудно, съ гордымъ торжествующимъ вызовомъ. Была въ этой вѣрѣ и въ этой страсти какая-то особенная и какая-то чарующая сила, почти неодолимая сила призыва...

Молодая дѣвушка вспыхнула, понявъ, что этотъ вызовъ, быть можетъ, безъ сознательнаго расчета былъ обращенъ теперь къ ней.

Она слушала, низко наклоняясь надъ работой. Ея глаза заискрились, лицо загорѣлось румянцемъ, сердце стучало... Потомъ блескъ глазъ потухъ, лицо поблѣднѣло, губы сжались, а сердце застучало еще сильнѣе, и въ лицѣ появилось выраженіе испуга...

Она испугалась оттого, что подъ вліяніемъ молодыхъ рѣчей студента передъ ея глазами будто раздвинулась вдругъ темная стѣна сада и въ этотъ просвѣтъ блеснули далекія перспективы обширнаго кипучаго и дѣятельнаго міра.

И ей стало страшно. Ей показалось, что кто-то готовится вынуть ножъ изъ ея давнишней раны.

Но это продолжалось недолго.

Ея жизнь зависѣла отъ нея; она это знала... Она знала также, что ея рѣшеніе принято, и это рѣшеніе безповоротно; она обдумала свой первый шагъ въ жизни, и она его сдѣлаетъ. А тамъ—она посмотритъ, что можно будетъ взять у жизни еще.

Дѣвушка отвела свои синіе глубокіе глаза отъ студента и посмотрѣла туда, гдѣ сидѣлъ Петръ. Но его уже не было на прежнемъ мѣстѣ.

Тогда, спокойно сложивъ работу, она тоже поднялась.

— Извините, господа, — сказала она, обращаясь къ гостямъ. — Я васъ на время оставляю однихъ.

И она пошла вдоль темной аллеи.

Этотъ вечеръ былъ исполненъ тревоги не для одной Эвелины. На поворотѣ аллеи, гдѣ стояла скамейка, дѣвушка услышала взволнованные голоса. Максимъ разговаривалъ съ сестрой.

— Да, объ ней я думалъ въ этомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ о немъ, — говорилъ старикъ сурово. — Я не хочу вѣрить, что ты желала бы воспользоваться невѣдѣніемъ ребенка...

Въ голосѣ Анны Михайловны, когда она отвѣтила, слышались слезы.

— А что же, Максъ, если... если она... Что же будетъ тогда съ моимъ мальчикомъ?

Максимъ не успѣлъ отвѣтить. Молодая дѣвушка, въ первую минуту инстинктивно остановившаяся у поворота, теперь быстро вышла и, гордо поднявъ голову, прошла мимо бесѣдовавшихъ. Максимъ невольно подобралъ свой костыль, чтобы дать ей дорогу, а Анна Михайловна посмотрѣла на нее съ какимъ-то подавленнымъ выраженіемъ любви, почти обожанія и страха.

Мать будто чувствовала, что эта гордая бѣлокурая дѣвушка, которая только что прошла съ такимъ гнѣвно-вызывающимъ видомъ, принесла съ собой счастье или несчастье ея ребенка.

VI.

Въ саду стояла старая, заброшенная мельница. Колеса давно уже не вертѣлись, валы обросли мхомъ и сѣвось старыя шлюзы просачивалась вода нѣсколькими тонкими, неумолчно звенѣвшими струйками. Это было любимое мѣсто слѣпаго. Здѣсь онъ просиживалъ цѣлые часы на парапетѣ плотины, прислушиваясь къ говору сочившейся воды, и умѣлъ прекрасно передавать на фортепіано этотъ говоръ. Но теперь ему было не до того... Теперь онъ быстро ходилъ по дорожкѣ съ переполненнымъ горечью сердцемъ, съ искаженнымъ отъ внутренней боли лицомъ.

Заслышавъ легкіе шаги дѣвушки, онъ остановился; онъ давно уже привыкъ дѣлать съ нею всѣ свои ощущенія, и ея присутствіе его не стѣсняло. Эвелина положила ему на плечо свою руку и спросила:

— Что это съ тобой? Отчего ты такой грустный?

Онъ отвѣтилъ не сразу и, повернувшись, зашагалъ опять по дорожкѣ. Дѣвушка пошла съ нимъ рядомъ.

Нѣсколько минутъ они ходили молча. Казалось, присутствіе молодой дѣвушки смягчало настроеніе слѣпаго; острая душевная боль стихала, лицо становилось спокойнѣе; всколыхавшаяся со дна души грусть улеглась, и на ея мѣсто выдвинулось какое-то особенное ощущеніе, томительное и сладкое. Онъ еще не сознавалъ этого чувства, но каждый разъ подчинялся его благотворному влиянію. И теперь его настроеніе приняло болѣе мягкій, хотя все же нелишенный задумчивой грусти оттѣнокъ.

— Знаешь, мнѣ стало очень тяжело!—заговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Потому что, вѣдь, я тоже понимаю все, о чемъ они говорили, хотя они говорили не для меня. Я лишній, совсѣмъ, совсѣмъ лишній на свѣтѣ. И зачѣмъ я только родился?

Дѣвушка вскинула испуганными глазами и затѣмъ, будто собираясь съ мыслями, низко наклонила голову и пошла опять съ нимъ рядомъ.

Слѣпой остановился.

— Да, зачѣмъ я родился? Знаешь ли?... Пожалуй это вѣрно, что говорятъ старики: съ годами становится все хуже и хуже на свѣтѣ... Въ старые годы всѣмъ было лучше, даже слѣпымъ. У нихъ тоже было свое мѣсто въ жизни и свое дѣло... Почему я не родился въ это время, когда по свѣту ходили слѣпые пѣвцы? Я взялъ бы лиру или бандуру и ходилъ бы по городамъ, и по селамъ, и по дальнимъ степямъ, и всюду, куда бы я ни являлся, ко мнѣ собирались бы толпы людей и я пѣлъ былъ бы имъ о дѣлахъ ихъ отцовъ, о подвигахъ величія и славы, будилъ бы святые чувства, вливалъ бы въ сердца одушевленіе и отвагу. Тогда и я былъ бы чѣмъ-нибудь въ жизни. А теперь? Даже этотъ багетикъ съ такимъ рѣзкимъ голосомъ, и тотъ,—ты слышала,—говорить: жениться и командовать частью. Надъ нимъ смѣялись, а я... а мнѣ даже и это недоступно.

Голубые глаза дѣвушки широко открылись отъ испуга и въ нихъ сверкнула слеза.

— Это ты наслушался рѣчей студента, — сказала она въ смущеніи, стараясь придать голосу тонъ беззаботной шутки.

— Да,—задумчиво отвѣтилъ Петръ.—А какой онъ... славный... у него очень пріятный голосъ.

— Да, онъ хорошій,—задумчиво и почти съ нѣжностью подтвердила Эвелина, но вдругъ, какъ-то гнѣвно спохватившись, прибавила рѣзко: — Нѣтъ, онъ мнѣ вовсе не нравится! Онъ слишкомъ самоувѣренъ и голосъ у него непріятный и рѣзкій.

Онъ выслушалъ съ удивленіемъ эту гнѣвную вспышку. Дѣвушка топнула ногой и продолжала:

— И все это глупости! Это все, я знаю, придумалъ Максимъ. О, какъ я ненавижу теперь этого Максима!

— Что ты это, Веля?—спросилъ слѣпой.—Чѣмъ же тутъ провинился Максимъ?

— О, онъ тоже считаетъ себя умнымъ человѣкомъ и потому со своими расчетами истребилъ въ себѣ всякіе признаки

сердца... Не говори, не говори мнѣ объ нихъ... И откуда они присвоили себѣ право распоряжаться чужою судьбой?

Она вдругъ порывисто остановилась, сжала свои тонкія руки, такъ что на нихъ хрустнули пальцы, и какъ-то по-дѣтски заплакала.

Слѣпой взялъ ее за руку съ удивленіемъ и участіемъ. Эта вспышка спокойной и всегда выдержанной дѣвушки была такъ неожиданна и необъяснима. Онъ прислушивался одновременно къ ея плачу и къ тому странному отголоску, какимъ отзывался этотъ плачь въ его собственномъ сердцѣ.

Но вдругъ она высвободила руку и слѣпой опять удивился: дѣвушка смѣялась.

— Какая я, однако, глупая! И о чемъ это я плачу?

Она вытерла глаза и потомъ заговорила растроганнымъ и добрымъ голосомъ:

— Нѣтъ, нужно быть справедливой; оба они хорошіе, честные люди. И то, что онъ говорилъ сейчасъ,—хорошо! Но, вѣдь, это же не для всѣхъ.

— Для всѣхъ, кто можетъ,—отвѣтилъ глухо слѣпой.

— Какіе пустыни!—отвѣтила она ясно, хотя въ ея голосѣ вмѣстѣ съ улыбкой слышались еще недавнія слезы.—Вѣдь, вотъ даже Максимъ воевалъ, пока могъ, а теперь живетъ, какъ можетъ. Ну и мы...

— Ты говоришь *мы*? Почему?

— Потому что... Ну, да потому, что, вѣдь, ты на мнѣ женишься, и, значитъ, наша жизнь будетъ одинакова.

Слѣпой отступилъ въ какомъ-то странномъ, но все же радостномъ изумленіи.

— Я?... На тебѣ?... Значить, ты за меня... замужъ?...

— Ну да, ну да, конечно!—отвѣтила она съ торопливымъ волненіемъ.—Какой же ты глупый! Неужели тебѣ никогда не приходило это въ голову? Вѣдь, это же такъ просто! На комъ же тебѣ и жениться, какъ не на мнѣ?

— Конечно,—согласился онъ съ какимъ-то страннымъ эгоизмомъ, но тотчасъ спохватился.

— Послушай, Веля,—заговорилъ онъ, взявъ ее за руку.— Тамъ сейчасъ говорили: въ большихъ городахъ дѣвушки учатся всему, передъ тобой тоже могла бы открыться широкая дорога... А я...

— Что же ты?

— А я... слѣпой!—закончилъ онъ совершенно нелогично.

Дѣвушка улыбнулась, но сама продолжала въ томъ же тонѣ:

— Такъ что же, что слѣпой? Но, вѣдь, я люблю тебя слѣпаго, такъ и выходить надо за тебя... Это ужъ всегда такъ бываетъ, что же намъ дѣлать?

Онъ тоже улыбнулся и опустилъ голову съ видомъ обычнаго раздумья, будто прислушиваясь къ тому, что подымалось въ его душѣ. Было тихо; только вода говорила о чемъ-то, журча и звеня. Временами казалось, что этотъ говоръ ослабѣваетъ и вотъ-вотъ стихнетъ; но тотчасъ же онъ опять повышался и опять звенѣлъ безъ конца и перерыва. Густая черемуха шептала темною листвою; въ саду раздавались повременамъ послѣднія, задумчивыя трели смолкавшей соловьиной пѣсни.

Этимъ смѣлымъ и неожиданнымъ, хотя и мягкимъ, ласкающимъ ударомъ дѣвушка разсѣяла темную тучу, нависшую надъ сердцемъ слѣпаго. Подъ наплывомъ смутившаго его новаго чувства юноша вѣриво сжалъ ея маленькую руку въ своей. Она тихо, чуть замѣтно отвѣтила на это пожатіе. Тогда онъ обнялъ ея талию и, прижимая ея къ себѣ одною рукой, другою слегка погладилъ ея шелковистые волосы.

— Не надо, милый, — тихо и застѣнчиво проговорила дѣвушка, освобождаясь изъ его объятія, и ея мягкій голосъ отозвался какими-то необычно глубокими нотами въ сердцѣ слѣпаго.

Онъ не противился и, отпустивъ ея, вздохнулъ полною грудью. Онъ слышалъ, какъ она оправляетъ свои волосы. Его сердце билось сильно, но ровно и пріятно; онъ почувствовалъ, какъ горячая кровь разноситъ по всему тѣлу какую-то новую сосредоточенную силу. Когда черезъ минуту она сказала ему своимъ обыкновеннымъ голосомъ: «Ну, теперь вернемся къ гостямъ», онъ съ удивленіемъ вслушивался въ этотъ милый голосъ, звучавшій для него теперь какою-то небывалою мелодіей.

VII.

Гости и хозяйка собрались въ маленькой гостиной; не доставало только слѣпаго и Эвелины. Максимъ разговаривалъ со своимъ старымъ товарищемъ, молодые люди сидѣли молча у открытыхъ оконъ; въ небольшомъ обществѣ господствовало то особенное тихое настроеніе, въ глубинѣ котораго какъ будто ощущается какая-то не для всѣхъ ясно, но всеми сознаваемая дра-

ма. Максимъ среди разговора кидалъ короткіе выжидающіе взгляды по направленію къ дверямъ. Пани Попельская съ грустнымъ и какъ будто виноватымъ лицомъ явно старалась быть внимательною и любезною хозяйкой, и только одинъ панъ Попельскій, значительно обруглѣвшій и, какъ всегда, благодушный, дремалъ въ своемъ стулѣ въ ожиданіи ужина.

Когда на террасѣ, которая вела изъ сада въ гостиную, раздалась шаги, всѣ глаза повернулись туда. Въ темномъ четырехугольномъ широкихъ дверей показалась фигура Эвелины, а за нею тихо подымался по ступенькамъ слѣпой.

Молодая дѣвушка почувствовала на себѣ эти сосредоточенныя, внимательныя взгляды; однако, это ее не смутило. Она прошла черезъ комнату своею обычною ровною поступью, и только на одно мгновеніе, встрѣтивъ короткій изъ-подъ бровей взглядъ Максима, она чуть-чуть улыбнулась и ея глаза какъ будто сверкнули вызовомъ и усмѣшкой. Максимъ задумался и отвѣтилъ невпопадъ на заданный ему прямо вопросъ. Пани Попельская вглядывалась въ своего сына.

Молодой человѣкъ, казалось, шелъ вслѣдъ за дѣвушкой, не сознавая хорошо, куда она ведетъ его. Когда на темномъ фонѣ дверей показалось его блѣдное лицо и тонкая фигура, онъ вдругъ приостановился въ раздумьи на порогѣ этой освѣщенной и людной комнаты. Но затѣмъ онъ перешагнулъ черезъ порогъ и быстро, хотя съ тѣмъ же недурасъяннымъ, полусосредоточеннымъ видомъ подошелъ къ фортепіано и поднялъ его крышку.

Повидимому, теперь онъ забылъ, гдѣ находится, забылъ, что въ комнатѣ сидятъ чужіе люди, и инстинктивно стремился къ любимому инструменту, чтобы дать исходъ охватившему его чувству.

Открывъ крышку, онъ слегка тронулъ клавиши и пробѣжалъ по нимъ нѣсколькими быстрыми, легкими аккордами. Казалось, онъ о чемъ-то спрашивалъ не то у инструмента, не то у собственного настроенія.

Потомъ, вытянувъ на клавишахъ руки, онъ глубоко задумался и въ маленькой гостиной воцарилась тишина. Ночь глядѣла въ черныя отверстія оконъ; кое-гдѣ изъ сада заглядывали съ любопытствомъ зеленыя группы листьевъ, освѣщенныхъ свѣтомъ лампы. Гости, подготовленные только что смолѣвшимъ смутнымъ рокотомъ пьянино, отчасти охваченные вѣяніемъ стран-

наго вдохновенія, витавшаго надъ блѣднымъ лицомъ слѣпаго, сидѣли въ молчаливомъ ожиданіи...

А Петръ все молчалъ, приподнявъ кверху слѣпые глаза, и все будто прислушивался къ чему-то. Въ его душѣ подымались, какъ расколыхавшіяся волны, самыя разнообразныя ощущенія. Приливъ невѣдомой жизни подхватывалъ его, какъ подхватываетъ волна на морскомъ берегу долго и мирно стоявшую на пескѣ лодку... На лицѣ видѣлось удивленіе, вопросъ и еще какое-то особенное возбужденіе проходило по немъ волнами. Слепые глаза будто расширялись, сверкали и тускнѣли опять.

Одну минуту можно было подумать, что онъ не находитъ въ своей душѣ того, къ чему прислушивается съ такимъ жаднымъ вниманіемъ. Но потомъ, хотя все съ тѣмъ же удивленнымъ видомъ и все какъ будто не дождавшись чего-то, онъ дрогнулъ, тронулъ клавиши и, подхваченный новою волной нахлынувшего чувства, отдался весь звучнымъ и плавнымъ, звенящимъ, поющимъ и рокочущимъ аккордамъ...

Тутъ было все, что тѣснилось въ его воспоминаніи, когда онъ, за минуту передъ тѣмъ молча, и опустивъ голову, прислушивался къ впечатлѣніямъ изъ пережитаго прошлаго. Тутъ были голоса природы, шумъ вѣтра, шепотъ лѣса, плескъ рѣки и смутный говоръ, смолгающій въ безвѣстной дали. Все это сплеталось и звенѣло на фонѣ того особеннаго глубокаго и расширяющаго сердце ощущенія, которое вызывается въ душѣ таинственнымъ говоромъ природы и которому такъ трудно подыскать настоящее опредѣленіе... Тоска? Но отчего же она такъ пріятна?... Радость?... Но зачѣмъ же она такъ глубоко, такъ бесконечно грустна?

Все это звучало подъ руками слѣпаго сначала тихо, неувѣренно, неопредѣленно. Казалось, воображеніе музыканта пытается подняться надъ хаотическимъ приливомъ впечатлѣній и не можетъ. Властныя, но разрозненныя, сильныя, но смутно-неопредѣленныя и потому томящія душу вѣянія могучей и безучастной природы владѣли вполне музыкантомъ, но онъ не владѣлъ ими.

Повременамъ звуки усиливались, вырастали, крѣпли. Казалось, вотъ-вотъ нѣсколькими ударами онъ сольетъ ихъ въ стройный потокъ могучей и прекрасной гармоніи, и въ такія минуты слушатели замирали отъ ожиданія, а Максимъ удивлялся, откуда явилась у слѣпаго эта небывалая полнота ощу-

щений. Но этот поток, не успев подняться, вдруг падалъ съ какимъ-то жалобнымъ рокотомъ, точно волна, разсыпавшаяся въ пѣну и брызги, и изъ-подъ него долго звучали, замирая, ноты горькаго недоумѣнія и будто вопроса.

Слѣпой смолкала на минуту и опять въ гостиной стояла тишина, нарушаемая только шепотомъ листьевъ въ саду. Обаяніе, овладѣвавшее слушателями и уносившее ихъ далеко за эти скромныя стѣны, разрушалось, и маленькая комната сдвигалась вокругъ нихъ, и ночь глядѣла къ нимъ въ темныя окна, пока, собравшись съ силами, музыкантъ не ударялъ вновь по клавишамъ инструмента.

И опять звуки крѣпли и искали чего-то, подымаясь къ своей полнотѣ, выше, сильнѣе... Въ непредѣленный и смутный перезвонъ и говоръ аккордовъ влетали чуждыя мелодіи народной пѣсни, звучавшей то любовью и грустью, то воспоминаніемъ о минувшихъ страданіяхъ и славѣ, то молодою удаляю разгула и надежды. Это слѣпой пробовалъ вылить свое чувство въ готовые и хорошо знакомыя формы.

Но и пѣсня смолкала, дрожа въ тишинѣ маленькой гостиной тою же жалобною нотой неразрѣшеннаго вопроса.

Въ третій разъ онъ остановился на пьесѣ, которую разучилъ когда-то по нотамъ... быть можетъ, онъ надѣялся привести свое новое *личное* чувство въ гармонію съ личнымъ творчествомъ музыкальнаго генія...

VIII.

Пользоваться нотами слѣпому вообще очень трудно. Онѣ отдавливаются, какъ и буквы, рельефомъ, причемъ тоны обозначаются отдѣльными знаками и ставятся въ одинъ рядъ, какъ строчки книги. Чтобъ обозначить тоны, соединенные съ аккордомъ, между ними ставятся восклицательные знаки. Понятно, что слѣпому приходится заучивать ихъ наизусть, притомъ отдѣльно для каждой руки. Такимъ образомъ, это—очень сложная и трудная работа; однако, Петру и въ этомъ случаѣ помогала любовь къ отдѣльнымъ составнымъ частямъ этой работы. Заучивъ на память по нѣскольку аккордовъ для каждой руки, онъ садился за фортепiano и, когда изъ соединенія этихъ выпуклыхъ іероглифовъ вдругъ, неожиданно для него самого, складывались стройныя созвучія, это доставляло ему такое наслажденіе и представ-

яло столько живаго интереса, что этимъ сухая работа скрашивалась и даже завлекала.

Тѣмъ не менѣе, между изображенною на бумагѣ пьесой и ея исполненіемъ ложились, въ этомъ случаѣ, слишкомъ много промежуточныхъ процессовъ. Пока знакъ воплощался въ мелодію, онъ долженъ былъ пройти черезъ руки, закрѣпиться въ памяти и затѣмъ совершить обратный путь къ концамъ играющихъ пальцевъ. При этомъ сильно развитое музыкальное воображеніе и музыкальное чувство слѣпаго, успѣвшее отлиться въ своеобразныя формы, вмѣшивались въ сложную работу заучиванія и налагали на чужую пьесу замѣтный субъективный отпечатокъ. Формы, въ какія успѣло отлиться музыкальное чувство Петра, были именно тѣ, въ какихъ ему впервые явилась мелодія, въ какія отливалась затѣмъ игра его матери. Это были формы народной музыки, которыя звучали постоянно въ его душѣ, которыми говорила этой душѣ родная природа.

И теперь, когда онъ игралъ эту пьесу съ трепещущимъ сердцемъ и переполненною душой, въ его игрѣ съ первыхъ же пѣвучихъ аккордовъ сказалось что-то до такой степени яркое, живое, проникнутое искреннимъ чувствомъ и, въ то же время, своеобразное, что на лицахъ слушателей выраженіе восторга долго смѣшивалось съ выраженіемъ удивленія. Однако, черезъ нѣсколько минутъ очарованіе вновь овладѣло слушателями безраздѣльно и только старшій изъ сыновей Ставрченко, музыкантъ по профессіи, долго еще вслушивался въ игру, стараясь уловить знакомую пьесу и анализируя своеобразную «манеру» піаниста.

Музыка стоитъ внѣ партій, внѣ столкновенія мнѣній. Глаза молодежи сверкали оживленіемъ, лица пылали, въ головахъ зарождались смѣлыя мысли о невѣдомой жизни и счастья. Но глаза стараго скептика тоже горѣли воодушевленіемъ. Сначала старикъ Ставрченко сидѣлъ, свѣсивъ голову, и молчаливо слушалъ, но потомъ сталъ воодушевляться все большіе и больше, подталкивалъ Максима локтемъ и шепталъ:

— Вотъ этотъ играетъ, такъ ужь играетъ. Можно сказать... Дobre!... Ей-Богу...

По мѣрѣ того, какъ звуки росли, онъ сталъ вспоминать что-то, должно быть, про свою молодость, потому что глаза его заискрились, лицо покраснѣло, весь онъ выпрямился и, приподнявъ руку, хотѣлъ даже ударить кулакомъ по столу, но удержался и опустилъ кулакъ безъ всякаго звука. Оглядѣвъ

своихъ молодцовъ быстрымъ взглядомъ, онъ погладилъ усы и, наклонившись къ Максиму, прошепталъ:

— Хотятъ стариковъ въ архивъ... Брешутъ!... Въ свое время и мы съ тобой, братику, тоже... Да и теперь еще... Правду я говорю или нѣтъ?

Анна Михайловна вопросительно смотрѣла на Эвелину. Дѣвушка сложила на колѣнахъ работу и смотрѣла на слѣпаго музыканта, но въ ея голубыхъ глазахъ видѣлось только восхищенное вниманіе. Она-то понимала эти звуки по своему: ей слышался въ нихъ звонъ воды въ старыхъ шлязахъ и шепотъ черемухи въ потемнѣвшей аллеѣ.

IX.

Но на лицѣ слѣпаго не было видно того восторга, какой овладѣлъ его слушателями. Повидимому, и послѣдняя пьеса не дала ему того удовольствія, котораго онъ искалъ. Финальные ноты дрогнули, какъ и прежде, смутнымъ вопросомъ, недовольствомъ и жалобой, и, взглянувъ въ лицо сына, мать увидѣла на немъ выраженіе, которое показалось ей знакомымъ: въ ея памяти всталъ солнечный день давней весны, когда ея ребенокъ лежалъ на берегу рѣки, подавленный слишкомъ яркими впечатлѣніями отъ возбуждающей весенней природы.

Но теперь это выраженіе промелькнуло въ лицѣ Петра и исчезло. Въ гостиной поднялся шумный говоръ. Ставрученко-отецъ заключилъ музыканта въ свои вѣрнопія объятія.

— Отлично играешь, хлопча! Ей-Богу, по нашему играешь, дѣбре!

Молодые люди, еще взволнованные и возбужденные, пожимали его руки. Студентъ предсказывалъ ему широкую и громкую извѣстность, артиста.

— Да, это вѣрно!—подтвердилъ старшій братъ.—Вамъ удалось удивительно усвоить самый характеръ народной мелодіи. Вы сжились съ нею и овладѣли ею въ совершенствѣ. Но скажите, пожалуйста, какую именно пьесу играли вы въ концѣ?

Петръ назвалъ итальянскую пьесу.

— Я такъ и думалъ,—отвѣтилъ молодой человекъ.—Мнѣ она нѣсколько знакома... У васъ удивительно своеобразная манера. Многіе играютъ ее лучше вашего, но такъ, какъ вы, ее не исполнялъ еще никто.

— Почему же ты считаешь, что другіе играютъ ее лучше?— спросилъ у него братъ.

— Видишь ли... Я слышалъ исполненіе, согласное съ подлинникомъ. А это... какъ будто переводъ съ итальянскаго музыкальнаго языка на малорусскій...

Слѣпой слушалъ внимательно. Впервые еще онъ сталъ центромъ этихъ оживленныхъ разговоровъ, и въ его душѣ зародилось гордое сознаніе своей силы. И такъ, онъ тоже можетъ что-нибудь сдѣлать въ жизни. Онъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, съ рукой, вытянутой на юпитрѣ, и подъ шумъ разговоровъ внезапно почувствовалъ на этой рукѣ чье-то горячее прикосновеніе. Это Эвелина подошла къ нему и, незамѣтно сжимая его пальцы, прошептала съ радостнымъ возбужденіемъ:

— Ты слышалъ? У тебя тоже будетъ своя работа... Если бы ты видѣлъ, что ты можешь сдѣлать съ людьми своею игрой!...

Слѣпой вздрогнулъ и выпрямился.

Никто не замѣтилъ этой короткой сцены, кромѣ матери. Ея лицо вспыхнуло яркимъ румянцемъ, какъ будто это ей былъ данъ первый поцѣлуй молодой и страстной любви.

Слѣпой все сидѣлъ на томъ же мѣстѣ съ матово-блѣднымъ лицомъ. Онъ боролся съ нахлынувшими на него впечатлѣніями новаго счастья, а, можетъ быть, ощущалъ также приближеніе грозы, которая вставала уже безформенною и тяжелою тучей откуда-то изъ глубины его мозга.

5. Кризисъ. Попытки синтеза.

I.

На другой день слѣпой проснулся рано. Въ комнатѣ было тихо, въ домѣ тоже не началось еще движеніе дня. Въ окно, которое оставалось открытымъ на ночь, вливалась изъ сада свѣжесть ранняго утра. Память не возстановила еще въ умѣ Петра событія вчерашняго дня, но все его существо было переполнено какимъ-то новымъ, неизвѣданнымъ ощущеніемъ.

Нѣсколько минутъ онъ лежалъ въ постели, прислушиваясь къ тихому щебетанью какой-то птички въ саду и къ странному чувству, нараставшему въ его сердцѣ.

«Что это было со мной?»—подумалъ онъ, и въ то же мгновеніе въ его памяти прозвучали слова, которыя она сказала вчера,

въ сумерки, у старой мельницы: «Неужели ты никогда не думалъ объ этомъ?... Какой ты глупый!...»

Да, онъ никогда объ этомъ не думалъ. Ея близость доставляла ему наслажденіе, но до вчерашняго дня онъ не сознавалъ этого, какъ мы не ощущаемъ воздуха, которымъ дышемъ. Эти простые слова упали вчера въ его душу, какъ падаетъ съ высоты камень на поверхность зеркальной воды: еще за минуту она была ровна и спокойно отражала свѣтъ солнца и синее небо... одинъ ударъ—и она всколебалась до самаго дна.

Теперь онъ проснулся съ обновленною душой, и она, его давняя подруга, являлась ему въ новомъ свѣтѣ. Вспоминая все, что произошло вчера, до малѣйшихъ подробностей, онъ прислушивался съ удивленіемъ къ тону ея «новаго» голоса, который возстановило въ его памяти воображеніе. «Какой ты глупый!...» «Милый, не надо!...»

Онъ быстро вскочилъ, одѣлся и по росистымъ дорожкамъ сада побѣжалъ къ старой мельницѣ. Вода журчала, какъ вчера, и такъ же шептались кусты черемухи, только вчера было темно, а теперь стояло яркое солнечное утро. И никогда еще онъ «не чувствовалъ» свѣта такъ ясно. Казалось, вмѣстѣ съ душистою сыростью, съ ощущеніемъ утренней свѣжести въ него проникали эти смѣющіеся лучи веселаго дня, щекотавшіе его нервы.

Но вмѣстѣ съ этимъ радостнымъ возбужденіемъ и параллельно ему зарождалось въ глубинѣ его сердца какое-то другое ощущеніе. Оно не имѣло опредѣленной формы. Онъ даже и не сознавалъ его въ началѣ, но, тѣмъ не менѣе, съ первыхъ же дней оно вполеталось въ его настроеніе, какъ грустный аккордъ вполетается незамѣтно въ веселую пѣсню. Оно набиралось гдѣ-то въ душевной глубинѣ, какъ набирается изъ маленькаго облачка темная туча въ раскаленной лазури, и подобно тому, какъ туча растетъ, наливаясь дождемъ, оно наливалось слезами. Разрастаясь все больше, это новое чувство такъ овладѣло его душой, что покрыло все остальное.

Еще такъ недавно въ его ушахъ звучали ея слова, вставали всѣ подробности перваго объясненія, онъ будто чувствовалъ подъ руками ея шелковистые волосы, слышалъ у своей груди удары ея сердца. И изъ всего этого складывался какой-то образъ, заставлявшій радостно биться его собственное сердце. Теперь что-то темное и безформенное будто ударило въ этотъ образъ мертвящимъ дуновеніемъ, и онъ исчезъ, разлетѣлся. Напрасно при-

ходилъ онъ къ мельницѣ и простаивалъ здѣсь цѣлые часы, обуреваемый противоположными ощущеніями, стараясь возстановить въ воображеніи ея слова, тонъ ея голоса, ея движенія. Онъ уже не могъ соединить ихъ въ ту гармоничную цѣлостность чувства, которая переполняла его въ первое время. Уже съ самаго начала на днѣ этого чувства лежало зернышко чего-то другаго, и теперь это «другое» разстилалось надъ нимъ, какъ стелется грозовая туча по горизонту.

Теперь звуки ея голоса угасли, померкли всѣ впечатлѣнія счастливаго вечера и на ихъ мѣстѣ зѣла пустота. А на встрѣчу этой пустотѣ изъ самой глубины души слѣпца подымалось что-то съ тяжелымъ усиленіемъ, чтобы ее заполнить.

Онъ хотѣлъ ее видѣть!

Яркій толчекъ, разбудившій отъ спокойнаго сна временно уравновѣшенные молодыя силы, разбудилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ту роковую силу, въ которой лежали задатки неутолимаго страданія.

Онъ ее полюбилъ и хотѣлъ ее видѣть!

II.

Гости опять уѣхали, и все пошло по старому въ усадьбѣ Попельскихъ, но темпераментъ слѣпца рѣзко измѣнился. Онъ сталъ неровень и нервень. Повременамъ, когда минуты его счастья вставали передъ нимъ, живыя и яркія, онъ нѣсколько оживлялся и лицо его прояснялось. Но это бывало не надолго, а современемъ даже эти свѣтлыя минуты приняли какой-то безпокойный характеръ: казалось, слѣпой боялся, что онъ улетѣтъ и никогда уже не вернутся. Это дѣлало его обращеніе неровнымъ: минуты порывистой нѣжности и сильнаго нервнаго возбужденія смѣнялись днями подавленной безпросвѣтной печали. Наконецъ худшія изъ опасеній матери сбылись: къ юношѣ вернулись тревожные сны его дѣтства.

Однимъ утромъ Анна Михайловна вошла въ комнату сына. Онъ еще спалъ, но его сонъ былъ какъ-то странно тревоженъ: глаза полуоткрылись и тускло глядѣли изъ-подъ приподнятыхъ вѣкъ, лицо было блѣдно и на немъ виднѣлось выраженіе безпокойства.

Мать остановилась, окидывая сына внимательнымъ взглядомъ, стараясь открыть причину странной тревоги. Но она видѣла

только, что эта тревога все вырастаетъ и на лицѣ спящаго обозначается все яснѣе выраженіе напряженнаго усилія.

Вдругъ ей почудилось надъ постелью какое-то едва уловимое движеніе. Яркій лучъ, ударившій въ стѣну надъ самымъ изголовьемъ, будто дрогнулъ и слегка скользнулъ внизъ. Еще и еще... свѣтлая полоска тихо прокрадывалась къ полуоткрытымъ глазамъ и по мѣрѣ ея приближенія безпокойство спящаго все возрастало.

Анна Михайловна стояла неподвижно, въ состояніи, близкомъ къ кошмару, и не могла оторвать испуганнаго взгляда отъ огненной полосы, которая, казалось ей, легкими, но все же замѣтными точками все ближе надвигается къ лицу ея сына. И это лицо все больше блѣднѣло, вытягивалось, застывало въ выраженіи тяжелаго усилія. Вотъ желтоватый отблескъ заигралъ въ волосахъ, затеплился на лбу юноши. Мать вся подалась впередъ, будто въ инстинктивномъ стремленіи защитить его, но ноги ея не двигались, точно въ настоящемъ кошмарѣ. Между тѣмъ, вѣки спящаго совсѣмъ приподнялись, въ неподвижныхъ зрачкахъ заискрились лучи и голова замѣтно отдѣлилась отъ подушки, на встрѣчу свѣту. Что-то вродѣ улыбки или плача пробѣжало судорожною вспышкой по губамъ и все лицо опять застыло въ неподвижномъ порывѣ.

Наконецъ, усиленіемъ воли мать побѣдила оковавшую ея члены неподвижность и, подойдя къ постели, положила руку на голову сына. Онъ вздрогнулъ и проснулся.

— Ты, мама?—спросилъ онъ.

— Да, это я.

Онъ приподнялся. Базалось, какой-то тяжелый туманъ застилалъ еще его сознаніе. Но черезъ минуту онъ сказалъ:

— Я опять видѣлъ сонъ... Я теперь часто вижу сны, но... ничего не помню...

III.

Такъ прошло болѣе года. Безпросвѣтная тяжелая грусть смѣнялась въ настроеніи юноши раздражительною нервностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастала замѣчательная тонкость его ощущеній. Слухъ его чрезвычайно обострился; свѣтъ онъ ощущалъ всѣмъ своимъ организмомъ, и это было замѣтно даже ночью: онъ могъ отличать даже лунныя ночи отъ темныхъ и нерѣдко

долго просиживалъ на дворѣ, когда всѣ въ домѣ спали, неподвижный и грустный, отдаваясь странному дѣйствию мечтательнаго и фантастическаго луннаго свѣта. При этомъ его блѣдное лицо всегда поворачивалось за плывшимъ по синему небу огненнымъ шаромъ и глаза отражали искристый отблескъ холодныхъ лучей.

Когда же этотъ шаръ, все выроставшій по мѣрѣ приближенія къ землѣ, подергивался тяжелымъ краснымъ туманомъ и тихо скрывался за чертой горизонта, лицо слѣпаго становилось спокойнѣе и мягче. Онъ поднимался и уходилъ въ свою комнату.

О чемъ онъ думалъ въ эти долгія ночи, — трудно сказать. Въ извѣстномъ возрастѣ каждый, кто только извѣдалъ радости и муки вполнѣ сознательнаго существованія, переживаетъ въ болѣе или меньшей степени состоянія душевнаго кризиса. Оставаясь на рубежѣ дѣятельной жизни, человекъ старается опредѣлить свое мѣсто въ природѣ, свое назначеніе, свои отношенія къ окружающему міру. Это своего рода «мертвая точка», и благо тому, кого размахъ жизненной силы проведетъ черезъ нее безъ крупной ломки. У Петра этотъ душевный кризисъ еще осложнялся: къ вопросу «зачѣмъ жить на свѣтѣ?» — онъ прибавлялъ: «зачѣмъ жить именно слѣпому?» Наконецъ, въ самую эту работу нерадостной мысли вдвигалось еще что-то постороннее, какое-то почти физическое давленіе неутолимой потребности, и это постоянно присущее ему, неотразимое давленіе отражалось даже на складѣ его характера: онъ становился все болѣе и болѣе нервенъ и безпредметно раздражителенъ.

— Я хочу видѣть, — говорилъ онъ, когда это настроеніе смягчалось настолько, что онъ могъ говорить о немъ съ Эвелиной. — Хочу видѣть я не могу освободиться отъ этого желанія. Если бы я могъ хоть разъ, хоть во снѣ увидѣть небо и землю, и яркое солнце... и потомъ запомнить все это. Если бы я могъ увидѣть, такимъ образомъ, мать, отца... тебя и Максима, я былъ бы доволенъ... Я бы не мучился больше.

И онъ съ замѣчательнымъ упорствомъ возвращался къ этой идѣ. Оставаясь наединѣ, онъ бралъ въ руки различные предметы, ощупывалъ ихъ съ небывалою внимательностью и потомъ, отложивъ ихъ въ сторону, старался вдуматься въ изученныя формы. Точно также вдумывался онъ въ тѣ различія яркихъ цвѣтныхъ поверхностей, которыя при напряженной чуткости нерв-

ной системы онъ улавливалъ довольно отчетливо посредствомъ осязанія. Но все это проникало въ его сознаніе именно только какъ различія въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но безъ ясно опредѣлимаго чувственного содержанія. Теперь даже солнечный день онъ отличалъ отъ ночной темноты лишь потому, что дѣйствіе яркаго свѣта, проникавшаго къ мозгу недоступными сознанію путями, только сильнѣе раздражало его мучительные запросы.

IV.

Теперь все, что интересовало его раньше въ книгахъ, которыя читалъ ему громко Максимъ, мало занимало его, и онъ останавливалъ вниманіе лишь на томъ, что такъ или иначе относилось къ его положенію. Однажды онъ остановилъ чтеніе и спросилъ: — «Красный звонъ»... «Малиновый звонъ»... Что же это такое?... Развѣ можно видѣть цвѣта и въ звукахъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Максимъ, — но иные звуки производятъ впечатлѣніе аналогичное съ впечатлѣніемъ отъ красокъ. Не знаю, буду ли я правъ и точно ли объясню тебѣ эту аналогію, но мнѣ лично приходилось думать о ней, и она представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ: когда я смотрю на ярко-красную поверхность болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, на меня ея красный цвѣтъ производитъ впечатлѣніе чего-то упруго-волнующагося. Кажется, будто эта ровная краснота быстро мѣняется: оставляя подъ собой болѣе глубокой темный фонъ, она кое-гдѣ выдѣляется болѣе свѣтлыми, быстро всплывающими и такъ же быстро упдающими взмахами, волнами, которыя очень сильно дѣйствуютъ на глазъ. Такъ вотъ, вѣроятно, по аналогіи съ этимъ звонъ называютъ краснымъ.

— Да, да! погоди! — сказалъ Петръ, быстро открывая пианино.

Онъ ударилъ своею умѣлою рукой по клавишамъ, подражая праздничному колокольному трезвону. Иллюзія была замѣчательно полная. Аккордъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ тоновъ составлялъ какъ бы фонъ поглубже и на немъ выдѣлялись, будто прыгая и колеблясь, болѣе яркія, высшія ноты.

— Это? — спросилъ слѣпой.

— Да, это очень похоже, и я даже знаю людей, на слухъ которыхъ эти звуки дѣйствуютъ такъ же непріятно и сильно, какъ яркій красный цвѣтъ на мои глаза. Что касается выраженія «малиновый звонъ», то, сколько мнѣ извѣстно, его упо-

требляютъ въ отношеніи къ почтовымъ колокольчикамъ. Когда звонокъ звонитъ долго, онъ, какъ говорятъ, вызванивается: неровности исчезаютъ, звукъ получается глубже, ровнѣе и мягче, хотя онъ такъ же яркъ. Того же достигаютъ умѣлымъ подборомъ нѣсколькихъ различныхъ тоновъ.

— Послушай теперь,—сказалъ опять Петръ, и подъ его руками пианино зазвенѣло судорожными взмахами почтового колокольчика.

— Не то,—сказалъ Максимъ.—Нужно гораздо мягче.

— А, помню!

И инструментъ зазвенѣлъ ровнымъ, меланхолически-мягкимъ перезвономъ. Такъ звенитъ «наборъ» колокольцовъ подъ дугой русской тройки, удаляющейся по пыльной дорогѣ въ вечернюю безвѣстную даль, тихо, ровно, безъ громкихъ взмаховъ, все тише и тише, пока послѣднія ноты не замрутъ въ молчаніи спокойныхъ полей.

— Да, это похоже; ты понялъ разницу,—сказалъ Максимъ.— Вообще, въ нашемъ языкѣ есть много опредѣленій, общихъ для звуковыхъ, свѣтовыхъ и осязательныхъ впечатлѣній. Такъ, мы называемъ «яркими» и тоны, и краски; точно также слово «мягкій», взятое изъ области осязанія, прилагается и къ тѣмъ, и къ другимъ... Говорятъ даже: «теплый» цвѣтъ, «холодный» цвѣтъ. Это, конечно, только аналогія, но онѣ указываютъ на какія-то точки соприкосновенія... Когда-то... ты былъ еще ребенкомъ... мать пыталась объяснить тебѣ звуками краски.

— Да, я помню. Затѣмъ ты запретилъ намъ тогда продолжать?... Можетъ быть, мнѣ удалось бы понять.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Максимъ.— Это невозможно и твои усилія напрасны. Любой предметъ ты можешь изучить отдѣльно со стороны его пространственной формы, со стороны свойства его поверхности... наконецъ, даже смутныя различія окраски ты постигаешь какими-то не совсѣмъ понятными для меня путями... Но слить эти признаки въ одинъ цѣльный образъ... для этого нуженъ глазъ. Чѣмъ скорѣе ты отрѣшишься отъ своихъ напрасныхъ усилій, тѣмъ лучше для тебя.

Петръ не возражалъ; тѣмъ же менѣе, съ этого дня опять начались оставленные когда-то музыкальные эксперименты. Слепой изучалъ осязаніемъ яркіе лоскуты, а мать, вся взволнованная, съ чутко напряженною нервною системою, подбирала къ нимъ соотвѣтствующіе звуки.

У.

Максимъ теперь не противился этимъ сеансамъ; онъ увидѣлъ, что его вліяніе безсильно противъ внутренняго импульса, и думалъ, что слѣпому не остается ничего болѣе, какъ пройти по этому пути до конца и современемъ убѣдиться на опытѣ, что всѣ его попытки слить въ одно цѣлое отдѣльныя ощущенія невозможны. Въ виду скорѣйшаго достиженія этого результата, онъ самъ не отказывался помогать слѣпому въ его исканіяхъ.

— Послушай, дядя Максимъ,—сказалъ ему однажды Петръ.— Ты тогда такъ хорошо рассказалъ мнѣ о красномъ цвѣтѣ словами. Расскажи теперь о всѣхъ цвѣтахъ, какіе вы видите въ мірѣ.

Максимъ подумалъ.

— Это очень трудно, но я попробую. Я начну съ того, что тебѣ должно быть хорошо знакомо. Это—кровь.

— Кровь течетъ въ жилахъ. Но, вѣдь, ея не видно?

— Да, она разливается по тѣлу изъ сердца, которое бьется въ тебѣ безпрестанно, которое горитъ и трепещетъ отъ гнѣва и радости. Когда въ головѣ твоей рождается мысль, когда ты видишь свои сны, отъ которыхъ, проснувшись, дрожишь и плачешь, это значить, что кровь бьетъ изъ сердца сильнѣе, приливаетъ алыми ручьями къ мозгу... Ну, эта кровь—красная.

— Красная... теплая,—сказалъ юноша вдумчиво.

Максимъ остановился: продолжать ли, полно, эти безплодные рассказы? Но, взглянувъ, съ какою жадностью слѣпой ждалъ ихъ продолженія, онъ вздохнулъ и рѣшился.

— Прежде всего, я расскажу тебѣ о небѣ. Если ты взмахнешь рукой надъ своею головой, ты очертишь надъ ней полукругъ. Теперь представь себѣ, что рука у тебя безконечно длинна. Если бы ты могъ тогда взмахнуть ею, то могъ бы очертить полукругъ въ безконечности... Также безконечно далеко видимъ мы надъ собою полушаровой сводъ; онъ—синій. Мы называемъ его небомъ. По небу катится солнце отъ запада къ востоку; ты это знаешь? Знаешь также, когда по небу ходятъ темныя тучи. Тогда онѣ закрываютъ ровную глубокую синеву своими мутными, взволнованными и грозными очертаніями. Ты, вѣдь, чувствуешь, когда приближается грозовая туча...

— Да, я чувствую, какъ будто что-то смущаетъ душу...

— Это совершенно вѣрно. Синее небо—эмблема незноблемости, яснаго спокойствія. Мы ждемъ, когда изъ-за тучъ проглянетъ эта глубокая синь. Гроза пройдетъ, а небо надъ нею остается все то же; мы это знаемъ и потому спокойно переживаемъ грозу. И такъ, небо синее... Море тоже синее, когда спокойно. У твоей матери синіе глаза, у Эвелины тоже.

— Какъ небо...—нѣжно сказалъ слѣпой.

— Да. Голубые глаза считаются признакомъ ясной души. Теперь о землѣ. Вотъ у насъ недавно прошла весна... теперь лѣто, и поверхность земли почти вся покрыта зеленою травой. Земля сама по себѣ черна, черны и сыры стволы деревьевъ весной; но какъ только теплые и свѣтлые лучи разогрѣютъ ихъ темныя поверхности, изъ нихъ ползутъ кверху зеленая трава, зеленые листья. Для зелени нужны свѣтъ и тепло, но только не слишкомъ много тепла и свѣта. Оттого зелень такъ пріятна для глаза. Зелень—это какъ будто тепло въ смѣшеніи съ сырою прохладой; она возбуждаетъ представление о спокойномъ довольствѣ, здоровьи, но не о страсти и не о томъ, что люди называютъ счастьемъ... Понялъ ли ты?

— Н-нѣтъ... неясно... но все же, пожалуйста, говори дальше.

— Ну, что же дѣлать!... Слушай дальше. Лѣто разгорается все жарче, все ярче... Зелень какъ будто изнемогаетъ отъ избытка жизненной силы, листья въ истомѣ спускаются книзу и, если солнечный зной не умѣряется сырою прохладой дождя, зелень можетъ совсѣмъ поблекнуть. За то къ осени среди усталой листвы наливается и алѣетъ плодъ. Плодъ краснѣе на той сторонѣ, гдѣ больше свѣта; въ немъ какъ будто сосредоточена вся сила жизни, вся страсть растительной природы. Ты видишь, что красный цвѣтъ и здѣсь—цвѣтъ страсти, и онъ служитъ ея символомъ. Это цвѣтъ нѣги и упоенія, цвѣтъ грѣха, ярости и гнѣва, это—эмблема неутолимаго возмездія... Но, вѣдь, ты опять не понимаешь?

— Все равно, дальше, дальше!

— Наступаетъ поздняя осень. Плодъ отяжелѣлъ; онъ срывается и падаетъ на землю... Онъ умираетъ, но въ немъ живетъ сѣмя, а въ этомъ сѣмени живетъ въ «возможности» и все будущее растение, съ его будущей роскошною листвою и съ его новымъ плодомъ. Сѣмя падаетъ на землю; а надъ землей низко подымается уже холодное солнце, бѣжить холодный вѣтеръ, не-

сутся холодныя тучи... Жизнь, страсть замирають тихо, незамѣтно... Изъ-подъ зелени земля все больше проступаетъ своею чернотой... И вотъ наступаетъ день, когда на эту смирившуюся и притихшую, будто овдовѣвшую, землю падаютъ милліоны снѣжинокъ, и вся она становится ровна, одноцвѣтна, холодна и... бѣла. Бѣлый цвѣтъ — цвѣтъ холоднаго снѣга, цвѣтъ высочайшихъ облаковъ, которыя плывутъ въ недосыгаемомъ холодѣ поднебесныхъ высотъ, цвѣтъ величавыхъ и бесплодныхъ горныхъ вершинъ... Это—эмблема безстрастія и холодной, высокой святости, эмблема будущей безплотной жизни. Что же касается чернаго цвѣта...

— Знаю, — перебилъ слѣпой. — Это — нѣтъ звуковъ, нѣтъ движеній... ночь...

— Да, и потому, это — эмблема смерти...

Петръ вздрогнулъ и сказалъ какъ-то глухо:

— Ты самъ сказалъ: смерти. А, вѣдь, для меня все черно... всегда и всюду черно!

— Неправда, — живо отвѣтилъ Максимъ, — для тебя существуютъ звуки, тепло, движеніе...

— Да, — отвѣтилъ юноша задумчиво. — Это правда, у звуковъ есть тоже свои цвѣта, и я теперь знаю красные звуки, и зеленые, и гордые бѣлые тоны, которые парятъ въ недосыгаемыхъ высотахъ. Но всѣхъ ближе кажутся мнѣ темные звуки горя, которые стелются низко надъ землею. Я не радуюсь, играя... Я плачу.

— Знаешь, — заговорилъ Максимъ серьезно, — ты слишкомъ мало цѣнишь еще одно благо, которое доступно тебѣ въ такой мѣрѣ, въ какой рѣдко кому выпадаетъ на долю. Мы говорили о свѣтѣ, о теплѣ, о звукахъ... Но у тебя есть еще чувство... ты окруженъ любовью... Но ты не замѣчаешь этого и страдаешь такъ сильно потому, что слишкомъ эгоистично носишься со своимъ горемъ...

— Да! — воскликнулъ Петръ страстно, — я ношусь съ нимъ поневолѣ: куда же мнѣ уйти отъ него, когда оно всюду со мной?

— Если бы ты могъ понять, что на свѣтѣ есть горе во сто разъ больше твоего, такое горе, въ сравненіи съ которымъ твоя жизнь, обезпеченная и окруженная участіемъ, можетъ быть названа блаженствомъ, тогда...

— Неправда, неправда, — гнѣвно перебилъ слѣпой тѣмъ

же тономъ страстнаго возбужденія.—Я помѣнялся бы съ послѣдними нищими, я готовъ надѣть его рвань!... Онъ видитъ!...

— Хорошо,—сказалъ Максимъ холодно.—Я докажу тебѣ, что ты ошибаешься.

II.

Верстахъ въ шестидесяти отъ усадьбы Попельскихъ, въ небольшомъ городишкѣ была чудотворная католическая икона. Знатоки дѣла опредѣляли съ полною точностью ея чудодѣйственную силу: всякій, кто приходилъ къ иконѣ въ день ея праздника пѣшкомъ, пользовался «двадцатью днями отпущенія», т.-е. всѣ его беззаконія, совершенныя въ теченіе двадцати дней, должны были идти на томъ свѣтѣ на смарку. Поэтому каждый годъ, осенью, въ извѣстный день небольшой городокъ оживлялся, становился неузнаваемъ. Старая часовня принаряжалась къ своему празднику зеленью и цвѣтами, надъ городомъ стоялъ радостный звонъ колокола, грохотали «найтичанки» и «брички» пановъ, и богомольцы располагались густыми толпами по улицамъ, на площадяхъ и даже далеко въ полѣ. Тутъ были не одни католики. Слава Н—ской иконы гремѣла далеко, и къ ней приходили также недугующіе и огорченные православные, преимущественно изъ городского класса.

Въ самый день праздника по обѣ стороны «каплицы» народъ вытянулся по дорогѣ несмѣтною пестрою вереницей. Тому, кто посмотрѣлъ бы на это зрѣлище съ вершины одного изъ холмовъ, окружавшихъ мѣстечко, могло бы показаться, что это гигантскій змѣй растянулся по дорогѣ около часовни и лежитъ тутъ неподвижно, повремениамъ только пошевеливая матовою чешуей разныхъ цвѣтовъ. По обѣимъ сторонамъ занятой народомъ дороги въ два ряда вытянулось цѣлое полчище нищихъ, протягивавшихъ руки за подаваніемъ.

Максимъ на своихъ костыляхъ и рядомъ съ нимъ Петръ обѣ руку съ Юхимомъ тихо двигались вдоль улицы. Оставивъ за собой самое шумное и людное мѣсто, они приближались къ выходу въ поле.

Говоръ многоголосой толпы, выкрикиванія евреевъ-факторовъ, стукъ экипажей,—весь этотъ грохотъ, катившійся какою-то гигантскою волной, остался сзади, сливаясь въ одно непрерывное, колыхавшееся, подобно волнѣ, рокотаніе. Но и здѣсь, хотя толпа

была рѣже, все же то и дѣло слышался топоть пѣшеходовъ, шуршаніе колесъ, людской говоръ. Цѣлый обозъ чумаковъ выѣзжалъ со стороны поля и, поскрипывая, грузно сворачивалъ въ ближайшій переулокъ.

Петръ разсѣянно прислушивался къ этому оживленному шуму, удивляясь, зачѣмъ Максимъ привезъ его сюда въ этотъ день. Несмотря на то, что самъ панъ Попельскій былъ католикъ, ребенокъ былъ окрещенъ въ вѣрѣ матери православнымъ священникомъ, и для него здѣсь не было праздника. Тѣмъ не менѣе, онъ послушно шелъ за Максимомъ, то и дѣло запахивая пальто, такъ какъ было холодно, и продолжалъ на ходу ворочать въ головѣ свои тяжелыя мысли.

Но вдругъ, среди этой эгоистической сосредоточенности, что-то поразило его вниманіе такъ сильно, что онъ вздрогнулъ и внезапно остановился.

Послѣдніе ряды городскихъ зданій вончались здѣсь и широкая трактовая дорога входила въ городъ среди заборовъ и пустырей. У самаго выхода въ поле благочестивыя руки воздвигли когда-то каменный столбъ съ иконой и фонаремъ, который, впрочемъ, скрипѣлъ только вверху отъ вѣтра, но никогда не зажигался. У самаго подножія этого столба расположились кучкой слѣпыя нищіе, оттертые своими зрячими конкуррентами съ болѣе выгодныхъ мѣстъ. Они сидѣли съ деревянными чашками въ рукахъ и повременамъ кто-нибудь затягивалъ жалобную пѣсню:

— Под-дайте сліпенькимъ... ра-а-ди Христа...

День былъ холодный; нищіе сидѣли здѣсь съ утра, открытые холодному вѣтру, налетавшему съ поля. Они не могли двигаться среди этой толпы, чтобы согрѣться, и въ ихъ голосахъ, тянувшихъ поочереды протяжную пѣсню, слышалась безотчетная жалоба физическаго страданія и полной безпомощности. Первые ноты слышались еще довольно отчетливо, но затѣмъ изъ сдавленныхъ грудей вырывался только какой-то жалобный ропотъ, замиравшій тихою дрожью озноба. Тѣмъ не менѣе, даже послѣдніе, самые тихіе звуки пѣсни, почти терявшейся среди уличнаго шума, достигая человѣческаго слуха, поражали всякаго громадностью заключеннаго въ нихъ непосредственнаго страданія.

— Что это? — спросилъ Петръ, рѣзко хватая Максима за руку.

Его лицо исказилось, точно какой-то слуховой призракъ явился передъ нимъ въ видѣ этого страдальческаго вопля.

— Это?—переспросилъ Максимъ холодно.—Это просто слѣпые нищіе... Они не видятъ точно такъ же, какъ и ты... Только имъ, вдобавокъ, немного холодно... а уйти нельзя: хочется ѣсть... У тебя, кажется, въ карманѣ есть деньги. Бинь имъ... пятакъ.

Петръ, который въ ужасѣ бросился было впередъ, вдругъ остановился. Онъ вынулъ свой кошелекъ и, отвернувшись инстинктивно, чтобы не слышать вновь раздавшейся въ эту минуту пѣсни слѣпыхъ, протянулъ его Максиму.

— Отдай имъ это... Отдай все, что у тебя есть, только уйдемъ... ради Бога, уйдемъ поскорѣе отсюда... Я не могу, не могу этого слышать...

VII.

На другой день Петръ лежалъ въ своей комнатѣ въ нервной горячкѣ. Онъ метался по постели съ искаженнымъ лицомъ, по временамъ къ чему-то прислушиваясь, и порывался бѣжать. Старый докторъ изъ мѣстечка приписывалъ болѣзнь простудѣ, но Максимъ зналъ ея настоящую причину.

Болѣзнь была упорна. Когда наступилъ кризисъ, больной лежалъ нѣсколько дней почти безъ движенія. Наконецъ, молодой организмъ побѣдилъ.

Разъ, свѣтлымъ осеннимъ утромъ, яркій лучъ прорвался въ окно и упалъ къ изголовью больного. Замѣтивъ это, Анна Михайловна обратилась къ Эвелинѣ:

— Задери занавѣску... Я такъ боюсь этого свѣта...

Дѣвушка поднялась, чтобы исполнить приказаніе, но неожиданно раздавшійся, въ первый разъ, голосъ слѣпца остановилъ ее тихо сказанною фразой:

— Нѣтъ, ничего. Пожалуйста... оставьте такъ...

Объ женщины радостно склонились надъ нимъ.

— Ты узнаешь меня?—спросила мать.

— Да!—отвѣтилъ больной и потомъ смолкъ, будто стараясь что-то припомнить.

— Ахъ, да!...—заговорилъ онъ тихо.—Багъ это ужасно.

Эвелина закрыла ему ротъ рукой.

— Тихе, тихе! Не говори; тебѣ вредно.

Онъ прижалъ эту руку къ губамъ и покрылъ ее поцѣлуями. На его глазахъ стояли слезы. Онъ долго плакалъ и это его облегчило.

— Да, — сказалъ онъ, поворачивая лицо къ вошедшему въ ту минуту Максиму, — я не забуду твоего урока. Благодарю тебя... вмѣстѣ съ сознаниемъ чужаго горя, ты подарилъ мнѣ сознание моего счастья. Дай Богъ, чтобы мнѣ удалось никогда не забывать ни того, ни другаго.

Молодой организмъ, разъ побѣдивъ болѣзнь, быстро справлялся съ ея остатками. Недѣли черезъ двѣ Петръ былъ уже на ногахъ.

Въ немъ произошла сильная пережѣна. Рѣзкое нравственное потрясеніе перешло теперь въ тихую задумчивость и спокойную грусть; измѣнились даже черты лица; въ нихъ не было замѣтно прежнихъ припадковъ остраго внутренняго страданія.

Максимъ боялся, что это только временная пережѣна, вызванная тѣмъ, что нервная напряженность ослаблена болѣзью. Но мѣсяцы проходили, а настроеніе слѣпаго оставалось все тѣмъ же.

Слишкомъ острое сознание своего личнаго горя угнетаетъ энергію, вносить въ душу пассивный моментъ страданія. Сознание же горя чужаго есть моментъ активный; онъ подымаетъ душу, будитъ энергію и мысль, заставляетъ ее искать возможнаго исхода сочувствію.

Теперь, вмѣсто безплодныхъ попытокъ освободиться отъ неизбѣжнаго личнаго горя, въ душѣ Петра водворилась забота о томъ, что онъ можетъ сдѣлать для облегченія судьбы другихъ. Тутъ были сомнѣнія въ выборѣ пути и въ своихъ силахъ, но была также надежда...

6. Интуція.

I.

Когда Эвелина объявила старикамъ Яскульскимъ свое неизмѣнное рѣшеніе выйти за слѣпаго «изъ усадьбы», старушка-мать заплакала, а отецъ, помолившись передъ иконами, объявилъ, что, по его мнѣнію, именно такова воля Божія относительно даннаго случая.

Сыграли свадьбу. Для Петра началось молодое тихое счастье, но и оно не измѣнило его: въ самыя счастливыя минуты онъ улыбался такъ, что сквозь эту улыбку виднѣлось грустное сомнѣніе, какъ будто онъ не считалъ этого счастья законнымъ и прочнымъ. Когда же ему сообщили, что, быть можетъ, онъ

скоро станеть отцомъ, онъ встрѣтилъ это извѣстiе съ выраженiемъ иснуга.

Тѣмъ не менѣе, настоящая его жизнь, проходившая въ тревожныхъ думахъ о женѣ и будущемъ ребенкѣ, не позволяла ему сосредоточиваться на прежнихъ бесплодныхъ потугахъ. Повременамъ также, среди этихъ заботъ, въ его душѣ поднималось воспоминанiе о жалобномъ воплѣ слѣпыхъ, и его сердце сжималось отъ состраданiя, а мысли принимали новое направленiе.

Такимъ образомъ, онъ сталъ менѣе чувствителенъ къ внѣшнимъ свѣтовымъ возбужденiямъ, а прежняя внутренняя работа потеряла свою остроту, улеглась. Тревожныя органическiя силы уснули; онъ не будилъ ихъ сознательнымъ стремленiемъ воли—слить въ одно цѣлое разнородныя ощущенiя. Но, кто знаетъ, быть можетъ, это душевное затишье только способствовало безсознательной органической работѣ, и смутныя ощущенiя свѣта, логическiя представленiя о немъ и звуковыя аналогiи тѣмъ успѣшнѣе прокладывали въ его мозгу пути по направленiю другъ къ другу. Такъ, во снѣ мозгъ часто свободно творить идеи и образы, которыхъ ему никогда бы не создать при участiи воли.

II.

Въ той самой комнатѣ, гдѣ нѣкогда родился Петръ, стояла тишина, среди которой раздавался только всхлипывающiй плачь ребенка. Со времени его рожденiя прошло уже нѣсколько дней и Эвелина быстро поправлялась. Но за то Петръ всѣ эти дни казался подавленнымъ сознаниемъ какого-то близкаго несчастья.

Докторъ, взявъ ребенка на руки, перенесъ и уложилъ его поближе къ окну. Быстро отдернувъ занавѣску, онъ пропустилъ въ комнату лучъ яркаго свѣта и наклонился надъ мальчикомъ съ своими инструментами. Петръ сидѣлъ тутъ же, съ опущенною головою, все такой же подавленный и безучастный. Базалось, онъ не придавалъ дѣйствию доктора ни малѣйшаго значенiя, предвидя впередъ результаты.

— Онъ навѣрное слѣпъ, — твердилъ онъ. — Ему тоже не слѣдовало бы родиться.

Молодой докторъ не отвѣчалъ и молча продолжалъ свои наблюденiя. Наконецъ, онъ положилъ офтальмоскопъ и въ комнатѣ раздался его увѣренный, спокойный голосъ:

— Зрачокъ сокращается. Ребенокъ видитъ.

Петръ вздрогнулъ и быстро сталъ на ноги. Это движеніе показывало, что онъ слышалъ слова доктора, но, судя по выраженію его лица, онъ какъ будто не понималъ ихъ значенія. Опершись дрожащею рукой на подоконникъ, онъ застылъ на мѣстѣ съ блѣднымъ, приподнятымъ вверху лицомъ и неподвижными чертами.

До этой минуты онъ находился въ какомъ-то странномъ состояніи возбужденія. Онъ будто не чувствовалъ себя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ фибры въ немъ жили и трепетали отъ ожиданія.

Онъ сознавалъ темноту, которая его окружала. Онъ ее объективировалъ, чувствовалъ ее внѣ себя, во всей ея необъятности. Она надвигалась на него, а онъ охватывалъ ее воображеніемъ, какъ будто мѣряясь съ нею. Онъ вставалъ ей на встрѣчу, желая защитить своего ребенка отъ этого необъятнаго, колеблющагося океана непроницаемой тьмы.

И пока докторъ въ молчаніи дѣлалъ свои приготовленія, онъ все находился въ этомъ состояніи. Онъ боялся прежде, но прежде въ его душѣ жили также признаки надежды. Теперь страхъ, томительный и ужасный, достигъ крайняго напряженія, овладѣвъ возбужденными до послѣдней степени нервами, а надежда замерла, скрывшись гдѣ-то въ глубокихъ тайникахъ его сердца. И вдругъ эти два слова: «ребенокъ видитъ!» внезапно перевернули его настроеніе. Страхъ мгновенно схлынулъ, надежда также мгновенно превратилась въ увѣренность, освѣтивъ чутко приподнятый душевный строй слѣпаго. Это былъ внезапный переворотъ, настоящій ударъ, ворвавшійся въ темную душу поражающимъ, яркимъ, какъ молнія, лучемъ. «Такъ вотъ оно, что значить свѣтъ у звука!...» Эти два слова будто прожгли въ его мозгу огненную дорогу... Будто электрическая искра вспыхнула гдѣ-то внутри и освѣтила послѣдніе тайники его организма... все въ немъ дрогнуло и самъ онъ задрожалъ, какъ дрожить туго натянутая струна подъ внезапнымъ ударомъ.

И вслѣдъ за этою молніей передъ его потухшими еще до рожденія глазами вдругъ зажглись странные призраки. Были ли это лучи, или звуки, онъ не отдавалъ себѣ отчета. Это были звуки, которые оживали, принимали формы и двигались лучами. Они сіяли, какъ куполь небеснаго свода, они катились, какъ яркое солнце по небу, они волновались, какъ волнуется шепотъ и шелестъ зеленой степи, они качались, какъ вѣтви

задумчивыхъ буквѣ. И странно: вѣтви такъ ясно и густо рисовались на небѣ, и степь уходила такъ далеко, и такъ звучно плескалась рѣчка, и это былъ такой синій, свержающій плескъ...

Кто-то взялъ его за руку. Да, онъ знаетъ это прикоснове-
ніе, онъ его слышитъ, ощущаетъ и видитъ. Опять это лучи-
звуки, которые складываются въ формы. Онъ знаетъ этотъ образъ,
любимый и свѣтлый, который звучитъ съ самаго дѣтства въ
душѣ такъ чудно, такъ ярко, такъ ясно! Это онъ, мягкій ма-
теринскій голосъ, любовь и горе, которыя глядятъ на него нѣж-
ными синими глазами, и этотъ взглядъ такъ глубоко теплится
въ его сердцѣ отвѣтными душевными тонами... Сѣдые... бѣлые
волосы, чистые и святые, высоко звучащіе тоны. Да, онъ те-
перь не только слышитъ, онъ чувствуетъ, видитъ этотъ лю-
бимый и кротко-возвышенный образъ, святую любовь.

Молодой, встревоженно-сочувственный обликъ... Сердце заби-
лось жарко и томно. Какъ же онъ не видалъ ее до сихъ поръ,
ее, своего друга, жену и... любовницу? А вотъ теперь и она
стоитъ передъ нимъ такъ же полно, и чудно, и ясно. Боль, лю-
бовь и тревога... Синіе взгляды, какъ и у матери, а въ голо-
сѣ... красные глубокіе тоны нематеринской любви, той самой, что
зажгла и въ его сердцѣ яркое пламя страсти. У нея свѣтлые,
«бѣлые» волосы... Конечно, онъ ихъ знаетъ, ощущаетъ и...
видитъ. Онъ чувствуетъ всеѣмъ существомъ, какъ она подни-
лась съ постели съ широко-раскрытыми глазами на встрѣчу его
восторгу.

А это?... Диссонансъ, ступъ костыля, задержанное восклицаніе... Онъ протянулъ руки къ учителю, который отдалъ ему свою жизнь. Онъ узнаетъ этотъ острый взглядъ, это упорство и энергичный голосъ... тяжелая угловатая фигура, какъ тяжелы и негармоничны звуки... рядъ диссонансовъ на фонѣ сдержанной страсти... Но уже этотъ образъ выдѣляется труднѣе изъ мрака, который опять, упруго волнуясь, надвигается на слѣпаго.

Вотъ все эти образы смѣшались, дрогнули и то, что оста-
валось отъ нихъ, скатилось по гигантскому радіусу въ беспро-
свѣтную тьму. Базалось, эти образы-звуки сплелись и смѣ-
шались, звеня и колеблясь, дрожа и смолкая, какъ дрожить и
смолкаетъ упругая струна: сначала выше и громче, потомъ все
тише, чуть слышно...

И смолкла...

Молчаніе, тьма, какіе-то смутные звуки-предметы будто пы-

таются еще возродиться изъ глубокаго мрака призранными очертаніями, но онъ не можетъ уловить ихъ тона, формы и цвѣта. Только гдѣ-то внизу зазвенѣли еще переливы гаммы и ряды бѣлыхъ костей клавиатуры мелькнули во тьмѣ и тоже скатились въ пространство.

И вдругъ всѣ вишіе звуки стали опять достигать его уха въ своей обычной формѣ. Онъ будто проснулся, но все еще стоялъ озаренный и радостный, сжимая руки матери и Максима.

— Что это съ тобой?—спросила мать встревоженнымъ голосомъ.

— Ничего... мнѣ кажется, что я... видѣлъ васъ всѣхъ. Я, вѣдь... не сплю?

— А теперь?—взволнованно спросила она. — Помнишь ли ты, будешь ли помнить?

Слѣпой глубоко вздохнулъ.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ съ усиленіемъ. — Я отдамъ все это... Я уже отдалъ все ему... ребенку.

Онъ пошатнулся и потерялъ сознание. Его лицо поблѣднѣло, но на немъ все еще блуждалъ отблескъ радостнаго удовлетворенія.

Э п и л о г ъ.

Многочисленная публика собралась въ Кіевѣ, во время «Контрактъ»*), слушать оригинальнаго музыканта. Онъ былъ слѣпъ, но молва передавала чудеса объ его музыкальномъ талантѣ. Контрактная зала была поэтому набита биткомъ и сборъ, имѣвшій неизвѣстное публикѣ благотворительное назначеніе, которымъ завѣдывалъ хромоу старикъ, родственникъ музыканта, былъ полный.

Въ залѣ настала глубокая тишина, когда на эстрадѣ появился молодой человекъ съ красивыми большими глазами и блѣднымъ лицомъ. Никто не призналъ бы его слѣпымъ, если бы эти глаза не были такъ неподвижны и если бы его не вела за руку молодая бѣлокурая дама, какъ говорили, жена музыканта.

— Немудрено, что онъ производитъ такое потрясающее впечатлѣніе,—говорилъ въ толпѣ какой-то зоиля своему сосѣду.—У него замѣчательно драматическая наружность.

*) Напоминаемъ, что „Контрактами“ называютъ кіевскую ярмарку.

Дѣйствительно, и это блѣдное лицо съ выраженіемъ вдумчиваго вниманія, и неподвижные глаза, и вся его фигура предрасполагали къ чему-то особенному, не привычному.

Его игра вполнѣ гармонировала съ этимъ впечатлѣніемъ.

Южно-русская публика вообще любитъ и цѣнитъ свои родныя мелодіи, но здѣсь даже разношерстная «контрафтовая» толпа была сразу захвачена этимъ кипучимъ музыкальнымъ потокомъ. Живое чувство родной природы, чуткая оригинальная связь съ непосредственными источниками народной мелодіи сказывались въ чудной импровизаціи, которая лилась изъ-подъ рукъ слѣпаго музыканта. Богатая красками, гибкая и пѣвучая, она бѣжала звонкою струей, то поднимаясь торжественнымъ гимномъ, то разливаясь задушевымъ грустнымъ напѣвомъ. Казалось по временамъ: то буря гулко гремитъ въ небесахъ, раскатываясь въ безконечномъ просторѣ, то лишь степной вѣтеръ звенитъ въ травѣ, на курганѣ, навѣвая смутныя грезы о минувшемъ.

Когда онъ смолкъ, громъ рукоплесканій охваченной восторгомъ толпы наполнилъ громадную залу. Слѣпой сидѣлъ съ опущенною головою, удивленно прислушиваясь къ этому незнакому грохоту. Но вотъ онъ опять поднялъ руки и ударилъ по клавишамъ. Многолюдная зала мгновенно притихла.

Въ эту минуту вошелъ Максимъ. Онъ внимательно оглядѣлъ эту толпу, охваченную однимъ чувствомъ, направившую на слѣпаго жадные, горячіе взгляды.

Старикъ слушалъ и ждалъ. Ему казалось, что эта могучая импровизація, такъ свободно льющаяся изъ души музыканта, вдругъ оборвется, какъ прежде, тревожнымъ болѣзненнымъ вопросомъ, который откроетъ новую рану въ душѣ его слѣпаго питомца. Но звуки росли и крѣпли, росли и поляѣли, росли и становились все болѣе и болѣе властными, захватывали сердце объединенной и замиравшей толпы.

И чѣмъ больше прислушивался Максимъ, тѣмъ яснѣе звучало для него въ игрѣ слѣпаго что-то какъ будто знакомое.

Да, это она, шумная улица. Свѣтлая, гремучая, полная жизни волна катится, дробясь, сверкая и разсыпаясь тысячею звуковъ. Она то поднимается, возрастаетъ, то падаетъ опять къ отдаленному, но неумолчному рокоту, оставаясь все время спокойной, красиво-безстрастной, холодной и безучастной.

И вдругъ сердце Максима упало. Изъ-подъ рукъ музыканта опять, какъ и нѣкогда, вырвался стонъ.

Вырвался, прозвенѣлъ и замерь.

Но нѣтъ, это уже не стонъ личнаго горя, не прежнее эгоистическое страданіе слѣпаго. На глазахъ старика появились слезы. Слезы были и на глазахъ его сосѣдей.

Выдѣляясь надъ этимъ красиво-безстрастнымъ волнующимся стихійною жизнью уличнымъ шумомъ, въ залѣ стояла теперь тихая, но властная, плачущая и за сердце хватающая нота.

Максимъ узналъ ее, горькую пѣсню слѣпыхъ:

— Подайте спянькимъ... пра-ди Хри-и-ста-а...

Будто ударъ разразился надъ толпою, и каждое сердце дрогнуло отъ звуковъ этого тихо замиравшаго вопля. Онъ давно уже смолкъ, но толпа, пораженная ужасомъ жизненной правды, хранила гробовое молчаніе.

Старый ветеранъ опустилъ голову и думалъ:

«Да, онъ прозрѣлъ... На мѣстѣ слѣпаго и неуголимаго эгоистическаго страданія онъ носить въ душѣ чужое горе, онъ его чувствуетъ, видитъ... И въ его рукахъ великая сила!...»

И старый солдатъ все ниже опускалъ голову. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, онъ недаромъ прожилъ на свѣтѣ; ему говорили объ этомъ, полные силы, властные звуки, стоявшіе въ залѣ, царившіе надъ толпою . . . . .

Такъ дебютировалъ слѣпой музыкантъ.

Вл. Короленко.

НАСЛѢДНИКЪ ЛОРДА.

(The heir presumptive).

Романъ Флоренсъ Марриэтъ.

ГЛАВА I.

Предложеніе.

Мѣсто дѣйствія—Лондонъ, время—1880 годъ.

Генераль Фуллеръ сидитъ на креслѣ въ своемъ кабинетѣ, задумчиво вертя въ рукахъ костяной ножикъ; противъ него—графъ Моунткарронъ.

Генераль—человѣкъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, хотя волосы его уже посѣдѣли. Лицо его очень красиво, съ тонкими чертами, симпатичнымъ выраженіемъ, но что-то въ складкахъ рта доказываетъ, что генералу труднѣе повелѣвать, чѣмъ повиноваться, по крайней мѣрѣ, дома. На дворѣ казармъ, на плацъ-парадѣ ему не трудно было заставить уважать свою волю, но въ домашнемъ быту онъ неизмѣнно терпитъ пораженіе. Именно это-то сознание и придадо его глазамъ терпѣливое, почти трогательное выраженіе, а всей фізіономіи какую-то покорность. Въ настоящую минуту онъ, видимо, смущень, даже испуганъ.

Лордъ Моунткарронъ—типъ совершенно иного рода. Это человекъ очень положительный и материалистъ. Въ его натурѣ слишкомъ мало духовнаго элемента, чтобы подняться выше. Онъ неспособенъ усвоить себѣ иной доктрины. Во внѣшности его нѣтъ ничего отталкивающаго и многіе назвали бы его красивымъ. Онъ молодъ, ему не болѣе тридцати лѣтъ; черты лица его правильны, волосы темные и блестящіе, глаза смѣлые, самоувѣренные. Одѣтъ онъ хорошо, не какъ кукла, вышедшая изъ рукъ портнаго, а какъ свѣтскій человекъ, и непринужденныя, изящныя манеры обличаютъ привычку къ хорошему обществу. А, между тѣмъ, ге-

нераль, все-таки, смотреть на него искоса и съ очевиднымъ недоувѣрjemъ.

— Хорошо ли вы меня поняли?—спросилъ, наконецъ, графъ.— Не осталось ли чего-нибудь недосказаннаго?

— Кажется, нѣтъ, лордъ Моунткарронъ. Предложеніе ваше настолько же искренно, какъ и почетно и... и.... лестно для моей дочери и меня.

— Я уже указалъ на выгоды, которыми ваша дочь будетъ пользоваться при моей жизни. Обезпеченіе на случай моей смерти весьма значительно, какъ можетъ сообщить вамъ мой повѣренный. Домъ и доходъ, закрѣпленные за вдовствующими графинями Моунткарронъ, болѣе чѣмъ соотвѣтствуютъ ихъ положенію, а еслибъ у насъ родился наслѣдникъ, ваша дочь пользовалась бы послѣ моей смерти такимъ же доходомъ, какъ и при моей жизни.

— Я вполне понялъ васъ, но...

— Наконецъ,— горячо продолжалъ графъ,— я готовъ записать на имя миссъ Фуллеръ такую пожизненную ренту, которая сдѣлаетъ ее совершенно независимую отъ меня или отъ рожденія наслѣдника.

— Я ничего не могу сказать противъ вашихъ предложеній или васъ самихъ, лордъ Моунткарронъ. Они въ вышшей степени щедры, даже болѣе этого; дочь моя не имѣла никакого права надѣяться на такую блестящую партію, а, между тѣмъ...

— Вы, все-таки, желаете сдѣлать какое-то возраженіе, генераль. Выскажитесь, пожалуйста, откровенно.

— Глѣдись очень молода,—нерѣшительно началъ старикъ.

— Извините, миссъ Фуллеръ минуло девятнадцать лѣтъ, а мнѣ двадцать девять. Годы наши, кажется, совершенно подходящіе.

— Но вы такъ мало знаете другъ друга...

— Столько же, полагаю, какъ и большинство людей до свадьбы,— улыбаясь отвѣчалъ лордъ.— Я имѣлъ честь быть представленнымъ миссъ Фуллеръ въ минувшій сезонъ, и съ той поры мы встрѣчались постоянно и, какъ мнѣ казалось, съ полнаго согласія ея матери.

Генераль пожалъ плечами. Онъ зналъ, что его жена одобрила бы всякаго, у кого есть титулъ.

— Вы полагаете,— продолжалъ онъ, немного помолчавъ,— что дочь моя любитъ васъ?

— Она сдѣлала мнѣ честь сказать это, — самодовольно отвѣчалъ графъ.

— Когда вы говорили съ нею?

— Вчера. Я не полагаю, чтобы мое предложеніе удивило миссъ Фуллеръ. Она приняла его, не колеблясь, рассчитывая, конечно, на ваше согласіе, и сама назначила мнѣ время, когда я долженъ обратиться къ вамъ. Надѣюсь, вы не откажетесь скрѣпить ея рѣшеніе.

— Лордъ Моунткарронъ, я имѣю въ виду только одно — счастье дочери. Считаю бесполезнымъ принуждать дѣвушекъ въ такомъ вопросѣ, какъ бракъ, даже еслибъ это и было возможно. Моя старшая дочь вышла по собственному желанію; то же самое сдѣлаетъ и Глэдисъ. Но она не говорила еще со мной, а до той поры я не могу дать рѣшительнаго отвѣта.

— Если рѣшеніе предоставляется миссъ Фуллеръ, я совершенно спокоенъ, — отвѣчалъ лордъ, вставая. — Надѣюсь, однако, вы не протомите меня долѣе, чѣмъ нужно. Когда могу я ожидать вашего отвѣта?

— Завтра. Я непременно напишу вамъ.

— А detain, въ такомъ случаѣ, — весело проговорилъ графъ, подавая руку.

Генералъ принялъ ее, но не улыбнулся.

— Рѣшеніе въ рукахъ Глэдисъ, — повторилъ онъ.

Когда лордъ Моунткарронъ вышелъ, старикъ опустился въ кресло и предался раздумью.

Онъ вовсе не походилъ на другихъ отцовъ. Дѣти его выросли не на его глазахъ, и когда дѣло касалось ихъ чувствъ или мыслей, онъ всегда приходилъ въ затрудненіе. Всю свою жизнь онъ провелъ въ Индіи, только изрѣдка пріѣзжая домой на побывку; дѣтей своихъ онъ отправлялъ въ Англію, одного за другимъ, такъ что мало-по-малу они сдѣлались ему почти чужими.

Последняя разлука длилась болѣе пяти лѣтъ. Дочери выросли подъ надзоромъ матери, стали выѣзжать, а одна изъ нихъ даже вышла замужъ. Теперь генералъ покинулъ службу и переселился на родину, но чувствовалъ себя чужимъ въ домашнемъ кругу, не зная большинства друзей своей семьи или ея тайнъ.

Чуждо было ему также и ничто болѣе важное: нравы и обычаи высшаго общества 1880 года. Тридцать лѣтъ жизни въ Индіи дѣлаютъ человѣка нѣсколько старомоднымъ; онъ сохраняетъ взгля-

ды своей юности, отстаетъ отъ быстро идущаго впередъ свѣта, а вѣрованія и доктрины молодежи нерѣдко пугаютъ его.

Для своихъ лѣтъ генераль Фуллеръ очень простодушный старикъ. Его дочери кажутся ему наивными, безхитростными существами, которыя должны краснѣть при одномъ упоминаніи о замужствѣ и не смѣть поднять глазъ въ присутствіи мужчинъ. Имя лорда Моунткаррона упоминалось при немъ на ряду съ многими другими, какъ имя простаго знакомаго, и онъ никакъ не можетъ повѣрить, чтобъ его безпечная хохотушка Глэдисъ могла серьезно привязаться къ этому человѣку, не выдавъ себя. Генераль вполне сознавалъ всѣ преимущества брака съ графомъ; это была блестящая партія для его безприданницы, но онъ тутъ же рѣшилъ, что не дастъ никому вліять на ея выборъ. Бѣдный простодушный старикъ былъ увѣренъ, что Глэдисъ придетъ въ ужасъ при одной мысли выйти замужъ за человѣка, котораго она не любитъ страстно; воображеніе рисовало ему дочь плачущею, встающею противъ матери, между тѣмъ какъ мистрисъ Фуллеръ объясняетъ ей всѣ выгоды такого брака.

«Этому не бывать,—подумалъ генераль съ рѣдкою въ немъ рѣшительностью.—Я наглядѣлся на браки безъ любви и не дамъ принуждать мою дѣвочку. Чѣмъ скорѣе я переговорю съ ней, тѣмъ лучше».

И генераль чувствовалъ настоящее нервное волненіе, пока онъ звонилъ и приказывалъ слугѣ просить къ нему миссъ Фуллеръ.

Немного погодя, она вошла въ бібліотеку. Она отлично знала, зачѣмъ ее требуютъ. Онѣ видѣли съ матерью, какъ подъѣхалъ фаэтонъ лорда Моунткаррона и снова отъѣхалъ, и только дивились, почему не раздается звонокъ изъ бібліотеки. Когда появился слуга съ порученіемъ отъ генерала, Глэдисъ обратилась къ матери:

— Надѣюсь, папочка не станетъ отчитывать меня цѣлый часъ. Я общалась миссъ Блिवлендъ познаться сегодня съ ея братомъ у Ансти.

На это мистрисъ Фуллеръ отвѣчала:

— Если тебя попросятъ сейчасъ же назначить день свадьбы, не откладывай позднѣе іюля, а то ты испортишь нашу лѣтнюю экскурсію.

Дѣвушка сбѣжала съ лѣстницы безъ малѣйшаго смущенія и весело заглянула въ дверь кабинета. Она была очень хорошень-

кая, и нельзя было ни минуты сомнѣваться, отъ кого унаслѣдовала она свою красоту. Прекрасные голубые глаза, правильныя черты, нѣжный ротъ и красивый овалъ, которыми славился нѣкогда генераль Фуллеръ, перешли къ его дочери. Личико ея было простодушно, манеры совершенно непринужденныя; отцу не вѣрилось, чтобъ она знала, о чемъ идетъ рѣчь.

— Славный, милый папочка, — начала дѣвушка въ видѣ вступленія, садясь къ нему на колѣна и цѣлуя его.

Она была любимицей генерала и вовсе съ нимъ не церемонилась. Пять лѣтъ немалый срокъ въ возрастѣ отъ пятнадцати до двадцати, и когда старикъ вернулся изъ Индіи шесть мѣсяцевъ тому назадъ, онъ замѣтилъ, что дѣти дичатся его. Старшая дочь, Винифреда, уже успѣла выйти замужъ за мистера Прендергаста, молодого адвоката, и составила собственный кружокъ. Три сына были такъ неинтересны и несимпатичны, какъ только могутъ быть мальчики въ ихъ годы. На долю Глэдисъ выпала обязанность овладѣть сердцемъ старика, что она сразу сдѣлала. Это прелестное существо, которое никогда не боялось отца или его мнѣній, высказывало свои собственныя безъ всякаго стѣсненія и занимало ему ротъ поцѣлуями, было величайшею радостью генерала, его кумиромъ. И Глэдисъ отвѣчала на любовь отца, насколько была способна. Она никогда не видала такого человѣка, какъ онъ, и если и посмѣивалась про себя надъ его старомодными понятіями, все-таки, старалась не оскорблять ихъ.

— Славный, милый папочка, — нѣжно повторила она и снова осыпала старика поцѣлуями.

Генераль отодвинулъ ее немного отъ себя и тревожно разглядывалъ ея прелестное лицо. Нѣтъ, она, навѣрное, ни о чемъ не догадывается. Старикъ вздохнулъ, приступая къ своей задачѣ; ему казалось святотатствомъ говорить о бракѣ съ такимъ невиннымъ существомъ.

— Что ты вздыхаешь, милый? Что случилось?

— Догадываешься ли ты, Глэдисъ, кто былъ у меня?

— Нечего и догадываться. Мы видѣли, какъ уѣхалъ лордъ Моунткарронъ.

— И ты знаешь, зачѣмъ онъ былъ здѣсь?

— Конечно, папочка. Онъ объяснился со мной вчера.

— Что сказалъ онъ тебѣ, Глэдисъ?

— То, что всегда говорится.

Старикъ не могъ удержать улыбки.

— Что всегда говорится! Милая моя дѣвочка, мы, должно быть, не понимаемъ другъ друга. Я спрашиваю, говорилъ онъ что-нибудь... о свадьбѣ?

— Да о чемъ же другомъ могъ онъ говорить? Все это вполне ясно. Я сама послала его къ тебѣ.

— Но ты не приняла, однако, его предложенія?

— Напротивъ, приняла напрямикъ. Развѣ онъ меня не понималъ?

— Ты приняла его предложеніе, обѣщала выйти за графа?

— Я сказала, что не могу окончательно обѣщать безъ твоего согласія, хотя впередъ знаю все, что ты думаешь. Развѣ ты недоволенъ? Это лучшая партія изъ всего нынѣшняго сезона. Говорятъ, онъ былъ въ прошломъ году помолвленъ съ кѣмъ-то изъ Ротшильдовъ, но, къ счастью для меня, свадьба разстроилась.

— Значитъ, ты хочешь выйти за графа, Глэдисъ?

— Конечно, хочу.

— Какъ давно подозрѣваешь ты, что лордъ тебя любитъ?

Дѣвушка безпечно засмѣялась.

— О, это было достаточно ясно уже три мѣсяца тому назадъ; только въ такихъ дѣлахъ никогда нельзя быть вполне увѣренной. Мужчины очень измѣнчивы. Но я знала, что чему быть, того не миновать, и вотъ теперь все уладилось. Мама просто сойдетъ съ ума отъ радости. Она всегда предсказывала, что я упустиу его изъ рукъ.

Генералъ нахмурился.

— Мать болѣе думаетъ, конечно, о титулѣ и богатствѣ, чѣмъ о человѣкѣ, но ты, Глэдисъ, любишь графа?

— О, да, папочка, какъ только могу любить.

— Да что знаешь ты о любви, дитя?

— Больше мнѣ и знать не нужно, папа. Я не изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя постоянно толкуютъ о чувствахъ, мужчинахъ, поцѣлуяхъ и разныхъ другихъ глупостяхъ. Ни за что на свѣтѣ не вышла бы я замужъ по любви. Это всегда кончается неудачно.

— Мнѣ было бы пріятно слышать, что ты любишь лорда Моунткаррона.

— О, папочка, это испортило бы все. Какая польза отъ любви? Она только дѣлаетъ людей ревнивыми и несчастными.

Генераль застоналъ.

— Да есть ли между вами хоть какіе-нибудь общіе вкусы?— спросилъ онъ въ отчаяніи.

— Кажется, что нѣтъ; развѣ вотъ танцы, да и ихъ, я полагаю, онъ броситъ послѣ свадьбы. Онъ непременно растолстѣетъ, папочка; у него какъ разъ такое сложеніе. Когда обѣщаль ты дать отвѣтъ?

— Я сказалъ, что напишу завтра. Но, Глэдисъ, мнѣ хочется подольше поговорить съ тобою. Вопросъ очень серьезный. Ты не должна рѣшаться опрометчиво. Не посовѣтуешься ли ты сперва съ сестрой или матерью?

— Съ матерью?— улыбаясь, повторила дѣвушка.— Что ты, папочка? Да она сама безъ ума отъ графа и сейчасъ вышла бы за него, еслибъ ты только отправился на тотъ свѣтъ. Мама говорить, что любовь въ бракѣ причиняетъ всего больше зла на свѣтѣ.

— Мать... Ну, что-жь! Она забыла, конечно, что сама была молода. Но Винни... Это хорошая женщина; она любитъ своего мужа и ея мнѣніе можетъ быть тебѣ полезно. Обѣщай поговорить съ нею, прежде чѣмъ ты дашь лорду Моунткаррону окончательный отвѣтъ.

Глэдисъ пожала плечами.

— Изволь, папочка. Винни и Морисъ обѣдаютъ у насъ сегодня, и я потолкую съ нею.

Генераль почувствовалъ облегченіе.

— Ну, вотъ ты моя славная дѣвочка. Винни, навѣрное, посовѣтуетъ тебѣ подождать, пока ты будешь совсѣмъ увѣрена въ себѣ. А теперь поди и дай мнѣ подумать.

Дѣвушка горячо поцѣловала отца и медленно пошла къ двери. На порогѣ она еще разъ обернулась и спросила:

— Ты женился на мамѣ по любви, папочка?

Генераль совершенно растерялся и едва могъ прошептать:

— Нѣтъ... да! Конечно, да. Зачѣмъ спрашиваешь ты это, милая?

— Такъ,—отвѣчала она и скрылась.

Г л а в а П.

С е с т р ы.

Глэдисъ оставила отца встревоженнымъ. Какую струну затронула она въ его давно заснувшемъ сердцѣ! Почему сомнѣ-

вается онъ теперь, дѣйствительно ли онъ далъ дочери полезный совѣтъ?

Его собственный бракъ былъ далеко неудаченъ. Мистрисъ Фуллеръ отличалась деспотическимъ характеромъ и съ самаго начала сдѣлала жизнь мужа тяжелою. А, между тѣмъ, всѣ думали, что они сошлись по взаимной привязанности. Въ тѣ дни, когда онъ влюбился въ нее, мистрисъ Фуллеръ была молодая, бойкая дѣвушка и думала, что сумѣетъ дать мужу счастье. Теперь, когда генералъ размечтался о прошломъ, другое лицо возстаетъ въ его памяти, красивое, блѣдное, съ грустными глазами, холодными губами, которыя, дрожа, шепчуть «прости».

Никому, кромѣ него самого, неизвѣстна тайна его жизни, никто не догадывался о непреодолимомъ препятствіи, возставшемъ между нимъ и его любовью. Но генералъ ничего не забылъ, хотя двадцать пять лѣтъ отдѣляютъ его отъ той поры.

За печальнымъ разставаніемъ послѣдовали мѣсяцы и годы сожалѣнія. Потомъ онъ встрѣтился съ своею теперешнею женою, и блѣдное лицо скрылось на время изъ вида. Мистрисъ Фуллеръ вернула его жизни свѣтъ и тепло и генералъ вообразилъ, что его страсть къ ней *настоящее* чувство и что прежняя привязанность была только сномъ. Но не успѣлъ онъ вступить въ волею брачной жизни, какъ поэзія прошлаго восторжествовала надъ прозою настоящаго. Съ каждымъ годомъ мистрисъ Фуллеръ становилась деспотичнѣе, а мужъ все болѣе уходилъ въ себя.

Всѣ удивились, когда онъ назвалъ старшую дочь Винифредою. Никто въ семьѣ не носилъ этого имени и жена считала его фантастическимъ и смѣшнымъ. Но мужъ настоялъ на своемъ. Имѣть право повторять это имя было уже для него утѣшеніемъ и онъ никогда не произносилъ его безъ особеннаго, благоговѣйнаго чувства.

Тѣмъ временемъ миссъ Глэдисъ, отправляясь съ матерью пить чай въ гости, рассказывала ей, сидя въ коляскѣ, какъ было дѣло.

— Ну, милая, надѣюсь, все рѣшено?

— Не знаю, право, мама. Думаю, что уладится; боюсь только, какъ бы отецъ не надѣлалъ намъ хлопотъ. Онъ забралъ себѣ въ голову, что я недостаточно люблю Моунткаррона и буду несчастна.

Мистрисъ Фуллеръ всплеснула руками.

— Какое безуміе! Отецъ понятія не имѣетъ о томъ, какъ дѣлаются такіа дѣла. Индія на всю жизнь портитъ людей. Что же ты ему отвѣчала?

— Что люблю Моунткаррона настолько, насколько въ состояніи любить. Ты знаешь, мама, я, вѣдь, не сантиментальна.

— Да о чемъ думаетъ отецъ? Онъ выросъ въ деревнѣ и воображаетъ, должно быть, что влюбленные постоянно ходятъ обнявшись.

Глэдисъ расхохоталась.

— Только представить себѣ: я и Моунткарронъ гуляемъ по Гайдъ-парку, держа другъ друга за талію! Да мнѣ и не обхватить его! Но папочка такъ упрямъ! Онъ объявилъ, что не дастъ согласія, пока я не потолкую съ Винифредою.

— Ну, это ничего. Винни будетъ у насъ сегодня и заставить отца написать лорду. Подумать только, какія хлопоты причиняетъ намъ отецъ! Это очень непріятно. Мистрисъ Ансти всякій разъ спрашиваетъ, сдѣлано ли предложеніе, и я не знаю, что отвѣчать.

— Скажи, что я уже помолвлена, — рѣшительно объявила Глэдисъ.—Все равно, это случится завтра. Не воображаешь же ты, мама, что я позволю отцу лишить меня удовольствія быть графиней?

Богда Глэдисъ вернулась домой и застала тамъ сестру, она, не откладывая, заговорила съ нею о предстоявшемъ бракѣ.

— Винни, милая, я такъ разстроена. Видѣла ты папу?

— Его дома нѣтъ. Что разстроило тебя?

— Моунткарронъ сдѣлалъ вчера предложеніе.

— Ахъ, какъ я рада! Я знала, что этому быть, но теперь ты, все-таки, будешь спокойнѣе. Не могу сказать, Глэдисъ, какъ я довольна. Тысячу разъ поздравляю.

Она подошла къ сестрѣ, положила обѣ руки на ея плечи и горячо подѣловала ее. Мистрисъ Прендергастъ была не такъ красива, какъ Глэдисъ, болѣе походила на мать, но у нея были тѣ же ласковые, синіе глаза и она очень любила сестру.

— Я такъ рада, такъ рада, — повторяла она. — Но послѣ такой вѣсти, не понимаю, что же можетъ раздражать тебя?

— Все дѣло въ отцѣ. Ты, я, мать, —мы всѣ довольны, а отецъ нѣтъ. Лордъ Моунткарронъ провелъ съ нимъ сегодня болѣе часа, но онъ не хотѣлъ дать ему рѣшительнаго отвѣта, пока я не загляну въ свое сердце.

— А что должна ты въ немъ искать?

— Люблю ли я его?

— Но, вѣдь, ты любишь графа?

— Конечно; и такъ и говорила отцу, но онъ мнѣ не вѣрить. Ему, вѣрно, хочется, чтобъ я краснѣла, плакала. Я сказала, что терпѣть не могу всего этого. Представь себѣ только, Винни, въ девятнадцатомъ вѣкѣ глазѣть другъ на друга при людяхъ и пожимать руки подъ столомъ, точно деревенская дѣвка!

— Отецъ этого не понимаетъ,—задумчиво произнесла мистрисъ Прендергастъ.—О такихъ вещахъ не говорить вслухъ.

— Я сказала ему, что рѣшилась выйти за графа уже итѣсяцъ тому назадъ, и хотѣла, чтобъ онъ сейчасъ далъ отвѣтъ, но онъ требуетъ, чтобъ я поговорила съ тобою, потому что ты любишь мужа и можешь быть мнѣ полезной.

— О, вздоръ!—отрѣзала Винни.—Никакая женщина не можетъ давать совѣтовъ другой. Всякій долженъ рѣшать за себя. Что годится мнѣ, можетъ не годиться тебѣ. Я послѣ обѣда поговорю съ отцомъ.

— Поговори, милая, скажи ему правду. Я хочу выйти за лорда Моунткаррона, больше я ничего не могу сказать. И какое право имѣеть онъ вмѣшиваться въ мои чувства?

— Отецъ старается сдѣлать какъ лучше; онъ тебя очень любить. Только онъ старъ и судить не можетъ объ этихъ вещахъ, да и забылъ, вѣроятно, какъ это дѣлается. Времена теперь уже не тѣ; женщины тоже. Мы не прежнія кроткія, слабыя существа и можемъ стоять однѣ. А въ бракѣ мы ищемъ только пріятнаго товарищества и хорошаго обезпеченія, не такъ ли?

— Да, только не говори этого отцу. Скажи ему, что я *страшно* влюблена въ Моунткаррона, но не умѣю этого показать, такъ какъ еще слишкомъ молода.

Тутъ обѣ женщины расхохотались. Глэдисъ смѣялась, пока слезы не выступили на ея глазахъ.

— Смѣшно слѣшать отца, — сказала она, наконецъ. — Не стоило бы жить, еслибъ мы отдавали всю душу другому человеку, какъ хочется папѣ.

— Онъ милый,—прибавила сестра.—Еслибъ было побольше такихъ мужчинъ, какъ онъ, было бы и больше влюбленныхъ женщинъ.

— Вотъ съ этимъ я согласна,—отвѣчала Глэдисъ и взяла Винни подъ руку, чтобъ идти обѣдать.

Когда генераль вошелъ въ свой кабинетъ по окончаніи трапезы, чтобы насладиться послѣобѣденною трубкой, за нимъ послѣдовала туда Винифреда.

— Ну, папа милый, какую пріятную новость узнала я о Гледисъ и Моунткарронѣ! Ты, навѣрное, доволенъ?

— Сестра говорила съ тобою, Винни?

— Понятно. Она чуть съ ума не сходитъ отъ восторга.

— Этого я не замѣтилъ поутру. Если что-нибудь озабочиваетъ меня, такъ именно ея равнодушіе. Я ужасно боюсь, что она его не любитъ, Винни.

— Папочка, что за фантазія! Съ чего взялъ ты это?

— Она говоритъ такъ холодно и расчетливо, прямо заявляеть, что не вѣрить въ любовь, не хочетъ испытывать ее. Это ужасныя чувства для такой молодой дѣвушки, Винни.

— О, папа, да ты совершенно не понимаешь Гледисъ. Она любитъ лорда Моунткаррона, сколько вообще можетъ любить.

— Ты хочешь сказать: любить его деньги и титулъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, его самого. Да чего ждешь ты отъ нея? Чтобъ она восторгалась его вѣшностью, повторяла его нѣжныя слова? Ты не знаешь дѣвушекъ, отецъ. Чѣмъ больше онѣ чувствуютъ, тѣмъ меньше говорятъ.

Генераль вздохнулъ.

— Что-жь, милая! Быть можетъ, я ихъ и не понимаю. Я былъ долго въ разлукѣ съ вами, а взгляды вашей матери очень не похожи на мои.

— Мама смотритъ на дѣло съ практической стороны; она видитъ всѣ выгоды этой партіи, да и ты тоже, конечно.

— Понятно, милая. Бракъ этотъ въ высшей степени желателенъ съ свѣтской точки зрѣнія, и еслибъ я былъ только увѣренъ, что Гледисъ любитъ...

— Ты все возвращаешься къ одному и тому же, отецъ. Обо мнѣ и Морисѣ ты никогда такъ не тревожился.

— Ты такъ горячо писала о своей любви къ нему, что у меня и сомнѣній никакихъ не было. И ты очень счастлива, дитя, не такъ ли?

— Да, папа, какъ и большинство женщинъ. Нельзя ожидать счастья безъ всякой примѣси. Но Гледисъ совершенно не похожа на меня, болѣе сдержанна, менѣе увлекается. Она не можетъ такъ открыто говорить о своихъ чувствахъ, хотя *чувствуетъ* столько же, иногда мнѣ даже кажется, что больше. Я

не думаю, чтобъ она утѣшилась, если бы разстроился этотъ бракъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Значить, и ты, и мать считаете его желательнымъ?

— Было бы безумно, мнѣ кажется, препятствовать ему. Вообрази себѣ нашу Глэдисъ графиней, собственницей прекрасныхъ помѣстій. Да еслибъ этотъ бракъ разстроился, я бы, кажется, съ этимъ во вѣкъ не примирилась.

— Ну, если это общее мнѣніе, мнѣ остается только написать графу, что его предложеніе принято, — нерѣшительно произнесъ старикъ.

— А ты еще не писалъ? Какой стыдъ! Онъ, навѣрное, мучится. Пиши сейчасъ же и дай мнѣ самой отправить письмо. Глэдисъ не заснетъ ни минуты, если не будетъ знать, что отвѣтъ уже на пути.

Генераль сѣлъ къ столу и быстро набросалъ короткую записку лорду Моунткаррону, въ которой назначалъ ему свиданіе на слѣдующее утро. Потомъ онъ уныло откинулся въ креслѣ.

— Вотъ письмо, Винни. Отправь его, если хочешь. Желалъ бы я такъ же радоваться исходу этого дѣла, какъ всѣ вы.

— Спи спокойно, лэди Моунткарронъ, — весело шепнула сестрѣ мистрисъ Прендергэстъ, когда онѣ прощались. — Письмо у меня въ карманѣ; завтра оно будетъ въ его рукахъ.

— Вотъ это утѣшительно, — въ томъ же тонѣ отвѣчала Глэдисъ. — Теперь я пойду спать и мечтать о своемъ свадебномъ нарядѣ.

На слѣдующее утро она была совершенно спокойна, между тѣмъ какъ отецъ нервно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, ожидая прибытія будущаго зятя.

Лордъ Моунткарронъ явился аккуратно. Чувства его были вполне искренни. Онъ сильно влюбился въ красоту Глэдисъ и не зналъ ни одной женщины, которую охотнѣе сдѣлалъ бы графиней Моунткарронъ.

— Не могу выразить, какъ ошастливило меня ваше письмо, — любезно началъ онъ.

— Я долго говорилъ вчера съ дочерью относительно брака съ вами, — отвѣчалъ старикъ. — Она этого желаетъ и мнѣ оставалось только сообщить ей рѣшеніе.

— Я былъ увѣренъ, что не ошибся въ ея чувствахъ, — прошепталъ графъ.

— Лордъ Моунткарронъ, отдавая вамъ Гладисъ, я расстаюсь съ самою любимой изъ моихъ дочерей. Простите, если я озабоченъ ея будущимъ счастьемъ. Между вами большая разница въ лѣтахъ, а еще болѣе въ житейской опытности; она ребенокъ, вы свѣтскій человѣкъ. Поручая ее вашему попеченію, могу ли я надѣяться, что вы поможете ей жить въ болѣе возвышенной и благородной сферѣ, чѣмъ было до сихъ поръ?

Лордъ Моунткарронъ рѣшительно не понималъ, о чемъ говорить старику.

— Мнѣ и въ голову не придетъ вмѣшиваться въ религіозныя вѣрованія жены, — пробормоталъ онъ.

— Я думаю не о религіи. Ея умъ еще мало развитъ.

— Ахъ, вы говорите о книгахъ и тому подобномъ. Вамъ извѣстно, какую сумму я назначилъ вашей дочери, и вы понимаете поэтому, что она никогда не будетъ нуждаться въ деньгахъ, чтобы посѣщать лекціи, курсы. Дамы, вѣдь, любятъ путаться съ наукой и богословіемъ въ наше время.

— Вы меня совершенно не поняли, лордъ Моунткарронъ. Я хочу сказать, что, даже живя въ матеріалистическомъ обществѣ, нѣтъ никакой нужды раздѣлять его взгляды. Есть жизнь выше простаго ряда баловъ, обѣдовъ. Не дѣлайте изъ Гладисъ исключительно свѣтской женщины; не предоставляйте ее самой себѣ. Руководите ею твердо, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и кротко, и я надѣюсь, что она станетъ доброю, благородною женщиной.

Генералъ могъ бы такъ же хорошо говорить со столомъ. Графъ ровно ничего не понималъ въ его рѣчи, кромѣ того, что старикъ проситъ быть добрымъ съ дочерью, а онъ ничего иного и въ виду не имѣлъ.

— Вы можете положиться на меня, — серьезно отвѣчалъ онъ, — Гладисъ не прольетъ ни одной слезы, отъ которой я могу ее избавить. А теперь не сочтите меня, пожалуйста, нетерпѣливымъ, если я спрошу позволенія повидаться съ нею.

— Конечно, вы имѣете полное право видѣть ее, — отвѣчалъ хозяинъ, вставая, чтобы позвонить. — Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — она въ гостиной съ матерью. Я лучше пойду и приготовлю ее къ вашему посѣщенію.

Говоря это, онъ вышелъ и отправился въ гостиную, гдѣ мать и дочь сидѣли за работой.

— Лордъ Моунткарронъ здѣсь и желаетъ видѣть тебя, — на-

чалъ онъ, цѣлуя молодую дѣвушку. — Ты пойдешь къ нему въ кабинетъ или ему придетъ сюда?

— Пусть придетъ онъ сюда, — быстро отвѣчала она.

Генералъ взглянулъ на жену.

— Такъ не уйти ли намъ?

— Зачѣмъ? — спросила Глэдисъ.

— Графъ пожелаетъ, конечно, видѣть тебя одну.

— Но не безъ мамы. Что можетъ онъ сказать мнѣ, чего не должна слышать она? Приведи его сюда, папа. Мы составимъ славный семейный кружокъ.

Отецъ ушелъ, пожимая плечами и дивясь тому, что сказалъ бы онъ въ давно прошедшіе дни, еслибъ его родители желали присутствовать при его свиданіяхъ съ милою.

— Моя дочь въ гостиной, — обратился онъ къ графу. — Я предложилъ ей придти сюда...

— Но, вѣдь, это моя обязанность явиться къ миссъ Фуллеръ, — прервалъ его Моунткарронъ.

— Да, только жена съ немю, а Глэдисъ не рѣшается удалитъ ее.

— Пожалуйста, не думайте объ этомъ. Я горю нетерпѣніемъ поблагодарить мистрисъ Фуллеръ за ея участіе въ этомъ дѣлѣ.

Генералъ пошелъ впередъ и съ удивленіемъ увидалъ, что графъ прежде всего обратился къ мистриссъ Фуллеръ и поцѣловалъ ея руку.

— Мнѣ слѣдуетъ поблагодарить васъ, — началъ онъ. — Я увѣренъ, что не имѣлъ бы никакого успѣха въ глазахъ вашей дочери безъ вашего одобренія.

Когда графъ обернулся къ Глэдисъ, отецъ тревожно слѣдилъ за немю и совершенно растерялся, видя, какъ спокойно и хладнокровно она его привѣтствовала. Глаза ея сверкали, на губахъ мелькала торжествующая улыбка.

— Если вы совершенно покончили съ мамой... — задорно начала она, подавая ему руку.

Графъ взялъ эту ручку и, не спуская глазъ съ лица дѣвушки, привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ губы. Тутъ она немного покраснѣла; она еще не привыкла къ поцѣлуямъ мужчинъ. Но вскорѣ она оправилась и взглянула на отца съ лукавою улыбкой. То, что она прочла на его лицѣ, взволновало ее, однако. Она побѣжала къ немю, на этотъ разъ совершенно естественно и искренно, и кинулась въ его объятія.

— Милый, хорошій папочка! Чѣмъ бы я ни была, я всегда останусь твоею дочкой!

— Надѣюсь, моя дорогая,—отвѣчалъ онъ, осыпая ее поцѣлуями.

— А теперь позвольте надѣть на вашъ пальчикъ залогъ моей преданности,—началъ лордъ, обращаясь къ невѣстѣ.

Дѣвушка подала ему руку, на которую онъ надѣлъ кольцо съ шестью громадными брилліантами. Она прошептала: «благодарю».

— Что за чудные камни!—воскликнула мистрисъ Фуллеръ.— Они освѣщаютъ всю комнату.

— Наконецъ - то я чувствую, что вы моя, — продолжалъ лордъ.— Не слишкомъ ли рано просить васъ назначить время, когда вы осчастливите меня? Мнѣ хотѣлось бы отпраздновать свадьбу въ нынѣшнемъ сезонѣ.

— Какъ желаетъ папа. Пусть онъ рѣшитъ.

Лицо генерала выражало пассивную усталость.

— Если свадьбѣ быть,—началъ онъ,—нѣтъ причины откладывать ее. Вы чего бы желали, Моунткарронъ?

— Сегодня третье іюня. Мнѣ хотѣлось бы вѣнчаться не позднѣе конца іюля.

— Ты согласна, Глэдисъ?

— Возможно это, мама?

— Да, милая.

— Хорошо. Я ничего не имѣю противъ этого.

— Не назначить ли намъ 27 число? — спросилъ графъ.— Этотъ день всего удобнѣе для моихъ родственниковъ. Остальныя подробности мы потомъ порѣшимъ.

Онъ взялся за шляпу.

— Какъ! Вы не останетесь завтракать съ нами?—съ изумленіемъ спросилъ генералъ.

— Благодарю. Не сегодня. Глэдисъ извинитъ меня. Она знаетъ, какъ я занятъ. Но еслибъ я могъ предложить завтрашній день...

— Конечно. Когда вамъ угодно. Не дожидайтесь, пожалуйста, приглашенія. Помните, что нашъ домъ всегда открытъ для васъ.

— Вы слишкомъ добры. Я явлюсь завтра въ часъ. Если мистрисъ Фуллеръ и Глэдисъ сдѣлаютъ мнѣ честь, я предложилъ бы прокатить ихъ въ Ричмондъ въ своей коляскѣ и пообѣдать тамъ.

— О, это будетъ прекрасно,—весело отвѣчала Глэдисъ.— Я сяду рядо́мъ съ папочкой и стану всю дорогу объясняться ему въ любви.

— Но, Глэдисъ, вспомни...—началь отецъ.

— Пусть она помнитъ только одно,—прервалъ его графъ,— что она должна отнынѣ поступать во все́мъ, какъ ей хочется.

Онъ пожалъ руки нареченнаго тестя и тещи, еще разъ поцѣловалъ невѣсту и, низко кланяясь, удалился.

— Ну, не прелестъ ли онъ? — воскликнула Глэдисъ, склонивъ головку и созерцая свои брилліанты.

— Онъ совершенство, отвѣчала мать,—красивый, изящный, деликатный! Я никогда еще не видала такого мужчины и, право, сама въ него влюблена.

— Я такъ и говорила папѣ. Ну, что, раздѣляешь ты наше мнѣніе? Не находишь ли и ты, что твоя дѣвочка можетъ гордиться такою блестящею партіей?

— Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что она блестящая; если она окажется счастливою, мои лучшія надежды сбудутся.

— Я стану веселиться съ утра до ночи,—съ увѣренностью отвѣчала дочь.—Знаешь ли что, папа? Со всѣми романическими глупостями, которыя ты вбиваешь мнѣ въ голову, я просто влюбилась въ Моунткаррона. Когда онъ поцѣловалъ меня, мурашки побѣжали у меня по спинѣ.

— Если ты даже испытываешь такое чувство, ты никогда не должна говорить о немъ,—чопорно замѣтила мистрисъ Фуллеръ.

— Это все вина папы. Онъ вчера училъ меня такимъ вещамъ, о которыхъ я и не слыхивала. Не такъ ли, папа?

— Ты шалунья,—отвѣчалъ старикъ.

И такъ, все рѣшено. Его дочь будетъ одною изъ знатнѣйшихъ дамъ Англїи, а, между тѣмъ, генералъ недоволенъ. Уходя изъ комнаты, онъ еще разъ любовно взглянулъ на нее. Она разсматривала свое обручальное кольцо и глаза ея такъ же ярко сверкали, какъ и ея брилліанты.

Глава III.

Наслѣдникъ лорда Моунткаррона.

Посреди волненій, которыя всегда сопровождаютъ распространеніе важной вѣсти въ кругу друзей и родныхъ, и хлопотъ о приданомъ, время летѣло быстро. Ежедневно красивую миссъ

Фуллеръ можно было видѣть съ графомъ въ его экипажѣ или въ вихрѣ вальса, и завистливые глаза слѣдили за дѣвушкой, завистливые языки удивлялись, что нашелъ въ ней лордъ Моунткарронъ. Глэдисъ слышала все это и безпредѣльно наслаждалась. Только ради этого и выходила она за графа; это были плоды ея ловкихъ маневровъ. Грудь ея гордо вздымалась, когда раздавался недоброжелательный шепотъ, глаза сверкали отъ восторга.

— Не обращай на это вниманія, милая, — шепнула ей однажды Винни. — Всѣ завидуютъ твоему хорошенькому личику, блестящей партіи и не могутъ сдержаться.

— Но я нарочно обращаю вниманіе, — отвѣчала будущая графиня, — ни за что на свѣтѣ не лишилась бы я этого. Зачѣмъ же выхожу я замужъ, Винни, если не для того, чтобы другія дѣвушки умирали отъ зависти?

Моунткарронъ былъ такъ внимателенъ, какъ только можетъ быть женихъ. Онъ дѣлалъ невѣстѣ прекрасные подарки и всюду сопровождалъ ее. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь изъ его родныхъ или друзей не оставлялъ карточки въ домъ генерала. Возвращаясь однажды домой послѣ длинныхъ странствованій по магазинамъ, Глэдисъ увидела на столѣ корзину, полную прекрасныхъ розъ. Ее до такой степени осыпали въ послѣднее время цвѣтами и подарками, что она стала равнодушна къ подобнымъ приношеніямъ. Небрежно понюхавъ розы, она спросила:

— Моунткарронъ былъ здѣсь, мама?

— Да, милая, и очень досадовалъ, что не засталъ тебя. Онъ принесъ ложу на нынѣшній вечеръ. Но цвѣты оставилъ не онъ.

— Нѣтъ? Такъ кто же?

Въ голосѣ ея послышалось теперь легкое любопытство.

— Его двоюродный братъ, мистеръ Брукъ. Очень красивый молодой человекъ. У него нѣтъ, конечно, такой важной осанки, какъ у графа...

— Ты хочешь сказать, что онъ не такъ толстъ?

— Напрасно называешь ты Моунткаррона толстымъ, Глэдисъ. Онъ просто полонъ, какъ и долженъ быть мужчина въ его годы.

— Поговоримъ лучше о его кузенѣ, мама. Это онъ принесъ розы?

— Да. Онъ былъ такъ же огорченъ, какъ и Моунткарронъ,

тѣмъ, что засталъ только одну меня, и очень мило просилъ позволенія опять зайти. Конечно, я согласилась. Онъ будетъ скоро твоимъ двоюроднымъ братомъ, и тебѣ надо съ нимъ познакомиться. Графъ, кажется, очень цѣнитъ его. Помнится, онъ говорилъ какъ-то, что мистеръ Брукъ будетъ его шаферомъ.

— Брукъ, Брукъ,—задумчиво повторяла Глэдисъ.—Что это я не знаю этого имени? Гдѣ у насъ родословная дворянскихъ семей?

Книга нашлась на боковомъ столѣ. Глэдисъ быстро перелистала ее и дошла, наконецъ, до генеалогіи графовъ Моунткарронъ.

— Джонъ Эдвардъ Генри (что за гадкое имя!) графъ Моунткарронъ, виконтъ Тальмеджъ, баронъ Тренчъ,—читала она, не переводя духъ. Потомъ, помолчавъ немного, прибавила:—Какъ это, однако, глупо съ моей стороны! Неужели я не могла вспомнить раньше? Вѣдь, я читала это разъ сто! «Наслѣдникъ титула: Джемсъ Брукъ». Это, должно быть, онъ. Только съ какой стати называютъ его наслѣдникомъ, мама?

— Не знаю, милая. Вѣроятно, онъ ближайшій родственникъ. Еслибъ послѣ покойнаго графа остались братья...

— Помню. Моунткарронъ говорилъ объ этомъ. У его отца было три брата: одинъ никогда не женился, у другаго были только дочери. Мистеръ Брукъ, вѣрно, сынъ третьяго брата. Онъ долженъ быть гораздо моложе Моунткаррона?

— Да. Ему не болѣе двадцати двухъ, трехъ лѣтъ. У него совершенно другой типъ; волосы бѣлокурые, фигура стройная. Но ты его, навѣрное, скоро увидишь; постарайся подружиться съ нимъ.

— Непремѣнно,—смѣясь, отвѣчала дѣвушка.—Было бы рискованно раздражить будущаго графа. Онъ можетъ отравить насъ обоихъ, чтобъ получить скорѣе титулъ.

— Не говори такъ, Глэдисъ. Теперь мистеру Бруку уже не бывать никогда графомъ Моунткаррономъ.

— Почему?

— Потому что... ужасно неловко говорить о такихъ вещахъ... но, конечно, мы надѣемся, что ты подаришь мужу наслѣдника.

— Блаженны тѣ, которые ни на что не надѣются,—продекламировала Глэдисъ.—Ну, мама, не дѣлай, пожалуйста, возмущеннаго лица! Я отлично знаю, что если дѣвушка выходить за

аристократа, она обязана имѣть сына. Только это не всегда зависитъ отъ насъ, и пока не появится на свѣтъ маленькій виконтъ Тальмеджъ, я буду считать мистера Брука наслѣдникомъ. Это очень интересныя родственныя отношенія и я уже начинаю испытывать къ нему материнскія чувства.

Мистрисъ Фуллеръ не улыбнулась ребяческому замѣчанію дочери. Ей казалось преступнымъ даже сомнѣваться въ рожденіи будущаго наслѣдника и она готова была сердиться на мистера Брука за его визитъ.

— Твое отношеніе къ этому вопросу очень неженственно, — сказала мать, складывая работу и выходя изъ комнаты. — Чѣмъ меньше будешь ты говорить объ этомъ, тѣмъ лучше.

«Не знаю, отчего она такъ сердится», — подумала дѣвушка, потомъ выбрала двѣ блѣдныя розы и приколола ихъ къ груди.

Размышленія ея были прерваны приглашеніемъ идти наверхъ одѣваться, и черезъ часъ она была уже готова, чтобы ѣхать въ итальянскую оперу.

Въ теченіе вечера Моунткарронъ появился въ ложѣ; Глэдисъ выразила сожалѣніе, что не видала его и мистера Брука утромъ.

— Это неважно, — отвѣчалъ онъ. — Я хотѣлъ представить тебѣ Джемса, потому что онъ будетъ моимъ шаферомъ. Славный малый; ты, навѣрное, полюбишь его. Онъ часто бываетъ у насъ въ Барронби.

— Его отецъ умеръ?

— Да, и отецъ, и мать. Бройъ меня, у него только и родни, что одна сестра, лэди Рентонъ. Она гораздо старше его.

— Онъ твой наслѣдникъ?

— Да, наслѣдникъ титула; только надѣюсь, что онъ его никогда не получитъ.

— Я желала бы съ нимъ познакомиться. Скажи ему зайти.

— Онъ непременно зайдетъ.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней мистеръ Брукъ снова появился въ домъ генерала.

Глэдисъ была одна, когда онъ вошелъ. День стоялъ жаркій и на ней было легкое кисейное платье, стланутое поясомъ во-кругъ стройной талии. Зной вызвалъ румянецъ на ея щекахъ; она откинула со лба бѣлокурые волосы; большіе глаза имѣли томное выраженіе; дѣвушка казалась олицетвореніемъ молодости и любви. Никто не догадался бы, что еще недавно она такъ же

разсчетливо выбирала свой жизненный путь, какъ самая опытная свѣтская женщина.

Неожиданно встрѣтившись съ нею, Джемсъ Брукъ былъ, видимо, изумленъ. Ему не вѣрилось, что это миссъ Фуллеръ; онъ полагалъ, что это какая-нибудь младшая сестра, пансіонерка, вернувшаяся домой на праздникъ, полу-дитя, полу-женщина, существо, еще не вышедшее изъ дѣтской. Онъ зналъ, что найдетъ въ невѣстѣ кузена красавицу; всѣ твердили ему это, но онъ полагалъ, что это будетъ дѣвушка съ свергающими глазами, кокетливыми манерами, туалетомъ отъ Борта.

При всемъ своемъ увлеченіи титулами и общественнымъ положеніемъ, при всемъ отвращеніи къ сантиментальности, Глэдисъ, все-таки, отличалась дѣтски-простодушною красотой и такъ граціозно пошла на встрѣчу мистеру Бруку, что онъ растерялся и съ трудомъ пробормоталъ какія-то извиненія за скорый визитъ.

— Извините, пожалуйста, но вы дѣйствительно миссъ Фуллеръ? Я пришелъ... я родственникъ лорда Моунткаррона и...

— О, я все знаю, мистеръ Брукъ, и ждала васъ. Да, я Глэдисъ Фуллеръ. Къ сожалѣнію, мамы нѣтъ дома, но если вы присядете, она, конечно, вернется, пока вы еще здѣсь. Джонъ, подайте чай.

Мистеръ Брукъ все еще не сводилъ съ нея глазъ.

— Я, вѣроятно, кажусь вамъ очень неловкимъ, но я не могу преодолѣть своего удивленія. Вы совершенно не похожи на то, какою я васъ себѣ представлялъ.

— Неужели? Какъ это забавно! Что же вы ожидали?

— Я и самъ не знаю. Моунткарронъ не мастеръ описывать; я воображалъ, что вы блестящая, модная женщина, ну, словомъ, красавица по профессіи.

— Это ужасно! Надѣюсь, вы теперь успокоились. Но, быть можетъ, вы не находите меня достаточно блестящею для моего новаго положенія?

Оба разсмѣялись.

— Я удивляюсь, что Моунткарронъ не сумѣлъ дать мнѣ понятія о васъ. Но, повторяю, онъ не умѣетъ описывать.

— У него натура не поэтическая, — подтвердила Глэдисъ, разливая чай.

— Вы правы. Нужно имѣть очень чуткую природу, чтобы умѣть изобразить женщину.

— Я не поблагодарила васъ еще за прелестныя розы, мистеръ Брукъ.

— Ни слова объ этомъ, пожалуйста. Вы любите цвѣты? Но зачѣмъ спрашиваю я это? Еслибъ я васъ видѣлъ раньше, я принесъ бы вамъ сегодня еще букетъ. Я умѣю различать, какая женщина предпочитаетъ цвѣты лентамъ.

— Не ошибайтесь относительно меня, мистеръ Брукъ. Я люблю ленты и все хорошее, обѣды, танцы, деньги.

— Быть можетъ, вы ничего лучшаго не знали?

Глѣдись широко раскрыла глаза.

— Что могла бы я знать лучшаго?

— Все, что насъ возвышаетъ, а не унижаетъ.

— Но какая въ этомъ польза? Жить на это нельзя. Мы должны ѣсть, пить, платить по счетамъ. Миѣ кажется, что ни на что иное у насъ и времени не остается.

— Свѣтская жизнь дѣйствительно отнимаетъ много силъ и энергій,—отвѣчалъ молодой человѣкъ,—и ничего прочнаго не даетъ намъ взаменъ.

— О, не говорите этого. Миѣ это еще не надоѣло. Я люблю танцы, театръ, всевозможныя увеселенія и желала бы только, чтобъ дни были вдвое длиннѣе.

— Вы еще молоды,—замѣтилъ онъ такимъ тономъ, точно извинялъ ребенка.

Будущая графиня вспыхнула.

— Молода? Да миѣ въ январѣ уже стукнуло девятнадцать. Развѣ это мало? Вамъ и самому немного больше.

— О, да,—сказалъ онъ.—Миѣ двадцать три. Когда вы доживете до моихъ лѣтъ, вамъ тоже, надѣюсь, надоѣсть бесполезная жизнь, которую мы ведемъ.

Онъ былъ очень красивъ, говоря это. Волосы его вились какъ у Антиноя; глаза имѣли мечтательное выраженіе. Глѣдись смотрѣла на него съ любопытствомъ. Что-то привлекало ее къ нему, какъ никогда еще не влекло къ чужому, и она начинала находить, что бузень очень милъ.

— Вы уже, вѣроятно, были въ Барронби?—началъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ еще. Моунткарронъ нѣсколько разъ предлагалъ съѣздить туда; но намъ пришлось бы не ночевать дома, а мы такъ заняты теперь.

— Вы будете имѣть возможность полюбить Барронби впоследствии; вѣроятно, станете жить тамъ большую часть года.

— Развѣ это такое прелестное мѣсто?

— Лучше всякаго описанія. Моунткарронъ никогда не цѣнилъ его по достоинству. Онъ не любитъ природы; по его мнѣнью, она существуетъ только для охоты и рыбной ловли. Надѣюсь, вы сразу полюбите Барронби и будете жить тамъ подолгу.

— Вы очень восторжены, мистеръ Брукъ. Но я не люблю сельской жизни.

— Постараюсь, чтобъ вы ее полюбили. Когда вы проведете одно лѣто въ Барронби, вамъ не захочется даже думать о Лондонѣ.

Глэдисъ засмѣялась.

— Въ такомъ случаѣ вамъ придется ѣхать туда со мною и указывать мнѣ красоты. Не могу представить себѣ Моунткаррона въ качествѣ чичероне. У него воображеніе очень мало развито.

— Я буду въ восторгѣ сдѣлаться вашимъ руководителемъ. Когда я дома, дня не проходитъ, чтобы я не побывалъ въ Барронби.

— Когда вы дома? Значить, вы живете по близости?

— Да, миляхъ въ двухъ оттуда у меня своя маленькая усадьба Нэтли. Это все, что я имѣю.

— И вы живете тамъ одинъ?

— Нѣтъ. Моя сестра, лэди Рентонъ, ведетъ мое хозяйство. Я надѣюсь, что вы съ нею подружитесь. Это лучшая женщина на свѣтѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Фраза «лучшая женщина на свѣтѣ» ей не понравилась.

— Она бы уже побывала у васъ, только сынишка у нея болѣнъ. Но она, все-таки, надѣется быть на вашей свадьбѣ.

— Она вдова?

— Да, и на десять лѣтъ старше меня. Я всегда былъ ея любимцемъ, и, право, мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ она няньчится съ маленькимъ Гуго, она считаетъ меня старшимъ изъ своихъ двухъ дѣтей. Мужъ ея былъ большимъ филантропомъ, и они такъ щедро тратили деньги на пользу человѣчества, что по смерти сѣра Эдварда ей пришлось поселиться у меня. Право, не знаю, что бы я сталъ дѣлать безъ нея. Она для меня все.

— Хорошо имѣть сестру, которую можно такъ любить, — сказала Глэдисъ. — У меня тоже есть сестра Винни; она во всѣхъ отношеніяхъ лучше и умнѣ меня.

— Эллиноръ, не можетъ разстаться съ своими филантропическими планами. Денегъ у нея теперь не такъ много, какъ прежде, за то она отдаетъ дѣлу все свое время.

— Она должна быть очень добра. Не угодно ли вамъ еще чаю?

— Нѣтъ, благодарю. Но я васъ непростительно задерживаю, миссъ Фуллеръ.

— Я очень рада, что познакомилась съ вами, — отвѣчала она нѣсколько робко. — Мы скоро породнимся и должны быть друзьями. Кстати, лордъ Моунткарронъ обѣдаетъ у насъ сегодня; не придете ли и вы? Мои родители будутъ, навѣрное, рады видѣть васъ.

Но хотя мистеръ Брукъ съ восторгомъ побесѣдовалъ бы еще долѣе съ дѣвушкой, красота которой просто ошеломила его, онъ не счелъ возможнымъ нарушить этикетъ и принять отъ Глэдисъ приглашеніе къ обѣду.

Оставшись одинъ, онъ не могъ опомниться отъ удивленія. Чѣмъ болѣе размышлялъ онъ, тѣмъ менѣе понималъ, какъ могъ Моунткарронъ завоевать сердце такого воздушнаго, умнаго, поэтическаго существа, какъ Глэдисъ. Какія чарыпустилъ онъ въ ходъ, чтобы убѣдить ее провести съ нимъ всю жизнь? Графъ всегда былъ до нѣкоторой степени предметомъ насмѣшекъ своей родни. Мальчикомъ онъ отличался тупостью и задоромъ, потомъ превратился въ неповоротливаго, сдержаннаго человѣка, понимающаго только два наслажденія въ жизни—клубъ и охоту. Ни политическихъ, ни литературныхъ, ни научныхъ вкусовъ онъ не имѣлъ. Разговоръ его ограничивался заурядными замѣчаніями, необходимыми для того, чтобы какъ-нибудь скоротать обѣдъ или балъ. Блужные пріатели прозвали его «упитаннымъ тельцомъ»; болѣе этого о немъ ничего нельзя было сказать.

Со времени своего визита у Фуллеровъ Брукъ просто бредилъ своею будущею кузиной. Онъ объявилъ Моунткаррону, что считаетъ его счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, и такъ откровенно высказывалъ всюду свой восторгъ, что какой-то осторожный пріатель посоветовалъ ему, наконецъ, быть посдержаннѣе въ похвалахъ будущей графинѣ. Тогда Брукъ сталъ говорить меньше, но бывать у Фуллеровъ чаще. Хозяева полюбили его и встрѣчали ласково, а Глэдисъ всегда съ улыбкою.

Она была почти такъ же очарована имъ, какъ и онъ ею. Его разговоръ совершенно не походилъ на то, что обыкновенно говорятъ молодые люди, по крайней мѣрѣ, ей такъ казалось.

Онъ любилъ поэзію и музыку; вскорѣ Глэдисъ объявила, что онъ милѣйшій изъ кузеновъ на свѣтѣ, и уже смотрѣла на него, какъ на брата. Бесѣдовали они о Карронби столько, что дѣвушка сгорала желаніемъ его видѣть и строила планы относительно того, какъ они будутъ проводить тамъ время. Мистеръ Брукъ долженъ перебраться съ нею старую бібліотеку, рѣшить, какія новѣйшія добавленія желательны, познакомить ее съ своими любимыми авторами. Рѣшено было, что Глэдисъ станетъ учиться у него ѣздить верхомъ. Она не имѣла возможности дѣлать это въ Лондонѣ, но была впередъ увѣрена, что полюбитъ ѣзду, а Брукъ утверждалъ, что у нея самая подходящая фигура для амазонки.

А бѣгать на конькахъ! Неужели она не захочетъ учиться этому, когда наступитъ зима? Въ Карронби есть прудъ, нарочно отведенный для этого удовольствія. Словомъ, молодой человѣкъ говорилъ такъ краснорѣчиво о прелестяхъ и удовольствіяхъ сельской жизни, что Глэдисъ съ досадой думала о томъ, что долженъ пройти неизбѣжный медовой мѣсяцъ, прежде чѣмъ она увидитъ свое новое помѣстье.

— Я такъ ненавижу путешествовать,—говорила она, надувая губки.—Ничего не успѣваешь видѣть и только мнешь платья въ сундукахъ. Зачѣмъ нуженъ людямъ медовой мѣсяцъ? Это, должно быть, невыносимо скучно.

— Не думаю, чтобъ Моунткарронъ продлилъ его долѣе необходимаго,—смѣясь, отвѣчалъ мистеръ Брукъ.—Онъ будетъ несчастенъ, если ему не удастся стрѣлять тетеревовъ двѣнадцатаго числа.

— Но мы вернемся ко времени охоты. Развѣ вы не знаете, что онъ нанялъ домикъ въ Шотландіи и что мы пріѣдемъ туда прямо изъ Парижа? Подумайте только, какъ мнѣ будетъ скучно! Моунткарронъ уйдетъ на цѣлый день, а я останусь дома одна.

— Достаньте себѣ здороваго маленькаго пони и поѣзжайте съ мужемъ.

— Ничего такого я не сдѣлаю. Терпѣть не могу ружейныхъ выстрѣловъ надъ самыми ушами и маленькихъ пони. А потомъ вспомните еще утомленіе! Лучше ужъ я останусь скучать дома. Хорошо бы, еслибъ вы ѣхали съ нами, мистеръ Брукъ, чтобы забавлять меня.

Молодой человѣкъ слегка поблѣднѣлъ, но, все-таки, разсмѣялся.

— Не думаю, чтобы это было возможно, хотя я былъ бы

всею душою радъ. Нѣтъ, я останусь въ Нэтли и стану ожидать вашего возвращенія. Врядъ ли вы пріѣдете позднѣ сентября. Мы устроимъ вамъ такую триумфальную арку, которую вы увидите на разстояніи мили.

— Хорошо, если бы теперь уже былъ сентябрь,—отвѣчала дѣвушка.—Пока я не пріѣду въ Барронби, мнѣ нечего будетъ дѣлать.

Такъ говорили они за три дня до свадьбы.

Глава IV.

Свадьба.

26 іюля было суетливымъ и тяжелымъ днемъ для семейства генерала Фуллера. Слуги то и дѣло бѣгали вверхъ и внизъ по лѣстницамъ; хозяйки, въ томъ числѣ Винифреда, которую втянули въ домашнія хлопоты по этому случаю, давали приказанія, отмѣняли ихъ, разсылали записки во всѣ стороны, приходили въ отчаяніе оттого, что не приносятъ самыхъ необходимыхъ вещей, которыя, однако, всегда оказывались налицо, по крайней мѣрѣ, за полчаса до назначеннаго времени. Въ теченіе всего дня генераль почти не видалъ своихъ дамъ, но часовъ въ десять вечера Глэдисъ проскользнула въ кабинетъ, чтобы пожелать отцу покойной ночи. Онъ удержалъ ее за руку.

— Ты очень устала и блѣдна, дитя мое, — нѣжно сказалъ онъ.—Тебѣ слѣдовало бы давно лечь.

— Всего только десять часовъ, папа; дѣла было пропасть. Мама совсѣмъ замучилась.

— У нея будетъ довольно времени, чтобы отдохнуть, когда ты насъ покинешь. Я нигакъ не могу даже подумать о разлукѣ съ тобою, Глэдисъ.

Губы дѣвушки дрогнули, она прижала ихъ къ сѣдой головѣ отца, чтобы удержать ихъ трепеть.

— Не будемъ думать объ этомъ, папа. Это случается со всѣми. Мы не несчастнѣе другихъ.

— Мнѣ кажется, что мы даже гораздо счастливѣе многихъ,—бодро отвѣчалъ онъ.— Не всякая дѣвушка начинаетъ жизнь такъ, какъ ты, Глэдисъ. За то, конечно, и не всѣ отцы терпятъ такую дочь.

— Ты слишкомъ высокога мнѣнія обо мнѣ, папа; еще мало

видѣлъ меня. Еслибъ ты зналъ меня хорошо, то былъ бы радъ отдѣлаться отъ такой обузы.

Генераль не обратилъ вниманія на эти слова. Онъ все еще держалъ маленькую ручку дочери и задумчиво разглядывалъ ее.

— Ты никогда не перестанешь считать меня другомъ, Глэдись?

— О, папа, что за вопросъ!

— Иные родители сказали бы тебѣ при вступленіи въ новую жизнь, что твоимъ лучшимъ другомъ будетъ отнынѣ мужъ и что ты должна это думать. Еслибъ надежды, съ которыми люди вступаютъ въ бракъ, всегда осуществлялись, такъ бы оно, вѣроятно, и было. Только рѣдко это выходитъ согласно нашимъ ожиданіямъ, Глэдись.

— Знаю, отецъ.

— Быть можетъ, лордъ Моунткарронъ дѣйствительно будетъ не только мужемъ, но и другомъ; я на это надѣюсь. Но мы такъ мало знаемъ его. Общай же обратиться ко мнѣ, если ты когда-нибудь будешь въ горѣ или бѣдѣ.

— Къ кому же пойду я иначе?—прошентала дѣвушка.

— Многіе, даже очень хорошіе люди утверждаютъ, будто женѣ не слѣдуетъ говорить ни съ кѣмъ о своихъ домашнихъ горестяхъ. Если она несчастна, она должна схоронить тайну въ глубинѣ души и показывать свѣту улыбающееся лицо. Я понимаю осторожность, но не вижу нравственнаго обязательства поступать такъ, не понимаю, почему мужъ такое священное лицо, о проступкахъ котораго нельзя даже говорить. Если жена несчастна, она всегда найдетъ много утѣшителей, и, по моему, гораздо лучше и безопаснѣе, чтобъ она искала совѣта и успокоенія въ кругу семьи, а не у чужихъ.

— Папочка, развѣ ты думаешь, что я буду несчастна? — тихо спросила она.

— Боже избави, милое дитя. Но ни чья жизнь не свободна отъ печалей, и я только прошу тебя вспомнить въ случаѣ бѣды, что у тебя нѣтъ болѣе преданныхъ друзей, какъ отецъ съ матерью.

— Не думаю, чтобъ мнѣ жилось хуже, чѣмъ всѣмъ дѣвушкамъ, по крайней мѣрѣ, насколько это зависитъ отъ мужа. Видишь, папа, какъ выгодно не ожидать черезъ-чуръ многого. Если Моунткарронъ будетъ вѣжливъ со мной, съ меня и того-

довольно. Онъ станетъ, вѣроятно, жить своею жизнью, а я — своею. Надо быть очень причудливой, чтобы требовать большаго.

— Развѣ ты никогда не мечтала быть подругой мужа?

— Возможно ли это? Вкусы мужчинъ и женщинъ такъ различны. У меня съ Моунтгаррономъ нѣтъ ни одной общей мысли, кромѣ охоты къ танцамъ, да и танцовать-то онъ, по его словамъ, только чтобы нравиться мнѣ. Лучше бы онъ этого не дѣлалъ. Такого плохаго кавалера у меня никогда не было.

— Но есть много другихъ вопросовъ, гдѣ вкусы мужа и жены могутъ сходиться: наука, искусство. Жена должна стараться направлять мужа къ высшимъ цѣлямъ.

— О, папочка, ты требуешь слишкомъ многого. Хорошо, если я сумѣю вынести Моунтгаррона, какимъ онъ есть, не стараясь перевоспитывать его. Признаться, игра не стоила бы свѣчь. Вотъ еслибъ онъ походилъ на мистера Брука, дѣло было бы иное.

— Ты не должна впадать въ привычку сравнивать мужа съ другими мужчинами. Это роковая ошибка. Разъ ты выйдешь за Моунтгаррона, избавиться отъ него уже нельзя. Но ты можешь поднять его до высшаго уровня. Всѣ хорошія женщины въ состояніи сдѣлать это.

— Тебя, я увѣрена, никогда не надо было тянуть вверхъ, — ласково отвѣчала Глэдисъ, стараясь увлечь отъ предмета разговора. — Такого человѣка, какъ ты, я не найду на всемъ свѣтѣ.

— У тебя никогда не будетъ, конечно, болѣе преданнаго друга, — дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ отецъ. — Никто не можетъ любить тебя болѣе, чѣмъ я.

— Я не покину тебя, — внезапно воскликнула дѣвушка въ сильномъ возбужденіи. — Скажи одно слово, и я не выйду ни за кого, останусь съ тобою до конца жизни старою дѣвой.

— Старою дѣвой! — гордо повторилъ отецъ. — Очень вѣроятно, что мужчины не дадутъ тебѣ засидѣться! Да если ты завтра откажешь Моунтгаррону, послѣ завтра вокругъ тебя будетъ уже увиваться цѣлый рой молодыхъ людей. Нѣтъ, дочка, все это вздоръ. Ты не отказалась бы отъ этого брака, даже еслибъ могла; да я и самъ не захотѣлъ бы этого. Я уже привыкъ думать о тебѣ, какъ о графинѣ Моунтгарронъ.

При этомъ имени дочь отерла глаза.

— Вотъ началась бы суматоха, еслибъ я вздумала отказать ему! Да, отецъ, ты правъ. Поздно отступать, и чѣмъ скорѣе все кончится, тѣмъ лучше.

— А пока, чѣмъ раньше ты ляжешь, тѣмъ здоровѣе будетъ для тебя. Поцѣлуй же меня и иди. Теперь тебѣ остается одно: исполнить свой долгъ; ты достаточно умна, чтобы понять это, и отъ тебя зависитъ быть счастливою или нѣтъ.

Глэдисъ пошла спать со слезами на глазахъ. Она плакала при мысли о разлукѣ съ отцомъ, но ей, все-таки, не нравились его разсужденія о долгѣ. Замужъ она выходила только, чтобы веселиться, имѣть положеніе въ свѣтѣ, много денегъ. Никакой охоты превращаться въ наставницу и поучать Моунткаррона она не испытывала. Если его взгляды ей не понравятся, пусть онъ держитъ ихъ про себя. Она передала разговоръ съ отцомъ своей сестрѣ Винни и уже настолько оправилась отъ волненія, что могла окрашивать его совѣты нѣскольکو комичнымъ оттѣнкомъ.

Винни широко раскрыла отъ изумленія свои большіе глаза.

— Что хочеть сказать отецъ?—недовѣрчиво спросила она.— У графа прекрасныя манеры; я никогда не видала въ обществѣ болѣе приличнаго человѣка. Право, папочка иногда очень страненъ и имѣеть преудивительныя взгляды.

— Ну, оставимъ его теперь, милая,—отвѣчала Глэдисъ, ложась въ постель.—Давай спать, ради Бога, а не то глаза у меня будутъ завтра сонныя.

Опасенія ея оказались, однако, неосновательными. Никогда не была она такъ красива, какъ въ день своей свадьбы, и когда она сошла съ лѣстницы, покрытая бѣлыми кружевами и флеръ-д'оранжемъ, сердце отца, ожидавшаго ее въ сѣняхъ, сжалось при мысли отдать такую красавицу человѣку, котораго онъ мало знаетъ.

Лордъ Моунткарронъ, одѣтый по послѣдней модѣ, стоялъ на ступеняхъ алтаря, нервно разстегивая и застегивая сѣрыя лайковыя перчатки.

Церковь была переполнена зрителями; они сообщали другъ другу, что смуглый, полный мужчина—женихъ, а красивый, бѣлокурый юноша рядомъ съ нимъ — мистеръ Брукъ. Нѣкоторыя дамы находили, что изъ нихъ Брукъ гораздо болѣе взволнованъ и что лицо его вспыхиваетъ всякій разъ, когда шумъ колесъ возвѣщаетъ прибытіе новаго экипажа. По всему вѣроятію, это имъ только такъ казалось.

Наконецъ, появилась невѣста, опираясь на руку отца, и про-

шла всю церковь. Присутствующія дамы не нашли ее красивою. Волосы ея, по ихъ мнѣнію, слишкомъ свѣтлы, носъ черезъ-чуръ длиненъ, фигура худа и не складна. Но будущая графиня шла между двухъ рядовъ зрителей, какъ королева, вовсе не заботясь о ихъ мнѣніи. Она подала руку жениху съ такимъ видомъ, точно даровала ему патентъ на дворянское достоинство, и заняла мѣсто передъ алтаремъ такъ спокойно, какъ будто ее уже вѣнчали разъ двадцать.

Черезъ десять минутъ все было кончено. Прежде чѣмъ добрый генералъ могъ дрожащими руками найти въ молитвенникѣ подходящее мѣсто, дочь уже сдѣлалась графиней Моунткарронъ и подошла къ отцу, чтобы поцѣловать его трепетными губами. Вслѣдъ затѣмъ Моунткарронъ поспѣшно увелъ ее и свидѣтелей въ ризницу подписывать брачный актъ, между тѣмъ какъ органистъ заигралъ *Свадебный маршъ*.

Мистеръ Брукъ былъ тоже приглашенъ расписаться въ качествѣ свидѣтеля.

— Ты не воспользовался еще своею привилегіей шафера, Джемсъ, — смѣясь, сказалъ графъ. — Развѣ ты не знаешь, что имѣешь право поцѣловать молодую?

Глэдисъ улынулась; ей было совершенно безразлично, поцѣлуетъ ее мистеръ Брукъ или нѣтъ. Но новый родственникъ отступилъ, пробормотавъ что-то о глупыхъ и вульгарныхъ обычаяхъ.

— Вы не хотите? — спросила его Глэдисъ, откидывая вуаль и глядя на него своими синими глазами.

Молодой человекъ поблѣднѣлъ и, подойдя къ ней, едва коснулся усами до ея щеки.

— Вы называете это поцѣлуемъ? — весело спросила новая графиня, на что лордъ Моунткарронъ объявилъ, что Джемсъ робокъ и не привыкъ цѣловать дамъ, но что современемъ онъ, навѣрное, исправится.

Потомъ онъ пропустилъ руку жены подъ свою и вывелъ ее изъ церкви. Органъ загремѣлъ, когда они появились въ дверяхъ, вся публика встала и безцеремонно разглядывала ихъ, пока они шли къ каретѣ.

Моунткарронъ усадилъ Глэдисъ въ экипажъ, потомъ сѣлъ рядомъ съ ней, примявъ ея пышное платье.

— Ну, славу Богу, кончено! — вырвалось у него.

— Да, но ты рвешь мою вуаль. Не подвинешься ли ты немножко?—отвѣчала Глэдись.

— Невыносимо, когда всё глядятъ прямо въ лицо, не правда ли? Не могу понять, какимъ образомъ забрались эти люди въ церковь. Я приказалъ дѣлать всё приготовленія по возможности въ тайнѣ. Тебѣ это было очень неприятно?

— О, нѣтъ, къ этому привыкаешь въ обществѣ. Это менѣе тягостно, чѣмъ представленіе ко двору.

— Да, это удовольствіе еще впереди, но, слава Богу, не раньше весны. Надѣюсь, отецъ не задержитъ насъ слишкомъ долго за завтракомъ. Мнѣ хотѣлось бы уѣхать съ трехчасовымъ поѣздомъ.

— Скажи это папѣ; онъ все уладитъ. Какъ ужасно быть въ такомъ нарядѣ въ двѣнадцать часовъ утра! Я съ восторгомъ сниму его и надѣну болѣе приличный костюмъ.

— И я также. Бстати, ты еще не поцѣловала меня. Неужели я одинъ не получу поцѣлуя отъ лэди Моунткарронъ?

Она обернулась совершенно невозмутимо и позволила ему поцѣловать себя, если ему угодно. Когда церемонія эта кончилась, молодая женщина испытала несомнѣнное чувство облегченія.

Завтракъ прошелъ, какъ обыкновенно проходятъ такія трапезы, и въ два часа лэди Моунткарронъ, облеченная въ дорожный костюмъ, приготовилась слѣдовать за своимъ повелителемъ хоть на край свѣта. Гости стояли группами по комнатамъ. Глэдись подошла къ Джемсу Бруку, почти затерянному въ амбразуру окна.

— Мы уѣзжаемъ,—сказала она,—но я не успокоюсь, пока не затащу Моунткаррона въ Карронби. Какъ вы, однако, блѣдны! Вамъ не здоровится?

— У меня болитъ голова отъ ранняго пробужденія,—отвѣчала онъ съ вынужденнымъ смѣхомъ.

— Бѣдный мальчикъ!—сказала она, приложивъ руку къ его лбу.—Нельзя ли помочь вамъ?

— Нѣтъ, лэди Моунткарронъ, благодарю.

— О, вы не должны величать меня такимъ образомъ. Теперь я ваша кузина и вамъ слѣдуетъ звать меня Глэдись. Не забудьте большой цвѣточной арки, которая должна привѣтствовать меня при моемъ въѣздѣ въ Карронби.

— Не забуду, я *ничего* не забуду, Глэдись.

— Это хорошо. Я тоже нѣтъ. Мы пойдемъ вмѣстѣ гулять

по лѣсамъ въ первый день моего прїѣзда. Очень жаль, что вашей сестры сегодня не было.

— Я тоже очень жалѣю; только Гуго еще болѣнъ, да и болѣзнь его заразительна. Надѣюсь, все это кончится къ вашему возвращенію.

— Надѣюсь и я. Прощайте пока, мистеръ Брукъ.

Она подала ему руку; онъ прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— Прощайте. Желаю вамъ всего хорошаго.

— И вамъ тоже. Этимъ хорошимъ мы будемъ наслаждаться вмѣстѣ,—отвѣчала она, улыбаясь, и вернулась къ своимъ.

Минуту спустя, она уѣхала. Роскошный экипажъ съ гербами на дверцахъ, запряженный чистокровными лошадьми, погатилъ къ станціи желѣзной дороги. Мистрисъ Фуллеръ и Винни бинули ему вслѣдъ пригоршни рису и старые атласные туфли; генералъ слѣдилъ за каретою, пока она скрылась изъ вида, а Джемсъ Брукъ стоялъ все въ той же амбразурѣ, гдѣ его оставила Глэдисъ, и кусалъ губы, стараясь подавить въ себѣ какое-то непокорное чувство.

А. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА УЛИЦѢ *).

Романъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Съверное Сіяніе въ четыре года создало себѣ репутацію бойкой газеты, которую публика брала на расхватъ. Успѣхъ былъ колоссальный сравнительно съ другими изданіями и Показиловъ велъ дѣло твердою рукой. Турецкая война, конечно, много помогла этому успѣху, но главныя причины лежали глубже. Показиловъ сумѣлъ стряхнуть съ себя обычные газетныя предразсудки и создалъ свою собственную публику. Показиловская газета не принадлежала къ уличной мелкой прессѣ и не гналась за опредѣленною кличкой либеральнаго или консервативнаго изданія.

— Консервативныя и либеральныя органы имѣютъ значеніе тамъ, гдѣ есть политическая жизнь, партіи и вообще общественная жизнь, — говорилъ Показиловъ, когда его обвиняли за безпринципность, — а мы можемъ писать только для нашего читателя, въ этомъ все. Притомъ, еще вопросъ, что такое нашъ либерализмъ и консерватизмъ; я хочу сказать, что это игрушка вродѣ тѣхъ машинокъ, на которыхъ китайцы производятъ гимнастику пальцевъ. У меня, кстати, есть цѣлыхъ двѣ такихъ машинки въ моея китайской коллекціи.

Своя газета быстро достигла цѣли: читатель тагъ и валигъ, благо на страницахъ *Съвернаго Сіянія* было насыпано всякаго жита по лопатѣ: тутъ и науки немножко, и художества, и политики, и внутренней жизни, а, главное, работалъ бойко фельсе-

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

тонъ. Все, что жизнь выкидывала на свою поверхность, появлялось здѣсь въ той специальной фельетонной формѣ, которую создавала улица. Читатель хваталъ налету эту легкую и удобоваримую пищу, съ жадностью проглатывалъ ее и постепенно усваивалъ себѣ фельетонный способъ мышленія; онъ въ одно прекрасное утро дѣлалъ пріятное открытіе, что знаетъ и политическія тайны разныхъ европейскихъ дворовъ, и послѣднія слова разныхъ наукъ, и всякую злобу дня какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, а, главное, все это было такъ просто, легко, понятно. Другія большія газеты наводили тоску своими длиннѣйшими статьями и просто пугали читателя, а тутъ даже какъ-то ужь очень забавно выходило: онъ, читатель, чувствовалъ между строкъ, что, вѣдь, совсѣмъ же онъ не глупъ и рѣшительно все понимаетъ. Развернулъ номеръ *Съвернаго Сіянія*—и готово, заридился какъ разъ до слѣдующаго дня.

Столичная улица заражала своимъ дыханіемъ самую далекую провинцію, гдѣ быстро начали входить во вкусъ чисто-уличнаго міросозерцанія. Серьезные журналы и серьезные газеты казались скучными и смѣшными, и читатель уже своимъ умомъ догадывался, что они работаютъ въ безвоздушномъ пространствѣ, въ своемъ собственномъ міркѣ, который ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣлъ. Вообще читатель вздохнулъ свободнѣе, потому что находилъ разрѣшеніе всѣхъ своихъ недоразумѣній въ излюбленной газетѣ.

Черезъ два года у Покатилова было уже за десять тысячъ подписчиковъ, а еще черезъ два года онъ расплатился изъ копѣйки въ копѣйку съ Теплоуховымъ. Вышла опять оригинальная сцена въ теплоуховскомъ кабинетѣ. Покатиловъ представилъ всѣ свои счета и послѣдній банковскій чекъ.

— Мнѣ остается еще разъ поблагодарить васъ, Евстафій Платонычъ,—говорилъ Покатиловъ съ чувствомъ.—Теперь наши расчеты кончены, но я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Хорошо,—съ усиленіемъ проговорилъ Теплоуховъ всего одно слово, не потрудившись даже посмотрѣть на представленныя его вниманію счета.

Тѣмъ дѣло и кончилось, а въ результатъ его Покатиловъ очутился обладателемъ своей газеты, которая будетъ приносить ему пятьдесятъ тысячъ годоваго дохода.

Но странное дѣло, все спорилось въ рукахъ Покатилова, газета шла великолѣпно, его имя уже составляло цѣлый капи-

таль, а, между тѣмъ, въ глубинѣ души у него вѣчно было неудовлетворенное чувство. Эти виѣшніе успѣхи точно служили насмѣшкой надъ внутреннею нищетой: тамъ сосала неотступная старая тоска, отъ которой онъ не могъ забыться ни за границей, ни въ чаду уличныхъ походовъ, когда за деньги покупалъ ласки знаменитыхъ красавицъ, сдѣлавшихся *célébrités du jour* на театральныхъ подмосткахъ, въ циркѣ или модныхъ кабакахъ. Отчасти чтобы разсѣяться, отчасти по старой привычкѣ къ уличному бродяжничеству, Покатиловъ прошелъ всю лѣстницу этихъ запретныхъ плодовъ, которые покупаются бѣшенными деньгами. Въ этихъ темныхъ походахъ его неизмѣннымъ спутникомъ являлся Бодяга, который былъ своимъ человекомъ за кулисами театровъ, въ уборныхъ цирка и въ разныхъ другихъ пріемныхъ *sui generis*. Знакомство съ наѣздницами, танцовщицами, фигурантками, разными пѣвчими птичками и просто представительницами полусвѣта не могло потушить сосавшей Покатилова тоски: весь этотъ человѣческій соръ, накопившійся по привилегированнымъ угламъ и заугольямъ широкой столичной улицы, въ концѣ-концовъ, внушалъ только чувство отвращенія и той брезгливости, какая сохраняется даже въ безнадежно погибшихъ людяхъ. Между прочимъ, Покатиловъ переманилъ отъ Бригабрака его Фанни, шаловливую и глупую нѣмку, которая вытянула у Покатилова массу денегъ, постоянно обманывала его и кончила тѣмъ, что Покатиловъ просто выгналъ эту продажную тварь, славившуюся въ средѣ прожигавшей жизнь публички подъ именемъ «губки».

Домой Покатиловъ нерѣдко возвращался совсѣмъ пьяный и ему доставляло особенное удовольствіе, чтобы сильнымъ звонкомъ всполошить спавшаго швейцара. Степенный сѣдой семеновецъ торопливо выскакивалъ на встрѣчу барину и, почтительно поддерживая подъ локоть, помогалъ добраться до спальни. Иногда пьяному Покатилову казалось, что онъ забрался въ какую-то чужую квартиру. Неужели все это его, его собственность? Квартирой Покатилова теперь завѣдывала старая няня Улитушка, которая раздѣвала его пьяного и укладывала въ постель. Старуха долгу иногда смотрѣла на спавшаго воспитанника, вздыхала, качала дряхлою головой и повторяла стереотипную фразу:

— Жениться надо... безпрѣмѣнно жениться. Охъ-хо-хо, согрѣшили мы, грѣшныя!

Юлинька была большая и Улитушка поселилась у Покати-

лова, гдѣ зорко стерегла каждую пушинку съ какою-то собачьей привязанностью къ покатиловскому добру. Своего воспитанника она чуть не боготворила и по своему извиняла всѣ его недостатки: перебѣсятся и за умъ возьмется, всѣ господа съ молоду-то на одинъ фасонъ.

— А ужь какую бы невѣсту приспособили этакому-то орлу, — раздумывала Улитушка, — высокую, да бѣлую, да глазастую, чтобы всего опутала сразу. Охъ, ловкія есть дѣвушки въ этомъ треклятомъ Петенбургѣ!

За всѣми хлопотами и торопливою газетною работою у Покатилова оставалось очень много свободнаго времени, и его вѣчно тянуло на Сергіевскую, чтобы еще лишній разъ вернуться оттуда съ сознаниемъ невозможности счастья. У Доганскихъ онъ бывалъ то часто, то рѣдко, иногда провожалъ Сусанну въ циркъ, куда она любила ѣздить по субботамъ, но разстаться съ этою семьей было выше его силъ. Покатиловъ тысячу разъ давалъ самому себѣ честное слово, что идетъ на Сергіевскую въ послѣдній разъ, но одинъ ласковый взглядъ Сусанны, и честное покатиловское слово таяло, какъ снѣжинка, упавшая въ воду.

Въ четыре года Сусанна сдѣлалась еще лучше, чѣмъ была раньше; въ этой оригинальной красотѣ года раскрывали только новія чары. Теплоуховъ бывалъ у Доганскихъ попрежнему и попрежнему молчалъ, какъ пень. Молодой Зостъ сдѣлался своимъ человѣкомъ, хотя держалъ себя съ большимъ тактомъ. Это была холодная, эгоистичная натура съ тѣмъ особеннымъ закладомъ характера, который неотразимо дѣйствуетъ на женщинъ. Чарльзъ часто бывалъ дерзокъ и грубъ съ Сусанной, но она выносила отъ него все и готова была лизать его руки, какъ собаченка. Для Покатилова все здѣсь составляло неразрѣшимую загадку и онъ могъ только удивляться, какъ могли переносить всю эту комедію Доганскій и Теплоуховъ, и, наконецъ, зачѣмъ онъ самъ, Покатиловъ, является въ этотъ проклятый домъ.

Между тѣмъ, Сусанна держала себя съ Покатиловымъ, какъ съ своимъ человѣкомъ, и за эту опасную близость подвергала его иногда чисто-инквизиторскимъ пыткамъ: она заставляла его редактировать свои записочки къ Чарльзу, заставляла терпѣливо выслушивать свои безконечныя изліянія по поводу удивительныхъ достоинствъ удивительнаго молодого человѣка, повторяла предъ нимъ весь тотъ сумбуръ чувствъ и мыслей, который душилъ ее, и такъ безъ конца. Они вмѣстѣ обманывали

Доганскаго и Теплоухова, вмѣстѣ лгали, и Сусаннѣ доставляло особенное удовольствіе ставить и себя, и Покатилова въ самыя нелѣпыя и опасныя положенія.

— Если вы меня дѣйствительно любите, — повторяла Сусанна нѣсколько разъ Покатилову, — то для васъ мое счастье должно быть дороже всего... такъ? Вы даже должны меня постоянно благодарить за свое тайное счастье, которое я могла бы разрушить одною минутой снисходительности. Вѣдь, всякое счастье заключается въ неудовлетворенномъ желаніи, въ самомъ процессѣ достиженія извѣстной цѣли, и чѣмъ больше препятствій на этомъ тернистомъ пути, тѣмъ выше счастье; вотъ я и хочу сдѣлать васъ самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ. Жаль, что вы не пишете стиховъ, а то у васъ въ рукахъ всѣ средства сдѣлаться по меньшей мѣрѣ вторымъ Гейне. Я не гоню васъ, и пользуйтесь этимъ. Однимъ словомъ, я, кажется, сдѣлала все, чтобы не подвергать испытаніямъ вашъ характеръ, и могу поручиться только за одно: что бы со мной ни было, я никогда не рѣшусь разбить ваше счастье. Ну, перестаньте дѣлать такое глупое трагическое лицо. Это совсѣмъ уже не идетъ умному человѣку, который, прежде всего, долженъ быть философомъ. Не правда ли?

— Совершенно вѣрно, но только черезъ-чуръ великодушно, Сусанна Антоновна. Вы даже пощечину даете какъ какою-то милостыню.

Въ обществѣ Доганской Покатиловъ никогда не могъ выдерживать характера и быстро переходилъ отъ одного настроенія къ другому: если былъ съ ней одинъ, прикидывался равнодушнымъ, шутилъ, пускался въ откровенность, въ обществѣ Чарльза дѣлался неестественно вѣжливымъ, при Доганскомъ рассказывалъ глупые анекдоты, при Теплоуховѣ напускалъ на себя необыкновенную солидность, а при опсѣ или Нилушкѣ держалъ себя съ преувеличенною фамильярностью и даже позволялъ себѣ нѣкоторыя дерзости. Сусанна все это замѣчала, конечно, и только улыбалась глазами, а въ крайнемъ случаѣ дѣлала видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ Покатилова, и послѣдній обязательно надудался, смолкалъ и уходилъ.

— Какой онъ смѣшной, этотъ Покатиловъ, — смѣялась Доганская каждый разъ послѣ такой нѣмой размовки. — Не правда ли, Николай Григорьевичъ?

— Гмъ... пожалуй, — соглашался опсе. — Я не желалъ бы быть на его мѣстѣ, Сусанна Антоновна.

— И вы туда же? Вотъ, подумаешь, какое фамильное геройство!

Нѣсколько разъ случалось такъ, что Покатиловъ ловилъ пристальный взглядъ Сусанны, обращенный на него, и она каждый разъ смущалась, какъ пойманный школьникъ. Что значили эти пристальные взгляды? Покатиловъ отлично могъ припомнить день и часъ, когда это было: одинъ разъ они сидѣли въ столовой, когда Нилушка чуть не подрался съ Богомолowymъ, въ другой разъ въ ложѣ театра, въ третій разъ... О, этотъ третій разъ Покатиловъ никогда не забудетъ: они вдвоемъ возвращались зимой изъ цирка въ парныхъ саняхъ, Доганская цѣлый вечеръ была какая-то задумчивая и грустная, а тутъ вдругъ развеселилась. Онъ помнилъ это лицо, залитое румянцемъ, полузакрытые глаза, которые заставили его вздрогнуть, и эту роковую улыбку. Покатиловъ тихо обнялъ ее, она не сопротивлялась и даже наклонилась къ нему на плечо, а потомъ точно проснулась отъ какого-то волшебнаго сна, отодвинулась и проговорила сурово по-англійски:

— Покатиловъ, вы съ ума сошли.

Къ прежнему обществу, бывавшему у Доганскихъ, прибавилось только нѣсколько смѣшныхъ старичковъ съ громкими именами. Эти старцы обыкновенно прѣзжали утромъ и Сусанна принимала ихъ съ неестественною любезностью.

— Наши новые друзья, — коротко рекомендовалъ Доганскій съ своею странною улыбкой. — Романъ Ипполитычъ, всегда помните золотое изреченіе: Господи, избавь меня отъ друзей, а съ врагами я самъ справлюсь.

Опсе замѣтно постарѣлъ и все поднималъ свои крашенныя брови, когда встрѣчался съ Покатиловымъ.

— Ты что-то хочешь мнѣ сказать? — нѣсколько разъ спрашивалъ его Покатиловъ. — У тебя такой странный видъ.

— Нѣтъ... такъ. Это отъ старости.

За четыре года мужчины всѣ замѣтно постарѣли и удивлялись другъ другу, конечно, за глаза: у Нилушки образовалась лысина, у Богомолова явились два вставныхъ зуба, Доганскій сдѣлался совсѣмъ сѣрый, Покатиловъ пополнилъ и въ его красивыхъ глазахъ все чаще и чаще стало появляться усталое выраженіе. Это еще не была старость, но дѣло уже шло не къ молодости, какъ говорила Улитушка.

Всего удивительнѣе было то, что Покатиловъ часто прямо отъ Доганскихъ отправлялся на Моховую къ Бэтси. Она больше уже не давала уроковъ у Зостъ, съ которыми разошлась изъ-за Чарльза: старикъ узналъ черезъ кого-то, что сынъ познакомился съ Сусанной черезъ Бэтси и сдѣлалъ гувернантѣ горячую сцену. Бэтси чувствовала себя виноватой предъ этою семьей и постоянно укоряла себя за сдѣланное преступленіе. Съ Юлинькой она тоже не занималась, потому что не могла видѣть Калеріи Ипполитовны. Теперь англичанка занималась переводами изъ англійскихъ газетъ для *Сверлаго Сіянія* и этимъ существовала. Она, попрежнему, жила въ номерахъ Баранцева и оставалась все такою же чистенькой и щепетильной.

Визиты Покатилова положительно отравляли существованіе Бэтси. Это былъ рѣшительно невозможный человѣкъ, приводившій Бэтси въ отчаяніе: придеть, сидеть на диванѣ, схватится за голову и по цѣлымъ часамъ надрываетъ душу Бэтси своими жалобами.

— Я дрянной человѣкъ, но это мнѣ даетъ возможность, Бэтси, еще лучше оцѣнить твою чистую душу, — говорилъ невозможный человѣкъ. — Сознаю, что я мучу тебя... а развѣ я самъ не мучусь? Да, я виноватъ, кругомъ виноватъ, но что я получилъ за свою вину? Эта Сусанна совсѣмъ сумасшедшая женщина, Бэтси. Я часто ненавижу и прокливаю ее, но меня неудержимо тянетъ къ ней... Я все ей прощу, все извиню, даже собственное униженіе, хотя у меня часто является желаніе задушить ее. Все равно, я плохо кончу!

Бэтси слушала эту безумную исповѣдь обыкновенно молча и ни однимъ движеніемъ не выдавала своего душевнаго состоянія. Одинъ моментъ душевной слабости, и она опять свяжетъ себя съ этимъ страшнымъ человѣкомъ. Часто ей дѣлалось жаль Покатилова, онъ былъ не злой человѣкъ по душѣ и всегда такъ умѣлъ угодить въ тысячѣ тѣхъ мелочей, которыя особенно цѣнятся женщинами, но Бэтси дѣлала суровое лицо и молчала, какъ убитая.

— Мнѣ иногда снится вотъ эта самая комната, — вслухъ мечталъ Покатиловъ. — Да, снится тихое и хорошее счастье, мнѣ вдругъ дѣлается до слезъ жаль вотъ всѣхъ этихъ мелочей, къ которымъ привыкъ глазъ и съ которыми связано столько хорошихъ воспоминаній. Я даже плачу во снѣ, а настаетъ день, и я опять чувствую себя, какъ пьяница, который не можетъ отка-

зять себѣ въ первой рюмгѣ. Если бы ты знала, Бэтси, что значить носить въ душѣ постоянный адъ.

Разъ Покатиловъ съ сіяющимъ лицомъ и торжественно заявилъ:

— Ахъ, Бэтси, Бэтси, *они* уже ссорятся и онъ больше не любить Сусанны. Да, я слышала своими ушами, какъ она укоряла его въ чемъ-то, потомъ грозила, затѣмъ плакала, — словомъ, все происходитъ въ надлежащемъ порядкѣ. Мальчикъ образумился...

— Я была бы совсѣмъ счастлива, если бы этотъ мальчикъ образумился, — проговорила Бэтси съ волненіемъ. — Онъ лежитъ на мой совѣсти.

— Да, да, это ты, Бэтси, подвела его, т.-е. устроила все моя любезная сестрица, а ты только разыграла некрасивую роль. Ахъ, Бэтси, я четвертый годъ разыгрываю ту же самую дурацкую роль. Надняхъ, напримѣръ, Сусанна посылала меня разыскивать Чарльза по всему городу и не велѣла безъ него показываться на глаза... ну, и нашелъ. Притащилъ мальчишку на Сергіевскую чуть не за уши... Скажи ради Бога, на что это похоже?... Да, вѣдь, я первый ни за что не повѣрилъ бы подобной нелѣпости, если бы не продѣлалъ ее собственными руками!

— Я, Романъ Ипполитычъ, могу посовѣтовать вамъ только одно, — говорила Бэтси, — какъ я слышала, Сусанна начинаетъ обдѣлывать какія-то дѣла...

— Это ты про гнилыхъ старичковъ?

— Да... Собственно тутъ самъ Доганскій что-то затѣваетъ. Можетъ быть, и неправда...

— Э, тутъ все можетъ быть, Бэтси, этого Доганскаго самъ чортъ не разберетъ.

Каждый разъ, когда Покатиловъ уходилъ, Бэтси провожала его печальными глазами: ей было жаль, что онъ погибаетъ. Самые успѣхи для такихъ людей приносятъ только несчастье.

Бѣдной англичаночкѣ приходилось вообще не легко, и она каждый день съ тяжелымъ чувствомъ развертывала свѣжій номеръ *Сѣвернаго Сіянія*, гдѣ печатались и ея переводы изъ иностранныхъ газетъ. Между газетными строчками притаилось и ея одинокое горе, которое она какъ-то связывала съ этою проклятою газетой. Единственнымъ утѣшеніемъ для нея были приходившіе къ ней газетные старички, какъ Бэтси называла про себя ка-

питана Пухова и Симона Денисыча. Они всегда относились къ ней съ такимъ вниманіемъ и такъ заботились чѣмъ-нибудь угодить или развлечьъ:

— Вы у насъ, Лизавета Ивановна, на дочернемъ положеніи, — объяснялъ капитанъ съ своею обычною галантностью. — Да-съ... Я всегда думаю о васъ въ этомъ направленіи: была у меня дочь, потерялась, а потомъ опять нашлась.

Газетные старички приносили сюда все, что у нихъ накипало на душѣ, и Бэтси знала отлично мельчайшія подробности о закулисной жизни *Свернаго Сіанія* и всѣ тайны номеровъ Квасовой. Разболтавшись, друзья переглядывались и мысленно обвиняли одинъ другаго въ невоздержности на языкъ. Черезъ нихъ Бэтси знала все, что дѣлалось въ редакціи. Всего умилительнѣе было то, что и капитанъ, и Симонъ Денисычъ считали себя настоящими заправилами газеты и говорили о ней «мы».

— Вотъ лѣтомъ намъ хорошо, — объяснялъ Симонъ Денисычъ, попивая кофе. — Тогда ужь никто не будетъ намъ мѣшать: вся газета въ нашихъ рукахъ. Всѣ разбѣгутся, потому что имъ, вѣдь, все равно, а мы съ капитаномъ все дѣло орудуемъ...

II.

Можетъ быть, нигдѣ не идетъ время такъ быстро, какъ въ Петербургѣ, т.-е. идетъ быстро для людей, которые ничего не зарабатываютъ, а проживаютъ свои послѣднія крохи. Время точно существуетъ только для того, чтобы напоминать, когда платить за квартиру, когда швеѣ, прачкѣ, горничной, швейцару. Проживающій крохи только удивляется, въ какую прорву плывутъ деньги, — въ руки взять нечего, а, между тѣмъ, деньги таютъ, какъ вешній снѣгъ. Кажется, лишнихъ денегъ никуда не бросали, наконецъ, позволяли себѣ только самое необходимое, даже отказывали во многомъ, и, все-таки, въ концѣ-концовъ, дефицитъ растетъ, какъ незаштопанная прорѣха. А праздники? Что можетъ быть хуже для такого проѣдающагося человѣка этихъ проклятыхъ петербургскихъ праздниковъ? Особенно солоно достаются Рождество и Пасха, когда, съ одной стороны, вся публика, какъ угорѣлая, набрасывается на праздничныя покупки, а съ другой — на эту же публику навидывается цѣлая орава голодныхъ ртовъ: просить на чаекъ дворникъ, просить вухарка, лакей, почтальонъ,

пожарные, городовые, разсылные, капельдинеры, разные приживалки, гучера, — словомъ, нѣтъ конца краю этому прошенію, а не дать — неудобно. Эти маленькіе люди съумѣютъ насолить при случаѣ, а, главное, непріятно видѣть, какъ они начинаютъ терять къ вашей особѣ всякое уваженіе.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, которыя прожила Калерія Ипполитовна въ номерахъ Квасовой, она испила эту чашу до дна и подь конецъ даже примирилась съ своимъ пассивнымъ положеніемъ, но на сцену выступили новыя злобы, требовавшія новыхъ денегъ, расходовъ и хлопотъ. Иногда Калеріи Ипполитовнѣ начинало казаться, что она только вчера пріѣхала въ этотъ провлятый Петербургъ, такъ эти четыре года были скомканы въ какую-то безобразную массу, точно она все время провела гдѣ-нибудь на вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда и все опаздывала взять билетъ или ее оттирали именно въ тотъ самый моментъ, когда она уже заносила ногу на подножку вагона. А публика пріѣзжала и уѣзжала, предоставляя Калеріи Ипполитовнѣ пріятную обязанность платить чайки за свое толканье среди торопливыхъ людей.

Особенно ей тошно дѣлалось передъ Пасхой, когда Петербургъ принималъ самый праздничный видъ и всѣ магазины, лавки и лавчонки были запружены покупающею для праздника публикой. Кромѣ чисто-праздничныхъ покупокъ, это время совпадало съ заготовленіемъ лѣтнихъ костюмовъ, съ наймомъ дачи, съ тяжелыми воспоминаніями о томъ, что когда-то это время такъ радовало ее, какъ теперь радуется всѣхъ другихъ. Въ душѣ поднималась тяжелая и тупая боль, а потомъ дѣлалось какъ-то рѣшительно все равно; это новое состояніе просто пугало Калерію Ипполитовну и она часто думала про себя, ужь не сходитъ ли она съ ума. Она и на себя начинала смотрѣть какъ-то издали и со стороны, какъ смотрять въ зеркало, когда хотять разсмотрѣть себя во весь ростъ. Иногда Калеріи Ипполитовнѣ дѣлалось какъ-то смѣшно, когда она перебирала въ головѣ длинный рядъ перенесенныхъ неудачъ: свои бесполезныя хлопоты у вліятельныхъ покровителей, какъ князь Юклевскій, баронъ Шебекъ и Андрей Евгеньичъ, а чего-чего не дѣлала только Калерія Ипполитовна, чтобы встать на ноги: и на бѣдныхъ жертвовала въ одинъ очень вліятельный аристократическій комитетъ, и съ кружкой ходила собирать пожертвованія въ пользу славянъ, и въ спиритическихъ сеансахъ принимала участіе, наконецъ, даже втерлась въ

какую-то аристократическую религиозную секту. Все это дѣлалось для того, чтобы во что бы то ни стало выбиться изъ своего положенія и войти въ какой-нибудь изъ хорошихъ столичныхъ кружковъ, но всѣ ея усилія оказывались напрасными: сначала дѣло шло какъ будто ничего, въ ней принимали участіе, знакомились, а въ концѣ-концовъ, она опять чувствовала себя чужою и лишнею и должна была ступшевываться незамѣтнымъ образомъ. Если кто дѣйствительно дѣлалъ что-нибудь для нея, такъ это одинъ Доганскій, которому она платила за его услуги самую черною неблагодарностью, а, между тѣмъ, Доганскій совалъ Симона Денисыча и въ банки, и въ акціонерныя компаніи, и въ какія-то промышленныя предпріятія, и даже на биржу. На работу мужа въ «своей» газетѣ и на свою жизнь въ номерахъ Квасовой Калерія Ипполитовна смотрѣла какъ на что-то временное и случайное, что только пока, между прочимъ.

Симонъ Денисычъ съ величайшею охотою брался за всякое новое мѣсто и каждый разъ непременно находилъ, что именно это мѣсто точно нарочно для него создано, но проходило два-три мѣсяца и онъ по добру по здорову долженъ былъ бросать службу. Сначала Калерія Ипполитовна сердилась, дѣлала страшныя сцены, кончавшіяся мигренью, плакала, но потомъ стала относиться къ мужу съ молчаливымъ презрѣніемъ. Въ послѣдній разъ Симонъ Денисычъ потерялъ мѣсто въ какой-то компаніи рыбопромышленниковъ и явился домой съ такимъ убитымъ видомъ, что даже Калеріи Ипполитовнѣ сдѣлалось его жаль.

— Опять неудача? — спросила она, напрасно подыскивая, что бы сказать ему утѣшающее или ласковое.

Этотъ простой вопросъ заставилъ Симона Денисыча совсѣмъ растеряться; онъ посмотрѣлъ на жену какими-то испуганными глазами, провелъ рукой по свой лысинѣ и глухо проговорилъ:

— Старъ я сталъ, Леринька, и... и... и глупъ!

Послѣднее слово онъ выговорилъ съ величайшимъ трудомъ, точно оно засѣло у него въ горлѣ, закрылъ лицо руками и тихо всхлипнулъ.

— Симон, что съ тобой? Ты нездоровъ?—съ участіемъ спрашивала Калерія Ипполитовна, неприятно пораженная этою мелодраматическою сценою.

— Нѣтъ, ничего. А я вотъ что скажу, Леринька: ничего я не понимаю въ нынѣшнихъ дѣлахъ. И люди какіе-то особенные... новые люди, однимъ словомъ. А я не могу, Леринька...

нужно кланяться, поддѣлываться, интриговать, торговать совѣстью, вотъ что вездѣ нужно, а я старъ и усталъ. Мнѣ очень тяжело бываетъ иногда и я часто думаю, какъ хорошо было бы умереть.

— Что же мы будемъ дѣлать?

— Мнѣ все равно, Леринька. Уѣдемъ куда-нибудь.

— Ну, ужъ это вздоръ! Нужно только потерпѣть и не терять энергіи. Андрей Евгеньичъ недавно былъ у тата и обѣщаль...

Балерія Ипполитовна, противъ воли растроганная слезами мужа, старалась утѣшить его, какъ ребенка, и принялась повторять въ сотый разъ свои планы и предположенія, въ которые больше и сама не вѣрила. Ей просто хотѣлось успокоить бѣднаго старика, къ которому она чувствовала теперь большую нѣжность, и Симонъ Денисычъ дѣйствительно успокоился, успокоился гораздо скорѣе, чѣмъ предполагала Балерія Ипполитовна. Вышла опять жалкая дѣтская сцена и теперь Балерію Ипполитовну душила глупая радость мужа, который принялся мечтать вслухъ разныя глупости.

— А у меня есть одинъ проектецъ, Леринька, — говорилъ онъ, бѣгая по комнатѣ маленькими шажками. — Это ужъ послѣдній... Ты только не сердись на меня, Леринька!

— Да говори, пожалуйста, безъ этихъ глупыхъ предисловій.

— Я... т.-е. меня приглашаетъ къ себѣ Романъ... это только одно предположеніе, Леринька, и ты ради Бога не сердись. У него есть мѣсто завѣдывающаго политическимъ отдѣломъ... т.-е. я хочу сказать, что я окончательно желаю посвятить себя журналистикѣ. Тебѣ это можетъ показаться немножко страннымъ, но, вѣдь, такое время, Леринька, нужны люди...

— Что же, и отлично... Я ничего не имѣю противъ твоихъ литературныхъ работъ, только оставь меня въ покоѣ и никогда и ничего не смѣй мнѣ говорить о своей службѣ, какъ и о газетѣ Романа.

Мостовъ принялъ это милостивое разрѣшеніе за чистую монету и горячо поцѣловалъ руку жены, такъ что Балерія Ипполитовна еще разъ съ душевною болью должна была убѣдиться въ глупости своего мужа и окончательно махнула на него рукой. Конечно, все, что происходило въ семьѣ, всѣ эти неудачи и тревоженія оставались строжайшею тайной, и Балерія Ипполи-

товна оставалась по наружному виду все такую же Балеріей Ипполитовной, которая держала себя всегда съ большимъ гоноромъ и относилась ко всѣмъ другимъ жильцамъ номеровъ Квасовой свысока. Она также при каждомъ удобномъ случаѣ дѣлала замѣчанія Зинаидѣ Тихоновнѣ, постоянно ссорилась съ швейцаромъ Артеміемъ и считала своимъ непремѣннымъ долгомъ повторять всѣмъ и каждому, что они здѣсь только временно и не могутъ поручиться, что не уѣдутъ завтра же, если позволить здоровье Симона Денисыча. Свои неудачи она хоронила у себя дома и была увѣрена, что никто даже не подозрѣваетъ горькой истины, а всѣхъ меньше, конечно, жильцы номеровъ Квасовой, эти жалкіе «короли въ изгнаніи», какъ она называла ихъ про себя, повторяя опредѣленіе капитана.

Но, все-таки, Балеріи Ипполитовнѣ подчасъ дѣлалось ужасно грустно, именно, когда на нее наваливалось это чувство равнодушія ко всему; и вотъ въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ Балерія Ипполитовна какъ-то машинально отправилась съ визитомъ къ Зинаидѣ Тихоновнѣ. Послѣ она сама не могла понять, какъ это могло случиться, но это было такъ: она, Балерія Ипполитовна, первая сдѣлала визитъ этой кронштадтской мѣщанкѣ. Зинаида Тихоновна была тоже крайне удивлена появленіемъ Балеріи Ипполитовны въ ея двухъ комнатахъ и не знала, какъ ей принять гостью.

— А я къ вамъ зашла сказать, Зинаида Тихоновна, что мы, во всякомъ случаѣ, уѣдемъ съ первымъ пароходомъ, — какимъ-то равнодушнымъ тономъ проговорила Балерія Ипполитовна, занимая на диванѣ самое парадное мѣсто. — Мы не пропустимъ этой навигаціи; поэтому необходимо... я сочла долгомъ предупредить васъ относительно квартиры...

— Хорошо, хорошо. У меня есть на примѣтѣ одинъ господинъ, — соглашалась Зинаида Тихоновна, внимательно разматривая свою гостью и даже подумала про себя: — «Охъ, должно быть, она того... съ мухой!»

Балерія Ипполитовна дѣйствительно держала себя настолько странно, что подозрѣнія Зинаиды Тихоновны имѣли нѣкоторое основаніе. Начать съ того, что пришла она въ такое несообразное время, когда въ гости никто не ходитъ, именно сейчасъ послѣ обѣда, когда Зинаида Тихоновна любила соснуть часокъ-другой, и, притомъ, просидѣла, не вставая съ мѣста, битыхъ часовъ пять. Принять гостью «по благородному» Зинаида Тихо-

новна, конечно, умѣла и вся разсыпалась въ самомъ политичномъ разговорѣ: пожалѣла капитана, ядовито отозвалась о «своей газетѣ», наговорила цѣлую вучу о человѣческой неблагодарности, интригахъ и подлости.

— Ужь не сварить ли кофейку?—предлагала хозяйка, окончательно входя въ свою роль.—Я бы живою рукой...

— Пожалуй,—равнодушно согласилась Калерія Ипполитовна.

— А кстати я вамъ и средство отъ мигрени скажу... Мнѣ одна знакомая чиновница-старушка по секрету его передала... и какое простое средство!... Докторамъ-то хоть сколько плати, они и способа не скажутъ...

Чтобы удивить гостью вполнѣ, Зинаида Тихоновна вытащила самой необыкновенной формы старинный серебряный кофейникъ, устроенный такъ, что неопытный человѣкъ непременно принялъ бы этотъ кофейникъ за какой-нибудь приборъ для опытовъ физикѣ. Хитрая штучка, конечно, была приобретена при случаѣ, о чемъ Зинаида Тихоновна и рассказала, пока возилась съ кофейникомъ. Средство противъ мигрени оказалось очень незамысловато: въ крѣпкій черный кофе опускался кружокъ свѣжаго лимона и вливалась небольшая рюмка коньяку.

— Я иногда сама лечусь этимъ средствомъ,—объясняла Зинаида Тихоновна, приготовляя цѣлебный напитокъ.—И отлично дѣйствуетъ: по моей комплекціи въ сонъ вгоняетъ... Для этого случая я всегда финь-шампань держу. Да...

Калерія Ипполитовна нашла, что, дѣйствительно, средство не дурно, и общала непременно его попробовать при первомъ же припадкѣ мигрени.

— А, вѣдь, я слышу, какъ вы мучаетесь этою самою мигренью,—распиналась Зинаида Тихоновна.—И сколько разъ хотѣла вамъ предложить, да какъ-то все не рѣшалась... Чужіе-то люди, Калерія Ипполитовна, всегда больше пожалѣютъ, чѣмъ свои. Вотъ у васъ и братецъ есть, и дядюшка, а много ли вы отъ нихъ вниманія-то видите, а вотъ я всегда васъ жалѣла: все-то вы хлопочете, вездѣ-то вы сами, ну, какъ тутъ мигрени не быть? А мужчины это развѣ могутъ понимать? Взять хоть вашего-то брата, Романа Ипполитыча... Конечно, онъ теперь большой человѣкъ и въ капиталъ скоро будетъ, а вотъ настоящаго родственнаго чувства въ немъ и нѣтъ. Охъ, не хорошо что-то рассказываютъ про Романа-то Ипполитыча, сударыня, хотя, конечно, изъ зависти больше болтаютъ: очень ужъ онъ къ

той-то, къ Доганской то-есть, подвержень, можно сказать даже совсѣмъ въ отсутствіе ума впадаетъ. И она имъ тоже вотъ какъ крутить: ни настоящаго привѣту, ни настоящаго отказа, а такъ, тянетъ только...

— Самъ виновать...

— Вотъ ужъ истинную правду сказали, Калерія Ипполитовна, именно самъ виновать... А жаль: такой умный человѣкъ и вдругъ точно оступился. Эти мужчины, Калерія Ипполитовна, всѣ на одинъ фасонъ, какъ двугривенные.

Дамы долго просидѣли за кофейникомъ, наговорились и знакомство завязалось: Калерія Ипполитовна нашла, что Зинаида Тихоновна совсѣмъ не такъ глупа, какъ можно было бы предполагать, а Зинаида Тихоновна сдѣлала пріятное открытіе, что Калерія Ипполитовна совсѣмъ ужъ не такая гордячка, какъ ее прославили всѣ жильцы, а только держала себя по настоящему. Отчасти Калерію Ипполитовну тянуло къ Зинаидѣ Тихоновнѣ слѣдующее обстоятельство: уроки Юлиньки съ Бѣтсы кончились и упрямая англичанка, видимо, избѣгала бывать у Мостовыхъ, такъ что Калерія Ипполитовна не получала теперь прямыхъ свѣдѣній о всемъ, что дѣлается у Доганскихъ; между тѣмъ, Зинаида Тихоновна знала о нихъ ей одной извѣстными путями рѣшительно все, чѣмъ оставалось только воспользоваться, благо Зинаида Тихоновна была слабенька на язычокъ. Входя въ комнату Зинаиды Тихоновны, Калерія Ипполитовна чувствовала себя точно на телеграфной станціи, соединявшей ее тысячью невидимыхъ проволокъ съ редакціей *Сѣвернаго Сіянія*, съ квартирой Доганскихъ и вообще съ тѣмъ міромъ, который ее такъ интересовалъ. Эти визиты сначала дѣлались подъ разными предлогами: спросить что-нибудь, посоветоваться, гдѣ купить хорошихъ нитокъ, а потомъ знакомство повелось уже за-просто, причемъ немаловажную роль играло изобрѣтенное старушкой-чиновницей лѣкарство отъ мигрени. Случилось какъ-то такъ, что и хозяйка, и гостя страдали припадками этой болѣзни въ одно время, поэтому и лечиться вмѣстѣ было веселѣе. Попивая кофе съ коньякомъ, дамы замѣтно краснѣли, дѣлались откровеннѣе и вообще не дурно коротали быстротечное время. Калерія Ипполитовна нашла, что это завѣтное средство дѣйствуетъ отлично не только отъ мигрени, но прогоняетъ и то страшное чувство апатіи и равнодушія, которое такъ ее пугало.

— А та, Сусанна-то Антоновна, на всё фасоны пошла, — сообщала Зинаида Тихоновна своей приятельницѣ.

— Какіе фасоны?

— Какъ же... Съ Теплоуховымъ-то у ней того, не совсѣмъ ладно: глупъ онъ свыше мѣры, а тоже не слѣпой. Этотъ англичанинъ тутъ замѣшался... Ну, не сегодня - завтра, а Теплоуховъ не надеженъ, пожалуй, и сбѣжить. Вотъ Доганскій и завелъ новыхъ знакомыхъ, старичковъ разныхъ, которые падали на женскую-то часть...

Разговоръ происходилъ въ описываемое нами время, т. е. вскорѣ послѣ русско-турецкой войны. Дамы бесѣдовали за кофе. Зинаида Тихоновна за это время замѣтно пополнѣла, Калерія Ипполитовна тоже пополнѣла, но обрюзгла, подбородокъ отвисъ жирною складкой, углы рта опустились, на носу просвѣчивали тоненькія красныя жилки, глаза смотрѣли съ какою-то тупою сосредоточенностью, а въ волосахъ уже серебрилась сѣдина, точно голова была посыпана первымъ осеннимъ снѣгомъ. Обѣ дамы сидѣли въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, какъ люди, приготовившіеся побесѣдовать по душѣ.

— Смотрѣть на нихъ, такъ даже какъ будто ничего и не разберешь, — продолжала Зинаида Тихоновна. — Какъ будто и Теплоуховъ на прежнемъ положеніи у Сусанны Антоновны, и какъ будто англичанинъ этотъ сильно касается, и какъ будто англичанинъ-то пошелъ ужъ на удаленіе. Мужское дѣло: свое получилъ вполне и бѣжать. А мнѣ то удивительно, Калерія Ипполитовна, что разѣ не стало въ Петербургѣ-то красивыхъ женщинъ, каждый годъ однѣхъ французинокъ сколько навезутъ; такія красивыя, мѣрзавки, а вотъ поди же, Сусанна Антоновна всѣхъ перешибла своею красотой... Невѣроятность какая-то. А эти старички-то почище Теплоухова будутъ, и Сусанна Антоновна черезъ нихъ большія дѣла обдѣлываютъ: за умъ схватилась.

Калерія Ипполитовна торжествовала, слушая болтовню Зинаиды Тихоновны: все выходило такъ, какъ она предполагала. Сусанна увлеклась этимъ мальчишкой и теперь дѣлаетъ одну глупость за другой. О, какъ всё женщины похожи въ своихъ слабостяхъ и безъ конца повторяютъ одна другую. Пусть же Сусанна помучится, а когда потеряетъ красоту, ее выгонятъ на улицу, какъ старую глянчу. Теперь она теряетъ Теплоухова, а на старичковъ плохая надежда, да ниже этого женщинѣ и опу-

ститься нельзя; женщина может ошибаться, дѣлать глупости, но служить приманкой для выжившихъ изъ ума развалинъ, нѣтъ, это послѣдняя ступенька возможнаго униженія.

— Чего же Доганскій-то смотритъ?—спрашивала Калерія Ипполитовна.

— Чего ему смотрѣть-то, если онъ самъ подводитъ къ женѣ этихъ старыхъ чертей; Теплоухова потеряла, ошибочка есть съ англичаниномъ, а тутъ ужъ не погнѣвайся, матушка. Разговоры-то у него короткіе, у Юрія Петровича: возьметъ веревку, да и удавитъ. Такой ужъ человѣкъ особенный... Вѣдь, онъ Сусанной только и держится. Можетъ, и напрасно это болтаютъ, Калерія Ипполитовна, а только много ихъ, такихъ-то мужей... Да и барышни нынѣшнія, ежели разобрать, тоже мое почтеніе: побольше насъ съ вами знаютъ.

III.

— Я вполне довольна Julie, — съ твердостью повторяла шатап Анна Григорьевна. — Эта дѣвушка получила твердое воспитаніе и, надѣюсь, совсѣмъ застрахована отъ тѣхъ глупостей, которыя губятъ другихъ женщинъ. Если бы я знала хотя собою часть того, что знаетъ Julie, то... ну, да объ этомъ теперь немного поздно толковать!

Юлинька за эти четыре года совсѣмъ выросла и превратилась въ настоящую барышню; она «выровнялась» раньше своихъ лѣтъ, какъ говорила старая Улитушка. Юлинька не была красавицей, какъ это она и сама знала, но въ ней было что-то такое, «бабушкино», какъ увѣрялъ опсе: средняго роста, немного худощавая, но крѣпкая, съ рѣшительными движеніями и задумчивымъ дерзкимъ лицомъ, она умѣла быть замѣтной. Всего лучше у Юлиньки были умные большіе глаза и характерный разрѣзъ рта. Одѣвалась она всегда въ темное, волосы зачесывала гладко, немного по-старушечьи, питала отвращеніе къ бантикамъ и кружевамъ, но имѣла настоящую слабость къ хорошимъ перчаткамъ, обуви и тонкому дорогому бѣлью. Въ своихъ темныхъ платьяхъ она походила на монахиню, и это придавало ей извѣстный шикъ и тонкую пигантность. По складу характера Юлинька была спокойная и серьезная дѣвушка; она по цѣлымъ днямъ лежала съ книгой въ маленькихъ бабушкиныхъ комнатахъ или уѣзжала на конкѣ къ Египетскому мосту, т. е.

къ онею, и подъ его руководствомъ проходила высшую школу спортсменства. Лошадей она любила до страсти и оставляла ихъ только для новыхъ французскихъ книжекъ, на которыя абони-ровалась у Мелле. Изъ-за этихъ французскихъ книжекъ у Бале-рии Ипполитовны вышла первая исторія съ дочерью. Она за-стала ее разъ съ томикомъ сочиненій Ришпэна и сдѣлала ей строгій выговоръ. Юлинька выслушала мать совершенно спо-койно и самымъ обыкновеннымъ тономъ проговорила:

— Какая у тебя, шатап, странная манера вѣчно читать наставленія... Можешь успокоиться: я читала много въ этомъ родѣ, какъ, вѣроятно, читала и ты.

— Несчастная! — патетически воскликнула Балерія Ипполи-товна и сейчасъ полетѣла къ шатап поблагодарить ее за *твер-дое* воспитаніе внучки.

— Мнѣ остается только пожалѣть бѣдную Julie, — язвитель-но отвѣтила Анна Григорьевна, — она не виновата, что неспра-ведливая судьба послала ей такую глупую мать.

Балерія Ипполитовна, когда дочери исполнилось семнадцать лѣтъ, возымѣла намѣреніе вывозить ее въ свѣтъ, но Юлинька воспротивилась этому настолько энергично, что настаивать было бесполезно.

— Что я *тамъ* буду дѣлать? — спрашивала она опѣшившую шатап. — Очень интересно разыгрывать изъ себя какую-то за-падню для довѣрчивыхъ молодыхъ людей въ шестьдесятъ лѣтъ. Нѣтъ, шатап, ради Бога, избавьте меня отъ этой жалкой роли: я не настолько красива, чтобы на меня польстился богатый же-нихъ; а за бѣднаго я сама не пойду, слѣдовательно, нечего на-прасно терять время.

— Однако, чѣмъ же ты желала бы быть, Julie? — спраши-вала нѣсколько разъ Балерія Ипполитовна.

— Я?... А вотъ чѣмъ: такъ какъ у меня нѣтъ милліоннаго приданого, то я желала бы быть такою балериной, какъ Радина или Соколова, а еще лучше наѣздницей въ циркѣ.

— Ты говоришь серьезно, Julie?

— Совершенно серьезно, шатап.

Всего лучше чувствовала себя Юлинька въ холостой квар-тирѣ онею или когда ходила съ нимъ въ театръ; они обыкно-венно занимали ложу только вдвоемъ и проводили время очень весело. Съ Балеріей Ипполитовной Юлинька бывала въ театрѣ только по крайней необходимости, когда уже никакъ нельзя было

отказаться; она точно стыдилась матери и отца, чего, впрочемъ, и не скрывала, т.-е. собственно даже не стыдилась, а относилась къ нимъ какъ-то свысока.

Къ молодымъ людямъ Юлинька была болѣе чѣмъ равнодушна и не выказывала ни малѣйшаго стремленія къ приобрѣтенію «предмета» на институтскій манеръ. Только одинъ разъ, когда ей было лѣтъ семнадцать, Юлинька категорически потребовала отъ опека, чтобы тотъ ей непременно досталъ «студента». Найти такового было не трудно, и Юлинька усердно занималась съ нимъ математикой два мѣсяца, а потомъ соскучилась и дала студенту отставку. Это былъ какой-то медикъ, носившій включенные волосы, длинные сапоги и пледъ, держалъ себя порядочнымъ волкомъ и разъ чуть не подрался съ Анной Григорьевной, возмѣнившею благочестивое намѣреніе познакомить этого юношу съ твореніями Оомы Бемпійскаго.

Отношенія Юлиньки къ Доганскому, который очень часто бывалъ у Анны Григорьевны, носили самый неровный характеръ: то она совсѣмъ не замѣчала этого «старого друга», какъ называлъ себя Доганскій, то наблюдала его втихомолку по цѣлымъ часамъ, то, наконецъ, начинала его сторониться и, вообще, кажется, только въ присутствіи этого человѣка теряла свое обычное ровное расположеніе духа и дѣлалась такою неестественной, чѣмъ немало огорчала Анну Григорьевну. Доганскій, конечно, не могъ не замѣчать этого и, въ свою очередь, дѣлался неестественнымъ: старался показать себя умнымъ человѣкомъ, вымучивалъ остроты и даже начиналъ говорить о нравственности.

— Подозрѣваетъ Julie что-нибудь или нѣтъ?—нѣсколько разъ спрашивалъ Доганскій Анну Григорьевну.

— Кажется, подозрѣваетъ, но отъ нея ничего не добьешься: Julie скрытна, какъ обезьяна... Надѣюсь, что при томъ твердомъ воспитаніи, какое мы ей дали, никакое открытіе ее не убьетъ.

— Да, но, все-таки... она еще дѣвушка и многого не можетъ понимать.

— Послушайте, что это вы начинаете сантиментальничать какъ какая-нибудь выжившая изъ ума старушонка? — обрѣзала Анна Григорьевна своего протѣже. — Вотъ еще новость: дѣвушка!

Разъ весной, въ тотъ промежутокъ, когда столичная публика еще не успѣла разъѣхаться по дачамъ, Юлинька каталась

съ опсе́мь верхомъ. День былъ теплый и свѣтлый, и они объѣздили почти всѣ острова. Отъ скорой ѣзды и свѣжаго воздуха Юлинька разгорѣлась самымъ здоровымъ румянцемъ и была въ самомъ отличномъ настроеніи духа; ѣздила она отлично, хотя не выдерживала характера и своею горячностью портила лошадь. Опсе́ былъ записной ѣздокъ и сидѣлъ въ сѣдлѣ, какъ вылитый вмѣстѣ съ лошадью; онъ молодѣлъ въ такія прогулки на десять лѣтъ и испытывалъ истинное наслажденіе, что можетъ передать вучкѣ хотя ничтожную часть своихъ талантовъ. Лошади устали и опсе́ предложилъ проѣхать шагомъ по широкой береговой аллеѣ, которая на Елагиномъ отъ моста ведетъ къ point'у.

— Теперь море великолѣпно, — говорилъ старикъ, снимая шляпу, чтобы вытереть платкомъ потный лобъ. — Бстати посмотримъ, какъ нашъ яхтъ-клубъ отличается: скоро будетъ гонка на гичкахъ и теперь идутъ экзерциціи.

— Вотъ чего я не понимаю—это удовольствія сидѣть, скорчившись, въ узкой лодчонкѣ и махать руками, — замѣтила Юлинька, глядя взмыленную шею фыркавшей лошади. — Скакать на лошади, ѣхать на парходѣ, даже по желѣзной дорогѣ, — все это понятно, но безцѣльно барахтаться вотъ въ этой лужѣ...

Юлинька не успѣла докончить фразы, потому что ихъ чуть не смяла показавшаяся изъ боковой аллеи кавалькада: впереди галопомъ скакали Доганская съ Зостомъ, а за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи въ беспорядкѣ слѣдовали самъ Доганскій, Покатиловъ и Теплоуховъ. Доганская сейчасъ же узнала опсе́'я по лошадамъ и сильною рукой осадилла своего скакуна какой-то необыкновенной золотой масти; опсе́ раскланялся съ Доганской и отрекомендовалъ свою внучку, которая пристально разсматривала Сусанну съ ногъ до головы.

— Вотъ вы какая, — какъ-то задумчиво протянула Доганская, долго не выпуская руки Юлиньки изъ своей. — А я такъ много слышала о васъ отъ Юрія... мы такъ давно не видались съ вами.

— И мнѣ тоже очень хотѣлось взглянуть на васъ, — засмѣялась Юлинька, сдерживая танцовавшую подъ ней лошадь.

— Вотъ и отлично, Юлинька... Извините за фамильярность: я такъ привыкла васъ называть про себя. Вы на pointe? Поѣдемте вмѣстѣ...

Юлинька не видала Сусанны лѣтъ семь, т.-е. не видала такъ близго, какъ теперь, и нашла, что это была совсѣмъ дру-

гая женщина, ничего общаго не имѣвшая съ тою черномазою Сусанной, которая жила у нихъ въ Заозерскомъ заводѣ. Видѣтъ съ этимъ, Юлинька почувствовала, что Сусанна красивѣе ея и лучше сидитъ въ сѣдлѣ. На молодого Зоста она не обратила особеннаго вниманія, какъ вообще не интересовалась молодыми людьми.

Дамы поѣхали впереди, и Сусанна заговорила, наклоняясь въ сѣдлѣ къ Юлинькѣ:

— Julie, а что вы скажете, если бы я предложила вамъ сейчасъ же отправиться ко мнѣ?... Я знаю, что это будетъ не-пріятно вашей маман, но я такъ соскучилась о тебѣ, голубчикъ... Намъ, вѣдь, нечего дѣлать съ тобой... да?

— Нѣтъ, когда-нибудь въ другой разъ...

— Знаешь, мнѣ ужасно хочется обнять тебя и разцѣловать,—продолжала Сусанна, не слыхавъ отвѣта Юлиньки.—Прогонимъ этихъ мужчинъ и поѣдемъ однѣ или лучше пусть опсѣ проводить насъ до Сергіевской, а потомъ мы и его спровадимъ.

— Зачѣмъ?—сухо спросила Юлинька, выпрямляясь.

— Да такъ... мнѣ нужно васъ... тебя видѣть. Повернемся минуточку на point'ѣ и полетимъ домой, т.-е. ко мнѣ.

Доганская въ своей свѣтло-сѣрой amazonкѣ изъ китайскаго шелка и такого же цвѣта низенькомъ цилиндрѣ съ вуалемъ была очень оригинальна, особенно рядомъ съ очень скромно одѣтою Юлинькой. Бавалеры и дамы образовали очень живописную группу на point'ѣ, гдѣ теперь никого не было; Покатиловъ спросилъ Юлиньку о здоровьи grande-maman и маман просто и показался ей такимъ скучнымъ и вялымъ. Впрочемъ, она его давно не видала.

— Находишь, что я постарѣлъ?—спросилъ Покатиловъ, поймавъ взглядъ племянницы.

— Да... желала бы сказать тебѣ комплиментъ, Романъ, но боюсь обидѣть тебя излишнею откровенностью.

— А вотъ я могу быть съ тобой откровеннѣе, Julie, — съ улыбкой отвѣтилъ Покатиловъ, задѣтый немного за живое,—ты сегодня очень мила...

— Въ присутствіи Сусанны я могу гордиться и этимъ... да? Не желаешь ли что-нибудь передать маман, т.-е. моей маман?

Покатиловъ ничего не отвѣтилъ и только съ улыбкой посмотрѣлъ на бравировавшую Юлиньку такимъ говорящимъ измученнымъ взглядомъ, что той сдѣлалось даже немного неловко.

Бъ Сусаннѣ Юлинька, однако, не побѣжала, а только пообѣщала быть у ней надняхъ, когда она будетъ совершенно одна.

— Это вы смастерили эту *неожиданную* встрѣчу?— строго спросила Юлинька опсл'я, когда они вдвоемъ возвращались съ острововъ.

— Т.-е... что ты хочешь сказать этимъ? Я тутъ не виновать ни душой, ни тѣломъ... клянусь тебѣ, что это была совершенная случайность. Ты обѣщала, кажется, Сусаннѣ быть у ней надняхъ?

— Да, обѣщала, и вы проводите меня.

Опсле что-то проворчалъ про себя и поднялъ свои могучія плечи.

— Что же тутъ особеннаго?— спрашивала Юлинька совершенно спокойно.— Вѣдь, я бываю же у тебя... Доганскій бываетъ у *grande-taman*.

— У меня—это другое дѣло... Собственно я ничего не имѣю, а просто спросилъ. Нужно сказать твоей *taman*, по крайней мѣрѣ...

— Ну, это совершенно лишнее! — рѣзко отвѣтила Юлинька.— Вы всѣ, тутъ перессоритесь между собой, а я буду виновата во всемъ... А какая Сусанна красивая, нѣтъ, красавица... не правда ли?

— Гмъ... д-да... т.-е. въ своемъ родѣ, пожалуй, и красавица.

— Если бы я была мужчиной, я никому не отдала бы такой женщины...

— Д-да... гмъ...

— А, впрочемъ, это слишкомъ глухая и скучная исторія: *онъ* и *она*... Ты поступилъ благоразумнѣе другихъ, оставшись старымъ холостякомъ.

— Гмъ... д-да...

Юлинька сдержала слово и въ сопровожденіи опсл'я отправилась къ Доганской, которую предупредила о своемъ визитѣ за день. Сусанна встрѣтила гостей въ передней и горячо раздѣловала Юлиньку изъ щеки въ щеку; она была одѣта съ тою дорогою простотой, съ какою одѣваются только очень богатые женщины. Юлинька въ своемъ темномъ платьѣ среди богатой обстановки казалась дѣйствительно монахиней, но именно это и привело Сусанну въ неподдѣльный восторгъ.

— Опсе, вы, голубчикъ, отправляйтесь въ билиардную, васъ ждетъ Евстафій Платонычъ, — выпроваживала Сусанна опсе!я.—А мы съ Юлинькой поболтаемъ однѣ, я не велѣла никого принимать.

— Все это прекрасно, — соглашался опсе, разставляя широко ноги,—но вы не забывайте, Сусанна Антоновна, что человѣческое терпѣніе имѣетъ свои границы...

— Это вы относительно ѣды... да?... Ну, отправляйтесь въ буфетъ, тамъ все найдете...

Сусанна принималась нѣсколько разъ обнимать Юлиньку и прижимала ея голову къ своей щебѣ. Пока Юлинька разглядывала окружавшую ее роскошь, Сусанна безъ устали болтала, какъ умѣютъ болтать женщины, встрѣтившіяся послѣ долгой разлуки. Юлинька должна была перемѣнить нѣсколько мѣстъ, потому что Сусанна желала усадить ее самымъ комфортабельнымъ образомъ.

— Я тебя ждала, Julie, съ такимъ нетерпѣніемъ, точно ты мнѣ родная дочь, — шептала Сусанна, сжимая въ своихъ рукахъ руки гостыи. — Это смѣшно для тебя, потому что ты еще ребенокъ... Ахъ, нѣтъ, ты большая, совсѣмъ большая и милая... да?... Маленькая моя крошечка, какъ ты по-монашески носишь волосы... а?... И ни одной свѣтлой пуговки во всемъ костюмѣ... Мнѣ это нравится.

— А ты хоть немножечко помнишь меня, Julie?—спрашивала Доганская, не давая гостѣ сказать ни одного слова. — Да?... чуть-чуть... когда я жила у васъ приживалкой. Да, я тогда была такая дрянная дѣвчонка и ненавидѣла тебя, потому что завидовала. Я, вѣдь, злая была?... А теперь ты большая, и я такъ рада видѣть тебя. Что же ты молчишь, голубчикъ?

— Да вы мнѣ слова не даете сказать, поневолѣ замолчишь. Во-первыхъ, я не люблю цѣловаться, во-вторыхъ, вы просто сумасшедшей какой-то выглядите, вонъ какъ накинудись на меня.

— Да, да, какая ты недотрога! Только, пожалуйста, безъ «вы», милочка. А накинудась я на тебя потому, что у меня почти нѣтъ знакомыхъ женщинъ, съ кѣмъ я могла бы душу отвести.

— Плохую же въ такомъ случаѣ находку ты сдѣлала, Сусанна,—сухо засмѣялась Юлинька.—А гдѣ Бѣтси? Вѣдь, она занималась съ тобой?

— Бѣтси бываетъ, но она такая странная, эта Бѣтси, хотя я и люблю ее... Да, вѣдь, ты же, навѣрное, знаешь про меня всю подноготную, и поэтому великодушно избавишь отъ нѣкоторыхъ

щекотливыхъ объясненій. После страшный и несправный болтунъ и, навѣрное, посвятилъ тебя во всѣ мои тайны... да? Ну, тѣмъ лучше, моя хорошая. Ахъ, какъ я боюсь за тебя, Julie: Калерія Ипполитовна узнаеть, что ты была у меня, и тогда...

— И тогда, какъ теперь, ничего не будетъ.

— Какъ ничего?

— Да такъ.

Сусанна посмотрѣла недоувѣрчиво на спокойно улыбающуюся Юлиньку и на минуту задумалась: сухой тонъ непріятно поразила ее; это было для нея новостью. Ей хотѣлось имѣть около себя теплую женскую душу, а отъ этой дѣвушки вѣяло такимъ холодомъ.

— Миѣ давно хотѣлось видѣть тебя,—продолжала Сусанна послѣ небольшой паузы,—видѣть для того только, чтобы сказать тебѣ, что я совсѣмъ не такая дурная женщина.

— А развѣ кто это говорить?

— Да... про меня много говорятъ лишняго, и я часто бываю такая несчастная, если бы ты только могла понять такое состояніе, Julie. Нѣтъ, лучше никогда ничего не понимать, а вотъ будь такая холодная и неприступная, какъ теперь... это лучше въ тысячу разъ! Такимъ людямъ только и стоитъ на свѣтѣ жить... Вотъ что, милочка, ты, можешь быть, хочешь ѣсть, а я тебя душу своими разговорами.

— Пожалуй...

— Ну, такъ пойдѣмъ въ столовую и будемъ ужинать часа три. Ты что больше всего любишь?

Сусанна хотѣла сказать Юлинькѣ такъ много, о чемъ думала всѣ эти дни, и, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, ничего не успѣла сказать, а теперь этотъ глухой ужинъ, къ которому непременно выползутъ дуракъ Теплоуховъ и после. Но Теплоуховъ и после были уже въ столовой, гдѣ бесѣдовали самымъ мирнымъ образомъ за бутылкой вина.

— Вы незнакомы? — спрашивала Сусанна гостью, показывая глазами на Теплоухова.—Евстафій Платонычъ Теплоуховъ, моя старшая дочь Julie,—отрекомендовала она Юлиньку Теплоухову, который молча пожалъ руку «старшей дочери», чуть-чуть улыбнулся изъ вѣжливости и такъ-таки ничего не сказалъ.

— Мы сегодня будемъ кутить,—говорила Сусанна, усаживаясь рядомъ съ Юлинькой.—Господа, вы говорите что-нибудь между собой и оставьте насъ въ покоѣ.

— Вотъ это мило! — возронталъ опсе.

Юлинька любила покушать основательно и теперь работала ножомъ и вилокъ съ самымъ серьезнымъ видомъ, отвѣчая на сыпавшіеся на нее вопросы Сусанны съ комическимъ лаконизмомъ. — «Да ты какая-то деревянная, Julie?» — сердилась Сусанна. — «Будешь деревянной, когда мѣшаютъ ѣсть». Опсе хоталъ отъ души надъ этою сценой, закинувъ свою сѣдую стриженую голову назадъ; Теплоуховъ нѣсколько разъ внимательно вглядывался въ Юлиньку и даже, кажется, желалъ принять участіе въ этомъ разговорѣ, но только пожевалъ губами и поправилъ галстухъ. Вообще Юлинька держала себя необыкновенно оригинально и ея присутствіе наполнило столовую настоящимъ весельемъ, какого въ ней давно не было; собственно Юлинька не старалась никого забавлять, не подбирала остроумныхъ словъ, даже почти не улыбалась, но она какъ-то вся дышала какою-то заразительною и здоровою радостью. То лѣнивая и вялая по щѣлымъ днямъ, то «лихорадочная», какъ сегодня, Сусанна вдругъ почувствовала, что эта Юлинька точно старше ея, и Сусанна улыбалась и старалась держать свою гостью за локоть. Опсе былъ въ восторгѣ отъ внучки и только удивлялся про себя, что онъ никогда еще не видалъ ее въ такомъ настроеніи. Юлинька выпила подбутылки краснаго вина, вытерла губы салфеткой и, переведя духъ, проговорила серьезно:

— Теперь мнѣ остается только поблагодарить ш-г Теплоухова за пріятную бесѣду... Что можетъ быть лучше человѣка, который не мѣшаетъ ближнему ѣсть?... Не правда ли, Сусанна?

— Да, Евстафій Платонычъ неоцѣненный человѣкъ, хотя и не безъ слабостей, — задумчиво отвѣтила Сусанна, стараясь поближе сѣсть къ гостьѣ.

— Именно?

— Очень любить, напримѣръ, играть въ шахматы. Вотъ не желаешь ли, Julie, попытать счастья?

— Я? Съ удовольствіемъ.

Всѣ веселою гурьбой отправились прямо въ будуаръ, гдѣ сейчасъ же и устроилась игра. Теплоуховъ игралъ съ Юлинькой, а Сусанна помогала послѣдней. Опсе вдругъ какъ-то прісмирѣлъ и сморщился.

«Дуракъ я старый, выжившій изъ ума дуракъ», — думалъ опсе, тяжело ворочаясь въ креслѣ.

Пока происходилъ шумный ужинъ, въ кабинетъ хозяина си-

дѣлъ одинъ старый и дряхлый человѣкъ; онъ придвинулъ кресло къ самой двери и, приложивъ ухо къ замочной скважинѣ, чутко прислушивался къ происходившему въ столовой разговору и улыбался счастливою улыбкой, когда слышался самоувѣренный голосъ Юлиньки. Нѣсколько разъ онъ порывался встать и присоединиться къ ужинавшей компаніи, но какой-то инстинктъ заставлялъ его оставаться на томъ же мѣстѣ, чтобы не разогнать единственнаго хорошаго чувства, которое теперь согрѣвало своею теплотой его утомленную старую душу, полную грѣха и отчаянія.

— Вѣдь, это моя дочь... *моя*...—шепталъ старикъ съ блаженной улыбкой, чувствуя въ Юлинькѣ частицу самого себя: онъ тоже всегда былъ и смѣлъ, и находчивъ, и полонъ радости жизни.

Читатель, конечно, догадывается, что этотъ старикъ былъ самъ Доганскій.

IV.

Лѣто Доганскіе проводили обыкновенно въ Павловскѣ, гдѣ у нихъ была своя очень красивая дача, выстроенная въ дачно-русскомъ стилѣ, съ шатровою крышей изъ гонта, съ широкою галлерей-крыльцомъ, съ неизбѣжными башенками, вычурною деревянною рѣзбой, пузатыми колонками и маленькими стрѣльчатыми окошечками. Конечно, вся эта національная городьба была размалевана зелеными, красными, желтыми и синими полосками, крестиками, звѣздочками, пѣтушками, драконами и тому подобною сказочною премудростью. Лучше всего былъ садъ изъ старыхъ липъ и сиреневыхъ аллей. Рядомъ была дача Теплоухова, походившая на сказочную избушку на курьихъ ножкахъ; это былъ домикъ всего въ три окна, спрятавшійся въ зелени акацій и тополей.

Опсе и Покатиловъ нанимали дачу вмѣстѣ тоже въ Павловскѣ, и Юлинька поселилась у нихъ, потому что жить гдѣ-то въ первомъ Парголовѣ, гдѣ Мостовы жили третье лѣто, было слишкомъ скучно. Такимъ образомъ, въ Павловскѣ составила своя очень веселая компанія и дачное лѣто пошло своимъ чередомъ: концерты, экскурсіи, пивники, а, главное, та условная дачная свобода, которая какъ-то сближаетъ людей. Юлинька сдѣлалась полновластною хозяйкой на дачѣ опсе'я и, въ то же время, являлась душой всего общества; когда она уѣзжала въ Пар-

голово, всё чувствовали, что чего-то не достаетъ, начинали придираться другъ къ другу и вообще скучали, какъ умѣютъ скучать только на петербургскихъ дачахъ.

Сусанна, кажется, больше всего занята была лошадьми и постоянно ѣздила то верхомъ, то въ шарабанѣ, то въ мудреномъ англійскомъ экипажѣ, который Покатиловъ называлъ «ящикомъ изъ-подъ свѣчь». Особенно любила Сусанна кататься съ опс'емъ, причеъ они часто встрѣчали Чарльза Зостъ, который поджидалъ ихъ обыкновенно верхомъ гдѣ-нибудь въ паркѣ. Этотъ молодой человекъ держалъ себя съ чопорнымъ превосходствомъ и могъ промолчать цѣлый вечеръ, когда это требовалось.

— И чертъ его знаетъ, что это за человекъ! — удивлялся иногда Покатиловъ въ минуту откровенной бесѣды съ опс'емъ, обыкновенно за бутылкой хорошаго вина гдѣ-нибудь въ тѣнстомъ уголкѣ. — Англійскій недоросль по нашему, а пооди ты, какой гоноръ на себя напускаетъ. И, вѣдь, глупъ, какъ пробка, а, навѣрное, такая же жила выйдетъ, какъ родитель. Откуда это у нихъ берется: все Митрофанушка и недоросль, только и заботы, что верхомъ ѣздить да грести весломъ, а, глядишь, изъ этакого балбеса такое промышленное древо произрастетъ. Въ крови это у нихъ, подлецовъ.

— Д-да... — протягивалъ задумчиво опсе, думая о чемъ-то другомъ. — Вотъ что, Романъ, ты ничего не замѣчаешь за Julie?

— Ничего, кромѣ того, что дѣвка съ жиру бѣсятся... а что?

— Да такъ... гм...

— Перестань, пожалуйста, крихтѣть и говори толкомъ! — сердился Покатиловъ.

— Миѣ кажется, что Julie тоже начинаетъ быть неравнодушна къ этому Чарльзу. Вотъ человекъ, подумаешь, навязался!

Опсе въ сердцахъ даже плюнулъ, а Покатиловъ долго хоталъ надъ его предположеніемъ, потому что Julie совсѣмъ не того разбора дѣвица, которая стала бы таращить глаза на такихъ набитыхъ дураковъ; это умная дѣвчонка и еще вопросъ, что у нея на умѣ.

Переселеніе Юлиньки въ Павловскъ, конечно, не обошлось безъ семейной исторіи: это была рѣшительная битва, проигранная Калеріей Ипполитовной въ присутствіи татап. О своемъ намѣреніи провести лѣто въ Павловскѣ у опс'я Юлинька предупредила мать сейчасъ послѣ Пасхи, но та не обратила на это осо-

боннаго вниманія, по крайней мѣрѣ, придавала этому заявленію видъ ребяческой выходки. Разъ, когда Калерія Ипполитовна заѣхала на Васильевскій островъ навѣстить папана, Юлинька повторила свое заявленіе. Это было уже совсѣмъ серьезно, и Калерія Ипполитовна даже растерялась немного, но потомъ собрала всю свою энергію и совершенно спокойно проговорила:

— Вотъ и отлично, Julie, что ты подняла этотъ разговоръ въ присутствіи папана. Мы его и обсудимъ втроемъ.

— Отчего же не обсудить?— соглашалась Анна Григорьевна, прищуривая свои темные глазки.— Военный совѣтъ устроимъ, mon ange.

Конечно, у папана были очень оригинальные взгляды на многое, но въ данномъ случаѣ Калерія Ипполитовна смѣло рассчитывала на ея поддержку, потому что на карту ставилась репутація молодой дѣвушки—разъ, а второе—авторитетъ матери.

— Я очень многое позволяла Julie до сихъ поръ и смотрѣла на все сквозь пальцы, — заговорила Калерія Ипполитовна съ театральнымъ спокойствіемъ, — но въ данномъ случаѣ я рѣшительно протестую... Помнишь, Julie, какъ ты отправилась съ опсл'емъ къ Сусаннѣ? Это была очень рѣзкая выходка съ твоей стороны, но я не сказала тебѣ ни слова... не сказала потому, что желала предоставить тебѣ полную свободу одуматься самой. Я понимаю всю бесполезность сухихъ наставленій, а также и то, что лучшей совѣтницѣ опытъ. Притомъ, я могу относиться пристрастно къ Сусаннѣ, слѣдовательно, была бы пристрастна. Хорошо... Но переселиться въ Павловскъ молодой дѣвушкѣ и жить на одной дачѣ съ такими неисправимыми старыми холостяками, какъ опсле и Романъ, по моему навсегда погубить свою репутацію. Я боюсь высказать больше, чѣмъ желала бы. Теперь ваше мнѣніе, папана.

— А мое мнѣніе, mon ange, таково, что это предразсудокъ, — отвѣтила Анна Григорьевна, и когда Калерія Ипполитовна сдѣлала испуганное лицо, она повторила:— да, я это считаю предразсудкомъ. Наша дѣвочка получила такое твердое воспитаніе, что застрахована отъ спеціально женскихъ глупостей.

— Мапана, вы, вѣроятно, ошиблись... вы совсѣмъ не то хотѣли сказать?

— Нѣтъ, милая, я еще не настолько выжила изъ ума, — обидѣлась старушка, начиная бѣгать по комнатѣ.— Да, да.

Калерія Ипполитовна вспыхнула и, конечно, расплакалась;

она укоряла и шатап, и дочь, и весь свѣтъ въ неблагодарности, гровила бросить ихъ и уѣхать куда глаза глядятъ,—однимъ словомъ, устроила семейную сцену по всѣмъ правиламъ искусства. Анна Григорьевна и Юлинька все время молчали и только изрѣдка переглядывались, какъ заговорщики. Когда, наконецъ, Калерія Ипполитовна кончила, шатап съ обыкновенною ядовитостью сухо замѣтила:

— Тебѣ, милая, остается только пустить въ ходъ родительское проклятіе, какъ это дѣлаютъ разные солдатики и пуасарди.

— Въ самомъ дѣлѣ, шатап, къ чему такія жестокия сцены?—заговорила Юлинька совершенно спокойно.—Вы изъ самой простой вещи дѣлаете Богъ знаетъ что. Я, вѣдь, не прошусь у васъ куда-нибудь на балы, не требую разныхъ тряпокъ, а въ остальномъ, право, лучше предоставить меня самой себѣ. Надѣюсь, что я не изъ тѣхъ кисейныхъ барышень, которыя цѣлую жизнь дрожатъ за свою репутацію; я совсѣмъ не желаю изображать изъ себя невѣсту, шатап, какъ вамъ уже извѣстно. Миѣ всего дороже моя свобода, и только. Кажется, желаніе довольно скромное, по крайней мѣрѣ, я такъ понимаю вещи.

— У тебя нѣтъ сердца, Julie!—проговорила Калерія Ипполитовна и махнула даже рукой.

Въ номерахъ Квасовой разыгралась та же сцена съ новою силой, причемъ Калерія Ипполитовна явилась въ роли несчастной матери и въ порывѣ чувства даже бросилась передъ Юлинькой на колѣна. Но и это было напрасно: у Юлиньки сердца, все-таки, не оказалось.

— Если бы у тебя былъ другой отецъ, ты никогда не смѣла бы такъ разговаривать со мной, негодная дѣвчонка!—перешла Калерія Ипполитовна въ другой тонъ.

— Матап, я думаю намъ удобнѣе не касаться этой темы,—отвѣтила невозмутимая Юлинька.

— Т.-е. какой темы? Ну, повтори?

— Объ отцѣ...

Калерія Ипполитовна остолбенѣла и долго не могла опомниться.

— Ага... такъ ты все знаешь,—съ разстановкой говорила Калерія Ипполитовна, хватаясь за голову.—Тебѣ все *это* объяснили, несчастная... тѣмъ хуже для тебя... Боже мой, Боже мой!... Теперъ я дѣйствительно могу быть совершенно спокой-

ной за тебя, потому что тебѣ больше и узнавать ничего не осталось.

— Матап, пожалуйста, прекратимте этотъ разговоръ. Я ничего не знаю и ничего не хочу знать, кромѣ того, что очень люблю васъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хочу быть свободна, какъ всякій взрослый человѣкъ... Я, дѣйствительно, дѣвушка безъ сердца, какъ вы говорите, поэтому...

— Поэтому тебя слѣдовало бы посадить въ сумасшедшій домъ, но я предоставляю тебя твоему благоразумію. Ты дѣйствительно умнѣе насъ всѣхъ начинаешь жить, и я могу только пожелать тебѣ всякаго успѣха...

Мать и дочь разошлись врагами, и Юлинька въ тотъ же день отправилась съ опсѣмъ въ Павловскъ. Дордогой она болтала самымъ беззаботнымъ образомъ, какъ лучшая изъ дочерей. Опсѣ все присматривался къ ней и, наконецъ, рѣшился спросить:

— У тебя было объясненіе съ матап?

— Да...

— И что же?

— Да ничего, всякій при своемъ остался.

Юлинька немного задумалась и прибавила:

— Я рѣшительно не понимаю подобныхъ женщинъ, какъ матап или Сусанна... Вѣчные нервы, вѣчные вспышки и порывы, да, вѣдь, это одно уже само по себѣ хуже всякаго несчастія!

— Въ чемъ же, по твоему, счастье?

— По моему? Очень просто: день прошелъ весело, вотъ и счастье, и, главное, чтобы никто не стоялъ надъ тобой, не тянулъ тебя за душу, не говорилъ жаркихъ словъ. Я счастлива; напимѣръ, въ данный моментъ, что сижу, говорю, думаю, какъ хочу, и никому и ни въ чемъ не обязана давать отчета: хорошо—мое, дурно—тоже мое, а я, все-таки, свободна.

Опсѣ молча притянулъ за талию къ себѣ внучку, взялъ одною рукой за подбородокъ, нѣсколько времени смотрѣлъ ей въ глаза и горячо поцѣловалъ въ лобъ.

— Ты умнѣе насъ всѣхъ, дѣвочка, —бормоталъ онъ, отвертываясь къ окну вагона, чтобы скрыть наворачившіяся на глаза слезы.—Мы не люди, а какая-то труха, ну, трухой и умремъ. Какая-то тамъ поэзія, сантименты, нервы... тьфу!... Если бы въ наше время были такія женщины, ну, да это все равно для тебя...

Опсе вообще сильно привязался къ своей оригинальной внучкѣ и ухаживалъ за ней съ какимъ-то родительскимъ чувствомъ. Смѣшнѣе всего выходило то, что опсе начиналъ ревновать Юлиньку то къ Теплоухову, то къ Зостѣ, то уже къ самому Доганскому. Этого сѣдаго эникурейца безпокоили еще неизвѣданныя имъ чувства вѣчной тревоги и безпокойства за близкаго человѣка, создававшія въ воображеніи тысячи невозможныхъ и совсѣмъ дикихъ предположеній. Въ первый разъ опсе почувствовалъ это, когда привелъ Юлиньку къ Сусаннѣ и когда Юлинька сѣла играть съ Теплоуховымъ въ шахматы. Опс'ю показалось, что Теплоуховъ посмотрѣлъ на эксцентричную дѣвушку съ обиднымъ вниманіемъ. Это была первая капелька горечи, шевельнувшаяся въ беззаботной душкѣ «сѣдаго младенца». Теперь въ Павловскѣ опсе чувствовалъ себя совсѣмъ не въ своей тарелкѣ, потому что Юлинькѣ опасность грозила со всѣхъ сторонъ и необходимо было ее предупредить. Даже по ночамъ опсе часто ворочался въ своей постели, перебирая событія дня и отыскивая въ нихъ скрытую бѣду.

— И чортъ меня дернулъ увезти эту дѣвчонку сюда!—ругался опсе.—Балерія была совершенно права...

Перебирая въ умѣ всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ, опсе только морщился: народъ былъ все мерзавецъ на мерзавцѣ, если разобратъ серьезно, и Доганскій, и Теплоуховъ, и онъ, самъ опсе, никогда не были праведниками, а такіе молодцы, какъ Романъ и Чарльзъ, и подавно. Больше всего опс'я смущала мысль о томъ, достаточно ли порядочно ихъ общество для молодой дѣвушки. Доганскіе принадлежали къ тому кругу, который находился подъ сомнѣніемъ у настоящихъ порядочныхъ людей: темныя дѣла самого Доганскаго, странная репутація Сусанны, наконецъ, этотъ Теплоуховъ, торчавшій вѣчнымъ бѣльмомъ. Въ сущности, опсе ничего опредѣленнаго не зналъ о средствахъ Доганскаго, ни о характерѣ отношеній Теплоухова къ Сусаннѣ; мало этого, онъ, бывая самъ у Доганскихъ изо дня въ день, рѣшительно не зналъ, чтѣ за человѣкъ былъ самъ Доганскій.

— Нѣтъ, это дѣло очень серьезное и необходимо слѣдить за дѣвчонкой,—говорилъ опсе самому себѣ и дѣйствительно неоступно слѣдовалъ за Юлинькой вездѣ, какъ тѣнь, хотя и старался замаскировать свой наблюдательный постъ.—Если эта Сусанна въ самомъ дѣлѣ находится въ связи съ Теплоуховымъ,

да еще заманила этого мальчишку Чарльза, да еще Романъ съ своею глупостью, ну, это плохіе примѣры для Юлиньки.

Слишкомъ занятый своими планами и напѣреніями, опслѣ рѣшительно не хотѣлъ замѣчать, что за Julie наблюдаетъ не мѣнѣ его внимательно и самъ Доганскій.

Въ іюнѣ поспѣли ягоды, и вся компанія, группировавшаяся около Доганскихъ, нѣсколько разъ отправлялась къ одному знакомому ягоднику, у котораго были великолѣпныя гряды поспѣвшей клубники. Это было на окраинѣ Павловска, и вся компанія ѣздила туда верхомъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, когда всѣ были заняты собираніемъ ягодъ, въ бороздѣ, гдѣ около одной гряды сошлись Теплоуховъ и Julie, произошло что-то необыкновенное: Юлинька была въ малороссійскомъ костюмѣ и, засучивъ рукава выше локтя, бойко собирала ягоды съ кустиковъ и вала ихъ прямо въ ротъ; Теплоуховъ помогаль ей, и когда она, потянувшись черезъ всю гряду за какою-то необыкновенною ягодой, потеряла равновѣсіе и готова была упасть, Теплоуховъ схватилъ ее за голую руку и помогъ встать на ноги. Юлинька звонко засмѣялась, но въ этотъ моментъ около нихъ точно изъ-подъ земли выросла долговязая фигура Доганскаго; губы у него тряслись, лицо было блѣдно и онъ задыхавшимся голосомъ едва могъ проговорить:

— Евстафій Платонычъ, мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ.

Они отошли къ изгороди и Юлинька видѣла, что Доганскій наговорилъ Теплоухову что-то такое необыкновенное, что тотъ даже побраснѣлъ, хотя и не возражалъ. Она инстинктивно поняла, что дѣло идетъ о ней, но что могъ говорить Доганскій про нее Теплоухову? Что Теплоуховъ не далъ ей упасть и схватилъ за руку, такъ до этого никому дѣла нѣтъ. Въ это время къ Юлинькѣ подошелъ встревоженный опслѣ и нѣмымъ взглядомъ спросилъ, что такое случилось.

— Я рѣшительно не понимаю ничего, — сердито отвѣтила Юлинька, пожимая плечами.

Вечеромъ все дѣло объяснилось. Послѣ ужина, когда опслѣ лежалъ уже въ постели и просматриваль газету, къ нему безъ доклада вошелъ Доганскій; весь онъ былъ ужасно взволнованъ и выпилъ два стакана воды, прежде чѣмъ могъ заговорить.

— Я къ тебѣ по дѣлу, — торопливо заговорилъ Доганскій, шагая около кровати опслѣя. — Будь моимъ секундантомъ.

— Что-о?!... Секундантомъ?... Да ты, кажется, съ ума сошелъ.

— Нѣтъ, я не сошелъ съ ума, а говорю совершенно серьезно: я буду послѣ завтра драться съ Теплоуховымъ; однимъ секундантомъ будетъ Зость, а другимъ ты.

— Изъ-за Сусанны?—коротко спросилъ опсе.

— Нѣтъ; да это все равно: я долженъ убить этого мерзавца.

— Да въ чемъ же, однако, дѣло? Чортъ знаетъ что такое! Доганскій самымъ безсвязнымъ образомъ рассказалъ, что онъ своими глазами видѣлъ, какъ Теплоуховъ давеча схватилъ Юлиньку за голый локоть и чуть не уронилъ на гряды, и что онъ этого не можетъ позволить.

— Я предлагалъ Теплоухову извиниться передъ Юлинькой сейчасъ же, при всѣхъ, — продолжалъ Доганскій въ прежнемъ волненіи. — Но это животное не хочетъ понимать правилъ приличія, и я долженъ размозжить ему его пустую голову.

— Позволь, Юрій Петровичъ, да ты съ какой это стати вступился тутъ?—заговорилъ опсе, поднимаясь съ постели. — Я видѣлъ эту сцену, хотя она происходила и не совсѣмъ такъ, какъ ты объясняешь, но дѣло въ томъ, что Юлинька живетъ у меня, наконецъ, она мнѣ внучка, а ты то при чемъ тутъ? Если кому драться съ Теплоуховымъ, такъ ужъ это мнѣ.

— То-есть какъ же это такъ?—бормоталъ Доганскій. — Ахъ, да ты ничего не знаешь... На кого, по твоему, походить Julie?

— По моему, на бабушку...

— Пожалуй... а еще?

— Еще?... На себя, какъ большинство добрыхъ людей.

— А ты не замѣчалъ въ Julie нѣкотораго сходства, когда особенно она смѣется... ну, напримѣръ, со мной?

— Да ты съ ума сошелъ... Съ чего ты это взялъ?

— Нѣтъ, серьезно, ты не замѣчалъ такого сходства?

Опсе почесалъ затылокъ, встряхнулъ головой и издалъ неопредѣленный звукъ, какъ быкъ, упершійся лбомъ въ стѣну.

— Это, значитъ, правда, что рассказывали про тебя и Балерию?—проговорилъ онъ, наконецъ, съ большимъ трудомъ и, получивъ утвердительный знакъ со стороны Доганскаго, философски замѣтилъ:—А, вѣдь, если разобрать, такъ ты порядочный подлецъ, Юрій Петровичъ, какъ и вообще всѣ мы... Чортъ возьми, дѣйствительно въ дѣвочкѣ есть частица твоей шальной кро-

ви, и немалая частица... да, чортъ. возьми!... Теперь я понимаю, какъ я былъ глухъ до сихъ поръ.

— Странное дѣло, я просто не могу жить безъ Julie, — говорилъ Доганскій, посасывая потухшую сигару. — Это какое-то совсѣмъ болѣзненное явленіе. Я давеча готовъ былъ устроить формальное заушеніе Теплоухову. Въ глазахъ потемнѣло даже... Вотъ и толкуй, что значить какое-нибудь глупое органическое чувство. Послушай, пойдѣмъ, пошатаемся, успѣешь выспаться.

— Пожалуй, — согласился опсію, не умѣвший кому-нибудь отказать. — Кажется, уже свѣтаетъ?

— Тѣмъ лучше.

Опсію одѣлся на скорую руку, захватилъ свой пледъ, и они отправились прямо въ паркъ. На дачахъ вездѣ было тихо, только дворники мели улицу, поднимая облака пыли; въ лѣсу было сыро и пахло травой, въ вершинахъ деревьевъ слабо чирикали утреннія птички, откуда-то пахнуло дымкомъ. Доганскій, нахлобучивъ шляпу на затылокъ, колотилъ своею палкой по стволамъ березъ и напрасно старался раскурить не хотѣвшую горѣть сигару; онъ безсвязно говорилъ что-то такое о Julie, о своей любви къ ней, объ ея необыкновенномъ характерѣ, повторялся, хлопалъ опсію по плечу и вообще походилъ на человѣка, бѣжавшаго «съ девятой версты».

— Странно-то, что я стѣсняюсь въ присутствіи Julie, — объяснялъ Доганскій. — Какъ-то такъ жутко дѣлается и, вмѣстѣ, хорошо... Именно въ ней есть что-то, чего нѣтъ въ другихъ.

— Да, Julie философская голова и поучить насъ съ тобой, какъ жить на бѣломъ свѣтѣ. Чортовское этакое спокойствіе... точно самъ дѣлаешься лучше.

Утренній холодъ, однако, давалъ себя чувствовать, и опсію напрасно кутался въ пледъ: у него даже зубы начинали стучать. Когда они возвращались домой, солнце уже поднималось надъ лѣсомъ въ сверкавшемъ радужными переливами туманѣ и со стороны Павловска поплыла пестрая волна смѣшанныхъ звуковъ, точно невидимый машинистъ завелъ и пустилъ въ ходъ необыкновенно сложную машину. Въ припадкѣ откровенности опсію разсказалъ Доганскому всѣ сомнѣнія, волновавшія его за послѣднее время, а также и то, какъ онъ ревновалъ Julie къ нему, Доганскому. Доганскій улыбался счастливою улыбкой и молча пожалъ руку опсію.

— Какъ же насчетъ дуади? — спрашивалъ опсе, когда они подходили къ своимъ дачамъ.

— А ну ее къ чорту! — засмѣялся Доганскій. — Я такъ теперь счастливъ, такъ счастливъ... Спасибо, старина!

— Ну, а Теплоуховъ?

— И Теплоухова къ чорту!... Насъ съ нимъ самъ чортъ связалъ веревочкой.

— Однако... Послушай, Юрій Петровичъ, скажи мнѣ откровенно, что этотъ Теплоуховъ... т.-е. какія его отношенія къ Су-саннѣ?

Доганскій задумчиво улыбнулся и тихо проговорилъ:

— Есть вещи, о которыхъ не принято говорить.

Пожавъ еще разъ руку опсею, Доганскій усталою походкой направился къ калиткѣ своей дачи, а опсе все стоялъ на одномъ мѣстѣ и переживалъ неприятное чувство.

— Нѣтъ, мы рѣшительно подлецы, — проговорилъ, наконецъ, опсе и даже плюнулъ,

Старые грѣшники еще разъ раскланялись издали и разбрелись по своимъ гнѣздамъ.

— Это какая-то исторія о благочестивымъ разбойникѣ, — ворчалъ опсе, закрываясь одѣяломъ съ головой. — Охъ, ужъ эти женщины; вездѣ-то онѣ напутаютъ... Чортъ знаетъ, что такое получается!

Д. Сибирникъ:

(Продолженіе слѣдуетъ).

Необычайныя приключенія Тартарена изъ Тараскона.

Романъ Альфонса Додэ.

En France, tout le monde est un peu de Tarascon.
Велкій французъ немного тарасконецъ.

ПЕРВЫЙ ЭПИЗОДЪ.

Въ Т а р а с к о н ѣ.

I.

Садъ съ гигантскимъ боабабомъ.

Я никогда не забуду моего перваго визита Тартарену изъ Тараскона; съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ двѣнадцать или пятнадцать, а я вспоминаю его такъ живо, будто это вчера было. Неустрашимый Тартаренъ жилъ тогда въ третьемъ домѣ отъ въѣзда въ городъ по Авиньонской дорогѣ. То была хорошенькая тарасконская вилла съ садомъ и палисадникомъ, съ балкономъ, съ чистыми бѣлыми стѣнами и зелеными занавѣсками, а передъ ея дверью вѣчно толкалась, кувыркалась и прыгала толпа маленькихъ савойяровъ. Снаружи домъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался и никому не могло придти въ голову, что подъ его кровлей за простыми бѣлыми стѣнами живетъ герой. Но стоило только войти, чтобы понять, кого загнала судьба-злодѣйка въ это болѣе чѣмъ скромное жилище. Отъ подвала до чердака,—все въ немъ было геройскимъ, даже садъ.

О, въ Европѣ не найти ничего подобнаго саду Тартарена! Нѣтъ въ немъ ни одного туземнаго дерева, ни одного европейскаго цвѣтка,—сплошь все экзотическія растенія: каучуковое дерево, тыквенное дерево, хлопчатникъ, кокосовая пальма, манговое дерево, бананъ, пальмы, боабабъ, смоковницы, кактусы,

музы,—совсѣмъ Африка, настоящая центральная Африка, тысячь за десять лье отъ Тараскона. Само собою разумѣется, что все это было не въ натуральную величину; такъ, кокосовыя пальмы были не крупнѣе свеклы, а боабабъ, *гигантскій боабабъ* росъ въ горшкѣ изъ-подъ резеды; но дѣло тутъ не въ величинѣ. Для Тараскона хорошо было и это, и городскіе обыватели, удостоивавшіеся чести полюбоваться тартареновскимъ боабабомъ въ воскресенье, возвращались по домамъ преисполненными удивленія.

Послѣ этого, конечно, понятно, какое волненіе я долженъ былъ испытывать, проходя черезъ этотъ садъ въ первый разъ. Но это волненіе ничто въ сравненіи съ чувствомъ, охватившимъ меня, когда я вступилъ въ жилище героя. Его кабинетъ,—одна изъ диковинокъ города,—находился въ глубинѣ сада противъ боабаба. Представьте себѣ большую залу, отъ пола до потолка увѣшанную ружьями и саблями; тутъ были оружія всѣхъ странъ и народовъ: карабины, винтовки, мушкетоны, корсиканскіе ножи, каталанскіе кинжалы, кинжалы-револьверы, ятаганы, кривые малайскіе ножи, кистени, готтентотскія дубины, мексиканскіе лассо—и чего-чего только не было! Надъ всѣмъ этимъ, какъ бы для вящаго устрашенія посѣтителя, зловѣщимъ блескомъ сверкала звѣзда изъ клинковъ сабель, шпагъ, штыковъ и стволовъ... Успокоительное впечатлѣніе производили, однако же, образцовый порядокъ и чистота, царившіе надъ всею этою смертоносною коллекціей. Все было прилажено къ своему мѣсту, вычищено, вытерто, снабжено ярлыкомъ, точно въ аптекѣ; кое-гдѣ видѣлись добродушныя надписи:

Отравленные стрѣлы, не дотрогивайтесь!

Или:

Осторожно, заряжено!

Не будь этихъ надписей, кажется, ни за что въ мірѣ я не вошелъ бы сюда.

Посреди кабинетъ стоялъ столъ, а на немъ графинчикъ рома, кюветъ съ турецкимъ табакомъ, *Путешествія капитана Кука*, романы Бупера, Густава Эмара, *Охотничьи рассказы*, *Наставленія для охоты за медвѣдями*, *Руководство для охоты съ ястребомъ*, для охоты на слоновъ и т. д. И, наконецъ, передъ столомъ сидѣлъ человекъ, лѣтъ сорока—сорока пяти, небольшого роста, толстый, коренастый, въ рубашкѣ и фланелевыхъ кальсонахъ, краснолицый, съ коротко остри-

женною густою бородою и огненными глазами. Въ одной рукѣ онъ держалъ книгу, другою потрясалъ въ воздухѣ огромную трубку съ желѣзною крышкою. Онъ читалъ какую-то преужасную повѣсть объ *Охотѣ за скальпами* и при этомъ оттопыривалъ нижнюю губу, дѣлалъ страшное лицо, сообщавшее мирной фигурѣ благополучнаго тарасконскаго обывателя такой же видъ безобидной свирѣпости, какой имѣла вся обстановка его дома.

Этотъ человекъ и былъ самъ Тартаренъ, Тартаренъ изъ Тараскона, неустрашимый, великій, ни съ кѣмъ несравнимый Тартаренъ.

II.

Общій взглядъ на богоспасаемый городъ Тарасконъ. — Охота по фуражкамъ.

Въ то время, о которомъ я вамъ разсказываю, Тартаренъ еще не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ потомъ, — не былъ великимъ Тартареномъ, популярнымъ на всемъ югѣ Франціи; однако, уже и въ то время онъ былъ первымъ человекомъ, королемъ Тараскона. Вотъ какъ достигъ онъ своего значенія. Прежде всего надо сказать, что въ Тарасконѣ всѣ поголовно охотники. Страсть къ охотѣ можно считать врожденною каждому тарасконцу, развивавшеюся съ тѣхъ поръ, какъ миеологическое чудовище *Тараскъ* свирѣпствовало въ сосѣднихъ болотахъ и жители ходили на него облавою. Давненько это было. Теперь же по воскресеньямъ все населеніе Тараскона, способное носить оружіе, облачается въ патронташи и ягдташи, забираетъ ружья, собакъ всякаго вида и наименованія и отправляется за городъ при звукахъ охотничьихъ роговъ. Видъ восхитительный. Въ несчастію, дичи нѣтъ, — хоть шаромъ покати, ни признака дичи. Какъ ни глупа дичь, но, въ концѣ-концовъ, и она сообразила, что тутъ ей не сдобровать. На пять лье кругомъ Тараскона всѣ норы, логовища и гнѣзда давнымъ-давно опустѣли. Нѣтъ, какъ говорится, ни пера, ни шерстинки. А, между тѣмъ, какъ привлекательны для всякой дичи красивые тарасконскіе холмы, благоухающіе миртами, лавандою и розмариномъ, какъ соблазнительны расположенные по берегамъ Роны виноградники съ ярко блестящими мускатными гроздьями! Да, все это чертовски заманчиво, не будь тутъ Тараскона, пользующагося самою дурною славой въ мѣрѣ пернатыхъ, грызуновъ и хищныхъ. Даже

пролетныя птицы отиѣтели Тарасконъ краснымъ крестомъ на своихъ маршрутахъ, и дикія утки, летяція на сѣверъ и обратно, какъ только завидятъ колокольни города, такъ начинаютъ кричать во все горло: «Вотъ Тарасконъ! Вотъ Тарасконъ!» и сворачиваютъ въ сторону, предпочитая сдѣлать крюкъ.

Бороче сказать, по части дичины во всей округѣ только и есть что одинъ хитрый старый заяцъ, какимъ-то чудомъ спасшійся отъ поголовнаго избіенія и упорно продолжающій упрямиться въ окрестностяхъ города. Обыватели Тараскона хорошо знаютъ этого зайца; его зовутъ *Быстрякъ*. Извѣстно, что онъ проживаетъ въ помѣстьи г. Боннара, и, — къ слову сказать, — это удвоило и даже утроило стоимость имѣнія. До сихъ поръ никому не удалось подстрѣлить плутоватаго зайца, такъ что въ настоящее время лишь двое или трое самыхъ отчаянныхъ охотниковъ не прекращаютъ своихъ бесплодныхъ покушеній на его жизнь. Остальные съ сердечнымъ сокрушеніемъ рукой на него махнули, и *Быстрякъ* давно слыветъ чуть ли не оборотнемъ-чертенкомъ, несмотря на то, что тарасконцы далеко не суевѣрны по природѣ и ѣдятъ даже рагу изъ ласточекъ, когда имъ удастся заповелевать хотя эту безобидную птичку.

Вы въ недоумѣніи и хотите сказать: если въ Тарасконѣ такъ мало дичи, то ради чего же ополчаются тарасконскіе охотники каждое воскресенье? А вотъ ради чего: ополчившись, они уходятъ за два или три мѣе отъ города, дѣлятся на маленькія группы по пяти-шести человекъ, уютно располагаются подъ тѣнью дерева или какой-нибудь стѣны, достаютъ изъ ягдташей жареную говядину, сырой лукъ, колбасы и иногда анчоусы и принимаются за безконечный завтракъ, который запиваютъ хорошенькимъ ронскимъ винцомъ, располагающимъ къ веселью и пѣснѣ. Плотно закусивши и основательно выпивши, охотники зовутъ собакъ, заводятъ у ружей курки и начинаютъ охотиться. Охота же, собственно, состоитъ въ томъ, что каждый снимаетъ съ себя фуражку, изъ всей силы бросаетъ ее вверхъ и стрѣляетъ въ «летъ» дробью № 5, 6 или 2, смотря по уговору. Попавшій большее число разъ въ фуражку провозглашается королемъ охоты и къ вечеру возвращается въ Тарасконъ триумфаторомъ, съ разстрѣлянною фуражкой на концѣ ружья, при звукахъ охотничьихъ роговъ и при неистовомъ лаѣ собакъ.

Само собою разумѣется, что въ городѣ процвѣтаетъ торговля охотничьими фуражками. Есть даже шапошники, изготовляю-

шіе продырявленные и рваныя фуражки для плохихъ стрѣлковъ. Но въ покупкѣ ихъ заподозрѣнъ только аптекарь Безюке. Какъ хотите, а это неблаговидно!

Въ охотѣ по фуражкамъ у Тартарена не было соперниковъ. Каждое воскресенье онъ выходилъ изъ города въ новой фуражкѣ и всякій разъ возвращался съ лохмотомъ на концѣ ствола. Чердакъ бѣленькаго домика съ боабабомъ былъ заваленъ такими трофеями. За то Тартаренъ и пользовался особеннымъ уваженіемъ и непререкаемымъ авторитетомъ среди своихъ согражданъ. Въ тому же, онъ былъ отличнымъ знаткомъ всѣхъ законовъ и обычаевъ охоты, онъ прочелъ всѣ охотничьи трактаты и руководства по всѣмъ видамъ охоты, начиная съ охоты по фуражкамъ и кончая охотою на бирманскаго тигра, а потому весь городъ признавалъ его безапелляціоннымъ судьей въ дѣлахъ, касающихся охоты, и всѣ обыватели обращались къ нему за разрѣшеніемъ охотничьихъ споровъ.

Каждый день отъ трехъ до четырехъ часовъ въ лавкѣ оружейника Костекальда, на зеленомъ кожаномъ креслѣ, съ трубою въ зубахъ засѣдалъ толстый, важный господинъ, окруженный шумно спорящею толпою охотниковъ по фуражкамъ. То былъ Тартаренъ изъ Тараскона, чинящій судъ и изрекающій приговоры, — Немвродъ съ Соломономъ пополамъ.

III.

Man! Man! Man! — Продолженіе общаго взгляда на богоспасаемый городъ Тарасконъ.

Тарасконцы не только страстные охотники, но и не менѣе страстные любители романсовъ. Все сантиментальное старье, валяющееся въ старомъ хламѣ потныхъ магазиновъ, живымъ-живехонько въ Тарасконѣ. Тамъ оно собрано все сполна и блещетъ яркимъ разцвѣтомъ молодости. У cadaго семейства есть свой романсъ и въ городѣ это всѣмъ извѣстно. Такъ, наприимѣръ, извѣстно, что аптекарь Безюке поетъ:

Звѣзда, души моей царица...

оружейникъ Костекальдъ:

Въ хижину скромную жду я тебя...

бухгалтеръ казначейства:

Невидимку не видать... (*Комическіе куплеты*).

и такъ далѣе. Два или три раза въ недѣлю все сходится другъ у друга и распѣваютъ другъ другу каждый *свое*. Всеобщее то, конечно, что поется всегда одно и то же и что благополучные тарасконцы не выказываютъ ни малѣйшаго расположенія къ какимъ-либо новшествамъ или перемѣнамъ. Романы и пѣсенки такъ и переходятъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, и никто посторонній не дерзаетъ покуситься на «чужой» романсъ. Это просто немислимо; въ голову даже не можетъ придти Костекальду, напримѣръ, запѣть романсъ Безюке или Безюке—спѣть романсъ Костекальда.

По части романсовъ, какъ и въ охотѣ по фуражкамъ, первенство въ городѣ принадлежало Тартарену. Его преимущество передъ согражданами заключалось въ томъ, что у Тартарена не было «своего»: онъ пѣлъ ихъ *всѣ*... Да, *всѣ*!

Только подите-ка, заставьте его пропѣть что-нибудь. Чорта съ два! Ему рано прискучили салонные успѣхи; тарасконскій герой съ большимъ удовольствіемъ погружался въ чтеніе своихъ охотничьихъ книгъ или проводилъ вечеръ въ клубѣ и крайне рѣдко соглашался подойти къ фортепiano. Онъ считалъ музыкальныя забавы несомѣстными съ своимъ достоинствомъ. Иногда, впрочемъ, когда общество собиралось въ аптеку Безюке, онъ заходилъ туда какъ бы невзначай и, послѣ долгихъ упрасиваній, соглашался пропѣть дуэтъ изъ *Роберта Дьявола* съ мадамъ Безюке-матерью. Кто не слыхалъ этого пѣнія, тотъ, конечно, ничего подобнаго и представить себѣ не можетъ. Если бы я прожилъ еще сто лѣтъ и вспомнилъ о дуэтѣ въ аптеку Безюке, то и тогда, какъ живой, всталъ бы передо мной великій Тартаренъ,—всталъ бы и торжественнымъ шагомъ приблизился бы къ фортепiano, оперся бы сжатымъ кулакомъ на крышку инструмента, усиливаясь придать своему благодушному лицу свирѣпо-сатанинское выраженіе Роберта Дьявола. Онъ подошелъ, сталъ въ позу, и трепеть пробѣжалъ по залѣ; все чувствовали, что имѣеть совершиться нѣчто необыкновенное. Мадамъ Безюке заиграла аккомпаниментъ и запѣла:

Robert, toi que j'aime
Et qui reçus ma foi,
Tu vois mon effroi (*bis*),
Grâce pour toi-même
Et grâce pour moi.

И тутъ же тихо прибавила: «Вамъ, Тартаренъ». Тартаренъ вытягиваетъ руку съ сматымъ кулакомъ, раздуваетъ ноздри и страшнымъ голосомъ, отдающимся въ фортеціано, промзноситъ три раза: «Non!... поп!... поп!...» что, при его чисто-южномъ выговорѣ, выходитъ: «Nan!... nan!... nan!...» Затѣмъ мадамъ Безюке-мать повторяетъ еще разъ

Grâce pour toi-même
Et grâce pour moi.

«Nan!... nan!... nan!...»—реветъ Тартаренъ благимъ матомъ. Этимъ и заканчивается знаменитый дуэтъ. Какъ видите, не особенно длинно, но за то столько выраженія, такая мимика, что дрожью прохватывало все общество, собравшееся въ аптеку, и по настоящему требованію слушателей Тартаренъ четыре-пять разъ кряду повторялъ свое: «Nan!... nan!...», потомъ отиралъ потъ со лба, улыбался дамамъ, значительно взглядывалъ на мужчинъ и, при сознаніи собственного торжества, уходилъ въ клубъ, гдѣ съ нѣскольکو напускною небрежностью говорилъ: «Я отъ Безюке... Пристали тамъ... ну, и не могъ отговориться, спѣлъ имъ дуэтъ изъ *Роберта Дьявола!*»

Но всего лучше то, что онъ и самъ этому вѣрилъ.

IV.

О н и !!!

Благодаря столь разнороднымъ талантамъ, Тартаренъ занималъ выдающееся положеніе въ городѣ. Этотъ необыкновенный человекъ умѣлъ привлечь всѣхъ на свою сторону. Армія въ Тарасконѣ была за него. Храбрый капитанъ Бравида, отставной начальникъ гарнизонной швальни, говорилъ про него: «Онъ молодечина!» А ужъ капитану ли не знать въ этомъ толкъ, послѣ того какъ онъ обшилъ стоеккихъ молодцовъ.

Магистратура была за Тартарена. Самъ старый предсѣдатель суда два или три сказалъ про него: «Это характеръ!»

Наконецъ, и народъ былъ за Тартарена. Его широкія плечи, его походка, голосъ и неустрашимый видъ, его репутація героя, невѣдомо какъ сложившаяся, нѣскольکو мѣдяковъ, брошенныхъ имъ маленькимъ савойрамъ, и нѣскольکو подзатыльниковъ, данныхъ уличнымъ мальчишкамъ, сдѣлали изъ него мѣстнаго лорда Сеймура, короля тарасконскаго рынка. Нагрузчики барокъ на

набережной почтительно кланялись Тартарену, когда онъ въ воскресенье вечеромъ возвращался съ охоты съ обрывкомъ фуражки на концѣ ствола, подмигивали другъ другу, указывая на его плечи и руки, и обвинялись такими замѣчаниями: «Ну, этоть за себя постоять!... Ишь *мускулы-то—двойные!*»

Двойные мускулы! Бромъ Тараскона, нигдѣ не услышишь ничего подобнаго!

И при всемъ этомъ, при всѣхъ своихъ многочисленныхъ талантахъ, несмотря на двойные мускулы, на любовь народа и на лестные отзывы храбраго начальника гарнизонной пивальни, Тартаренъ не былъ доволенъ своею судьбой: ему въ тягость была жизнь въ маленькомъ городѣ; онъ задыхался въ немъ, великому человѣку было тѣсно въ Тарасконѣ. Да и на самомъ дѣлѣ могъ ли онъ, съ своею героическою натурой, съ душою пламенной и жаждущей сильныхъ ощущеній, — онъ, мечтающій о битвахъ, объ опасныхъ охотахъ, о приключеніяхъ въ пампасахъ Америки или въ пескахъ Африки, объ ураганахъ и тифонахъ, — могъ ли онъ довольствоваться разстрѣливаньемъ фуражекъ по воскресеньямъ и разрѣшеніемъ охотничьихъ споровъ ежедневно у оружейника Костекальда? Вчужь жаль бѣднягу великаго человѣка! Въ концѣ-концовъ, тоска способна была заѣсть его на смерть.

Тщетно искалъ онъ забвенія среди своихъ пальмъ, боабаба и другихъ чудесъ африканской растительности, напрасно обвѣшивалъ стѣны малайскими ножами и томогауками, напрасно зачитывался романическими книгами, думая, подобно Донъ-Кихоту, силою воображенія отогнать отъ себя безопаздную дѣйствительность. Увы! Все, что онъ продѣлывалъ, чтобы утолить жажду приключеній, только еще больше разжигало ее. Видъ окружавшаго его смертоноснаго оружія только дразнилъ его; всѣ эти ятаганы, стрѣлы и лассо зывали къ нему: «На бой, на бой!...» Въ вѣтвяхъ боабаба чудился свистъ вѣтра, зовущій въ далекія страны и не дающій покоя. А тутъ еще Густавъ Эмаръ и Фениморъ Куперъ...

Сколько разъ, въ часы послѣобѣденнаго чтенія, среди воинственныхъ доспѣховъ, Тартаренъ съ дивимъ воплемъ вскакивалъ съ своего кресла, бросалъ книгу и схватывалъ первое попавшееся подъ руку оружіе. Бѣдняга забывалъ, что онъ у себя въ Тарасконѣ, что голова его обвязана старымъ фуляровымъ платкомъ, и ополчался на воображаемаго врага.

— Пусть-ка они попробуютъ сунуться! — оралъ онъ, потрясая топоромъ или томогаукомъ.

Они? Кто они?

Тартаренъ самъ не зналъ хорошенько. *Они!*—это были тѣ, что нападаютъ; тѣ, съ кѣмъ надо биться, — всѣ тѣ и все то, что кусаетъ, что грозитъ когтями или скальпомъ, что реветъ, кричитъ, рычитъ... *Они*—это индѣецъ Сиу, пляшущій вокругъ привязаннаго къ столбу «бѣлаго»... Это — бурый медвѣдь Скалистыхъ горъ, это—Туарегъ пустыни, пиратъ Малайскихъ острововъ, бандитъ Абруццкихъ ущелий... Словомъ, *они* — это *они!*... а съ ними вмѣстѣ путешествія, воинственные подвиги, страшныя приключенія, слава.

Но, увы! тщетно звалъ *ихъ* неустрашимый Тартаренъ, тщетно вызывалъ *ихъ* на бой, — *они* упорно не показывались. Да и за какимъ бы чортомъ понесло *ихъ* въ Тарасконъ?

А Тартаренъ все ждалъ и ждалъ *ихъ*, особенно по вечерамъ, направляясь въ клубъ.

У.

По дорогѣ въ клубъ.

Сборы рыцаря - храмовника на бой съ осаждающими его невѣрными, сборы китайскаго воина «знамени тигра», сборы команданша, идущаго на «тропу войны», — все это ничто въ сравненіи съ приготовленіями Тартарена изъ Тараскона, вооружающагося съ головы до ногъ, чтобы идти въ клубъ въ десятомъ часу вечера, черезъ часъ по пробитіи зори у гауптвахты. На лѣвую руку онъ надѣвалъ стальную «перчатку—*sortie de bal*» съ острыми концами, въ правую бралъ трость съ вкладною шпагой, въ лѣвый карманъ запрятывалъ кистень, въ правый револьверъ, между жилетомъ и фуфайкой засовывалъ малайскій ножъ. Отравленныхъ стрѣлъ Тартаренъ никогда не бралъ съ собою; северная это штука, нечестное оружіе!

Вооружившись достоюмымъ образомъ, онъ съ минуту оставался въ тиши своего кабинета, примѣривался, какъ удобнѣе нанести ударъ, расправлялъ руки, потомъ бралъ отмычку и важно, не сдѣша, спокойно, проходилъ черезъ садъ.—По-англійски, по-англійски! Спокойствіе есть истинное мужество. — Въ концѣ сада онъ отпиралъ тяжелую желѣзную дверь и... разъ!... такъ ее распахивалъ, что она съ глухимъ звономъ ударялась о на-

ружную стѣну. Вздумай *они* притаяться за этою дверью, тутъ имъ и карачунъ,—остался бы только мѣшокъ съ костями. Бъ сожалѣнію, *они* никогда не прятались за дверью.

Выйдя изъ сада, Тартаренъ быстрымъ, зоркимъ взглядомъ окидывалъ улицу вправо и влѣво, захлопывалъ дверь, запиралъ ее наврѣпко и пускался въ путь. На Авиньонской улицѣ ни кошки; двери заперты, въ окнахъ темно, на улицѣ тоже; лишь кое-гдѣ чуть мерцаетъ фонарь, силясь проглянуть сивозъ прибрежный туманъ Роны. Спокойно-величественъ подвигается Тартаренъ во мракѣ ночи, мѣрно и звонко отбивая шагъ и извлекающая искры изъ мостовой желѣзнымъ наконечникомъ палки. Будь то бульваръ, или широкая улица, или переулокъ, онъ шель всегда серединою; отличная мѣра предосторожности, чтобы избѣжать внезапнаго нападенія и въ особенности того, что въ Тарасконѣ выкидывается иногда ночью изъ оконъ. Судя по всему этому, не подумайте, однако, что Тартаренъ трусилъ. Ничуть не бывало; онъ просто былъ остороженъ. Лучшимъ доказательствомъ его неустрашимости служить то обстоятельство, что онъ ходилъ въ клубъ не кратчайшею дорогою, а самую длинную, черезъ весь городъ, по темнымъ и дряннымъ переулкамъ. И все въ надеждѣ, что авось-либо изъ какого-нибудь закоулка наскочатъ на него *они*. Тутъ ужъ онъ бы съ *ними* расправился, смѣю васъ въ томъ завѣрить. Какъ на смѣхъ, ни разу, во всю жизнь ни одинаго раза Тартаренъ не встрѣтилъ ни души живой, ни даже собаки, ни пьянаго.

Случались иногда фальшивыя тревоги: вдругъ послышится шаги, тихій говоръ. Тартаренъ въ ту же минуту насторожится, замретъ на мѣстѣ, затаитъ дыханіе, пригнется и приложитъ ухо къ землѣ,—такъ дѣлаютъ индійцы. Шаги приближаются, голоса становятся слышнѣе. Сомнѣнья быть не можетъ! *Они!*... Вотъ сейчасъ покажутся. Тартаренъ изготовился, еще мигъ—и онъ ринется *на нихъ* съ воинственнымъ крикомъ... и вдругъ раздаются благодушные голоса мирныхъ тарасконцевъ, называющихъ его по имени:

— Э-э!.. Тартаренъ... Добрый вечеръ, Тартаренъ!...

— О, чтобъ васъ совсѣмъ!...—Это аптекаръ Безюке съ семействомъ возвращается отъ Костекальда.—Добрый вечеръ! Добрый вечеръ!—ворчитъ Тартаренъ и, сердито вскинувъ палку, устремляется дальше.

У подъѣзда клуба онъ приостанавливается, еще поджидаетъ,

проходить разъ-другой мимо двери и, наконецъ, потерявши на этотъ разъ всякую надежду встрѣтить *мъ*, бросаетъ вызывающій взоръ въ сумракъ ночи и гнѣвно шепчетъ: «Опять никого!... Опять *мъ* нѣтъ!» Затѣмъ доблестный тарасконецъ входитъ въ клубъ и садится за партію бозига съ отставнымъ начальникомъ гарнизонной швалъни.

VI.

Два Тартарена.—Достопамятная бестда Тартарена-Кихота съ Тартареномъ-Санхо.

Какъ же, однако, могло случиться, что при такой страсти къ приключеніямъ, при жаждѣ сильныхъ ощущеній, при стремленіи путешествовать и совершать всякіе геройскіе подвиги Тартаренъ никогда не выѣзжалъ изъ Тараскона? Да, вотъ подите же! Неустрашимый тарасконецъ дожилъ до сорока пяти лѣтъ и ни разу въ жизни не ночевалъ внѣ роднаго города. Онъ не былъ даже въ Марсели, что считается какъ бы обязательнымъ для каждаго добраго провансальца при достиженіи совершеннолѣтія. Онъ едва зналъ Бокеръ, хотя нельзя сказать, чтобы особенно далеко было отъ Тараскона до Бокера,—всего мостъ перейти. На бѣду, этотъ провлятый мостъ такъ часто сносило бурей, да и длиненъ онъ чертовски, выстроенъ не прочно, а Рона такъ широка въ этомъ мѣстѣ, что... ну, какъ бы это сказать?... Тартаренъ предпочиталъ прогулки по твердой землѣ.

Надо признаться, наконецъ, что въ нашемъ героѣ было какъ бы два разныхъ человѣка. Читатели уже поняли, конечно, что въ великомъ тарасконцѣ жилъ духъ Донъ-Кихота, съ рыцарскими порывами, съ геройскими идеалами, съ увлеченіемъ всѣмъ романтическимъ и грандіознымъ. Въ несчастію, природа не дала ему тѣла знаменитаго гидальго, костляваго, сухаго тѣла, мало чувствительнаго къ матеріальнымъ неудобствамъ и лишеніямъ, способнаго проводить двадцать ночей, не снимая рыцарскихъ доспѣховъ, и питаться по нѣскольку дней горстью риса. Напротивъ, тѣло Тартарена было настоящее тѣло благополучнаго обывателя, очень жирное, очень увѣсистое, очень чувственное, извѣженное тѣло, выхоленное буржуазными вкусами, избалованное домашними удобствами,—пузатенькое тѣло на короткихъ ножкахъ безсмертнаго Санхо-Пансо.

Донъ-Кихотъ и Санхо-Пансо въ одномъ человѣкѣ! Можете

себѣ представить, какъ плохо они уживались! Какія ссоры, какія междоусобія должны были происходить между ними! Между двумя Тартаренами, Тартареномъ-Бихотомъ и Тартареномъ-Санхо, порою происходили достопамятныя бесѣды, достойныя пера Лувана или Сентъ-Эвремона! Тартаренъ-Бихоть, въ неописуемомъ азартѣ отъ чтенія рассказовъ Густава Эмара, кричить: «Вду!»

— Шалости! — бурчитъ Тартаренъ-Санхо, предвидя возможность простуды.

— Ты покроешь себя славой, Тартаренъ! — восклицаетъ Тартаренъ-Бихоть.

— Покройся-ка лучше фланелевымъ одѣяломъ, — спокойно совѣтуетъ Тартаренъ-Санхо.

— О, чудныя винтовки! — восторгается Тартаренъ-Бихоть. — О; винжалы, лассо, томогауки!...

— Умная это штука, вязаные жилеты, — невозмутимо рассуждаетъ Тартаренъ-Санхо. — Хорошая вещь и нагольбники изъ сосновой шерсти, и шапки съ наушниками!

— Топоръ мнѣ! Тяжелый, острый топоръ! — готовъ крикнуть въ себя Тартаренъ-Бихоть.

— Жанетта! Шоколаду! — кричить, перебивая его, Тартаренъ-Санхо.

И Жанетта несетъ превосходный, горячій, ароматный шоколадъ съ анисовыми сухариками. Добродушный смѣхъ потрясаетъ лакомое брюшко Тартарена-Санхо и заглушаетъ неистовые вопли Тартарена-Бихота.

Вотъ почему Тартаренъ изъ Тараскона никогда не выѣзжалъ изъ Тараскона.

VII.

Европейцы въ Шанхаѣ. — Огромное дѣло. — Татары. — Неужели Тартаренъ-Тарасконецъ лгунъ? — Миражъ.

Разъ, впрочемъ, Тартаренъ чуть-чуть не уѣхалъ въ далекое путешествіе. Братя Гарсіо-Бамбозъ, тарасконскіе уроженцы, живущіе въ Шанхаѣ, предложили ему завѣдываніе одною изъ ихъ тамошнихъ конторъ. Дѣло представлялось какъ разъ по немъ. Обширная торговля, полкъ прикащиковъ подъ командой, сношенія съ Россіей, Персіей, съ Азіатскою Турціей, — словомъ, огромное дѣло.

Въ устахъ Тартарена слова «огромное дѣло» получали значеніе чего-то гигантскаго, необъятнаго. Помимо этого, конторы

Гарсіо-Каміосъ имѣли еще и то преимущество, что подвергались иногда набѣгамъ татаръ. Въ такихъ случаяхъ живо запирались двери; всѣ прикащики брались за оружіе, поднимался консульскій флагъ и... пифъ! пафъ! изъ оконъ въ нападающую татарскую орду.

Нѣтъ надобности говорить, съ какимъ воодушевленіемъ ухватился Тартаренъ-Бихотъ за предложеніе ѣхать въ Шанхай. Къ несчастію, такое путешествіе было совсѣмъ не по вкусу Тартарену-Санхо; а такъ какъ перевѣсъ былъ всегда на его сторонѣ, то дѣло и не могло состояться. Объ этомъ было много толковъ въ городѣ: поѣдетъ ли? откажется ли? Пари, что поѣдетъ... держу, что нѣтъ. Чуть не междоусобіе... Въ концѣ-концовъ, Тартаренъ не поѣхалъ; тѣмъ не менѣе, вся эта исторія послужила къ вящей его славѣ. Почти побывать въ Шанхаѣ, или побывать тамъ въ самомъ дѣлѣ,—это было безразлично для Тартарена. О путешествіи Тартарена было столько говорено и такъ долго говорено, что всѣмъ стало казаться, будто онъ уже успѣлъ побывать въ Шанхаѣ и вернуться назадъ. По вечерамъ въ клубѣ около Тартарена собиралась толпа знакомыхъ, его спрашивали про жизнь въ Шанхаѣ, про нравы, климатъ, про опиумъ, про огромное дѣло.

Тартаренъ обо всемъ имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія и охотно удовлетворялъ любопытство своихъ слушателей. Мало-по-малу, съ теченіемъ времени онъ и самъ уже не былъ вполне увѣренъ въ томъ, что въ глаза не видалъ никакого Шанхая и, въ сотый разъ повѣствуя про набѣгъ татаръ, онъ совершенно натурально говорилъ: «Я сейчасъ же вооружаю прикащиковъ, приказываю поднять консульскій флагъ и... пифъ! пафъ! изъ оконъ въ татарскую орду!» При этомъ разсказѣ мурашки пробѣгали по спинамъ слушателей.

— Послѣ этого вайтъ Тартаренъ просто наглый лгуны.

— Ничуть не бывало! Тартаренъ совсѣмъ не лгунъ...

— Позвольте, вѣдь, онъ-то самъ зналъ же, что никогда не былъ въ Шанхаѣ?

— Само собою разумѣется, зналъ... Только...

Только прошу внимательно выслушать нижеслѣдующее. Надо разъ навсегда установить правильный взглядъ на то, что жители сѣвера называютъ хвастовствомъ и ложью южанъ. На югѣ нѣтъ лгуновъ, во всякомъ случаѣ тамъ лгуновъ не больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Южанинъ не лжетъ; онъ ошибается.

Онъ не всегда говоритъ правду, но самъ онъ думаетъ, что сказанное имъ—правда. Сказанная же имъ неправда не есть, все-таки, ложь, это своего рода миражъ... Да, миражъ! Чтобы вполне понять меня, поѣзжайте на югъ и вы своими глазами увидите. Вы увидите удивительный край, гдѣ солнце все переименовываетъ по своему, всему придаетъ неестественно-большіе размѣры. Вы увидите крошечные холмы Прованса, не превышающіе Монмартра, и они вамъ покажутся гигантскими горами; вы посмотрите на Maison Sagée въ Нимъ, крошечную бездѣлушку, и она вамъ покажется больше собора Notre-Dame. Вы увидите... Да что тамъ толковать! На югъ всего только и есть одинъ единственный лгунъ, это—южное солнце. На что оно ни кинетъ свой лучъ, оно все преувеличиваетъ!... Что такое была Спарта въ самое слабое время своего могущества? Плохое мѣстечко. Что такое были Афинны? На лучший конецъ — уѣздный городокъ. И, однако же, въ исторіи они намъ представляются громаднѣйшими городами. А все южное солнце.

Послѣ этого объясненія, надѣюсь, васъ перестанетъ удивлять, что солнце, грѣющее Тарасконъ, сумѣло превратить брюкву въ боабабъ, а человѣка, чуть не уѣхавшаго въ Шанхай, въ человѣка, побывавшаго въ Шанхай.

VIII.

Звѣринецъ Митена.—Африканскій левъ въ Тарасконѣ.—Потрясающій торжественный моментъ.

До сихъ поръ мы рассказывали читателю о Тартаренѣ въ его скромной долѣ, когда слава еще не отиѣтила его своимъ лобзаньемъ и не обвила его головы неувыдаемымъ лавромъ, мы рассказывали о его героическихъ порывахъ, мечтахъ, разочарованіяхъ и надеждахъ, теперь же перейдемъ прямо къ блестящимъ страницамъ его исторіи и къ событіямъ, долженствовавшимъ имѣть рѣшающее значеніе въ необычайной судьбѣ этого человѣка.

Разъ вечеромъ у оружейника Костекальда Тартаренъ объяснялъ нѣсколькимъ любителямъ, какъ обращаться съ только что появившимся въ продажѣ игольчатымъ ружьемъ. Вдругъ отворяется дверь, вбѣгаетъ одинъ изъ охотниковъ по фуражкамъ и, едва переводя духъ, кричитъ: «Левъ!... левъ!...» Всеобщее недоумѣніе, ужасъ, шумъ, толкотня. Тартаренъ насыживается на винтовку штыкъ, Костекальдъ выдается запирать

двери. Всѣ окружаютъ охотнива, разспрашиваютъ, требуютъ подробностей, торопятъ. Дѣло оказывается вотъ въ чемъ: проѣздомъ съ ярмарки въ городѣ остановился звѣринецъ Митена и расположился въ сараѣ на площади; въ звѣриницѣ есть удавы, тюлени, крокодилы и великолѣпный африканскій левъ.

Африканскій левъ въ Тарасконѣ! Ничего подобнаго не видано, не слыхано съ основанія города. И надо было видѣть, какъ гордо поднимали головы наши охотники по фуражкамъ, какъ сіяли ихъ лица, какъ крѣпко они пожимали другъ другу руки въ лавкѣ оружейника Костекальда. Впечатлѣніе было такъ сильно, такъ неожиданно, что никто не могъ сказать ни слова, — ни даже самъ Тартаренъ. Съ поблѣднѣвшимъ, нервно вздрагивающимъ лицомъ, съ игольчаткою въ рукахъ онъ стоялъ у прилавка, погруженный въ глубокую думу. Африканскій левъ, настоящій левъ тутъ, близко, въ двухъ шагахъ! Левъ... вѣдь, это что же такое? Это сильнѣйшій и страшнѣйшій изъ звѣрей, это царь пустыни, дичь героевъ, о которой едва осмѣливалось мечтать его воображеніе, это... это, вѣдь, первый, пожалуй, между *нами*, между тѣми, съ кѣмъ онъ такъ долго, такъ пламенно и такъ тщетно жаждалъ встрѣчи.

Левъ, чертъ возьми! Да еще африканскій! У Тартарена захватило дыханіе; горячая волна крови прилила къ лицу; въ глазахъ вспыхнуло пламя. Судорожнымъ движеніемъ онъ вскинулъ ружье на плечо и, обращаясь къ храброму начальнику гарнизонной пивальни, проговорилъ громовымъ голосомъ: «Идемъ, капитанъ!»

— Э-э!... Вы... вы ружье-то!... Вы уносите мое игольчатое ружье! — робко заговорилъ было осторожный Костекальдъ.

Но Тартаренъ былъ уже на улицѣ; за нимъ гордо поступью выходила изъ лавки толпа охотниковъ по фуражкамъ.

Когда они пришли въ звѣринецъ, тамъ уже было много публики. Тарасконцы, народъ героическій, но давно лишенный всякихъ зрѣлищъ, такъ и ринулись въ балаганъ. Толстая мадамъ Митенъ была въ полномъ удовольствіи. Въ африканскомъ костюмѣ, съ лыстомъ въ голыхъ по локоть рукахъ, украшенныхъ желѣзными браслетами, она встрѣчала посѣтителей и своими *двойными мускулами* производила на тарасконцевъ не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ ея пресмыкающіеся и четвероногіе пансіонеры.

Приходъ Тартарена съ ружьемъ на плечѣ сразу охладилъ публику. Благодушные обыватели, спокойно прогуливавшіеся пе-

редь клѣтками, безъ оружія, безъ малѣйшей тревоги, не предполагая даже возможности какой-либо опасности, поддались весьма естественному чувству страха, когда увидали извѣстнаго своею храбростью Тартарена съ смертоноснымъ оружіемъ въ рукахъ. Должно быть, дѣло не ладно, если уже онъ, этотъ герой... Въ одно мгновенье вся толпа отхлынула отъ клѣтокъ. Дѣти завопили со страха, дамы бросились къ дверямъ. Аптекарь Безюне совсѣмъ ушелъ, сказавши, что добѣжитъ лишь до дому захватить ружье.

Мало-по-малу, однако, видъ Тартарена ободрилъ пугливыхъ. Спокойно, съ гордо поднятою головой неустрашимый Тартаренъ обошелъ весь балаганъ, не посмотрѣвши даже на чанъ, въ которомъ полоскался тюлень, бросивъ лишь презрительный взглядъ на длинный ящикъ съ дремлющимъ удавомъ, и остановился передъ клѣткою льва.

Потрясающій торжественный моментъ! Сошлись лицомъ къ лицу левъ тарасконскій съ африканскимъ львомъ. Съ одной стороны, не знающій страха Тартаренъ, готовый къ нападенію и отпору съ игольчатою винтовкой въ рукахъ, съ другой—левъ, сынъ африканскихъ пустынь, лѣниво растянулся на соломѣ, положивши громадную косматую голову на переднія лапы. Оба спокойны и какъ бы вымѣриваютъ другъ друга взглядомъ. И странная вещь: видъ ли оружія обезпокоилъ льва, или онъ почувалъ въ новомъ носѣтителѣ страшнаго врага, звѣрь, до сихъ поръ смотрѣвшій на тарасконцевъ съ величайшимъ презрѣніемъ, началъ выказывать явные признаки тревоги и гнѣва. Онъ началъ съ того, что фыркнулъ раза два, потомъ глухо зарычалъ, вынулъ когти, расправилъ лапы, наконецъ, всталъ, поднялъ голову, встряхнулъ желтою гривой, раскрылъ свою громадную пасть и грозно заревѣлъ на Тартарена.

Крикъ ужаса былъ ему отвѣтомъ. Обезумѣвшіе отъ страха тарасконцы кинулись къ дверямъ,—женщины, дѣти, охотники по фуражкамъ, самъ Бравида, храбрый начальникъ швальни, всѣ безъ исключенія. Только одинъ, одинъ Тартаренъ изъ Тараскона не двинулся съ мѣста. Онъ попрежнему стоялъ передъ клѣткой, спокойный, готовый къ нападенію и отпору, гордо и презрительно оттопыривши нижнюю губу. Черезъ минуту, когда охотники по фуражкамъ, нѣсколько ободренные его непоколебимостью и крѣпостью желѣзной рѣшетки, приблизились къ своему вождю, они разслышали его слова:

— Да... это охота!

Въ этотъ день Тартаренъ не сказалъ больше ни слова.

IX.

Странное дѣйствіе миража.

Въ этотъ день Тартаренъ не сказалъ больше ни слова; только на грѣхъ-то онъ уже сказалъ слишкомъ много. На слѣдующій день весь городъ только и говорилъ о скоромъ отъѣздѣ Тартарена въ Алжиръ на охоту за львами. Вы сами, дорогой читатель, можете по совѣсти засвидѣтельствовать, что онъ и не думалъ говорить ничего подобнаго; но, знаете, дѣйствіе миража...

Словомъ, весь Тарасконъ толковалъ объ отъѣздѣ Тартарена, какъ о дѣлѣ рѣшеномъ. Знакомые, встрѣчаясь въ клубѣ, очень серьезно и съ озабоченнымъ видомъ спрашивали другъ друга:

— Слышали новость?

— Что такое? Отъѣздъ Тартарена въ Африку? Знаю, давно знаю!

Всѣхъ болѣе въ городѣ былъ удивленъ этимъ неожиданнымъ отъѣздомъ самъ Тартаренъ. И,—о, человѣческое тщеславіе!— вмѣсто того, чтобы просто-на-просто отвѣтить, что онъ нигуда не собирается ѣхать и никогда не думалъ отправляться въ Африку, бѣдняга Тартаренъ на предложенный ему въ первый разъ вопросъ о его путешествіи отвѣтилъ уклончивыми недомолвками:

— Ну... то-есть... можетъ быть... оно, конечно...

На слѣдующій разъ, нѣсколько освоившись съ этою мыслью, онъ сказалъ:

— Весьма возможно... и даже вѣроятно...

Въ третій не выдержалъ и отвѣтилъ:

— Да, это рѣшеное дѣло!

Наконецъ, какъ-то вечеромъ въ клубѣ и потомъ у Бостекальда, подогрѣтый гоголь-моголемъ, увлеченный выраженіями удивленія и восторга, опьяненный тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производило на всѣхъ извѣстіе объ его поѣздѣ, несчастный положительно заявилъ, что ему прискучила охота по фуражкамъ и что онъ въ самомъ непродолжительномъ времени отправляется стрѣлять громадныхъ африканскихъ львовъ.

Это заявленіе было встрѣчено оглунительными криками «ура!»

Затѣмъ былъ опять поданъ гоголь-моголь, послѣдовали крѣпкія рукопожатія, поцѣлуи, процессія съ факелами, серенада передъ маленькимъ домикомъ съ боабабомъ.

Вся эта исторія глубоко возмущала Тартарена-Санхо. Мысль о путешествіи въ Африку и объ охотѣ за львами холодомъ и дрожью прохватывала его покоелюбивое тѣло и, по возвращеніи домой, подъ звуки серенады, раздававшейся подъ ихъ окнами, онъ сдѣлалъ страшную сцену Тартарену-Кихоту, обзывалъ его полуумнымъ, сумасброднымъ фантазеромъ, неосторожнымъ и трижды бессмысленнымъ человѣкомъ, до мельчайшихъ подробностей высчитывалъ всѣ возможныя и невозможныя бѣды, ожидающія ихъ въ этой поѣздкѣ: кораблекрушенія, ревматизмы, горячки, дизентеріи, чума, элѣфантіазисъ и все прочее.

Напрасно клялся Тартаренъ-Кихоть, обѣщаясь быть осторожнымъ, тепло одѣваться, запасть въ дорогу всѣмъ необходимымъ, — Тартаренъ-Санхо и слушать ничего не хотѣлъ. Бѣдняку уже представлялся его собственный трупъ разорваннымъ въ клочья львами, поглощеннымъ песками пустыни, подобно блаженной памяти Камбизу; Тартарену-Кихоту удалось его немного успокоить лишь тѣмъ соображеніемъ, что ѣхать, все-таки, предстоитъ не сейчасъ, дѣло не къ спѣху, и что, во всякомъ случаѣ, они еще пока дома.

Да и на самомъ дѣлѣ нельзя же такъ вдругъ, безъ приготовленій, подняться и пуститься въ такую далекую экспедицію. Надо предварительно ознакомиться какъ слѣдуетъ съ краемъ, куда ѣдешь, — человѣкъ, вѣдь, не птица какая-нибудь перелетная.

Тартаренъ началъ съ того, что принялся за чтеніе разсказовъ знаменитыхъ путешественниковъ по Африкѣ: Монго-Парка, де-Калье, доктора Ливингстона, Ганри Дюверье. Тутъ нашъ герой узналъ, что смѣлые путешественники, прежде чѣмъ взять въ руки страннической посохъ и пуститься въ далекія страны, долго подготовлялись переносить всякія лишения: голодь, холодъ, жажду, усиленные переходы. Тартаренъ рѣшился послѣдовать ихъ примѣру и съ того же дня сталъ питаться только *вареною водою*. *Вареною водою* называютъ въ Тарасконѣ хлѣбную тюрю на водѣ, вскипяченную съ зубкомъ чеснока, съ небольшимъ количествомъ тиміана и лавровымъ листкомъ. Діета, какъ видите, была довольно серьезная, и бѣдняга Санхо порядочно-таки морщился.

Тартаренъ не ограничился одною дѣтой и къ ней присоединилъ предписываемыя благоразуміемъ упражненія. Такъ, чтобы привыкнуть къ большимъ переходамъ, онъ принялъ за правило ежедневно утромъ обходить весь городъ разъ семь или восемь, то скорымъ шагомъ, то бѣглымъ, прижавши локти къ тѣлу и держа во рту два бѣлыхъ камушка, какъ дѣлали древніе. Потомъ, чтобы освоиться съ ночнымъ холодомъ, туманами, росой, онъ каждый вечеръ выходилъ въ садъ и пробывалъ тамъ до десяти-одиннадцати часовъ, съ ружьемъ въ рукахъ, притаившись за боабабомъ, какъ бы поджидая звѣря.

Наконецъ, во все время, пока звѣринецъ Митена пробылъ въ Тарасконѣ, охотники по фуражкамъ, засидѣвшіеся у Костекальда, проходя черезъ площадь, видали въ сумракѣ ночи, какъ какой-то таинственный человѣкъ прохаживался взадъ и впередъ позади балагана. То былъ Тартаренъ: онъ приучался безтрепетно слышать рычаніе и ревъ льва въ ночной темнотѣ.

X.

Передъ отъѣздомъ.

Пока Тартаренъ такимъ образомъ подготовлялся къ опасной экспедиціи, вниманіе Тараскона было сосредоточено на немъ. Всѣ другіе интересы отошли на задній планъ. Охота по фуражкамъ кое-какъ влачила жалкое существованіе; романсы были почти забыты. Въ аптекѣ Безюке давно уже не открывалось фортепіано; на немъ, поднявши кверху ножки, сохли шпанскія нухи. Все какъ бы замерло въ ожиданіи отъѣзда Тартарена. За то надо было видѣть его успѣхи въ гостиныхъ. Его всюду приглашали наперерывъ, его заманивали, отбивали другъ у друга, лехящали, перехватывали на дорогѣ. Дамы только о томъ и мечтали, какъ бы добиться чести пройти подъ руку съ Тартареномъ по звѣринцу и тамъ, передъ клѣткою льва, разспросить его объ охотѣ за этими страшными звѣрями, узнать отъ него самого, куда надо цѣлить, во сколькихъ шагахъ стрѣлять, часто ли бывають несчастные случаи и т. под.

Тартаренъ рассказывалъ и объяснялъ все, что угодно. Онъ прочелъ Жюля Жерара и такъ превосходно зналъ всѣ подробности охоты за львами, какъ будто самъ бывалъ на ней несчетное число разъ. Его рассказы отличались необыкновенною увлекательностью. Въ особенности же любопытно было его по-

слушать послѣ обѣда у предсѣдателя суда Ладвеза или у храбраго капитана Бравиды, отставнаго начальника гарнизонной швальки, когда подавался кофе. Стулья тѣснились къ одному концу стола и Тартаренъ принимался повѣствовать о своихъ будущихъ охотахъ.

Опершись на столъ и склонившись головою къ чашкѣ душистаго мокко, нашъ герой взволнованнымъ голосомъ разсказывалъ обо всѣхъ опасностяхъ, ожидающихъ его среди африканскихъ пустынь. Онъ говорилъ о томъ, какъ въ темную, безлунную ночь приходится сторожить звѣря; онъ живо описывалъ страшныя болота, убивающія своими миазмами, рѣки, отравленныя падающими въ нихъ листьями олеандровъ, горныя снѣга и зной тропическаго солнца, массы скорпионовъ и тучи саранчи; онъ знакомилъ слушателей съ образомъ жизни и поведеніемъ громадныхъ африканскихъ львовъ, давалъ ясное понятіе о ихъ необычайной силѣ и кровожадности. Увлеченный собственнымъ повѣствованіемъ, онъ вскакивалъ изъ-за стола, дѣлалъ прыжокъ на середину залы, изображая въ лицахъ льва и подражая его страшному голосу... вдругъ выстрѣлъ нарѣзнаго карабина: пафъ! пафъ!... свистъ разрывной пули—ф-ш-шь!... Тартаренъ жестикулируетъ, рычитъ, реветъ, опрокидываетъ стулья...

Лица слушателей блѣдны. Мужчины переглядываются, значительно покачивая головами, дамы закрываютъ глаза и слегка вскригиваютъ, старики воинственно потрясаютъ своими палками. Изъ сосѣдней комнаты несутся вопли рано заснувшихъ дѣтей, въ ужасѣ вскакивающихъ съ постелей отъ львиного рыканія и выстрѣловъ смѣлаго охотника.

Тартаренъ необыкновенно живо разсказывалъ, а уѣзжать... пока лишь только собирался.

XI.

На шпагахъ, господа, на шпагахъ не угодно ли?...

Только не на шпильнахъ!...

Думалъ ли онъ на самомъ дѣлѣ ѣхать? Вотъ вопросъ, на который биографъ Тартарена не въ состояніи отвѣтить съ полною достовѣрностью. Несомнѣнно одно, что звѣринецъ Митена уѣхалъ изъ Тараскона, съ тѣхъ поръ прошло три мѣсяца, а охотникъ за львами не трогался съ мѣста. Весьма возможно, впрочемъ, что наивный герой, подъ вліяніемъ миража, совер-

ленно искренно воображалъ, будто побывалъ уже въ Африкѣ. Быть можетъ, отъ постоянного повторенія рассказовъ о будущихъ охотахъ ему самому эти охоты представлялись уже чѣмъ-то пережитымъ въ дѣйствительности, подобно тому, какъ онъ воображалъ, что приказывалъ поднять консульскій флагъ въ Шанхай и отражалъ набѣги татаръ.

На бѣду, тарасконцы не поддались на этотъ разъ дѣйствию миража. Когда по прошествіи трехъ мѣсяцевъ въ городѣ замѣтили, что сборы въ путь нисколько не подвигаются впередъ; между обывателями начался ропотъ.

— Повтореніе исторіи съ поѣздкою въ Шанхай! — сказалъ, улыбаясь, Костекальдъ.

Въ городѣ подхватили слова оружейника; вѣра въ Тартарена была подорвана. Всѣхъ безошаднѣе оказались наиболѣе довѣрчивые и трусливые, — люди, подобные Безюке, котораго крупная блоха способна была обратить въ бѣгство. Въ клубѣ, на гуляньѣ, въ обществѣ эти господа подходили къ Тартарену и съ ехидною улыбкой спрашивали:

— Такъ какъ же, когда выѣзжаете?

Въ лавкѣ Костекальда Тартаренъ утратилъ всякій авторитетъ; охотники по фуражкамъ перестали признавать его главенство. Дѣло дошло и до эпиграммъ. Предсѣдатель суда Ладвезъ, пописывавшій иногда стишки въ минуты досуга, сочинилъ на мѣстномъ провансальскомъ нарѣчій шутовую пѣсенку, имѣвшую большой успѣхъ. Въ ней говорилось о нѣкоемъ великомъ охотникѣ, по фамилиі Жерве, страшное ружье котораго должно было истребить всѣхъ до единого львовъ въ Африкѣ. Къ сожалѣнію, это проклятое ружье имѣло очень скверную особенность: его постоянно заряжали, а оно никогда не стрѣляло, — *on le chargeait toujours, il ne partait jamais*: «Il ne partait jamais», — понимаете ехидный намекъ?...

Lou fusiou de mestre Gervai
 Toujou lou cargon, toujou lou cargon.
 Lou fusiou de mestre Gervai
 Toujou lou cargon, part jamaï.

Пѣлось это, конечно, издали, такъ какъ у Тартарена были «двойные мускулы», но, все-таки, пѣлось... а давно ли, кажется... О, непостоянство тарасконскихъ обывателей!

Великій мужъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, ничего

не слышитъ и не понимаетъ. На самомъ же дѣлѣ эта ядовитая шутка огорчала его до глубины души; онъ сознавалъ, что Тарасконъ ускользаетъ изъ его рукъ, и это причиняло ему тяжелыя страданія. Несмотря на страданія и огорченія, Тартаренъ по-прежнему улыбался и продолжалъ вести свою мирную жизнь, какъ ни въ чемъ не бывало. Только изрѣдка онъ не выдерживалъ роли; маска беззаботнаго добродушія спадала съ его лица и, вмѣсто смѣха, на немъ явно видны были негодованіе и печаль.

Такъ, разъ маленькіе савойяры пѣли подъ его окномъ: *Lou fusioi de mestre Gervai*; голоса негодныхъ ребятъ достигли до ушей бѣднаго великаго человѣка, подбривавшаго въ то время бороду. Тартаренъ носилъ бороду, но когда она уже слишкомъ разрасталась, онъ подстригалъ ее и подбривалъ на щекахъ.

Вотъ тутъ-то окно распахнулось, въ немъ появился Тартаренъ въ одной сорочкѣ, съ головою, повязанной платкомъ, съ намыленною бородой, и, потрясая бритвой, крикнулъ громовымъ голосомъ:

— На шпагахъ, господа, на шпагахъ не угодно ли?... Только не на шпилькахъ!...

Прекрасныя слова, достойныя быть занесенными на страницы исторіи; одно лишь жаль, что они были обращены къ маленькимъ карапузикамъ, кое-какъ чистившимъ сапоги прохожимъ и рѣшительно неспособнымъ еще держать въ рукахъ шпаги.

XII.

Разговоръ въ домикѣ съ боабабомъ.

Среди всеобщей измѣны одно только военное сословіе осталось вѣрнымъ Тартарену. Храбрый капитанъ Бравида, отставной начальникъ горнизонной швалъни, продолжалъ относиться къ нему съ прежнимъ уваженіемъ: «Онъ молодчина!» — упорно, не смотря ни на что, повторялъ доблестный воинъ, и уже, конечно, его мнѣніе имѣло неизмѣримо болѣе вѣса, чѣмъ слова какого-нибудь аптекаря Безюке. Во все время капитанъ ни разу не намянулъ на поѣздку въ Африку; но когда говоръ объ этомъ принялъ крайне неприятное направленіе, онъ рѣшился заговорить.

Несчастный Тартаренъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ одинъ, погруженный въ невеселыя думы. Отворилась дверь и вошелъ

капитанъ,—важень, торжественень, застегнуть по уши, въ черныхъ перчаткахъ.

— Тартаренъ,—проговорилъ онъ тономъ, не допускавшимъ возраженія,—Тартаренъ, надо ѣхать!

Онъ стоялъ въ темномъ четырехугольникѣ двери, строгій и непреклонный, какъ долгъ. Капитанъ сказалъ только три слова: «Тартаренъ, надо ѣхать!» — и Тартаренъ понялъ. Онъ поднялся съ кресла, блѣдный, какъ полотно, грустнымъ, иѣжнымъ взоромъ обвелъ свой хорошенькій кабинетъ, уютный, теплый, свѣтлый, свое покойное кресло, полки съ книгами, бѣлыя занавѣски на окнахъ, за которыми такъ привѣтливо шепталась листва его сада, потомъ подошелъ къ капитану, крѣпко пожалъ ему руку и со слезами въ голосъ, хотя и не безъ стоической твердости, проговорилъ:

— Я поѣду, Бравида!

И онъ сдержалъ слово, только... не тотчасъ же. Надо же было приготовить все необходимое для дальняго путешествія и для опасной охоты.

Первымъ дѣломъ онъ заказалъ у Боншара два чемодана изъ толстой кожи съ мѣдными дощечками на крышкахъ, на которыхъ была вырѣзана надпись:

Тартаренъ изъ Тараскона.

Оружіе.

Исполненіе заказа заняло немало времени. Таставену онъ заказалъ великолѣпный альбомъ для записыванія путевыхъ впечатлѣній; охота—охотой, но, вѣдь, нельзя же путешествовать и уже ни о чемъ не думать, кромѣ охоты. Затѣмъ онъ выписалъ изъ Марсели приличный запасъ питательныхъ консервовъ, пемиканъ въ плиткахъ для бульона, палатку—*tente-abri*, новой конструкции, раскладывающуюся и складывающуюся въ одну минуту, охотничьи сапоги, два зонтика, ватеръ-пруфъ, синія очки съ боковыми сѣтками. Кромѣ того, аптекарь Безюке составилъ для него походную аптечку.

Бѣдный, бѣдный Тартаренъ! Все это онъ дѣлалъ и припасалъ не для себя, а единственно ради того, чтобы всякими предосторожностями и самымъ заботливымъ вниманіемъ успокоить Тартарена-Санхо, ни на минуту не перестававшаго злобствовать и бушевать съ тѣхъ поръ, какъ отъѣздъ былъ окончательно рѣшенъ.

XIII.

О т ъ ѣ з д ѣ .

Наконецъ, насталь торжественный, приснопамятный день. Съ разсвѣта весь Тарасконъ былъ на ногахъ, Авиньонская улица и окрестности домика съ боабабомъ были запружены народомъ. Любопытные тѣснились у оконъ, на крышахъ домовъ, влѣзали на деревья. Тутъ были лодочники съ Роны, носильщики, мальчишки, торговцы и рабочіе, дамы мѣстнаго общества, швеи, ткачихи тафты, члены клуба, — словомъ, весь городъ. Да не одинъ только городъ: съ той стороны рѣки пришли жители Бокера, собрались изъ округа огородники, пріѣхали винодѣлы на своихъ сытыхъ мулахъ, разукрашенныхъ лентами; толпы пѣшаго и коннаго народа, шумъ, говоръ, звонъ бубенцовъ, яркіе наряды. Всѣ спѣшили, толкались, тѣснились передъ домою Тартарена посмотришь, какъ милѣйшій г. Тартаренъ поѣдетъ убивать львовъ въ *Туречину* къ *туркѣ*.

Алжиръ, Африка, Греція, Персія, Турція, — все это представляется тарасконцамъ какою-то невѣдомою, баснословною страной и носить одно названіе *Туречины*, гдѣ живетъ *турка* (*Teurs*).

Въ толпѣ съ озабоченнымъ видомъ и гордою осанкой сновали взадъ и впередъ охотники по фуражкамъ, сознававшіе, что и на нихъ отражается нѣкоторый лучъ славы, готовой обвить своимъ ореоломъ голову ихъ предводителя.

Передъ домою стояли двѣ большія телѣги. Въ отворяющуюся отъ времени до времени калитку можно было видѣть нѣсколькихъ челоуѣкъ, важно прохаживавшихся по саду. Носильщики вытаскивали изъ дома чемоданы, ящики, мѣшки и укладывали ихъ на подводы. При появленіи каждаго тюка въ толпѣ пробѣгалъ трепеть, слышались названія выносимыхъ предметовъ: «Это походная палатка... А вотъ консервы... аптека... ящикъ съ оружіемъ... другой...» Охотники по фуражкамъ давали нужныя разъясненія.

Вдругъ около десяти часовъ толпа усиленно заволновалась. Калитка растворилась настезь.

— Самъ, самъ идетъ! — слышались возгласы.

Да, это былъ онъ самъ.

Когда онъ показался на порогъ, двойной крикъ недоумѣнія огласилъ улицу.

— *Турка!*

— Въ очахъ!

Отправляясь въ Алжиръ, Тартаренъ счелъ дѣйствительно нужнымъ облечься въ алжирскій костюмъ. Бѣлая, широкія панталоны пузырями, куртка съ металлическими пуговицами въ обтяжку, необычайной ширины красный поясъ, открытая шея, бритая голова, а на головѣ громадная красная феска съ длиннѣйшею синею кистью. При этомъ по тяжелому штуцеру на каждомъ плечѣ, огромный охотничій ножъ за поясомъ, патронташъ на животѣ поверхъ пояса, сбоку револьверъ въ кожаномъ чехлѣ. Въ такомъ убранствѣ предсталъ онъ передъ изумленною толпой... Виновать, я забылъ очки: невиданной величины синія очки до нѣкоторой степени смягчали черезъ-чуръ свирѣпый видъ нашего героя.

— Да здравствуетъ Тартаренъ!... Vive Tartarin! — вопилъ народъ.

Знаменитый мужъ улыбнулся; раскланяться онъ не могъ, — ружья мѣшали. Въ тому же, онъ зналъ теперь цѣну популярности; быть можетъ, въ глубинѣ души онъ проклиналъ своихъ безжалостныхъ соотечественниковъ, вынуждавшихъ его ѣхать, чортъ знаетъ куда и чортъ знаетъ зачѣмъ, покинуть свой уютный уголокъ, бѣленькій домикъ, любимый садикъ. Только онъ никому и виду не показалъ.

Спокойный и гордый, хотя и блѣдный немного, онъ вышелъ на улицу, осмотрѣлъ подводы, все ли хорошо уложено, и твердымъ шагомъ пошелъ къ желѣзно-дорожной станціи, даже не оглянувшись на домикъ съ боабабомъ. За нимъ шелъ храбрый капитанъ гарнизонной швальни, предсѣдатель суда Ладвезъ, оружейникъ Костекальдъ и всѣ охотники по фуражкамъ; потомъ ѣхали подводы, за ними народъ.

У вокзала его встрѣтилъ начальникъ станціи, старый алжирецъ тридцатаго года, и крѣпко, горячо пожалъ ему руку. Бурьерскій поѣздъ изъ Парижа въ Марсель еще не приходилъ. Тартаренъ съ ближайшими спутниками вошелъ въ вокзалъ. Начальникъ станціи приказалъ запереть двери во избѣжаніе давки на платформѣ.

Минуть пятнадцать Тартаренъ прохаживался по залѣ, окруженный охотниками по фуражкамъ. Онъ говорилъ о своемъ путешествіи, о предстоящей охотѣ, обѣщалъ присылать лъвиныя шкуры. На нихъ записывались, какъ на кадриль царицы бала.

Благодушно спокойный, подобно Сократу въ роковую минуту послѣдняго прощанья съ учениками, смѣлый путешественникъ каждому умѣлъ сказать доброе слово; онъ бесѣдовалъ просто, задушевно, какъ бы желая оставить за собою впечатлѣніе ти-

хой грусти и сожалѣній. У охотниковъ во фуражкахъ выступали слезы на глазахъ; въ душѣ иныхъ, Ладвеза, напримѣръ, и аптекаря Безюке, шевельнулось чувство раскаянія. Кое-кто плакалъ, отвернувшись въ уголь; а съ улицы неслись влики народа:

— Да здравствуетъ Тартаренъ!

Но вотъ прозвонилъ колокольчикъ, глухо прогремѣлъ поѣздъ, раздався свистъ локомотива.

— Кому въ Марсэль, пожалуйста въ вагоны!

— Прощай, Тартаренъ!... Прощайте! Adieu, Tartarin!...

— Прощайте... всѣ прощайте!—проговорилъ великій человекъ, въ лицѣ храбраго капитана Бравиды послѣднимъ лобзаніемъ простился съ милымъ его сердцу Тараскономъ и быстро направился къ вагону, биткомъ набитому парижанами, которые чуть не померли со страху при видѣ этого необыкновеннаго человека, съ головы до ногъ вооруженнаго штуцерами, револьверами и ножами.

XIV.

Марсэль. — Море.

1 декабря 186* года, въ полдень, при яркомъ, веселомъ свѣтѣ зимняго провансальскаго солнца, изумленные марсельцы увидали выходящаго изъ дебаркадера желѣзной дороги *турку*, да такого *турку*, какого никто еще не видывалъ; а ужъ ихъ мало бываетъ въ Марсели! Нужно ли говорить, что пріѣзжіи *турка* былъ никто иной, какъ Тартаренъ, знаменитый Тартаренъ изъ Тараскона? Сопровождаемый своими чемоданами, ящиками съ оружіемъ, аптекой, консервами, онъ направился къ гавани на пристань пароходной компаніи Туашъ, откуда пакетботъ *Зуавъ* долженъ былъ отвезти его за море.

Еще не опомнившійся отъ восторженныхъ проводовъ тарасконецъ, опьяненный блескомъ неба и морскимъ воздухомъ, Тартаренъ, весь сіяющій, прохаживался съ ружьями на плечахъ и не могъ глазъ оторвать отъ чудной гавани Марсели, которую онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Все окружающее казалось ему волшебнымъ сномъ, да и самъ онъ себя представлялъ морякомъ Синбадомъ, зашедшимъ въ одинъ изъ сказочныхъ городовъ *Тысячи одной ночи*. Передъ нимъ тѣснился цѣлый лѣсьмачтъ и рей, развѣвались флаги всѣхъ націй; суда всѣхъ возможныхъ величинъ и формъ толпились у набережныхъ, едва оставляя кое-гдѣ влочки блестящей воды. Вкругомъ крики и го-

воръ на всѣхъ языкахъ міра. Суета, непонятная брань, смѣхъ, цѣлый полкъ таможенныхъ, тысячи носильщиковъ, подводъ и лошадей. А тамъ дальше магазины, лавки, прокопченные бараки, въ которыхъ матросы варили свой обѣдъ, продавцы трубокъ, обезьянъ и попугаевъ, торговцы канатами, паруснымъ полотномъ, всякимъ старьемъ, начиная съ мѣдныхъ пушекъ и огромныхъ золоченыхъ фонарей и кончая ржавыми блоками, ломаными якорями и подозрными трубами временъ Жана Барта и Дюгей-Труэна. Груды всевозможныхъ товаровъ: шелкъ и каменный уголь, яруса бревенъ и свинца въ чушкахъ, шерсть, хлопокъ, сахаръ, сукно, бочки спирта, сахарный тростникъ. На хлѣбной пристани разгружаются, сортируются и развозятся миллионы пудовъ золотистаго зерна. А еще дальше доки съ поваленными на бокъ огромными кораблями, съ которыхъ соскабливаютъ приставшія къ нимъ водоросли; оглушительный стукъ топоровъ и молотовъ, запахъ кипящей смолы...

Иногда между мачтами выдавалась прогалина и глазамъ Тартарена представлялся входъ въ гавань. Онъ видѣлъ, какъ приходили и уходили суда: щеголеватый англійскій фрегатъ направляется въ Мальту подъ командой чопорныхъ офицеровъ въ желтыхъ перчаткахъ; большой марсельскій бригъ тяжело отваливаетъ среди невообразимаго крика и ругательства, на его рубкѣ толстый капитанъ въ сюртукѣ и шелковой шляпѣ отдаетъ команду по-провансальски. Одни корабли быстро на всѣхъ парусахъ убѣгали въ синюю даль моря, другіе тихо и осторожно подходили къ порту, словно вынырнувши изъ этой невѣдомой дали, залитой лучами солнца. И надъ всѣмъ этимъ нескончаемый шумъ и гамъ, грохотъ колесъ, крики матросовъ, пѣсни, свистки париходовъ, бой барабановъ и звуки трубъ, несущіеся съ форта S.-t Jean, съ форта S.-t Nikolas, звонъ на церковныхъ колокольняхъ. Дыханье морскаго вѣтра подхватываетъ всѣ эти звуки, весь шумъ людской суеты, подхватываетъ ихъ, уродуетъ во что-то невообразимое, смѣшиваетъ съ своимъ собственнымъ голосомъ и превращаетъ въ какую-то дикую, грандіозную мелодію, зовущую, манящую въ безпредѣльную даль,—туда, куда она сама несется, въ просторъ широкаго моря, къ чужимъ берегамъ.

Подъ звуки этой дивной мелодіи неустрашимый Тартаренъ изъ Тараскона вступилъ на корабль и отплылъ въ страну львовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М. Р.

Раздумье.

Видѣнья былого, видѣнья свята
Исчезли, какъ въ полдень отъ солнца роса,
Помергли, какъ въ сумерки тучки златыя,—
Такъ мрачны, унылы теперь небеса!

Порою лишь молвіи блескомъ сіянья
На мигъ ихъ окрасятъ и вновь пропадутъ,
Порою—и въ сердцѣ проснутся мечтанья,
Какъ искорки вспыхнуть и тутъ же замрутъ.

Все мусто, все мертво... Вездѣ одиноко,
Во всемъ сиротливо... всегда—тяжело...
А гдѣ-то тамъ въ прошломъ... далеко, далеко,
Иныя картинки... какъ будто на зло,

Какъ будто затѣмъ, чтобы свѣтлою краской
На сумрачномъ фонѣ сильнѣй поразить,
Завлечь, какъ ребенка, волшебною сказкой
Съ жестокимъ условьемъ: конца не просить.

Видѣнья былого, видѣнья свята,
Куда вы, какъ тѣнь промелькнувъ надъ душой,
Куда унесли вы мечты молодыя
Съ ихъ страстью, съ ихъ вѣрой, съ ихъ грѣзой живой,

Съ ихъ силой, съ ихъ мукой томительно-сладкой,
Съ ихъ чудною пѣснью, манящею вдаль,
Съ слезинкой восторга, пролитой украдкой,
Съ порывомъ безстрашнымъ, гдѣ жизни не жаль,

Съ размахомъ широкимъ?!... Видѣнья свята
Исчезли, какъ въ полдень отъ солнца роса,
Помергли, какъ въ сумерки тучки златыя,—
Такъ жутко-унылы теперь небеса!

Л. Н—ая.

СТАРЫЯ ПИСЬМА.

(Vermächtniss).

Романъ Эрнста Экштгейна.

ГЛАВА I.

Рано утромъ по пустынной главной улицѣ, раздѣляющей мѣстечко Хальдорфъ на двѣ неравныя части, быстро подвигался высокій, худой мужчина, лѣтъ тридцати, съ узкимъ блѣднымъ лицомъ, въ потертомъ цилиндрѣ и смѣшномъ старомодномъ фракѣ. Сельскій учитель Карлъ Теодоръ Гейнціусъ получилъ этотъ праздничный нарядъ въ наслѣдство отъ дяди, бывшего чуть не на четверть выше и почти вдвое толще его. Гейнціусъ, изъ экономіи и пренебреженія къ внѣшней сторонѣ жизни, удовольствовался тѣмъ, что собственноручно пересадилъ на нѣскольکو дюймовъ дальше пуговицы наслѣдственнаго фрака и обрѣзалъ слишкомъ длинныя фалдочки. Въ такомъ видѣ онъ носилъ этотъ костюмъ уже седьмой годъ, и не только въ праздники и торжественные случаи, но и дома, и на службѣ. Было начало сентября — каникулы Гейнціуса, но, несмотря на это, онъ шелъ еще быстрѣе, чѣмъ въ учебное время. Палка и дорожная сумка съ надписью «*bon voyage*» указывали на то, что онъ собрался въ дальній путь. Минуть черезъ пять онъ остановился у одного изъ послѣднихъ домовъ Хальдорфа и постучалъ въ полуоткрытое окно нижняго этажа.

— Здравствуй! — весело крикнулъ онъ въ окно. — Готовъ ты, Отто?

— Здравствуйте, г. Гейнціусъ! — отвѣтилъ женскій голосъ. — Не угодно ли вамъ войти на минутку? Я еще улаживаю, а г. Вельнеръ только что сѣлъ за завтракъ.

Съ этими словами г-жа Урсула Захаріасъ, вдова писаря,

приблизилась къ окошку, между тѣмъ какъ Отто Вельнеръ, полтора года живущій у нея на квартирѣ, крикнулъ изъ-за стола:

— Войди, Гейнціусъ! У насъ еще много времени.

— Твоя правда! — отвѣтилъ учитель, переступая черезъ порогъ.

— Сядь, Теодоръ! — сказалъ юноша лѣтъ двадцати четырехъ съ недовольнымъ выраженіемъ лица. — Кто знаетъ, сколько лѣтъ пройдетъ, прежде чѣмъ прихотливая судьба опять столкнетъ насъ вмѣстѣ.

— Ну, вѣдь, не въ Америку ты ѣдешь, — возразилъ учитель. — Семь миль; развѣ это далеко, въ особенности, когда пройдетъ дорога? Правда, какъ-никакъ, путешествіе стѣбитъ денегъ, и если ты...

— Опять то же! Знаешь ли, Гейнціусъ, меня иногда выводить изъ себя твоя неразсчетливость. Конечно, школьный учитель не Крезъ, но если бы ты не тратилъ каждый грошъ на книги и инструменты и, кромѣ того, драгоценное время, которое силъ мнѣ бы употребить съ гораздо бѣльшею выгодой, не приноты могъ въ жертву, именно въ жертву...

— Да, совершенная правда, г. Гейнціусъ, — вмѣшалась въ разговоръ объемистая вдова, поднося ему чашку кофе. — Еще покойный папаша нашего г. Отто нерѣдко выходилъ изъ себя, что вы... что...

— Ну, что такое? — прервалъ Гейнціусъ. — Развѣ преступленіе, что я передавалъ этому молодцу частичку того, что могъ дать безъ ущерба себѣ? Вѣдь, ученье — мое дѣло, такъ сказать...

— Конечно. Но напрасно покойникъ... самъ г. Отто...

— Совершенно будто слышу его покойнаго отца! — сказалъ Гейнціусъ. — Знаете что, г-жа писарша? Заботьтесь больше о вашемъ кофе, между прочимъ, очень вкусномъ, и избавьте меня отъ вашихъ наставленій! Развѣ Отто навязался мнѣ? Или, можетъ быть, я заставилъ его? Это было мнѣ удовольствіемъ, добрѣйшая г-жа Захаріасъ, особеннымъ наслажденіемъ, *deliciae meae*, а за это честный человѣкъ не беретъ платы.

— Удивительная теорія! — сказалъ Отто. — Но при твоёмъ упрямствѣ...

— И ты тоже начинаешь? — проворчалъ Гейнціусъ.

Отто похлопалъ его по плечу.

— О благодарности ты не хочешь слышать, — началъ онъ, улыбаясь, — такъ попробую о неблагодарности. Кто это сказалъ,

что ты оказалъ мнѣ услугу? Не правда ли, тебя поражаетъ это? Но я объясню тебѣ. Безъ полученнаго мною отъ тебя образованія я остался бы, вѣроятно, тѣмъ, чѣмъ я былъ: твоимъ школьнымъ коллегой, простымъ семинаристомъ, не думающимъ ни о чемъ высшемъ, съ благоговѣніемъ смотрящимъ на своего почтеннаго, хотя и ограниченнаго начальника. Но ты вбилъ мнѣ въ голову различный вздоръ... Сначала сумасбродную мысль, что у меня талантъ къ живописи, потому только, что я немного даровитѣе дюжины другихъ. Три года я вѣрилъ въ это, пока не наступило разочарованіе. Оно горько было, милый Гейнціусъ. А теперь твой дарвинизмъ унесъ меня за облака и надѣлалъ мнѣ столько хлопотъ. Какъ только въ Гернсхеймѣ узнали, чье я духовное дитя, то сейчасъ же прислали отказъ въ давно ожидаемомъ назначеніи, и теперь съ жалкими остатками моихъ капиталовъ я иду на встрѣчу неизвѣстному...

— Ты хитрецъ!—сказалъ Гейнціусъ.—Блянусь Богомъ, я принялъ бы это къ сердцу, если бы не зналъ, что раньше ты говорилъ другое! Можетъ быть, ты былъ бы теперь школьнымъ учителемъ. Но что выигралъ бы ты? Я уже не говорю о несчастномъ жалованьи, хотя и это надо принять во вниманіе. Для меня оно, конечно, вполне достаточно, но ты, милый Отто, созданъ изъ другаго тѣста. И, кромѣ того, что дѣлать орлу въ воробьиныхъ гнѣздахъ? Тебѣ надо вонъ отсюда, хоть въ неизвѣстность, но вонъ!

— Да, ты правъ,—отвѣчалъ Отто.—Я не гоюсь для этой жалкой обыденной жизни: Меня неудержимо влечетъ отсюда. Только изъ любви къ отцу и тебѣ выносилъ я тяжесть этого безотраднаго существованія; но теперь я не въ силахъ больше. Я ушелъ бы, Гейнціусъ, даже если бы меня не вынуждали обстоятельства. Я хочу завоевать себѣ мѣсто въ обществѣ, найти отраду этому неудовлетворенному сердцу, забвеніе всѣхъ испытанныхъ несчастій, новую, дѣйствительную жизнь, духовное возращеніе, объясненіе, безуміе...называй это какъ хочешь...

— Это такъ, минуты!—отвѣтилъ учитель.—Я лучше знаю тебя. Наука и, можетъ быть, искусство, съ такимъ безуміемъ брошенная тобою, въ концѣ-концовъ, одержутъ побѣду надъ бурною молодостью. Ты не изъ увлекающихся суетностью жизни, ты вѣчно будешь думать о томъ, что ожидаетъ насъ дѣйствительное счастье и истинная радость не въ внѣшнемъ и чужомъ, а въ насъ самихъ.

Онъ быстро всталъ, надѣлъ на голову свой вытертый цилиндръ, взялъ изъ угла палку съ желѣзнымъ наконечникомъ и съ рѣшительнымъ видомъ остановился передъ Отто, ожидая, пока хозяинъ надѣнетъ своему уѣзжающему квартиранту сумку черезъ плечо.

— Готово,—сказалъ Отто, надѣвая свою соломенную шляпу.

— И такъ, идемъ въ страну, гдѣ течетъ молоко и медь!— воскликнулъ Барль Гейнціусъ, стараясь казаться веселымъ.

Но, несмотря на это, видно было, что ему тяжело. Съ переселеніемъ Отто въ резиденцію Гейнціусъ терялъ самого дорогаго друга. Между учителемъ и ученикомъ мало-по-малу установились отношенія, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ скрѣпившіяся въ настоящую дружбу.

Друзья подъ руку направились къ каменнымъ воротамъ. Школьный учитель рассчитывалъ проводить своего друга до Гернсхейма, ближайшаго уѣзднаго города. Первые пять минутъ они шли молча; каждому надо было справиться съ самимъ собой, такъ какъ оба сознавали значеніе этой минуты.

— Прелестный день,—сказалъ, наконецъ, школьный учитель, пересиливая свое горе.—Небо такъ чисто, а лѣсъ такъ величественъ и цвѣтущъ, какъ будто не осень.

Онъ откинулъ немного назадъ голову и глубоко вдыхалъ свѣжій воздухъ. Впалыя щеки зарумянились, глаза расширились и заблестѣли.

— Я завидую тебѣ,—сказалъ Отто.

— Чему?

— Твоей способности чувствовать себя всегда счастливымъ, твоимъ радужнымъ мечтамъ.

— Какъ будто самъ ты не восхищаешься всѣмъ окружающимъ? Самъ не мечтаешь?

— Конечно, но я мечтаю иначе. Я смотрю на свѣтъ, какъ человекъ, восторгающійся великолѣпною картиной. Ты же воображаешь себя княземъ, любующимся своимъ неизмѣримымъ государствомъ и говорящимъ себѣ: эти сокровища мои!

Болтая такимъ образомъ, они незамѣтно подвигались по дорогѣ, идущей круто въ гору; послѣ часоваго подъема Барль Гейнціусъ приостановился; онъ задыхался отъ быстрой ходьбы и разговоровъ. Проведя рукой по лбу, онъ сказалъ:

— Мы страшно спѣшимъ. Сядемъ на минутку около моста.

Шаговъ на тридцать выше дорога шла черезъ полувывсохшій ручей. Товарищи сѣли на каменные перила моста.

— Слава Богу!—прошепталъ Гейнціусъ.

Отто Вельнеръ взглянулъ на него.

— Прежде ты легко взбирался на горы,—сказалъ онъ, снимая свою сумку.—Но, не шутя, ты страшно поблѣднѣлъ! Вотъ попробуй этого.

Онъ открылъ сумку и подалъ утомленному другу обтянутую соломенною сѣткой бутылку.

— Чудесно!—сказалъ Барль Гейнціусъ, выпивъ и отдавая ему бутылку.—Совсѣмъ не понимаю, отчего это со мной сдѣлалось...

Отто хотѣлъ поставить бутылку на прежнее мѣсто, но практичная хозяйка заняла всякій уголокъ какимъ-нибудь необходимымъ предметомъ, такъ что сдѣлать это было довольно трудно. Учитель, желая помочь, только испортилъ все дѣло. Ничего больше не оставалось, какъ вынуть все изъ сумки и уложить снова.

Гейнціусъ съ нескрываемымъ интересомъ слѣдилъ за этою трудною процедурой, удивляясь различнымъ предметамъ роскоши, на его философскій взглядъ, и лишь крайне необходимаго, на взглядъ всѣхъ остальныхъ.

— Ну, а это что еще такое?—спросилъ онъ, указывая на большой свертокъ въ желтой бумагѣ.

— Это?—отвѣчалъ Отто.—Такъ, всякая всячина...

— Хорошій отвѣтъ, нечего сказать! Но послушай, что же у тебя тутъ такое? Ты смущаешься, какъ дѣвочка, пойманная отцомъ за чтеніемъ тайкомъ полученнаго письма.

— Ты думаешь?

— Убѣжденъ! Я не хочу думать, чтобы ты такъ, ни слова не говоря... Знаешь, Отто, меня бы это страшно оскорбило. Отъ меня у тебя не должно было бы быть тайнъ.

Отто взглянулъ на него; некрасивое, худое лицо учителя дышало добротой и любовью, его глаза смотрѣли на него съ трогательною нѣжностью.

Да, своему вѣрному другу Барлу Теодору Гейнціусу онъ можетъ довѣрить то, что до сихъ поръ скрывалъ, какъ магическое слово, которое, произнесенное раньше времени, приноситъ смерть. Гейнціусъ поможетъ ему разрѣшить загадку.

— Прости меня, — торжественно началъ онъ, развязывая свертокъ, — если я только теперь открываю тебѣ это. Все время я скрывалъ, потому что отецъ постоянно предостерегалъ меня отъ откровенности. Но тебѣ, вѣрнѣйшему другу моей юности, давно бы слѣдовало знать это. Твоей проницательности, можетъ быть, удастся разгадать то непонятное, таинственное... Даже если это будетъ пустая догадка, и тогда я буду благодаренъ.

Онъ развернулъ свертокъ и въ немъ оказался большой пакетъ съ пятью печатами.

— Видишь ли ты, — сказалъ молодой человѣкъ, — въ этомъ большомъ желтомъ пакетѣ разрѣшеніе загадки, изъ-за которой много мучился и ломалъ себѣ голову.

— Ломалъ себѣ голову? Почему же не печати?

— Этого-то я и не могу! Вотъ посмотри, моею собственною рукою написано на конвертѣ. Прочти; это избавитъ меня отъ дальнѣйшихъ разсказовъ.

Гейнціусъ въ величайшемъ изумленіи взялъ пакетъ съ слѣдующею надписью:

«Когда мой отецъ Готфридъ Георгъ Францъ Вельнеръ, переплетчикъ въ Хальдорфѣ, передалъ мнѣ этотъ пакетъ и поклялся мнѣ Богомъ и честью, что въ немъ заключаются только письма, а не деньги или цѣнныя бумаги, я, Отто Вельнеръ, сынъ его, поклялся моему отцу бережно сохранить его и распечатать только тогда, когда, несмотря на всѣ старанія, буду находиться въ нуждѣ или, кромѣ того, почувствую себя несчастнымъ въ избранной мною дѣятельности; въ послѣднемъ случаѣ, все-таки, не ранѣе двадцати-шестилѣтняго возраста; исключая этихъ двухъ случаевъ, печати этого пакета останутся нетронутыми. Нарушеніе моего торжественнаго обѣщанія будетъ не только клятвенно-преступленіемъ, но поруганіемъ и оскверненіемъ памяти моего отца. Я пишу это собственноручно и въ полномъ сознаніи святости моего ненаружимаго обѣщанія.

«Отто Вельнеръ».

Гейнціусъ прочелъ и, покачивая головой, возвратилъ другу таинственное завѣщаніе.

— Удивительно! — сказалъ онъ, немного взволнованный. — Такъ это-то не давало тебѣ покоя цѣлыми недѣлями?

— Это, и то, какъ отецъ мнѣ его передалъ. Никогда въ жизни я не забуду этого. Ты знаешь, вѣдь, онъ долго былъ болѣнъ, но я никакъ не предполагалъ, что конецъ такъ близокъ.

Когда я въ тотъ день вошелъ въ его комнату, когда онъ тихонько подозвалъ меня къ себѣ и горячо обнялъ, будто навѣки разставаясь со мной, тогда я понялъ только. Онъ самъ заговорилъ о близости смерти спокойно, равнодушно, какъ человѣкъ, давно примирившійся съ этимъ. Я готовъ былъ броситься передъ нимъ на колѣна, плакать и рыдать. Но я ослабѣлъ и духомъ, и тѣломъ. И среди этихъ страшныхъ мученій его торжественныя, загадочныя слова!... Впечатлѣніе осталось неизгладимое.

Отто Вельнеръ спряталъ таинственный пакетъ. Воспоминанія сильно взволновали его. Образъ человѣка, горячо любившаго его, совершенно ясно представился ему и пробудилъ страданія, заглушаемыя на время, но никогда не проходящія. О, какимъ нескончаемымъ горемъ наполняла его мысль о спокойной, разсудительной жизни отца! Они называли его чудачкомъ, эти глупые люди, не понимавшіе, что скрывалось за завѣсой его странностей; но Отто сознавалъ теперь лучше, чѣмъ тогда, насколько покойный превосходилъ этихъ людей, насмѣхавшихся надъ нимъ. Онъ чувствовалъ что-то вродѣ зависти, удивляясь покойному, принимавшему всѣ испытанія какъ божеское посланіе, не чувствовавшему желанія къ далекому и недосягаемому, обладающему спасительнымъ средствомъ отъ всѣхъ душевныхъ ранъ: терпѣніемъ и самоотверженіемъ.

Школьный учитель задумчиво сидѣлъ на перилахъ моста и чертилъ концомъ палки различныя фигуры на пыльномъ шоссе. Наконецъ, онъ вскочилъ.

— Знаешь что? — воскликнулъ онъ, хлопнувъ товарища по плечу. — Какъ ты теперь письмо спряталъ въ сумку, такъ же долженъ ты и серьезныя размышленія отложить *ad acta*. Дома я посмотрю, не придумаю ли чего. Теперь же давай наслаждаться путешествіемъ по роскошной долинѣ.

Медленно чѣмъ прежде отправились они въ путь. При входѣ ихъ въ Гернсхеймъ на колокольнѣ церкви св. Софіи пробило половина перваго.

Глава II.

Отто Вельнеръ и Карлъ Теодоръ Гейнциусъ заняли скромное помѣщеніе недалеко отъ базарной площади, въ гостиницѣ *Золотой Якорь*, худшей изъ семи гостиницъ Гернсхейма. Приведя немного въ порядокъ туалетъ, они спустились въ столовую,

куда высокая блондинка только что внесла супъ. Десять или двѣнадцать человекъ уже сидѣли за столомъ: мелкіе торговцы, поселяне въ старыхъ кафтанахъ, студентъ въ высокихъ сапогахъ и другія личности, званіе которыхъ трудно было опредѣлить. Гейнціусъ, не имѣя средствъ заплатить 15 пфенниговъ за обѣдъ, хотѣлъ отправиться къ теткѣ, содержательницѣ почтовыхъ лошадей. Но Отто пригласилъ его обѣдать, на что тотъ охотно согласился. Когда они вошли, Гейнціусъ сначала позабылъ было снять съ головы цилиндръ; молчаливые гости взглянули на нихъ, и нѣкоторые, между прочимъ, маленькій коренастый мужчина, широко разложившій на столѣ локти, при видѣ торжественнаго фрака и важнаго вида его владѣльца едва удержались, чтобы не расхохотаться.

Маленькій мужчина покрутилъ свои рыжіе усы, подтолкнулъ колѣнкой своего сосѣда, худоцаваго прикащика, и, кашлянувъ, подмигнувъ своими узенькими блестящими глазами.

Отто почувствовалъ, какъ кровь бросилась ему въ лицо. Онъ вовсе не былъ слѣпъ къ странностямъ своего друга, но онъ инстинктивно не могъ допустить, чтобы другіе находили хоть что-нибудь комичное въ человекѣ имъ уважаемомъ и любимомъ. Онъ повернулъ голову и недовольнымъ взглядомъ смѣрилъ нахала, такъ что тотъ немного смутился, какъ мальчикъ, захваченный за шалость. Но потомъ и человекъ съ рыжими усами принялъ угрожающую позу; онъ дерзко откинулся назадъ, пожалъ плечами, пробормоталъ какія-то слова, изъ которыхъ Отто разобралъ только «еще давно не...», и подъ конецъ громко плюнулъ подъ столъ.

Такъ какъ дѣло ограничилось этимъ, въ особенности же, такъ какъ веселье остальныхъ прошло, то Отто рѣшилъ не обращать больше вниманія. Гейнціусъ, ничего этого не замѣтившій, съѣлъ съ удивительнымъ аппетитомъ плохой бульонъ; потомъ, скрестивъ на груди руки, углубился въ созерцаніе дѣвушки, собиравшей пустыя тарелки.

На самомъ дѣлѣ, эта кельнерша, называемая гостями Мартой, была удивительно хороша. Высокая, стройная, съ нѣжнымъ овальнымъ лицомъ, окаймленнымъ волнами роскошныхъ бѣлокурыхъ волосъ, она своими манерами и спокойною сдержанностью совершенно не подходила къ обществу этой гостиницы. Казалось, что она сама это чувствуетъ. Подъ ея длинными рѣсницами ле-

жало спокойное выраженіе покорности и она серьезно, безшумно исполняла свою обязанность.

Учитель съ восторгомъ слѣдилъ глазами за граціозными движеніями, спокойствіемъ и скромностью бѣлокурой Марты. Его широкій ротъ расплылся въ блаженную улыбку, глаза засверкали.

— Гейнціусъ! — прошепталъ Отто, замѣтивъ, что художественный восторгъ его товарища возбудилъ всеобщее вниманіе.

Въ это время коренастый нахаль обратился къ своему сосѣду.

— Вы, Артуръ, что думаете? Я только теперь замѣтилъ, что воронье пугало, вонъ въ старомъ цилиндрѣ, дѣлаетъ прекрасной Мартѣ влюбленные знаки.

Онъ указалъ черезъ столъ въ садъ, гдѣ среди грядокъ стояло чучело въ старой шляпѣ, съ которой цилиндръ учителя могъ бы посоперничать въ элегантности. Въ отвѣтъ на эту шутку раздался громкій хохотъ.

Добрый Гейнціусъ, не догадываясь, въ чемъ дѣло, смотрѣлъ то на чучело, то на своего молодого друга, нѣсколько разъ быстро измѣнившагося въ лицѣ. Отто дрожащею рукой налилъ въ стаканъ воды, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и сказалъ шутнику:

— Вы, кажется, черезъ-чуръ веселы, но ваше веселье раздражаетъ мнѣ нервы. Подождите, когда кончится обѣдъ!

— Ого!—вскричалъ тотъ.—Здѣсь всѣ равноправны!

— Это еще лучше!—замѣтилъ ремесленникъ.

— Пожалуй, чего добраго, смѣяться запретить! — сказалъ третій, положивъ на столъ свой увѣсистый кулакъ.

Гейнціусъ, зная горячій характеръ друга, въ отчаяніи толкалъ его подъ столомъ ногой и напрасно упрашивая успокоиться. Наконецъ, юноша, овладѣвъ собой, отвѣтилъ вѣжливо:

— Надѣюсь, что я понятъ. Смѣйтесь сколько угодно, но не забывайте приличій.

Спокойный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, энергичный тонъ произвелъ должное впечатлѣніе. Нахаль пробормоталъ что-то непонятное въ бороду и шутки прекратились. Послѣ обѣда Отто съ учителемъ хотѣли удалиться въ свою комнату, но на лѣстницѣ ихъ остановилъ хозяинъ гостиницы, сильно извиняясь за непріятность съ чучелой.

— Всюду заводитъ ссоры этотъ Пельцеръ, — говорилъ онъ раздражительно.—Я бы давно безъ разговоровъ выгналъ его изъ дому, но съ этимъ парнемъ неудобно ссориться. Онъ въ своей мести ни передъ чѣмъ не остановится.

— Такъ Пельцеромъ зовуть этого ужаснаго человѣка?— спросилъ школьный учитель.

— Пельцеръ, Эфраимъ Пельцеръ, — повторилъ хозяинъ. — Онъ работаетъ на табачной фабрикѣ Хессельта и К°, очень способный и ловкій парень; зарабатываетъ хорошія деньги; я не знаю, какое теперь мѣсто онъ занимаетъ, но, вѣроятно, выше простаго рабочаго... Но онъ не можетъ уговориться: дерзокъ необыкновенно и воображаетъ о себѣ... ну, лучше замолчу!

— Воображаетъ о себѣ, — спросилъ учитель, — но почему же?

— Онъ играетъ роль въ своей партіи, кое-чему учился, три года прожилъ у адвоката, и пишетъ теперь такъ хорошо и складно, какъ учитель, и еще научился разнымъ тонкостямъ. То тому, то другому, не желающему платить, напишетъ онъ жалобу и т. д. И такъ, господа, вы не въ претензіи за...

Отто успокоилъ его и поднялся съ Гейнціусомъ по лѣстницѣ. Придя наверхъ, онъ распахнулъ окно и бросился на кровать, между тѣмъ какъ Гейнціусъ усѣлся на единственный стулъ.

— Послушай, — началъ Отто послѣ минутнаго молчанія. — Вѣдь, дѣло дѣйствительно могло плохо кончиться. И чего ты въ такомъ экстазѣ смотрѣлъ на эту молчаливую кельнершу? Ученый тридцати четырехъ лѣтъ и такіе глаза!

Учитель закусилъ себѣ нижнюю губу.

— Ты правъ, — сказалъ онъ тихо, — это было неосторожно. Я знаю, какъ непросвѣщенное человѣчество легко объясняетъ подобное настроеніе.

— Неужели тебѣ дѣйствительно такъ необыкновенно понравилась эта дѣвушка?

— Необыкновенно! Затылокъ и щеки Венеры! А эти обворожительные волосы! Также волнисты, какъ у Юноны Лувовизи.

Отто Вельнеръ поднялъ немного голову.

— Гейнціусъ, — вскричалъ онъ, — клянусь Богомъ, ты способенъ влюбиться!

— Я? Да что же ты думаешь? Знаешь ли ты, прежде всего, что значитъ быть влюбленнымъ въ дѣвушку?

— Ну, — засмѣялся Отто, — это опредѣленіе не входило въ курсъ нашихъ занятій, но я, все-таки, думаю...

— Ничего ты не знаешь... — прервалъ его Гейнціусъ. — Быть влюбленнымъ въ дѣвушку значитъ каждою фиброй души желать

обладать ею, цѣловать ее, жениться на ней. Неужели ты думаешь, что я, Карль Теодоръ Гейнціусъ... Вѣдь, это же смѣшно!

Настала пауза, Гейнціусъ придвинулъ свой стулъ къ огню, а утомленный Отто задремалъ. Черезъ полчаса его разбудилъ конскій топотъ. Онъ вскочилъ и посмотрѣлъ на часы. Карль Гейнціусъ, перешедшій тоже на постель, повидимому, спокойно спалъ. Отто осторожно, боясь разбудить друга, подошелъ къ окну. На дворѣ онъ увидѣлъ изящно одѣтаго господина; онъ легко соскочилъ съ сѣдла, потрепалъ лошадь по шеѣ и отдалъ какое-то приказаніе подбѣжавшему слугѣ; потомъ снялъ шляпу, отеръ носовымъ платкомъ лобъ и, отряхивая хлыстомъ пылъ съ высокихъ ботфортовъ, вошелъ въ гостиницу. Отто съ интересомъ смотрѣлъ на этого юношу приблизительно лѣтъ двадцати пяти. Все въ немъ указывало, что онъ богатъ, знатенъ и высокаго происхожденія. Зачѣмъ явился онъ въ эту трущобу, гдѣ безобразничаютъ приващикъ Артуръ и отвратительный Пельцеръ? Немного погодя, открылъ глаза и Карль Гейнціусъ.

— Удивительный сонъ! — сказалъ онъ, вскакивая. — Я видѣлъ тебя верхомъ на конѣ, поднимающимся по *Via Sacra*. Ты былъ въ одеждѣ триумфатора, а женщины и дѣвушки бросали тебѣ лавровые вѣнки. Ну, *habeant sibi*. Навздъ къ дѣйствительности! Я думаю, что прогулка по улицамъ Гернсхейма сократила бы немного время до ужина.

— Если хочешь, — отвѣчалъ Отто.

Они спустились въ нижній этажъ.

— Налѣво, другъ мой! — остановилъ Гейнціусъ, когда Отто повернулъ направо.

Но тотъ былъ убѣжденъ, что выходная лѣстница направо, и ошибся; дверь, къ которой они пришли, вела въ садъ.

— Я былъ правъ! — сказалъ учитель. — Да, я всегда былъ силенъ въ топографіи. Впрочемъ, такъ какъ мы уже здѣсь... вѣдь, городъ не уйдетъ отъ насъ. Я люблю эти огороды, плодовые деревья и крыжовники; они напоминаютъ мнѣ дѣтство...

Они направились по главной дорожкѣ: Теплые лучи сентябрьскаго солнца падали на гряды бобовъ, капусты, картофеля; по сторонамъ дорожки цвѣли розы и астры; въ зелени яблонь и вишенъ таились спѣлые плоды, только жужжаніе пчелъ и разнообразное стрекотаніе кузнечиковъ нарушали тишину. Широкая тропинка пересѣкала дорогу далѣе и друзья повернули по ней по направленію къ бесѣдкѣ, обвитой дикимъ виноградомъ.

Вдругъ Гейнціусъ схватилъ своего товарища за руку. Направо отъ бесѣдки, на скамейкѣхъ подъ тѣнью высокаго дерева, сидѣла блѣлая Марта, нагнувшись надъ стоящимъ на ея колѣнахъ рѣшетомъ съ бобами. А передъ ней, облокотившись на столбъ изгороди, стоялъ молодой человѣкъ, возбуждѣнный своимъ прѣздомъ подозрѣніе Отто Вельнера. Товарищи приблизились, не слышно ступая по мягкой травѣ.

— Великолѣпно!—прошепталъ Отто.—Этого я могъ ожидать.

Марта все ниже и ниже наклоняла голову; лицо ея покрылось густымъ румянцемъ. Незнакомецъ, вѣроятно, что-то горячо говорилъ ей, на это указывали его быстрые жесты, но потому онъ измѣнилъ тонъ. Облокотившись рукой на столбъ, онъ граціозно заложилъ правую ногу за лѣвую и началъ кокетливо играть хлыстикомъ. Нельзя было ошибиться: этотъ кавалеръ ухаживалъ за блѣлокурою Мартой такъ же утонченно, какъ въ роскошномъ салонѣ за дочерью миллионеровъ-банкировъ или аристократовъ. Для усиленія какой-то любезной фразы онъ громко ударилъ хлыстикомъ по элегантному сапогу, такъ что блѣлая Марта въ первый разъ подняла глаза и вдругъ замѣтила учителя и его товарища. Яркій румянецъ вспыхнулъ на ея задумчивомъ личикѣ, едва слышное «ахъ» слетѣло съ губъ, ножъ упалъ на полъ и такъ какъ она въ смущеніи нагнулась, то туда же послѣдовало и рѣшето съ нарѣзанными бобами. Незнакомый господинъ оглядѣлся кругомъ и густыя брови его недовольно сдвинулись; ему, очевидно, помѣшали совсѣмъ не въ-время; онъ нервно крутилъ лѣвою рукой кончики своихъ черныхъ усовъ и въ лицѣ его было что-то вызывающее. Да, если бы Карлъ Гейнціусъ былъ одинъ, то этотъ кавалеръ, пожалуй, рискнулъ бы разыграть эффектную сценку, но теперь онъ рѣшилъ умѣрить тонъ. Онъ направился къ Отто и учителю и, приподнявъ немножко шляпу, полуиронично спросилъ, кого они здѣсь ищутъ.

У Отто Вельнера при приближеніи этого юноши было странное чувство; весь его видъ, безукоризненный костюмъ, изящныя манеры, грація и увѣренная походка внушали ему уваженіе. Стараясь подражать молодому человѣку, онъ также приподнял шляпу и спросилъ первое, что ему пришло въ голову.

— Могу я узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Мое имя Хельвальдъ, Бенно Хельвальдъ, — отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Мое имя Вельнеръ, Отто Вельнеръ.

Карлъ Теодоръ Гейнціусъ также приблизился, снялъ съ головы свой цилиндръ и очень вѣжливо назвалъ свое имя. Удивленный необыкновенною вѣжливостью учителя, Хельвальдъ повторилъ свой первоначальный вопросъ.

— Можетъ быть,—прибавилъ онъ съ ироніей,—я могу избавить васъ отъ дальнѣйшаго блужданія.

Сдержанный тонъ этого замѣчанія еще болѣе раздражилъ Отто.

— Вы очень добры,—отвѣтилъ онъ въ тонъ,—именно это блужданіе и было нашею цѣлью.

Хельвальдъ пограснѣлъ.

— Сдѣлайте одолженіе!—продолжалъ онъ рѣзко.—Мнѣ, конечно, и въ голову не приходило мѣшать вашей прогулкѣ. Я могу только высказать желаніе, чтобы на будущее время вы менѣе незамѣтно выходили изъ-за кустовъ. Молодая дѣвушка сильно испугалась, и дѣйствительно это очень неприятно, когда такъ внезапно...

— Я васъ не понимаю,—рѣзко перебилъ его Отто, такъ какъ Хельвальдъ принялъ тонъ наставника, читающаго нотацию воспитаннику.—Насколько выяснилось изъ вашихъ словъ, вы огорчены тѣмъ, что помѣшали вашей бесѣдѣ. Это ваше дѣло и негодуйте на случай, приведшій насъ сюда. Если же вы хотите выместить на мнѣ ваше раздраженіе, то я предупреждаю васъ, что для подобной роли я не гожусь.

Хельвальдъ замахнулся хлыстомъ. Но Отто смотрѣлъ ему въ лицо съ такимъ презрѣніемъ, стоялъ такъ спокойно и увѣренно, что Бенно Хельвальдъ счелъ за лучшее замаскировать свое движеніе нѣсколькими беззаботными взмахами и, пожавъ плечами, повернуть спину молодому человѣку. Карлъ Теодоръ Гейнціусъ полуумоляюще, полуприказывающе пробормоталъ «*eat-shus*», и такъ какъ Отто колебался, схватилъ его подъ руку.

— *Comprece undas!* Успокой свой гнѣвъ, — говорилъ онъ, таща за собой Отто.—Ты хорошо его отдѣлалъ.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—отвѣтилъ Отто.— Моя повѣдка за границу не особенно удачно началась! Сначала тотъ нахалъ за столомъ, теперь этотъ франтъ... Пойдемъ домой!

Они вернулись къ дому. На крыльцѣ, на самомъ припекѣ, сидѣлъ слуга, отводившій въ конюшню лошадь Бенно Хельвальда, и уплеталъ бутербродъ; около него стояла кружка пива.

— Правится?—спросилъ Гейнціусъ.

— Спасибо,—отвѣчалъ слуга.— Должно нравиться.

— Какъ такъ «должно нравиться»?

— Ну, такъ говорятъ. Я научился этому отъ г. Пельцера.

— Я васъ не понимаю.

— Ну, вѣдь, вы знаете... да нѣтъ, вы иностранецъ, Пельцеръ — глава социаль-демократовъ, и съ тѣхъ поръ какъ г. Мейнертъ говорилъ здѣсь въ первый разъ, я принадлежу къ той же партіи.

— Мейнертъ?—спросилъ Отто.—Извѣстный социаль-демократическій ораторъ?

— Я думаю, потому что г. Пельцеръ говоритъ всегда: великій Мейнертъ. Вы бы послушали, какъ онъ объясняетъ, что въ этомъ жалкомъ свѣтѣ не было бы нужды и все было бы иначе, если бы онъ могъ сдѣлать по своему... Видите ли, въ этомъ домѣ мнѣ хорошо и пиво лучшее на двадцать миль, но, послушавши Мейнерта, я такъ разсуждаю: Яковъ, говорю я, какъ можешь ты выносить такое жалкое существованіе? Развѣ это достойно человѣка? «Достойно человѣка»—это любимыя слова Мейнерта. Недавно чищу я сапоги и говорю: Яковъ, вѣдь, это не достойно человѣка! Убираю конюшню и бормочу: этого тоже не будетъ! Вонъ Мейнертъ говоритъ, что я совершенно потеряю человѣческое достоинство... Теперь, чтобы не забыть, что я принадлежу къ партіи, я и повторяю эти слова.

Гейнціусъ и Отто до сихъ поръ мало занимались изученіемъ социальнаго вопроса, такъ сильно волнующаго наше время. Въ Хальдорфѣ, гдѣ не было никакой значительной промышленности, трудно было прослѣдить это движеніе; поэтому интересы учителя были обращены на другое. Отто, заинтересованный словами Якова, охотно продолжалъ бы разговоръ, но, замѣтивъ Бенно Хельвальда, медленно подходящаго по дорожкѣ, и не полагаясь на свое самообладаніе, нашелъ лучшимъ избѣжать вторичнаго столкновенія. Гейнціуса же охватилъ смертельный страхъ. Такимъ образомъ, они прошли мимо слуги къ улицѣ. До глубокой ночи блуждали они мимо трактирчиковъ, прилѣпившихся между большими фабриками, какъ воробы между аистовыми гнѣздами, по площади, гдѣ толпы рабочихъ громко разсуждали, покуривая коротенькія трубочки, по городскимъ садамъ, гдѣ влюбленные парочки наслаждались великолѣпнымъ сентябрьскимъ вечеромъ. Вернувшись, они долго еще сидѣли, обсуждая прошедшее, будущее и смотря на звѣздное небо. Пробыло девять, по-

ловина десятаго. Все было тихо въ домѣ; вдругъ на дворѣ поднялся какой-то шумъ, слуга пошелъ въ конюшню и вывелъ лошадь г. Бенно Хельвальда; затѣмъ послышались нѣсколько сказанныхъ въ полголоса словъ, «покорно благодарю» и громкій топотъ по мостовой.

— Теперь только,—пробормоталъ Отто.

ГЛАВА III.

На слѣдующее утро солнце было уже высоко, когда Отто разстался съ Барломъ Теодоромъ Гейнциусомъ. Съ необыкновенною быстротой разошлись учитель налѣво, Отто Вельнеръ направо. Около мили оставалось до Лондорфа, откуда Отто хотѣлъ продолжать путешествіе по желѣзной дорогѣ. Онъ быстро подвигался впередъ, не оглядываясь, словно боясь, что увидитъ за собой влажные глаза добраго Гейнциуса. Черезъ часъ онъ вступилъ въ Оберхорхгеймскій лѣсокъ, раскинувшійся около живописно расположенной деревни того же названія, старательно вычищенный и перерѣзываемый многочисленными дорожками и скамейками, такъ какъ въ Оберхорхгеймѣ жило лѣтомъ много дачниковъ изъ города. Въ сентябрѣ сезонъ уже кончился. Почти всѣ дачники возвратились въ городъ и только владѣльцы видя наслаждались еще чистымъ воздухомъ. Пріятно было идти среди высокихъ деревьевъ, прислушиваясь къ мелодичному шелесту зеленыхъ листьевъ. Все было тихо и торжественно въ лѣсу. Отто внезапно охватила сладостная, неодолимая истома. Онъ сѣлъ на каменную скамейку, снялъ съ себя сумку, положилъ ее вмѣсто подушки и легъ: Но скоро онъ нашелъ, что эта жесткая постель неудобна, а желаніе поблаженствовать въ роскошномъ лѣсу усилилось. Онъ приподнялся и оглядѣлся кругомъ. По ту сторону дороги росъ частый орѣшникъ. Отто взялъ свою сумку, прошелъ туда и тотчасъ же нашелъ небольшое углубленіе, устланное мхомъ и сухими листьями; устроивъ себѣ удобное ложе, онъ легъ въ блаженномъ настроеніи человѣка, отбросившаго отъ себя въ эту минуту всѣ заботы, и съ улыбкой закрылъ глаза. Онъ засыпалъ уже, когда его вывели изъ дремоты женскіе голоса. Двѣ молодые дамы въ изящныхъ костюмахъ, одна въ бѣломъ, другая въ розовомъ, шли подъ руку по направленію отъ Оберхорхгейма. Разбудившій его голосъ принадлежалъ дамѣ въ бѣломъ, высокой, полной брюнеткѣ, очень важной и замѣчательно красивой. Свѣт-

лая шляпа съ гирляндой цвѣтовъ прикрывала ея черные, какъ смоль, волосы, какихъ Отто никогда еще не видалъ. Ея платье было очень просто, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высшей степени изящно, въ рукѣ она держала палевый вѣеръ изъ атласа и слоновой кости. Другая, блондинка, съ круглымъ дѣтскимъ лицомъ и добрыми голубыми глазами, не отличалась такою граціей, какъ ея подруга, но и ея туалетъ и манеры обличали даму, вращающуюся въ высшемъ обществѣ.

— Какъ хочешь,—сказала блондинка, смѣясь.—Ты стоишь на этомъ, и я должна замолчать. Но теперь я начинаю уставать...

— Устала! Камилла! какъ можешь ты уставать въ этомъ чудномъ лѣсу? Впрочемъ, если ты хочешь отдохнуть перелѣ тѣмъ какъ идти домой, то вотъ мы у «Элеонорина памятника».

Отто замѣтилъ, что надъ каменною скамейкой на деревѣ висѣла доска съ надписью. Онъ осторожно и тихонько приподнялся: сонъ его какъ рукой сняло. Дамы сѣли, красавица, высокая въ бѣломъ, на край, блондинка на середку и опустила головку на плечо подруги. Сердце Отто сильно билось. Никогда еще въ жизни онъ не встрѣчалъ ничего подобнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ, по крайней мѣрѣ, дочери министровъ!

— Ну, да отвѣтъ хоть разъ серьезно, Камилла! — сказала дама въ бѣломъ, распуская вѣеръ.—Мнѣ ты можешь довѣрить это. Между сестрами...

— Но, Люцинда...—не рѣшалась Камилла, смотря въ землю.

— Какъ ты покраснѣла! Я боюсь, что мое благоразуміе опоздало.

Отто не зналъ, продолжать ли ему спокойно лежать, невольно подслушивая чужую тайну, и ждать, когда дамы удалятся, или, можетъ быть, приличіе требуетъ, чтобы онъ тотчасъ же далъ имъ замѣтить свое присутствіе. Пока онъ колебался такимъ образомъ, онъ вдругъ замолчали.

По дорогѣ раздалась тяжелые, громкіе шаги и черезъ мину-ту съ правой стороны показалась странная фигура и нахально усѣлась на скамейку рядомъ съ молодыми дамами. Отто узналъ своего противника изъ гостиницы *Золотой Якорь*. Эфрании Пельцеръ нахлобучилъ себѣ фуражку на лобъ и застегнулъ кафтанъ до верху; въ рукахъ у него была огромная дубина. Дамы, повидимому, были мало довольны этимъ неожиданнымъ сосѣдствомъ, въ особенности Камилла, сидящая рядомъ съ нимъ.

— Поздно, Люцинда, — прошептала она, краснѣя. — Пойдемъ домой!

— Ого! — вскричалъ Пельцеръ, вскакивая. — Знатнымъ барышнямъ противно сидѣть рядомъ съ оборваннымъ пролетаріемъ? Такъ, что ли? Если же это оскорбительно для насъ, то объ этомъ не стоитъ и говорить. Мы только для того и созданы, чтобы насъ топтали. Но довольно, и коротко, и ясно... я не желаю больше этой комедіи! Поняли вы меня?

Онъ съ угрожающимъ видомъ наступалъ на нихъ, будто желая помѣшать имъ встать.

Камилла поблѣднѣла, Люцинда тоже казалась испуганной, но, все-таки, проговорила твердымъ голосомъ:

— Вы ошибаетесь, мы не имѣли намѣренія васъ оскорблять и унижать. Намъ надо домой...

— Такъ! — крикнулъ Пельцеръ, ни на шагъ не отступая. — А почему эта прекрасная мысль пришла въ голову барышнямъ, какъ только я сѣлъ около нея? Чортъ возьми, вы останетесь здѣсь. Мнѣ не нравится, что вы бѣжите отъ меня, какъ отъ чумы.

Люцинда покраснѣла и поднялась съ мѣста.

— Дайте намъ дорогу, — сказала она повелительнымъ тономъ, — иначе я позову на помощь!

— Такъ зовите! — захохоталъ Эфраимъ Пельцеръ. — Тамъ, правда, у васъ повсюду спрятаны полицейскіе и шіоны, но здѣсь крики не помогутъ вамъ. Просите лучше прощенія у меня, вы... вы... или клянусь жизнью...

Онъ опустилъ руку на плечо Люцинды и въ ту же минуту почувствовалъ, что его схватываютъ за воротъ двѣ сильныя руки. Сильный размахъ — и дерзкій нахаль, роня палку и шапку, полетѣлъ въ кусты.

— Такъ! — заговорилъ Отто дрожащимъ голосомъ. — Если вы осмѣлитесь сказать еще хоть слово, я отправлю васъ туда, гдѣ съ подобными вамъ людьми расправа коротка.

— Песъ, проклятый! — крикнулъ Пельцеръ, медленно поднимаясь и шара руками по землѣ.

Раньше чѣмъ Отто успѣлъ сообразить, раздраженный Пельцеръ схватилъ съ земли камень и съ бѣшенствомъ пустилъ его въ Отто.

По лицу раненаго потекла горячая струя крови и онъ приклонился къ дереву. Когда онъ опомнился, Пельцеръ уже ис-

чезъ, а молодыя дамы безмолвно стояли около него. Онъ были совершенно поражены неожиданнымъ происшествіемъ.

— Я долженъ просить извиненія,—пробормоталъ Отто, прикладывая къ своей ранѣ носовой платокъ.

Что лишало его присутствія духа, его, не легко смущавшагося прежде? Дама въ бѣломъ подошла къ Отто и высказала ему благодарность. Отто пробормоталъ нѣсколько словъ вроде «незначительно», «не стоитъ говорить». По просьбѣ Люцинды онъ покорно сѣлъ на скамейку; но на лицѣ его сейчасъ же появилась улыбка, когда Люцинда приняла съ его лба окровавленные волосы и осторожно прикладывала къ его ранѣ свой батистовый платокъ. Камила отвернулась, такъ какъ не могла видѣть крови.

— Поди сюда,—сказала Люцинда черезъ минуту. — Счастливіе окончилось, чѣмъ я предполагала. Дай мнѣ твой платокъ, мой слишкомъ малъ для повязки.

Отто еще не могъ придти въ себя; его не такъ оглушилъ ударъ камнемъ безумнаго рабочаго, какъ теперь дружескія услуги знатныхъ дамъ, недавно казавшихся ему такими далекими и недоступными. Отъ бѣлаго платья распространялся душистый запахъ фіалокъ. Онъ думалъ, что лежитъ въ кустахъ по ту сторону дороги и видитъ все это во снѣ. Наконецъ, онъ рѣшился открыть ротъ; что онъ говорилъ и какъ, онъ ничего не сознавалъ. Но когда Люциндѣ удалось, наконецъ, перевязать его рану, то Отто уже назвалъ себя и цѣль своего путешествія; онъ даже согласился проводить сестеръ до дому, чтобы дать освидѣтельствовать свою рану члену медицинскаго совѣта, доктору Форенштедту.

Отто поднялся, лѣвою рукой опираясь на палку, правой осторожно надѣвая на голову соломенную шляпу. Его сонъ дѣлался все пріятнѣе и розовѣе. Онъ шелъ между обѣими дамами по величественному и шумящему лѣсу, будто давно знаетъ ихъ и привыкъ къ подобнымъ прогулкамъ. Онъ зналъ теперь: изъ ругъ освирипѣвшаго пролетарія онъ освободилъ дочерей совѣтника фонъ - Дюрена, извѣстнаго издателя, зналъ, что Люцинда — жена адвоката доктора Лербаха, проводящаго свои каникулы также въ Оберхорхгеймѣ. Отто поражало, что Люцинда, казавшаяся гораздо моложе своей сестры, оказалась замужнею женщиной. Одно только его смущало, что г-жа Лербахъ или фрейлейнъ Камила найдутъ неприличною его неуклюжую сум-

ку, которую онъ, краснѣя, надѣлъ черезъ плечо. Онъ не зналъ, что и столичные кавалеры отправляются въ горы съ палками и сумками.

Черезъ полчаса они дошли до конца лѣса и желѣзныхъ воротъ, ведущихъ въ паркъ.

Люцинда отворила одну половинку и прошла впередъ; Отто, идя рядомъ съ Камиллой, послѣдовалъ за ней.

Г л а в а IV.

На площадкѣ мраморной лѣстницы Отто встрѣтилъ старый слуга, съ гладко расчесанными бакенбардами, и провелъ его въ маленькую залу, между тѣмъ какъ Камилла исчезла въ ту же дверь, изъ которой г-жа Лербахъ выслала слугу. Отто очутился въ очень уютной, небольшой, но высокой комнатѣ. Единственное окно съ тяжелыми темными занавѣсами пропускало мало свѣта сквозь вѣтви старой акаціи. Дорогая, старинная мебель, высокій каминъ съ большимъ венеціанскимъ зеркаломъ, по сторонамъ его двѣ тумбы съ мраморными статуями,—вотъ первое, что бросилось ему въ глаза; при дальнѣйшемъ осмотрѣ онъ нашелъ массу бездѣлушекъ, дополняющихъ роскошную обстановку. Отто Вельнеръ снялъ шляпу и пощупалъ повязку; рана его начинала горѣть. Онъ инстинктивно подошелъ къ венеціанскому зеркалу и осмотрѣлъ свое лицо, на которомъ еще оставались слѣды крови, находя, что повязка эта не очень украшаетъ его. Тихій шорохъ прервалъ его размышленія; обернувшись, онъ увидалъ слугу, принесшаго серебряный подносъ съ различными прохладительными напитками. Поставивъ все на бронзовый столъ у окна, онъ вѣжливо сказалъ:

— Господинъ совѣтникъ проситъ извиненія, такъ какъ неотложныя дѣла задерживаютъ его въ кабинетѣ; г. медицинскій совѣтникъ докторъ Форенштедтъ черезъ четверть часа будетъ здѣсь. До тѣхъ поръ не угодно ли будетъ немного подкрѣпитесь?

— Благодарю,—отвѣчалъ Отто.

Слуга удалился такъ же безшумно, какъ и вошелъ.

Отто Вельнеръ налилъ въ стаканъ испанскаго вина, отливашаго на свѣтъ и пурпуромъ, и золотомъ. Измученный жаждой, такъ какъ при дамахъ онъ не рѣшился вытащить изъ кармана свою плебейскую фляжку, онъ залпомъ осушилъ стаканъ драгоценной влаги. Этотъ истинно волшебный напитокъ

огнемъ разлился по его членамъ, разгорячая и возбуждая. Чувствуя, какъ вино дѣйствуетъ благотвѣтельно, онъ выпилъ второй стаканъ и третій.

На самомъ дѣлѣ, что тутъ такого, что владѣльцы этой роскошной виллы узнаютъ впоследствии, что онъ несчастный школьный учитель, отважившійся пустить въ новое плаваніе свой потерпѣвшій крушеніе корабль? Несчастный школьный учитель!

Снова отворилась дверь, вошли два господина. Старшему, средняго роста, полному, на видъ было лѣтъ пятьдесятъ; его круглое, свѣжее, выбритое лицо и симпатичныя черты дышали привѣтомъ и радушіемъ. Это былъ адвокатъ Лербахъ. Другой, лѣтъ сорока, былъ выше ростомъ и худѣе; его блѣдное лицо и мечтательное выраженіе большихъ черныхъ бархатистыхъ глазъ, бѣлыя выхолонныя руки, высокій лобъ и увѣренность манеръ выдавали человѣка, легко покоряющаго женскія сердца. Членъ медицинскаго совѣта, докторъ Форенштедтъ, имѣлъ мало друзей, за то много пациентовъ, отъ одного его вида излечивавшихся отъ всякой нервности и недуговъ. Носился слухъ, что магическимъ дѣйствіемъ своей личности онъ злоупотреблялъ, одерживая побѣды не въ одной только области терапіи. Но эти подозрѣнія не пошатнули его репутаціи моднаго врача и онъ, попрежнему, практиковалъ въ высшемъ кругу столицы. Лѣтомъ, отправивъ послѣднюю истеричную старую дѣву на морскія купанья, онъ переселялся на свою дачу въ Оберхорхгеймъ, расположенную не болѣе какъ въ тысячѣ шагахъ отъ виллы совѣтника фонъ-Дюрень. Старшій заговорилъ первый.

— Мое имя Лербахъ. Я радъ случаю познакомиться съ молодымъ человѣкомъ, такъ не поцеремонившимся съ этимъ негодяемъ и грубіяномъ. Моя жена рассказала мнѣ всю исторію. Благодарю васъ. Досадно только, что конецъ немного трагиченъ. Но я сейчасъ же оторвалъ нашего эскулапа отъ устриць. Членъ медицинскаго совѣта докторъ Форенштедтъ, г. Вельнеръ... такъ, кажется, вы сказали?

Отто поклонился, между тѣмъ какъ докторъ едва замѣтно кивнулъ головой. Въ другое время Отто, вѣроятно, спросилъ бы себя, почему этотъ красавецъ такъ неподвиженъ, но теперь ему было не до того. Такъ вотъ онъ, мужъ прекрасной Люцинды! Несмотря на любезность къ нему доктора Лербаха, у Отто, прежде всего, явилось чувство разочарованія и смущенія. Люциндѣ самое большее было двадцать одинъ-два года, Лербаху же было

за пятьдесятъ, хотя онъ и казался еще свѣжимъ и бодрымъ и замѣчательно сохранился. Да, не такимъ онъ представлялъ себѣ мужа этой красавицы.

Снова появился въ дверяхъ слуга, на этотъ разъ въ сопровожденіи горничной, несущей кувшинъ съ водой, двѣ чашки и нѣсколько платковъ.

— Прошу васъ,—сказалъ докторъ Форенштедтъ, указывая раненому на повязку.

Отто сталъ развязывать узелъ, но такъ какъ ему это не удавалось, то Фанни осмѣлилась предложить свои услуги. Но она тоже напрасно возилась.

— Оставьте,—сказалъ докторъ и увѣренной рукой сорвалъ повязку.

Отто вздрогнулъ отъ боли, а изъ раны заструилась кровь.

— *Sopra di Vasso!*—сказалъ адвокатъ.—Ударъ довольно ловко...

— И около самаго виска,—замѣтилъ Форенштедтъ.

Докторъ осмотрѣлъ рану, убѣдился, что кость осталась невредима, и съ свойственнымъ ему спокойствіемъ зашилъ рану. Послѣ окончанія этой мучительной операціи онъ, умывая руки, проговорилъ:

— Такъ. Пять или шесть дней необходимо пролежать въ постели. О путешествіи пѣшкомъ *et cetera* нечего и думать. Околоскостная оболочка повреждена, также вверху раны подозрительная синева. Если у меня будетъ время, то я еще какъ-нибудь взгляну. Вообще же дальнѣйшимъ займется одинъ изъ докторовъ Гернскейма, практикующихъ въ этой мѣстности. Мое почтеніе!

Какъ и въ первый разъ, онъ едва замѣтно кивнулъ головой, любезно улыбнулся адвокату и удалился.

— Таковъ ужъ онъ всегда!—сказалъ Лербахъ, когда шаги умоляли.—Услужливъ только съ прекраснымъ поломъ, и то съ разборомъ. Онъ не пришелъ бы, если бы я послалъ лакея. Но я пошелъ самъ, думая, что малѣйшее промедленіе опасно.

Эти слова прозвучали такъ искренно и задушевно, что Отто въ душѣ попросилъ извиненія у мужа Люцинды за свои прежнія мысли. Онъ сердечно поблагодарилъ адвоката за выказанное имъ участіе.

— Глупости!—остановилъ его Лербахъ.—Вы потеряли въ

этомъ дѣлѣ. Благодарить должны: моя жена, Камилла, я, поѣвене, и мой тесть, который обязанъ дать вамъ пріютъ у себя.

— Но я не желалъ бы быть въ тягость,—проговорилъ Отто.—Если бы можно было какини-нибудь образомъ добраться до Лондорфа...

— Какъ? А кто же будетъ ухаживать за вами? Нѣтъ, молодой человѣкъ, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Зачѣмъ бы тогда была у моего тестя дюжина комнатъ для гостей? Это уже дѣло рѣшенное.

Онъ подошелъ къ двери и крикнулъ:

— Хольтманъ!

Пришелъ слуга и на вопросъ Лербаха доложилъ, что все готово; вмѣстѣ съ ѣгимъ, онъ объявилъ, что черезъ двѣ минуты придетъ совѣтникъ Георгъ фонъ-Дюрень и надѣется найти Отто Вельнера въ маленькомъ салонѣ.

— Прекрасно! Я оставляю васъ вдвоемъ съ совѣтникомъ,—сказалъ адвокатъ, протягивая ему руку.—Хольтманъ, я вамъ спеціально поручаю заботиться о пациентѣ. Каждый день я буду навѣщать его. И такъ, Богъ съ вами, мой молодой другъ! Не теряйте терпѣнія; конечно, лежать въ этомъ ящикѣ съ компрессомъ на головѣ скучно, но дѣлать нечего. До свиданія!

Онъ спустился съ лѣстницы въ паркъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ совѣтникъ Георгъ фонъ-Дюрень, высокій, сѣдой мужчина, съ выразительнымъ, строгимъ лицомъ. Г. фонъ-Дюрень поздоровался съ неожиданнымъ гостемъ съ сдержанною вѣжливостью, коротко высказалъ благодарность за услугу, оказанную имъ дамамъ, и сожалѣніе по поводу печальныхъ послѣдствій и просилъ его перейти въ назначенную для него комнату при помощи слуги, который и будетъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ докторскихъ предписаній.

На этомъ разговоръ кончился; г. фонъ-Дюрень, такъ же сдержанно поклонившись, удалился. Хольтманъ, хорошо изучившій привычки своего господина, тотчасъ же явился къ услугамъ молодого человѣка. Съ его помощью онъ поднялся по широкой лѣстницѣ, украшенной массивными канделябрами, экзотическими растеніями, мраморными статуями и картинами знаменитыхъ художниковъ. Вся эта роскошь производила на Отто странное дѣйствіе. Передъ нимъ слуга отворилъ двери высокой, красивой комнаты; хорошенькая Фанни стояла около мраморнаго умывальника, наполняя водой кружки и чашки.

— Я сейчас пришлю Ганса, — сказалъ Хольтманъ, внимательно осмотрѣвши комнату. — У кровати колокольчикъ; Гансъ до вашего выздоровленія будетъ находиться по близости отъ васъ. Вы кончили, Фанни?

— Сію минуту. Гансъ также приготовить и ледъ?

— Конечно.

Хольтманъ медлилъ.

— Идите, Хольтманъ, — сказала горничная. — Миѣ надо еще опустить гардины.

Лакей исчезъ, а черезъ двѣ минуты и Фанни, напрасно надѣявшаяся, что Отто заговорить съ ней. Онъ слишкомъ былъ занятъ своими мыслями. Отто положилъ свою сумку подъ подушку роскошной кровати и охотно позволилъ Гансу помочь ему раздѣться, такъ какъ рана его сильно болѣла, а отъ каждаго движенія приликала къ лицу кровь. Черезъ пять минутъ все было въ порядкѣ.

Ледъ дѣйствовалъ благотворно не только на его рану, но и на его возбужденные нервы. Въ сумеркахъ доложили ему о приходѣ адвоката Лербаха. Онъ желалъ узнать о здоровьѣ больнаго; Камила и его жена непременно требовали этого. Выслушавъ, что Отто чувствуетъ себя лучше, онъ спросилъ юношу о цѣли его такъ неожиданно прерваннаго путешествія, о его планахъ и надеждахъ, о настоящемъ и прошедшемъ.

Отто чувствовалъ къ этому человѣку все болѣе и болѣе симпатіи, и, не задумываясь, рассказалъ всю правду, свое низкое положеніе, недовольство, стремленіе къ высшему и надежды найти въ столицѣ занятія, которыя дадутъ ему обезпеченное существованіе и возможность что-нибудь дѣлать. Лербахъ замѣтилъ, что ему придется встрѣтить много разочарованій.

— Но, что бы тамъ ни было, — заключилъ онъ, — я убѣжденъ, что вы достигнете своего. Миѣ кажется, что вы тверды, постоянны и постоите за себя. Миѣ нравится это; вы же миѣ особенно нравитесь. Я люблю молодыхъ людей, не опускающихъ головы, когда имъ говорятъ: пробивай самъ себѣ дорогу. Я подумаю, не могу ли помочь вамъ. Во всякомъ случаѣ, заходите ко миѣ въ городъ, улица Терезы, 12. Въ концѣ этого мѣсяца я думаю переѣхать. А теперь берегитесь, чтобы ваша болѣзнь не затянулась надолго.

Пожавъ руку Отто, онъ вышелъ изъ комнаты. Утомленный и разстроенный, молодой человѣкъ вскорѣ заснулъ при однообразномъ тиканьи большихъ стѣнныхъ часовъ въ корридорѣ.

ГЛАВА V.

Слѣдующіе дни прошли для Отто крайне однообразно. Онъ былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы долго выносить чтеніе различныхъ статей и повѣстей изъ еженедѣльнаго журнала *Колоколъ*. Ему, конечно, интересно было узнать, что *Колоколъ* и *Государственное право*—главнѣйшія изданія фирмы А. Х. Дюрена,—такъ звали отца совѣтника,—и что Дюренъ ежегодно получаетъ отъ нихъ полмилліона чистаго дохода. Гансъ передавалъ эти интересные факты такимъ монотоннымъ голосомъ, что послѣ втораго раза Отто предпочелъ не вступать въ разговоръ. Въ продолженіе шести дней единственнымъ развлеченіемъ его были короткіе визиты Лербаха и гернсгеймскаго врача, обѣды и звуки, долетавшіе до него изъ парка сквозь запертыя окна. Какъ-то рано утромъ онъ ясно различилъ голоса Люцинды, Камиллы и третій, показавшійся ему знакомымъ, но онъ никакъ не могъ вспомнить, гдѣ и когда его слышалъ. Часъ спустя, когда тотъ же голосъ крикнулъ: «Филиппъ, сѣдай!» Отто спросилъ хорошенькую Фанни, за отсутствіемъ Ганса кормившую его съ ложки бульономъ, не докторъ ли Вольфъ, редакторъ *Колокола*, отдалъ это приказаніе?

— О, нѣтъ, — отвѣчала Фанни, — докторъ Вольфъ теперь уѣхалъ въ Швейцарію. Это г. фонъ-Тиллихау-Засницъ, дальній родственникъ г. совѣтника. Какъ они родственники, этого самъ г. совѣтникъ не знаетъ; но мать г. совѣтника была урожденная фонъ-Тиллихау. Засницъ такъ только прибавляется; оно что-то значить, но собственно совсѣмъ лишнее.

— Г. фонъ-Тиллихау живетъ здѣсь въ домѣ?

— А вы не знали этого? Пользѣта онъ прогостилъ здѣсь. Вообще у насъ всегда гости. Недѣлю тому назадъ, напримѣръ, пріѣхалъ г. профессоръ, редакторъ *Права*. Ученѣйшій человекъ, а ужъ пьетъ, я вамъ скажу... Г. фонъ-Тиллихау-Засницъ тоже изъ такихъ, что не посрамится, когда придется выпить во всю, но далеко уснуть г. Соломону.

— Что же дѣлаетъ г. фонъ-Тиллихау? — продолжалъ Отто черезъ минуту. — Ступитъ онъ или что такое?

— Такъ сказать, онъ собственно ничто. Прежде былъ офицеромъ; потомъ у него, должно быть, произошло что-нибудь съ начальствомъ. Однимъ словомъ, въ одинъ прекрасный день онъ подалъ въ отставку и теперь такъ болтается. Онъ наслаждается жизнью,

ѣсть, пьеть и курить сигары по пятнадцати пфенниговъ штука. Благородный господинъ, надо сознаться, никогда не разсчитываетъ, сколько дать на чай, тогда какъ г. профессоръ... Да у того, впрочемъ, и не такъ много.

На этомъ разговоръ кончился. Фанни поставила на каминъ пустыя тарелки и побѣжала къ старому Хольтману, звавшему ее уже въ третій разъ.

Черезъ недѣлю докторъ разрѣшилъ больному въ первый разъ выйти изъ комнаты. Когда Отто надѣвалъ свою соломенную шляпу на все еще забинтованный лобъ, ожидавшій Лербахъ взялъ его подъ руку и они вмѣстѣ вышли.

— Вотъ ужъ мы какъ! А, между тѣмъ, я все это время немного думалъ о васъ. Вы сказали мнѣ тогда, что получили порядочное образованіе, но что у васъ нѣтъ диплома, et cetera, et cetera. Свѣтъ, въ которомъ мы живемъ, крѣпко держится этихъ формальностей, да и не можетъ быть иначе, хотя въ частныхъ случаяхъ это и несправедливо, и губительно. Въ университетъ вы не можете поступить, потому что годичный курсъ, такъ блистательно пройденный вами съ помощью феноменальнаго школьнаго учителя, не считается pro maturitate. Такъ что остается единственная должность, не требующая специальныхъ познаній, — однимъ словомъ, я говорилъ съ моимъ тестемъ. Я выставилъ ему на видъ, во-первыхъ, что вы образованный человѣкъ; во-вторыхъ, что вашъ кошелекъ пустъ; въ-третьихъ, что мы въ долгу передъ вами. Молчите и смотрите, не поскользнитесь на мраморныхъ ступеняхъ. Я доказалъ ему, какъ дважды два четыре, что вашъ лобъ принялъ то, что собственно назначалось моею Люциндѣ. Молчите! Впрочемъ, васъ это и не касается, а совѣтнику я высказалъ все это, конечно, не такъ коротко, какъ повторяю вамъ. Онъ обѣщалъ мнѣ пристроить васъ въ одно изъ своихъ многочисленныхъ учреждений. Между прочимъ, это пустяки, потому что гдѣ занимаются пятнадцать тысячъ человѣкъ, тамъ всегда есть свободныя и сверхштатныя мѣста. Сегодня или завтра васъ попросить къ себѣ совѣтникъ и сообщить вамъ подробности. Во всякомъ случаѣ, предупреждаю васъ, не разсчитывайте на особенно блестящее положеніе. Г. фонъ-Дюрень остороженъ, строгъ и мелоченъ. Впрочемъ... Молчите, добрейшій г. Вельнеръ! Вотъ идетъ жена доктора. Я представлю вамъ. Г-жа докторша Форенштедтъ была случайно на большой верандѣ у г-жи фонъ-Дюрень, когда побитый самаритянинъ шелъ въ паркъ; она смо-

трѣла, какъ дамскій защитникъ, раненый, всходилъ по лѣстницѣ, и была сильно взволнована, когда узнала все происшедшее. Вообще, со дня вашего самопожертвованія вы, особенно у дамъ, герой сезона. Позвольте мнѣ, уважаемая г-жа Форенштедтъ, представить вамъ Персея, избавившаго Андромеду отъ дракона. Г. Отто Вельнеръ... Г-жа докторша Форенштедтъ... Анна Форенштедтъ... Я особенно точенъ въ именахъ, и вы должны простить это старому юристу.

Молодая женщина покраснѣла до корня волосъ. Этотъ румянецъ особенно бросался въ глаза потому, что все въ ней указывало даму высшаго круга. Ея туалетъ былъ простъ и изященъ, движенія увѣренны, умныя слова, обращенныя къ Отто, вполне подходили къ обстоятельствамъ. Отто съ особеннымъ участіемъ смотрѣлъ на ея нѣжное, хотя и не очень красивое лицо, выражающее тяжелыя душевныя страданія и напоминающее, послѣ того какъ внезапный румянецъ исчезъ, цвѣтокъ бѣлой камелии. На ея сомкнутыхъ устахъ лежало выраженіе безмолвной покорности горькой судьбѣ и безнадежнаго смиренія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — докторшѣ шелъ двадцать седьмой годъ, — и этотъ ротикъ смѣялся и шутилъ, но теперь веселье замѣнилось страдальческою улыбкой. Было достовѣрно извѣстно, что докторша Форенштедтъ самая несчастная жена въ городѣ. А вышла она замужъ за доктора, — тогда еще ассистента теперь умершаго корифея медицины, — по страстной любви, увлекшись его чудными томными глазами; докторъ Форенштедтъ былъ также счастливъ обожаніемъ своей нѣжной Анны. Но непостоянному, тщеславному человѣку, избалованному женщинами, скоро надобили клятвы вѣчной любви; тогда начался рядъ измѣнъ, униженій, кончившихся бы, безъ сомнѣнія, разводомъ, если бы Анна, несмотря на оскорбленія, не любила такъ же безумно, какъ прежде, этого человѣка, котораго она, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ненавидѣла, и презирала, и съ которымъ не могла разстаться. Дѣтей у нея не было. Въ концѣ-концовъ, любовь ея умерла и она привыкла къ своему положенію.

Когда г-жа Форенштедтъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ Лербахомъ, повернула назадъ къ виллѣ, адвокатъ обратился къ Отто:

— Я доведу васъ до той скамейки и тогда предоставляю васъ судьбѣ. Если васъ позоветъ къ себѣ совѣтникъ, то идите

спокойно и увѣренно. Онъ это любить; чрезмѣрная вѣжливость противна ему. Ну, а теперь Богъ съ вами.

Отто сѣлъ и задумался о томъ, что сказалъ бы Барль Теодоръ Гейнциусъ, еслибъ узналъ, какъ быстро нашла пристань ладья его ученика. На лѣстницѣ опять послышались голоса.

— Идите впередъ, г. фонъ-Тиллихау!—раздался голосъ Камиллы.—Я посмотрю, гдѣ Люцинда и Анна.

Съ этими словами она исчезла за колоннами, такъ что Отто видѣлъ только ея блѣдно-голубое платье. Господинъ же, съ которымъ она разговаривала, спустился съ лѣстницы и пошелъ прямо по аллеѣ. Отто думалъ, что видитъ сонъ. Въ г. Тиллихау онъ узналъ Бенно Хельвальда, любезничавшаго съ бѣлокурою Мартой въ саду *Золотою Якоря*. Отто былъ пораженъ. Въ Оберхорхгеймѣ этотъ изящный кавалеръ называетъ себя иначе, чѣмъ въ Гернсхеймѣ. Для чего? Онъ не имѣлъ времени обсудить этотъ вопросъ, потому что г. фонъ-Тиллихау, дойдя до половины дороги, остановился, сдѣлалъ жестъ удивленія и пробормоталъ «чортъ возьми!» при видѣ Отто, такъ спокойно сидящаго на скамейкѣ. Сѣверное положеніе! Такъ вотъ онъ, храбрый рыцарь, о которомъ дамы говорятъ съ такою сердечною благодарностью. Именно онъ! И именно теперь,—теперь, когда г. фонъ-Тиллихау намѣревался сдѣлать послѣдній рѣшительный приступъ къ сердцу свѣтлорусой Камиллы. Что, если онъ расскажетъ? Нѣтъ! Эту возможность нужно во что бы то ни стало предупредить. Ничего не остается, какъ обратиться къ нему съ любезными словами... И такъ, впередъ! Каждая минута дорога!

Баронъ Эрихъ фонъ-Тиллихау развязно подошелъ къ Отто, вѣжливо поклонился и сказалъ, улыбаясь:

— Я надѣюсь, г. Вельнеръ, что послѣ нѣсколькихъ словъ извиненія вы такъ же, какъ и я, забудете наше непріятное столкновеніе. Сказать правду, я былъ немного оскорбленъ, но, узнавъ, что вы оказали такую большую услугу всему семейству, я не думалъ больше объ этихъ пустякахъ. По описанію моей кузины, я ни минуты не сомнѣвался въ вашей дождественности. И такъ, я очень сожалею...

Отто, когда Тиллихау заговорилъ съ нимъ, медленно поднялся. Онъ рѣшилъ обойтись съ этимъ молодымъ человѣкомъ съ ледяною вѣжливостью; но любезность и искренній тонъ Тиллихау побѣдили его; онъ самъ пробормоталъ нѣсколько словъ извиненія и горячо пожалъ протянутую ему барономъ руку.

— Еще одна просьба,—сказалъ Эрихъ какъ бы между прочимъ.—Когда придутъ сюда дамы, то не рассказывайте при какихъ обстоятельствахъ мы встрѣтились. Я вамъ откровенно скажу почему. Я серьезно заинтересованъ моею кузиной Камиллой, и все доказываетъ, что и она расположена ко мнѣ. Это, конечно, между нами. Вѣдь, вы знаете, какъ легко молодыя дѣвушки судятъ объ извѣстныхъ предметахъ, иначе, чѣмъ мы.

Отто польстило, что Тиллихау включилъ его въ число свѣтскихъ кавалеровъ, которые «иначе судятъ». Онъ поклонился.

— Боже мой,—продолжалъ Тиллихау,—кто же можетъ измѣниться? Я откровенно сознаю, что гдѣ бы ни увидалъ хорошенькое личико, всегда увлекаюсь. Эта Марта въ *Золотомъ Якорѣ* такъ привлекательна и въ ней столько наивности, что я не вижу, почему бы мнѣ тѣ два часа, что приходится тамъ быть, не проводить въ ея обществѣ. Конечно, наши дамы... для нихъ, вѣдь, кельнерша не человѣкъ. Въ ихъ глазахъ теряешь, если хоть взглядомъ удостоиваешь такихъ личностей, какъ будто бы позорно честнымъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ!

Отто чувствовалъ, что эти разсужденія мало умѣстны, но онъ ограничился тѣмъ, что еще разъ обѣщалъ полнѣйшее молчаніе.

— Кстати, — прибавилъ Тиллихау самымъ равнодушнымъ тономъ.—Что я назвался Бенно Хельвальдъ,—мое имя Тиллихау, баронъ Эрихъ фонъ-Тиллихау,—не должно васъ удивлять. Обстоятельства, при которыхъ... Вы простите мнѣ...

— Вполнѣ,—сказалъ Отто съ ироніей.

Баронъ нахмурилъ немного лобъ, но отвѣтилъ холодно и вѣжливо:

— Такъ вы даете мнѣ слово?

Сердце Отто забилося сильнѣе. Въ началѣ аллеи показались Камилла и Люцинда въ прелестныхъ платьяхъ, съ живыми цвѣтами въ волосахъ. За ними шла докторша Форенштедтъ рядомъ съ худымъ, безбородымъ мужчиной въ черномъ. Камилла несла на рукѣ полдюжины колець и нѣсколько палочекъ изъ тонгаго тростника,—принадлежности старинной и вновь вошедшей въ моду игры jeu de grâse.

— Я не хочу мѣшать,—сказалъ Отто и оглянулся, какъ бы желая скрыться, но было уже поздно.

— Нашъ больной!—всричала Камилла. — Здравствуйте, г. Вельнеръ. Наконецъ-то васъ выпустили.

Она подошла къ Отто и протянула ему руку, какъ старому знакомому. Люцинда тоже поздоровалась съ нимъ любезно, но гораздо сдержаннѣе.

— Я только что выражалъ г. Вельнеру свое искреннее уваженіе,—сказалъ Эрихъ фонъ-Тиллихау, принимая отъ Камиллы кольца и палки, потомъ, обращаясь къ г-жѣ Форенштедтъ и ея художавому спутнику, продолжалъ:—Позвольте мнѣ представить вамъ молодаго человѣка, которому всё мы такъ много обязаны, г. Отто Вельнеръ—г-жа Форенштедтъ—г. Куртъ Эвальдъ.

Анна Форенштедтъ снова покраснѣла.

— Десять минутъ тому назадъ я уже имѣлъ честь...—пробормоталъ Отто, кланаясь молодой женщиной.

Эрихъ Тиллихау ударилъ палками по кольцамъ.

— По вашему вооруженію, — обратился онъ къ Камиллѣ, — видно, что на профессора нельзя рассчитывать.

— Папа задержалъ его, вѣроятно, — отвѣтила Камилла. — Что касается меня, то я охотно играю въ крокетъ и впятеромъ; но Люцинда говоритъ, что когда вы играете двумя шарами, партіи очень не равны.

— Въ самомъ дѣлѣ?—обратился онъ къ Люциндѣ. — Такъ играйте вы двумя шарами!

— Тогда игра будетъ совсѣмъ неровной. Пришлось бы вамъ быть моимъ партнеромъ и, — прибавила она насмѣшливо, — по всему, что мы пережили, на это надежды мало.

— Какъ такъ, уважаемая г-жа Лербакъ?—пробормоталъ Тиллихау.

Люцинда пожала плечами.

— *Jeu de grâce*, — раздался рѣзкій голосъ Курта Эвальда, — повидимому, заслуживаетъ мало вниманія въ глазахъ г. фонъ-Тиллихау.

— Я нахожу ее скучной,—возразилъ Тиллихау.—За крокетомъ можно болтать, а во время этой игры всё стоять другъ отъ друга на разстояніи враждебныхъ форпостовъ.

Камилла смущенно смотрѣла въ землю.

Тиллихау, соображая, что большая и лучшая часть свободной дачной жизни уже прошла, рѣшилъ каждымъ удобнымъ случаемъ пользоваться для того, чтобы воспламенить въ сердцѣ Камиллы зарождающуюся къ нему любовь. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что это сопряжено будетъ съ большимъ трудомъ въ виду безмолвной, но рѣшительной оппозиціи матери и сестры Камиллы.

Онъ обѣ, не забывая правилъ гостепріимства, при каждомъ удобномъ случаѣ давали ему понять, что считаютъ его очень дальнимъ родственникомъ и не имѣютъ желанія смягчать свои отношенія. Г. фонъ-Дюрень, протезирующій молодому барону, въ Оберхорхгеймѣ былъ такъ поглощенъ своими дѣлами, что не могъ бросить на вѣсы перетягивающую тяжесть. Воспоминаніе о гордомъ дворянскомъ родѣ, къ которому принадлежала его мать, весьма склоняло его въ пользу барона; фамилія Дюрень была бюргерская, только нѣсколько лѣтъ тому назадъ совѣтникъ получилъ дворянство, и съ тѣхъ поръ, больше чѣмъ прежде, онъ цѣнилъ древнее родословное дерево своей незабвенной матери. Поэтому лучшимъ союзникомъ барона было расположеніе самой Камиллы, которое онъ всѣми силами и не безуспѣшно старался воспламенить настоящимъ огнемъ страсти. Каждая капля масла, подливаемая въ огонь, могла быть здѣсь рѣшительной. Любовь Тиллихау къ крокету происходила отъ этой хорошо сознаваемой имъ причины. Всѣ остальные игры мѣшали его планамъ. Онъ ловко умѣлъ отгонять шары противниковъ, въ особенности же Люцинды, въ самые дальніе углы, а свой подкатывать къ шару Камиллы.

Онъ раздумывалъ недолго. Граціозно покручивая свои усики, онъ весело крикнулъ:

— Я вижу, что большинство за крокетъ. Можетъ быть, г. Отто Вельнеръ будетъ такъ добръ, приметъ участіе въ игрѣ?

— Ахъ, да, г. Вельнеръ!—попросила Камилла.

— Я очень сожалѣю,—отвѣтилъ Отто,—что совершенно незнакомъ съ этою игрой!

— Не можетъ быть?—спросила Камилла.—Теперь весь свѣтъ играетъ въ крокетъ.

— Я иду изъ Хольдорфа, фрейленъ, а Хольдорфъ не принадлежитъ къ тому, что вы называете «весь свѣтъ».

— Это все равно, — сказалъ Эрихъ фонъ-Тиллихау,—игра очень проста и не требуетъ никакого особеннаго искусства. Вы доставите этимъ удовольствіе дамамъ. Хотите?

— Но рана?—замѣтила докторша Форенштедтъ.

— Она совсѣмъ уже прошла, — вскричалъ Тиллихау, направляясь къ крокету. — Идемте, mesdames! Вы увидите, какъ будетъ весело!

Черезъ пять минутъ Отто участвовалъ въ партіи крокета; г. фонъ-Тиллихау выказывалъ столько увѣренности и граціи

движеній, г. Буртъ Эвальдъ такъ насмѣшливо улыбался, дамы такъ очаровательно ставили свои изящно обутыя ножки на красные, синіе и зеленые шары, что Отто казалось, будто онъ никогда не видалъ ничего изящнѣе. Въ этому еще безоблачное сентябрьское небо, роскошный паркъ и великолѣпная вилла,—все это какъ въ сказкѣ.

Такъ прошло полчаса; игра приближалась къ концу и уже Эрихъ фонъ-Тиллихау, Камилла и Анна Форенштедтъ были увѣрены въ побѣдѣ, когда приходъ маленькаго господина въ сѣромъ лѣтнемъ платьѣ прервалъ партію. Это былъ профессоръ, докторъ Гейнрихъ Соломонъ, редакторъ *Государственнаго права*; онъ издали еще снялъ свою соломенную шляпу.

— А, милѣйшій профессоръ! — вскричалъ баронъ, идя на встрѣчу ученому, оживившему всѣхъ своимъ приходомъ. — Избавились ли вы, наконецъ, отъ вашихъ занятій? Мы всѣ ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ.

— Очень любезно, — отвѣчалъ тотъ густымъ басомъ. — Долгъ прежде всего. Дѣло шло объ очень важномъ: о статьѣ о социаль-демократизмѣ, доставленной покойнымъ профессоромъ Хебештрейтъ. Я вынужденъ самъ заняться ея переработкой. Вы знаете, въ одной брошюркѣ я уже довелъ социализмъ ad absurdum. Я доказалъ его неосновательность, нашелъ средства къ его уничтоженію, я...

— Да, да, — вмѣшался Буртъ Эвальдъ, — ваша брошюра хороша; она удивила меня; по правдѣ сказать, изъ всей вашей политической дѣятельности она единственная возбудила во мнѣ симпатію.

— Молодой человѣкъ, — возразилъ Соломонъ, — вы удивительно односторонни. Когда, наконецъ, вашъ ультра-консервативный духъ пойметъ истину, что либерализмъ естественный врагъ социалистической глупости, что только либерализмъ философски понимаетъ комизмъ этихъ стремленій, — я подчеркиваю слово философски, — и единственный изъ всѣхъ партій обладаетъ силой уничтожить социаль-демократизмъ? Но оставимте это. Я вижу, вы смѣетесь. Смѣйтесь, смѣйтесь, г. Эвальдъ! Это не помѣшаетъ намъ остаться, попрежнему, друзьями. Но будетъ объ этомъ. Такъ надо играть въ крокетъ? Во всякомъ случаѣ, я въ вашемъ распоряженіи. Кстати, стрѣла въ пятъ указываетъ мнѣ Ахиллеса Пелида...

Онъ приподнял шляпу и обратился къ Отто:

— Мое имя Соломонъ. По вашей повязкѣ на головѣ я предполагаю, что вы г. Отто Вельнеръ?

Отто поклонился.

— Отлично! — продолжалъ профессоръ. — Отъ Лербаха мы узнали, что докторъ выпустилъ васъ въ садъ. Г. Дюрень поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ желаетъ какъ можно скорѣе видѣть васъ въ своемъ кабинетѣ. Покончивъ съ своимъ порученіемъ, я спѣшу выразить удовольствіе по поводу пріятнаго знакомства съ вами.

Въ манерахъ и разговорѣ профессора трудно было различить, что дѣланный юморъ, что природный комизмъ, но такъ какъ все общество считало, повидимому, поведеніе профессора вполне естественнымъ, то Отто ничего ему не отвѣтилъ; передавъ Соломону свой молотокъ и вѣжливо поклонившись, онъ расстался съ своими партнерами.

— Идите съ Богомъ, молодой человекъ! — крикнулъ ему профессоръ. — Я съумѣю заступить ваше мѣсто въ партіи.

Въ то время, какъ Соломонъ размахивалъ надъ головой своимъ молоткомъ, Отто съ сильно бьющимся сердцемъ направлялся къ дому.

Совѣтникъ Георгъ фонъ-Дюрень принялъ его необыкновенно холодно.

— Садитесь, — сказалъ онъ, не приподнимаясь даже въ креслѣ. — Мой зять, адвокатъ Лербахъ, сообщилъ мнѣ кое-что относительно васъ. Вы ничего не имѣете еще въ виду?

Отто отвѣтилъ утвердительно.

— Есть у васъ удостовѣренія?

— Право на годъ свободной службы.

— Хорошо. Есть у васъ прежнія свидѣтельства?

— Я могъ бы ихъ достать. Во всякомъ случаѣ... Я уже говорилъ г. адвокату.

— Мой зять рассказалъ мнѣ все. Онъ такъ горячо ходатайствовалъ за васъ, что я не премину... Кстати, я и въ долгу передъ вами за происшествіе въ лѣсу. Слушайте. Въ редакціи нашего еженедѣльнаго изданія къ первому октября освободится мѣсто секретаря. Жалованье небольшое, но вы можете въ послѣдствіи получить повышеніе. Я предлагаю его вамъ.

— Вы очень добры, г. совѣтникъ. Могу я спросить, какія требованія соединены съ этою должностію?

— Не тяжелыя. Вамъ надо будетъ писать адреса, отправ-

лять рукописи, изрѣдка составить письмо и, пожалуй, держать третью корректуру.

— Благодарю васъ. Я попробую, смогу ли это исполнить.

— Еще одно условіе: я требую, чтобы вы отказались отъ всякаго судебного преслѣдованія ранившаго васъ чловѣка. Иначе пришлось бы моимъ дочерямъ присутствовать въ судѣ и подвергаться допросамъ судьи. Вы понимаете, что подобныя процедуры неприятны для дамъ хорошей фамиліи.

— Вполнѣ понимаю.

— Между тѣмъ, докторъ сказалъ мнѣ, что вамъ необходимо еще нѣсколько дней отдыха. Для этого, а также въ вознагражденіе за потерянное вами здѣсь по болѣзни время, я позволю себѣ предложить вамъ 2,000 марокъ. Когда вы захотите покинуть Оберхорхгеймъ, то мой экипажъ во всякое время къ вашимъ услугамъ.

Отто поблѣднѣлъ немного. На губахъ его готовъ былъ вѣжливый отказъ принять сумму, но манеры совѣтника были такъ спокойны, обдуманны, внушали столько уваженія, что Отто не рѣшился высказать громко свои чувства. Онъ механически принялъ запечатанный конвертъ съ банковыми билетами, поблагодарилъ и твердымъ голосомъ проговорилъ:

— Я думаю сегодня же уѣхать, такъ какъ чувствую себя совершенно здоровымъ. Слѣдовательно, перваго октября...

— Утромъ, въ девять часовъ ровно, — возразилъ совѣтникъ, едва замѣтно кивнувъ головой.

Черезъ два часа по улицѣ катилась наемная карета по направленію къ Ландорфу. Опустивъ голову на руку, Отто проѣзжалъ роскошный лѣсъ, не поднимая глазъ. Онъ самъ не зналъ, что такъ сильно разстроивало и огорчало его.

Глава VI.

Шелъ четвертый день со дня пріѣзда Отто въ шумную столицу. На Пескахъ, № 17, въ четвертомъ этажѣ онъ нашелъ небольшую комнату, съ очень скромною обстановкой, но за то необыкновенно дешево. Когда стемнѣло, онъ зажегъ свою лампочку и сѣлъ писать Барлу Теодору Гейнциусу. Онъ чувствовалъ что-то вродѣ тоски по родинѣ.

«Мой дорогой другъ, — писалъ онъ, — ты не имѣешь понятія, какъ тяжело очутиться одному, безъ знакомыхъ, въ чу-

жомъ городѣ, гдѣ встрѣчаются только лица настолько безразличныя, что ты едва различаешь ихъ, и при этомъ вспоминать о печальныхъ дняхъ прошлаго. Сегодня день былъ пасмурный и я рано вернулся съ послѣобѣденной прогулки. Въ центрѣ города—другое дѣло. Но здѣсь, на окраинѣ, гдѣ всюду видишь тяжелую борьбу за существованіе, гдѣ тысячи объявленій и вывѣсокъ напоминаютъ, что во всѣхъ отрасляхъ труда предложеній больше, чѣмъ спроса, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаешь блѣдныхъ женщинъ и угрюмыхъ мужчинъ,—здѣсь мною всегда овладѣваютъ тяжелыя чувства. Конечно, и здѣсь есть богатые и довольные люди; но я ихъ не вижу; я вижу только все мрачное, сѣренькое, безрадостное. Огромный домъ, въ которомъ я живу, съ дюжинами объявленій, вывѣсокъ, билетиковъ производитъ впечатлѣніе отдѣльнаго городка. Маленькая прибитая дощечка объявляетъ, на примѣръ: «учитель живетъ на четвертомъ этажѣ, позвонить два раза». Четвертый этажъ! И онъ мой ближайшій сосѣдъ, но я до сихъ поръ его еще не видалъ. Вообще, я не понимаю, что заставляетъ меня такъ уединяться, хотя отъ этого уединенія я страдаю. Вѣроятно, это вслѣдствіе колоссальнаго контраста между этою лавчонкой и очарованіемъ оберхорхгеймской виллы. Тамъ роскошныя колонны, блестящій мраморъ, зеленыя долины, красивыя дамы и барышни!... Одна, на примѣръ, жена моего покровителя... Увѣряю тебя, что если бы ты увидалъ ее, то сдѣлалъ бы еще болѣе забавное лицо, чѣмъ недавно въ *Золотомъ Якорѣ*. Съ утра до вечера ты бы воспѣвалъ Люцинду, а Марта померкла бы навсегда».

Отто писалъ эти слова, когда кто-то два раза громко постучалъ въ дверь.

— Войдите, — крикнулъ Отто, немного удивленный, такъ какъ хозяйка стучала всегда очень тихо.

Въ комнату вошелъ худой мужчина, лѣтъ двадцати восьми, тридцати, очень блѣдный, съ темными, блестящими глазами и густыми волосами, въ беспорядкѣ падающими ему на лобъ.

— Мое имя Родерихъ Лундъ, — сказалъ онъ коротко. — Я хотѣлъ сдѣлать визитъ своему сосѣду. Мы живемъ совсѣмъ рядомъ..

— Не хотите ли сѣсть?—проговорилъ Отто смущенно.

— Я радъ моему знакомству съ вами,—продолжалъ Родерихъ, садясь. — Я чувствую къ вамъ большое расположеніе. Вашъ прїѣздъ былъ большимъ благодѣяніемъ для меня, такъ

какъ вашъ предшественникъ былъ удивительно безпокойнаго характера, цѣлый день распѣвалъ или стучалъ и прогонялъ отъ меня лучшія мысли.

— Очень любезно. Могу я предложить вамъ сигару?

— Пожалуйста. Для такой роскоши, какъ табакъ, у меня не достаетъ презрѣннаго металла.

Отто взглянулъ на него.

— Да, да, это вѣрно, — разсмѣялся Родерихъ Лундъ. — Я бываю радъ, когда мнѣ удается заработать уроками настолько, чтобы не испытывать нужды. Человѣкъ долженъ теперь благодарить судьбу, если не валяется голымъ въ грязи.

— Вы учитель?—спросилъ Отто, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, вродѣ этого. Чтò я въ дѣйствительности, я не могу теперь сказать, такъ какъ никто мнѣ не повѣритъ, пока я не докажу.

— Я не понимаю васъ.

— Да, да, я говорю немного загадочно. Я собственно не учитель; эти два урока я даю ради хлѣба насущнаго. Мое призваніе поэзія. Я пишу пьесы, преимущественно трагедіи. Съ тѣхъ поръ, какъ я сознательно дышалъ атмосферой нашего столѣтія, въ моей крови лежитъ трагизмъ. Въ наши времена каждый порядочный человѣкъ можетъ тѣмъ или другимъ образомъ сдѣлаться героемъ трагедіи. Низокъ свѣтъ, любезный сосѣдь!... Да, можно и въ этомъ находить комизмъ и выставлять къ позорному столбу; но только когда стоишь далеко отъ этого; я же принимаю слишкомъ близкое участіе во всемъ этомъ бѣдствіи. Я пишу трагедіи.

— И гдѣ же ихъ ставятъ?

— Ставятъ?—повторилъ онъ съ ироніей.—Чтобы увидать на сценѣ свою пьесу, поэту нашей эпохи нужны особенныя связи; талантъ ничего не достигаетъ. Буржуа не любитъ трагизма, да онъ ничего и не понимаетъ; да вы сами, впрочемъ, знаете, какъ образована теперешняя буржуазія.

— Сожалѣю, но я не знаю ни особенностей буржуазіи, ни положенія нашихъ театровъ.

— Вы студентъ?—спросилъ поэтъ послѣ небольшой паузы.

— Я поступаю къ совѣтнику фонъ-Дюренъ секретаремъ редакціи.

— Фонъ-Дюренъ? А. Х. Дюренъ? Величайшая издательская фирма?

Отто подтвердилъ.

— Издатель, такъ значитъ на оберткахъ книгъ! О, эти г. издатели!... Это особенный родъ, о которомъ я тоже могу разсказать кое-что... Буржуа, настоящіе буржуа: этимъ все сказано!

— Что же разумѣете вы подь буржуа?

Поэтъ далъ какое-то раздраженно-дикое объясненіе. Потомъ послѣдовали фантастическія разсужденія о государствѣ и обществѣ, описанія, исполненныя возмущеннымъ недовольствомъ, мечты, въ которыхъ желанія имѣли явный перевѣсъ надъ справедливостью и логикой. Отто Вельнеръ съ удивленіемъ слушалъ его. Онъ думалъ: этотъ человѣкъ въ состояніи болѣзненной экзальтаціи.

Часы сосѣдней церкви пробили восемь.

— Уже такъ поздно? — сказалъ Родерихъ, поднимаясь. — Ну, для перваго визита я васъ довольно долго задержалъ и Богъ знаетъ какъ, можетъ быть, надоѣлъ вамъ. Я надѣюсь, мы будемъ часто видѣться. У васъ глаза, какъ у ангела Рафаэля; вся ваша личность мнѣ очень симпатична. А такъ какъ вы, судя по квартирѣ, тоже принадлежите къ паріямъ, не знаящимъ, что намѣренъ сдѣлать съ нами Господь Богъ, то мы болѣе чѣмъ въ одномъ смыслѣ socii majorem. Намъ надо держаться вмѣстѣ. Встати, почему вы не сходите вечеромъ внизъ, то есть къ уважаемой г-жѣ Лерснеръ? Не шутя, тамъ, все-таки, немного веселѣе, чѣмъ въ этихъ чуланахъ, называемыхъ комнатами. Преде, нашъ сосѣдъ напротивъ, тоже приходитъ по вечерамъ, очень порядочный человѣкъ, немного простоватъ, но это ничего. Дѣвушки, фрейленъ Эмма и Адель, не испугаютъ васъ.

— Я не знаю, какъ я ни съ того, ни съ сего...

— На мою отвѣтственность! Идемте только сейчасъ же вмѣстѣ.

— Хорошо, — сказалъ Отто, пряча письмо въ ящикъ.

Онъ потушилъ лампу и послѣдовалъ за Родерихомъ.

На стукъ поэта голосъ хозяйки отвѣтилъ «войдите». Они вошли въ комнату средней величины; у стола, на который лампа подь украшеннымъ цвѣтами абажуромъ бросала ровный, мягкій свѣтъ, сидѣли двѣ дѣвушки съ вышиваньемъ въ рукахъ и высокій широкоплечій мужчина, взглянувшій на нихъ такъ, какъ будто ихъ приходъ ему непріятенъ. Сама г-жа Лерснеръ занималась около другаго стола приготовленіемъ ужина. Она направилась на встрѣчу Отто и любезно поздоровалась съ нимъ. Дѣвушки и широкоплечій мужчина медленно поднялись.

— Я рада,—сказала г-жа Лерснеръ Отто,—что вы тоже оказали намъ честь... Я только что говорила вамъ, г. Преле,—фамилія этого господина Преле, онъ словолитчикъ у А. Х. Дюрень,—г. Преле, сказала я, новый господинъ слишкомъ много занимается, лучше бы было, если бы онъ поступалъ какъ г. Лундъ, т.-е. по вечерамъ. Вѣчное чтеніе и писаніе не хорошо, положительно не хорошо!

Словолитчикъ тоже подошелъ къ Отто и привѣтливо обратился къ нему:

— Добро пожаловать! Я слышалъ, что мы и у А. Х. Дюрень будемъ сосѣдями; только я рабочимъ, а вы ученымъ... Но это ничего!

Отто отвѣтилъ ему нѣсколькими дружескими словами и сѣлъ между Родерихомъ и фрейленъ Адель на придвинутое ему г-жею Лерснеръ кресло. Эмма, дочь хозяйки, опять наклонилась надъ работой. Отто невольно засмотрѣлся на ея густые золотистые волосы, гладко зачесанные вверхъ; все лицо ея дышало прелестью и чистотой, а въ глазахъ было столько ума, жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, задумчивости. Отто вдругъ почувствовалъ, что ему такъ хорошо, такъ отрадно, какъ будто бы онъ нашелъ сестру, что-то родное. Адель, племянница, называемая Преле фрейленъ Якоби, мало походила на свою кузину. Она была брюнетка съ живыми свергающими глазами; ея пухлый ротикъ, казалось, говорилъ и смѣялся даже когда она молчала. Эмма, серьезная и задумчивая, рядомъ съ Аделью производила впечатлѣніе спокойнаго благоразумія.

Разговоръ вертѣлся сначала на пустякахъ. Преле старался развеселить свою сосѣдку юмористическою передачей дневныхъ событій, но ему удавалось только вызвать ея насмѣшливую улыбку.

— Ахъ, г. Преле,—жалобно воскликнула она, наконецъ,—вѣдь, вы рассказываете мнѣ это въ четвертый разъ!

Добрый Преле покраснѣлъ, пробормоталъ «ошибка», «случайность» и перескочилъ на другую тему; въ ихъ разговоръ вмѣшались Родерихъ и Отто Вельнеръ.

Черезъ минуту подняла глаза и Эмма.

— Усиѣнно идетъ ваша работа, г. Лундъ?—спросила она, улыбаясь.

— Третій актъ готовъ,—отвѣчалъ поэтъ.

— Да? А эффектная заключительная сцена?

— Вышла удачѣе, чѣмъ я предполагалъ. Я доволенъ сегодняшнимъ днемъ. Но, по правдѣ сказать, какая польза въ этомъ? Я убѣжденъ, что все это напрасно!

— Не падайте только духомъ,—сказала г-жа Лерснеръ, накрывая на столъ скатерть.—Сразу ничто не дается; всѣ должны начинать.

— Добрѣйшая г-жа Лерснеръ,—возразилъ Родерихъ съ горечью,—мнѣ около тридцати лѣтъ: я могъ бы теперь уже достигнуть чего-нибудь. Я ничего лучшаго и не желаю, какъ только начать, наконецъ. Но судьба не даетъ мнѣ даже этой жалкой возможности. Даже ни въ одномъ театрѣ предмѣстья...

— Да это и не имѣло бы значенія для васъ,—замѣтила г-жа Лерснеръ.—Вамъ надо сразу выступить передъ избранною публикой.

Родерихъ пожалъ плечами.

— Жители предмѣстій съ ихъ честною необразованностью для меня милѣе такъ называемаго избраннаго общества съ его полуобразованностью.

— Слышите, фрейленъ Якоби?—сказалъ Преле.

— Да мнѣ-то что до этого?

— Да, вѣдь, вы чувствуете какое-то особое почтеніе ко всему, что знатно.

— Вы глупы! Почтеніе! Да я ни къ чему не чувствую почтенія!... Ни даже къ вашему страшно серьезному лицу. Ну, что вы на меня такъ смотрите, какъ будто хотите подмигнуть мнѣ яду въ чай?

— Я? О, вы несправедливы ко мнѣ!

Эмма поднялась и стала подавать на столъ чашки и тарелки. Отто съ возрастающею симпатіей слѣдилъ за гибкими, эластичными движеніями молодой дѣвушки, восхищаясь ея естественностью и граціей; простое черное шерстяное платье охватывало ея стройную, полную фигуру. А какъ она смѣялась, когда Адель затѣвала одинъ изъ тѣхъ споровъ съ г. Преле, изъ котораго онъ всегда выходилъ побитымъ! Она смѣялась не во все горло, какъ веселая, своевольная Адель съ свергающими глазами, но искреннѣе и заразительнѣе. «Такъ смѣялась бы Люцинда»,—подумалъ онъ. Правда, прекрасная дама въ бѣломъ, фея обер-хорхгеймскаго парка, была серьезна и молчалива. Почему его такъ восхищали эта молчаливость и невозмутимость? Фрейленъ Эмма, вѣдь, также хороша. Но у нея нѣтъ того царственнаго

величія и сознанія знатности, и Отто теперь больше чѣмъ прежде предавался мечтамъ о богатствѣ, блескѣ и знатности.

Когда г-жа Лерснеръ разлила чай, Преле, оставивъ безъ отвѣта какую-то насмѣшку Адели, всталъ и, сильно краснѣя, проговорилъ:

— Поговоримте лучше теперь о чемъ-нибудь болѣе пріятномъ. Вы слишкомъ зло насмѣхаетесь, фрейленъ Якоби! Но въ доказательство моего добродушія... подождите!...

Онъ вышелъ и сейчасъ же вернулся съ большимъ чугуномъ въ рукахъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ.—Фрейленъ Якоби говорила вчера, что для нея нѣтъ ничего лучше печеныхъ каштановъ...

Раздался громкій хохотъ Адели и всѣ остальные также отъ души засмѣялись.

На самомъ дѣлѣ этотъ неуклюжій, красный отъ смущенія богатырь съ чугуномъ въ рукахъ былъ въ высшей степени комиченъ.

— Да чего вы?...—бормоталъ Преле.

— Ничего, ничего! Пойдите еще такъ у двери! Такъ!

— Выше чугуна... Еще выше! Такъ! Въ этой позѣ вы непременно должны сняться!

— Ахъ, я и не думаю объ этомъ. Вотъ здѣсь два фунта, собственными руками испеченые, для всего общества... Да перестаньте же, наконецъ, фрейленъ Якоби! Относительно васъ можно вполне вѣрно сказать: людская награда—неблагодарность.

— Не сердитесь! Вы замѣчательно хорошій человекъ, я всегда говорила это! Испечь мнѣ каштаны! Какъ это трогательно!

— Вы ужасно не бережливы!—замѣтила г-жа Лерснеръ.

— Да?—вскричалъ Преле, сияя.—Если бы словолитня не давала мнѣ...

— На ваше счастье, отливка буквъ даетъ больше, чѣмъ драматическое искусство!—сказалъ Родерихъ.

Эмма дружески взглянула на недовольнаго поэта.

— Пробовали вы обращаться въ городской театръ съ вашей пьесой *Робестьеръ*?—спросила она въ полголоса.

— Нѣтъ; это было бы совершенно бесполезно, такъ какъ я изображаю героя не кровожаднымъ чудовищемъ, а убѣжденнымъ фанатикомъ...

— Ну, съ *Гракхами*? Да? Директоръ, навѣрное, очень любезный и понимающій человѣкъ.

— Только и онъ преклоняется передъ успѣхомъ. Кто такое Родерихъ Лундъ? Я не знаю такого! У меня нѣтъ времени и желанія производить опыты! Повѣрьте мнѣ, фрейленъ Эмма, я уже слышу, какъ этотъ любезный и образованный человѣкъ...

— Не прочтете ли вы намъ, что написали съ тѣхъ поръ, какъ мы слышали?—спросила г-жа Лерснеръ. — Вы знаете, мы принимаемъ въ васъ живое участіе. Хотите?

— Автору необходима публика,—отвѣтилъ Родерихъ,—но я не знаю, могу ли я утруждать г. Вельнера...

Отто поспѣшилъ завѣрить, что онъ съ величайшимъ интересомъ будетъ слушать.

— Значить,—заговорила черезъ минуту веселая Адель,—г. Родерихъ, вы не должны на меня обижаться... Какъ разъ на этой недѣлѣ страшно много дѣла... Мнѣ необходимо надо на службу...

— Опять?—спросила г-жа Лерснеръ.

— Бъ сожалѣнію. Осенью это часто повторяется. Иногда еле на ногахъ держишься! Хозяинъ требуетъ!

— Я думаю, что хозяинъ могъ бы по вечерамъ оставлять васъ въ покоѣ! — вскричалъ Преле съ досадой.—Въ половинѣ восьмого вы пришли, а въ половинѣ девятого должны опять являться! Вездѣ ужъ запираютъ въ это время!

— Да, вѣдь, это вовсе не такъ ужасно!—замѣтила Адель.—Сегодня по исключительному случаю продолжится до одиннадцати... И такъ, г. Лундъ, мнѣ очень досадно...

— Не можетъ быть! Знаете что, фрейленъ Адель? Мнѣ кажется, что вы охотнѣе прослужите до одиннадцати за прилавокъ, чѣмъ полчаса прослушаете мои стихи!

— Вы такъ думаете?

— Почему бы мнѣ не хотѣть слушать вашего *Краха*, или какъ онъ тамъ называется? Только въ послѣдній разъ я такъ устала... Но уже было четверть десятого...

— Неужели?—засмѣялся Родерихъ.

— Навѣрное! Вообще, г. Лундъ, вы не должны на меня обижаться. Ужасно влонить ко сну, когда такъ цѣлый день простоишь на ногахъ. Но мнѣ надобно идти, а то г. Туссеяъ опять

будеть недоволенъ, какъ недавно, когда я опоздала на пять минутъ. Пожалуйста, Эмма, дай мнѣ ключъ...

— Да мы еще не будемъ спать и отопремъ тебѣ, — сказала г-жа Лерснеръ.

— Да, для того, чтобы мнѣ опять полчаса мерзнуть и отколотить себѣ руки? Вы ничего не слышите! Да теперь, въ это горячее торговое время, и не узнаешь, когда г. Туссенъ отпуститъ; можетъ быть, и въ половинѣ двѣнадцатаго. Помогите мнѣ, пожалуйста, надѣть пальто; оно такъ тяжело и неуклюже: уже давно пора новое. Прощайте, тетя! Прощайте, г. Преле! Прощайте!

Она вытащила изъ кармана цвѣтную восковую свѣчку, зажгла и быстро спустилась съ лѣстницы.

ГЛАВА VII.

Преле смотрѣлъ вслѣдъ удаляющейся Адели, какъ путникъ на заходящее свѣтило. Въ его сердце закралась мучительная тоска, выразившаяся и на его измѣнившемся лицѣ. Сегодня пятница, и уже второй вечеръ на этой недѣлѣ онъ лишенъ лучшаго утѣшенія. Фрейленъ Якоби! Въ этомъ имени заключались его радость, счастье и жизнь. Правда, онъ зналъ, что рядомъ съ хорошенькою, веселою Аделью онъ неотесанный медвѣдь, что стоитъ ей только протянуть маленькій пальчикъ своей изящной ручки, чтобы составить самую блестящую партію, и что поэтому ему надѣяться нечего.

Но что значитъ разсудокъ въ борьбѣ со страстью? Въ продолженіе многихъ лѣтъ Фрицъ Преле занимался только исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, а праздники проводилъ въ танцевальныхъ залахъ и пивныхъ. Потомъ распространившаяся социалистическая эпидемія заразила и этого трудолюбиваго, честнаго, но лишеннаго твердыхъ убѣжденій человѣка. Подъ влияніемъ безумнаго движенія онъ воспылалъ сословною ненавистью и всѣ встрѣчающіяся ему непріятности сваливалъ на плечи буржуазіи. Люди, воображающіе себя благодѣтелями народа, вполне опредѣленно сказали: только эгоизмъ буржуазіи виноватъ въ томъ, что всѣ вы не роетесь въ золотѣ. И добрый Преле все сваливалъ на буржуазію; болѣла ли у него въ понедѣльникъ голова съ похмѣлья, онъ проклиналъ грѣхи бур-

жуазин; опаздывалъ ли онъ на службу и получалъ выговоръ, онъ ужасался развратности вѣка. Когда все шло хорошо, Преле съ своими фантастическими несчастіями былъ прелестнѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ; но можно было заранѣе быть убѣжденнымъ, что серьезное несчастіе способно довести его фанатизмъ до совершеннаго сумасшествія.

Душа этого необыкновеннаго человѣка, какъ разъ въ ту минуту, когда противусемейные лжеучители вѣриво держали его въ своихъ рукахъ, исполнилась безграничною любовью. Фрицъ Преле любилъ и столько было поэзіи и нѣжности въ любви этого широкоплечаго плебея. Вечера въ квартирѣ Лерснеръ! О, какое блаженство заключалось въ нихъ, когда Адель сидѣла рядомъ съ нимъ! Какъ бывалъ онъ счастливъ, несмотря на ея насмѣшки и ссоры! И теперь опять исчезла эта неугомонная Адель, которую такъ трудно было понять и которая дѣлаетъ всегда то, чего отъ нея менѣе всего ожидаешь!

Бѣдному Преле сдѣлалось грустно.

— Не слѣдовало бы позволять фрейленъ Адели такъ поздно ходить одной, — проговорилъ онъ.

Г-жа Лерснеръ пожала плечами.

— Милый г. Преле...

— Я знаю, что вы скажете, — прервалъ ее Преле. — Вы думаете, что люди, живущіе своимъ трудомъ, не въ состояніи давать своимъ дочерямъ провожатыхъ: дѣвушки сами должны защищать себя. Совершенно вѣрно... Но, вѣдь, разница, когда дѣвушка возвращается изъ магазина въ семь или половинѣ восьмого, когда улицы еще полны народомъ, или когда она еще разъ идетъ по той же дорогѣ въ девять! А потомъ еще позднѣе! Можетъ быть, въ половинѣ двѣнадцатаго, сказала она. Боже мой, мнѣ бы слѣдовало пойти съ нею! У меня еще есть дѣла въ городѣ...

— Не ворчите, — сказала г-жа Лерснеръ, — она уже привыкла.

— Вы слишкомъ легко относитесь къ этому, — горячился Преле. — Пройдитесь когда-нибудь вечеромъ по главнымъ улицамъ! Тогда вы увидите этихъ проклятыхъ франтовъ, въ лайковыхъ перчаткахъ, съ сигарой во рту и тросточкой въ рукѣ... Да, вы не такъ замѣчаете, а нашъ братъ обращаетъ вниманіе. Потомъ они заговариваютъ съ проходящими дѣвушками. Ну, я

Больше ничего не скажу. Эта исторія уже давно сидитъ у меня на шеѣ.

— Вы преувеличиваете, г. Преле!

— Напротивъ! Я не могу только всего выразить. Скажите вы сами, фрейленъ Эмма!...

Легкій румянецъ залилъ щеки дѣвушки.

— Это очень можетъ быть, — отвѣтила она. — Но когда быстро идешь своею дорогой... Я нахожу, что дѣвушки болѣею частью сами виноваты.

Преле, повидимому, принялъ слова Эммы за подтвержденіе высказаннаго имъ.

— Не хотите ли вы мнѣ сказать, что съ вами никогда въ жизни не случилось подобныхъ исторій?

Эмма удивленно взглянула на Преле.

— Такъ какъ вы заговорили объ этомъ, — спокойно сказала она, — то я спрошу васъ по совѣсти: развѣ такія невѣжества позволяютъ себѣ только «франты въ лайковыхъ перчаткахъ», какъ вы ихъ называете? Не будьте же несправедливы!

— Я несправедливъ?

— Конечно, вы! При каждомъ удобномъ случаѣ вы распространяетесь, что честность, искренность и другія добродѣтели можно найти только у рабочихъ, а въ высшемъ классѣ...

— Для меня не существуетъ высшихъ классовъ. Всѣ люди равны, что же касается честности и искренности...

— Но, дѣти, — остановила г-жа Лерснеръ, — не спорьте же о такихъ неинтересныхъ предметахъ. Г. Лундъ прочтетъ намъ теперь конецъ своей трагедіи. Рабочіе и высшіе классы не должны намъ портить расположенія духа. Не правда ли, г. Лундъ, эти предметы не идутъ къ тому, что вы хотите читать?

— Почему же нѣтъ? — сказалъ Родерихъ, раздосадованный словами Эммы.

Фрицъ Преле посмотрѣлъ на часы. Съ той минуты, какъ г-жа Лерснеръ заговорила о трагедіи, онъ колебался между уваженіемъ къ таланту Родериха и влеченіемъ собственнаго сердца. Какъ только Адель скрылась въ дверяхъ, внутренній голосъ шепнулъ ему: «спѣши за ней! Только сегодня!» И теперь этотъ голосъ звучалъ еще громче. Но онъ побѣдилъ это желаніе, сообразивъ, что теперь довольно трудно догнать Адель.

Родерихъ принесъ свою рукопись.

Съ сильнымъ пафосомъ началъ онъ читать оконченный имъ сегодня актъ. Отто замѣтилъ, что онъ обращается исключительно къ Эмиѣ, какъ будто въ ней только и видитъ критикующую публику. На самомъ дѣлѣ, Фрицъ Преле былъ страшно невнимателенъ, г-жа Лерснеръ выказывала больше материнскаго участія, чѣмъ разумнаго сужденія, Эмма же, напротивъ, слушала съ необыкновеннымъ вниманіемъ; глаза ея блестя, маленькія ручки, до сихъ поръ усердно вышивавшія, спокойно лежали на колѣнахъ. Видъ этого непритворнаго участія заставилъ и Отто прислушаться повнимательнѣе. Не безъ предубѣжденія прослушалъ онъ первыя сцены; но каково же было его удивленіе, когда онъ, не зная предъидущихъ актовъ трагедіи, вдругъ почувствовалъ, что и его увлекаетъ эта истинно выдающаяся творческая сила. Нѣтъ сомнѣнія, это было выдающееся произведеніе.

Когда поэтъ кончилъ, Отто молча протянулъ ему руку; Эмма глубоко вздохнула и только г-жа Лерснеръ произнесла нѣсколько одобрительныхъ словъ.

Преле поднялся.

— Ну, я уйду теперь, — началъ онъ нервѣшительно. — Когда будетъ готовъ четвертый актъ... Меня интересуетъ, чѣмъ все это кончится. Вѣроятно, такъ какъ это трагедія, этому Граху плохо придется... Покойной ночи!

Онъ вышелъ изъ комнаты, побѣжалъ къ себѣ наверхъ, надѣлъ шапку и медленно спустился по темной лѣстницѣ. Онъ вышелъ на свѣжій, сентябрьскій воздухъ, снялъ съ головы шапку и пригладилъ рукой волосы; на его губахъ показалась улыбка.

«Богъ знаетъ, можетъ быть, это и лучше! — разсуждалъ онъ. — Что мнѣ было бы изъ того, если бы она тѣ полчаса, которые читала Родерихъ, прозѣвала бы въ свою прелестную ручку? Ну, а въ десять все бы удовольствіе уже кончилось! Теперь же я устрою...»

Онъ быстро зашагалъ къ городу съ единственною счастливою мыслью: увидать ее, проводить ее домой. О большемъ онъ и не мечталъ. Сказать ей хоть что-нибудь изъ того, что наполняло его сердце, что не давало ему покоя ни днемъ, ни ночью, казалось ему еще безумнѣе, чѣмъ схватить рукой колесо быстро провадившагося мимо него экипажа. Черезъ двадцать минутъ онъ достигъ хлѣбной площади. Освѣщенные часы церкви св. Георгія показывали четверть десятаго. Съ прият-

нымъ чувствомъ, что времени у него достаточно и что ждать придется не очень долго, онъ повернулъ въ широкую улицу Луизы, одну изъ главныхъ города. Направо и налево въ нѣкоторыхъ магазинахъ было еще освѣщено. Онъ шелъ, останавливаясь передъ окнами то табачнаго, то стѣснаго магазина, засунувъ руки въ карманы и насвистывая мандолину. Черезъ восемь номеровъ отсюда улица Луизы, 41, находился извѣстный модный магазинъ Туссена и Герольда, куда Адель была приглашена продавщицей. Преле пошелъ дальше. Онъ можетъ незамѣтно войти въ магазинъ, Адель не сразу замѣтитъ его. Да даже если и... Онъ хотѣлъ сказать себѣ, что для него это безразлично, но одно предположеніе, что Адель можетъ увидеть его, смутило его. Надо такъ устроить, чтобы встрѣча показалась случайностью.

Когда она выйдетъ, онъ случайно будетъ идти тою же дорогой. Тихонько, какъ медвѣдь, подкрадывающійся къ улью, пробрался онъ мимо домовъ. Теперь, по его расчету, онъ долженъ быть около 41 номера. Дѣйствительно, на подъѣздѣ висѣла огромная вывѣска съ золотыми буквами: «Туссенъ и Герольдъ». Но магазинъ былъ запертъ. На желѣзныхъ дверяхъ безмолвно висѣли тяжелые замки; ни шороха, ни свѣта, все точно вымерло.

Преле провелъ рукой по глазамъ. Можетъ быть, хозяинъ отпустилъ раньше, чѣмъ предполагала Адель? Но нѣтъ. Только одна дорога вела домой, такъ что онъ непременно бы встрѣтилъ ее. Вдругъ ему пришла въ голову ужасная догадка. Вся кровь прилила ему къ сердцу; онъ зашатался. Съ громкимъ стономъ прислонился онъ къ столбу ближайшаго фонаря; проходящій мимо городской подозрительно посмотрѣлъ на него, положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Проходите отсюда.

Въ другое время онъ не спустилъ бы этого полицейскому, но теперь ему было все равно; шатаясь, словно разбитый, онъ повернулъ назадъ.

Понемногу онъ сталъ успокаиваться.

— Глупости!—повторялъ онъ, сжимая голову руками.—Что она... она, навѣрное, давно дома. Я задумался... и не замѣтилъ, какъ она прошла. Да, да, она давно дома!

Онъ бросился бѣжать, какъ сумасшедшій, и черезъ десять ми-

нуть очутился около своего дома на Пескахъ. Задыхаясь, онъ вбѣжалъ на лѣстницу, не обративъ вниманія на то, что два раза упалъ. Онъ пришелъ какъ разъ въ ту минуту, когда хозяйка только что проводила Отто и Родериха Лунда и еще стояла на порогѣ съ лампой въ рукахъ.

— Господи! — вскричала г-жа Лерснеръ. — Вы бѣжите, какъ будто бы за вами гонится цѣлая шайка разбойниковъ. И на что вы похожи! Что съ вами?

— Ничего, ничего. Я... я только хотѣлъ за одно воспользоваться освѣщеніемъ.

Съ этими словами онъ близко подошелъ къ хозяйкѣ и жадно оглядѣлъ всю комнату; тамъ стояла фрейленъ Эмма съ только что зажженной свѣчкой; но напрасно онъ искалъ Адели.

— Фрейлейнъ Адель, вѣроятно, уже легла спать? — со страхомъ спросилъ онъ.

— Адель? Да, вѣдь, вы же знаете, что она до одиннадцати занята!

— Покойной ночи! — быстро проговорилъ онъ и побѣжалъ въ свою комнату.

Тамъ онъ заперся и бросился на кровать. Его умъ мутился, глаза горѣли.

— Что съ нимъ такое? — спросилъ Отто, разставаясь съ поѣтомъ.

— Ба, онъ влюбленъ въ дѣвушку; поэтому онъ пылаетъ ненавистью къ гг. Туссенъ и Герольдъ. Между нами, я думаю, онъ напрасно трудится. Насколько я знаю эту дѣвочку, она давно уже занята не этимъ!

ГЛАВА VIII.

Въ концѣ роскошныхъ квартиръ такъ называемаго Иоганништадта и началъ шумнаго торговаго квартала возвышалось громадное помѣщеніе известной издательской фирмы А. Х. Дюрень.

Оно заключало въ себѣ цѣлый городокъ. Здѣсь были не только большая типографія, словолитня, переплетная, ксилографическія и цинкографическія заведенія, но и собственные ремесленники: слесаря, плотники, каретники, механики и техники. Кроме того, здѣсь же помѣщалась редакція *Колокола* и со дня на день приобретающаго больше значенія *Государственнаго права*.

Перваго октября, въ девять часовъ утра, Отто стоялъ у главнаго подъезда и спрашивалъ у привратника, гдѣ редакція.

— Второй дворъ, лѣстница С, первый этажъ, № 17,—коротко отвѣтилъ тотъ, поворачивая спину.

— Найду я тамъ г. совѣтника?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ; тамъ г. докторъ Вольфъ.

— Можетъ быть, мнѣ надо представиться сначала г. совѣтнику?

— Это не дѣлается здѣсь. Хозяинъ приходитъ въ десять часовъ.

— Благодарю,—коротко проговорилъ Отто, раздосадованный обращеніемъ этого человѣка.—Такъ второй дворъ, лѣстница С...

— Первый этажъ, № 17, — лихорадочно повторилъ привратникъ.

Отто вошелъ въ первый дворъ, гдѣ возвышалось громадное зданіе съ высокими дымящимися трубами. Печально освѣщало солнце пустынную, сѣрую мостовую; кругомъ слышалось шипѣніе, жужжаніе, гулъ, стукъ безчисленныхъ машинъ. Онъ невольно остановился. Хотя онъ въ теченіе послѣднихъ недѣль и часто ходилъ осматривать мѣстность своей будущей дѣятельности, его, все-таки, поразилъ внутренній видъ этого двора, гдѣ, несмотря на гулъ работъ, царствовала такая тишина. Чувство, испытанное имъ, когда онъ шелъ съ Камиллой и Люциндой по мраморной лѣстницѣ оберхорхгеймской виллы, охватило его снова, хотя нѣсколько измѣненное. Тамъ его поразили безумная роскошь и блескъ, здѣсь видъ того, что доставляло эту роскошь. Какіе безчисленные капиталы заключаются въ этихъ стѣнахъ, похожихъ на крѣпость, во всей этой ковалъной машинѣ, работающей для наполненія сокровищами сундуковъ одного счастливца! Сколько рукъ неутомимо трудится, сколько колесъ вертится и скрипитъ, сколько умовъ думаетъ съ утра до ночи для него одного! И въ то время, какъ здѣсь въ золотомъ водоворотѣ собираются милліоны, человѣкъ съ выдающимся талантомъ Родериха сидитъ въ жалкой комнатѣ на Пескахъ, голодая и замерзая, если, повинувшись своему поэтическому вдохновенію, пренебрежетъ своимъ крошечнымъ ежедневнымъ заработкомъ.

— Станный свѣтъ!—проговорилъ Отто со вздохомъ.

Отто задумчиво стоялъ, почти забывъ о цѣли своего при-

хода, когда на плечо его опустилась чья-то рука. Обернувшись, онъ увидалъ добродушное лицо доктора Генриха Соломона.

— Здравствуйте! — сказалъ философъ своимъ громкимъ басомъ. — Я радъ, что вижу васъ. Намъ, вѣдь, по дорогѣ? Девять уже прошло, и, я думаю, у васъ будетъ достаточно работы. Бывшій секретарь оставилъ дѣла въ страшномъ безпорядкѣ и запущеніи: *après nous le déluge!* Я вижу, вы занимаетесь здѣсь, между прочимъ, топографіей... Внушительно, не правда ли? Но идемте, чтобы вамъ сразу не начать съ неаккуратности, сломавшей шею вашему предшественнику!

Отто послѣдовалъ за нимъ.

— И такъ, вы поступаете къ доктору Вольфу, — продолжалъ Соломонъ. — Я отъ всего сердца былъ бы радъ, если бы можно было найти вамъ занятія при *Правѣ*; между прочимъ, беллетристика тоже имѣетъ извѣстное преимущество... и въ особенности *Колоколъ*. Но оставимте это! Кстати, знакомы вы съ докторомъ Вольфомъ?

— До сихъ поръ я еще не имѣлъ чести, — возразилъ Отто. — Пршрое воскресенье я хотѣлъ представиться ему.

— Ну, доктора Вольфа вы оцѣните и полюбите какъ высоко образованнаго, хотя нѣсколько односторонняго человѣка... Онъ получилъ высшее академическое образованіе, но черезъ-чуръ беллетристъ. У него изрѣдка бываютъ опасные консервативные припадки! Но оставимте это! Наши дороги расходятся здѣсь. Смотрите, вонъ, лѣвый флигель, отъ угла до середины дороги, — все это помѣщеніе *Права*. Если васъ интересуеетъ это дѣло, то навѣстите меня когда-нибудь... Вообще вамъ надо осмотрѣть все это учрежденіе. Это необходимая пропедевтика! Вонъ, г. Вельнеръ, лѣстница. А вонъ стоитъ у окна самъ *Iupus in fabula!*

Онъ поклонился господину съ «консервативными припадками», крикнулъ Отто «до свиданья» и исчезъ въ одной изъ дверей налѣво.

Отто Вельнеръ поднялся по лѣстницѣ въ редакцію. Главный редакторъ принялъ его съ добродушною любезностью. Все въ немъ было соразмѣрно и гармонично; на тщательно выбритомъ подбородкѣ лежала черта вѣчной молодости, его мягкіе черные усы рѣзко отличались отъ щетинистыхъ усомъ Соломона, которые онъ постоянно окуналъ въ пѣнящіеся стаканы пива. Манера говорить была у него тоже совсѣмъ другая. Лео-

польдъ Вольфъ говорилъ просто и ясно, но всегда изящными оборотами и съ тѣмъ неподражаемымъ достоинствомъ, которое составляетъ тайну древне-классическаго воспитанія. Слова привѣтствія, сказанныя имъ новому секретарю, были какъ будто крылаты — *ἔπεα πτερόεντα* — и коснулись его слуха мелодично, какъ стихи Одиссея.

Отто, какъ и предсказывалъ Соломонъ, нашелъ дѣла въ страшномъ безпорядкѣ; съ свѣжими силами принялся онъ за работу. Такъ прошло время до пріемныхъ часовъ. Едва часы пробили одиннадцать, Клаусъ, фактотумъ экспедиціоннаго бюро, доложилъ о приходѣ дамы.

Докторъ Вольфъ кивнулъ головой; вслѣдъ за этимъ въ комнату вошла высокая блондинка.

— Тысячу разъ прошу извиненія...—начала она съ необыкновенною поспѣшностью.

— Сдѣлайте одолженіе! Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Мое имя Таровъ, вдова Марианна Таровъ. Я вижу, г. редакторъ...

— Не угодно ли вамъ сѣсть,—любезно предложилъ ей докторъ Вольфъ.

Вдова Таровъ сѣла на кожаную софу и продолжала нетвердымъ голосомъ:

— Я въ нѣсколькихъ словахъ объясню вамъ причину моего прихода. Пять недѣль тому назадъ вы напечатали въ *Волоколт* рассказъ, въ которомъ описано... какъ бы это мнѣ сказать?... содержаніе котораго частью...

Марианна Таровъ поднесла платокъ къ губамъ, она задыхалась немного, потомъ, чуть не плача, она проговорила:

— Видите ли, г. редакторъ: въ четвертой главѣ этого разсказа описывается салонъ графини Этельки. Что происходитъ въ этомъ салонѣ, мнѣ незачѣмъ вамъ повторять. Подъ именемъ Этельки,—я это достовѣрно знаю,—изображена я, г. редакторъ, конечно, въ самомъ каррикатурномъ видѣ, но, все-таки, такъ, что всякій можетъ меня узнать.

— Неужели? У васъ есть доказательства такого предположенія?

— Конечно! Вѣрнѣйшія! Мое имя, напимѣръ,—правда, не то, которымъ меня всегда зовутъ,—Адельгейдъ; и вдругъ я случайно узнаю, что Адельгейдъ по-венгерски Этелька. Эта Этелька ведетъ себя такъ неприлично, что я удивляюсь, какъ можно

беззащитную женщину, — она поднесла платокъ къ глазамъ, — даму, честь которой выше всякаго подозрѣнія... О, это низко, подло!...

Докторъ Вольфъ при послѣднихъ ея словахъ нервно ударялъ по столу костянымъ ножомъ.

— Милостивая государыня, — прервалъ онъ ее, — мнѣ совершенно непонятна ваша экзальтація. Вѣдь, какъ-нибудь надо же называть героевъ и героинь нашихъ повѣстей! Вы же сами говорите, что характеристика и поступки не подходятъ къ вамъ... Или, можетъ быть, гдѣ-нибудь есть случайная аналогія?

— Вашъ вопросъ оскорбителенъ!

— Такъ видите!

— Да, но...

— Вообще, — холодно продолжалъ редакторъ, — ваше волненіе основывается на совершенномъ незнаніи основныхъ правилъ. Вы, можетъ быть, даже убѣждены, что Гёте написалъ *Фауста*, чтобы осмѣять типъ своего Вагнера. Это значило бы выстроить готическій соборъ, чтобы загородить видъ портнихъ на чердакѣ.

Марианна Таровъ задумалась. Съ минуту она еще колебалась, потомъ, наконецъ, убѣжденная логикой редактора, проговорила что-то о своей «нервности, представляющей все въ черномъ цвѣтѣ», и съ просьбою о молчаніи простилась.

Редакторъ Вольфъ, иронически улыбаясь, проводилъ ее до дверей.

— Видите, добрыйшій г. Вельнеръ, — проговорилъ онъ, возвращаясь, — у нея, навѣрное, нечистая совѣсть! Дѣло въ томъ, что редакторъ распространеннаго еженедѣльнаго журнала — духовникъ чуть ли не всей націи!

И въ продолженіе слѣдующихъ часовъ Отто имѣлъ возможность заглянуть за кулисы редакціи распространеннаго журнала, и то, что онъ узналъ, вовсе не послужило къ уменьшенію его недовольства свѣтомъ и бюргерскимъ обществомъ.

Клаусъ ввелъ широкоплечаго мужчину, лѣтъ пятидесяти; онъ по-товарищески раскланялся и произнесъ громкимъ, увѣреннымъ голосомъ:

— Я поэтъ Эдуардъ Хагенталь.

— Хагенталь? — повторилъ редакторъ съ величайшею сдержанностью. — Къ моему стыду, я долженъ сознаться...

— Эдуардъ Хагенталь изъ Нидервельштадта въ Рейнгес-

сенѣ,—проговорилъ авторъ, причеъ его круглая голова съ рѣдкими волосами гордо откинулась назадъ.

— Сожалѣю. Ваше имя мнѣ совершенно незнакомо.

— О, Хагенталь, авторъ *Эльмисъ*? Это можетъ быть только вслѣдствіе удивительной случайности! Но подобныя невѣроятности можно исправить. Я самъ, — повѣрите ли это нѣмецкому писателю?—я самъ, напримѣръ, только три или четыре года...

— Г. Хагенталь, мое время разсчитано. Могу я васъ просить какъ можно короче высказать, что привело васъ сюда?

— Какъ можно короче! Я самъ держусь этого правила! У меня есть четырнадцать листовъ разсужденій объ уходѣ за цвѣтами, о сѣменахъ и т. д.

Онъ вытащилъ изъ кармана объемистую рукопись.

— Могу я васъ просить повнимательнѣе просмотрѣть эту капитальную работу?

Докторъ Вольфъ взялъ въ руки большой свертокъ; на первой страницѣ было каллиграфически написано: *Флора*.

— Да, но что же вы хотите, милостивый государь?—сказалъ неожиданно редакторъ.—Эта работа была уже у васъ и возвращена вамъ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ Хагенталь.—Вы возвратили мнѣ ее около тридцатаго марта, не просмотрѣвъ даже ея содержанія... Но я не изъ обидчивыхъ, и потому, уважаемый г. докторъ... Я согласенъ на скромное вознагражденіе въ 2,000 марокъ.

— Но вамъ извѣстно, что нашъ журналъ не помѣщаетъ такихъ длинныхъ статей. Кромѣ того, вашъ слогъ... и вообще все сочиненіе полно ошибокъ.

— Ихъ можно будетъ исправить.

— Не трудитесь, г. Хагенталь. Ваша работа неисправима. Вотъ!

Хагенталь принялъ рукопись, нахмуривъ лобъ.

— Вамъ, значить, не угодно?—глухо спросилъ онъ.

— Нѣтъ!

— Хорошо! Кестнеръ купитъ у меня на вѣсь золота эту статью. Я давно въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ кестнеровскою редакціей!

— Тѣмъ лучше!

— Между тѣмъ...

— Что же вамъ угодно еще?

— Вы знаете, г. редакторъ, съ какою неаккуратностью выдается теперь гонораръ даже самыми уважаемыми редакціями. Я хотѣлъ... Не поймите меня ложно...

Докторъ Вольфъ молча вытащилъ кошелекъ и досталъ блестящую монету въ 50 пфенниговъ.

— Если могу этимъ служить вамъ?

— Прошу васъ мнѣ вѣрить, — бормоталъ Хагенталь.

Чему докторъ Вольфъ долженъ вѣрить, осталось неизвѣстностью.

Такимъ образомъ, онъ вышелъ изъ комнаты съ рукописью въ 2,000 марокъ въ одной рукѣ и съ монетой въ 50 пфенниговъ—въ другой.

На смѣну автору *Флоры* въ редакцію явилась странная высокая фигура старой дамы; ея некрасивое чопорное лицо по-синѣло отъ свѣжаго октябрьскаго воздуха. Къ величайшему удивленію Отто, докторъ Вольфъ принялъ эту даму съ необыкновенною предупредительностью, такъ какъ Клаусъ, отворяя дверь Хагенталю, положилъ на столъ визитную карточку съ элегантною готическою надписью: «Баронесса Элеонора Сунтгельмъ-Хидензое».

— Я привезла уже извѣстную вамъ статью,—начала баронесса сладенькимъ голоскомъ.—Я не могла отказаться отъ удовольствія лично передать вамъ эту рукопись, такъ какъ я должна еще поблагодарить васъ за вашу любезную замѣтку о прошлогоднемъ рождественскомъ торжествѣ.

Докторъ Вольфъ сказалъ ей нѣсколько любезныхъ словъ и взялъ рукопись.

— Этотъ рефератъ вышелъ изъ-подъ пера нашего юнаго таланта,—продолжала баронесса.—Вамъ, какъ редактору, я могу сказать, но попрошу васъ не распространять этого. Это Эвальдъ, Буртъ Эвальдъ, даровитый новеллистъ и трагикъ. Профессоръ Соломонъ, къ которому я два раза обращалась, былъ настолько нелюбезенъ, что отвѣтилъ, будто редакція завалена работой, и выставилъ другія тому подобныя отговорки.

— Вы не должны на него обижаться, баронесса. Для Соломона существуютъ только двѣ сферы человѣческой дѣятельности: политика и философія.

— Ну, я думаю, для вашего *Колокола* отказъ Соломона не будетъ имѣть значенія. Статья хорошо написана и Эвальдъ от-

лично съумѣлъ ступевать частное, а общечеловѣческое выдвинуть на свѣтъ. Если онъ кое-гдѣ и выставяетъ мои скромныя заслуги...

Докторъ Вольфъ сдѣлалъ любезный жестъ, будто намѣреваясь сказать: я знаю вашу необыкновенную доброту.

— И когда приблизительно появится эта статья?

— Во всякомъ случаѣ еще до Рождества.

— Я надѣюсь на вашу испытанную любезность. Бстати, что касается чтенія корректуръ...

— Я самъ займусь этимъ съ величайшимъ усердіемъ, я самъ, баронесса!

Элеонора фонъ-Сунтгельмъ-Хиддензое поблагодарила и удалилась съ благосклонною улыбкой.

— Вотъ,—сказалъ редакторъ, кладя рукопись на столъ Отто,—просмотрите немножко. Я боюсь, намъ придется надъ этимъ поработать.

Отто прервалъ свою работу и взглянулъ на тетрадку желтой почтовой бумаги, шитую краснымъ шелкомъ, болѣе похожую на собранные по порядку любовныя письма, чѣмъ на литературную рукопись.

Онъ прочелъ: *Празднество въ пользу женщинъ, лишенныхъ средствъ къ существованію*. Очеркъ К. Э.

Такъ этотъ господинъ, котораго онъ видѣлъ на оберхорхгеймской дачѣ и на котораго не обратилъ вниманія, былъ новеллистъ, трагикъ и, сверхъ всего, референтъ городскихъ событій въ области филантропіи! Теперь онъ заинтересовалъ его.

Молодой блондинъ съ славянскимъ акцентомъ съ записною книжкой въ лѣвой и карандашемъ въ правой рукѣ оторвалъ отъ размышленій вновь испеченнаго секретаря редакціи.

— Позвольте, г. докторъ, мнѣ представиться,—началъ онъ вѣжливо, подходя къ редактору. — Мое имя дворянинъ Іосифъ Боханскій. Я корреспондентъ *Западно-Германской Почты*, сотрудникъ *Новаго Германскаго Курьера*, *Вѣнскаго Вечернаго Журнала* и *Сѣверо-Германскаго иллюстрированнаго* и множества другихъ высокоуважаемыхъ газетъ Германіи и чужихъ краевъ. Я пришелъ узнать, не нужно ли г. доктору для *Колокола* чего-нибудь культурно-историческаго или въ этомъ родѣ,—я хочу сказать: объ испанской инквизиціи, напримѣръ?.. Да, остановимся на испанской инквизиціи! Очень своевременно! Я въ этомъ, кстати,

специалистъ... Сколько листовъ вы прикажете, г. докторъ? Что? Уже есть? Жалко! Ну, такъ я напишу вамъ что-нибудь объ исторіи развитія русскаго нигилизма... Очень важно... Что? Тоже уже есть? Въ такомъ случаѣ...

Онъ перелистывалъ свою записную книжечку.

— Это годится: *Исслѣдованіе древнекатолическаго движенія въ Германіи*? Такъ какъ я самъ не принадлежу теперь ни къ одному религіозному обществу, то могу быть совершенно безпристрастнымъ. Скажемъ: пять листовъ! Что?

Докторъ Вольфъ, знакомый съ многостороннимъ талантомъ Боханскаго, такъ какъ имя этого не лишеннаго таланта юноши красовалось въ самыхъ разнообразныхъ журналахъ, коротко объявилъ ему, что *Колоколъ* вообще не касается никакихъ спорныхъ религіозныхъ вопросовъ.

— Такъ, — сказалъ Боханскій. — Этого я не замѣчалъ. Хорошо, эту тему я оставляю для *Revue de Genève*. Вѣдь, вы знаете, я сотрудникъ *Revue de Genève*... очень порядочный журналъ и хорошо платить. Но не можете ли вы что-нибудь другое выбрать? Разсужденія о Помпадуръ? Слишкомъ много критики? Можетъ быть, вы сообразовите выбрать изъ слѣдующихъ: *Китайскія свадьбы, Основныя истины дарвинизма, Вліяніе Шопенгауера на современную беллетристику, Соціальное положеніе провинціальныхъ минеземеровъ*...

— Да у васъ здѣсь цѣлая коллекція!

— О, да, — отвѣчалъ бѣлокурый юноша. — Это все темы высшаго стиля. Вотъ здѣсь, — видите, на страницѣ восьмой? — здѣсь темы для такъ называемой средней публики, что больше дѣйствуетъ на сердце. Угодно *Послѣдній день одинокаго? Или Любовь матери?* Посмотрите: *Любовь матери*. Это будетъ восхитительно! Скажемъ: шесть листовъ материнской любви! Это въ высшей степени трогательно! Молодая дѣвушка, я назову ее Булалія, или, можетъ быть, вамъ больше понравится другое имя...

— Но, г. Боханскій, у меня голова кружится отъ вашего запаса идей. Писанье по заказу... Право, вы оригинальный человекъ! Напишите, что хотите, и пришлите намъ, и если намъ годится, то мы напечатаетъ.

— Хорошо, очень хорошо! Значить, *Любовь матери!*

На одной изъ послѣднихъ страницъ записной книжки онъ написалъ:

«Докторъ Вольфъ, *Колоколъ*, *Любовь матери*, шесть листовъ, много чувства и грустнаго колорита».

— Такъ! Это будетъ сдѣлано! Г. редакторъ останетесь довольны моею работой... Позвольте мнѣ еще одинъ вопросъ, г. редакторъ. Не знаете ли вы, куда переселился *Семейный Журналъ*?... Отсюда налѣво? Тамъ есть, вѣроятно, вывѣска! Такъ. Благодарю васъ! Очень приятно! Честь имѣю...

Когда Иосифъ Бюханскій, сотрудникъ и корреспондентъ столькихъ разнообразныхъ журналовъ, удалился изъ редакціи *Колокола*, Отто углубился въ чтеніе описанія празднества. Самая наружность баронессы показала ему въ высшей степени антипатичной, теперь же, читая громкія восхваленія «славной самаритянкѣ» и жалкое кокетничаніе чувствами состраданія, самопожертвованія и самоотреченія, ему сдѣлалось противно. Отто отложилъ рукопись въ сторону. Передъ нимъ, неопытнымъ провинціаломъ, чувствуящимъ священный страхъ ко всему напечатанному, передъ нимъ промелькнулъ въ теченіе четверти часа рядъ грустныхъ картинъ: празднующійся литераторъ въ самомъ жалкомъ положеніи, писатель-ремесленникъ, выражающій мысли и чувства по предписанному рецепту, и жаждущая рекламы фарисейка.

Когда пробило двѣнадцать, Клаусъ проводилъ до лѣстницы послѣдняго изъ обычныхъ, ежедневныхъ посѣтителей редакціи журналовъ. Докторъ Вольфъ подошелъ къ Отто.

— Ну? — спросилъ онъ, указывая на рукопись. — Прочитали?

Отто отвѣтилъ утвердительно и прямодушно высказалъ свой взглядъ.

— Да, — да, — отвѣчалъ редакторъ, — это одна изъ тѣхъ благотворительницъ рода человѣческаго, которыя ни на минуту не могутъ забыть своего милаго Я! Но, au fondъ развѣ это вредить? Несчастный, получая спасительный золотой, совершенно равнодушенъ къ мотивамъ пожертвованія.

Онъ перелистывалъ тетрадь.

— Правда, яркія краски! Очень яркія! Ярко-красныя и фіолетовая! Гм... «Это была трогательная, потрясающая картина: основательница и попечительница богоугоднаго института среди

проливаемых слезы благодарности»... Добрый Эвальд! Ну, подобныя мѣста черезъ-чуръ увлекагося усердія можно вычеркнуть...

Въ эту минуту въ дверь громко постучали. Въ комнату вошелъ Гейнрихъ Соломонъ съ корректурнымъ листомъ въ рукахъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста!—началъ онъ, бросая шляпу на ближайшій стулъ.—Вашъ корректоръ невозможный человѣкъ! Въ третьей гранѣ сдѣлалъ огромный пропускъ! Посмотрите вотъ здѣсь, гдѣ стоитъ: «то, что требовалось доказать»,—здѣсь пропущено, по крайней мѣрѣ, пятнадцать строчекъ, гдѣ я критически объяснялъ извѣстную гейневскую параллель между Батонъ и Робеспьеромъ...

— Тысячу разъ прошу у васъ извиненія,—прервалъ его редакторъ.—Важныя соображенія принудили меня вычеркнуть это мѣсто.

— Какъ? Вы оставляете тѣло безъ головы? Но позвольте...

— Ваши разсужденія непонятны для средней публики, къ тому же...

— Дорогой коллега, — торжественно началъ докторъ Соломонъ,—вы знаете, какъ я уважаю васъ. Вы талантливый лирикъ, хорошій новеллистъ, но въ философскихъ вопросахъ я рѣшительно оспариваю вашу критическую компетенцію. Я настоятельно прошу васъ или сейчасъ же вставить выпущенныя мѣста, или отказаться отъ всей статьи. Я не могу оставить высшія проблемы человѣческаго существованія въ зависимости отъ прихоти беллетриста, основывающейся на какой-нибудь ритмической какофоніи или другой какой-нибудь формѣ.

— Увѣрю васъ,—отвѣчалъ Вольфъ,—здѣсь совершенно особенныя основанія.

— Ну, такъ, стало быть, это просто есть ретроградныя соображенія, ультра-консервативныя тенденціи! Робеспьеръ... Въ самомъ этомъ имени есть что-то ужасающее для германской семьи! О, я понимаю васъ, милѣйшій Вольфъ! Вы называете себя либераломъ, а на самомъ дѣлѣ... Но оставьте это! Вы знаете мое условіе?

— Батонъ младшій! Что можно выслушать отъ этого господина, переходить границы вѣроятнаго! Ну, мой милѣйшій, я еще разъ обдумаю это. Однако, опасно васъ раздражать: если вы

сдѣлаетесь когда-нибудь президентомъ соединенныхъ штатовъ Европы, то вы, пожалуй, отомстите.

— Я сдѣлаю васъ главою реакціонной оппозиціи, — отвѣтилъ редакторъ *Права*.

Потомъ онъ обратился къ Отто:

— Я предостерегаю васъ, молодой человѣкъ! Не пропускайте себѣ слишкомъ глубоко въ душу сладкій ядъ этого образцоваго лирика! Заглядывайте въ великія проблемы нашего вѣка! Между нами сказать, вѣдь, это смѣшно! Сидятъ господа редакторы и издають журналы, а о живѣйшихъ вопросахъ политики, политической экономіи говорятъ съ фарисейскимъ высокомеріемъ. Вотъ подойдите къ окну, взгляните на эту толпу — фундаментъ современнаго государства, и, говоря фигурально, снимите передъ нею шляпу.

Онъ взялъ Отто за руку и потащилъ къ окну. Тысячи рабочихъ, мужчины въ блузахъ, кафтанахъ и сюртукахъ, женщины въ поношенныхъ платьяхъ, представители различныхъ отдѣленій, корректоры, разсылные и другіе, всѣ пестрою толпой двигались по базальтовой мостовой. Вотъ прошелъ и Преле, словолитчикъ, сдвинувъ шапку къ лѣвому уху.

Какое смѣшеніе голосовъ, какой шумный хаосъ вопросовъ, отвѣтовъ, привѣтствій и громкаго смѣха! Въ особенности выдѣлялись женскіе голоса. Нѣкоторыя дѣвушки взглядывали въ окно, гдѣ стояли Отто и Соломонъ.

— Это относится къ редактору — сказалъ философъ. — Я убѣжденъ, что, по крайней мѣрѣ, пятнадцать работницъ этого учрежденія смертельно влюблены въ Вольфа-лирика.

— Ну, что вы скажете теперь? — спросилъ Соломонъ. — Для сонетовъ и гимновъ это ничто, а почтенная нѣмецкая проза могла бы создать изъ этого эпопеи. Вообще, молодой человѣкъ, если вы хотите сочинять стихи, — я не знаю, сильны ли вы въ стихотворствѣ, но говорю на всякій случай, — то отучитесь отъ стиховъ. Эти дактили и анапесты... Богъ мой, кому это первому пришла такая странная идея... вѣдь, это смѣшно. Но оставимъ это! Впрочемъ, я съ удовольствіемъ замѣчаю, какъ васъ заинтересовала только что пережитая сцена реальной жизни. То, что вы видѣли внизу, также рабочій вопросъ, заключенный въ тѣсныя рамки дюренскаго двора. Да, да, любезный Вольфъ, нечего улыбаться, это такъ! Я вамъ еще кое-что скажу дорогой, г. Вель-

неръ; какъ только возможно будетъ, я покажу вамъ внутренность этого грѣпкаго организма! Нужно изучить общество для того, чтобы философски понимать его. Особенно же займитесь вы, молодой человѣкъ, государственнымъ правомъ, политикой. Политика, это—практическая философія; она необходима для каждаго мыслящаго человѣка. Посѣщайте наши собранія. Послушайте устарѣвшія фантазіи консерваторовъ, сердечныя изліянія либераловъ, лицемѣрную риторику социаль-демократовъ! Это образуетъ! Этого не достаетъ еще вамъ! Но, впрочемъ, оставимъ это! До свиданья!

Съ этими словами онъ удалился.

«Оригинальный товарищъ, — подумалъ Отто, смотря ему вслѣдъ.—Но его интересно послушать! Но почему бы мнѣ не... Если судьба отказала мнѣ въ радости художественно изображать это измѣнчивое стремленіе, то я попробую волной влиться въ этотъ потокъ... Профессоръ правъ! Я изучу это удивительное общество со всѣми его болѣзнями и извращенностью. Я посмотрю, на что я ему гожусь и стоитъ ли изъ-за него волноваться, какъ Преле и Родерихъ».

В. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Подушная подать и отѣна холопства въ Россіи *).

II.

Церковь и холопство.

Въ исторіи русскаго права трудно найти другой институтъ, который достигалъ бы такой юридической выработки и, вмѣстѣ, служилъ бы въ продолженіе многихъ вѣковъ такимъ могущественнымъ рычагомъ народнаго хозяйства, какъ холопство. Эту юридическую выработку и такое экономическое значеніе оно получило, благодаря своей гибкости, которая дѣлала его способнымъ принимать самыя тонкія и разнообразныя юридическія опредѣленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣняться къ измѣнчивымъ условіямъ народнаго хозяйства. Въ опытѣ о происхожденіи крѣпостнаго права въ Россіи пишущій эти строки пытался описать разнообразныя юридическія виды, на какіе развѣтвилось холопство съ начала XVI вѣка **). Читатель могъ видѣть, какъ этимъ своимъ развѣтвленіемъ оно задержало свободный ростъ многочисленнаго класса владѣльческихъ крестьянъ, прививъ къ нему нѣкоторыя изъ своихъ юридическия особенности. Исторія института усложнилась еще тѣмъ, что рядомъ съ юридическими видами холопства развивались виды экономическія, посредствомъ которыхъ холопъ становился орудіемъ удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ потребностей народнаго хозяйства. Этотъ экономическій процессъ, ранѣе начавшійся, завершился фактомъ не менѣе важнымъ, но противоположнымъ тому, къ какому привелъ процессъ юридическій. Кабальное холопство, развивавшееся изъ долговаго обязательства посредствомъ усвоенія закладничества нѣкоторыхъ началъ полного холопства, захватывая по мѣрѣ своего юридическаго развѣтвленія все болѣе широкій кругъ гражданскихъ отношеній, коснулось и ссудныхъ обязательствъ владѣльческаго крестьянства и, прививъ къ нимъ холопій принципъ, отказъ обязаннаго ссудой лица отъ права прекратить зависимость возвратомъ ссуды, помогло превратить эти обязательства въ крѣпостную зависимость. Напротивъ, экономическія условія страны заставили рабовладѣльцевъ направить рабочія силы холопства на такія опе-

*) *Русская Мысль*, кн. V.

**) *Русская Мысль* 1885 г., кн. VIII и X.

раціи народнаго труда, которыми, главнымъ образомъ, поддерживалось государственное хозяйство, изъ которыхъ оно извлекало самыя надежныя свои средства. Это сблизило холоповъ въ экономическомъ отношеніи съ податнымъ населеніемъ государства, всего болѣе съ крестьянствомъ, а сходство экономическаго положенія поставило холопство въ одинаковыя съ крестьянствомъ отношенія къ государству. Прежде холопъ не имѣлъ непосредственной связи съ государствомъ, привязывался къ нему посредствомъ своего господина, не несъ на себѣ государственныхъ обязанностей, былъ отчужденъ отъ государства своимъ господиномъ; теперь, принявшись за крестьянскія занятія, холопство должно было принять на себя и государственныя повинности, лежавшія на крестьянахъ, что положило конецъ его юридическому существованію. Поэтому послѣдніе моменты обоихъ процессовъ, юридическаго и экономическаго, можно представить въ такой схемѣ: первый процессъ вовлекъ частныя отношенія владѣльческаго крестьянства въ сферу холопства, крѣпостнаго рабовладѣльческаго права, а процессъ экономической, наоборотъ, втянулъ холопство въ кругъ государственныхъ отношеній крестьянства. Этимъ послѣднимъ фактомъ и завершилась продолжительная подготовка юридическаго слиянія холоповъ съ владѣльческими крестьянами, закрѣпленнаго указами о первой ревизіи. Достоинно вниманія значеніе двухъ высшихъ классовъ древнерусскаго общества въ обоихъ этихъ процессахъ. Въ процессѣ юридическомъ роль первоначальныхъ руководителей принадлежала свѣтскимъ землевладѣльцамъ, въ экономическомъ—землевладѣльцамъ церковнымъ; если первые много содѣйствовали отчужденію крестьянъ отъ государства посредствомъ распространенія на нихъ холопскихъ отношеній, то дѣломъ послѣднихъ была первоначальная подготовка холопства къ прямому служенію государству посредствомъ участія въ крестьянскихъ повинностяхъ. Первыхъ слѣдовъ этой подготовки надобно искать въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго права.

Въ концѣ VI вѣка византійскій императоръ Маврикій, наблюдая бытъ задунайскихъ славянъ, замѣтилъ, что они не обрекаютъ плѣнныхъ на вѣчное рабство, какъ дѣлаютъ другіе народы, но что по истеченіи известнаго срока плѣнникъ у нихъ получаетъ право выкупаться на волю и воротиться на родину или остаться среди славянъ и жить вольнымъ человекомъ. У той вѣтви славянъ, которая вскорѣ послѣ Маврикія отлила на Дунай, не замѣтно этого обычая. Въ договорахъ Руси съ греками X вѣка встрѣчаемъ условіе, по которому жители одной изъ договаривающихся странъ, попавшіе плѣнными въ другую, выкупались по установленной холопей такѣ или текущей «челядинной цѣнѣ» и возвращались въ отечество. Но это условіе не доказываетъ того, что на Руси X вѣка дѣйствовалъ обычай, замѣченный Маврикіемъ у славянъ VI вѣка: это—условіе международнаго договора, вѣроятно, и внушенное греками, законодательство которыхъ признавало за купленнымъ плѣнникомъ право выкупаться на волю, заплативъ купившему его господину

условную по взаимному соглашенію цѣну. Арабскій писатель X в. Ибнъ-Даста замѣчаетъ о руссахъ, что они хорошо обращаются съ рабами; но это черта русскихъ нравовъ, а не русскаго права того времени. Въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго права холопство является очень суровымъ институтомъ съ рѣзко очерченными границами. Холопъ, ударившій свободнаго человѣка, еще при Ярославѣ I могъ быть убитъ безнаказанно потерпѣвшимъ; даже во времена Двинской уставной грамоты, въ концѣ XIV вѣка, законъ не рѣшался подвергать взысканію господина, отъ побоевъ котораго умиралъ холопъ. *Русская Правда* не различаетъ видовъ холопства: она знаетъ одно холопство *обельное*, т.-е. полное, вѣчное, потомственное и наследственное; какъ зависимость холопа переходила отъ него въ его потомство, такъ и право на холопа передавалось господиномъ своимъ наследникамъ. Успѣли выработаться довольно разнообразныя источники холопства. Ихъ было два ряда: холопами дѣлались или по закону, или по договору, который въ иныхъ случаяхъ замѣнялся молчаливымъ согласіемъ вступающаго въ холопство. Принудительное холопство по закону создавалось четырьмя случаями: 1) плѣномъ, 2) извѣстными преступленіями, за которыя законъ навсегда лишалъ преступника свободы, 3) несостоятельностью купца-должника по его винѣ, если кредиторы не согласились ждать уплаты долга, наконецъ, 4) происхожденіемъ отъ холопа. Добровольное холопство по договору создавалось тремя способами: 1) продажей въ холопство, 2) женитьбой на холопкѣ безъ уговора съ ея господиномъ, ограждающаго свободу лица, вступающаго въ такой бракъ, 3) вступленіемъ въ частную дворовую службу прикащикомъ или ключникомъ безъ такового же уговора слуги съ хозяиномъ. Питаясь такими разнообразными источниками, рабовладѣніе уже къ XI вѣку разлилось по русской землѣ широкимъ потокомъ и стало могущественною силою въ народномъ хозяйствѣ. Челядь стала одною изъ главныхъ статей, если не главной, русскаго торговаго вывоза; русскіе купцы обильно снабжали ею волжскіе и черноморскіе рынки; въ Царьградѣ около половины XI вѣка всякій хорошо зналъ торговую площадь, на которой пріѣзжіе руссы торговали челядью. При такомъ экономическомъ значеніи рабовладѣніе рано стало важною политическою силою. Въ *Русской Правдѣ* встрѣчаемъ спеціальнѣйшій терминъ, означавшій человѣка привилегированнаго класса въ отличіе отъ *смерда*, простолюдина: это—*омнищанинъ*. Въ нашей исторической литературѣ потрачено было много усилій, чтобы объяснить этотъ терминъ. Все затрудненіе состояло въ неизвѣстности древняго значенія слово *омнище*: одни толкователи разумѣли подъ нимъ выжженный лѣсъ, другіе очагъ, третью княжескій дворъ. Между тѣмъ, изъ одного памятника русской письменности XI в. узнаемъ, что на литературно-юридическомъ языкѣ Руси того времени это слово имѣло спеціальное значеніе *раба* *). И такъ, огни-

*) Въ одномъ изъ словъ Григорія Богослова, переведенныхъ въ Болгарію и списанныхъ съ болгарской рукописи на Руси въ XI в. съ русскими вставками и пере-

щанинъ—рабовладѣлецъ. Во времена *Русской Правды* привилегированное значеніе огнищанина въ составѣ русскаго общества уже становилось анахронизмомъ: въ большей части русскихъ областей такое значеніе создавалось тогда не экономическимъ, а политическимъ условіемъ, не рабовладѣніемъ, а службой при дворѣ князя; человѣкомъ высшаго класса, господиномъ считался *князь мужъ*, занимавшій извѣстное положеніе въ военно-правительственной іерархіи княжескихъ слугъ. Очевидно, привилегированное значеніе огнищанина создано въ то время, когда служба князю еще не давала слугѣ такого положенія въ обществѣ, когда господиномъ, барининомъ считался тотъ, кто имѣлъ своихъ слугъ, вѣлъ свое хозяйство посредствомъ челяди. Этимъ объясняется, почему огнищане долѣе сохраняли свое привилегированное положеніе въ тѣхъ областяхъ русской земли, гдѣ не было постоянныхъ князей, своей особой княжеской династіи и гдѣ потому служба при дворѣ князя оказывала менѣе вліянія на складъ мѣстнаго общества. Такъ, въ Новгородѣ до конца XII в. огнищане остаются на вершинѣ мѣстной общественной лѣстницы, когда въ другихъ областяхъ ихъ мѣсто заступили уже княжіе мужи, служилые бояре.

Довольно трудно рѣшить, какое вліяніе оказали на русское рабовладѣніе тѣсныя торговыя связи Руси съ Византіей и особенно русская торговля рабами. Договоры Руси съ греками X в. представляютъ очень искусное сочетаніе византійскаго и русскаго права, приноровленное къ потребностямъ и юридическимъ понятіямъ обѣихъ договаривавшихся сторонъ. Эти договоры предусматриваютъ и разрѣшаютъ нѣкоторыя столкновенія, которыя могли возникать между Русью и греками изъ-за челяди. Такимъ образомъ, русское рабовладѣніе приходило въ непосредственное соприкосновеніе съ греко-римскимъ правомъ. Въ старинныхъ русскихъ памятникахъ встрѣчаемъ указанія на то, что дѣйствительныя юридическія границы древняго русскаго холопства были шире тѣхъ, какія обозначены въ *Русской Правдѣ*. Последняя говоритъ только о томъ случаѣ продажи въ холопство за долги, когда кредиторы не захотятъ отсрочить уплаты долга купцу, ставшему несостоятельнымъ по собственной винѣ. Но въ одномъ поученіи несомнѣнно русскаго и очень древняго происхожденія, близкаго ко времени *Русской Правды*, если ей не современнаго, въ словѣ на первую недѣлю Великаго поста, которое написано именемъ св. Кирилла, проповѣдникъ, обличая немилостивыхъ займодавцевъ, замѣчаетъ: «вижу бо многи бьюща дружину свою (братію свою, православныхъ соотечественниковъ) изъ незаконныхъ накладовъ, дондеже продадутся поганымъ» *). Значитъ, всякій неисправный должникъ, даже тотъ, котораго «беззаконные наклады», т.-е. лихвенные проценты, лишали возможности расплатиться съ займодавцемъ, могъ быть проданъ въ рабство,

дѣлами, словомъ *онище* переведено греческое *ἀνδράποδος*, холопъ. *Изв. И. акад. наукъ по отд. русскаго языка и слов.* 1855 г., т. IV, стр. 311.

*) *Прибавленіе къ творенію святыхъ отцовъ*, ч. 17, стр. 45.

ж, притомъ, за границу, некрещенымъ сосѣдямъ Руси. И въ *Русской Правдѣ* можно найти косвенное указаніе на дѣйствіе этого общаго закона; по крайней мѣрѣ, можно считать его послѣдствіемъ то постановленіе, по которому *зкупъ*, наемный работникъ-должникъ, пытавшійся бѣжать отъ своего хозяина-заимодавца, не расквитавшись съ нимъ, обращался въ его полного холопа: законъ признавалъ его неоплатнымъ должникомъ. Былъ ли этотъ общій законъ самобытнымъ и исконнымъ установленіемъ русскаго права, возникъ ли онъ самобытно, но въ болѣе позднія времена подъ вліяніемъ привилегированнаго положенія, занятаго богатыми рабовладѣльцами-огнищанами, или, наконецъ, онъ имѣетъ какую-либо связь, прямую или посредственную, съ извѣстными древнеримскими законами о порабощеніи неоплатныхъ должниковъ, перешедшими и въ византійское законодательство съ нѣкоторыми измѣненіями,—не всѣ эти вопросы трудно дать рѣшительный отвѣтъ. То же замѣчаніе примѣнимо и къ нѣкоторымъ статьямъ *Русской Правды* о холопствѣ, представляющимъ болѣе или меньшее сходство съ постановленіями византійскаго законодательства. Впрочемъ, рассматривая вліяніе христіанской церкви на русское рабовладѣніе, встрѣчаемъ въ послѣднемъ одну особенность, о которой съ большою вѣроятностью можно думать, что она создавалась подъ вліяніемъ византійскаго рабовладѣльческаго права и, притомъ, еще до водворенія христіанства на Руси.

Церковь произвела въ положеніи русскаго холопства такой рѣшительный переломъ, котораго одного было бы достаточно, чтобы причислить ее къ главнымъ силамъ, созидавшимъ древнерусское общество. Она, во-первыхъ, установила случаи *обязательно даровано отпуща* холоповъ на волю. Такихъ случаевъ было три: 1) раба, прижившая дѣтей съ своимъ господиномъ, обязательно освобождалась послѣ его смерти виѣсть съ прижитыми отъ него дѣтьми; 2) свободный человекъ, совершившій насиліе надъ чужою рабою, этимъ самымъ дѣлалъ ее свободной; 3) холодъ или раба, которымъ причинено увѣчы по винѣ ихъ господина, выходили на волю.

Участіе духовенства въ установленіи перваго случая обличается тѣмъ, что въ *Русской Правдѣ* онъ отнесенъ къ числу постановленій семейнаго права, которое со времени введенія христіанства на Руси регулировалось преимущественно духовенствомъ. Этотъ случай представляетъ своеобразный опытъ примѣненія нормъ и понятій римскаго и церковнаго права къ туземнымъ русскимъ семейнымъ правамъ. Въ римскомъ правѣ съ тонкою казуистическою логикой опредѣлена была зависимость положенія дѣтей отъ юридическаго состоянія родителей и въ частности отъ состоянія матери въ моментъ зачатія или рожденія дитяти, если это состояніе измѣнялось въ промежутокъ обоихъ моментовъ. Это опредѣленіе основывалось на возможности или невозможности законнаго союза вступившихъ въ связь лицъ разныхъ юридическихъ состояній, на которыхъ дѣлилось населеніе римскаго государства. Здѣсь дѣйствовало правило:

если родители принадлежали къ различнымъ состояніямъ, между которыми законъ допускалъ правильные брачные союзы, то дѣти наследовали состояніе отца, въ противномъ случаѣ—состояніе матери. Такъ, не допускался законный бракъ свободнаго лица съ несвободнымъ; потому дѣти свободнаго и рабы становились рабами, дѣти свободной и раба—свободными. Съ другой стороны, положеніе дѣтей отъ законнаго брака опредѣлялось юридическимъ состояніемъ родителей въ минуту зачатія; напротивъ, дѣти отъ незаконнаго брака вступали въ состояніе, опредѣлявшееся положеніемъ родителей въ минуту ихъ рожденія. Римская гражданка, сдѣлавшаяся рабой во время беремености, рождала римскаго гражданина, если беременность была плодомъ законнаго союза, или холопа, если связь была незаконной. Напротивъ, раба, ставшая беременной отъ римскаго гражданина и отпущенная на волю до разрѣшенія отъ бремени, рождала свободнаго. Всѣ эти постановленія имѣли большую цѣну въ римскомъ обществѣ, охраняя такіе важные интересы, какъ право римскаго гражданства, право собственности на раба и пространство отеческой власти. Для нашего вопроса особенно важна въ нихъ одна черта: связь свободныхъ лицъ съ несвободными, вліяя на положеніе дѣтей, не измѣняла состоянія несвободныхъ родителей. Незаконно зачатый сынъ римской гражданки являлся на свѣтъ рабомъ того господина, чьей невольницей становилась его мать въ промежутокъ между его зачатіемъ и рожденіемъ; но раба, родившая отъ свободнаго, вслѣдствіе этого не становилась свободной. Тѣ изъ этихъ постановленій, которыя сохранили силу и послѣ закона 212 г., распространившаго право римскаго гражданства на все свободное населеніе римской имперіи, были усвоены и законодательствомъ византійскихъ императоровъ съ нѣкоторыми поправками въ пользу свободы *). Согласно съ отмѣченною чертой этихъ постановленій въ *Эклоу*, византійскомъ кодексѣ VIII вѣка, находимъ статью, повторенную и въ *Прохиронѣ*, кодексѣ IX вѣка, по которой свободный человѣкъ, вступившій въ связь съ чужою рабой, долженъ былъ заплатить за то ея господину 36 золотыхъ (солидовъ), если былъ человѣкъ зажиточный, или подвергался тѣлесному наказанію и платилъ, сколько могъ, если былъ человѣкъ небогатый; но юридическое положеніе самой рабы оставалось прежнимъ **). Христіанская церковь, признавая эти постановленія, оставалась равнодушна къ языческимъ институтамъ, ими охраняемымъ, и старалась поставить подъ ихъ защиту болѣе близкіе ей интересы. Такъ, ея вліяніе можно подозрѣвать въ статьѣ, встрѣчаемой въ упомянутыхъ византійскихъ кодексахъ, которая, охраняя чистоту семейныхъ отношеній насчетъ права собственности на несвободное лицо, конфисковала рабу, ставшую наложницей своего женатаго господина: мѣстный управитель обязанъ былъ продать такую соперницу домохозяини.

*) Ср. *Gai Instit.* I, 80—92 и *Zachariae Prochiron*, tit., XXXIV, с. 5—7.

**) *Эклоа* по изд. *Zachariae*, т. XVII, ст. 22. *Прохир.*, т. XXXIX, ст. 61.

за предѣлы области въ пользу казны *)). Посредствомъ брачнаго же союза, т.-е. при вѣроятной помощи того же церковнаго вліянія, въ греко-римскомъ правѣ если не возникъ, то утвердился новый способъ отпуща на волю, незнакомый древнеримскому праву и противный его духу. По одной статьѣ *Прохирона*, бракъ свободнаго человѣка съ чужою рабой, которую господинъ ея выдавалъ за свободную или которой онъ намѣренно не помѣшалъ выйти за свободнаго, считался правильнымъ, какъ союзъ свободныхъ лицъ: законъ признавалъ такую рабу свободной по акту *молчаливаго освобожденія* **). По другой статьѣ свободный человѣкъ, купившій плѣнницу и вступившій съ нею въ союзъ, какъ съ женой, этимъ самымъ дѣлалъ ее свободной: законъ возвращалъ ей утраченную плѣномъ свободу безъ вознагражденія покупателя въ силу юридическаго предположенія, что выкупившій ее господинъ актомъ союза съ ней молчаливо прощалъ ей стоимость выкупа ***). Въ византийскомъ обществѣ римское право оставляло мало простора преобразовательнымъ стремленіямъ церкви. Гораздо свободнѣе дѣйствовала она тамъ, гдѣ не встрѣчала такого стѣсненія. Греко-римское право сурово преслѣдовало брачную и вѣнчанную связь свободнаго лица съ несвободнымъ. По закону императора Клавдія, римская гражданка, вышедшая замужъ за чужаго раба безъ позволенія его господина, сама становилась рабой послѣдняго, а законъ императора Константина Великаго даже осуждалъ на смерть женщину, вышедшую замужъ за собственнаго раба. По статьѣ *Прохирона*, бездѣтную вдову, вступившую въ связь съ своимъ рабомъ, подвергали тѣлесному наказанію и остригали, а раба, сверхъ того, продавали въ пользу казны; если же вдова имѣла законныхъ дѣтей, въ послѣднимъ тотчасъ переходило все ея имущество вмѣстѣ съ суммой, вырученной отъ продажи раба. Эта статья повторена и въ извлеченной изъ *Прохирона* уголовной части компіляціи, которая была составлена для южныхъ или, можетъ быть, для русскихъ славянъ и извѣстна была въ древнерусской юридической письменности подъ названіемъ *Книги Законныкъ*; но здѣсь вслѣдъ за изложеннымъ постановленіемъ *Прохирона* составитель помѣстилъ оригинальную статью, по которой вступленіе вдовы въ законный бракъ съ своимъ рабомъ не подвергало ни ея самой, ни раба никакому наказанію, а только сопровождалось для нея обычными послѣдствіями, какія по *Прохирону* влекъ за собою бракъ вдовы съ свободнымъ человѣкомъ ****). Это былъ довольно смѣлый протестъ воспитаннаго на греко-римскомъ правѣ духовенства противъ греко-римскаго общественнаго строя во имя христіанскаго равенства людей. Хотя переводы *Эклоги* и *Прохирона* съ ихъ статьей о связи женатаго господина съ своею

*) *Эклога*, XVII, 21. *Прохир.*, XXXIX, 60.

**) *Συμπράξις τῆς ἐλευθερίας. Прохир.*, XXXIV, 14.

***) Тамъ же V, 4: ὡς προλήψει (ex praesumptione) δοκῶν αὐτῷ τοῦ κυρίου τοῦ τιμητα.

****) См. превосходное изданіе *Книги Законныкъ* съ греческимъ текстомъ А. С. Павлова, стр. 26 и 69.

рабой помѣщались въ древнерусскихъ Кормчихъ и эта статья нашла себѣ мѣсто въ другой славянской компиляціи, извѣстной подъ названіемъ *Закона Суднаго модемъ* и довольно распространенной въ древнерусской письменности, однако, въ древней Руси не замѣтно дѣйствія постановленія, предписывавшаго продавать рабу на сторону за связь съ своимъ женатымъ господиномъ. Легкія отношенія женатыхъ и холостыхъ рабовладѣльцевъ къ своимъ невольницамъ, господствовавшія въ языческой Руси, продолжались и по принятіи христіанства. Если по лѣтописнымъ извѣстіямъ о Святославовомъ сынѣ Владимірѣ можно судить объ отношеніяхъ частнаго общежитія на Руси X вѣка, *робичичи*, дѣти свободнаго отъ невольницы, въ языческое время не отличались юридически отъ дѣтей, рожденныхъ свободною матерью, хотя разборчивыя невѣсты подобно Рогнѣдѣ могли предпочитать свободнорожденныхъ жениховъ. У духовенства въ первое время христіанской жизни Руси не было средствъ дѣйствовать прямо противъ неопытныхъ отношеній къ невольницамъ, глубоко укоренившихся въ нравахъ страны. Оно подступило къ нимъ осторожно, со стороны и съ большимъ умѣньемъ. Щадя мѣстныя привычки и не покидая принесенныхъ изъ Византіи понятій о значеніи общественныхъ состояній въ брачныхъ отношеніяхъ, оно не настаивало на конфискаціи рабы за связь съ женатымъ хозяиномъ и не требовало согласно съ статьей *Прохирона* о наложницахъ *), чтобы неженатый закрѣплялъ свою связь съ рабой женитьбой на ней. Оно не разрывало связи насильственно и оставляло рабу при господинѣ до его смерти; но, примѣняя къ ней греко-римскую презумпцію молчаливаго освобожденія, оно требовало, чтобы по смерти господина раба выходила на волю, право на которую она прибрѣтала своею связью съ нимъ, а примѣняя къ плодамъ этой связи римское правило, по которому юридическое состояніе незаконнозачатыхъ дѣтей опредѣлялось юридическимъ состояніемъ ихъ матери въ минуту ихъ рожденія, а не зачатія, оно настояло на признаніи и за прижитыми отъ господина дѣтьми права слѣдовать за выходящею на волю матерью. Послѣдовательно развивая ту же презумпцію, русское духовенство прилагало ее и къ случаямъ насилія, совершеннаго свободнымъ человѣкомъ надъ чужою рабой, независимо отъ того, сопровождалась ли такая насильственная связь извѣстными послѣдствіемъ, или нѣтъ: потерпѣвшая тотчасъ становилась свободной, т.-е. обидчикъ обязанъ былъ выкупить ее на волю. Но *Русская Правда* не договаривала всего, сказавъ, что «робыи дѣти» свободнаго человѣка, не участвуя въ наслѣдствѣ, выходятъ на волю вмѣстѣ съ матерью. Духовенство пошло еще далѣе въ своемъ человѣколюбивомъ и нравовоспитательномъ стремленіи и позаботилось о матеріальномъ обезпеченіи такихъ дѣтей по смерти ихъ отца. Въ византійскомъ законодательствѣ было очень точно опредѣлено, какую часть отцовскаго состоянія и въ

*) Тит. IV, ст. 26.

какихъ случаяхъ могли получить незаконныя дѣти съ своею матерью по завѣщанію и по закону: по *завѣщанію*, при законныхъ дѣтяхъ, они могли получить не болѣе *одной унціи*, т.-е. $\frac{1}{12}$ отцовскаго состоянія, при отсутствіи законныхъ дѣтей и близкихъ родственниковъ завѣщателя, родителей или братьевъ; даже все состояніе, при такихъ родственникахъ не болѣе половины его; по *закону*, при законныхъ дѣтяхъ не болѣе $\frac{1}{24}$, при отсутствіи ихъ и близкихъ родственниковъ, а также и законной жены $\frac{1}{6}$, въ противномъ случаѣ $\frac{1}{24}$. Руководствуясь этими постановленіями, русское духовенство установило «урочную прелебодѣнную часть», которая обязательно выдавалась «рабочичищамъ», т.-е. дѣтямъ рабы, изъ имущества прижившаго ихъ господина ихъ матери *).

Оба изложенные случая обязательнаго отпуска несвободныхъ людей на волю представляютъ тотъ интересъ, что вскрываютъ процессъ прививки руками духовенства греко-римскихъ юридическихъ понятій къ русскому обществу. Въ другомъ отношеніи характеренъ третій случай. По византійскимъ законамъ, смерть раба отъ побоевъ господина безъ намѣренія убить его оставалась безнаказанною. Изъ Двинской уставной грамоты 1397 года знаемъ, что также относилось къ этому случаю и древнерусское право. Но холопа, вынужденнаго прибѣгнуть подъ защиту церкви жестокостью господина, послѣдній, по византійскимъ законамъ, обязанъ былъ продать. Русское духовенство поступило рѣшительнѣе и нашло себѣ опору въ болѣе отдаленномъ источникѣ права. Въ упомянутомъ выше *Законѣ Судномъ*, компіляціи, составленной для болгаръ вскорѣ по обращеніи ихъ въ христіанство, рядомъ съ извлеченіями изъ *Эклоги* помѣщались и статьи, заимствованныя изъ Моисеева законодательства. Въ числѣ этихъ статей встрѣчаемъ взятое изъ книги *Исходъ* постановленіе, которое обязывало господина, выколоваго глазъ или выбившаго зубъ своему холопу или рабѣ, освободить ихъ. Въ древнерусскихъ юридическихъ памятникахъ не находимъ подобнаго постановленія; но судебная практика уже во второй половинѣ XI в. знала правило, что увѣче холопа по винѣ господина даетъ первому право на свободу. Въ известномъ сказаніи мнѣха Іакова о св. князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ читаемъ рассказъ о тяжбѣ, рѣшенной судомъ около времени перенесенія ихъ мощей въ новую церковь, въ 1072 г. Въ городѣ Дорогобужѣ госпожа заставила рабу работать въ праздникъ Николая Чудотворца. Святые князья, явившись рабѣ, наказали ее за это болѣзнью: она пролежала мѣсяцъ въ расславленіи и послѣ не могла работать, потому что у нея отнялась рука. Госпожа прогнала ее, а вмѣсто нея поработила ея сына, родившагося когда мать была еще вольной. Мать принесла жалобу въ судъ, который приговорилъ освободить обоихъ безъ возврата денегъ, заплаченныхъ за рабу, «занеже по неволѣ дѣлавши, казнь пріяла естъ», т.-е. потому, что раба

*) См. сколію къ 24 ст. XXXIII тит. *Эпаномы* по изд. Цахаріа. Уставъ ил. Всеволода въ *Ист. Русск. Церкви* митр. Макарія, изд. 2, т. II, стр. 383.

потерпѣла увѣче вслѣдствіе невольной работы, а не по своей винѣ *). Изъ этого видно, что духовенство на Руси не держалось педантически византійскаго законодательства, но, когда находило возможнымъ, шло дальше его въ установленіи согласныхъ съ христіанствомъ общественныхъ отношеній, ища опоры въ другихъ признанныхъ церковью источникахъ права.

Другое нововведеніе, которымъ русское рабовладѣніе было обязано духовенству, состояло въ установленіи *принудительнаго выкупа* холоповъ на волю. Эта перемена вводилась въ тѣсной связи съ первой и, повидимому, удалась даже раньше ея, какъ болѣе простая и доступная юридическому сознанію Руси того времени. Въ извѣстныхъ вопросахъ Кирика, памятникъ XII в., есть мѣсто, бросающее тусклый свѣтъ на борьбу, выдержанную русскимъ духовенствомъ съ мѣстными обычаями и понятіями въ дѣлѣ преобразованія туземнаго рабовладѣльческаго права. Кирикъ жаловался новгородскому епископу Нифонту, что многіе открыто живутъ съ наложницами, а другіе тайно грѣшатъ съ своими холопками, и спрашивалъ: что лучше?—И то, и другое худо,—отвѣчалъ владыка.—Не отпускать ли такихъ холоповъ на волю?—спрашивалъ далѣе Кирикъ.—Здѣсь нѣтъ такого обычая,—отвѣчалъ епископъ.—Лучше заставить такого господина продать рабу, что и другимъ послужитъ урокомъ **). И такъ, около половины XII в. среди духовенства, возмущеннаго легкостью отношеній русскихъ господъ къ своимъ холопкамъ, была въ ходу мысль о принудительномъ освобожденіи невольницъ-наложницъ еще при жизни ихъ господъ; но мѣстный обычай былъ противъ этого. Епископъ Нифонтъ не надѣялся на успѣхъ дароваго освобожденія и предлагалъ принудительную продажу, какъ предостереженіе для распущенныхъ господъ. Эта мѣра могла найти оправданіе въ византійскомъ законодательствѣ, которое давало церкви право требовать прибѣгнувшаго подъ ея защиту холопа, если господинъ истязалъ его не въ мѣру, или морилъ голодомъ, или склонялъ къ *постыдному поступку* ***). И мысль Нифонта не имѣла успѣха. Изъ *Русской Правды*, составленіе которой закончилось немного позднѣе смерти этого епископа, узнаемъ, что практика приняла среднюю мѣру: раба съ дѣтьми, прижитыми отъ ея господина, отпускалась на волю по смерти его, получая «урочную прелюбодѣйную часть» изъ его имущества. Духовенство могло достигнуть этого въ XII в. тѣми же церковными средствами, какими митрополитъ Іоаннъ II въ XI в. указывалъ отучать русскихъ отъ обычая, купивъ некрещеныхъ холоповъ и крестивъ ихъ, продавать языч-

*) *Сказаніе Іакова въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1870 г., кн. I, л. 12.

***) *Русск. Ист. Библ.*, VI, 42: „а глѣше иною челоуѣка вскупити, абы си и другая на томъ казнала“. *Иною челоуѣтка вскупити* значитъ или заставить, подговорить другаго купить рабу у неводержнаго господина, или выкупить ее у *иною* изъ такихъ господъ на счетъ церкви, въ обоихъ случаяхъ противъ воли господина.

****) Излагаемъ это постановленіе, какъ оно приведено въ *Пирѣ*, составленномъ около половины XI в. сводѣ приговоровъ и юридическихъ мѣтній византійскаго судьи Евстаѳія (*Zachariae: Jus graeco-rom.*, I, tit, XXVIII, с. 13).

никамъ: онъ совѣтовалъ духовенству дѣйствовать на такихъ работоргодець «наученьемъ и наказаньемъ многимъ», даже церковнымъ отлученіемъ непослушныхъ *). Но неудавшаяся мысль Нифонта несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что общее юридическое правило, которое онъ пытался примѣнить къ извѣстному отношенію, уже дѣйствовало: если взаимныя мѣры, предложенной Кирикомъ и несогласной съ господствовавшими обычаями, онъ находилъ возможнымъ принуждать невоздержныхъ господъ продавать своихъ невольныхъ наложницъ въ другія руки, то можно думать, что къ половинѣ XII в. принудительная продажа рабовъ успѣла войти въ рядъ обычныхъ явленій русской юридической жизни. Греко-римское право знало два случая принудительнаго отчужденія холоповъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ. Императоръ Антонинъ предписалъ начальникамъ провинцій принуждать господъ продавать своихъ рабовъ, прибѣгавшихъ въ храмы или къ статуямъ государей съ жалобами на жестокое обращеніе съ ними, если по слѣдствію жалобы оказывались справедливыми **). Византійское законодательство требовало, чтобы принудительная продажа рабовъ, прибѣгавшихъ подъ защиту церкви съ такими жалобами, производилась разборчиво, съ соблюденіемъ предосторожностей, которыя бы обезпечивали продаваемымъ болѣе мягкое обращеніе со стороны новыхъ владѣльцевъ. На Руси принудительная продажа холоповъ за жестокое обращеніе съ ними не привилась, рано замѣнившись даровымъ отпускомъ раба въ случаѣ увѣчья по винѣ господина. Повидимому, болѣе успѣхъ имѣлъ другой случай такого отчужденія—выкупъ холопомъ самого себя на волю. Греко-римское право признавало особое не-свободное состояніе временнаго и условнаго характера, которое можно назвать рабствомъ по плѣну. Свободный человѣкъ, взятый въ плѣнъ неприятелемъ, считался рабомъ и въ своемъ отечествѣ. Тогда всѣ права, которыми онъ пользовался на родинѣ, приостанавливались до его возвращенія. Но если его выкупалъ изъ плѣна соотечественникъ, онъ становился въ личную зависимость отъ послѣдняго съ правомъ прекратить ее, заплативъ условленную между ними сумму. Если онъ не былъ въ состояніи заплатить ее, онъ оставался у выкупившаго какъ бы наемнымъ работникомъ, и тогда судебнымъ порядкомъ опредѣлялось, по сколько зачитывать ему въ счетъ выкупной суммы каждый годъ работы. Далѣе, были рабы, составлявшіе общую собственность нѣсколькихъ владѣльцевъ. Если одинъ изъ нихъ хотѣлъ отпустить такого раба на волю, остальные совладѣльцы обязаны были продать свои доли въ рабѣ освободителю или его наслѣднику. Освободитель могъ и освобождаемаго написать своимъ наслѣдникомъ, и тогда рабъ самъ выкупалъ себя у прочихъ совладѣльцевъ ***). Одно обстоятельство должно было помочь успѣшному примѣненію

*) *Gai*, I, 53.

**) *Русск. Ист. Библ.*, VI, 12. Успѣхомъ этой мѣры объясняется позднѣйшая передѣлка Нифонтова отвѣта, который въ нѣкоторыхъ спискахъ читается такъ: „сдѣ есть обычай таковъ“.

***) *Жлоца*, VIII, 6. *Прокиронъ*, XXXIV, 9.

къ русскому рабовладѣльческому праву выраженнаго въ этихъ византійскихъ узаконеніяхъ права холопа въ извѣстныхъ случаяхъ самому выкупать свою свободу. Завоеваніе непокорныхъ туземныхъ племенъ русскими князьями въ IX и X в. и княжескія усобицы XI и XII в. вели къ тому, что въ этотъ продолжительный періодъ времени русскій невольничій рынокъ наводнялся холопами изъ туземныхъ плѣнниковъ. Къ этимъ плѣннымъ туземнымъ рабамъ, которыхъ побѣдители послѣ похода продавали своимъ соотечественникамъ, вполне шло византійское постановленіе о выкупленномъ плѣнникѣ. Пользуясь этимъ, духовенство, повидимому, успѣло дать довольно широкое дѣйствіе принудительному выкупу самими холопами своей свободы. Слѣды этого успѣха, правда, недостаточно ясны, сохранились въ одномъ русскомъ памятникѣ очень древняго происхожденія, содержащемъ наставленіе духовнику о принятіи кающихся *). Этотъ памятникъ настойчивѣе всего вооружается противъ одного зла, распространеннаго въ русскомъ обществѣ,—противъ взиманія *изгойства*. Юридическое и нравственное значеніе этого термина въ древнерусскомъ обществѣ создано также при участіи духовенства посредствомъ проводимаго послѣднимъ вліянія византійскаго рабовладѣльческаго права на русское. *Изгоемъ* въ древней Руси назывался, между прочимъ и даже преимущественно, холопъ, выкупившійся на волю. Въ византійскомъ законодательствѣ на случай выкупа отпускаемаго на волю общаго раба у совладѣльцевъ была установлена такса, по которой цѣны рабовъ опредѣлялись ихъ возрастомъ и качествомъ работы, къ какой они были способны. Путемъ торговыхъ сношеній съ Византіей русскіе рано познакомились съ этою таксою и она съ измѣненіями вводилась въ ихъ договоры съ греками, служа руководствомъ при обоюдостороннемъ выкупѣ плѣнниковъ **). Въ договорѣ Игоря, между прочимъ, было поставлено условіе, что русскихъ плѣнниковъ, попавшихъ въ неволю къ грекамъ, Русь выкупаетъ, платя по десяти золотыхъ за cadaго; если же владѣлецъ русскаго плѣнника приобрѣлъ его куплей, ему платили по его показанію подъ присягой, за сколько онъ самъ купилъ его. Вооружаясь противъ барышничества рабами, духовенство настойчиво проводило и на русскомъ невольничьемъ рынкѣ правило, что при продажѣ холопа не слѣдуетъ брать больше того, что за него заплачено. Оно немолчно твердило, что барышничать челядью, «прасолить живыми душами»—великій, непростительный грѣхъ, пагуба для души прасола. Прибавка къ покупной цѣнѣ при выкупѣ раба на волю, т.-е. при переходѣ его въ состояніе изгоя, и называлась *изгойствомъ*. Наставленіе духовнику различаетъ 4 случая такого прасольства. Одинъ изъ нихъ, когда хозяинъ продавалъ холопа дороже, чѣмъ купилъ, не возбуждаетъ недоумѣній; здѣсь не было мѣста изгойству, потому что холопъ оставался холопомъ, только мѣнялъ господина, не становясь изгоемъ. Труднѣе объяснить два другіе случая. Наставленіе

*) Русск. Ист. Библ., VI, 835—846.

**) Прохир., XXXIV, 11. Латинск. мѣт., 35 и 49.

вооружается противъ тѣхъ, кто бралъ изгойство «на искупающихся отъ работы», т.-е. изъ рабства; потомъ оно предписываетъ, чтобы тотъ, кто «выкупается на свободу», давалъ за себя столько же, сколько было заплачено за него. Нѣкоторые признаки перваго случая, отмѣченные памятникомъ, даютъ возможность отличать его отъ втораго, который при первомъ взглядѣ кажется его повтореніемъ. Владѣльцевъ, которые брали изгойство съ «искупающихся отъ работы», наставленіе порицаетъ за то, что они не довольствуются «цѣною уреченной» и, чтобы добиться большаго, губятъ не только свои души, но и души свидѣтелей, помогающихъ ихъ влобѣ, и даже вовлекаютъ судей въ свои злыя дѣла мадою и дарми. Значитъ, чтобы взять съ выкупавшагося больше цѣны уреченной, владѣльцу надобно было съ нимъ судиться, выставить жесвидѣтелей и подкупать судей. Подъ «цѣною уреченной» можно разумѣть только цѣну, за которую выкупавшійся *уговорился* нѣкогда продаться въ рабство; слѣдовательно, рѣчь идетъ о холопѣ, который самъ проданъ своему господину, бывъ прежде свободнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что свободные люди, продававшіеся въ холопство, сохраняли право выкупиться, возвративъ господину полученную ими при продажѣ сумму. Это было въ духѣ византійскаго законодательства, которое, стѣсняя право свободныхъ людей располагать своею личностью, вмѣстѣ съ тѣмъ, поддерживало право ихъ выкупа въ случаѣ потери ими свободы. Если можно такъ понимать объясняемое мѣсто наставленія, то подъ «выкупающимися на свободу» этотъ памятникъ разумѣлъ холоповъ, которые родились несвободными; они не имѣли права выкупа, а могли выкупаться только съ согласія господина, тѣмъ и отличались отъ холоповъ свободнорожденныхъ. Право выкупа совершенно измѣняло юридическій характеръ продажи свободного человѣка въ рабство: она превращалась въ долговое обязательство, которымъ создавалось временно-обязанное состояніе, прекращаемое по волѣ должника уплатой долга. Этимъ положено было начало широко развившимся впоследствии сдѣлкамъ о срочной или безсрочной зависимости, обусловленной личнымъ залогомъ и образовавшей въ удѣльное время состояніе *закладней*, а въ XVII вѣкѣ *жилое холопство*. Слѣды такихъ сдѣлокъ можно найти уже въ позднихъ частяхъ *Русской Правды*. Перечисливъ главные источники полнаго холопства, она обозначаетъ три источника срочной зависимости, которой не признаетъ холопствомъ: это отдача дѣтей родителямъ въ работу и вступленіе свободного человѣка въ услуженіе за одинъ прокормъ или за прокормъ съ *придаткомъ*, платой, выдаваемой впередъ въ видѣ ссуды *). Всѣ эти виды зависимости *Правда*

*) «А вдачь не холопъ, ни по хлѣбъ работать, ни по придаткъ». Въ числѣ русскихъ прибавленій къ *Закону Судному* есть двѣ статьи, изъ которыхъ одна согласно съ *Русскою Правдой* говоритъ, что свободный человѣкъ, въ голодное время отдавшійся въ работу за прокормъ, не долженъ считаться холопомъ и можетъ всегда уйти отъ хозяина, заплативъ ему три гривны, а другая примѣняетъ то же условіе ко *вдачу* особаго рода—къ дѣтямъ проданнаго несостоятельнаго должника, которое отдано займодавцами на воспитаніе. *И. С. Р. Лѣт.*, VI, 81 и 82. Въ требованіи права выкупа

характеризуетъ одною чертой, имъ общей: дослуживъ до условеннаго срока, слуга свободно отходилъ отъ хозяина, ничего не платя ему; но онъ могъ уйти и до срока, возвративъ ссуду или заплативъ по условію за прокормъ. Любопытно, что ни въ *Русской Правдѣ*, ни въ другихъ памятникахъ русскаго права тѣхъ вѣковъ, когда, благодаря внутреннимъ усобицамъ и внѣшнимъ бѣдствіямъ, плѣнъ служилъ обильнымъ источникомъ рабства, лишившимъ свободы множество туземцевъ, не находимъ прямыхъ указаній на условія именно этого вида холопства, несомнѣнно помогшаго духовенству ввести въ русское рабовладѣніе право выкупа изъ холопства въ извѣстныхъ случаяхъ, т.-е. принципъ условной зависимости. Это молчаніе памятниковъ права можно объяснить развѣ тѣмъ, что положеніе плѣннаго холопства на Руси тогда опредѣлялось не столько правомъ, сколько измѣнчивыми политическими отношеніями, внутренними и внѣшними. Эти отношенія складывались такъ, что и независимо отъ законодательныхъ постановленій русскій плѣнникъ, попавшій въ холопство къ соотечественнику, не терялъ возможности выйти на волю. Въ лѣтописяхъ иногда попадаются замѣтки, что во внутренней усобицѣ побѣдители набрали много полону и взяли за него большой окупъ. Въ мирныхъ договорахъ ссорившихся князей XIV и XV вѣк. обыкновенно помѣщалось условіе о взаимномъ возвратѣ плѣнныхъ. Въ иныхъ договорахъ это условіе принимало характерныя формы. По грамотѣ 1433 г. князь Можайскій Иванъ обязывался воротить князю галицкому Юрію полонъ, захваченный въ его княжествѣ во время усобицы: «а кто будетъ того полону,— сказано далѣе въ актѣ отъ лица Юрія,—запроданъ за рубежь или индѣ гдѣ, и тебѣ тотъ полонъ выкупити весь да отдати мнѣ». Въ договорѣ того же года князь рязанскій Иванъ обязуется собрать и возвратити Юрію всѣхъ захваченныхъ рязанскою ратью галицкихъ плѣнниковъ, даже тѣхъ, которые уже были проданы его ратниками въ другія руки. Въ 1408 г. Эдигей вывелъ изъ Московскаго княжества огромный полонъ, часть котораго попала въ Рязанскую землю. Въ томъ же договорѣ съ Юріемъ рязанскій князь обязуется тѣхъ изъ этихъ плѣнниковъ, которые были куплены рязанцами и оставались въ неволѣ, освободить, взявъ съ нихъ окупъ *). Побѣдители спѣшили взять съ захваченныхъ плѣнныхъ окупъ и отпустить ихъ, продавая дома или на сторону только тѣхъ, кто не могъ выкупиться: спѣшить этимъ ихъ побуждало то, что по договорамъ послѣ усобицъ плѣнные, оставшіеся не проданными у бояръ и другихъ служилыхъ людей, ихъ захватившихъ, просто отбирались для возвращенія на родину, тогда какъ проданные выкупались либо своимъ княземъ, либо тѣмъ, чья рать ихъ плѣнила. Такимъ образомъ, княжескія

для вдача духовенство могло опираться на законодательство римскихъ императоровъ, въ томъ числѣ и Константина, которые или запрещали продажу дѣтей, или выговаривали для нихъ право выкупа. Wallon: „Histoire de l'esclavage dans l'antiquité“, III, 52 и 437.

*) Собр. воеуд. грам. и догов., I, 95 и 98.

правительства считали выкупъ не столько правомъ плѣнныхъ, сколько своею обязанностью, или, точнѣе, своею выгодой, побуждавшей ихъ заботиться о возвратѣ отнятыхъ у нихъ боевыхъ слугъ или податныхъ плательщиковъ. Та же выгода побуждала ихъ выкупать въ ордѣ не только своихъ, но и чужихъ плѣнниковъ; селя ихъ въ своихъ пустѣвшихъ удѣлахъ, князья не обращали ихъ въ холопство, а зачисляли въ служилое или тягловое населеніе, смотря по ихъ состоянію до плѣна.

Четвертый порицаемый способъ барышничества челядью изложенъ въ наставленіи очень неясно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждаетъ наиболѣе интереса. Сказавъ, что съ холопа, выкупающагося на волю, не слѣдуетъ брать больше того, что за него заплачено, памятникъ продолжаетъ: «если же потомъ, ставъ свободнымъ, онъ приживетъ дѣтей, то тѣ, кто будетъ взыскивать съ нихъ изгойство, явятся продавцами неповинной крови и эта кровь взыщется съ нихъ передъ Богомъ на страшномъ судѣ». Кто могъ искать изгойства на дѣтяхъ вольноотпущеннаго, родившихся послѣ освобожденія своего отца? Чтобы понять это темное мѣсто, надобно сопоставить нѣкоторыя едва замѣтныя явленія древнерусскаго права. Въ нравахъ русскаго холопства позднѣйшаго времени можно замѣтить черты, какъ будто указывающія на то, что отпускъ холопа на волю не разрывалъ всѣхъ его связей съ домою, въ которомъ онъ служилъ. Опредѣляя свое общественное положеніе при поступленіи на службу къ новому господину, вольноотпущенный въ крѣпостныхъ актахъ XVII вѣка обыкновенно называлъ себя *послужильцемъ* стараго хозяина; сынъ холопа, вышедшій на волю вмѣстѣ съ отцомъ, очень часто оставался въ томъ же домоу на добровольной службѣ. Въ крѣпостныхъ актахъ можно встрѣтить слѣды крѣпкой нравственной привязанности, приковывавшей холопа къ господскому дому, когда порывалась связь юридическая: бывали, наприимѣръ, случаи, когда кабальная дворня, по закону ставъ свободной по смерти господина, обращалась къ мѣстному начальству съ коллективною челобитной, въ которой просители писали, что служили они своему господину по крѣпостямъ многіе годы, а теперь, когда судомъ Божиимъ его въ животѣ не стало и остался у него сынъ, они, помня къ себѣ отца его милость, хотятъ впредь служить съ своими женами и дѣтьми его сыну и просятъ дать ему на нихъ крѣпости. Такія связи, не имѣвшія юридической обязательности, разумѣется, нельзя сравнивать съ тѣми строгими обязанностями, какія по закону или по волѣ патрона ложились на вольноотпущеннаго въ греко-римскомъ обществѣ. Но одна черта отношеній патрона къ отпущеннику по греко-римскому праву несомнѣнно оказала дѣйствіе и на русское рабовладѣльческое право. У византійскихъ, какъ и у римскихъ рабовладѣльцевъ было въ обычаѣ условное отпущеніе рабовъ на волю: продавая, наприимѣръ, своего раба, господинъ обязывалъ покупателя освободить его въ извѣстный срокъ, или, передавая раба по завѣщанію, лишалъ наследника права дальнѣйшей передачи, т. - е. обязывалъ его освободить раба при своей жизни или по

смерти. Часто освобожденіе обуславливалось уплатой денежнаго выкупа или какою-либо особенною предварительною услугою со стороны освобождаемаго. Эти предварительныя услуги вмѣстѣ съ общими обязательствами, какія законъ и воля патрона возлагали на отпущенника по освобожденіи, часто дѣлали переходъ раба отъ зависимости къ свободѣ очень чувствительнымъ. Этотъ обычай проникъ и въ русское рабовладѣніе. Въ завѣщаніяхъ, передавая своихъ холоповъ женамъ или дѣтямъ, завѣщатели ставили имъ условіе тѣхъ холоповъ никому не передавать, отпустить ихъ на свободу послѣ своей смерти или постриженія, даже назначали опредѣленные сроки освобожденія, также предоставляли самимъ холопамъ на выборъ оставаться въ услуженіи у наследниковъ или выйти на волю, заплативъ имъ назначенный «окупъ». Изъ распоряженій объ условномъ освобожденіи холоповъ особенно любопытны тѣ, которыя касаются *будущихъ* дѣтей освобождаемаго лица. Въ 1657 г. Волутинъ далъ отпускную старинному своему холопу на условіи продолжать службу до смерти или постриженія его, Волутина, и его жены; а потомъ выйти совсѣмъ на волю съ женой, сыномъ и дѣтьми, «что у него впредь будетъ дѣтей», также съ «нажиткомъ», который онъ наживетъ у него во дворѣ до того времени. Еще характернѣе отпускная, данная Путиловымъ старинному крѣпостному Тихону въ 1624 г. Господинъ давалъ въ отпускной Тихону позволеніе жениться на рабѣ Тушина съ условіемъ, что самъ Тихонъ останется, попрежнему, холопомъ, но жена его будетъ вольной съ минуты замужства, а дѣти, которыхъ пошлетъ имъ Богъ, какъ сыновья, такъ и дочери, будутъ раздѣлены на двѣ половины, изъ которыхъ одна по матери пойдетъ на волю, а другая по отцу останется въ холопствѣ, и когда Богъ сошлетъ по Тихонову душу, жена его съ половиной семьи можетъ идти на всѣ четыре стороны, а другая половина останется во дворѣ Путилова *). Если бы Тихонъ умеръ, оставивъ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ нельзя оторвать отъ матери, Путиловъ могъ предложить ей выкупить тѣхъ изъ нихъ, которыя приходились на его долю. Этотъ выкупъ былъ бы очень похожъ на осуждаемое въ наставленіи духовнику изгойство съ дѣтей, прижитыхъ вольноотпущенными послѣ освобожденія. И такъ, изъ сложнаго и тщательно выработаннаго греко-римскаго института вольноотпущенничества русское рабовладѣніе заимствовало только право условнаго освобожденія, которое, при своеобразномъ мѣстномъ его примѣненіи, родило обычай обуславливать отпускъ холоповъ по выкупу обязательствомъ выкупать и дѣтей, которыя родятся послѣ освобожденія родителей. Холопы, выкупавшіеся на волю, по княжескому законодательству XI и XII в. становились церковными людьми, которыхъ вѣдали и судили во всѣхъ дѣлахъ церковныя учрежденія. Духовенству не было интереса ни вводить, ни поддерживать обычай, который, при своей внутренней несправедливости, стѣснялъ сферу его власти и вліянія, под-

*) *Акты Юрид.*, № 406, I. *Крѣпостн. кн. Моск. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ по Новгороду*, № 35, г. 58.

держивая зависимость вольноотпущенныхъ отъ ихъ прежнихъ господъ. Потому надобно думать, что это мѣстное видоизмѣненіе греко-римскаго вольноотпущенничества образовалось еще до принятія Русью христіанства подъ вліяніемъ тѣсныхъ торговыхъ сношеній съ Византіей.

Изложенныя перемѣны въ русскомъ рабовладѣльческомъ правѣ существенно измѣнили юридическій характеръ русскаго холопства. До этихъ перемѣнъ оно отличалось цѣльностью, единообразіемъ и безусловностью; къ нему вполне приложимы были слова *Прохирона* о рабствѣ греко-римскомъ: «рабство недѣлимо; состояніе рабовъ не допускаетъ никакихъ различій: о рабѣ нельзя сказать, что онъ рабъ болѣе или менѣе» *). Теперь въ русское холопство внесены были различія и условность: изъ полнаго холопства стали выдѣляться виды зависимости ограниченной. Главными средствами, которыми духовенство вводило эти перемѣны, были исповѣдь и духовное завѣщаніе: первая подготавливала къ реформѣ рабовладѣльческіе умы и совѣсти, второе изъ внутреннихъ духовникомъ предсмертныхъ проявленій милосердія и состраданія къ поработенному ближнему создавало нравственный обычай, становившійся потомъ юридическою нормой, обязательнымъ правиломъ. Энергія и постоянство дѣйствія въ этомъ направленіи облегчались тѣмъ, что духовенство пришло на Русь изъ Византіи, когда тамъ законодательство о рабствѣ и юриспруденція давно уже склонились въ сторону свободы, колебля и разрушая жестокую рабовладѣльческую логику римскаго права. Законовѣды старались истолковать въ пользу рабовъ всѣ сомнительныя казусы въ ихъ отношеніяхъ къ господамъ. Константинъ Багрянородный издалъ законъ, по которому треть имущества, оставшагося безъ завѣщанія и прямыхъ наследниковъ, посвящалась Богу; въ составъ этой трети отчислялись всѣ оставшіеся послѣ умершаго рабы, которые при этомъ получали свободу. Мотивируя этотъ законъ, императоръ прямо призналъ наследственность рабства установленіемъ богопротивнымъ и безсовѣстнымъ: «допустить, что и самая смерть господина не разбиваетъ тяготѣющихъ на рабѣ оковъ, значило бы оскорбить святость Божию, мудрость государя, самую совѣсть человѣка» **). Духовенство на Руси не добилось всего, къ чему стремилось. Оно старалось уничтожить продажу людей въ рабство: древнерусскіе епитимейники назначали значительныя епитиміи господамъ за продажу челяди, родителямъ за продажу дѣтей въ рабство. Даже не все добытое удавалось удержать. Мы видѣли, какъ продажа свободнаго человѣка въ полное холопство превратилась въ личный долговой закладъ съ правомъ выкупа. Въ *Русскую Правду* не позднѣе XII вѣка внесено было постановленіе, которое исключало изъ числа источниковъ холопства какъ отдачу дѣтей родителями въ работу, такъ и службу свободнаго за прокоризъ. Но лѣтопись рассказываетъ, что въ Новго-

*) *Prochiron*, XXXIV, 3.

**) *Wallon*: „Histoire de l'esclavage dans l'antiquité“. III, 456.

родѣ во время голода 1230 г. отцы и матери отдавали купцамъ своихъ дѣтей «одерень изъ хлѣба», т.-е. въ полное холопство за прокормъ. Значить, уже въ первой половинѣ XIII в. совершались сдѣлки на свободныхъ людей съ употребленіемъ *дерна*, служившаго символическимъ знакомъ того, что лицо или вещь передавались въ собственность пріобрѣтателя, по древнерусскому юридическому выраженію, «въ прокъ безъ выкупа». Это возвращеніе къ старинѣ, впрочемъ, не вытѣснило закладныхъ сдѣлокъ съ условною зависимостью. Въ памятникахъ XIV в. оба вида зависимости иногда являются рядомъ и различаются очень явственно: въ договорѣ съ Димитріемъ Донскимъ 1368 г. тверской князь Михаилъ далъ обязательство отпустить на волю тѣхъ обывателей Торжка, которые продались ему «одернь пословицею» (по добровольному соглашенію), какъ и тѣхъ, на комъ онъ «серебро далъ пословицею». Такимъ образомъ, тяготѣніе къ холопству восстановило старую привычную юридическую норму, не уничтоживъ новой. Со времени этого раздвоенія полное холопство, во времена *Русской Правды* называвшееся *обельнымъ*, получило въ отличіе отъ условной зависимости закладной названіе *дерноватаю*. Въ XIV в. оно обыкновенно укрѣплялось письменными крѣпостями, *грамотами дерноватыми*, которыя въ XV в. стали зваться *полтами* *).

Несмотря на противодѣйствіе юридическаго обычая, разложеніе первобытнаго русскаго холопства уже въ XII и XIII вв. сдѣлало замѣтные успѣхи. Несвободные люди стали дѣлиться на разряды по степени зависимости и общественнаго значенія. О русскихъ холопахъ уже можно было сказать, что одинъ болѣе холопъ, другой менѣе. Въ составѣ челяди образовался привилегированный классъ, состоявшій изъ разныхъ тиуновъ или прикащиковъ по управленію княжескими и боярскими хозяйствами. Одна изъ статей *Русской Правды* допускаетъ боярскаго тиуна свидѣтелемъ въ судѣ при недостаткѣ свидѣтелей изъ свободныхъ людей. Смоленскій договоръ съ нѣмцами 1229 г. зналъ такихъ княжескихъ и боярскихъ холоповъ, которыхъ можно было причислить къ «добрымъ людямъ», пользовавшимся извѣстнымъ почетомъ въ обществѣ. Тотъ же договоръ назначаетъ пеню за ударъ, нанесенный холопу,—знакъ, что съ равноженіемъ древняго холопства расло и юридическое значеніе личности холопа. вмѣстѣ съ тѣмъ, и его имущественное положеніе является болѣе обезпеченнымъ по закону. Первоначально холопъ не могъ имѣть ничего своего; все, что онъ пріобрѣталъ, принадлежало его господину. Но русскіе рабовладѣльцы, подобно римскимъ, изстари довѣряли часть своего имущества въ распоряженіе или пользованіе своимъ холопамъ: это—*отарица Русской Правды*, *пекулій* римскаго права, *бонда* польскаго. Такое довѣренное имущество давало холопу возможность вести свое особое хозяйство и вступать въ обязательства съ посторонними лицами. Эти обя-

*) *Собр. юс. грам. и догов.*, I, стр. 48, 16 и 78.

зательства холоповъ признавались юридическими сдѣлками; только отъѣтчиками по нимъ были не сами холопы, а ихъ господа. Еще въ X в. арабскіе писатели замѣтили, что русскіе купцы имѣли обычай поручать своимъ рабамъ веденіе торговыхъ дѣлъ. *Русская Правда* подтверждаетъ это извѣстіе одною своею статьею, которая говоритъ, что если холопъ съ согласія или по порученію своего господина будетъ торговать, и задолжаетъ, этотъ долгъ обязанъ заплатить его господинъ. Въ греко-римскомъ правѣ связь раба съ его пекуліемъ укрѣплялась вмѣстѣ съ юридическимъ значеніемъ перваго. Юристы имперіи вообще стояли за это укрѣпленіе, рассматривая пекулію какъ особое хозяйство раба, отличное отъ господскаго. Императорское законодательство подчинялось этому взгляду, и ихъ соединенными усиліями былъ подготовленъ декретъ императора Льва Мудраго, въ которомъ онъ рѣшительно возстаеъ противъ взгляда рабовладельцевъ на пекулію рабовъ какъ на свою собственность, и въ примѣръ имъ уступаетъ рабамъ дворцовыхъ вотчинъ полное распоряженіе ихъ имуществами. Русское право не заходило такъ далеко; но и въ немъ холопья отарица сдѣлала нѣкоторыя юридическія приобрѣтенія. Въ упомянутомъ смоленскомъ договорѣ 1229 г. одна статья говоритъ, что если нѣмецъ дастъ взаймы холопу княжескому (по нѣкоторымъ спискамъ, и боярскому) или иному доброму челоуѣку, а должникъ умретъ, не расплатившись, то долгъ обязанъ уплатить тотъ, къ кому перейдетъ по наследству имущество должника. Въ другомъ смоленскомъ трактатѣ съ нѣмцами, составленномъ на основаніи договора 1229 г. нѣсколько лѣтъ спустя, то же условіе примѣнено ко всякому нѣмцу, который забиралъ въ долгъ товаръ у смолянина и умиралъ, не расплатившись *). Изъ этого, повидимому, можно заключить, что, по крайней мѣрѣ, имущество привилегированныхъ холоповъ переходило по наследству одинаковымъ порядкомъ съ имуществомъ свободныхъ людей.

Изложенныя перемѣны въ русскомъ рабовладельческомъ правѣ сдѣлали возможнымъ, и также при дѣятельномъ участіи церковныхъ учреждений, образованіе класса, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на судьбу холопства, — того класса, который, вышедши изъ холопства, сначала сталъ между нимъ и крестьянствомъ, а потомъ, сливаясь съ послѣднимъ, увлекъ за собою и первое и тѣмъ положилъ конецъ существованію самаго холопства. Довольно сложную и темную исторію этого класса можно раздѣлить на два періода, изъ которыхъ первый обозначенъ временемъ *холоповъ-страдниковъ*, а второй временемъ *задворныхъ людей*.

В. Ключевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

*) Wallon, *ibid.*, p. 454. *Русско-ливонск. акты*, стр. 426 и 452.

Альфредъ де-Мюссе.

(Georg Brandes: „Die Hauptströmungen der Litteratur im XIX Jahrhundert“. T. V. «Die romantische Schule in Frankreich»).

I.

Если вы спросите во Франціи профана, человѣка изъ народа, рабочаго, или изъ среды писателей романтика, кто величайшій поэтъ Франціи въ новѣйшее время, то вамъ, безъ сомнѣнія, отвѣтятъ: Викторъ Гюго. Если же вы, напротивъ того, спросите объ этомъ лицо, принадлежащее къ высшей буржуазіи или бюрократіи, ученаго, свѣтскаго человѣка или члена молодой натуралистической школы, если вы, наконецъ, обратитесь къ дамамъ, то, по всей вѣроятности, отвѣтомъ будетъ: Альфредъ де-Мюссе. Отчего зависить это разногласіе и что означаетъ оно?

Альфредъ де-Мюссе дебютировалъ въ январѣ 1830 г., девятнадцати лѣтъ отъ роду, «испанскими и итальянскими рассказами» (*Contes d'Espagne et d'Italie*), группой сюжетовъ соблазнительно неприличныхъ, темъ, подробности которыхъ едва ли могутъ быть пересказаны. Въ болѣе крупныхъ сочиненіяхъ (*Донъ Паэзъ*, *Порція* и т. д.) обманъ за обманомъ: жены, окружающія ложью своихъ мужей, возлюбленные, обманывающія своихъ любовниковъ, любовники, уступающіе свою даму другимъ, знатныя особы, знающія о своемъ любовникѣ только то, что онъ закололъ кинжаломъ стараго мужа, грубыя наслажденія, добываемыя шпagoй, шестнадцатилѣтняя чувственность, не знающая ни стыда, ни пощадъ, старческая испорченность, прибѣгающая къ любовнымъ напиткамъ и примѣшивающая сладострастіе къ предсмертному хрипѣнію; среди всего этого рядъ пѣсень, искрящихся страстью, необузданностью и задоромъ. По отношенію къ чувственности эти стихотворенія не уступаютъ двумъ первымъ произведеніямъ Шекспира и, притомъ, они поражаютъ своею пылкостью, въ одно и то же время и утонченной, и бурной. Прибавьте къ этому невѣріе и атеизмъ, которые непрерывно выставлялись напоказъ и выдѣлялись, какъ странный контрастъ съ инстинктивнымъ со-

знаніемъ въ безсиліи и проглядывавшимъ порою стремленіемъ къ церкви и ко кресту.

Эта книга вызвала досаду нѣкоторыхъ и восторгъ большинства. Часть молодежи пришла въ изумленіе и стала внимательно прислушиваться. Это была совсѣмъ новая романтика, болѣе свободная, менѣе доктринерная, нежели романтика Виктора Гюго. Здѣсь встрѣчалось еще болѣе рѣзкое пренебреженіе къ правиламъ классиковъ о стихосложеніи и стилѣ, но это пренебреженіе было шаловливо и остроумно, а не воинственно, какъ у Гюго. Элементъ совершенно отсутствовавшій у этого послѣдняго, а, между тѣмъ, самый французскій элементъ преимущественно предъ всѣми другими, называемый на языкѣ этой страны «esprit», оживлялъ здѣсь полемику. Эта издѣвающаяся, все поднимающая на смѣхъ романтика освѣжала послѣ торжественной, патетической манеры Гюго. И здѣсь на сцену были выведены Испанія и Италія, и здѣсь встрѣчались средневѣковыя декораціи, удары шпагой и серенады, но все это вдвойнѣ нравилось съ прибавленіемъ этого задора, этой явительной остроты, этого скептицизма, едва ли вѣрившаго тому, что онъ самъ повѣствовалъ. Тутъ же была, напр., та соблазнительная, въ высшей степени непристойная баллада къ лунѣ, которая явилась вызовомъ какъ классикамъ — построеніемъ своихъ строфъ, такъ и романтикамъ — непочтительнымъ отношеніемъ къ своему предмету, любимицѣ романтики; эта баллада представляла пародію на свою собственную форму и авторъ ея, казалось, ходилъ на рукахъ и кувыркался во все стороны.

Гюго внушалъ уваженіе своею героическою осанкой, своимъ гигантскимъ успѣхомъ; его могучая риторика возбуждала благоговѣйное удивленіе; но эта неимовѣрная грація распущенности, это геніальное безстыдство шаловливости имѣли, напротивъ того, освобождающее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, захватывающее дѣйствіе. Это было то сатанински-неотразимое, о чемъ лучше всего судить женщины, какъ это оказалось и въ данномъ случаѣ. Мюссе говорилъ о женщинахъ, безпрестанно о женщинахъ, и не какъ Гюго въ его преждевременной зрѣлости съ супружескою вѣрностью, съ рыцарскою нѣжностью, съ романтическою галантностью, — нѣтъ, наоборотъ, съ страстью, ненавистью, ожесточеніемъ и бѣшенствомъ, показывавшими, что онъ ихъ и презиралъ, и обожалъ въ одно и то же время, что онъ долженъ былъ страдать черезъ нихъ до дикаго вопля и мстилъ за себя бурными обвиненіями и влокающею насмѣшкой.

Ни зрѣлости, ни здоровья, ни нравственной красоты, но юность, бывшая горячимъ ключомъ, неслыханная интензивность жизни, которую невозможно лучше описать, чѣмъ былъ описанъ яркочерный цвѣтъ слѣпому, отвѣчавшему: «значить, онъ напоминаетъ звукъ трубы». И въ этихъ стихахъ былъ видѣнъ яркочерный цвѣтъ и слышалась трубная музыка. Что красота въ искусствѣ бессмертна, это вѣрно. Но есть нѣчто, также бессмертное, но болѣе высокое въ искусствѣ: жизнь. Эти

первыя стихотворенія жили. Затѣмъ послѣдовали его зрѣлыя, прекрасныя произведенія и преимущества его выступили на болѣе широкомъ горизонтѣ. Онъ самъ изобразилъ свою поэзію въ стихотвореніи: *Après une lecture*. Вотъ его содержаніе:

«Тотъ, кто, заслышавъ подавленные вздохи вѣтерка изъ глубины гѣсовъ, не чувствуетъ потребности выйти одинъ, куда его ведетъ дорога, напѣвая ту или другую мелодію, еще болѣе безумный, нежели была Офелія съ вѣнкомъ изъ розмарина въ волосахъ, съ болѣе отуманенною головою, нежели пажъ, влюбленный въ фею и ударяющій тамбуриномъ по своей скомканной шляпѣ... Кто въ такія жаркія ночи, когда даже звѣзда Венеры готова поблѣднѣть отъ любви, не вскакивалъ босикомъ, самъ не зная зачѣмъ, кто не былъ вынужденъ бѣжать молиться, лить потоки слезъ и складывать руки предъ Безконечнымъ, съ сердцемъ, преисполненнымъ состраданіемъ къ невѣдомымъ мукамъ, тотъ пусть перемарываетъ и переправляетъ, сколько ему желательно, пусть онъ ринется, сколько его душѣ угодно, пусть онъ штопаешь свои лохмотья ишурой антитезы и подъ конецъ пусть будетъ торжественно отнесенъ на кладбище *Père Lachaise*, провожаемый дураками со всего свѣта. Великій человѣкъ, если хотите, но поэтъ? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ!»

Въ этотъ нападениі, направленномъ противъ тѣхъ, кто украшается антитезами, наносится ударъ Виктору Гюго и его школѣ и въ этомъ чистый лирикъ обнаруживаетъ сознаніе своего превосходства надъ гениальнымъ риторомъ; въ неудержимыхъ изліяніяхъ этого стихотворенія сказывается мечтательное, восторженное отношеніе къ поэзіи и поэтическое чувство собственного достоинства, напоминающее *Wanderers Sturmlied* Гёте.

И, начавъ развиваться какъ человѣкъ и какъ художникъ, Мюссе сталъ все болѣе и болѣе выказывать преимущества, затмѣвавшія своимъ блескомъ лучшія свойства Гюго. Онъ покорилъ читателей своею глубокою человѣчностью. Онъ признавался въ своихъ слабостяхъ и недостаткахъ. Викторъ Гюго чувствовалъ себя обязаннымъ быть непогрѣшимымъ. Мюссе не былъ великимъ мастеромъ стиха, какъ Гюго; онъ не могъ, подобно Гюго, выковывать металлъ языка на наковальнѣ и оправлять въ золото драгоценные камни слова. Мюссе писалъ небрежно, риемовалъ приблизительно, даже хуже чѣмъ Гейне, но онъ никогда не былъ риторомъ, всегда человѣкомъ. Радость и мука были у него облечены правдой, завшейся вѣчною. Стихотвореніе его, брошенное въ грудь произведеній другихъ поэтовъ, имѣло дѣйствіе развѣдающаго вещества. Все вокругъ истреблялось, какъ бумага, испарялось, какъ простыя слова; оно одно оставалось, горѣло и звучало своею рѣзкою правдой, какъ крикъ, вырывающійся изъ человѣческой груди.

Такъ въ чемъ же заключалась причина того, что не Мюссе, а Гюго сдѣлался властелиномъ литературы и вождемъ юной школы?

Причина заключалась въ томъ, что къ нему можно примѣнить въ обратномъ смыслѣ слова вышеприведеннаго мечтательнаго и насмѣшливаго стихотворенія: «Поэтъ, безъ сомнѣнія, но великій человекъ? Никогда, ни во вѣки вѣковъ!»

У Гюго была въ политическомъ и религіозномъ отношеніи, несмотря на различныя точки зрѣнія, на которыя онъ становился въ теченіе своей долгой жизни, извѣстная непрерывная линія, норма развитія и, прежде всего, никогда не измѣнявшее ему достоинство *). Какъ въ своей поэзіи онъ высоко держитъ знамя домашняго очага, такъ онъ все сильнѣе стремится утвердить свои убѣжденія относительно общества и государства.

Мюссе начинаетъ въ высшей степени смѣло; онъ выставяетъ на показъ самое крайнее невѣріе и самый крайній политическій индифферентизмъ.

Между тѣмъ, изъ-за этого невѣрія и равнодушія вскорѣ начинаетъ просвѣчивать слабость, постепенно обнаруживающаяся во всей своей полнотѣ.

Прочтите его замаскированныя призанія въ *Confession d'un enfant du siècle*. Онъ родился въ несчастный моментъ: все было мертво. Эпоха Наполеона миновала и, — какъ будто не можетъ быть славы внѣ имперіи, — онъ думаетъ, что миновало и время почестей. Вѣра угасла, — какъ будто люди, не признающіе католической символики, не имѣютъ вслѣдствіе этого ни сердца, ни духовной жизни, что выражается слѣдующею перифразой: душа была мертва. Далѣе разсказывается, что лица, понимавшія, что эпоха славы прошла, стали возвѣщать съ ораторской трибуны, что свобода есть нѣчто болѣе прекрасное, нежели слава, и сердца юношей трепетали при этихъ словахъ, какъ при далекомъ воспоминаніи. «Однако же, — говорится тамъ, — когда, выслушавъ это, молодые люди пошли домой, они встрѣтили процессію съ тремя плетеными гробами, которые несли на кладбище; это были трупы трехъ юношей, слишкомъ громко говорившихъ о свободѣ», — и какъ будто отчаяніе пресыщенія есть единственное ученіе, которое можетъ преподавать человекъ подобная смерть, мы узнаемъ, что при этомъ зрѣлищѣ странная улыбка скривила ихъ губы и они бросились стремглавъ въ самое безумное распутство.

По этой основной темѣ Мюссе создалъ рядъ своихъ выдающихся мужскихъ типовъ, даже геніальный образъ Лорензаччіо. Въ юности она послужила ему моделью для самаго знаменитаго изъ его типовъ, Ролла.

Ни въ одномъ стихотвореніи не выступаютъ такъ ярко, какъ въ *Ролла*, нерѣшительность, шаткость и немужественность міросозерцанія Альфреда де-Мюссе.

*) О Викторѣ Гюго см. тамъ же: *Die romantische Schule in Frankreich*. VII, VIII.

Вступительная глава начинается известною пѣсней, выражающею тоску по античной Греціи съ ея преисполненною жизни красотой и по христіанской древности съ ея чистымъ пареніемъ и ясномъ вѣрой, когда соборы Кельнскій и Страсбургскій, когда Notre-Dame и св. Петръ набожно преклоняли колѣна въ своихъ каменныхъ ризахъ и громадный органъ народовъ вторилъ вѣковому «Осанна».

Послѣ этого начинается разсказъ: Жакъ Ролла былъ самымъ развратнымъ юношей развратнаго Парижа. Онъ презиралъ все и всѣхъ. «Никогда сынъ Адама не питалъ болѣе глубокаго презрѣнія къ народу и королямъ». У Ролла очень незначительное состояніе, но въ немъ сильно влеченіе къ довольству и роскоши. Привычка, составляющая для другихъ полжизни, внушаетъ ему отвращеніе. Поэтому онъ беретъ маленькое наслѣдство, оставленное ему отцомъ, раздѣляетъ его на три кошелька и каждый годъ растрачиваетъ треть своего состоянія съ дурными женщинами, по всевозможнымъ дурачествамъ, не отъ кого не скрывая, что онъ рѣшился пустить себя пулю въ лобъ по истеченіи послѣдняго года.

И, въ силу своихъ двадцати двухъ лѣтъ, Мюссе называетъ своего Ролла великимъ, неустрашимымъ, честнымъ и гордымъ. Его любовь къ свободѣ,—а подъ свободой Мюссе понимаетъ независимость отъ всякой дѣятельности, всякой жизненной задачи, всякаго долга,—идеализируетъ его въ глазахъ поэта.

Онъ изображаетъ ночь наканунѣ самоубійства Ролла въ жилищѣ порока, приготовленія къ оргіи, шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, которую приводитъ родная мать; и поэтъ начинаетъ свою скорбную пѣснь о глубокой испорченности общества, о матери, продающей свое дитя, о бѣдности, прибѣгающей къ сводничеству, о дешево приобретаемой строгости и лицемерной добродѣтели болѣе счастливо поставленныхъ женщинъ.

И за этимъ слѣдуетъ знаменитое мѣсто въ стихотвореніи, воззваніе къ Вольтеру: «Сладко ли спится тебѣ, о, Вольтеръ, и все ли еще играетъ твоя отвратительная улыбка на ввалившихся губахъ? Говорять, твое время было слишкомъ невѣжественно, чтобъ понять тебя. Нашъ вѣкъ долженъ быть тебѣ по вкусу. Радуйся, твое время настало! На насъ обрушилось то громадное зданіе, которое ты день и ночь подпалывалъ въ теченіе тѣхъ восьмидесяти лѣтъ, когда ты ухаживалъ за смертью. Утѣшься! Тотъ, кто готовится здѣсь испустить послѣднее дыханіе, читалъ тебя!»

Чѣмъ повиненъ Вольтеръ въ смерти этого жалкаго расточителя? Развѣ великій труженикъ отвѣтственъ за самоубійство этого празднаго развратника? Развѣ это тотъ міръ, о которомъ мечталъ Вольтеръ,—этотъ міръ безумныхъ удалцовъ и безпомощныхъ женщинъ? Вольтеръ, бывшій воплощеніемъ разума, пачкавшій руки только чернилами, Вольтеръ, вся

жизнь котораго была энергическою борьбой изъ-за свѣта? Онъ виновенъ въ этомъ злополучіи?

Отсутствіе догматической вѣры служить предлогомъ для Ролла, чтобы жить жизнью животнаго и умереть смертью негодяя. Мы видимъ, что случилось, по прошествіи немногихъ лѣтъ, съ тѣмъ вызывающимъ упорствомъ, съ которымъ выступилъ Мюссе. Упорство разрѣшилось въ шаткое сомнѣніе, отрицаніе превратилось въ безнадежное отчаяніе.

Въ сравненіи съ нимъ, какимъ здоровымъ, сильнымъ, замкнутымъ въ себѣ самомъ является болѣе спокойное настроеніе Гюго! Хотя и онъ, и даже еще позднѣе (въ стихотвореніи *Regard jeté dans une mansarde*, 1839), высказался съ страстною несправедливостью противъ Вольтера, по съ тѣхъ поръ онъ началъ все лучше и глубже постигать его, пока не принялъ, наконецъ, его наслѣдія. Теперь становится понятно, почему онъ продолжалъ занимать центральное положеніе во французской литературѣ.

Не самый изящный и избранный поэтическій талантъ сохраняетъ за собой въ литературѣ руководящую роль. Она выпадаетъ на долю не таланта, а всей личности. Тотъ, кто въ данный моментъ чувствуетъ въ груди своей бѣшеніе сердца эпохи, кто воспринимаетъ въ свой умъ мысли эпохи и имѣетъ твердое намѣреніе наложить на литературу печать этихъ чувствъ и идей, принадлежащихъ ему и его вѣку, тотъ родился вождемъ и останется имъ.

II.

Въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ можно было уже сказать, что литературный переворотъ, руководимый Гюго и его друзьями, одержалъ побѣду, но такъ, какъ обыкновенно одерживаютъ побѣду въ духовномъ смыслѣ. Исчезающее меньшинство самыхъ образованныхъ мужчинъ и самыхъ разумныхъ женщинъ Франціи понимало, что борьба была окончена, что трагедія умерла, что аристотелевскія правила были недоразумѣніями, что время переходныхъ талантовъ миновало, что Казимиръ Делавинъ исчерпанъ и что только поколѣніе тридцатыхъ годовъ знало, чего искать въ литературѣ. То обстоятельство, что совершенно параллельное движеніе началось въ живописи, скульптурѣ и музыкѣ, показывало имъ яснѣе, чѣмъ что-либо иное, глубину и неотразимость перемѣны. Но лица, понимавшія это, были, какъ сказано, лишь незначительнымъ меньшинствомъ. На сторонѣ старой, чопорной литературы время имперіи было все, что во Франціи можно было назвать старыми привычками, боязнью нововведеній, глупостью и недоброжелательствомъ; весь оффиціальныи міръ былъ за нее, вся пресса, кромѣ одной единственной ежедневной газеты *Journal des Débats*, наконецъ, власть: всѣ мѣста, должности, пенсіи раздавались исключительно людямъ старой школы, и этимъ подрастающее по-

колѣннѣ всячески вводилось въ искушеніе и въ соблазнъ. Въ тому же, послѣ перваго сильнаго умственнаго напряженія въ молодомъ лагерѣ наступило нѣкоторое утомленіе и изнеможеніе. Его члены были юны, они ожидали, что одного единственнаго приступа противъ старыхъ окоповъ предразсудка будетъ достаточно, чтобъ взять ихъ; теперь они видѣли съ разочарованіемъ, что, хотя послѣ этого изъ ихъ войска выбыла десятая доля, все же оно находилось еще у подошвы осаждаемаго зданія, какъ и прежде; они теряли терпѣніе и охоту сражаться. Съ упорною борьбой, требовавшей лишеній и приносившей раны и рубцы, они были бы готовы примириться, но подъ условіемъ, что она привела бы къ скорой побѣдѣ, къ громкому торжеству, признанному среди трубныхъ звуковъ. Но этотъ споръ, тянувшійся безконечно, жестока насмѣшка со стороны противниковъ, спокойно удерживавшихъ всѣ вліятельныя позиціи какъ въ области литературы, такъ и въ сферѣ искусства, ихъ постоянный энтузіазмъ къ пережитому,—все это ставило въ нерѣшимость молодыхъ борцовъ. Они начинали спрашивать себя, не слишкомъ ли далеко зашли они въ своей юношеской горячности, не права ли, тѣмъ не менѣе, ея величество публика, или, по крайней мѣрѣ, не права ли она хотя отчасти; они начинали просить извиненія за свой талантъ и предупредительностью и отпаденіемъ домогаться прощенія публики. Иные отдалялись отъ друзей, чтобъ получить доступъ въ тотъ или другой знатный общественный кругъ. Иные подумывали объ академіи и старались такъ распорядиться своимъ образомъ дѣйствій, чтобъ не упустить возможности сдѣлаться еще въ молодыхъ годахъ ея членомъ.

Психологическій мотивъ болѣе благороднаго характера способствовалъ распаденію группы, а именно чувство независимости писателей. Съ самаго начала ихъ хотѣли соединить слишкомъ тѣсными узами; не удовольствовавшись указаніемъ направленія и художественнаго принципа, стремились формулировать догматы, а лица, предъявлявшія эти догматы, были поэты, столь же односторонніе, сколько гениальные умы, не мыслители съ широкимъ, безпристрастнымъ взглядомъ. Какъ ни общителемъ въ сравненіи съ германскимъ романскій складъ національнаго характера, но все же при подобныхъ условіяхъ въ его изящной литературѣ никогда не могло быть мѣста ассоціаціи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Люди науки могутъ приходить въ соглашеніе относительно метода, но искусство требуетъ полной, безусловной свободы личности. Творческій духъ поэта только тогда бываетъ способенъ создавать превосходнѣйшія произведенія, которыя онъ имѣетъ дать міру, когда онъ предоставленъ одному себѣ, когда онъ не отрекается отъ чего бы то ни было, хотя бы даже отъ самаго ничтожнаго изъ своихъ драгоценныхъ личныхъ свойствъ, въ пользу кружка. Абсолютный индивидуализмъ, конечно, невозможенъ въ искусствѣ; сознательно или безсознательно, добровольно или недобровольно, но всегда образуются школы; и, какъ вѣрно то, что личность

должна имѣть возможность высказываться свободно, такъ же несомнѣнно, съ другой стороны, что личность можетъ достигнуть высочайшаго только въ художественной непрерывности, благодаря поддержкѣ и опорѣ художественной традиціи или родственныхъ умовъ, великихъ предшественниковъ или современниковъ. Но когда школа имѣетъ одного признаннаго вождя, тогда необходимо, чтобы этотъ послѣдній умѣлъ не стѣснять свободы; онъ долженъ все дозволить, за исключеніемъ отсутствія характера и стиля. Но давать свободу, на это не былъ способенъ человѣкъ такого умственного склада, какимъ отличался Гюго, а его ближайшіе фанатическіе приверженцы понимали принципы его школы еще уже, чѣмъ онъ самъ. Въ продолженіе очень немногихъ лѣтъ самыя выдающіяся личности молодой группы опредѣлились ярче, нежели можно было предвидѣть при началѣ ихъ развитія, и старый классическій лагерь выигралъ отъ разрыва, происшедшаго между различными индивидуальностями, имѣвшими каждая свой особый характеръ.

Еще одно обстоятельство подѣйствовало разобщающимъ и разъединяющимъ образомъ. Июльская революція увлекла значительную долю знаменосцевъ и передовыхъ бойцовъ среди молодежи изъ литературнаго лагеря въ политику. Замѣчательно въ этомъ отношеніи, что газета *Le Globe* въ 1830 г. перестала быть литературнымъ органомъ и перешла въ руки сенъ-симонистовъ. Ея основатели и важнѣйшіе сотрудники, Гизо, Тьеръ, Виллеметъ, стали членами парламента, чиновниками или министрами. И такъ какъ въ новѣйшее время политика гораздо болѣе, чѣмъ литература, дѣлаетъ извѣстными имена, то она манила даже поэтовъ на свои ораторскія трибуны. Лирики, какъ Гюго и Ламартинъ, во время июльской монархіи обратились къ политикѣ. Болѣе отсталые въ литературѣ писатели чувствовали, что вступившіе въ политику какъ бы опередили ихъ; они завидовали порой ихъ славѣ и досадовали по временамъ, вида, что тѣ считали литературу, бывшую для нихъ самихъ всѣмъ на свѣтѣ, лишь средствомъ, пригоднымъ въ крайнемъ случаѣ.

Романтическому кружку былъ нанесенъ жестокий ударъ, когда Сентъ-Бѣвъ, всегда готовый къ бою, всегда восторженный герольдъ школы, выбылъ изъ генеральнаго штаба Гюго. Повидимому, при свойственномъ его натурѣ удивительномъ смѣшеніи смиренія и стремленія къ независимости, онъ давно уже раскаялся въ подчиненномъ положеніи, которое занялъ по отношенію къ Гюго, и лишь нехотя продолжалъ кадить предъ вождемъ школы. Его раздражала сильная доза эниама, который Гюго привыкъ ожидать или требовать, и все же онъ былъ слишкомъ нерѣшителенъ, чтобы отказать ему въ своей дани. Сверхъ того, энтузіазмъ, удерживавшій его внутри волшебнаго круга, относился не столько къ Гюго, сколько къ молодой женѣ поэта. Когда въ частной жизни между нимъ и семействомъ Гюго дошло до разрыва, то разрывъ этотъ былъ для Сентъ-Бѣва сигналомъ совершенной перемѣны и въ его литературныхъ симпатіяхъ

къ автору *Les orientales*. Все его направленіе было такого рода, что школы, системы, общества, партіи всегда были для него лишь отелями, въ которыхъ онъ останавливался и изъ которыхъ выѣзжалъ, никогда не разбирая вполнѣ своихъ сундуковъ; кромѣ того, онъ всегда былъ склоненъ подвергать сатиру или насмѣшкѣ то, что покинулъ незадолго передъ тѣмъ; поэтому съ этихъ поръ онъ сталъ отзываться о произведеніяхъ Гюго не иначе, какъ въ тонѣ рѣзкой и преимущественно унижающей критики.

Альфредъ де-Мюссе предпочелъ еще раньше объявить о своемъ отпаденіи. Его сильный и тонкій умъ не могъ не замѣтить ограниченности и несовершенства теорій школы Гюго, а въ особенности того ребячества, съ которымъ нѣкоторые ярые ревнители доводили эти теоріи до крайнихъ предѣловъ. Когда Мюссе читалъ въ первый разъ свои стихотворенія у Гюго въ кружкѣ молодыхъ романтиковъ, то только два мѣста вызвали аплодисменты. Первое было въ *Донъ-Паэзъ*, гдѣ значится: «Братья! — закричалъ издали желто-голубой драгунъ, отдыхавшій на снѣгъ, — желто-голубой!» Это зажигало, это было то, что называли въ стилѣ краской. Другое мѣсто было изъ *Le lever*, гдѣ говорится объ егеряхъ: «И на ихъ зеленыхъ ругавахъ видѣлись черныя лапы соколовъ».

Эта элементарная живописность была дороже юнымъ слушателямъ всякихъ взрывовъ чувства, страсти и ума, ибо такія черты указывали на различіе отъ людей старой школы, для которыхъ было только одно важно, чтобъ знали то, что происходитъ; о внѣшнихъ подробностяхъ они не заботились. Что видимый міръ существовалъ для Мюссе, это было самое главное для молодыхъ людей; но это не могло имѣть такого значенія для него самого, такъ какъ сила его заключалась совсѣмъ въ другомъ и онъ никогда не чувствовалъ стремленія соперничать съ Гюго или съ Теофиломъ Готье.

Помимо этого, Мюссе былъ, прежде всего, аристократъ, свѣтскій человекъ и дэнди, считавшій долгомъ чести смотрѣть на литературу лишь какъ на праздную забаву. Длинноволосые литераторы въ калабрійскихъ шляпахъ не годились ему въ товарищи.

Его отношенія къ публикѣ были въ началѣ нѣсколько шутки; онъ сдѣлалъ попытку привести ее въ изумленіе и подразнить ее. Она же шла къ нему на встрѣчу съ величайшимъ благоволеніемъ, готовая все простить, даже балладу къ лунѣ, лишь бы онъ явился съ другою физиономіей; и, стремясь доказать свою самостоятельность, индифферентный къ партіямъ, наконецъ, классически настроенный, родственныи по духу Матюрену Ренье и Мариво, онъ до извѣстной степени уступилъ тайному давленію. Онъ приобрѣлъ расположеніе читателей, рассказывая съ юмористическимъ равнодушіемъ о своихъ собственныхъ военныхъ дѣяніяхъ и о подвигахъ своихъ соратниковъ. Въ стихотвореніи *Рафаэль или сокровенныя мысли французскаго дворянина* онъ объявляетъ, что борьба

утомила его; онъ сражался,—говорить онъ,—въ обоихъ враждебныхъ лагеряхъ, получалъ сотню шрамовъ, придавшихъ ему почтенный видъ, и онъ, которому лишь двадцать одинъ годъ, садится теперь, какъ ветеранъ, выбившійся изъ силъ, на свой лопнувшій барабанъ. Расинъ и Шекспиръ встрѣчаются на его столѣ и засыпаютъ здѣсь рядомъ съ Буало, который простилъ и того, и другаго. Еще въ одномъ стихотвореніи онъ пишетъ: «Въ наши дни искусство болѣе не существуетъ, никто въ него не вѣритъ. Наша литература имѣетъ сто тысячъ причинъ говорить объ утопленникахъ, мертвецахъ и жалкихъ дохмотяхъ. Она сама трупъ, который мы гальванизируемъ. Она дѣлаетъ свое дѣло, изображая намъ падшихъ женщинъ... она сама подобная женщина и даже самая погибшая изъ всѣхъ тѣхъ, которыя когда-либо мазались и румянились». Эта выходка, очевидно, направленная противъ распущенной фантази въ произведеніяхъ ультра-романтики, была такъ юношески беспощадна, что вся современная поэзія могла оскорбиться ею. И, конечно, не по одной случайности было это написано въ томъ самомъ году, когда появилась *Marian de Lorme*, эта драма, при всѣхъ недостаткахъ своихъ столь цѣломудренная, столь спиритуалистическая по ходу идей, столь христіанская по духу, но героиня которой несомнѣнно куртизанка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Мюссе выражался все съ возрастающимъ безчувствіемъ объ идеалахъ молодежи. Почти всѣ поэтѣ юной школы, съ Гюго во главѣ, заявляли себя сторонниками сражающейся Греціи; Альфредъ де-Мюссе кокетливо писалъ о своемъ Мардохеѣ, что онъ «питалъ большее уваженіе къ Портѣ и султану Махмуду, нежели къ храброму эллинскому народу, оскверняющему своею кровью чистый мраморъ Пароса».

Что было причиной этого равнодушія и этого цинизма?

Слишкомъ горячая кровь, слишкомъ страстное сердце и слишкомъ раннія разочарованія. Его вѣрѣ въ людей уже въ самой ранней юности была нанесена неизлечимая рана, а недоувѣріе стало источникомъ горечи и ненависти. Едва ли возможно найти объясненіе его безнадежному миро-соверщанію въ одномъ опредѣленномъ событіи, отъ котораго оно прямо вело бы свое происхожденіе. Но самъ онъ считалъ возможнымъ указывать на его начало. Онъ даетъ понять разнообразными намеками, что въ первой юности онъ былъ обманутъ возлюбленной и другомъ. Очень вѣроятно, что при своемъ искреннемъ и правдивомъ характерѣ онъ былъ глубоко пораженъ этимъ несчастіемъ; однако же, пока рана была еще свѣжа, онъ, безъ сомнѣнія, прибѣгнулъ къ увеличительному стеклу поэзіи и поэтически обработалъ свою печаль. Тогда было въ модѣ имѣть любовное горе, которому умѣли находить утѣшеніе. И все же Мюссе страдалъ сильнѣе, чѣмъ подумаютъ иные, читавшіе его распущенные юношескія стихотворенія. Но, чтобы не казаться мягкосердечнымъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, чтобы не сдѣлаться предметомъ насмѣшки для циниковъ, онъ самъ нѣкоторое время напускалъ на себя врайную жесто-

кость и холодность. Такой искусственный цинизмъ производитъ тягостное впечатлѣніе, какъ и всякая аффектація. Тэнъ написалъ о Мюссе известную статью, въ которой онъ выказываетъ къ предмету ея столь же прекрасное, сколько слѣпое пристрастіе; это пристрастіе достигаетъ кульминаціонной точки въ восклицаніи: «Celui-là au moins n'a jamais menti!» Если считать напускную силу и безчувственность неправдой, то нельзя безъ ограниченія согласиться съ этимъ отзывомъ.

Но вскорѣ въ жизни избалованнаго юноши долженъ былъ наступить поворотъ. 15 августа 1833 г. *Rolla* Альфреда де-Мюссе былъ помещенъ въ только что основанномъ тогда *Revue des Deux Mondes*. Нѣсколько дней спустя, редакторъ этого журнала, швейцарецъ Бюлозъ, давалъ своимъ сотрудникамъ обѣдъ въ известномъ ресторанѣ Палерояля «Aux Trois Frères Provençaux». Гостей было много; между ними находилась только одна дама. Хозяинъ попросилъ Альфреда де-Мюссе новости ея къ столу, и онъ былъ представленъ madame Жоржъ Зандъ.

Это была красивая пара. Онъ—стройный и тонкій, блѣдный, съ темными глазами и рѣзко очерченнымъ профилемъ; она — брюнетка, съ роскошными волнистыми черными волосами, съ прекраснымъ, ровнымъ оливковымъ цвѣтомъ лица, принимавшимъ на щекахъ слабый оттѣнокъ красной бронзы, съ большими, темными, мощными глазами. Цѣлый міръ, казалось, таился за ея челою, и все же она была молода и прекрасна и молчалива, какъ женщина, которая не выражаетъ ни малѣйшаго притязанія на то, чтобы прослыть остроумной. Ея нарядъ былъ простъ, но нѣсколько фантастиченъ: поверхъ платья на ней была надѣта шитая золотомъ турецкая куртка, у пояса висѣлъ кинжалъ.

Въ 1870 г. въ Парижѣ одинъ изъ остававшихся еще тогда въ живыхъ участниковъ того обѣда говорилъ мнѣ, что Альфредъ де-Мюссе и Жоржъ Зандъ сошлись по хорошо разсчитанному плану дѣловитаго Бюлоза. Онъ впередъ сказалъ друзьямъ своимъ: «Они будутъ сидѣть рядомъ; всѣ женщины обыкновенно влюбляются въ него, всѣ мужчины—обязательно въ нее; они, естественно, полюбятъ другъ друга, и что за рукописи получить тогда журналъ!»

Онъ потиралъ руки.

Эти двѣ личности, сѣвши рядомъ за этимъ столомъ, были въ высшей степени разнородны. Единственное сходство между ними заключалось равнѣ въ ихъ литературной дѣятельности.

Ея существо было плодотворною, материнскою натурой. Душа ея была здорова, здорова даже въ своихъ революціонныхъ порывахъ, и обладала известнымъ равновѣсіемъ богатыхъ силъ. Ея сонъ былъ хорошъ и она могла устраивать свою жизнь по своему усмотрѣнію; она была въ состояніи изъ года въ годъ работать цѣлыя ночи напролетъ и довольствоваться утреннимъ сномъ, который являлся по ея зову и отъ котораго она просыпалась подкрѣпленная. Въ настроеніи девятнадцатаго вѣка не

прошло ни одной великой страсти, ни одной революціонной идеи, которой бы эта женщина не дала мѣста въ своей душѣ, и при этомъ она сохранила свою свѣжесть, внутреннее спокойствіе и самообладаніе. Она могла внимательно и терпѣливо писать по шести часовъ сряду; она до такой степени была способна сосредоточиваться въ самой себѣ, что среди разговора и смѣха цѣлаго общества могла записывать свои грезы и, вслѣдъ затѣмъ, принимая участіе въ жизни окружающихъ, она сидѣла, улыбающаяся и молчаливая, все схватывая и понимая, всасывая произносившіяся передъ ней слова, какъ губка впитываетъ въ себя водяныя капли.

А онъ? Онъ еще въ высшей степени обладалъ темпераментомъ художника. Его трудъ былъ лихорадоченъ, его сонъ тревоженъ, его влеченія и страсти необузданны. Когда онъ воспринималъ идею, онъ не обдумывалъ ее въ молчаніи, напоминавшемъ сфинкса, какъ она; нѣтъ, онъ трепеталъ, подавленный, «съ болѣе отуманенною головою, нежели пажъ, влюбленный въ фею», какъ значитса въ его стихотвореніи *Après une lecture*. И когда онъ приступалъ къ исполненію, онъ всегда чувствовалъ поползновеніе отбросить перо; представленія тѣснились, искали выраженія, сердце начинало бѣшено биться, и самаго ничтожнаго искушенія со стороны окружающихъ, приглашенія на вечеръ съ друзьями и красивыми женщинами, предложенія участвовать въ пивникѣ, было достаточно, чтобъ заставить его бѣжать отъ работы.

Она «вязала» свои романы, онъ писалъ свои произведенія въ короткомъ, пламенномъ, блаженномъ экстазѣ, часто смѣнявшемся на слѣдующій день отвращеніемъ къ написанному. Онъ находилъ свой трудъ плохимъ и все же не могъ передѣлать его, потому что всегда смотрѣлъ на перо съ такою же неприязнью, съ какою галерный каторжникъ смотритъ на свое весло. Несмотря на всю свою юношескую самоувѣренность, онъ метался въ постоянныхъ мученіяхъ, и причиной ихъ было то, что въ его художавомъ тѣлѣ былъ замѣнутъ гигантъ-художникъ, чувствующій гораздо глубже и сильнѣе, жившій гораздо больше и быстрѣе, чѣмъ могло вынести человеческое существо, въ которомъ онъ воплощался. Если, вслѣдствіе этого, поэтъ бросался во всевозможное распутство, то это, главнымъ образомъ, зависѣло отъ потребности заглушить внутреннее страданіе.

Въ тотъ моментъ, какъ онъ сидѣлъ у Бюлоза, двадцатидвухлѣтній, изнѣженный сынъ благородныхъ родителей, жившій у нихъ, охраняемый заботливою любовью брата, — онъ, этотъ ребенокъ, ничего не испытывавшій въ жизни, кромѣ нѣсколькихъ любовныхъ приключеній, былъ полонъ опыта, недовѣрія, горечи и презрѣнія къ людямъ, какъ еслибъ ему было сорокъ лѣтъ, и тѣ пробѣлы, которые представлялъ его опытъ, онъ наполнялъ напускнымъ равнодушіемъ и цинизмомъ. Въ тотъ моментъ, какъ она сидѣла здѣсь, эта женщина съ княжескою и простонародною кровью въ жилахъ, правнука Морица Саксонскаго, двадцати восьми лѣтъ,

съ самымъ горькимъ прошлымъ, оторванная отъ семьи и родины, лишенная состоянія, пріютившаяся съ однимъ изъ своихъ дѣтей въ тѣсной парижской мансардѣ, не находя опоры ни въ одномъ родственникѣ мужскаго пола и тѣмъ самымъ поставленная въ необходимость искать родства по склонности,—эта женщина, которая вела жизнь литературной богемы, выходила въ мужскомъ костюмѣ, носила мужское имя и, какъ мужчина, курила сигару среди мужчинъ, была въ глубинѣ души своей наивна, безстрастна, восторженна, добра и такъ воспріичлива ко всему новому, какъ будто бы она не испытала ничего особеннаго и никогда не была разочарована.

Онъ, столь стихійный въ своемъ искусствѣ, столь безцѣльный въ жизни, былъ, какъ умственная личность, во многихъ отношеніяхъ вулгаренъ, ограниченъ. Для насъ, мужчинъ, легко сдѣлаться таковыми. Какъ могъ бы онъ избѣжать этого, онъ, рожденный въ счастливыхъ обстоятельствахъ, выросшій въ аристократическихъ кругахъ и потому рано научившійся бояться смѣха и уважать приличіе?

Она, напротивъ того, не имѣющая въ специально техническомъ отношеніи ничего революціоннаго, а слѣдовавшая въ своемъ искусствѣ ранѣе проложеннымъ путемъ, была, какъ умственная личность, почти чудомъ. У нея не было ограниченности, ее не стѣснялъ никакой предрассудокъ. Женщины, которыхъ судьба заставила соприкоснуться съ язвами общества и глядѣть прямо и смѣло въ глаза приговору этого послѣдняго, становятся иногда умственно свободными въ еще высшей степени, чѣмъ мужчины, потому именно, что эта свобода имъ дорого достается. Она смотрѣла на все оригинальнымъ и испытующимъ взоромъ, взвѣшивала каждую вещь въ рукѣ и придавала ей безошибочно то значеніе, котораго она заслуживала.

Онъ превосходилъ ее образованіемъ. Этотъ экзальтированный художникъ обладалъ неподкупнымъ мужскимъ умомъ, острымъ и упругимъ, какъ дамасскій клинокъ, разлагавшимъ каждую фразу, на которую онъ наталкивался.

У нея, напротивъ, какъ у женщины, прежде всего и громче всего говорило сердце. Прекрасное и мечтательное ученіе, благородная утопія очаровывали ее, и, какъ женщина, она чувствовала потребность служить. Въ юности она всегда искала взоромъ знамя, которое бы несли мужчины съ великодушными, храбрыми сердцами, чтобъ сражаться подъ этимъ знаменемъ. Ея честолюбіе состояло не въ томъ, чтобъ давать высшему свѣту концерты въ качествѣ прославленной музы; она желала бить въ барабанъ, какъ дочь полка. Но, такимъ образомъ, недостатокъ логическаго образованія побуждалъ ее поклоняться неяснымъ умамъ, какъ пророкамъ, и, наконецъ, привелъ ее къ тому, что въ добромъ и неуклюжемъ Пьерѣ Леру, философѣ и социалистѣ, на котораго она взирала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ дочь на отца, она увидала апостола новаго времени,

отрывающаго новые пути. Мюссе, какъ свойственно аристократическому уму, сознавалъ свое превосходство надъ этими пророками, не умѣвшими написать двадцати удобопонятныхъ страницъ прозы; она же, напротивъ того, заражалась наклонностью этихъ людей къ убѣдительному и назидательному изложенію и восторженной декламаци.

Наконецъ, она была ниже его, какъ художникъ, хотя, съ человѣческой точки зрѣнія, была великодушнѣе, справедливѣе, сильнѣе его. Ея художественному духу не доставало внезапно увлекающей силы мужчины, того «такъ это должно быть», которое не указываетъ причинъ. Когда они вмѣстѣ разсматривали картину, то онъ, не особенно понимавшій живопись, разомъ чувствовалъ преимущества этой картины и преобладающія свойства живописца и выражалъ ихъ двумя словами. Ея духъ углублялся въ картину медленно и ощупью, какимъ-то страннымъ окольнымъ путемъ, и выраженіе ея ощущенія часто бывало или неопредѣленно, или парадоксально. Его умъ былъ рѣзокъ и нервень, ея же стремителенъ, склоненъ къ универсальной симпатіи. Когда они вмѣстѣ слушали оперу, то его трогалъ взрывъ истинной и личной страсти, совершенно индивидуальное чувство, ея же, наоборотъ, хорое пѣніе, чувство общечеловѣческое. Чтобъ взволновать ея душу, казалось, требовалась цѣлая совокупность душъ.

Романы, написанные ею, страдали отсутствіемъ сжатости. Между тѣмъ какъ всякое предложеніе, вырвавшееся изъ его устъ, походило на чеканную монету съ высѣченными краями, ея стиль былъ словообилень до растянутости. Первое, что неволью сдѣлалъ Мюссе, когда ему попалъ въ руки экземпляръ *Индіаны*, это то, что онъ вычеркнулъ карандашомъ отъ двадцати до тридцати лишнихъ прилагательныхъ на первыхъ страницахъ. Жоржъ Зандъ впоследствии увидала этотъ экземпляръ, и говорить, что она почувствовала при этомъ не благодарность, а раздраженіе.

Приблизительно за полгода до первой встрѣчи съ Мюссе Жоржъ Зандъ до нѣкоторой степени опасалась знакомства съ нимъ. Сначала она просила Сентъ-Бѣва его представить ей; но затѣмъ въ припискѣ къ одному изъ ея писемъ значится: «Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я не желаю, чтобъ вы представляли мнѣ Альфреда де-Мюссе. Онъ большой дэнди, мы не годились бы другъ для друга, и я хотѣла его видѣть скорѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ дѣйствительнаго интереса. Однако, было бы неосторожно стремиться удовлетворять всякое любопытство». Въ этихъ словахъ чувствуется какъ бы тревога и страхъ, внушенный предчувствіемъ.

Альфредъ де-Мюссе, съ своей стороны, какъ и всѣ писатели, относился къ писательницамъ съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ. Названіе *синій чулокъ* было, вѣроятно, дано этимъ дамамъ коллегой мужскаго пола. Но, вопреки всему этому, невозможно отрицать значительнаго притяженія, которое сильный женскій умъ оказываетъ на человѣка просвѣщеннаго.

Восхищеніе, всегда присущее глубокому взаимному пониманію душъ, въ этомъ случаѣ удвоилось, благодаря внезапно возникшей страстной любви.

Если мы посмотримъ на эти отношенія съ исторической точки зрѣнія, то намъ бросится въ глаза, какъ сильно они запечатлѣны духомъ времени. Они завязались среди поэтического омыненія, овладѣвшаго умами во Франціи при господствѣ романтизма и напоминавшаго карнавальное настроеніе эпохи Возрожденія. Художественныя натуры, первый долгъ которыхъ неизмѣнно состоитъ въ томъ, чтобы въ области своего искусства нарушать унаслѣдованное условное приличіе, постоянно испытываютъ искушеніе переступить за предѣлы обычая и въ социальномъ отношеніи; но въ своей оппозиціи противъ будничной жизни поколѣніе тридцатыхъ годовъ было моложе и наивнѣе всѣхъ предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ во Франціи за послѣднія столѣтія. Во всѣхъ художникахъ живетъ нѣчто цыганское или младенческое; художники того времени давали полный просторъ цыгану или ребенку, таившемуся въ ихъ душѣ. Замѣтельно: первое, что приходитъ въ голову этимъ двумъ избраннымъ существамъ, какъ скоро они сблизились и первый горячій экстазъ блаженства далъ имъ возможность вздохнуть, это — надѣть маскарадныя костюмы и въ такомъ видѣ подшутить надъ своими знакомыми. Когда Поль де-Мюссе (братъ поэта) былъ первый разъ приглашенъ на вечеръ молодою четой, то онъ встрѣтилъ Альфреда, напудренного и наряженнаго маркизомъ прошлаго столѣтія, Жоржъ-Зандъ—въ подобранномъ платьѣ, въ кринолинѣ и съ мушками на лицѣ. Когда Жоржъ Зандъ давала первый обѣдъ послѣ знакомства своего съ Мюссе, Альфредъ, переодѣтый молодою нормандскою служанкой, прислуживалъ за столомъ, нигѣмъ не узнаанный; для того, чтобы почетный гость, профессоръ философіи Лерминье, имѣлъ достойнаго партнера, приглашается Дебюро, несравненный Пьерро изъ театра акробатовъ, котораго никто не видалъ внѣ сцены, и его представляютъ гостямъ, какъ знатнаго путешественника, вліятельнаго члена англійской Нижней Палаты. Чтобы дать поводъ ему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Лерминье выказать свои свѣдѣнія, заводятъ рѣчь о политикѣ. Но напрасно называютъ имена Роберта Пила, лорда Станлей и т. д., иностранный дипломатъ хранитъ упорное молчаніе или ограничивается односложными отвѣтами. Наконецъ, кто-то употребляетъ оборотъ: «европейское равновѣсіе». Англичанинъ проситъ слова.

— Хотите ли знать, — говоритъ онъ, — какъ при настоящихъ серьезныхъ политическихъ обстоятельствахъ въ Англии и на континентѣ я понимаю европейское равновѣсіе? Такъ...

И дипломатъ подбрасываетъ свою тарелку вверхъ, такъ что она падаетъ въ воздухъ, затѣмъ виртуозно подхватываетъ ее на кончикъ ножа и заставляетъ ее постоянно кружиться, не нарушая ея равновѣсія.

Развѣ эта маленькая черта не представляетъ намъ союзъ Мюссе и Жоржъ Зандъ въ особенномъ блескѣ молодости и наивности? На него

падаетъ лучъ изъ внутренней жизни эпохи Возрожденія, и хорошо чувствуется, что передъ нами французскій романтизмъ тридцатыхъ годовъ. Близкія отношенія между Альфредомъ де-Мюссе и Жоржъ Зандъ имѣютъ свою вунгарную сторону, достаточно послужившую предметомъ всевозможныхъ толковъ,—сторону, которой я не желаю касаться. Всѣмъ извѣстно, что они вмѣстѣ предприняли путешествіе въ Италію, что онъ мучилъ ее ревностью, она его непривычнымъ контролемъ надъ всѣми его дѣйствіями, короче, что союзъ ихъ не былъ счастливъ, что онъ былъ обманутъ ею во время своей болѣзни и въ самомъ несчастномъ душевномъ настроеніи оставилъ одинъ Италію. Но эти отношенія представляютъ другую, болѣе интересную сторону,—эстетико-психологическую. Исторія литературы знаетъ достаточно союзовъ между высокоталантливыми мужчинами и женщинами; однако-жь, въ этомъ случаѣ было ново и необычайно слѣдующее: мужской геній самаго высшаго полета, уже прошедшій часть своего художественнаго поприща и, между тѣмъ, еще совсѣмъ юный; женскій геній, такой совершенный, такой значительный, что никогда передъ тѣмъ во всемірной исторіи женщина не являлась въ обладаніи столь богатою творческою силой, вліяютъ другъ на друга во время экзальтаціи любви.

Наша психологія находится еще на такой слабой степени развитія, что различіе между мужскимъ и женскимъ воображеніемъ едва доступно изученію, тѣмъ менѣе извѣстно ихъ взаимное воздѣйствіе. Впервые въ современной цивилизаціи встрѣчаются здѣсь два поэтическихъ духа, мужской и женскій, каждый съ задатками величайшей красоты. Никогда до той поры подобный опытъ не совершался на нашихъ глазахъ въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ. Это Адамъ искусства и Ева искусства, приближающіеся другъ къ другу и раздѣляющіе между собой плодъ древа познанія. Затѣмъ слѣдуетъ проклятіе, то-есть разрывъ; они расстаются и идутъ каждый своею дорогою. Но они уже не тѣ. Ихъ сочиненія носятъ отнынѣ уже не тотъ характеръ, какъ произведенія, созданныя ими раньше ихъ встрѣчи.

Онъ покидаетъ ее, истерзанный, въ отчаяніи, въ смущеніи, съ новымъ великимъ обвиненіемъ въ душѣ противъ женскаго пола, вдвойнѣ убѣжденный: «Коварство! твое имя женщина!»

Она покидаетъ его съ разнообразными чувствами: сначала наполовину утѣшенная, затѣмъ истерзанная до самой глубины своего существа, во вскорѣ довольная тѣмъ, что вышла изъ кризиса, разстраивавшаго ея спокойную творческую натуру, съ новымъ сознаніемъ превосходства женщины надъ мужчиной, вдвойнѣ убѣжденная: «Слабость! твое имя мужчина».

Онъ покидаетъ ее съ новымъ негодованіемъ противъ всякихъ мечтаній, всякой филантропіи и всяческихъ утопій, болѣе чѣмъ когда-либо убѣжденный въ томъ, что искусство должно составлять все для худож-

ника. Но все же сопркосновеніе съ этою великою женскою душою не было для него бесплодно. Прежде всего, горе дѣлаеть его правдивымъ; онъ сбрасываетъ свой напускной цинизмъ; никогда уже не станетъ онъ выставяять на показъ дѣланную жестокость и холодность. Затѣмъ вліяніе ея чистосердечной и доброй природы, ея восторженное отношеніе къ идеаламъ сказываются въ сочиненіяхъ, которыя онъ начинаетъ выпускать въ свѣтъ, въ республиканскомъ энтузіазмѣ Лорензацчіо, въ глубокихъ ощущеніяхъ Андреа дель-Сартосъ, быть можетъ даже въ протестъ, съ которымъ Мюссе выступилъ противъ законовъ о печати Тьера.

Она повидаетъ его, болѣе чѣмъ когда-либо убѣжденная въ малодушіи и эгоизмѣ мужчинъ, болѣе чѣмъ когда-либо расположенная отдаться общимъ идеямъ. Она посвящаетъ въ *Horace* свой талантъ сенъ-симонизму; она пишетъ для прославленія социализма *Le compagnon du Tour de France*, пишетъ, наконецъ, въ 1848 г. для временнаго правительства бюллетени къ народу. Но, тѣмъ не менѣе, лишь сопркосновеніе съ этимъ отчеканеннымъ, вылившимся въ твердую форму гениемъ усовершенствовало ея чистую и классическую художественную форму. Она научилась любить форму, искать красоту ради нея самой. И если о ней было сказано, что ея періоды «нарисованы Леонардо и положены на музыку Моцартомъ» (слова младшаго Дюма), то можно было бы прибавить, что критика Альфреда де-Мюссе направляла ея руку и образовала ея слухъ.

Послѣ разлуки своей они оба созрѣвшіе художники. Онъ отнынѣ поэтъ съ пылающимъ сердцемъ, она сивила съ пророческимъ краснорѣчіемъ.

Въ бездну, внезапно раскрывшуюся между ними, она низвергла свою незрѣлость, свои тирады, свое безвкусіе, свое мужское одѣяніе; съ этой поры она цѣльная женщина, цѣльная натура.

Въ ту же глубину погрузилъ онъ свой донъ-жуановскій костюмъ, свою вызывающую дерзость, свое удивленіе къ *Rolla*, свое отроческое упорство и съ этой поры сталъ цѣльнымъ мужчиной, цѣльнымъ духомъ.

III.

Альфредъ де-Мюссе дожилъ до сорока семи лѣтъ, но, за исключеніемъ трехъ прелестныхъ маленькихъ драмъ и нѣсколькихъ стихотвореній, вся его авторская производительность относится къ тому времени, когда онъ еще не началъ приходить въ зрѣлый возрастъ. Въ шесть лѣтъ послѣ разрыва съ Жоржъ Зандъ, пока ему не минуло тридцати лѣтъ, онъ пишетъ и издаетъ цѣлый рядъ своихъ удивительныхъ твореній.

Обманутый Жоржъ Зандъ, онъ болѣе и болѣе теряетъ охоту говорить объ обманѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно исчезаетъ и его напускная безчувственность. Въ его сочиненіяхъ, даже въ самомъ свойствѣ

выбираемыхъ имъ сюжетовъ проглядываютъ личныя усилія поэта скинуть порочную маску и даже освободиться отъ притягательной силы порока. Первое крупное произведеніе, выполненное имъ по возвращеніи изъ Италіи и внушенное ему пребываніемъ въ Италіи, это драма *Лорензаччіо*. Отъ одного рода ведутъ свое происхожденіе Лоренцо Медичи и его кузень, звѣрски-жестокій и сладострастный герцогъ Флоренціи, Александръ. Лоренцо, по своимъ врожденнымъ свойствамъ, чистая и энергическая натура. Въ немъ рано возникаетъ рѣшеніе, по примѣру Брута, освободить міръ отъ тирана. Чтобы достичь своей цѣли, онъ принимаетъ видъ безсердечнаго развратника, дѣлается товарищемъ Александра, его орудіемъ, его совѣтникомъ относительно удовольствій и сводникомъ. Какъ Гамлетъ представлялся безумнымъ, такъ онъ взялъ на себя роль малодушнаго, жалкаго стастололюбца, чтобы обезпечить себѣ жертву и овладѣть ею. Но фальшивое одѣяніе, въ которое онъ облакаетъ свой истинный характеръ, пристало къ нему какъ Нессова рубашка; мало-по-малу онъ сдѣлался въ дѣйствительности почти совершенно такимъ, какимъ хотѣлъ только казаться; противъ воли онъ всосалъ испорченность, которую самъ помогалъ распространять въ придворной и городской атмосферѣ, онъ чувствуетъ отвращеніе къ самому себѣ, созерцая свою жизнь. Но все же онъ остается непонятымъ, ибо при всей своей низости и притворномъ безсильномъ малодушіи онъ неизмѣнно преслѣдуетъ свой планъ: въ удобный моментъ умертвить Александра и учредить республику.

Его слѣдуетъ презрѣніе къ людямъ: онъ презираетъ герцога за его развращенность и кровожадность; народъ — за то, что онъ позволяетъ такому государю управлять собой и разрѣшаетъ ему самому, слугѣ государя, ходить по улицамъ Флоренціи въ полной неприкосновенности и безнаказанности; наконецъ, республиканцевъ — за то, что у нихъ нѣтъ ни энергій, ни политической проницательности. Лоренцо, наконецъ, сбрасываетъ свою личину, судить и караетъ, какъ ангелъ мести.

Политическій пессимизмъ Мюссе обнаруживается въ томъ, что слѣдуетъ за этимъ: единственною наградой за подвигъ Лорензаччіо является то, что онъ падаетъ отъ руки убійцы, желающаго повисить цѣну, назначенную за его голову; республиканскіе вожди Флоренціи слишкомъ тупы и непрактичны, само населеніе слишкомъ глубоко пало, оно спокойно подчиняется первому тирану, нападающему на него врасплохъ. Просвѣчивающее здѣсь презрѣніе къ республиканцамъ, конечно, можно отчасти приписать впечатлѣніямъ 1830 г. Мюссе самъ былъ однажды свидѣтелемъ революціи, которая, направляясь къ республикѣ, вошла въ монархическое русло. Однако же, въ его пьесѣ республиканцы освѣщены менѣе благопріятно, нежели они того заслуживаютъ. Въ несправедливости Мюссе относительно этого пункта сказывается личное настроеніе, но находящее себѣ объясненія въ самой пьесѣ. Но для него важнѣе всего было представить характеръ Лоренцо съ благороднымъ обликомъ подѣ

отталкивающей маской безчувственности. Лоренцо хранить въ душѣ идеальный элементъ, котораго онъ не стыдится; онъ стремится къ возвышеннымъ цѣлямъ, онъ вѣритъ въ примирительную силу подвига. То, что очищаетъ его передъ смертью, не случайность, подобно чистому подвѣлу Ролла, а поступокъ, носившійся передъ нимъ въ теченіе всей его юности.

Въ *Le chandelier* мы снова находимся въ очень испорченномъ обществѣ, но на этомъ фонѣ выдѣляется въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица молодой писецъ Фортуніо, съ его глубокою, безграничною любовью къ Жакелинѣ. Она и ея любовникъ пользуются имъ для своихъ низкихъ цѣлей; онъ долженъ служить щитомъ и ширмой ихъ грязнымъ любовнымъ отношеніямъ; онъ понимаетъ ихъ игру и любитъ; тѣмъ не менѣе, онъ даже вполне готовъ отправиться на вѣрную смерть, чтобы прикрыть отвратительный союзъ своей возлюбленной съ другимъ. Этотъ пажъ обладаетъ рѣшимостью и мужествомъ героя, и чистота его природы производитъ такое сильное дѣйствіе, что трогаетъ и подкупаетъ Жакелину и даже побуждаетъ ее отвернуться отъ Клавароша и обратить взоры на него. Онъ идеалъ юнаго любовника.

Октавъ въ *Les caprices de Marianne* легкомысленный и во многихъ отношеніяхъ испорченный юноша, неспособный къ серьезной любви, полагающій, что для того, чтобы завоевать сердце женщины, не стоить употребить даже столько времени, сколько ему нужно, чтобы распечатать бутылку южнаго вина; но у него есть чувство, въ которомъ онъ является отрочески наивнымъ и вѣрующимъ, и это чувство—дружба; онъ такъ безусловно любитъ своего друга, юнаго Целіо, что готовъ умереть за него или отомстить за его смерть, и такъ ему преданъ, что съ презрѣніемъ отвергаетъ благоволеніе дамы, которой тщетно поклоняется Целіо. Относясь къ женщинамъ скептически, Октавъ безраздѣльно отдается дружбѣ: онъ идеалъ друга. Контрастъ ему представляетъ Целіо, въ которомъ Мюссе, раздвоившій въ этой драмѣ свою собственную личность, изображаетъ другую сторону своего характера. Целіо—молодой любовникъ, любовь котораго вся благоговѣйное томленіе, желаніе, настолько тоскливое при всей своей пламенности, что, не находя ему удовлетворенія, онъ какъ бы призываетъ смерть. Орлеанъ шекспировскаго романтизма окружаетъ его голову; его рѣчь—музыка, его мечты—поэзія. Онъ изображаетъ себя въ слѣдующихъ словахъ: «У меня нѣтъ душевнаго спокойствія и тихой безопасности, дѣлающихъ жизнь зеркаломъ, въ которомъ всѣ предметы показываются лишь на одинъ мигъ и снова исчезаютъ. Долги тяготятъ мою совѣсть. Любовь, изъ которой другіе дѣлаютъ себѣ забаву, приводитъ въ смятеніе все мое существо».

По этимъ мужскимъ образамъ можно видѣть, насколько Мюссе созрѣлъ, какъ поэтъ. Онъ не стремится болѣе къ исключительному изображенію кипучихъ влеченій молодости или дикой игры страстей со всѣми ихъ послѣдствіями—ложью, обманомъ и насиліемъ; онъ долго, съ осо-

бннымъ предпочтеніемъ останавливается на невинномъ, глубокомъ чувствѣ, грѣховномъ лишь вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ,—на любви, чистой въ ея сущности и преступной лишь по причинѣ разрыва съ общественнымъ порядкомъ, на дружбѣ, внутренняя суть которой есть героическое самопожертвованіе, даже въ томъ случаѣ, когда она выступаетъ въ гнусной формѣ сводническаго краснорѣчія,—словомъ, на дружбѣ и любви во всей ихъ чистотѣ, на жизненныхъ силахъ, обыкновенно называемыхъ идеальными. И по мѣрѣ того, какъ у Мюссе все болѣе и болѣе очищается мужской типъ, то же самое постепенно происходитъ и съ женскимъ типомъ. Сначала его женскіе образы колебались между Далилой и Евой. Но возрастающее въ немъ влеченіе къ изображенію духовной красоты и нравственной чистоты приводитъ его къ болѣе и болѣе выдающейся идеализаціи и женскихъ типовъ. Знаменательно уже то, что женскій образъ, выведенный имъ непосредственно послѣ окончательнаго разрыва съ Жоржъ Зандъ (1835 г.),—образъ, которому она отчасти послужила моделью, *Madame Pierson* въ *Confessions d'un enfant du siècle*, представляетъ чрезвычайно идеализированную передачу характера оригинала. Его повѣсти, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, три: *Emmeline*, *Frédéric et Benerette* и *Le fils du Titien* принадлежатъ къ лучшимъ, если онѣ не самыя лучшія, которыя можетъ предъявить наше столѣтіе, выдаютъ все явственнѣе стремленіе поэта къ идеализаціи и прославленію любви, а черезъ нее и женскихъ характеровъ. Онъ беретъ, напр., фязіономію той или другой знакомой ему маленькой гизетки, добродушнаго, легкомысленнаго, даже вѣтренаго веселаго созданія; онъ надѣляетъ этотъ образъ дѣвственною прелестью, давно имъ утраченною, и воспроизводитъ изъ него *Mimi Pinson*, или же создаетъ молодую женщину, преисполненную такой душевной глубины, такой наивности во всѣхъ ея ошибкахъ и проступкахъ, выражающуюся такъ правдиво и съ такою нѣжностью чувства, умирающую такъ просто, какъ та Бенеретта, послѣднее письмо которой мало кто читалъ безъ слезъ. Для него, какъ для вротика, любовь такая неограниченная сила, что онъ подчиняетъ ей даже искусство. Любить и быть любимымъ подъ конецъ получаетъ въ его глазахъ настолько большее значеніе, чѣмъ быть художникомъ, что, по его представленію идеала, искусство, въ сущности, должно бы быть посвящено и исключительно предназначено одному единственному лицу: единой возлюбленной. Въ повѣсти *Сынъ Тициана* герой, даровитая художественная натура, встрѣчаетъ преграду на пути распутства въ любви къ великодушной женщинѣ; онъ доказываетъ свою благодарность тѣмъ, что хочетъ нарисовать одну единственную картину, для которой собираетъ всѣ свои силы и которая одна должна перенести его имя въ потомство,—портретъ возлюбленной. Въ честь ея онъ пишетъ сонетъ, въ которомъ превозноситъ красоту и чистоту души своей избранницы, высказываетъ, почему онъ никогда не прославитъ другой женщи-

ны своею кистью, и объявляетъ, что какъ ни прекрасно ея изображеніе, все же оно не можетъ сравниться съ однимъ единственнымъ поцѣлуемъ оригинала. Но изъ всѣхъ повѣстей Мюссе *Emmeline*, конечно, самая изящная. Это маленькій рассказъ, основой которому послужили первыя, болѣе благородныя, хотя кратковременныя любовныя отношенія, пережитыя Мюссе послѣ разрыва съ Жоржъ Зандъ и сходныя во всемъ существенномъ съ отношеніями въ повѣсти: молодой человѣкъ страстно влюбляется въ молодую замужнюю даму, привлекательный характеръ которой нарисованъ самыми нѣжными красками, на основаніи самаго тщательнаго наблюденія природы; только самыя благоуханныя женскіе образы Тургенева даютъ въ новѣйшей литературѣ понятіе о подобномъ дарованіи, но они болѣе духовны, не такъ реальны, художникъ смотритъ на нихъ болѣе влюбленнымъ взоромъ и изображаетъ съ меньшею художественною смѣлостью. Онъ долго слѣдитъ за нею, безъ надежды пробудить въ ней участіе къ себѣ, но, наконецъ, приобретаетъ ея взаимность, и она ему отдается. Внезапно они расстаются навѣки, потому что она слишкомъ правдива, чтобъ обманывать своего мужа, а онъ слишкомъ деликатенъ, чтобъ удалиться при подобныхъ обстоятельствахъ. Въ этой повѣсти встрѣчается стихотвореніе, которое молодой любовникъ даетъ прочесть своей дамѣ и которое нѣ кажется лучшимъ цвѣткомъ въ эротикѣ Мюссе изъ втораго періода его стихотворной дѣятельности. Оно говоритъ языкомъ идеальнаго чувства. Это—знаменитое стихотвореніе *Si je vous disais, pourtant, que je vous aime*. Альфредъ де-Мюссе едва ли написалъ болѣе прочувствованную строфу, нежели слѣдующая:

J'aime, et je sais répondre avec indifférence;
 J'aime, et rien ne le dit, j'aime, et seul je le sais;
 Et mon secret m'est cher et chère ma souffrance;
 Et j'ai fait le serment d'aimer sans espérance,
 Mais non pas sans bonheur—je vous vois, c'est assez.

Одновременно съ этими прелестными повѣстями, написанными какъ бы на цвѣточныхъ лепесткахъ, Мюссе издаетъ нѣсколько маленькихъ драмъ; въ однихъ онъ представляетъ любовь суровою, ужасною силой, съ которой невозможно шутить, огнемъ, съ которымъ непозволительно играть, электрическою искрой, которая убиваетъ; въ другихъ же его остроуміе и свѣтскій тонъ блестятъ въ тканн стила, полной глубокаго, искренняго чувства *). Изъ этихъ драмъ *Un caprice* самая законченная

*) Его путешествіе въ Италію съ Жоржъ Зандъ продолжалось съ осени 1833 г. до апрѣля 1834 г. Онъ написалъ въ этомъ году: *On ne badine pas avec l'amour* и *Lorenzaccio*; 1835 г. *Barberine* (почти самая незначительная его драма), *Le Champ-d'elie*, *Confessions d'un enfant du siècle* и *La nuit de mai*; 1836 г. *Emmeline* и *Il ne faut jurer de rien*; 1837 г. *Un caprice*, *Les deux maîtresses* и *Frédéric et Bernette*; 1838 г. *Le fils du Titien*. *Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée* написана въ 1845 г., *Bettine* въ 1851 г., *Carmosine* въ 1852 г.

и отличающаяся наиболѣ кипучимъ діалогомъ. Ни въ одной комедіи, ни въ одномъ провербѣ Мюссе не проявилъ такого совершенства внѣшней и внутренней формы, и названіе *Un caprice* находится по праву между заглавіями произведеній, вырѣзанныхъ на его надгробномъ памятникѣ на кладбищѣ Père Lachaise. Въ этой пьесѣ непостоянная эротическая прихоть, влюбленность минуты преклоняется передъ властью брака. Мужчина здѣсь легкомысленъ и не внушаетъ довѣрія; у обѣихъ женщинъ, преданныхъ другъ другу, горячее сердце и одна изъ нихъ обладаетъ, кромѣ того, очаровательною, аристократическою силою ума. Madame de Légu парижанка. Никто не рисовалъ этого типа съ такою оригинальностью, какъ Мюссе; здѣсь онъ былъ на высотѣ своего таланта. Вполнѣ свѣтская дама, но, въ то же время, вполнѣ женщина. Этотъ образъ прекрасенъ тѣмъ, что изъ-за высшей утонченности салонной жизни въ немъ проглядываетъ неподдѣльная, свѣжая, правдивая естественность,—естественность, вопреки всему блистающему и сверкающему остроумію и слишкомъ раннему и отчасти пресыщенному жизнью опыту,—естественность даже въ притворствѣ, естественность даже въ маленькой комедіи; Madame de Légu, какъ женщина, въ достаточной степени актриса, чтобъ играть роль. «Ахъ,—говоритъ Гёте въ одномъ изъ своихъ писемъ,—какъ вѣрно то, что нѣтъ ничего столь замѣчательнаго, какъ естественное, ничего столь великаго, какъ естественное, ничего столь прекраснаго, какъ естественное, и ничего и т. д., и т. д., и т. д., какъ естественное!» Парижанка Мюссе сохранила естественность среди искусственности самоувѣреннаго и заносчиваго общественнаго тона. *Un caprice* имѣетъ нравственную идею. Но, между тѣмъ какъ многіе поэты изображаютъ любовь чѣмъ-то твердымъ, какъ камень, крѣпкимъ и прочнымъ, чѣмъ-то такимъ, что можно схватить, положить на многіе годы и во всякое время найти въ прежнемъ состояніи, для Мюссе, даже когда онъ является наиболѣ нравственнымъ, она всегда лишь самая тонкая и самая сильная, но вслѣдствіе этого и самая неуловимая эссенція жизни. Она можетъ умертвить, пока сохраняетъ всю свою мощь, но она можетъ и испариться.

Въ своихъ послѣднихъ драмахъ Мюссе преимущественно прославлялъ преданность и чистоту характера женщины,—добродѣтели, въ которыя онъ вѣрилъ, хотя самъ не могъ ихъ найти. Уже въ *Barberine* онъ, по древнему сказанію, нарисовалъ идеаль вѣрной супруги въ стилѣ шекспировской Имогены, но пьеса была неинтересна. Онъ закончилъ свою драматическую дѣятельность двумя превосходными, чудесными женскими образами. Въ маленькомъ шедеврѣ *Bettine* онъ, какъ бы играя, легко и въ совершенствѣ разрѣшилъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ характеристики. Беттина появляется, и едва она произнесла три или четыре фразы, какъ мы уже чувствуемъ, что передъ нами сильная, смѣлая женская натура съ глубокими чувствами и высокими мыслями, и даже болѣе того: гений,

художница, триумфаторша, привыкшая сознавать свое умственное превосходство надъ окружающими и не обращать вниманія на мелочныя приличія. Это день ея свадьбы. Она съ пѣніемъ выступаетъ на сцену, комнату, гдѣ ждетъ нотариусъ, идетъ прямо къ нему и, къ его изумленію, обращается къ нему на «ты»: «Ахъ, ты здѣсь, нотариусъ? Милый нотариусъ, милый другъ, твои бумаги съ тобой?» Его официальное достоинство такъ мало для нея значить, что она, не задумываясь, выказываетъ передъ нимъ свои радостныя ощущенія, внушаемыя ей мыслью о свадьбѣ. Веселость и добродушіе ея натуры льются черезъ край при самомъ ничтожномъ поводѣ. Она не остроумна, какъ свѣтская дама, но неприужденна, великодушна, искренна, какъ истинная художница, и неподдѣльная человѣчность ея природы еще прекраснѣе выдѣляется на фонѣ нравственной распущенности, представляемой ея холоднымъ, притязательнымъ женихомъ. Прекрасная маленькая драма *Кармозина*, въ основу которой положена одна изъ новеллъ Бокаччіо, доказываетъ, что самая сильная и пламенная любовь и обожаніе, разлученныя отъ своего предмета внѣшними обстоятельствами, могутъ быть исцѣлены великодушною добротой и заботливостью. Кармозина—простая мѣщанка, любящая короля Педро Арагонскаго безнадежною, пожирающею страстью; ради этого чувства она отказывается отдать руку своему преданному, огорченному поклоннику Педрилло; она рѣшается молчать и умереть. Но товарищъ ея дѣтскихъ игръ, пѣвецъ Минуччіо, изъ состраданія къ ней, выдаетъ королю и королевѣ ея любовь; и, ничуть не разгнѣванная, королева идетъ къ ней и, стараясь быть неузнанной, постепенно утоляетъ мученія Кармозины сестринскими и царственными словами, объясняя ей, что такая глубокая и великая любовь слишкомъ прекрасна, чтобы вырвать ее изъ сердца. Королева сама приметъ ее въ число своихъ статсъ-дамъ и тѣмъ предоставитъ ей случай видѣть короля ежедневно, ибо любовь, возносящая душу къ возвышенному, очищаетъ насъ. «Я сама научу тебя, Кармозина,—говоритъ она,—что можно любить, не страдая, если любишь, не краснѣя; только стыдъ и угрызенія совѣсти причиняютъ огорченіе; печаль удѣлъ виновныхъ, а твои мысли, конечно, не преступны». Затѣмъ приходитъ король подъ предлогомъ навѣстить ея отца и говоритъ ей въ присутствіи королевы:

— Такъ это вы, прелестная донна, какъ мы слышали, больны и въ опасности? По вашему лицу этого нельзя подуматъ... Вы дрожите, какъ мнѣ кажется, вы боитесь меня?

— Нѣтъ, государь.

— Такъ дайте мнѣ вашу руку. Что значить это, мое прекрасное дитя? Вы, юная, созданная для того, чтобы радовать сердца другихъ, вы такъ поддаетесь страданіямъ? Мы просимъ васъ изъ любви къ намъ ободриться и постараться поскорѣе выздороветъ.

— Государь, силы мои слишкомъ ничтожны, чтобы вынести чрезмѣр-

ную муку, и въ этомъ причина моихъ страданій. Такъ какъ вы могли пожалѣть меня, то, быть можетъ, Богъ избавитъ меня отъ нихъ.

— Прекрасная Бармозина, я буду говорить съ вами какъ король и какъ вашъ другъ. Великая любовь, которую вы къ намъ питаете, необычайно возвысила васъ въ нашихъ глазахъ, и почеть, которую мы хотѣли оказать вамъ въ награду за нее, состоитъ въ томъ, что мы сами представимъ вамъ супруга, нами избраннаго для васъ, и будемъ просить васъ принять его. И потому мы назначаемъ себя вашими рыцаремъ, на нашихъ турнирахъ будемъ носить вашъ девизъ и ваши цвѣта, и за это попросимъ у васъ лишь одного поцѣлуя.

Королева къ Бармозинѣ:

— Согласись, дитя мое, я не ревнива.

— Государь, королева отвѣтила за меня.

Въ какомъ мѣрѣ это происходитъ? Въ какомъ мѣрѣ воздухъ, которымъ дышешь, отличается такою чистотою? Гдѣ процвѣтаетъ такая честность, гдѣ любовь обладаетъ такимъ смиреніемъ при всей пылкости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такимъ величіемъ, и гдѣ встрѣчается она съ такою рыцарскою преданностью, гдѣ она такъ свободна отъ ревности при такой безконечной добротѣ? Гдѣ можно найти такого короля, гдѣ такую королеву? Мы должны отвѣтить безъ колебанія: въ странѣ идеала, нигдѣ какъ тамъ. Бъ ея берегамъ присталъ, наконецъ, задорный, циническій Мюссе, какъ поэтъ, но, какъ человѣкъ, онъ, напротивъ того, очутился вдали отъ нихъ. Онъ погибъ, стремясь къ самозабвенію. Необузданность, беспорядочность всего существа его были причиной его несчастья. Между тѣмъ какъ въ своей поэтической дѣятельности онъ становился все духовнѣе и нравственнѣе, какъ человѣкъ, онъ все глубже погрязалъ въ низменномъ развратѣ. Онъ рано утратилъ власть надъ самимъ собой; нѣкоторое время поэзія возносила его надъ его жизненнымъ паденіемъ; подъ конецъ и эти крылья не могли уже поднять его.

Онъ многого ожидалъ отъ іюльской монархіи; онъ надѣялся увидѣть при ней дворъ, покровительствующій искусству, либеральную политику, возрожденіе національной славы и разцвѣтъ изящной литературы. Можно представить себѣ, какъ горько былъ онъ разочарованъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что дворъ, который обладалъ бы живою любовью къ поэзіи и изящнымъ искусствамъ и привлекъ бы въ свой кругъ Альфреда де-Мюссе, что такой дворъ оказалъ бы на него благотворное вліяніе, принудилъ бы его соблюдать приличіе и облагородилъ бы его наслажденія, даже самый его развратъ. Но Людовикъ-Филиппъ, этотъ въ общемъ столь утонченный и образованный монархъ мира, имѣлъ очень мало склонности къ поэзіи и мало понималъ ея сущность. Онъ не сумѣлъ расположить къ себѣ ни Виктора Гюго, ни Альфреда де-Мюссе. Мюссе, бывший товарищемъ по школѣ его сына, Фердинанда Орлеанскаго, написалъ въ 1836 г. сонетъ по поводу покушенія Менье на жизнь короля. Этотъ

сонетъ не былъ напечатанъ, но герцогъ Орлеанскій, случайно его увидавшій, нашелъ его превосходнымъ и непремѣнно хотѣлъ его прочесть его величеству. Король не узналъ даже имени автора, потому что, прежде чѣмъ прочли ему стихотвореніе до конца, онъ такъ обидѣлся на то, что поэтъ осмѣлился говорить ему «ты», что не хотѣлъ больше слышать ни одного слова. Чтобы сгладить оскорбленіе, герцогъ выхлопоталъ Альфреду де-Мюссе приглашеніе на тюльерійскіе балы. Въ день его представленія ко двору Людовикъ-Филиппъ, къ его удивленію, подошелъ прямо къ нему и сказалъ съ улыбкой и выраженіемъ лица, пріятно его поразившимъ: «Вы только что изъ Жуанвила, я радъ васъ видѣть». Альфредъ де-Мюссе былъ слишкомъ свѣтскій человѣкъ, чтобы выказать изумленіе. Онъ почтительно поклонился, раздумывая о томъ, что могли бы значить слова короля. Тогда онъ вспомнилъ, что у семьи Мюссе былъ въ Жуанвилѣ дальній родственникъ, инспекторъ лѣснаго округа въ казенныхъ имѣніяхъ. Король, не утруждавшій свою память литературными именами, зналъ въ точности имена всѣхъ служащихъ въ его помѣстьяхъ. Одиннадцать лѣтъ сряду онъ каждую зиму съ тою же радостью встрѣчалъ своего мнимаго инспектора лѣснаго округа, продолжалъ расточать ему улыбки и кивки, заставлявшіе блѣднѣть отъ зависти не одного придворнаго и считавшіеся почестью, воздаваемой имъ изящной литературѣ; но, сколько извѣстно, Людовикъ-Филиппъ никогда не подозрѣвалъ, что въ его царствованіе жилъ великій поэтъ, носившій одно имя съ инспекторомъ лѣснаго округа.

Брайне безцвѣтное правленіе Людовика-Филиппа должно было внушать Мюссе только отвращеніе. Его воинственный отвѣтъ на *Rheinlied* Бекера, проникнутый гордою и дикою насмѣшкой, указываетъ на бывшіе въ немъ лирическіе задатки, которые могли бы развиваться при иныхъ политическихъ условіяхъ. Теперь же онъ чувствовалъ необходимость ограничить свою дѣятельность и воспѣвать лишь юность и любовь; и когда юность исчезла, то у него уже не было средствъ къ самообновленію. Его погубили не только пороки, но и добродѣтели его: гордый и надменный, онъ не имѣлъ и слѣда того честолюбія, которое ведетъ за собой духовное равновѣсіе, того стремленія къ приобрѣтенію, которое приневливаетъ къ трудолюбію, ни тѣни того властнаго эгоизма, благодаря которому писатель ставитъ свое «я» выше всего на свѣтѣ. Онъ бурно несся по жизненному пути, съ такою жадностью и поспѣшностью, что въ сорокъ лѣтъ былъ утомленъ, какъ семидесятилѣтній старикъ, не сдѣлавшій отъ этого ни спокойнѣе, ни разумнѣе. Его преждевременное физическое истощеніе повело за собой и нравственное. Въ немъ также не было и слѣда того идеальнаго эгоизма, который заставляетъ писателя жить исключительно для своего искусства, ни искры социальнаго или политическаго смысла, налагающаго на творческій духъ обязанности къ другимъ; онъ былъ до такой степени неспособенъ владѣть собою, что

минутное искушеніе было для него непреодолимо; безусловно лишенный тенденціи, какъ поэтъ, онъ и какъ человѣкъ остался совершенно безъ цѣли въ жизни; у него не было ничего, что онъ желалъ бы подвинуть или привести въ исполненіе, ничего, что онъ хотѣлъ бы высказать во что бы то ни стало; и онъ былъ слишкомъ неподатливою, слишкомъ мало созерцательною натурой, чтобы саморазвитіе въ гётевскомъ смыслѣ могло быть для него цѣлью, замѣняющей всякія тенденціи. Когда онъ умеръ въ 1857 г., то онъ на нѣсколько лѣтъ уже пережилъ свою музу.

Образованіе женщинъ у насъ и за границей.

„Нравственный и интеллектуальный прогрессъ мужчинъ рискуетъ остановиться, если не пойти назадъ, при условіи, что умственное и моральное развитіе женщинъ будетъ сильно отставать... Женщина должна или побуждать мужчину къ поступательному движенію, или тянуть его назадъ, принижать“ *).

Дж. Стюартъ Милль.

„Неравенство просвѣщенія—это одна изъ самыхъ ужасныхъ, самыхъ печальныхъ по своимъ послѣдствіямъ несправедливостей. При сохраненіи ея немислимо равенство передъ закономъ, конечно, не теоретическое, а действительное равенство“ **).

Жюль Ферри.

За послѣднюю четверть вѣка вопросъ о положеніи и правахъ женщины сдѣлалъ поразительные успѣхи. Не только въ Новомъ Свѣтѣ, но и въ Старомъ (даже въ Японіи, Индіи и Египтѣ) окончательно, можно сказать, укоренилось убѣжденіе, что женщину невозможно болѣе оставлять въ положеніи *несовершеннолѣтней*. Радикальная реформа женскаго образованія была однимъ изъ главнѣйшихъ и повсемѣстныхъ проявленій въ политической жизни всѣхъ образованныхъ государствъ. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты болѣе чѣмъ полвѣка тому назадъ выработали положеніе, что государство обязано обезпечить женщинамъ совершенно одинаковыя условія образованія на всѣхъ ступеняхъ, начиная съ элементарныхъ школъ и кончая высшими учебными заведеніями. Эта мудрѣйшая и благотѣльнѣйшая изъ политическихъ формулъ внѣдрилась, наконецъ, во всѣхъ образованныхъ европейскихъ государствахъ и проводится въ жизнь,—какъ увидимъ ниже,—безусловно повсемѣстно, но въ отдѣльныхъ государствахъ оказывается болѣе или менѣе существенная

*) Изъ письма отъ 18 декабря 1868 г. на имя русскихъ женщинъ, трудившихся надъ организаціей высшаго женскаго образованія въ Петербургѣ.

**) Изъ лекціи Ж. Ферри о необходимости равенства сословіи и половъ въ дѣлѣ просвѣщенія (*Revue litteraire* 1877 г.).

разница въ степени обдуманности системы, въ которой воплотилась эта великая политическая формула, въ степени энергіи и искренности, съ которыми стремятся къ проведенію въ жизнь равноправнаго съ мужчинами образованія женщинъ.

Свѣтъ благотворнаго христіанскаго ученія, внесшій въ челоуѣческое общество идею *нравственнаго равенства*, обратилъ женщину изъ рабыни мужчины въ его подругу, далъ ей право на одинаковое участіе съ нимъ въ прогрессѣ. Но только шесть вѣковъ тому назадъ, т.-е. въ XIII вѣкѣ, мы находимъ очень почтенное количество женскихъ именъ между учеными и профессорами по разнымъ отраслямъ науки и искусства; между ними немало женщинъ со степенью доктора наукъ (въ Болоньи и др). Это глубоко назидательное явленіе приходится, однако, назвать въ исторіи челоуѣчества почти мимолетнымъ. Не такъ-то легко женщинамъ отдѣлаться отъ вѣковѣчно тяготящей надъ ними подчиненности мужчинамъ, искусственно,—какъ это доказано Миллемъ *),—созданной послѣдними. Блистательно доказанная еще въ XIII вѣкѣ равноправность женщинъ съ мужчинами въ дѣлѣ науки и общественнаго служенія, въ концѣ-концовъ, покрылась прахомъ забвенія. Взаимнъ этого, женщины навязали, какъ конечную цѣль ея стремленій, «мирную семейную жизнь», исключительно, притомъ, въ интересахъ мужа, т.-е. безусловное повиновеніе, угожденіе и служеніе мужу. Идеаломъ для женщины поставили не поддающуюся точной формулировкѣ «женственность», ради достиженія которой требовалась роскошь и изнѣженность воспитанія, развивавшія въ женщинахъ крайнюю чувствительность и чувственность, сантиментальность, стремленіе къ романтической свободѣ любви и брака и т. д.,—словомъ, отрицательныя качества. Немудрено поэтому, что «мирная семейная жизнь», вообще говоря, стала *адоомъ*, мучительнымъ для женщинъ и пагубнымъ для создавшихъ ее мужчинъ.

Передовые мыслители XVIII вѣка, провозгласившіе «свободу, равенство и братство» для мужчинъ, почти совершенно забыли о женщинахъ. Женщины не замедлили фактически доказать, что онѣ имѣютъ безусловное право и на свободу, и на равенство. Съ поразительною энергіей, хотя бы даже и не для того отдаленнаго уже времени, женщины приняли дѣятельное участіе въ литературѣ и драматическомъ искусствѣ, начали поступать на разныя общественныя должности,—почтмейстеровъ, контролеровъ, сборщиковъ податей, библіотечарей, адвокатовъ,—начали заниматься торговлей и ремеслами и т. д. Наконецъ, онѣ приобрѣли большое вліяніе даже и на дѣла государственныя. Это въ высшей степени характерное движеніе женщинъ вызвано было потребностью сбросить съ себя узы вѣковой экономической и нравственной зависимости отъ мужчинъ, доказать свою правоспособность на участіе въ міровомъ законѣ: «свобода, равенство и

*) Милль: „О подчиненности женщинъ“.

братство», не представлявшемъ, въ сущности, ничего новаго послѣ христіанскаго ученія, но ложно, однако, понимаемомъ и примѣняемомъ до сихъ поръ. Впрочемъ, французская революція показала, что женщины того времени не были еще достаточно подготовлены къ широкой общественной дѣятельности. Не успѣли онѣ сплотиться въ мало-мальски опредѣленную организацію во имя экономическаго и нравственнаго освобожденія, какъ противъ ихъ стремленій къ равноправности возгорѣлась отчаянная реакція, чтобы удержать женщинъ въ безусловномъ подчиненіи мужчинамъ и зависимости отъ нихъ. Въ началѣ XIX вѣка появилось очень много сочиненій, направленныхъ противъ женскаго образованія, связанныхъ одною общою мыслью, что для исполненія семейныхъ обязанностей и угожденія мужу женщинѣ не нужно даже умѣть читать и писать, тѣмъ болѣе нѣтъ никакой надобности въ развитіи, такъ какъ двухъ умовъ въ одномъ семействѣ слишкомъ много.

Словомъ, насъ едва отдѣляютъ три четверти вѣка отъ той эпохи, когда къ женщинѣ, какъ женѣ и матери, предъявлялись требованія меньшія тѣхъ, которыя принято теперь въ образованныхъ семействахъ предъявлять простой женской прислугѣ. Нужно выговорить, что при такихъ условіяхъ quasi-«мирная семейная жизнь» очень близко напоминала то положеніе женщины въ до-христіанскій періодъ, когда (въ 326 г. до Р. Хр.) былъ открытъ въ Римѣ цѣлый заговоръ женъ противъ мужей. Подобно тому, какъ римская женщина обязана была относительно сноснымъ положеніемъ самой себѣ, своимъ энергическимъ протестамъ противъ тяготѣвшихъ надъ нею стѣсненій, и женщины современной намъ эпохи, во всемъ образованномъ мірѣ, преимущественно самимъ себѣ, своей энергіи и настойчивости обязаны тѣмъ относительнымъ улучшеніемъ въ ихъ положеніи, на которое указано въ началѣ этой статьи. 'Питаюсь понемножку отъ крупницъ просвѣщенія, пользованіе которыми мужчины считали своимъ исключительнымъ правомъ, женщины, въ концѣ-концовъ, набрались такой интеллектуальной силы, что предъявили затребованіе равноправнаго съ мужчинами образованія и, гдѣ съ большимъ, гдѣ съ меньшимъ успѣхомъ, добились его.

Послѣднія 25 лѣтъ дали образованному міру Стараго и Новаго Свѣта сотни тысячъ женщинъ съ высшимъ образованіемъ, блистательно состязавшихся съ мужчинами въ разнообразныхъ сферахъ общественной дѣятельности, которыя такъ недавно еще были доступны однимъ мужчинамъ. Не удивляйтесь объявленной цифрѣ «сотни тысячъ»: она скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительной цифры, и единственно, чтобы не испугать непривычнаго читателя, принята въ счетъ въролности *minimū*'а, а не *maximū*'а, что, впрочемъ, очевидно изъ слѣдующихъ цифръ. По статистикѣ высшаго женскаго образованія въ Америкѣ въ 1871 году женщинъ-врачей считалось 430, учительницъ, получившихъ высшее же образованіе, болѣе 100,000. По даннымъ же, относящимся къ 1876 году, аме-

рикановъ-медиковъ 800, учительницъ, обязательно окончившихъ высше-образовательные коллежи и университеты, до 200,000 *). Сюда не вошли американки съ высшимъ образованіемъ, занимающія профессорскія кафедры, состоящія проповѣдницами, архитекторами, юристами, принимающія дѣятельное и даже руководящее участіе въ журналистикѣ, и т. под. А такія ученныя американки, въ общей сложности, составляютъ тысячи, если не десятки тысячъ. Не остаются также бездѣтельными въ этомъ отношеніи и западно-европейскіе университеты, которые съ половины 70 годовъ начали одинъ за другимъ шире и шире открывать свои двери женщинамъ, ищущимъ высшаго образованія, такъ что въ послѣднія 5—6 лѣтъ количество женщинъ, ежегодно получающихъ въ Европѣ высшее образованіе, исчисляется сотнями.

Короче сказать, въ настоящее время имѣется уже огромная армія вполне просвѣщенныхъ женщинъ, энергически ратующихъ за огражденіе человѣческихъ правъ своего пола, и теперь уже нѣтъ такого европейскаго государства, — кромѣ развѣ Турціи, — въ которомъ не было бы большей или меньшей частички этой высоко-культурной арміи, одинъ фактъ существованія которой представляетъ уже самъ по себѣ довольно значительный прогрессъ въ дѣлѣ всемірной цивилизаціи. Образованію этой арміи мужчины въ меньшинствѣ случаевъ помогали, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ мѣшали и продолжаютъ мѣшать. Такая помѣха просто лишена всякаго смысла съ исторической точки зрѣнія. Положеніе, завоеванное женщинами теперь, не можетъ уже быть уничтожено, подобно тому, какъ это было въ XIII и XVIII вѣкахъ; та сила инертности, которой достигло стремленіе женщинъ къ образованію, обезпечиваетъ за нимъ дальнѣйшее развитіе его въ будущемъ до той же мѣры, какъ развито образованіе мужчинъ. Въ самомъ неблагопріятномъ случаѣ можетъ быть болѣе или менѣе задержано дальнѣйшее развитіе женскаго образованія въ той или другой мѣстности, но совершенно остановить стремленіе женщинъ къ образованію невозможно, оно неминуемо будетъ болѣе и болѣе развиваться подъ скрытымъ, неуловимымъ вліяніемъ той жизненной силы, которая двигаетъ это великое дѣло у другихъ народовъ.

Въ данный моментъ какъ въ Сѣверной Америкѣ, такъ и во всѣхъ вообще западно-европейскихъ государствахъ, до Италіи включительно, вопросъ объ эмансипаціи женщинъ остановился на агитаціи въ пользу предоставленія имъ всѣхъ вообще гражданскихъ и политическихъ правъ; теперь уже не рѣдкость обращеніе женщинъ съ требованіями къ властямъ о включеніи ихъ въ избирательные списки, не рѣдкость появленіе женщинъ кандидатами въ члены законодательныхъ собраній и т. д. Агитація эта ведется широко, смѣло, можно даже сказать, съ увѣренностью

*) Послѣднія цифры взяты изъ *Отчета* Гиппо, инспектора университета и профессора, котораго французское министерство народнаго просвѣщенія посылало въ Америку для изученія тамошней организаціи образованія.

на успѣхъ. Съ этою цѣлью устраиваются женскіе клубы, общества, народныя собранія, издается цѣлый рядъ періодическихъ изданій, горячо, съ убѣжденіемъ и большою эрудиціей отстаивающихъ гражданскія и политическія права женщинъ. Такая агитація одинаково энергично ведется около 5 лѣтъ уже какъ въ Новомъ, такъ и въ Старомъ Свѣтѣ. Какъ ни велика увѣренность агитирующихъ женщинъ въ полученіи ими полной политической и гражданской равноправности, на одинаковыхъ основаніяхъ съ мужчинами, но, по всей вѣроятности, это дѣло довольно отдаленнаго будущаго. Нигдѣ, однако, такъ не назрѣлъ вопросъ о гражданскихъ и политическихъ правахъ женщинъ, какъ въ Англіи и Италіи. Въ Англіи этотъ вопросъ двигаетъ впередъ само общество, опирающееся на университеты, которые въ послѣдніе 10-тилѣтіе оказываютъ поразительно дружное и искреннее содѣйствіе женскому прогрессу. Въ Италіи во главѣ движенія въ защиту женскихъ правъ стоитъ королева Маргарита, энергически проводящая идею, что женщина, получившая высшее образованіе, должна пользоваться тѣми же правами, какія даетъ образованіе мужчинѣ. Съ прошлаго года лейбъ-медикомъ королевы состоитъ женщина, которой присвоены всѣ преимущества, связанныя съ этою почетною должностію.

Словомъ, успѣхи женской эмансипаціи въ послѣднюю четверть вѣка превосходятъ все, что было сдѣлано человѣчествомъ въ предшествующіе вѣка на пользу женскаго образованія и правъ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ трудно было даже и мечтать о томъ уровнѣ высшаго образованія, о тѣхъ сферахъ дѣятельности, которыхъ успѣли добиться уже сотни тысячъ европейскихъ и американскихъ женщинъ. Это нисколько неудивительно. Быстрота успѣха свидѣтельствуетъ только о жизненности и прочности этого дѣла. Вѣдь, не удивляемся же мы, какъ быстро развертываются на деревѣ листья и цвѣты, какъ завязываются, наливаются и зрѣютъ плоды. Все это творить жизнедѣятельная сила, находившаяся во время зимняго оцѣпенѣнія въ скрытомъ состояніи. Такая же точно жизнедѣятельная сила создала все то, чѣмъ теперь богатъ образованный міръ и можетъ гордиться въ дѣлѣ женскаго образованія. Сила эта находилась въ скрытомъ состояніи въ теченіе всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ, лишь изрѣдка прорываясь наружу въ болѣе или менѣе характерныхъ проявленіяхъ, словно затѣмъ, чтобы напомнить о своемъ существованіи да о несправедливости тѣхъ условій, которыя не даютъ этой законной, естественной силѣ развернуться во всю ширь ея природной мощи. И точно такъ, какъ два однородныхъ дерева, находящихся въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, подъ влияніемъ различныхъ условій, не съ одинаковою энергіей развертываютъ свои листья и цвѣты, приносятъ плоды не одинаковаго качества,—и женская эмансипація дѣлаетъ не одинаковыя успѣхи въ разныхъ государствахъ, тѣсно граничащихъ другъ съ другомъ.

Но здѣсь уже недостаточно общей характеристики, а необходимо говорить фактами. Начнемъ съ Россіи.

Въ разсматриваемой нами просвѣтительной работѣ послѣдней четверти вѣка Россія принимала дѣятельное участіе. Но совершенно невѣрно, будто бы «Россія занимаетъ въ дѣлѣ женскаго образованія одно изъ самыхъ видныхъ, почетныхъ мѣстъ», будто бы «намъ, русскимъ, принадлежить починъ въ организаціи систематическаго средняго и высшаго образованія женщинъ». Такою похвалою Россіи обмолвился недавно довольно солидный толстый журналъ; эта же похвала, совершенно неосновательно, много лѣтъ уже гуляетъ по страницамъ русской періодической печати, невѣсть кѣмъ и когда пущенная наобумъ. Это заблужденіе однимъ кружить голову, другихъ пугаетъ. Не отрицая, что Россія внесла довольно солидную лепту въ смыслѣ практическаго разрѣшенія вопроса о женскомъ образованіи, необходимо, однако, признать, что Россія никогда не стояла впереди этого движенія, тѣмъ болѣе не была инициаторомъ въ этомъ отношеніи. Правда, выдавались моменты, что Россія въ великой просвѣтительной дѣятельности на пользу женщинъ шла почти вровень съ передовыми государствами, но, въ концѣ-концовъ, сильно отстала отъ другихъ европейскихъ государствъ, принявшихъ за женское образованіе довольно поздно, но горячо, искренно, энергически. Такимъ образомъ, если намъ и есть чего пугаться, такъ это именно отсталости, которая,—какъ увидать читатели ниже изъ фактическихъ указаній,—весьма значительна.

Образованіе женщинъ въ одинаковомъ уровнѣ съ мужчинами—дѣло, сравнительно, новое, молодое. Поэтому здѣсь важнѣе и необходимѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, параллельная оцѣнка того, что дѣлалось у насъ, съ тѣмъ, что имѣется за границей. Это тѣмъ болѣе необходимо, что пора же, наконецъ, сдѣлать возможно полную оцѣнку тѣхъ средствъ, которыми располагала до сихъ поръ Россія для образованія женщинъ. Само собою разумѣется, что такая оцѣнка, безъ сравненія нашихъ образовательныхъ средствъ съ средствами заграничными, была бы недостаточна, одностороння.

Какъ сказано выше, движеніе, проявившееся въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ въ пользу женскаго образованія, касается не одной какой-либо отрасли образованія, а всѣхъ трехъ ступеней—низшаго, средняго и высшаго образованія: требуется, чтобы женщина на всѣхъ ступеняхъ образованія проходила одинаковую школу съ мужчиной, или, что то же, не отставала отъ него въ развитіи во всѣхъ слояхъ и классахъ населенія. Ъ сожалѣнію, намъ слишкомъ мало приходится сказать о низшемъ женскомъ образованіи въ Россіи. И у насъ, по примѣру другихъ государствъ, допускается совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ начальныхъ школахъ. Но бѣда въ томъ, что начальное образованіе въ Россіи нахо-

дится буквально въ зачаточномъ состояніи и мы въ этомъ отношеніи занимаемъ послѣднее мѣсто въ ряду другихъ образованныхъ государствъ.

По статистическимъ даннымъ 1882 года, въ Европейской Россіи считалось всѣхъ вообще начальныхъ въ селахъ и городахъ училищъ 28,329, въ которыхъ обучалось 1.177,504 мальчика и 362,471 дѣвочка, всего 1.539,975 дѣтей школьнаго возраста. Въ томъ же году изъ общаго народонаселенія имперіи въ 102.881,700 человѣкъ на долю Европейской Россіи приходилось 77.617,700 человѣкъ, изъ нихъ около 68.500,000 сельскихъ жителей *). Это означаетъ иначе, что у насъ одна школа приходится почти на 3,000 жителей, одинъ учащійся болѣе чѣмъ на 50 человѣкъ. Для точной оцѣнки этихъ цифръ необходимо замѣтить, что еще десять лѣтъ тому назадъ въ западно-европейскихъ государствахъ было слѣдующее отношеніе школъ и учащихся къ общей массѣ населенія. Въ Швейцаріи одинъ учащійся приходился на шесть человѣкъ, во Франціи, Германіи, Даніи, Нидерландахъ и Швеціи—на 7 человѣкъ, въ Норвегіи—на 8 человѣкъ, въ Бельгіи—на 9 человѣкъ, въ Австро-Венгріи—на 10 человѣкъ, въ Великобританіи—на 10 человѣкъ и въ Италіи—на 15 человѣкъ. Самое неблагопріятное отношеніе количества школъ къ населенію было въ Великобританіи (1 школа почти на 2,000 жителей), въ Австро-Венгріи (1 школа на 1,100 жит.) и Бельгіи (1 школа на 940 жит.); наиболѣе же благопріятное отношеніе въ Норвегіи (1 школа на 277 жителей) и Швейцаріи (на 330 жит.); въ остальныхъ государствахъ 1 школа приходилась на 500—600 человѣкъ населенія. Съ тѣхъ поръ обстоятельства значительно измѣнились къ лучшему: въ Норвегіи, Бельгіи и Великобританіи одинъ учащійся приходится на 7 человѣкъ, въ Австро-Венгріи и Италіи—на 9 человѣкъ. Даже въ Испаніи, гдѣ 10 лѣтъ тому назадъ начальное образованіе находилось въ самомъ плачевномъ состояніи, 1 учащійся приходится почти на 18 человѣкъ населенія. Къ этому нужно еще прибавить, что во всѣхъ названныхъ государствахъ одинаково наблюдается за обученіемъ дѣтей обоихъ половъ.

Очевидно, такимъ образомъ, что по цифровому отношенію школъ и учащихся къ общей массѣ населенія Россія не выдерживаетъ никакого сравненія съ только что названными государствами. Да, кромѣ того, число обучающихся дѣвочекъ не составляетъ и *третьей доли* суммы обучающихся мальчиковъ. Въ отношеніи же собственно сельскаго насе-

---

*) Приведенныя цифры относятся собственно къ Европейской Россіи. Сюда не входитъ, съ одной стороны, Финляндія, въ которой начальное образованіе находится сравнительно въ цвѣтущемъ состояніи: благодаря подвижнымъ школамъ, взрослое населеніе почти поголовно грамотно; начальныя школы имѣютъ огромное, несравнимое съ нашими школами образовательное значеніе. Съ другой стороны, приведенныя цифры не касаются Привислннскаго края, Кавказа, Сибири и среднеазиатскихъ вѣднхъ владѣній; здѣсь начальное обученіе находится еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ центральной Россіи.

нѣ этотъ выводъ будетъ еще неблагопріятнѣе, такъ какъ значительная часть обучающихся дѣвочекъ приходится на города. За неизмѣнимъ сколько-нибудь разработанной школьной статистики, ограничимся частнымъ примѣромъ. Въ 1883 году въ Московской губерніи *третья* часть мужскаго населенія оказалась грамотною, тогда какъ грамотныя женщины составляли лишь *двадцатую* часть женскаго населенія *). Такъ сильно отстаетъ въ начальномъ обученіи женская половина отъ мужской. Въ числѣ другихъ причинъ, тормозящихъ одинаковое съ мальчиками обученіе дѣвочекъ, одною изъ главныхъ является недостатокъ учительницъ, какъ самой полезной, можно даже сказать, необходимой педагогической рабочей силы для совѣстнаго обученія дѣтей обоихъ половъ.

Еще въ болѣе плачевномъ состояніи находится низшее профессиональное обученіе. Съ конца семидесятыхъ годовъ нѣкоторыя земства обратили вниманіе на ремесленное обученіе и съ этою цѣлью начали кое-гдѣ открывать при школахъ ремесленные классы. Но это единичные примѣры; въ этомъ отношеніи не выражено ничего опредѣленнаго, а ремесленные классы въ однихъ мѣстахъ возникаютъ «въ видѣ опыта», въ другихъ неизвѣстно почему закрываются. Главное же, если и затѣвается гдѣ что-нибудь по части низшаго профессиональнаго обученія, то исключительно для мальчиковъ, а не для дѣвочекъ, о существованіи которыхъ какъ бы забываютъ, какъ бы не хотятъ сознать, что ихъ обязательно учить вровень съ мальчиками, особенно же въ низшей трудовой средѣ, гдѣ женщины ни въ чемъ не приходится отставать отъ мужчинъ, нужно всегда идти съ нимъ плечо въ плечо и, подобно ему, добывать насущный кусокъ хлѣба грудью, горбомъ да мозолистыми руками.

Наконецъ, работа начальной школы не опирается на распространеніе въ народной массѣ воспитывающаго, развивающаго чтенія. Книга, печатное слово, прежде чѣмъ дойти до сельскаго населенія, встрѣчаетъ цѣлый рядъ «препонъ» и, въ концѣ-концовъ, если и попадаетъ, то почти всегда въ формѣ неудобоваримаго суррогата. Вслѣдствіе этого, грамотность, забрасываемая школами въ провинціальную глушь, не является тамъ ступенью, обязательно ведущей къ умственному и нравственному просвѣтленію, какъ должно бы было быть: и теперь, т.-е. послѣ двадцатилѣтней уже практики нѣсколько организованнаго начальнаго обученія, подобно тому, какъ было во времена крѣпостничества, очень часто встрѣчается между лицами, учившимися въ начальной школѣ, *рецидивъ безграмотности*, одинъ изъ самыхъ ужасныхъ и позорнѣйшихъ видовъ рецидива. Сошлемся въ этомъ отношеніи на отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1876 годъ. Изъ данныхъ отчета видно, что лишь около четвертой части обучающихся въ начальныхъ школахъ выходятъ оттуда съ болѣе или менѣе основательными знаніями; три же четверти

*) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи, т. IX.

учащихся, по словамъ отчета, оставляютъ школу, «не доучившись, съ самыми поверхностными познаніями въ чтеніи и письмѣ, которыя скоро потомъ и совершенно утрачиваютъ». Такъ было десять лѣтъ тому назадъ и, къ сожалѣнію, обстоятельства почти нисколько не измѣнились къ лучшему.

Объ организаціи устныхъ наглядныхъ бесѣдъ по разнымъ вопросамъ техническимъ, хозяйственнымъ, санитарнымъ и т. д., объ устройствѣ прогулокъ съ образовательною цѣлью, вообще о предоставленіи рабочему населенію, особенно же сельскому, какихъ-нибудь воспитывающихъ, благопродвижающихъ развлеченій, способныхъ расшевелить умъ и чувство, нѣтъ даже и помина. А, между тѣмъ, трудовое населеніе сосѣднихъ съ нами государствъ такъ широко, притомъ, десятки лѣтъ уже пользуется этими культурными и цивилизующими благами.

Какъ усчитать всѣ тѣ бѣдствія, которыми приходится расплачиваться за безразсвѣтную тьму безграмотства и невѣжественности рабочаго класса, составляющаго не менѣе 82% всего государственнаго населенія? Посмотрите хотя бы на то, что случилось съ прославленною «патріархальностью» сельскихъ нравовъ. По изслѣдованіямъ М. Г. Герценштейна *), сифилисомъ въ селахъ и большихъ городахъ поражено не менѣе 20% всего населенія; количество семействъ, зараженныхъ сифилисомъ, составляетъ болѣе 5% общаго числа семействъ. Эти цифры были бы ужасны даже и въ отношеніи всякой другой болѣзни, не говоря уже о такой злокачественной, буквально разлагающей язвѣ, какъ сифилисъ. По указаніе г. Герценштейна, что сифилисъ былъ обнаруженъ во всѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ коснулось изслѣдованіе, заставляетъ предполагать, что дѣйствительное распространеніе сифилиса еще болѣе, такъ какъ изслѣдованіе Россіи въ этомъ отношеніи далеко еще не имѣетъ повсемѣстнаго характера. Какъ ни жестоко, ни оскорбительно такое предположеніе для нашего національнаго достоинства, но, къ несчастію, оно имѣетъ на своей сторонѣ и факты. Такъ, напримѣръ, тверскимъ уѣзднымъ земствомъ было предпринято изслѣдованіе селеній въ сифилитическомъ отношеніи и оказалось, что въ Городской волости количество селеній, зараженныхъ сифилисомъ, составляетъ 76% общаго ихъ числа, въ Лошковской—68%, въ Каблуковской—52% **). Изслѣдованіе еще не кончено, но положительно во всѣхъ волостяхъ, гдѣ производилось оно, обнаруженъ сифилисъ въ такой пропорціи, что, пожалуй, легче было бы вести счетъ селеніямъ, не зараженнымъ сифилисомъ, чѣмъ зараженнымъ, и опасеніе тверскихъ земцевъ, что «въ Тверскомъ уѣздѣ въ скоромъ времени можетъ не быть ни одной деревни, не пораженной сифилисомъ», не лишено, къ прискорбію, огромной доли вѣроятія. А это, вѣдь, грозитъ вы-

*) *Сифилисъ въ Россіи*. Часть I. Спб., 1885 г.

***) *Журналы тверскаго уѣзднаго земскаго собранія 1885 г.*, докладъ уѣздной управы собранію.

рожденіемъ! Да и одинъ ли только Тверской уѣздъ ожидаетъ такая мрачная перспектива, если повсемѣстно и въ такомъ огромномъ количествѣ распространенъ сифилисъ? Самое благовоспитанное и благоустроенное семейство, самый строгій въ нравственныхъ правилахъ человѣкъ рискуетъ на каждомъ шагѣ сдѣлаться жертвою этой ужасной язвы, медленно убивающей человѣка и физически, и нравственно, гибельно отражающейся, притомъ, даже на отдаленномъ потомствѣ.

Какое жестокое наказаніе за вѣковое невниманіе къ образованію народа!

Мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ такимъ распространеніемъ болѣзни, которое безспорно является уже народнымъ бѣдствіемъ, грознымъ и жестокимъ бичемъ для всего вообще населенія государства. Можно насчитать около десятка земствъ, принимающихъ болѣе или менѣе энергическія мѣры для изслѣдованія и леченія сифилиса. Въ Харьковѣ, напри мѣръ, во второй половинѣ мая при губернской земской управѣ былъ созванъ цѣлый съѣздъ председателей уѣздныхъ земскихъ управъ и земскихъ врачей для обсужденія способовъ борьбы съ сифилисомъ. Но, увы, все это мѣры палліативныя. Земскія губерніи составляютъ никакъ не болѣе одной десятой части всей русской территоріи, а въ девяти десятыхъ дореформенной Россіи не принимается, да и некому принять, систематическихъ мѣръ для борьбы съ этимъ грознымъ зломъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, изученіе распространенія болѣзни, борьба съ нею, огражденіе отъ заразы здороваго населенія,—все это суть расчеты лишь съ послѣдствіями зла, причемъ причины, порождающія его, остаются во всей силѣ.

Конечно, въ распространеніи этого жесточайшаго изъ недуговъ человѣческихъ, не безъ основанія считаемаго позорнымъ для нашего достоинства, имѣютъ вліяніе и отхожіе промыслы мужской и женской части населенія, и весь вообще экономическій бытъ рабочаго класса. Но не въ нихъ, однако, суть дѣла, а въ умственномъ и нравственномъ убожествѣ этого класса. Сифилисъ—продуктъ разврата. Развратъ же искони вѣковъ питаютъ и поддерживаютъ два фактора: праздность и душевная пустота богатыхъ и невѣжество низшихъ сословій, притомъ преимущественно по женской линіи. Это и есть одно изъ тѣхъ проявленій «приниженія» женщиною мужчины, о которыхъ говоритъ Милль. Успѣшно бороться съ этимъ зломъ, какъ и со всеми другими порожденіями невѣжества, косности, тупости и огрубѣлости нравовъ, возможно только путемъ широчайшаго развитія и распространенія образованія въ населеніи безъ различія сословій, классовъ, состояній и половъ, путемъ такого образованія, которое воспитывало бы умъ, чувство и волю, направляя ихъ на одно лишь честное, доброе, разумное и полезное, и неизмѣнно поддерживало бы ихъ въ этомъ направленіи во всю жизнь, начиная съ полусознательнаго дѣтства до старости.

Сознаніе этого факта и породило ту замѣчательную энергію, съ которой выработалась, установилась и развилась у насъ довольно стройная система среднего женскаго образованія, начиная съ 1858 года, или, еще правильнѣе, съ 1861 года, когда вновь народившимся средне-учебнымъ женскимъ заведеніямъ впервые присвоено было названіе «гимназій».

Начало среднему женскому образованію въ Россіи положено указомъ Екатерины II (5 мая 1764 года) сенату о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ, при Воскресенскомъ монастырѣ. Такъ возникъ въ Россіи первый женскій институтъ (*закрытое заведеніе*), извѣстный въ публикѣ подъ именемъ Смольнаго монастыря, официально же называемый «воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ». Народившееся учебное заведеніе представляло нѣкоторый сколокъ съ сень-сирскаго института для дѣвицъ (во Франціи), которымъ интересовался еще Петръ Великій, помышляя о пересажденіи его въ Россію. Въ новомъ женскомъ учебномъ заведеніи мало было обращено вниманія на образовательную сторону: заботы направлялись преимущественно на «физическое и нравственное воспитаніе». Инструкціи въ этомъ отношеніи невольнo обращаютъ на себя вниманіе: онѣ даже и теперь могутъ выдержать педагогическую критику. Начальницамъ, напримѣръ, вѣнялось въ обязанность: «хотя благоразуміе и искусство будутъ непремѣннымъ основаніемъ всѣхъ поступковъ начальницы, однако же, надлежитъ соединять ихъ съ кротостію, а иначе съ непринужденною веселостію. И сіе вперять или сообщать и прочимъ господамъ, а особливо молодымъ дѣвицамъ, дабы симъ способомъ отвращенъ былъ и самый видъ всего того, что скукою, грустію или задумчивостію назваться можетъ». Конечно, на практикѣ все свелось къ воспитанію «благонравной» свѣтской барышни, такъ какъ тогдашній складъ общественной жизни, державшейся на устояхъ крѣпостничества и чиновнаго ранга, не могъ выработать никакого другаго идеала женщины. Чистота произношенія по-французски, ловкость въ танцахъ, умѣнье играть на «клавикордахъ» (прежнее названіе фортепіано), — вотъ чѣмъ измѣрялась тогда степень образованности русскаго человѣка вообще и женщины въ особенности.

Несправедливо было бы упрекнуть Екатерину II, что она позаботилась только объ образованіи дѣвицъ высшаго слоя, т. е. дворянскихъ дочерей. Даже и въ то время, если не сознавалась, то чувствовалась потребность привести образованіе русской женщины вообще хотя въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ начинавшимъ нарождаться въ Россіи образованіемъ мужчинъ. 13 января 1765 года послѣдовалъ указъ Екатерины II объ учрежденіи мѣщанскаго отдѣленія при «воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ», на тѣхъ же основаніяхъ физическаго и нравственнаго воспитанія, какъ и для благородныхъ дѣвицъ. Такимъ образомъ, Смольный институтъ съ мѣщанскимъ отдѣленіемъ при немъ послужилъ прототипомъ для тѣхъ

женскихъ «воспитательныхъ» заведеній, которыя получили довольно значительное развитіе въ Россіи, благодаря заботливому покровительству и участію Императрицы Маріи Ѳеодоровны, при матеріальномъ участіи казны, дворянства и частныхъ лицъ. Неудовлетворительность институтскаго воспитанія, полная отчужденность его отъ жизни, вредное развитіе той именно отрицательной стороны женской природы, которая охарактеризована выше подъ именемъ ложно понимаемой «женственности», въ ущербъ достоинству женщины и ея нравственному развитію,—все это сказалось на первыхъ же порахъ дѣятельности новыхъ женскихъ учебныхъ заведеній; общество, правильнѣе, люди, не отличавшіеся особеннымъ достаткомъ, тяготились институтскимъ воспитаніемъ, прививавшимъ, вообще говоря, ихъ дочерямъ такія привычки, наклонности и возрѣнія на жизнь, которыя оказывались рѣшительно никуда негодными на практикѣ. Это вызвало цѣлый рядъ преобразованій (въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ) въ женскихъ институтахъ,—преобразованій, впрочемъ, довольно значительныхъ количественно, но ничтожныхъ по своей сущности, вслѣдствіе туманнаго пониманія преобразователями задачъ и приемовъ женскаго воспитанія. Цѣлью воспитанія было поставлено «образование добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ». Для достиженія этой цѣли рекомендовалось «укрѣпленіе добродѣтели» въ дѣвушкахъ и тутъ же прибавлялось, что «облагороживающее» значеніе женщины, какъ «супруги и матери дѣтей», въ «политическомъ значеніи», «лучше и выше всякихъ познаній историческихъ и географическихъ». Словомъ, воспитаніе было въ всякой зависимости отъ образованія, т.-е. лишено было той именно почвы, на которой единственно и возможно воспитывать. Это безформенное воспитаніе доведено было до такихъ парадоксальныхъ границъ, что проявлявшаяся въ ученицахъ любовь къ ученію и прилежаніе вызывали порицаніе со стороны институтскихъ воспитательницъ; не допускались также и бойкіе, твердые, увѣренные отвѣты ученицъ. По институтскому режиму, «женщина, какъ созданіе нѣжное, назначенное природою (!?) быть въ зависимости отъ другихъ», не должна была ни въ чемъ проявлять своей самостоятельности и тѣмъ болѣе увѣренности въ своихъ знаніяхъ; ее обязывали ко всему относиться съ *полусомнѣніемъ*, предоставляя положительный, рѣшающій голосъ другимъ, обязывали всегда и во всемъ высказывать незнаніе, наивность, застѣнчивость и т. д., и т. д. Коротче сказать, институтское воспитаніе направлено было не къ тому, чтобы помочь женщинѣ отрѣшиться отъ вѣковѣчно тяготящаго надъ нею *несовершеннолѣтія*, а почти къ тому, чтобы *укрѣпить* ее въ этомъ несовершеннолѣтіи.

Отказывая институтамъ въ здоровомъ образовательномъ и воспитательномъ вліяніи, нельзя, однако, не признать за ними и нѣкоторой положительной заслуги. Какъ ни уродливо было институтское воспитаніе, но все же оно хотъ отчасти способствовало смягченію нравовъ въ зас-

корузой крѣпостнической и чиновничьей средѣ. Съ другой стороны, институты стали питомниками русскихъ гувернантокъ, начавшихъ болѣе и болѣе вытѣснять изъ Россіи положительно невѣжественныхъ французенокъ, пригодныхъ для чего угодно, но только не для воспитанія, и съ необычайною легкостью и быстротой переходившихъ изъ педагогической профессіи въ кокетки, нерѣдко даже на глазахъ своихъ воспитанниковъ и воспитаницъ. Наконецъ, самая главная заслуга институтовъ заключалась въ томъ, что они фактомъ своего существованія окончательно упрочили сознаніе въ необходимости средняго женскаго образованія. Количество заявленій отъ родителей о приемѣ ихъ дочерей въ институты было такъ велико, что приходилось принимать не иначе, какъ по баллотировкѣ. Въ концѣ 40 и началѣ 50 годовъ количество баллотировавшихся дѣвочекъ въ 8 и болѣе разъ превышало число свободныхъ вакансій въ нѣкоторыхъ институтахъ. Значить, чтобы удовлетворить затребованіе общества на среднее женское образованіе, нужно было бы сразу увеличить количество институтовъ въ нѣсколько разъ (въ то время было уже около 15 институтовъ), а это не по силамъ было ни государству, ни обществу, такъ какъ содержаніе институтовъ стоитъ непомерно дорого. Вслѣдствіе этого начали повсемѣстно въ Россіи возникать частныя пансіоны для дѣвицъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ копировавшіе институты и бывшіе несравненно хуже ихъ въ образовательно-воспитательномъ отношеніи; но, въ видѣ исключенія, были между пансіонами и солидно, дѣльно поставленные. Во всякомъ случаѣ, и пансіоны,—заправляемые и руководимые преимущественно лицами съ институтскимъ же образованіемъ,—имѣютъ нѣкоторую заслугу въ томъ отношеніи, что они проводили идею о среднемъ женскомъ образованіи даже въ глухіе, отдаленные провинціальныя закоулки. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, при пансіонскомъ обученіи не ставилась непремѣннымъ условіемъ безвыходная, можно даже сказать изолированная жизнь воспитаницъ въ заведеніи, какъ это было въ институтахъ, и родители имѣли возможность фактически убѣдиться въ преимуществѣ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній передъ закрытыми.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ русскомъ обществѣ, т.-е. собственно въ среднемъ образованномъ классѣ, которому, какъ извѣстно, всегда и вездѣ принадлежитъ починъ во всѣхъ культурныхъ и просвѣтительныхъ начинаніяхъ, окончательно установилось и окрѣпло сознаніе необходимости женскихъ среднеучебныхъ заведеній по образцу мужскихъ гимназій. Дѣльнымъ, энергическимъ выразителемъ этой идеи, принявшей настойчивый характеръ со времени отрезвленія Россіи севастопольскимъ громомъ, явился Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій, бывший профессоромъ педагогій въ педагогическомъ институтѣ и инспекторомъ классовъ въ Павловскомъ женскомъ институтѣ. Имя этого достойнаго человѣка останется навсегда памятнымъ въ исторіи просвѣщенія

въ Россіи. По его проекту, ходатайствамъ и настояніямъ, 19 апрѣля 1858 года послѣдовало открытіе перваго въ Россіи училища для приходящихъ дѣвочекъ (Маріинское училище въ Петербургѣ), состоявшаго въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи. Всего только три дня продолжался приемъ ученицъ, и въ этотъ незначительный промежутокъ времени поступило ихъ 162, а именно: дочерей дворянъ 70%, купцовъ 14%, духовенства 8%, мѣщанъ 7% и крестьянъ 1%. Это процентное отношеніе доказываетъ, что въ то крѣпостное еще время потребность въ среднемъ женскомъ образованіи была не въ одномъ только привилегированномъ слоѣ общества, но во всѣхъ безъ исключенія классахъ населенія.

Новооткрытое училище для приходящихъ дѣвочекъ быстро наполнилось ученицами до установленной нормы (250 ученицъ), между тѣмъ, даже изъ отдаленныхъ частей столицы поступали новыя и новыя заявленія родителей, желавшихъ помѣстить своихъ дочерей въ Маріинское училище. Такимъ образомъ, не только инициатору дѣла, Н. А. Вышнеградскому, но и учредителю училища, т.-е. главному совѣту женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи, очевидно было, что новая форма *открытыхъ* женскихъ заведеній, со строго опредѣленною *образовательною* цѣлью (т.-е., иначе, съ цѣлью воспитанія путемъ образованія, какъ въ среднеучебныхъ мужскихъ заведеніяхъ), встрѣтила полное сочувствіе общества и отвѣчаетъ дѣйствительной потребности. Въ виду этого, 23 августа 1858 года состоялось разрѣшеніе открыть въ Петербургѣ новыя женскія среднеучебныя заведенія по образцу Маріинскаго училища, и въ томъ же году, съ 8 октября по 5 декабря, открылись еще три училища для приходящихъ дѣвочекъ (Коломенское, Василеостровское и Петербургское, нынѣ Петровское). Наконецъ, организація новыхъ учебныхъ заведеній была окончательно укрѣплена высочайше утвержденными 26 февраля 1859 года *Правилами внутренняго порядка* какъ Маріинскаго, такъ и другихъ училищъ для приходящихъ дѣвочекъ.

Провинція также не оставалась бездѣятельною. Едва состоялось открытіе въ Петербургѣ Маріинскаго училища, какъ въ томъ же году изъ западнаго края поступило ходатайство генералъ-губернатора Назимова разрѣшить учрежденіе женскихъ учебныхъ заведеній, по образцу Маріинскаго, и въ этомъ краѣ, а въ 1859 году было уже учреждено здѣсь сразу нѣсколько такихъ училищъ (въ Вильно, Гродно и Минскѣ). Словомъ, затребованіе провинціею женскихъ учебныхъ заведеній новаго типа было такъ энергично, что главному совѣту женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи невозможно было отозваться на всѣ требованія; затребованіе это, нужно замѣтить, шло не только изъ губернскихъ, по также изъ уѣздныхъ городовъ (въ Вышнемъ-Волочкѣ, напримѣръ, училище открыто 4 января 1859 г.). Вслѣдствіе этого, 27 іюня 1859 года высочайше повелѣно раздѣлить завѣдываніе вновь возникающими училищами для приходящихъ дѣвочекъ между министерствомъ народнаго просвѣщенія

и главнымъ совѣтомъ. Къ первому отошли женскія училища, учреждаемыя на счетъ пожертвованій частныхъ лицъ, дворянскихъ и городскихъ обществъ; въ вѣдѣніи же главнаго совѣта остались лишь тѣ учебныя заведенія, которыя получаютъ отъ него матеріальныя средства. Къ январю 1860 года въ Россіи было уже 16 женскихъ среднеучебныхъ заведеній новаго типа (т.-е. для приходящихъ дѣвочекъ), изъ нихъ 11 въ вѣдѣніи главнаго совѣта и 5 подъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ общественнаго затребованія народились и начали съ замѣчательною быстротою развиваться среднія женскія учебныя заведенія по типу мужскихъ; наконецъ, подъ напоромъ общественнаго мнѣнія явилось и самое имя *женскія гимназіи*, вмѣсто «женскихъ училищъ». Вотъ что писалъ по этому поводу въ своемъ ходатайствѣ (въ 1861 году) попечитель виленскаго, ковненскаго и гродненскаго женскихъ училищъ, генералъ-губернаторъ сѣверо-западнаго края Назимовъ: «Люди, незнакомые съ учебными программами женскихъ училищъ, смѣшиваютъ ихъ съ другими низшими училищами и названіе ихъ училищами для приходящихъ дѣвицъ употребляется только въ официальныхъ бумагахъ и идетъ наперекоръ *установившемуся въ обществахъ обычаю именовать ихъ гимназіями*». Согласно этому ходатайству, 10 ноября 1862 года женскія училища были переименованы въ гимназіи. Это новое имя, являющееся до нѣкоторой степени знаменемъ, освященнымъ вѣками, дало еще болѣе энергической толчекъ дальнѣйшему развитію и распространенію нормальнаго воспитанія русскихъ дѣвушекъ путемъ образованія въ открытыхъ заведеніяхъ, имѣющихъ безусловное право на названіе ихъ среднеучебными. Удачное названіе ихъ *гимназіями* облегчило задачу по выработкѣ учебной программы, приемовъ и плана занятій, вообще по установкѣ воспитательно-образовательной цѣли. Въ этомъ случаѣ Россія шла по слѣдамъ Германіи, гдѣ еще со временъ реформациі женщина получала образованіе преимущественно въ *открытыхъ* учебныхъ заведеніяхъ. Въ дѣлѣ женскаго образованія Германія представляла полную противоположность съ Франціею, гдѣ женщина училась преимущественно въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, притомъ, съ огромнымъ преобладаніемъ монастырскаго элемента, т.-е., точнѣе, съ искусственно-прививаемымъ воспитаніемъ, не основаннымъ на образованіи. Въ Россіи, какъ и въ Германіи, въ основу новой организациі женскаго образованія была положена великая руководящая идея, что «каждый человѣкъ имѣть право на образованіе, сообразное съ требованіями самой природы, а не съ однѣми условными формами общественнаго строя, и что, поѣтому, прежде чѣмъ преслѣдовать въ воспитаніи какія-либо спеціальныя цѣли, слѣдуетъ обратить вниманіе на *общеобразовательныя* задачи воспитанія, дабы безъ различія пола и состоянія сдѣлать человѣка *человѣкомъ*» *).

* Изъ оффиціального отчета по поводу 25-лѣтія гимназій (историческая записка) 19 апрѣля 1883 года.

Конечно, рожденіе новой формы женскихъ среднеучебныхъ заведеній,—особенно послѣ того какъ имъ было присвоено названіе гимназій и они получили особенно энергическое распространеніе повсемѣстно въ Россіи,—встрѣтило ярыхъ противниковъ со стороны ретроградовъ, которые вплоть до начала 70 годовъ (т. е. до момента оформленія высшаго образованія русскихъ женщинъ) распространяли печатные пасквили на гимназистокъ, взводили на нихъ ложныя обвиненія въ безнравственности, въ воображаемомъ нигилизмѣ, въ «подрывѣ семейныхъ началъ», въ «потрясеніи государственныхъ основъ» и во многихъ другихъ не существовавшихъ провинностяхъ. Но, несмотря на крикъ и гамъ клики, женскія гимназій, подъ вліяніемъ неотвратимаго затребованія жизни, росли и росли, такъ что, наконецъ, уже къ 1882 году численность ихъ превышала количество мужскихъ гимназій, продолжительность существованія которыхъ болѣе чѣмъ въ пять разъ превосходитъ срокъ жизни женскихъ гимназій.

Во всей имперіи въ 1882 году было мужскихъ гимназій не болѣе 130 и прогимназій не болѣе 70 (въ 6 или 4 класса), всего около 200 учебныхъ заведеній; женскихъ же гимназій и прогимназій было не менѣе 259, т. е. на 59 учебныхъ заведеній болѣе. Заслуживаетъ при этомъ вниманія, что и количество частныхъ женскихъ среднеучебныхъ заведеній, близкихъ или даже тождественныхъ по объему курса съ женскими гимназіями, превосходитъ численность соответствующихъ мужскихъ учебныхъ заведеній. Такъ, въ 1882 году въ Европейской Россіи на 26 мужскихъ заведеній съ среднеучебнымъ курсомъ приходилось 61 женское учебное заведеніе того же характера *), т. е. женскихъ было болѣе, чѣмъ въ 2½ раза. Частныя мужскія среднеучебныя заведенія сгруппированы преимущественно въ Петербургѣ, Москвѣ и нѣкоторыхъ приволжскихъ городахъ; женскія же разбросаны по всей Россіи.

Для полноты картины имѣющихся женскихъ среднеобразовательныхъ средствъ необходимо еще замѣтить, что въ томъ же 1882 году было 27 институтовъ вѣдомства Императрицы Маріи и 48 женскихъ духовныхъ училищъ. Подъ вліяніемъ роста женскихъ гимназій постепенно измѣнялся и характеръ институтовъ. Оставаясь, какъ и прежде, закрытыми учебными заведеніями, они значительно утратили свой изолированный характеръ и весьма существенно улучшились въ образовательномъ отношеніи, такъ что теперь ихъ можно причислить къ категоріи среднеучебныхъ заведеній. Точно также, подъ вліяніемъ благотельнаго примѣра женскихъ гимназій, организовались и женскія духовныя училища среднеучебнаго характера. Они, на счастье дѣвушекъ духовнаго званія, смѣнили собою нигуда негодныя училища при женскихъ монастыряхъ, гдѣ

*) Не приняты въ расчетъ мелкіе мужскіе и женскіе пансіоны, съ курсомъ, соответствующимъ примѣрно 4-хъ класснымъ прогимназіямъ; но и въ этой категоріи пансіоновъ перевѣсъ на сторонѣ женскихъ.

ничему путному не учили и калѣчили дѣтей нравственно, гдѣ смѣхъ и простая дѣтская рѣзвость наказывались какъ преступленіе.

Чтобы нагляднѣе представить размѣры среднеобразовательныхъ средствъ для дѣвочекъ, сопоставимъ ихъ съ соответствующими мужскими учебными заведениями. Въ 1882 году въ Россіи числилось *):

Женскихъ гимназій и прогимназій не менѣе 259	Мужскихъ гимназій не болѣе 190
„ институтовъ . . . 27	„ прогимназій не болѣе 70
„ дух. училищъ . . . 48	„ реальныхъ учил. . . . 69
„ частн. пансіоновъ 61	Духовныхъ семинарій 53
	Кадетскихъ корпусовъ 18
	Частныхъ пансіоновъ 26
<hr/>	
Всего 395 общеобр. зав.	Всего 366 зав.

Слѣдовательно, если принимать въ расчетъ даже и кадетскіе корпуса, т. е. заведения болѣе спеціальныя, чѣмъ общеобразовательныя, то, все-таки, въ 1882 году для средняго образованія дѣвочекъ было на 29 заведеній больше, чѣмъ для образованія мальчиковъ; безъ кадетскихъ же корпусовъ перевѣсъ на сторонѣ женскаго образованія составляетъ 47 среднеучебныхъ заведеній. Между тѣмъ, мужское среднее образованіе организовывалось цѣлыми вѣтками, женское же сложилось и развилось подъ покровительствомъ трехъ Императрицъ, Екатерины II, Маріи Феодоровны и Маріи Александровны, притомъ преимущественно съ 1858 года и, главнымъ образомъ, въ послѣднюю четверть вѣка, когда центры средняго женскаго образованія стали гимназіи. Успѣхъ въ развитіи женскихъ среднеучебныхъ заведеній въ значительной мѣрѣ объясняется еще тѣмъ, что здѣсь былъ предоставленъ болѣе широкій просторъ проявленію общественной почва и самодѣятельности, чѣмъ въ отношеніи соответствующихъ мужскихъ учебныхъ заведеній. Благодаря этому, женское подрастающее поколѣніе пользуется такою же доступностью средняго образованія, какъ и мужское. Если среднее образованіе недоступно еще почти для трети мальчиковъ, ищущихъ этого блага, то въ такой же мѣрѣ и никакъ не болѣе недоступно оно и для дѣвочекъ.

Несмотря на относительную недавность средняго женскаго образованія, оно до такой степени успѣло уже вкорениться въ наши нравы, что на женскихъ учебныхъ заведеніяхъ цѣликомъ отразилась вся искусственность градацій мужскихъ общеобразовательныхъ заведеній. Подъ вліяніемъ очень сложныхъ обстоятельствъ и условій сложились три типа мужскихъ заведеній: привилегированныя (напримѣръ, Пажескій корпусъ и др.); всесословныя (гимназіи и реальныя училища) и кастовыя (духовныя се-

*) Цифры выбраны по отчетамъ тѣхъ вѣдомствъ, куда относятся разныя мужскія и женскія заведенія, или по извлеченіямъ изъ отчетовъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Принятъ 1882 годъ потому, во-первыхъ, что дальше этого нѣтъ данныхъ по всѣмъ вѣдомствамъ, во-вторыхъ, потому, что это былъ заключительный годъ перваго 25-лѣтія женскихъ гимназій.

иннари). И въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ мы видимъ повтореніе тѣхъ же трехъ типовъ: институты (привилегированные), женскія гимназіи (всесловныя) и женскія духовныя училища (кастовыя). Само по себѣ, это явленіе не симпатично, но оно служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что во всѣхъ сословіяхъ русскаго населенія потребность въ среднемъ женскомъ образованіи настолько же развита, какъ и въ мужскомъ образованіи.

Уровень средняго образованія русской женщины слѣдуетъ оцѣнивать по женскимъ гимназіямъ, потому что этотъ типъ учебныхъ заведеній значительно преобладаетъ надъ другими, и еще болѣе потому, что женскія гимназіи поставлены строже другихъ въ учебномъ отношеніи и обладаютъ болѣею воспримчивостью къ самоусовершенствованію, какъ это доказано всѣмъ ихъ прошлымъ, представляющимъ систематическое улучшение. Мы нисколько не заблуждаемся относительно недостатковъ женскихъ гимназій, организація которыхъ далеко еще не можетъ считаться законченною. Но для достиженія такой оконченности женскія гимназіи обязательно должны опираться на женщинъ-педагоговъ съ высшимъ, университетскимъ образованіемъ и на женщинъ-врачей, какъ это будетъ выяснено нами въ особой статьѣ. Присущіе гимназіямъ недостатки нисколько не мѣшаютъ, однако, признанію величайшей заслуги ихъ, какъ общеобразовательныхъ заведеній предъ государствомъ и обществомъ. Онѣ открыли русской женщинѣ путь къ высшей наукѣ; онѣ хотя нѣсколько облегчили ей выходъ къ честной, полезной для государства трудовой дѣятельности въ качествѣ образованныхъ учительницъ; наконецъ, онѣ способствовали облагороженію семейнаго русскаго быта. Уже сотни тысячъ русскихъ женщинъ прошли черезъ гимназіи и, по самому строгому расчету, десятки тысячъ изъ нихъ получили законченное среднее образованіе. Въ подтвержденіе нашего расчета можемъ сослаться, между прочимъ, на историческую записку: *Двадцатипятилѣтіе с.-петербургскихъ женскихъ гимназій* *), изъ которой видно, что, не считая ученицъ, находившихся въ столичныхъ гимназіяхъ въ юбилейный годъ, черезъ эти учебныя заведенія прошло въ 25 лѣтъ около 19,000 дѣвушекъ всевозможныхъ сословій, классовъ, состояній (стр., 54)—и тысячи изъ нихъ окончили полный курсъ.

«Если мужчины сочиняютъ законы, то женщины создаютъ нравы»,— скажемъ мы словами Поля Брока. А кто же изъ благоразумныхъ людей будетъ сомнѣваться въ культурной важности нравовъ, вносимыхъ въ жизнь сотнями тысячъ женщинъ, умъ и чувство которыхъ затронуты болѣе или менѣе глубоко среднимъ образованіемъ, и десятками тысячъ женщинъ, получившихъ полное гимназическое образованіе, относительно говоря, довольно солидное?

*) *Женское образованіе 1888 года.*

Разъ есть мало-мальски сносно организованное среднее женское образование, невозможно, чтобы не было стремленія женщинъ къ высшему образованію. Русское общество, сознавшее пользу и необходимость, чтобы дѣвочки получали приблизительно такое же среднее образование, какъ и мальчики, не могло не чувствовать потребности въ высшемъ женскомъ образованіи, не могло не сознавать всей важности, чтобы образование дѣвушекъ не останавливалось, лишь только онѣ выходятъ изъ дѣтскаго состоянія, вступаютъ въ возрастъ, наиболѣе благодарный для умственнаго и нравственнаго развитія и самоусовершенствованія.

Стремленіе русскихъ женщинъ къ высшему образованію вполне опредѣленно проявилось еще въ 1861 году. Повидимому, господствовавшее тогда направленіе въ бывшей медико-хирургической академіи (нынѣ военно-медицинская академія) и университетахъ довольно благопріятствовало немедленному осуществленію этого стремленія или въ видѣ допущенія женщинъ къ совмѣстному слушанію лекцій со студентами, или въ формѣ особыхъ высшеобразовательныхъ учрежденій для женщинъ. Нѣкоторымъ изъ пионерокъ удалось даже пробраться въ стѣны медико-хирургической академіи и университетовъ; но вскорѣ двери высшихъ учебныхъ заведеній наглухо захлопнулись для женщинъ. Самый же вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи, такъ горячо поднятый въ печати въ началѣ 60 годовъ, окончательно заглохъ до начала 70 годовъ. Впрочемъ, поиски женщинами возможности продолжать и примѣнять полученное ими среднее образование оставили, на первыхъ же порахъ, два въ высшей степени характерныхъ слѣда.

Въ 1883 году, все подъ тѣмъ же покровительствомъ вѣдомства Императрицы Маріи, были учреждены «Педагогическіе курсы с.-петербургскихъ женскихъ гимназій», предназначенные для получившихъ среднее образование дѣвушекъ, желающихъ посвятить себя педагогической дѣятельности. Курсы эти послѣдовательно развились въ очень солидное учрежденіе, съ трехгодичнымъ срокомъ обученія, въ теченіе котораго слушательницы получаютъ довольно значительное дополненіе средняго образованія и прекрасную педагогическую подготовку. Такимъ образомъ, курсы представляютъ собою безспорно высшее педагогическое женское учебное заведеніе, соответствующее, наприимѣръ, филологическому институту,—по характеру дѣятельности, конечно, но не по специальности. Задача послѣдняго состоитъ въ томъ, чтобы готовить учителей для классическихъ гимназій и прогимназій. Задачу курсовъ составляетъ подготовленіе учительницъ для женскихъ среднеучебныхъ заведеній.

Насколько симпатично это учрежденіе, образовавшееся, какъ непосредственное продолженіе средняго женскаго образованія, подъ влияніемъ затребованія самихъ женщинъ, настолько грустное впечатлѣніе производитъ движеніе русскихъ женщинъ за границу, обнаружившееся непосредственно вслѣдъ затѣмъ, какъ былъ наложенъ запретъ на ихъ стремленіе

къ полученію въ Россіи высшаго медицинскаго и университетскаго образованія. Около половины 60 годовъ движеніе это,—которое едва ли не въ большинствѣ случаевъ можно назвать просто *бѣгствомъ*,—приняло весьма значительные размѣры, такъ что число ежегодно уѣзжавшихъ за границу русскихъ женщинъ можно считать сотнями. Бѣгство за границу представляетъ собою болѣзненное явленіе, имѣющее значеніе протеста противъ недопущенія русскихъ женщинъ къ высшему образованію въ своемъ отечествѣ. Къ сожалѣнію, лишь весьма немногія изъ устремлявшихся за границу добивались тамъ того умственнаго и нравственнаго самоусовершенствованія, котораго жаждала ихъ душа, для огромнаго же большинства дѣло ограничивалось нравственнымъ искалѣчиваньемъ.

Это стремленіе русскихъ женщинъ за границу въ поискахъ высшаго образованія (нерѣдко даже наперекоръ своимъ близкимъ людямъ и безъ соответствующихъ матеріальныхъ средствъ) весьма знаменательно: оно служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что обнаружившійся въ русской женской средѣ запросъ на высшее образованіе представлялъ собою отнюдь не искусственно вызванное и подогрѣтое движеніе, какъ это выставляли и продолжаютъ до сихъ поръ выставлять недруги прогресса въ родной нашей жизни, а совершенно естественное явленіе, органическую потребность, убить которую невозможно никакими искусственными преградами. Такъ уже искони вѣковъ ведется, что всякій успѣхъ человечества завоевывается путемъ жертвъ. Чѣмъ выше, чище, полезнѣе и совершеннѣе данное дѣло, тѣмъ больше требуется жертвъ. И пионерки высшаго образованія русскихъ женщинъ, такими массами стремившіяся за границу, цѣною своихъ тяжкихъ неудачъ, окончательно разбившихъ жизнь не одному десятку молодыхъ, сильныхъ, энергическихъ женскихъ натуръ, купили, наконецъ, русскимъ женщинамъ право на высшее образованіе въ предѣлахъ своего отечества.

Высшее женское образованіе—глава, вѣнецъ дѣла во всей государственной системѣ женскаго образованія. Не опираясь, на примѣръ, на высшее мужское образованіе, невозможно организовать сколько-нибудь сносно не только средняго, но даже и начальнаго образованія для мальчиковъ, не говоря уже о дѣвочкахъ. Величайшею и непростительною ошибкой было бы думать, что среднее женское образованіе можетъ получить вполне правильную организацію, можетъ быть доведено до необходимаго предѣла трудами однихъ просвѣщенныхъ мужчинъ, при нѣкоторомъ, лишь второстепенномъ участіи женщинъ. Нѣтъ, учащіяся дѣвушки имѣютъ очень много и весьма существенныхъ специфическихъ особенностей, сообразоваться съ которыми совершенно не по силамъ мужскому педагогическому элементу, какъ бы ни была велика его научная подготовка, какъ бы ни были прекрасны его намѣренія, какъ бы ни было доброжелательно его отношеніе къ образованію подрастающаго женскаго поколѣнія. Вотъ поэтому-то все среднее женское образованіе долж-

но перейти въ непосредственное завѣдываніе и руководство образованныхъ женщинъ, вооруженныхъ университетскимъ, высшимъ педагогическимъ и медицинскимъ образованіемъ; мужчины же должны только помогать женщинамъ въ дѣлѣ образованія и воспитанія дѣвушекъ. При такой совмѣстной дѣятельности образованныхъ женщинъ и мужчинъ организація среднего женскаго образованія можетъ быть доведена до наивысшаго уровня, притомъ, такъ, что умственные занятія дѣвушекъ, какъ бы они ни были серьезны, не только не причинятъ никакого ущерба физическому здоровью, но, напротивъ, окажутъ ему величайшую пользу. Колоссальная статистика среднего и высшаго женскаго образованія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, веденная съ замѣчательною тщательностью въ теченіе болѣе 40 лѣтъ уже, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что если въ такъ называемый *критическій періодъ* женскаго возраста (т.е. при наступленіи физической зрѣлости) вести умственные занятія дѣвочки съ должною осмотрительностью и осторожностью, принимая въ расчетъ ихъ физическіе недуги и нѣкоторую особенность въ душевномъ состояніи, то не можетъ быть ничего болѣе благотворнаго для физическаго здоровья женщины, какъ серьезная умственная работа въ періодъ наступленія физической зрѣлости. Дѣвочки-подростки, бывшія въ началѣ ученія первыми, истеричными, раздражительными, вообще съ разстроеннымъ здоровьемъ, въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ разумно рассчитанной и правильно направленной умственной работы, оказывались совершенно здоровыми, безслѣдно исцѣлялись отъ всякихъ физическихъ недуговъ, вовсе не прибѣгая къ специальному медицинскому леченію. Конечно, получать такіе блестящіе результаты школьнаго воспитанія дѣвочки,—т.е. воспитанія путемъ образованія въ полномъ смыслѣ слова,—можно только, опираясь на женщинъ-медиковъ, женщинъ-педагоговъ, т.е. вообще женщинъ съ высшимъ образованіемъ. Только при ихъ непосредственномъ участіи можно довести среднее женское образованіе до наибольшаго совершенства какъ въ отношеніи огражденія физическаго здоровья дѣвушекъ, такъ и въ отношеніи наибольшаго развитія учебнаго курса, такъ чтобы женскія учебныя заведенія не отставали по объему программы и исполненія ея отъ мужскихъ общеобразовательныхъ среднеучебныхъ заведеній. А это дѣло особенной серьезности и важности, такъ какъ, не достигнувъ стройной, законченной организаціи въ среднемъ женскомъ образованіи, трудно ожидать чего-либо подобнаго въ начальномъ образованіи. Въ этой сферѣ дѣятельности женскій трудъ не только въ высшей степени важенъ, но и безусловно незаменимъ какъ вслѣдствіе особой даровитости женщинъ къ педагогической дѣятельности, такъ и потому еще, что безъ особенно усиленаго участія женщинъ въ начальномъ образованіи некому будетъ двинуть впередъ и развить эту важнѣйшую отрасль государственнаго

просвѣщенія, тѣмъ болѣе некому будетъ навестать, можно сказать, безпримѣрно отстающее у насъ начальное обученіе дѣвочекъ.

Словомъ, русскимъ женщинамъ предстоитъ работа особенной государственной важности по своему высокопросвѣдительному и культурному значенію. Россію съ несравненно болѣе даже правомъ, чѣмъ Сѣверную Америку, нужно назвать страной-*работникъ*, такъ какъ у насъ на одно только низшее трудовое сословіе приходится значительно болѣе *четырежь пятыхъ* населенія, не считая еще огромнаго слоя, также существующаго почти чернымъ трудомъ, граничащаго съ собственно трудовымъ классомъ, хотя и не зачисленнаго официальной статистикой въ эту послѣднюю категорію. Но въ отличіе отъ Америки, тоже безспорно страны трудовой, Россію нельзя не назвать еще страной-*бѣднякъ*. Въ виду этого каждая просвѣщенная единица представляетъ у насъ особенную цѣнность въ государственной экономіи, и Россія не только не должна, но и положительно не можетъ не экономить образованныхъ женскихъ силъ. Вслѣдствіе этого, наперекоръ всѣмъ предрасудкамъ и недоброжелательному отношенію къ женскому образованію вообще и высшему въ особенности, образованныя русскія женщины съ перваго момента ихъ появленія у насъ всегда находили себѣ выходъ къ трудовой общественной дѣятельности. Это даетъ право утверждать, что нигдѣ высшее женское образованіе не представляетъ такой исключительной важности и насущной потребности, какъ именно у насъ, въ Россіи. Вотъ почему мы поставили себѣ цѣлью сдѣлать возможно полный критическій обзоръ всѣхъ существующихъ у насъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣть ихъ программы преподаванія и дѣятельность, сравнительно съ соответствующими мужскими учебными заведеніями и примѣнительно къ женскимъ среднеучебнымъ заведеніямъ. Этому предмету будетъ посвящена нами особая статья; въ данномъ же очеркѣ, для полноты картины успѣховъ вообще женскаго образованія у насъ и за границей въ послѣднюю четверть вѣка, ограничимся лишь краткою характеристикой наличныхъ средствъ для высшаго образованія женщинъ у насъ и за границей *).

Какъ сказано уже, проявившееся въ самомъ началѣ шестидесятихъ годовъ стремленіе женщинъ къ высшему образованію было парализовано на первыхъ же порахъ. Но подъ вліяніемъ усиливавшагося съ каждымъ годомъ «бѣгства» русскихъ женщинъ за границу, а также болѣе и болѣе усиливавшагося внутри Россіи запроса на высшее женское образованіе сдѣлана была первая уступка. Въ 1869—70 учебномъ году, въ видѣ полумѣры, разрѣшено было открыть: а) въ Петербургѣ «Публичныя

*) Фактическая сторона развитія высшаго женскаго образованія была изложена нами въ статьѣ: *Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи*, №№ 4, 5 и 6 *Наблюдателя* за 1882 годъ.

• лекціи для мужчинъ и женщинъ» (извѣстныя впоследствии подъ именемъ «Владимірскихъ курсовъ»), въ формѣ систематическаго чтенія профессорамъ университета по разнымъ отраслямъ высшей науки; б) въ Петербургѣ же «Аларчинскіе курсы» для пополненія пробѣловъ въ среднемъ женскомъ образованіи и облегченія женщинамъ возможности слушать систематическое профессорское чтеніе, и в) въ Москвѣ (при 3 московской гимназіи) «Публичные курсы для женщинъ по программѣ классическихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія» (извѣстныя впоследствии подъ именемъ «Лубянскихъ курсовъ»). Само собою разумѣется, что эта маленькая полумѣра никого не удовлетворила. Напротивъ, она еще болѣе усилила стремленіе женщинъ къ высшему образованію и вызвала полное сочувствіе къ этому дѣлу какъ со стороны представителей высшей науки, успѣвшихъ убѣдиться въ искренности и серьезности домогательствъ женщинами права на высшее образованіе, такъ и со стороны наиболѣе просвѣщенной части общества.

Въ 1872 году профессоръ московскаго университета В. И. Герье открылъ въ Москвѣ «Вышіе женскіе курсы», съ двухгодичнымъ срокомъ обученія. Это—первое, по времени возникновенія, высшеобразовательное женское заведеніе съ университетскимъ характеромъ преподаванія, въ формѣ словесно-историческаго факультета. Въ томъ же году, въ Петербургѣ, при бывшей медико-хирургической академіи были открыты «Курсы для образованія ученыхъ акушеровъ», переименованные въ 1876 году въ «Женскіе врачебные курсы», съ пятилѣтнимъ срокомъ обученія и полною программой высшаго медицинскаго образованія. Здѣсь кстати замѣтить, что въ 1875 году послѣдовалъ правительственный циркуляръ, вызванный все еще продолжавшимся движеніемъ за границу русскихъ женщинъ въ поискахъ высшаго образованія. Этимъ циркуляромъ русскія женщины, находящіяся за границей, приглашались возвратиться въ Россію и имъ обѣщана была возможность получать въ своемъ отечествѣ такое же высшее образованіе, ради котораго онѣ отправляются за границу. Въ 1876 году, по почину профессора Казанскаго университета Н. В. Сорокина, открылись высшіе женскіе курсы въ Казани, по образцу московскихъ курсовъ В. И. Герье. Въ 1876 году учредителямъ петербургскихъ «Владимірскихъ курсовъ» удалось добиться осуществленія своего первоначальнаго стремленія—«организовать правильные, дѣльные, но отнюдь не популярныя курсы по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ»; въ этомъ году были учреждены въ Петербургѣ, на имя профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, высшіе женскіе курсы съ трехлѣтнимъ срокомъ. Въ томъ же году послѣдовало открытіе высшихъ курсовъ въ Кіевѣ, на имя профессора С. С. Гогоцкаго, съ тѣмъ же трехлѣтнимъ срокомъ и съ такимъ же подраздѣленіемъ на словесно-историческое и физико-математическое отдѣленія (т.-е. факультеты), какъ и въ петербургскихъ курсахъ. Въ 1879—80 учебномъ году въ москов-

скихъ курсахъ В. И. Герье былъ прибавленъ еще одинъ годъ, такъ что срокъ ученія изъ двухлѣтнаго сталъ трехлѣтнимъ. Въ 1879 году въ казанскихъ курсахъ произошло подраздѣленіе предметовъ преподаванія на два отдѣла: словесно-историческій и физико-математическій. Въ 1880 году «Дубянскіе курсы», уже съ 1870 года начавшіе постепенно отрѣшаться отъ искусственно-навязанной имъ программы классическихъ гимназій, добились, наконецъ, программы, приближающейся къ программѣ физико-математическаго факультета; съ отдѣленіями физико-математическимъ и естественнымъ и съ четырехлѣтнимъ срокомъ. Наконецъ, въ 1881 году въ петербургскихъ и кievскихъ курсахъ прибавленъ еще одинъ учебный годъ, такъ что тѣ и другіе курсы стали четырехлѣтними.

Остаются, такимъ образомъ, еще три университетскихъ центра,—Одесса, Харьковъ и Варшава,—въ которыхъ нѣтъ никакихъ средствъ для высшаго женскаго образованія. Но несправедливо было бы видѣть въ этомъ недостатокъ мѣстнаго почина: нѣтъ, за нимъ не было остановки и въ указанныхъ городахъ. Въ Одессѣ очень горячо взялся за дѣло профессоръ А. С. Трачевскій. Выработавъ проектъ устава мѣстныхъ курсовъ, онъ открылъ 17 января 1879 года подготовительные курсы, которые сразу же пошли весьма успѣшно и на первыхъ порахъ уже имѣли болѣе 250 слушательницъ. Огромное сочувствіе встрѣтила мысль объ учрежденіи одесскихъ высшихъ курсовъ въ мѣстномъ обществѣ. Не говоря о сборѣ пожертвованій путемъ частной подписки, одесская дума ассигновала въ пользу нарождавшихся курсовъ 10,000 рублей. Повидимому, дѣло шло какъ нельзя лучше, но, увы, не было санкціи на учрежденіе курсовъ. Профессоръ А. С. Трачевскій такъ и не получилъ до сихъ поръ на представленный имъ въ 1879 году проектъ устава курсовъ ни утвержденія, ни запрещенія, и попытка устроить въ Одессѣ высшіе курсы окончилась ничѣмъ. То же самое повторилось и въ Харьковѣ. Въ началѣ восьмидесятихъ годовъ профессорами Харьковскаго университета Имшенецкимъ (нынѣ академикъ) и А. И. Кирпичниковымъ (теперь профессоръ одесскаго университета) были выработаны очень дѣльные проекты устава высшихъ женскихъ курсовъ въ Харьковѣ и мѣстнаго «Общества пособія высшему научному образованію женщинъ». Но опять-таки утвержденія не послѣдовало. Относительно Варшавы извѣстно только (по газетнымъ сообщеніямъ), что тамъ въ концѣ 70 и началѣ 80 годовъ въ профессорскомъ кружкѣ и обществѣ бродила мысль объ учрежденіи высшихъ курсовъ, но, вѣроятно, подъ влияніемъ неудачи съ одесскими и харьковскими курсами, мысль эта осталась даже неоформленною. Въмѣсто этого, въ Варшавѣ открылись «Высшіе курсы иностранныхъ языковъ» княгини Масальской.

И такъ, худо ли, хорошо ли, съ 1863 по 1878 годъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, выработались и установились слѣдующіе *три типа высшаго женскаго образованія*: образованіе педагогическое («Педагогическіе курсы с.-петербургскихъ женскихъ гимназій»), медицинское («Жен-

скіе врачебныя курсы» въ Петербургѣ) и университетское («Высшіе женскіе курсы» въ Москвѣ (В. И. Герье и «Лубянскіе»), Казани, Петербургѣ и Кіевѣ). Въ общей сложности—семь отдѣльныхъ разсадниковъ высшаго женскаго образованія. Съ момента возникновенія высшаго педагогическаго женскаго образованія прошло уже 24 года; давность университетскаго и медицинскаго женскаго образованія опредѣляется четырнадцатью годами; самымъ молодымъ изъ высшеобразовательныхъ женскихъ заведеній исполнилось уже восемь лѣтъ. Всѣ эти заведенія, кромѣ педагогическихъ курсовъ, возникли по частному почину, на частныя средства и успѣли уже дать государству тысячи женщинъ съ высшимъ образованіемъ.

Базалось бы, обстоятельства вполне благоприятствуютъ дальнѣйшему росту и развитію у насъ высшаго женскаго образованія. Три основныхъ отрасли высшаго образованія,—университетское, медицинское и педагогическое,—должны были бы открыть образованнымъ русскимъ женщинамъ широкій путь къ медицинской и педагогической общественной дѣятельности, на которую, какъ выше сказано, въ Россіи оказывается исключительный передъ всѣми прочими государствами запросъ вслѣдствіе незначительнаго процента интеллигентныхъ рабочихъ силъ сравнительно съ огромною массою трудового населенія. Но бѣда въ томъ, что, несмотря на довольно почтенную уже давность высшаго женскаго образованія въ Россіи, одни только педагогическіе курсы, заботливо укрытые вѣдомствомъ Императрицы Маріи, имѣютъ опредѣленный уставъ и предоставляютъ окончившимъ въ нихъ курсъ «право на званіе домашнихъ наставницъ и преимущественно передъ другими лицами право на вакансіи классныхъ учительницъ въ женскихъ гимназіяхъ» (§ 13 «Устава» курсовъ); всѣ же остальные высшеобразовательныя женскія заведенія оставались все время безъ опредѣленныхъ уставовъ, гарантирующихъ ихъ существованіе, не предоставляли окончивающимъ курсъ никакихъ правъ,—словомъ, были частными учрежденіями, наравнѣ съ пансіонами.

Едва успѣли установиться три указанные отрасли высшаго женскаго образованія, какъ 6 августа 1882 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о постепенномъ «упраздненіи» женскихъ врачебныхъ курсовъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, куда они были переведены изъ медико-хирургической академіи въ 1876 году. По буквальному смыслу высочайшаго повелѣнія, курсы «упразднялись» только при Николаевскомъ госпиталѣ (вслѣдствіе несоотвѣтствующаго подчиненія ихъ военному вѣдомству), но отнюдь не закрывались вовсе; въ 3-мъ пунктѣ высочайшаго повелѣнія говорится: «если въ теченіе времени существованія женскихъ врачебныхъ курсовъ, т.-е. до выпуска послѣдняго, пятаго курса, представится возможность перехода ихъ изъ петербургскаго Николаевскаго военнаго госпиталя въ какое-либо другое учрежденіе, то передать въ это учрежденіе учебныя кабинеты курсовъ со всѣмъ принадлежащимъ имъ

иуществомъ». Еще 21 апрѣля 1882 года с.-петербургское городское общественное управленіе рѣшило въ принципѣ принять курсы въ свое вѣдѣніе, «когда скоро послѣдуетъ передача городскому управленію больницъ», и отпускать врачбнымъ курсамъ ежегодную субсидію въ размѣрѣ 15,000 рублей. Но тогда это постановленіе не могло осуществиться вслѣдствіе отсутствія въ распоряженіи города больницъ. Въ нынѣшнемъ году оканчивается срокъ существованія курсовъ при Николаевскомъ госпиталѣ; столичныя же больницы перешли въ вѣдѣніе общественнаго управленія нѣсколько уже лѣтъ тому назадъ. Въ виду этого гласнымъ Н. А. Печаевымъ вновь возбужденъ былъ вопросъ (въ засѣданіи думы 18 декабря 1885 года) о дальнѣйшей судьбѣ врачбныхъ курсовъ. На этотъ разъ столичное общественное управленіе не признало возможнымъ принять врачбные курсы въ непосредственное свое завѣдываніе и рѣшило выразить свое участіе въ дальнѣйшей судьбѣ курсовъ отпускомъ ежегодной субсидіи въ 15,000 рублей; предоставленіемъ въ распоряженіе курсовъ Потемкинскаго дома при Александровской больницѣ для чернорабочихъ; предоставленіемъ курсамъ права практическихъ занятій во всѣхъ городскихъ больницахъ, наконецъ, ходатайствомъ о дальнѣйшемъ существованіи женскихъ врачбныхъ курсовъ.

Затѣмъ вопросъ о сохраненіи или уничтоженіи высшаго медицинскаго женскаго образованія въ Россіи все еще остается пока открытымъ.

Наконецъ, въ № 100 *Правительственнаго Вѣстника* за нынѣшній годъ опубликовано слѣдующее *Правительственное сообщеніе*: «Въ виду производящагося въ особой комиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣнія вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, министерство народнаго просвѣщенія признало нужнымъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи нынѣ же пріема слушательницъ въ существующіе высшіе женскіе курсы вѣдомства означеннаго министерства».

При критическомъ разборѣ того, что имѣлось у насъ до сихъ поръ по части высшаго женскаго образованія, намъ часто придется оглядываться на практику высшаго образованія женщинъ за границей и проводить между ними, такъ сказать, документальную параллель. Здѣсь же мы сдѣлаемъ лишь краткое фактическое указаніе на тѣ успѣхи въ высшемъ женскомъ образованіи за границей, которые достигнуты въ разсматриваемый нами промежутокъ времени.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, въ нихъ неизмѣнно держится великій принципъ: *равенство образованія для всѣхъ сословій и обоихъ половъ*. Въ Америкѣ даровое обученіе не только начальное и высшее въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, не только спеціальное и профессиональное, но даже ученіе академическое, доступно, повторяемъ, обоимъ поламъ на совершенно одинаковыхъ основаніяхъ и съ равными правами по образованію. Единствен-

но благодаря этому величайшему политическому принципу, Америка съ такою удивительною быстротою ассимилируетъ всевозможныя народности,—отъ самыхъ чернѣйшихъ до наибѣлѣйшихъ,—въ одинъ цѣльный, солидарно сплоченный политическій организмъ. Возникновеніе высшаго женскаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ теряется въ дали тридцатыхъ годовъ. Уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ десятками считались здѣсь высшія женскія учебныя заведенія по разнымъ специальностямъ (такъ называемые коллежи), изъ которыхъ каждое выпустило въ жизнь отъ полутора до 3,000 образованныхъ женщинъ. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ высшеобразовательныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, возникшихъ еще въ тридцатыхъ годахъ, были *«обязательно исключены изъ программы преподаванія искусства»*, служація будто бы *украшеніемъ* женщины: по американскимъ взглядамъ, «курсъ ученія серьезно-научный» представлялъ «болѣе надежное и болѣе соответствующее достоинству и назначенію женщины украшеніе». Женщина въ моментъ заселенія Америки шла плечо въ плечо съ мужчиною съ топоромъ въ рукахъ и ружьемъ за плечами и доказала свою равноправность съ нимъ. Когда начали возникать первыя организованныя школы и явилась попытка учить мальчиковъ отдѣльно отъ дѣвочекъ, американцы протестовали, и подрастающее поколѣніе обоихъ половъ учится совмѣстно, что оказываетъ самое благотворное вліяніе на облагороженіе нравовъ и внушеніе уваженія къ женщинѣ, которымъ американки пользуются исключительно передъ женщинами всѣхъ другихъ національностей. Какъ было сказано, въ Америкѣ огромное количество высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній (коллежей) по разнымъ отраслямъ высшей науки и чуть не каждый годъ возникаютъ все новыя и новыя высшеобразовательныя женскія заведенія; но это нисколько не мѣшаетъ совмѣстному обученію женщинъ съ мужчинами въ мужскихъ коллежахъ и университетахъ, двери которыхъ, вообще говоря, также открыты для женщинъ, какъ и двери школъ. Довольно распространено мнѣніе, что «высшее образованіе американокъ мало чѣмъ отличается отъ уровня нашей средняго женскаго образованія». Увы, при всемъ уваженіи къ нашей національной гордости, надо, однако, сознаться, что такой взглядъ на американское высшее женское образованіе отсталъ лѣтъ на тридцать и основанъ на какихъ-либо частныхъ, единичныхъ случаяхъ. Дай Богъ, чтобы женщины всякой другой страны такъ усиленно работали надъ своимъ научнымъ усовершенствованіемъ, какъ дѣлаютъ это американки. Первая женщина, выдержавшая экзаменъ на доктора въ парижской Сорбоннѣ, у знаменитаго Брока, профессора хирургіи и антропологии, была американка, миссъ Путнамъ. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ она съ честью занимала профессорскую кафедру въ Нью-Йоркѣ. Съ легкой руки Путнамъ, каждый годъ десятки американокъ, получившихъ въ своемъ отечествѣ одинаковое съ мужчинами высшее образованіе, совершенству-

ются въ научномъ отношеніи въ европейскихъ университетахъ и затѣмъ, въ качествѣ публицистовъ, врачей, педагоговъ и ученыхъ, фанатически работаютъ на родинѣ въ пользу поднятія женскаго образованія до уровня современной европейской науки. Да иначе и быть не можетъ. Соединенные Штаты—страна безусловно свободной конкуренціи во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Если для американской женщины открытъ безпрепятственный доступъ отъ наборщицкаго станка до редакторскаго пюпитра, отъ званія народной учительницы до профессорской катедры, отъ простой ремесленницы до поста проповѣдницы, архитектора и юриста, то только потому, что во всѣхъ сферахъ дѣятельности женщина фактически доказала свою безусловную равноправность съ мужчиною и стоитъ на высотѣ современной науки.

Идея равенства образованія, безусловной свободы въ выборѣ профессіи, согласно природному дарованію и душевному влеченію, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, — эта прекраснѣйшая идея экономіи и производительной утилизаціи образованныхъ силъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ принадлежитъ не Америкѣ, но Европѣ. Франція—родоначальница этой лучшей, возвышеннѣйшей и справедливѣйшей изъ идей человѣческихъ, въ которой, по справедливому замѣчанію Жюль Ферри, *таится сущность разрѣшенія всѣхъ политико-соціальныхъ разногласій*. Во время первой революціи Кондорсэ (Condorcet) явился провозвѣстникомъ той именно системы народнаго просвѣщенія, которая нашла такое блестящее и цѣлостное практическое осуществленіе въ Новомъ Свѣтѣ. Но за то теперь Франція съ восторгомъ любитъ своимъ дѣтищемъ, такъ заботливо вздѣланнымъ Америкой, и съ пламеннымъ увлеченіемъ энергично принялась за поднятіе у себя женскаго образованія. Строго говоря, во Франціи женское движеніе систематически началось въ послѣдніе годы второй имперіи. Тогда возникло «Общество женскихъ правъ», которое основало журналъ *L'Avenir des femmes* и съ той поры безъ устали работало и продолжаетъ работать въ защиту гражданскихъ и политическихъ правъ женщинъ. Двери Сорбонны, парижской медицинской школы и всѣхъ вообще французскихъ университетовъ никогда, собственно говоря, не запирались наглухо отъ женщинъ: женщины, стучавшіяся въ эти святилища науки, находили въ нихъ радушный приемъ. Еще вскорѣ послѣ водворенія второй имперіи, когда во Франціи менѣе всего думали о какихъ бы то ни было женскихъ правахъ, Юлія Добье обратилась въ Ліонскій университетъ съ просьбой допустить ее къ экзамену на степень бакалавра. Университетъ не воспретствовалъ ей держать экзаменъ, а французскій министръ народнаго просвѣщенія выдалъ ей такой же дипломъ, какой выдается въ этомъ случаѣ мужчинамъ (аттестатъ зрѣлости). По французскому же закону, «всякій, выдержавшій экзаменъ на бакалавра, имѣетъ право на приемъ въ университетъ». Въ началѣ 70 годовъ, подъ влияніемъ пропаганды въ пользу женщинъ, двери французскихъ высшеучеб-

ныхъ заведеній начали шире и шире открываться для женщинъ, давая возможность женщинамъ разныхъ національностей получать одинаковое съ мужчинами высшее образованіе. Въ первой половинѣ 70 годовъ мы видимъ даже на кафедрѣ въ Сорбоннѣ женщину, Эмму Шеню. Но этия радушнымъ гостеприимствомъ французскихъ высшихъ учебныхъ заведеній пользовались преимущественно иностранки, въ числѣ которыхъ наши соотечественницы составляли всегда очень почтенный процентъ; французки же являлись въ видѣ рѣдкихъ, можно даже сказать, единичныхъ исключеній, вслѣдствіе недостаточности среднего образованія, низведеннаго, подъ влияніемъ католическаго духовенства, до низкаго уровня. Но миновало уже то время, когда мы могли кичиться передъ Франціею своими женскими среднеучебными заведеніями. Изучивъ на мѣстѣ организацию народнаго просвѣщенія во всѣхъ европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ, французское правительство шесть лѣтъ уже съ неподражаемою энергіею работаетъ въ пользу поднятія въ странѣ женскаго образованія вообще и средняго въ особенности. На основаніи закона 21 декабря 1880 года и декрета президента республики 28 іюля 1881 года, Франція, при участіи казны и мѣстныхъ обществъ, чрезвычайно быстро покрывается новаго типа среднеучебными заведеніями для дѣвочекъ, такъ называемыми лицеями и коллежами, съ прекрасною общеобразовательною программой, одинаково открывающей дѣвушкамъ выходъ и къ высшей наукѣ, и къ трудовой дѣятельности. Нормальнымъ типомъ законъ признаетъ *открытыя* женскія среднеучебныя заведенія; но, снисходя къ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ, допускаетъ и *закрытыя* заведенія, а также и смѣшаннаго типа. Практика на первыхъ же порахъ высказалась за всѣ три формы учебныхъ заведеній. На это дѣло издержаны уже сотни милліоновъ франковъ и количество женскихъ среднеучебныхъ заведеній возрастаетъ съ изумительною быстротой. Такъ, напримѣръ, по мартъ 1884 года считалось уже 33 заведенія новаго типа; по свѣдѣніямъ же французскихъ газетъ за послѣднее время, количество этихъ общеобразовательныхъ женскихъ учебныхъ заведеній средняго курса превышаетъ уже 60. Словомъ, французкамъ 70 годовъ принадлежитъ огромная заслуга постановки и формулировки вопроса о правахъ женской половины французской націи. Мы видимъ, какъ каждая французка съ высшимъ образованіемъ буквально *вербуетъ* правительство и обществомъ для новыхъ школъ въ качествѣ директрисъ, преподавательницъ, врачей и т. д. Общество съ восторгомъ встрѣчаетъ новые расадники средняго женскаго образованія, вѣрить въ нихъ, какъ въ залогъ лучшаго будущаго, и охотно идетъ съ правительствомъ рука объ руку, на половинныхъ издержкахъ. Мало-мальски образованной французкѣ не приходится задумываться надъ примѣненіемъ своихъ знаній въ жизни: и правительство, и общество отыскиваютъ такихъ женщинъ, какъ говорится, «днемъ съ днемъ», щедро оплачивая ихъ трудъ, не хуже мужскаго труда.

Поразительные успѣхи сдѣланы также среднимъ и высшимъ женскимъ образованіемъ и въ Англіи, начиная съ 1868 года. Въ этомъ году парламенту былъ представленъ обширный докладъ по вопросу о воспитаніи и народномъ образованіи вообще. Слѣдствіемъ этого доклада было повсемѣстное учрежденіе въ Англіи ассоціацій съ цѣлью улучшенія воспитанія женщинъ и въ частности открытія имъ доступа къ высшему образованію. Занявшись, прежде всего, улучшеніемъ среднего женскаго образованія (т.-е. пансіоновъ), руководители ассоціаціей постарались, вмѣстѣ съ тѣмъ, заручиться содѣйствіемъ университетовъ Кембриджскаго и Оксфордскаго. Подъ руководствомъ университетовъ одновременно были учреждены въ разныхъ мѣстахъ повѣрочныя испытанія для женщинъ, вродѣ экзамена на степень бакалавра (т.-е. на аттестатъ зрѣлости), что открываетъ двери въ университетъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, на первыхъ порахъ женщинамъ, желавшимъ заниматься высшими науками, указывалось въ программахъ испытаній на тѣ предметы и руководства, которые онѣ обязаны были пройти, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ руководство имъ назначались вполне компетентные экзаменаторы. Этотъ первый толчекъ вызвалъ уже въ 1869 г. образованіе двухъ коллегій при Кембриджскомъ университетѣ съ цѣлью высшаго женскаго образованія. Затѣмъ, начиная съ 1870 года, университеты Кембриджскій, Дублинскій, Эдинбургскій Королевскій (въ Ирландіи) и Оксфордскій начали, одинъ за другимъ, допускать женщинъ къ экзамену наравнѣ со студентами, не давая имъ, однако, ученыхъ степеней. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до 1876 года. Въ этомъ году женщины были допущены на богословскій факультетъ манчестерской университетской коллегіи; Бристольскій университетъ назначилъ имъ ученые преміи наравнѣ со студентами; наконецъ, въ парламентѣ прошелъ билль, предоставляющій университетамъ право давать женщинамъ ученые степени. Въ 1877 году Глазговскій университетъ допустилъ женщинъ къ экзаменамъ и выдалъ имъ ученые степени наравнѣ съ мужчинами. Наконецъ, въ 1878 году Лондонскій университетъ, — консервативнѣйшій изъ консервативнѣйшихъ, — допустилъ женщинъ къ слушанію лекцій по всѣмъ факультетамъ, къ ученымъ степенямъ, академическимъ отличіямъ и наградамъ, — словомъ, поставилъ женщинъ въ совершенно одинаковыя условія съ мужчинами. Въ 1 июля 1878 года въ Лондонскомъ университетѣ находилось 211 женщинъ, слушавшихъ лекціи у разныхъ профессоровъ; онѣ были записаны въ число студентовъ. Сверхъ того, университетъ ассигновалъ на преміи женщинамъ особую сумму, подобно тому, какъ это дѣлается для студентовъ, отнесясь къ женщинамъ, какъ къ равноправнымъ членамъ университетской корпораціи.

И такъ, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ появленія знаменитаго доклада о народномъ образованіи въ Англіи мирно, покойно произошелъ рядъ радикальнѣйшихъ реформъ въ дѣлѣ женскаго образованія: улучшено

и расширено среднее образование, открывающее доступъ въ университетъ; организовалось не меньше 10 женскихъ заведеній высшеобразовательнаго характера; открыты двери университетовъ по всѣмъ факультетамъ, на одинаковыхъ правахъ съ мужчинами въ отношеніи ученыхъ степеней, отличій и наградъ; наконецъ, около этого же времени народилось *шестнадцатъ* женскихъ учительскихъ семинарій, образцово поставленныхъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Успѣхъ этотъ былъ такъ проченъ, такъ воспринятъ и усвоенъ сознаниемъ общества, что ассоціація, руководившая успѣхами женскаго образованія въ Англіи («Ladies' Educational Association»), *закрылась, не находя болѣе пищи для своей дѣятельности*. И ассоціаціи этой дѣйствительно нечего было дѣлать, разъ начавшееся движеніе за женское образование и права развивается естественнымъ своимъ путемъ, безъ всякихъ искусственныхъ задержекъ и остановокъ. Такъ, въ собраніи 17 января 1882 года палата управленія Лондонскаго университета (House of Convocation), послѣ серьезныхъ и продолжительныхъ преній, большинствомъ голосовъ постановила: *дать право женщинамъ, получившимъ ученую степень, избираться членами управленія (Convocation), т.-е. допустить ихъ къ участию въ той законодательной работѣ, которая возлагается на членовъ университета*. Таковы успѣхи женскаго образованія въ странѣ, гдѣ, несмотря на священность старинныхъ традицій, не ставится искусственныхъ преградъ развитію всего разумнаго и полезнаго, могущаго способствовать нравственному и матеріальному росту націи. Англія теперь справедливо гордится достигнутыми ею успѣхами въ разрѣшеніи женскаго вопроса и съ спокойною совѣстью относится къ болѣе и болѣе надвигающемуся вопросу о гражданскихъ и политическихъ правахъ женщинъ. Съ огромною вѣроятностью можно предположить, что этотъ вѣками осложненный вопросъ впервые будетъ разрѣшенъ въ Англіи, притомъ, такъ же зрѣло, съ достоинствомъ и на почвѣ общественной и государственной пользы, какъ разрѣшенъ ею вопросъ о женскомъ образованіи и правахъ, связанныхъ съ нимъ. Уже въ 1881 году правительство доказало, что, открывъ женщинамъ путь къ образованію, оно не намѣрено обдѣлять ихъ правами: въ этомъ году миссъ Марстонъ, докторъ медицины, была отправлена съ санитарнымъ отрядомъ въ Индію, какъ самостоятельный правительственный агентъ, какъ лицо, облеченное всѣми тѣми полномочіями, каковыя въ этой должности былъ бы облеченъ мужчина. Съ этого момента рамки самостоятельной дѣятельности образованныхъ женщинъ въ Англіи болѣе и болѣе расширяются.

По рѣшительности мѣропріятій, слѣдующее послѣ Англіи мѣсто нужно отвести Италіи. Съ 1876 года, въ силу королевскаго декрета, всѣ 17 итальянскихъ университетовъ открыты для женщинъ на такихъ же основаніяхъ, какъ и для мужчинъ. Черезъ три года послѣ этого, въ 1879 году, итальянскій министръ торговли и земледѣлія обратился къ предѣ-

дателямъ торговыхъ палатъ съ предложеніемъ—устроить въ нѣкоторыхъ городахъ женскія коммерческія школы на соединенныя средства этихъ палатъ, правительства и муниципалитетовъ. Наконецъ, уже въ 1880 году въ Италіи считался окончательно рѣшеннымъ въ принципѣ вопросъ, что женщина, имѣющая одинаковое съ мужчиной высшее образованіе, должна пользоваться равными съ нимъ правами по службѣ. Королева Маргарита, съ искреннимъ увлеченіемъ относящаяся къ эмансипаціи женщинъ, показала примѣръ уравниенія правами женщинъ съ мужчинами, назначивъ себя, какъ было сказано выше, лейбъ-медикомъ женщину. Среди итальянскихъ ученыхъ и журналистовъ съ большею и большею настойчивостью раздаются голоса, что даровитымъ женщинамъ не долженъ быть закрытъ путь на кафедру въ мужскихъ высшеучебныхъ заведеніяхъ, подобно тому, какъ это было въ XIII вѣкѣ.

Вообще нужно замѣтить, что въ исторіи высшаго женскаго образованія въ Европѣ 1876 годъ весьма замѣчателенъ. Въ этомъ году, подъ вліяніемъ движенія, проявившагося во Франціи въ пользу женскаго образованія, произошелъ рѣшительный переломъ въ рутинномъ взглядѣ на этотъ предметъ и крутой поворотъ въ сторону предоставленія женщинамъ возможности получать образованіе до одинаковаго уровня съ мужчинами. Швейцарія, университеты которой (Цюрихскій, Бернскій и Женевскій) никогда не запирали плотно своихъ дверей отъ женщинъ, тѣмъ не менѣе, до 1876 года находилась въ неопредѣленномъ положеніи по вопросу о высшемъ женскомъ образованіи; но съ этого года женщины сравнены съ мужчинами правами на образованіе по всемъ отраслямъ университетской науки. Въ 1876 году, напримѣръ, въ Цюрихскомъ университетѣ на 193 студента-медика было 24 женщины, на 96 студентовъ философскаго факультета—6 женщинъ.

Всягдъ за Швейцаріей открыли женщинамъ двери къ высшему образованію Швеція, Норвегія, Данія, Голландія и Испанія. Наконецъ, по свидѣтельству итальянскаго женскаго журнала *Cornelia*, въ 1880 году Румынія также допустила женщинъ къ высшему образованію. Въ томъ же году явились 104 румынки, выразившія желаніе подвергнуться установленному экзамену для поступленія въ университетъ. Многія изъ нихъ не только выдержали экзаменъ, но и получили «высшія отличія». Молодыя дѣвушки, поступивъ въ университетъ, распредѣлились по разнымъ факультетамъ.

Хронологическая послѣдовательность, въ которой европейскія государства одно за другимъ открывали женщинамъ свои высшеучебныя заведенія, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о нежеланіи правительства перечисленныхъ выше странъ заставлять женщинъ уѣзжать въ чужіе края, отрывать отъ родины ради высшаго образованія и вообще оплачивать свое образованіе слишкомъ дорогою цѣной.

Наши «самобытные» софисты желаютъ увѣрить кого-то, что «откры-

тіе западно-европейскихъ университетовъ и медицинскихъ школъ для женщинъ не имѣть ничего серьезнаго, такъ какъ не организовано средняго женскаго образованія. Какой національности женщины могутъ учиться, наприимѣръ, въ итальянскихъ и испанскихъ университетахъ?»—глубокомысленно задумывается одна изъ петербургскихъ газетъ. «О, празднословіе! это ты»,—можно отвѣтить на такое странное, чтобъ не сказать болѣе, разсужденіе. Если бы, газета хотѣла не празднословить, говорить фактами, она устыдилась бы своего легкомыслія. По свидѣтельству *English-woman's Review* (1880 г.), «почти во всѣхъ итальянскихъ университетахъ есть студентки-итальянки и число ихъ въ 1880 году почти вдвое болѣе сравнительно съ 1879 годомъ». Напрасно также задумывается газета и по поводу испанскихъ университетовъ. Въ Испаніи, въ новомъ Мадридскомъ университетѣ, основанномъ только въ ноябрѣ 1876 года, числилось въ этомъ же году (т. е. въ первый годъ допущенія женщинъ къ высшему образованію) 71 студентъ и 5 студентокъ-испанокъ*). Что же касается «неорганизованности средняго женскаго образованія въ Западной Европѣ», то цитированная нами газета повторяетъ въ этомъ случаѣ ходячій, ни на чемъ не основанный взглядъ. Такъ, наприимѣръ, въ Швейцаріи еще закономъ 1848 года положено основаніе женскимъ лицеямъ, отвѣчающимъ курсу мужскихъ среднеучебныхъ заведеній (гимназій). Среднее женское образованіе въ Швеціи и Норвегіи поставлено, можно сказать, образцово. Весьма удовлетворительно поставлено оно въ Даніи и Голландіи. «Неорганизованнымъ» можно назвать среднее женское образованіе въ Италіи и Испаніи, потому что тамъ оно находится преимущественно въ частныхъ рукахъ (пансіоны). Конечно, это не нормально. Но, какъ мы видѣли выше, даже и такая ненормальность не помѣшала поступленію въ университетъ итальянокъ и испанокъ. Словомъ, здѣсь повторилось то же явленіе, какое мы видѣли въ Англіи, гдѣ то же среднее женское образованіе находилось преимущественно въ рукахъ частныхъ лицъ въ моментъ поднятія вопроса о высшемъ женскомъ образованіи. Нѣтъ женщинамъ доступа къ высшему образованію—среднее образованіе ихъ находится въ застоѣ, остается *полуобразованіемъ*, сравнительно съ объемомъ среднеучебной мужской программы; но разъ только женщины открываются безпрепятственный доступъ къ высшему образованію, объемъ среднеучебнаго ихъ курса немедленно дорастаетъ до соответствующаго курса мужскихъ учебныхъ заведеній.

Только Германія и нѣмецкія земли Австріи составляютъ нѣкоторое исключеніе среди прочихъ западно-европейскихъ государствъ въ вопросѣ объ эмансипаціи женщинъ. Въ Прагѣ есть высшеобразовательное женское заведеніе; но ни срокъ возникновенія его, ни объемъ курса намъ

*) *New-England Journal of Education* 1877 г.

неизвѣстны въ точности. Въ Браковѣ съ 1868 года существуетъ высшее учебное женское заведеніе съ трехлѣтнимъ курсомъ преподаванія и пятью отдѣленіями или факультетами: естественнѣдѣніе, исторія и словесность, искусство, торговля и хозяйство. Въ общеобразовательномъ отношеніи заведеніе это уступаетъ нѣсколько русскимъ высшимъ женскимъ курсамъ, но въ практическомъ отношеніи оно очень сильно и выпускаетъ солидно подготовленныхъ женщинъ по отдѣламъ искусства, торговли и хозяйства.

Но совершенно ошибоченъ весьма распространенный взглядъ, будто бы стремленіе женщинъ къ высшему образованію не коснулось Германіи и особенно нѣмецкихъ земель Австріи. Напротивъ, *коснулось*, и очень сильно. Еще въ маѣ 1878 года австрійскій министръ народнаго просвѣщенія, г. Штремайеръ, былъ вынужденъ дать разъясненіе совѣту Вѣнскаго университета именно потому, что *университетскія власти неоднократно обращались съ вопросомъ, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій*. Министръ вовсе не говоритъ, что австрійскіе университеты безусловно недоступны для женщинъ, но требуетъ, чтобы, «сообразно духу существующихъ постановленій», «женщинамъ дозволялось слушать университетскія лекціи только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, при обстоятельствахъ, подлежащихъ каждый разъ особому обсужденію». Тѣмъ болѣе не возбраняется министерскимъ разъясненіемъ «чтеніе женщинамъ лекцій по отдѣльнымъ предметамъ», но только «съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія министра». Такимъ образомъ, изъ этого уже разъясненія министра народнаго просвѣщенія можно заключить, что высшее женское образованіе имѣло столько же данныхъ для развитія въ Австріи, сколько и въ другихъ государствахъ; не разлилось же оно по исключительнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Еще болѣе «коснулось» женское движеніе Германіи. Въ 1876 году тамъ открыты акушерскіе курсы, которые хотя и не могутъ быть поставлены рядомъ съ петербургскими врачебными курсами, но, тѣмъ не менѣе, представляютъ очень солидное въ медицинскомъ отношеніи учрежденіе, имѣющее право назваться высшимъ. Въ 1867 году въ Берлинѣ открылись высшіе женскіе курсы (Victoriaschule), подъ покровительствомъ кронпринцессы. Программа этихъ курсовъ не удовлетворяла полному высшему образованію, но, тѣмъ не менѣе, преподаваніе велось профессорами въ университетскомъ духѣ. По примѣру Викторіанской школы, частные предприниматели немедленно начали открывать подобныя же высшія женскія учебныя заведенія и во многихъ другихъ городахъ (напримѣръ, Бреславлѣ, Дармштадтѣ и т. д.). Германское правительство не оказывало никакой поддержки нарождающемуся высшему женскому образованію, но, съ другой стороны, оно ничѣмъ не препятствовало развитію общественнаго почину и самодѣтельности въ этомъ направленіи.

Напротивъ, до 1880 года въ Германіи была вовсе запрещена врачебная практика женщинамъ, получившимъ докторскіе дипломы въ заграничныхъ университетахъ; въ этомъ же году въ Берлинѣ было разрѣшено двумъ женщинамъ-медикамъ открыть у себя бесплатный приемъ больныхъ женщинъ и дѣтей. Конечно, правительство, допуская женскую врачебную практику въ такой неопредѣленной формѣ, очень хорошо понимало, что она не замедлитъ перейти въ настоящую медицинскую практику, какъ это и вышло въ дѣйствительности, вслѣдствіе естественнаго запроса въ жизни на женщинъ-врачей. Въ 1881 году въ самый консервативнѣйшій изъ германскихъ университетовъ, Берлинскій, была допущена американка къ слушанію лекцій знаменитаго физиолога профессора Вирхова *). Къ этому нужно прибавить еще громадное обиліе образовательныхъ средствъ для подготовки женщинъ къ педагогической дѣятельности въ разнообразныхъ школахъ. Несмотря на все это, нѣмцы говорятъ, что у нихъ все нѣтъ высшаго женскаго образованія. Это отрицаніе существующаго факта объясняется тѣмъ, что, по изстари установившемуся въ Германіи порядку, только то признается *нормальнымъ*, что вошло въ систему государственнаго образованія, что навсегда упрочено, узаконено, поставлено въ известныя обязательныя рамки въ отношеніи всѣхъ другихъ образовательныхъ средствъ страны. И, конечно, въ Германіи давнымъ-давно было бы включено высшее женское образованіе въ систему государственнаго образованія, если бы слѣдующее обстоятельство не отвлекло вниманія организаторовъ просвѣщенія (въ Германіи этимъ дѣломъ занимаются педагогическія общества и съѣзды педагоговъ) въ нѣсколько другую сторону.

Въ Германіи женщина, можно сказать, лишена закономъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Замужняя женщина, напримѣръ, не пользуется никакими личными имущественными правами, не имѣетъ голоса при вступленіи своихъ дѣтей въ бракъ, при назначеніи опеки и т. д. Это обстоятельство вызвало въ половинѣ семидесятыхъ годовъ чрезвычайно энергическое движеніе въ защиту правъ женщинъ. Уже въ апрѣлѣ 1877 г. въ германскій рейхстагъ была подана петиція за подписью не менѣе 12,000 женщинъ. Но такъ какъ прямое воздѣйствіе въ пользу восстановленія женскихъ правъ оказывается затруднительнымъ, то принять нѣсколько иной приемъ. Въ настоящее время Германія покрыта густою сѣтью ферейновъ (обществъ), энергически подвигающихъ впередъ разрѣшеніе женскаго вопроса не словомъ только, но самымъ дѣломъ. Эти ферейны соединены въ двѣ громадныя группы: *Общество расширенія образованія и круга дѣятельности женщинъ* (въ Берлинѣ) и *Общая ассоціація германскихъ женщинъ* (въ Лейпцигѣ). Обѣ эти группы находятся между собою во взаимной связи и объединяются въ выработку направ-

*) *English-woman's Review*, июнь 1881 г.

ленія и плана дѣйствія посредствомъ ежегодно повторяющихся съѣздовъ. Наконецъ, каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свой органъ: берлинская ассоціація — *Der Frauen-Arbeit* (*Защитникъ женщинъ*), саксонская — *Neue Bahnen* (*Новые пути*). «Весь женскій вопросъ — сказала г-жа Шнейдеръ (одна изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудницъ и руководительницъ женскаго движенія въ Германіи) во время чтенія публичной лекціи, — состоитъ въ томъ, чтобы женщина добилась возможности зарабатывать самостоятельнымъ трудомъ свой хлѣбъ, будь это на поприщѣ умственной или какой-нибудь технической дѣятельности, все равно... Все требованія эмансипаціи сводятся къ одному: *дѣвушка должна учиться*. Учиться значитъ для нея рѣшить самымъ естественнымъ и «вѣрнымъ» путемъ женскій вопросъ». Для достиженія этой прекрасной цѣли общественная самодѣятельность въ Германіи работаетъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, систематически поднимаетъ и доводитъ среднее общее женское образованіе до одинаковаго уровня съ мужскимъ, при условіи, конечно, уравниенія тѣхъ и другихъ правами; во-вторыхъ, считаетъ обязательнымъ, чтобы каждая дѣвушка, получившая начальное или среднее образованіе, непременно знала какое-нибудь специальное дѣло, могущее обезпечить ей трудовое существованіе. Работа ведется въ весьма обширныхъ размѣрахъ и крайне успѣшно; ферейны располагаютъ солидными средствами, пользуются огромнымъ сочувствіемъ во всемъ германскомъ обществѣ и мѣстныя общественныя учрежденія оказываютъ имъ матеріальную поддержку. Правительство не только не оказываетъ никакого противодѣйствія, но, напротивъ, всячески поддерживаетъ даже матеріально эту безримѣрную, можно сказать, самодѣятельность общества въ дѣлѣ просвѣщенія.

Словомъ, въ Германіи разрѣшеніе женскаго вопроса начато, такъ сказать, *съ середины* и ведется разомъ въ двухъ направленіяхъ: въ сторону обезпеченія за женщиною неоспоримыхъ правъ на высшее образованіе (вслѣдствіе подъема средняго образованія до уровня соответствующихъ мужскихъ учебныхъ заведеній) и открытія ей выхода къ трудовому, независимому существованію. Не слѣдуетъ также забывать при этомъ, что къ услугамъ германскихъ женщинъ есть также и лицей, т.-е. высшія женскія учебныя заведенія, но только частнаго характера.

Такое же движеніе въ разрѣшеніи женскаго вопроса замѣчается и въ Австріи (которая копируетъ организацію своего образованія съ Германіи), но только въ менѣе выраженной формѣ.

Для полноты нашего очерка успѣховъ женскаго образованія въ послѣднія двадцать пять лѣтъ необходимо сдѣлать еще кое-какія фактическія добавленія.

Въ Индіи еще въ 1874 году былъ открытъ женщинамъ доступъ въ мадрасскую медицинскую коллегію. Въ 1880 году изъ пяти медицин-

скихъ школъ, существующихъ въ Индіи, четыре открыли свои двери женщинамъ. Кромѣ того, въ Индіи существуютъ частныя попытки со стороны выдающихся профессоровъ и врачей-практиковъ къ поднятію уровня медицинскаго образованія среди туземокъ, ради которыхъ устраиваются частныя медицинскіе женскіе курсы.

Первыя извѣстія объ открытіи въ Японіи, въ Осанѣ, женской медицинской школы восходятъ къ 1876 году.

Наконецъ, по словамъ *Женскаго Образованія* (1881 г., стр. 427), *синтетскій* хедивъ призналъ необходимымъ «открыть на свой счетъ учебное заведеніе для дѣвушекъ высшихъ классовъ». Планы зданія были готовы въ 1881 году и было отведено мѣсто для постройки.

Какъ ни вразумителенъ самъ по себѣ фактъ роста женскаго образованія за послѣднюю четверть вѣка, но все же находятся еще охотники протестовать противъ этого естественнаго движенія, естественнаго роста,—протестовать даже и послѣ того, какъ всѣ ихъ доводы давнымъ-давно опровергнуты и теоретически, и практически во всѣхъ частяхъ земнаго шара, сколько-нибудь затронутыхъ цивилизаціей. Но такъ какъ эти протесты все же повторяются, то, уклоняясь отъ бесполезной полемики, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь цитату изъ лекціи Жюль Ферри *О равенствѣ простыцѣнъ*, выдержка изъ которой поставлена нами эпитафюмъ. Это тѣмъ болѣе уместно, что лекція была читана Ферри почти десять лѣтъ тому назадъ и заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на всѣ тѣ нѣмые доводы противъ женскаго образованія, которые до сихъ поръ еще приходится встрѣчать.

«Требовать равенства женскаго образованія для всѣхъ сословій,—говоритъ Жюль Ферри,—это лишь половина дѣла, половина необходимаго. Я требую равенства въ этомъ отношеніи для обоихъ половъ и вотъ объ этомъ хочу сказать нѣсколько словъ. Здѣсь трудность и помѣха заключаются не въ денежныхъ средствахъ, а въ нравахъ, прежде всего, въ одномъ предразсудкѣ, которому не чуждо большинство мужчинъ. Въ мірѣ есть два вида гордости: гордость сословія и гордость пола. Послѣдняя болѣе сильная и болѣе упорная, чѣмъ первая. Она существуетъ нерѣдко въ душѣ такихъ людей, которые ее настойчиво отрицаютъ; она прячется въ благороднѣйшія сердца, прячется въ самые сокровенные ихъ изгибы. Да, милостивые государи, сознаемся: въ сердцѣ почти каждаго изъ насъ сидитъ султанъ. Съ давнихъ поръ моралисты, анализировавшіе насъ, французовъ, пришли къ тому заключенію, что у французовъ подъ покровомъ самой любезной вѣжливости, самой изысканной галантерейности скрывается глубокое презрѣніе къ женщинамъ. Здѣсь-то и должно искать главную помѣху къ уравниенію по образованію женщинъ и мужчинъ.

«Есть еще другая помѣха, тоже немаловажная. Она зависитъ отъ васъ, милостивыя государыни, потому что вы сами поддерживаете и

одобряете взглядъ мужчинъ, что они выше васъ въ умственномъ отношеніи. Вы принимаете безъ возраженій ваше, не скажу рабство, а *подчиненіе*, какъ говоритъ Милль, основанное на интеллектуальномъ несовершенствѣ. Вамъ столько твердили о немъ, что вы, въ концѣ-концовъ, увѣровали въ него. Но повѣрьте мнѣ, милостивыя государыни, что вы не правы, и будь у меня достаточно времени, я бы вамъ доказалъ, что это не такъ. Прочтите, по крайней мѣрѣ, сочиненіе Милля *О подчиненности женщинъ*, прочтите его всѣ, потому что это начало мудрости: оно вамъ объяснитъ, что у васъ тѣ же способности, что и у мужчинъ. Мужчины говорятъ противное, но, позвольте спросить, откуда это имъ извѣстно? Дидро говорилъ, что «тотъ, кто пишетъ о женщинѣ, долженъ обмакнуть перо въ радугу и пользоваться пылью крыльевъ бабочки вмѣсто песку»; а этой предосторожности обыкновенно не принимаютъ мужчины, говоря о женщинахъ: у нихъ всегда замѣтно нѣсколько саркастическое мнѣніе по этому поводу.

«Говорятъ, что женщинѣ не достааетъ того или другаго. Но скажите, пожалуйста, откуда вамъ это извѣстно, что даетъ вамъ право судить такъ о всѣхъ женщинахъ, знаете ли вы ихъ? Вы знаете одну женщину, двухъ, трехъ, да и то какъ знаете! Примите къ свѣдѣнію, что сказать что-либо рѣшительное о женщинѣ въ настоящее время очень трудно, при существующей нынѣ системѣ ихъ воспитанія и образованія; нельзя ничего заключать о томъ, что выйдетъ изъ нихъ при другой системѣ. А при той неизвѣстности, въ которой мы пока находимся, осуждать ихъ рѣшительно на неспособность — вещь болѣе чѣмъ непозволительная. Къ тому же, опытъ доказываетъ нѣчто противоположное французскому предразсудку; и въ этомъ отношеніи Америка можетъ служить примѣромъ. Гиппо былъ въ Берлинѣ, Филадельфіи, Нью-Йоркѣ; онъ посѣтилъ заведенія, въ которыхъ женщины получаютъ высшее образованіе, а также заведенія смѣшанныя, гдѣ дѣвушки и молодые люди соединены вмѣстѣ, учатся у одного учителя. Это дѣлается безъ всякаго вреда для нравственности, что нужно сказать къ чести американцевъ, о которыхъ мы издалека судимъ нѣсколько строго, которыхъ мы готовы считать даже отчасти дикими. Уничтоженіе смѣшанныхъ школъ во Франціи было принято какъ прогрессъ, но въ Америкѣ женщина пользуется такимъ уваженіемъ, что можетъ ѣхать изъ Сентъ-Луи въ Нью-Йоркъ одна безъ всякаго безпокойства, съ болѣею безопасностью, чѣмъ у насъ при переходѣ черезъ двѣ-три улицы. Въ школѣ, о которой я говорю, 1,200 или 1,500 молодыхъ людей обоого пола занимаются однѣми и тѣми же науками. Вотъ тутъ-то есть матеріалъ для сравненій! Гиппо воспользовался случаемъ; онъ старался все узнать, все видѣть, бесѣдовалъ съ преподавателями и учениками. Выводъ его тотъ, что нельзя усмотрѣть никакой разницы въ способностяхъ учениковъ и ученицъ, что они въ этомъ отношеніи равны, что число слабыхъ пропорціонально раздѣлено между

обоими полами. Не въ правѣ ли мы послѣ этого сказать, что равенство просвѣщенія необходимо не только для всѣхъ сословій, но и для обоихъ половъ?

«Я думаю, что поставленный нашимъ временемъ вопросъ о *равноправности* женщины съ мужчиною можетъ быть только и рѣшенъ на *педагогической почвѣ*. Мы должны идти послѣдовательно. Говорить, что должно женщинамъ дать одинаковыя съ мужчинами права, допустить ихъ къ тѣмъ же занятіямъ, что и мужчинамъ. Я не знаю, справедливо ли такое требованіе, и пока считаю лишнимъ входить въ его обсужденіе; я хочу только равныхъ правъ на образованіе и увѣренъ, что затѣмъ все остальное *будетъ рѣшено прекрасно, само собою*, не только въ теоріи, но и на практикѣ.

«Но если я говорю въ пользу расширенія рамокъ женскаго образованія, то, повѣрьте, имѣю въ виду *болѣе интересы мужчинъ*, чѣмъ женщинъ. Быть можетъ, что многія женщины мнѣ скажутъ: «къ чему же знаніе, свѣдѣнія, ученіе?» Я отвѣчу: къ тому, чтобы воспитывать дѣтей. Если мнѣ скажутъ, что эта сентенція слишкомъ банальна, я рѣшусь пойти далѣе и заявить: къ тому, чтобы вліять на мужей. Равенство образованія есть не иное что, какъ возстановленіе *единенія въ семьѣ*.

«Теперь замѣтна перегородка между мужемъ и женой, отчего многіе браки, съ виду даже удовлетворительные, внутренно страдаютъ отъ различности взглядовъ на вещи. Но такой бракъ, въ сущности, не бракъ, ибо настоящій союзъ есть союзъ душъ. Часто ли, однако, встрѣчается этотъ союзъ душъ? Много ли есть мужей и женъ, одушевленныхъ одинаковыми чувствами и мыслями? Конечно, можно найти много браковъ, гдѣ обѣ стороны одинаково смотрятъ на внѣшнія вещи, гдѣ матеріальные интересы одинаковы; но что касается задушевныхъ мыслей и чувствъ, то тутъ господствуетъ почти всегда такая разниа, что о союзѣ душъ и рѣчи быть не можетъ. Таково положеніе дѣлъ въ достаточной семьѣ. Подумайте, сколько новыхъ средствъ прибавилось бы для бѣдной семьи, если бы жена могла принять хотя небольшое участіе въ трудѣ мужа. Они не бѣгали бы другъ отъ друга, а искали другъ друга; вмѣстѣ бы читали, бесѣдовали, думали. Кондорсе хорошо понималъ все это, говоря, что образованіе сдѣлаетъ женщину работницей и, въ то же время, стражемъ домашняго очага и хранительницей интеллектуальнаго прогресса.

«Скажемъ отъ себя, что вопросъ объ образованіи женщинъ связанъ неразрывно со всѣми сторонами жизни, даже съ вопросомъ о существованіи современнаго общества. Теперь идетъ глухая, но упорная борьба старыхъ порядковъ съ новыми, основанными на равноправности. Лишь только эта борьба кончится, кончатся и политико-соціальныя разногласія. Въ этой борьбѣ женщины не могутъ остаться нейтральными. Оптимисты, не желающіе взглянуть на предметъ достаточно глубоко, утвер-

даютъ, что женщинамъ здѣсь суждено играть невидную роль, что онѣ въ сторонѣ. Они не понимаютъ того, что развитіемъ женщинъ можно опредѣлять развитіе общества».

Въ видѣ иллюстраціи къ словамъ Жюля Ферри приведемъ статистическія данныя относительно распредѣленія женскаго труда въ одномъ изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ—въ Массачузетъ. Мы выбрали этотъ штатъ потому, что по населенности онъ равняется средней русской губерніи; среднее мѣсто занимаетъ онъ также и среди другихъ американскихъ штатовъ во всѣхъ отношеніяхъ.

По послѣдней переписи (1875 года) въ штатѣ Муссаузетъ было 857,259 женщинъ, мужчинъ 794,383; число женщинъ превышало на 63,146.

510,432 женщины жили собственнымъ трудомъ; 207,067 — или на счетъ родныхъ, или имѣли состояніе и вовсе непроизводительныя (т.-е. больныя, помѣшанныя, нищія, преступницы); 139,760 — дѣти моложе 15 лѣтъ.

По профессіямъ женщины, живущія трудомъ, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 374 на государственной службѣ; 10,295 имѣли опредѣленныя профессіи; 84,207 работали на фабрикахъ и въ мастерскихъ; 3,522 занимались торговлей; 37 рыболовствомъ и сельскимъ хозяйствомъ; 412,997 мелкими ремеслами и домашними работами.

Женщины, находившіяся на государственной службѣ, служили въ почтамтѣ, въ казначействѣ, завѣдывали выдачею пенсій, а также въ различныхъ благотворительныхъ и исправительныхъ заведеніяхъ и въ домахъ умалишенныхъ, въ муниципалитетѣ, въ отдѣлѣ налоговъ, въ санитарномъ и въ другихъ.

10,295 женщинъ, занимавшихся различными профессіями, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 8,156 учительницъ въ низшихъ школахъ и среднеучебныхъ заведеніяхъ; 1,395 пианистокъ и учительницъ музыки; 336 писательницъ; 146 докторовъ; 68 актрисъ; 170 художницъ, граверницъ и т. д.; 16 проповѣдницъ и миссіонерокъ; 8 ученыхъ *).

Вотъ для такой-то именно общедоступности женщинамъ трудовой дѣятельности и необходимо то именно «равенство просвѣщенія», за которое, подобно Жюлю Ферри, такъ горячо и плодотворно ратовали въ послѣднюю четверть всѣ благоумные люди во всемъ мало-мальски образованномъ мірѣ.

М. Песковскій.

*) Приведенныя данныя заимствованы изъ *Woman's Journal* 1880 г.

Озерныя рыболовныя артели на Сѣверѣ.

Вопросъ объ озерныхъ рыболовныхъ артеляхъ мало разработанъ въ нашей литературѣ. Только нѣкоторымъ изъ большихъ озеръ сѣвера по-счастливилось и они достаточно изучены.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе выдается озеро Ильмень.

Объ Ильменскихъ артеляхъ, кромѣ разныхъ незначительныхъ статей, появились довольно обстоятельные матеріалы, составленные человекомъ, близко стоявшимъ къ дѣлу, еще въ *Москвитянинѣ* 1853 года; затѣмъ ихъ же съ замѣчательною обстоятельностью описалъ П. Якушкинъ въ *Путевыхъ письмахъ* 1860 г.; въ шестидесятыхъ годахъ Ильмень подвергся изученію г. Данилевскимъ; потомъ недавно въ *Русской Мысли* Ильмень снова сталъ предметомъ серьезнаго изученія. Такъ какъ принципы, обычаи, приемы однородныхъ артелей, въ сущности, одни и тѣ же, то эта полнота описанія Ильменскихъ артелей важна для насъ не только какъ фактъ, но, главное, какъ общее начало, какъ принципъ, дополняющій и уясняющій строй однородныхъ артелей въ тѣхъ случаяхъ, когда матеріалы не даютъ возможности судить о нѣкоторыхъ сторонахъ данной артели. Все это заставляетъ внимательно отнестись къ Ильменскимъ артелямъ.

«Для удобства и лучшей ловли,—говорить, г. Купріяновъ*),—одинъ ватаманъ сговаривается съ другимъ ватаманомъ же ловить другъ на друга, т.-е. чтобы неводъ шелъ противъ невода, и вытягивать въ одну высоху, рыбу продавать вообще изъ обоихъ неводо́въ, также и деньги дѣлить на людей обоихъ неводо́въ поровну. Въ такомъ случаѣ два невода называются двойникомъ и утверждается изъ двухъ ватамановъ одинъ старшимъ и полнымъ властелиномъ невода, а другой младшимъ».

«Настоящіе ловцы зимніе въ два невода ловятъ**): это двойники,—началь рассказывать Леонтій Ивановичъ.—Вотъ соберется народъ, чело-

*) „О рыбной ловлѣ на Ильменѣ“. *Москвитянинъ* 1853 г., № 5.

***) П. Якушкинъ: „Путевыя письма“ 1860 г.

вѣтъ двадцать ловцовъ, или тамъ тридцать, у каждаго ловца шестнадцать саженъ сѣтей, а у кажинныхъ двухъ ловцовъ есть по лошади съ санями, со всею снастью, какъ заперчь надлежитъ. Соберутся ловцы, человекъ двадцать, а больше стануть набирать до тридцати одного ловца. Наберутся скоро: на это дѣло охотника много у насъ! Послѣ того скопятся да и спросятъ: «кому быть ватаманомъ?» Положатъ на кого: на Ивана ли Петрова, на Федора ли Васильева, всё къ тому Федору Васильеву и идутъ. А коли случится тутъ Федоръ Васильевъ, то тутъ же ему и объявится, коли же нѣтъ его на ту пору, съ ними идутъ къ нему на домъ. И выбираютъ они ватаманомъ ловца ловцаго, да и знамаго: надо кнѣи (мотня, matka), снасти (веревки) въ долгъ взять. Ловцы сѣти сами вяжутъ, а то и купить не дорого: шестнадцать саженъ можно взять за десять цѣлковыхъ; ну, а кнѣю всегда покупаютъ въ городѣ; за пару кнѣй надо дать 300 руб. ассигнаціями, а дорога пенька—всѣ 100 цѣлковыхъ отдашь, да за снасти цѣлковыхъ 50. Поэтому самому выбираютъ ватамана знамаго, чтобъ ему въ городѣ все, что надо, въ долгъ дали. Приходить къ нему на домъ въ избу... А тотъ Федоръ Васильевъ сидитъ, будто ничего и не знаетъ.

«— Что вамъ надо, ребята?—скажетъ онъ, да скажетъ онъ такъ сурово. — Зачѣмъ пришли?— А тѣ ему въ отвѣтъ: «Тамъ и такъ: насъ скопилось тридцать одинъ человекъ съ сѣтями и лошадьми: будь нашимъ большимъ ватаманомъ». А коли нѣтъ 31 ловца, такъ скажутъ: насъ собралось 20 тамъ, что ли, человекъ, али 25, остальныхъ самъ на бери. Будь намъ ватаманомъ большимъ, безъ тебя намъ въ двойникахъ ходить не приходится.

«Тотъ сперва-наперва, по обычаю, поломается: начнетъ говорить, что «у меня де на то и разума не хватить, а безъ большого разума какъ я за такое дѣло возьмусь?»—да это онъ такъ только разговориваетъ, поговорить и станеть у насъ большимъ ватаманомъ. Тутъ большой ватаманъ спроситъ:

«— Кого же мы, ловцы, поставимъ малымъ ватаманомъ?

«Ну, тѣ и положить, въ примѣру сказать, хотъ на тебя, али тамъ на меня, али еще на кого; тотъ тоже отговаривается, да только поменьше, да и гораздо поменьше, пойдетъ въ малые ватаманы. Тамъ большой ватаманъ скажетъ:

«— Кому рѣльщикомъ быть?

«Рѣльщикъ ватаману подручный, тоже большой человекъ; безъ рѣльщика ватаманъ водки не пьетъ. Выберутъ двухъ рѣльщиковъ, кажинному ватаману по рѣльщику, а кажинному ватаману и кажинному рѣльщику по пѣхарю, да еще четыре воротильщика, что вѣротъ ворочаютъ, а остальные просто ловцы. Ну, а когда не наберется 32 ловца, у кого есть сѣти да лошадь, нанимаютъ рублей за 10 сереб. въ зиму козаковъ; такъ у насъ зовутъ бездомныхъ работниковъ. Какъ только всѣхъ

выберуть, затопятъ (затеплятъ) Богу свѣчку, помолятся Богу, поцѣлуютъ образъ-икону. Помолясь, и ни одинъ уже ловець не отойдетъ въ другой двойникъ, не моги до поры до времени слова сказать! Помолясь Богу, и отстать нельзя: не даромъ Бога цѣловали! Помолясь Богу, сядутъ за столъ, выпьютъ винца (вино это и обѣдъ большой ватаманъ покупаютъ, а послѣ съ добычи вычитаютъ)».

«Послѣ такого подвыпитія,—говорить г. Купріяновъ *),—ловцы обязываются братскою любовью другъ къ другу. За столъ посадятъ большаго ватамана въ передній уголъ, а малый ватаманъ угощаетъ. Вотъ и скажетъ большой ватаманъ:

«— Ну, ребята, собираться тогда-то; а пока надо невода, баломути справить.

«Всѣ уже и слушаютъ. Какъ прикажетъ ватаманъ, такъ и скопятся къ нему вся братія невода шивать. Кажинный принесетъ съ собою свои сѣти въ 16 саж., сошьютъ въ 4 крыла: по 2 крыла на неводъ. А большій ватаманъ, человекъ бывалый, выбираетъ день легкій, глаза да и дурнаго дѣла боится. Случается, ватаманъ и самъ на тѣ дѣла ходокъ, тотъ самъ перехитритъ; если же плохъ, дожидается, пока главные дѣльцы на озеро поѣдутъ».

При этомъ, по словамъ г. Купріянова, совершается слѣдующій любопытный обычай **): «всѣ ловцы съ своими сѣтями собираются къ своему ватаману и подъ его распоряженіемъ шиваютъ сѣти и ставятъ невода, глядя по глубинѣ озера. Когда же озеро совершенно замерзнетъ и освидѣльствуютъ толщину льда ватаманы, то вывозятъ тогда невода къ озеру и на берегу останавливаются; старшій изъ ватамановъ добываетъ огонь и зажигаетъ клокъ сѣна, которымъ и зажигаетъ приготовленную изъ соломы, сѣна, вереску и травы, полезную отъ уроковъ, кучу; въ одну кучу кладутъ роснаго ладоу, завязаннаго въ мѣшечкахъ, ставятъ лошадей по вѣтру для того, чтобы этомъ дымъ шелъ на лошадей и на запарь; сами же, начиная съ главнаго ватамана, идутъ вокругъ этой зажженной кучи всѣ гусемъ, поднявши шубы и кафтаны, дабы прошелъ дымъ промежъ ногъ. Таковая окурка огнемъ продолжается во всю зиму по понедѣльникамъ или на каждой недѣлѣ въ первый разъ выѣзда на озеро, гдѣ и куражатся ватаманы, пережидая другъ друга, по замѣчаніямъ; если лучшій знатокъ изъ ватамановъ не выѣзжаетъ впередъ, то и всѣ прочіе остаются на берегу бражничать. Иногда по капризамъ между ватамановъ откладывается выѣздъ на озеро до вторника или до среды. Послѣ окурки, помолившись Богу и сѣвши на передовыхъ лошадей, старшій и младшій ватаманы пускаются въ озеро, а вслѣдъ за ними 4 лошади рѣльныхъ, потомъ 4 бабныхъ лошади съ вѣртами и шесть лошадей везутъ два невода».

*) *Москвитянинъ* 1853 г.

**) *Ibid.*

«Въ первый день они только одну тоню и сдѣлають *): своего счастья попытать; да и рыбу ту не продають, сами сѣдятъ. Послѣ того ватаманъ сляжетъ уже день, въ который скопляться на настоящій ловъ. Соберутся и поѣдутъ. Закинуть тоню, вынуть. Большой ватаманъ, сказано, всему хозяинъ: вынуть тоню, онъ и сляжетъ мокряку, за сколько ее рыбакамъ отдавать; мокрякъ и не смѣетъ ее дешевле спустить.

«— Мокрякъ кто такой?—спросилъ я моего рассказчика.

«— А мокрякъ изъ нихъ же бываетъ, поочереды,—отвѣчалъ онъ.— Нынче одинъ мокрякъ, завтра другой, всё бываетъ, окромя ватамановъ и рѣльщикова; для того, нельзя имъ у себя денегъ держать. Какъ скажетъ ватаманъ мокряку цѣну, тотъ дешевле не можетъ продать, дороже—лучше для всей братии, дороже продавай. А коли рыбаки ватаманской цѣны не дадутъ—мокрякъ ночь ночуй; не дадутъ на другой день—другую; на третій день только съ озера можно эту рыбу свезти. Самъ ватаманъ не можетъ: оттого, что... ну, да это послѣ. Вотъ какъ мокрякъ продастъ рыбу, деньги возьметъ у рыбаковъ, и пойдетъ къ братии на другую тоню. Другую тоню, если бываетъ, онъ же продастъ; сколько тоннъ закинуто въ тотъ день, во всѣхъ онъ, мокрякъ, и всѣ деньги себѣ подъ сохранъ беретъ. Ватаманъ себѣ ни гроша не оставляетъ. Даромъ хоть отдавай всю, пока ватаманъ, никто слова сказать не можетъ, только денегъ брать не можетъ».

«По существующимъ правиламъ,—говорить г. Данилевскій **),—дѣлежъ добычи, какъ въ зимнее, такъ и въ лѣтнее время, всякій ловецъ и ватаманъ участвуютъ въ равной долѣ во всѣхъ издержкахъ лова: въ устройствѣ неводовъ, снаряженіи лодокъ, припасеніи корма лошадямъ и провизіи людямъ, за то и дѣлежъ добычи производится поровну между всѣми; ватаману же дарится иногда кнѣя зимнихъ неводовъ. Кромѣ сего, если артель имъ довольна, то ему же отдается издѣшекъ отъ раздѣла паевъ, т.-е. тѣ копѣйки, которыя приходится на долю каждого сверхъ рубля, что можетъ составить не болѣе, какъ нѣсколько рублей. Главная же привилегія ватамановъ состоитъ въ томъ, что они пользуются особымъ почетомъ со стороны скупщиковъ рыбы и часто угощаются ими».

Самый дѣлежъ производится такъ: «Какъ скопится у ловца много денегъ ***), большой ватаманъ и велитъ расправѣ быть. Скопятся. Большой ватаманъ сядетъ за столъ, а всѣ ловцы стоятъ. Большой ватаманъ и скажетъ: «у тебя столько-то денегъ!» А тотъ ловецъ, къ которому тѣ слова были, ему подаетъ деньги. Ватаманъ приметъ и положить на столъ. Тамъ у другаго спросить, возьметъ и тоже положить на

*) Якушкинъ.

**) „Отчетъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства на Черномъ и Азовскомъ моряхъ и въ сѣверно-западныхъ озерахъ“. *Сельское Хозяйство* 1873 г., т. 113.

***) Якушкинъ.

столъ. Обереть у всѣхъ, кто въ мокрякахъ былъ, и всѣ деньги тѣ на столъ лежать. Ватаманъ при всѣхъ пересчитаетъ деньги. Всѣхъ денегъ въ примѣру 200 руб.; изъ этихъ денегъ за кнѣи можно отложить 100 что-ль рублей, на церковь Божию столько-то, за прогулы *) столько, на водку, если ловъ былъ хорошъ. И никто ему на то ни слова не скажетъ, хоть всѣ деньги пропить велить. Отложивъ сколько надо, ватаманъ дѣлитъ всѣмъ ловцамъ: на ловца съ лошадыю двѣ части, а на пѣшаго одну, и отдаетъ деньги тѣ кажинному ловцу самъ въ руки, а себѣ оставляетъ равную часть. Такия-то расправы бываютъ во всю зиму до четверга, пятницы или субботы на масляной. Тогда ватаманъ велить быть большой расправѣ. Большая расправа бываетъ такая же, какъ малая, только большой ватаманъ отсчитываетъ на той большой расправѣ деньги, коли осталось что, да этого и не бываетъ, за кнѣи да за снасти, а на водку не откладываетъ, а послѣ скажетъ: «надо на церковь Божию отложить!» Если хорошъ былъ въ ту зиму ловъ, отложить больше: бываетъ рублей 15, а бываетъ и по рублю. Какъ только кончится расправа, ватаманъ встанетъ, да и спроситъ: «хотите ли, братцы, на ту зиму со мною рыбу ловить?» Если онъ не хорошо имъ служилъ, всякъ ему свою правду выскажетъ, разберутъ неводъ, всякъ свою съѣтъ, кнѣю, снасти продадутъ, деньги раздѣлятъ и разойдутся. Коли-жь все было ладно, ловцы ватамана напоютъ водкой, а ватаманъ подноситъ всей братіи. Гульба пойдетъ такая, что и Боже мой! На тотъ пиръ никому, кромѣ той братіи, придти нельзя, развѣ когда большой ватаманъ позоветъ».

Есть еще любопытный обычай—скупдѣльничанье.

«Скупдѣльничанье неводовъ есть ничто иное **), какъ суевѣрный обрядъ,—обрядъ, освященный вѣками, имѣющій за собою далекое прошлое и въ силу этого сдѣлавшійся обязательнымъ. Онъ исполняется передъ тѣмъ, когда уже совершенно готовый неводъ собираются нести въ лодки, и заключается въ слѣдующемъ: вся артель собирается въ избу атамана, гдѣ передъ иконой зажжена лампада; въ углу передъ иконой стоитъ столъ, на которомъ находятся два хлѣба, двѣ чашки съ квасомъ и солонка съ солью (два хлѣба и двѣ чашки съ квасомъ ставятся по числу неводовъ артели). Атаманъ разрѣзываетъ хлѣбы на куски, по числу членовъ артели. Каждый беретъ кусокъ хлѣба, посыпаетъ его солью и съѣдаетъ, запивая квасомъ. Это долженъ съѣсть обязательно каждый, хотя бы онъ вовсе не желалъ ѣсть. Вся артель, исполняя эту церемонію, сидитъ вокругъ стола, причемъ атаманъ сидитъ въ переднемъ углу, подъ иконой, его помощники—по сторонамъ его, а остальные члены разсаживаются безъ чиновъ. Этими обрядами выражается общее согласіе и единодушіе всей артели, что она должна преодолѣвать всѣ трудности об-

*) На общіе прогулы и на угощеніе у большого ватамана.

**) „На Ильмень. Земледѣльческая община и рыболовная крестьянская артель“. *Русская Мысль* 1888 г.

щими силами. Когда хлѣбъ съѣденъ, выходятъ всѣ изъ-за стола и предъ иконой молятся. Затѣмъ атаманъ беретъ кадильницу съ горячими угольями, а за нимъ нѣмъ ея просто горшокъ, сыплетъ туда ладону и выноситъ на дворъ, гдѣ всѣ ловцы переходятъ черезъ этотъ священный огонь, начиная, конечно, съ атамана, затѣмъ переносятъ кѣи и горшокъ разбивается. Это совершается въ знакъ того, что огонь освящаетъ все, и чтобы на первый разъ выѣзжать на ловлю чистыми «отъ всякія скверны». Обрядъ скудѣльничанья неводовъ кончился и послѣдніе везутся на пристань и складываются въ лодки. Передъ первымъ выѣздомъ на озеро артель идетъ въ церковь, гдѣ батюшка служитъ имъ напутственный молебень и кропитъ водой. Изъ церкви артель идетъ на пристань и каждый садится въ свою лодку. По знаку атамана всѣ встаютъ и молятся Богу на четыре стороны и затѣмъ раздается повелительный голосъ атамана: «Отваливай съ Богомъ!» и артель отправляется, впереди которой идетъ интеллигенція.

Весьма любопытны обычаи при продажѣ рыбы. Подробно, со словъ раскащика, передаетъ это Якушкинъ:

«Почти передъ самымъ солнцемъ съѣзжались на улицѣ въ Спасо-Пископцѣ три двойника. Каждый двойникъ стоялъ отдѣльно отъ другаго, и я сталъ около одного изъ нихъ, именно того, къ которому принадлежалъ мой провожатый. Большой ватаманъ подѣхалъ, посмотрѣлъ на всю братію и, не слѣша, степенно спросилъ:

«— Всѣ наши здѣсь?»

«Ловцы переглянулись другъ на друга и, тоже не слѣша, отвѣтили ему голосовъ въ 6—7:

«— Всѣ!»

«— Ну, съ Богомъ!—сказалъ ватаманъ, снялъ шапку, а затѣмъ и вся братія перекрестились нѣсколько разъ на востокъ, сѣли и поѣхали. Большой ватаманъ впереди, малый за нимъ, тамъ два рѣльщика и у каждаго изъ нихъ по пѣхарю, а за ними на четырехъ лошадяхъ ворота съ воротильщиками, на двухъ лошадяхъ съ кругами (толстыми веревками, сложенными въ круги), на шести лошадяхъ невода. Въ одно время съ ними отправлялись другіе двойники, въ такомъ же порядкѣ, какъ и первый.

«Выѣхавъ на озеро, увидали до 800 саней съ сѣдоками; на саняхъ непременно сѣдокъ, хотя бы мальчикъ или даже дѣвочка.

«— Зачѣмъ столько народу собралось? — спросилъ я своего подводчика.

«— А рыбу покупать у двойниковъ-ловцовъ, — отвѣчалъ онъ, — это все рыбаки. Сюда пріѣзжаютъ верстъ за пятнадцать, а то и больше.

«Шумъ былъ страшный между рыбаками; но очень немногіе, не болѣе сотни, толковали о дѣлѣ, прочіе же разговаривали кое-о-чемъ; дѣти играли. Изъ толковавшихъ о дѣлѣ на первомъ планѣ стоялъ мужикъ

съ окладистою бородой, въ новомъ дубленомъ полушубкѣ, свергъ котораго былъ надѣтъ на распашку тулупъ, тоже дубленый.

«— Всѣ двойники на озерѣ?—спросилъ онъ громкимъ, зычнымъ голосомъ.

«— Теперь всѣ выѣхали,—проговорили нѣкоторые.

«— Ну, слушай!—крикнулъ первый.—Отступнаго рыбака ^{заду} на кажиную душу по гривеннику!

«— Какъ можно по гривеннику!—зашумѣли въ толпѣ.—Теперь ловъ хорошій! Не грѣхъ прибавить! Рубль пять надо дать. Три гривенника!

«— Еще что тамъ врать!—вскрикнулъ дубленый тулупъ.—Сказано по гривеннику будетъ!

«Въ толпѣ еще раздавалось: «Три гривенника! Четвертакъ! Хоть пятиалтынный дать!»—но тулупъ сталъ толковать съ своими, т.-е. съ дѣловыми.

«На всемъ озерѣ десять большихъ ватамановъ-двойниковъ.

«— Скажи, пожалуйста,—спросилъ я своего проводника,—за что же рыбаки платятъ отступнаго всѣмъ, кто пріѣдетъ на озеро?

«— Такой законъ, ваше степенство,—отвѣчалъ мнѣ мой проводникъ.—Всѣ рыбаки, сколько ни на-есть, отъ Юрьева до Ретли, всѣ пріѣзжаютъ, а чтобы даромъ не ѣздить, получаютъ, значить, по гривеннику.

«— Какъ же рыбаки покупаютъ у ловцовъ?—допрашивалъ я проводника.—Одинъ передъ другимъ цѣну набиваютъ или сталкиются прежде?

«— Какъ можно набивать цѣну!—отвѣчалъ проводникъ.—Этакъ въ задоръ войдешь и не вѣсть что надѣлаешь! Рыбаки покупаютъ рыбу тоже скопомъ; ты говоришь: покупаю, торгую на рубль, я говорю на два, тотъ на три; такъ и дѣлать всю рыбу».

Вотъ какъ описываетъ эти любопытные обычаи г. Данилевскій *):

Продажа рыбы обставлена строго установленными и довольно сложными обычаями, которыми обусловлена какъ значительная конкуренція, такъ и склонность кореннаго русскаго народа распределять между собою выгоды отъ разныхъ промысловъ по возможности уравнительно, на общинныхъ и артельныхъ началахъ. Право покупки рыбы какъ бы считается здѣсь общимъ правомъ всѣхъ обывателей известной мѣстности, и потому, съ одной стороны, они должны имѣть нѣкоторое преимущество предъ посторонними, съ другой же, такъ какъ купить могутъ одни, то прочіе, участвовавшіе въ торгѣ, должны получить нѣкоторое вознагражденіе за свою неудачу.

Всѣ наличные покупатели мечутъ жребій о томъ, кому достанется рыба, уговорившись напередъ въ слазахъ, т.-е. отступномъ тѣмъ покупателямъ, которымъ не посчастливилось получить рыбы. Величина слазовъ зависитъ отъ цѣнности и количества купленнаго, а также и отъ

*) „Отчетъ экспедиціи“.

цѣны за рыбу. Чѣмъ дешевле рыба куплена, чѣмъ ея больше и чѣмъ она цѣннѣе, тѣмъ, конечно, и слазы больше, — обыкновенно отъ 20—50 коп. на человѣка. Такъ какъ покупка производится каждый день, то это доставляетъ немалый прибыльтокъ для несчастныхъ покупателей, такъ что многіе на одни слазы и рассчитываютъ, и если такому достанется, то онъ еще съ барышомъ переуступить другому. Въ этихъ торгахъ имѣютъ право участвовать только жители поозерья; посторонніе же тогда могутъ купить рыбу, когда ловцы не сойдутся въ цѣнѣ съ покупателями своими, или же ловцы не желаютъ продать рыбу дешевле своихъ, а не-премѣнно дороже. Существуетъ еще правило, что пока покупатель въ лодкѣ у ловца, онъ не можетъ отказаться отъ разъ данной имъ цѣны, хотя бы и дорогой, но если покупатель, не сошедшись, выйдетъ изъ лодки, то воленъ измѣнить цѣну. Рыбаки часто наказываютъ упрямыхъ атамановъ; зная, что посторонніе въ рыбѣ не нуждаются, они даютъ малую цѣну, а посторонніе даютъ еще дешевле, свои же сулятъ еще меньше.

Осенью происходитъ иногда и подрядная продажа, которая отличается отъ описанной вольной тѣмъ, что артель или, вѣрнѣе, ватаманъ обязуется отдавать всю крупную рыбу одному хозяину во весь ловъ по напередъ условленной цѣнѣ.

Зимой же продажа еще болѣе усложняется, такъ какъ тутъ опредѣляется жеребьемъ не только тотъ, кто долженъ купить рыбу, но и тотъ, у кого кому купить можно. Къ деревнѣ Янку каждый день собирается саней даже до 500 покупателей, огромное большинство — для слазовъ. Кто только можетъ, садится въ сани и спѣшить изъ окрестныхъ деревень. Къ толпѣ пристають всякіе проѣзжіе, лишь бы только сани и лошадь. Эта масса распределяется между дѣйствительными покупателями, каждый изъ которыхъ наперерывъ старается зазвать къ себѣ покупателей въ артель какъ можно больше. Когда образуются артели, надо рѣшить, какой и къ какому ватаману отправиться; но есть ватаманы очень извѣстные, поэтому главы артели мечутъ между собою жребій. На наиболѣе славящихся ватамановъ вынимается по три и болѣе жеребьевъ, состоящихъ изъ палочекъ съ нарѣзками, обозначающими артельныхъ главъ. Затѣмъ каждая артель начинаетъ бросать жребій, которому изъ членовъ ея достанется дѣйствительное право покупки, ибо зазывающій артельный глава никакихъ преимуществъ не имѣетъ. Слазъ получается какъ описано выше. Если жребій падаетъ на человѣка, ничего не имѣющаго, онъ беретъ съ собою главу артели, который и становится покупателемъ. Если нѣсколько покупателей на одну артель, то торгуются опять одни, а купленная рыба распределяется между ними, соотвѣтственно числу лицъ, составляющихъ артель; поэтому-то покупщики и зазываютъ къ себѣ какъ можно болѣе народу. Рыба раздѣляется, слѣдовательно, по правилу, что общее число лицъ всѣхъ артелей, пришедшихся на одного

ватамана, составляет знаменателя дроби, а число лицъ каждой изъ этихъ артелей ея числителя. Расчетъ усложняется тѣмъ, что вольная покупка дѣлается огуломъ, а уловъ состоитъ изъ разныхъ сортовъ, что все должно быть принято во вниманіе при дѣлѣхъ. Есть даже извѣстные счетчики, какъ пьянчуга Хмѣлевъ.

Въ настоящее время на Ильменѣ дѣйствуетъ до 100 артелей *). Цѣнность улововъ ильменскихъ г. Данилевскій **) опредѣляетъ свыше 200,000 рублей, а относительно необходимаго капитала онъ дѣлаетъ слѣдующій расчетъ. Оба крыла невода требуютъ 540 саж. сѣти, цѣною на 432 р. Если прибавить къ этому цѣну мотни, которая стоитъ 140 руб., да еще веревки и канаты на тетивы и гужи, то и окажется вѣрнымъ расчетъ, что на каждого ловца, которыхъ бываетъ 32 человекъ, приходится кругомъ 20 руб. Но это еще далеко не всё издержки. Для перевоза ловцовъ и неводовъ на мѣсто лова и обратно нужно имѣть на каждыхъ двухъ человекъ по лошади, которыхъ непременно надо кормить овсомъ, (ѣзда очень тяжелая, безъ дорогъ). Въ зиму 100 мѣръ на лошадь по 40 коп., такъ что прокормъ 16 лошадей стоитъ столько же, какъ и неводъ, — 640 руб. Посему принимаемъ круглымъ счетомъ, что всѣ расходы на зимній ловъ составляютъ по 80 руб. на лошадь. Но это справедливо только для снаряженія невода вновь; обыкновенно же много годныхъ частей изъ него остается на слѣдующій годъ и онъ требуетъ лишь нѣкоторой поправки. Даже мотня иногда служитъ два года.

Болѣе подробный расчетъ сдѣланъ г. О., хотя расходъ на лошадей не принять во вниманіе.

Пеньки для сѣтей	на 240 р. — к.
Тетивы	» 50 » — »
Загоновъ	» 25 » — »
Кнѣй	» 50 » — »
Плуть	» 30 » — »
Опожь	» 2 » — »
Смола	» 24 » — »
Войговъ	» 7 » 50 »
Лодокъ	» 110 » — »
Всего	на 538 р. 50 к.

«Если оцѣнить работу, употребленную на изготовленіе сѣтей ***), то цѣнность послѣднихъ увеличится для каждого члена артели на 7 руб., на всю же артель на 140 р., и общій итогъ выразится цифрою 678 р. 50 к. Для ровнаго счета выражаю его цифрою 680 р., такъ какъ на

*) „На Ильменѣ“. *Русская Мысль* 1883 г.

**) „Отчетъ экспедиціи“.

***) „На Ильменѣ“.

одинъ рубль 80 к. могутъ быть разные непредвидѣнные расходы. Тогда на долю каждаго члена артели приходится 34 р.»

Искусство, стройность, ловкость дневныхъ работъ удивительны. «Но еще болѣе поразить, — говорить г. О., — человека незнающаго ночной ловъ. Если ночь звѣздная, то еще не такъ трудно, потому что нижній неводъ опредѣляетъ разстояніе верхняго по звѣздамъ, причѣмъ здѣсь выработалась своя астрономія, свое названіе созвѣздіи: Лось (Большая Медвѣдица), Роза (Малая медвѣдица), Грабли (Моисеева дорога), млечный путь и много другихъ. Когда тоня вытащена, атаманъ даетъ приказаніе вродѣ слѣдующаго: «Верхній неводъ заѣзжаетъ въ хвостъ Лося и выметаетъ немного правѣ головы!» А такъ какъ эта терминологія хорошо известна всей артели, то и нижнему неводу не трудно будетъ опредѣлить мѣсто положенія верхняго, чтобы выметать правильно и съѣхаться на руку. Но представьте себѣ темную ночь, когда и въ двухъ саженяхъ ничего не видно, а нужно опредѣлить разстояніе около 300 саженъ. Да вдобавокъ эта трудность увеличивается еще тѣмъ, что рядомъ идутъ за тоней нѣсколько другихъ артелей, такъ что легко можно съѣхаться на руку съ лодкой совершенно другой артели, что и случается, хотя, между прочимъ, рѣдко».

При выполненіи всѣхъ работъ артели приходится перенести, преодолѣть много трудностей и непривычный къ этой работѣ человекъ не въ состояніи проработать и одного дня за какую угодно плату. Во-первыхъ, работа очень тяжелая, такъ что получила названіе «коновой работы». Во-вторыхъ, приходится въ тихую погоду быть на озерѣ, не съѣзжая на берегъ, цѣлую недѣлю, терпѣть холодъ, работать подъ проливнымъ дождемъ и оставаться въ мокромъ платьѣ, которое и просохнуть-то должно на полѣ. Въ-третьихъ, часто приходится работать по двое сутокъ подрядъ, оставаясь безъ сна и горячей пищи, а питаюсь сухимъ, часто заплѣсневшимъ хлѣбомъ; да и кусокъ такого-то хлѣба приходится съѣсть только тогда, когда переѣзжаютъ за тоню. Подобные случаи бывають, когда идетъ хорошій ловъ рыбы; если же ловъ рыбы такъ себѣ, то полагается разъ въ сутки теплая пища — уха, снять же въ подобное время не болѣе 3—4 часовъ въ сутки.

«Рыболовца артель, — продолжаетъ г. О., — представляетъ изъ себя въ миниатюрѣ Запорожскую Сѣчь. Какъ ни странно кажется на первый взглядъ подобное сравненіе, но если поближе присмотрѣться къ артели, изучить ея характеръ и обычаи, то сомнѣніе падаетъ само собою.

«Атаманъ Запорожской Сѣчи, во время войны или просто набѣговъ съ цѣлю грабежа, былъ неограниченный повелитель, диктаторъ этой буйной ватаги, — диктаторъ, имѣвшій неограниченную власть надъ своими, добровольно ему подчинившимися, подданными, имѣвшій право жизни и смерти, тогда какъ въ мирное время онъ былъ ни болѣе, ни менѣе какъ первый между равными, вмѣстѣ съ прочими пьянствовать и нѣкто

его не боялся. Точно также и атаманъ рыбной артели, во время лова, полновластный господинъ всей артели, гдѣ его слова, его приказаніе считаются для всѣхъ закономъ, и протестующихъ его приказаній или же неисправныхъ членовъ артели онъ иногда избиваетъ «до полусмерти» и никто изъ обиженныхъ не пойдетъ жаловаться на него въ судъ, считая эту кару вполне заслуженною. Но когда артель находится на берегу, то атаманъ тоже есть ничто иное, какъ первый между равными. Присмотритесь, читатель, если у васъ хватить терпѣнія и если вы не слишкомъ дорожите жизнью, въ любой рыболовной артели на озерѣ, да не въ тихую погоду, а во время бури, какими богатъ Ильмень, и вы увидите: «да, это тѣ же самые запорожцы и духъ ихъ на Руси еще не вымеръ!» Во время бури случается такъ, что волны ходятъ черезъ край лодки, лодка полна воды, жизнь виситъ на волоскѣ; а обыватели лодки, отливая воду, поютъ пѣсни да извергаютъ массу непечатной ругани, на лицѣ ихъ не замѣтно страха».

Такою представлялась Ильменская артель 30—20 лѣтъ назадъ. Экономическая неурядица должна была крайне неблагоприятно отразиться въ частности и на Ильменской артели.

Экономическія условія измѣнились и крайне невыгодно отразились на артели. Обычная же бытовая сторона, отношенія между артельщиками, самая, такъ сказать, суть артели осталась безъ всякаго измѣненія, кромѣ, разумѣется, тѣхъ обычаевъ, которые находятся въ прямой зависимости отъ капитала.

Объединившій народъ не имѣетъ возможности заготовить сѣти, лодки, смолу и проч., что требуетъ до 34 руб. на члена, и вотъ создается необходимость добыть денегъ во что бы то ни стало. Такъ создается набага артели, а съ нею всѣ ея послѣдствія. Кулакъ легко находится, такъ какъ риску нѣтъ, и охотно предлагаетъ нужный артели капиталъ, обыкновенно въ размѣрѣ отъ 700—800 р., которые берутся по частямъ и обыкновенно не деньгами.

«Большинство рыбаковъ (т.-е. кулаковъ-перекупщиковъ) находятъ болѣе выгоднымъ *) выдавать артели не деньги для приобрѣтенія необходимыхъ матеріаловъ, а приобрѣтаютъ лично этотъ матеріалъ и раздаютъ членамъ артели. Здѣсь имъ представляется болѣе выгоды. Пеньга никогда не бываетъ дороже 3 руб. пудъ и колеблется между 2 и 3 руб., а артель платитъ рыбаку 4 и болѣе за пудъ. Загоны рыбака приобрѣтаютъ не дороже 3 р. 50 к. пудъ, а съ артели беретъ не менѣе 5 р. за пудъ; смолу покупаетъ рыбака за пудъ 70 и 75 к., съ артели же получаетъ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к.; лодку рыбака имѣетъ возможность купить за 25 р. и дорого если за 30 руб., съ артели же беретъ 40 руб. и болѣе, и такъ дальше при покупкѣ всего прочаго».

*) „На Ильменѣ“.

Кромѣ того, кулакъ обязуетъ артель продавать всю наловленную рыбу ему, что, конечно, крайне невыгодно для артели, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезаютъ и столь прекрасные гуманные обычаи при продажѣ рыбы. Но самое худшее для артели — это стачка кулака съ атаманомъ. Дѣло въ томъ, что вывелся и тотъ прекрасный обычай, по которому атаманъ не касался продажи рыбы, а продажу вели и деньги хранили мокряки. Теперь продажа наловленной рыбы производится не всею артелью, а продаетъ ее одинъ атаманъ; продаетъ онъ рыбу, какъ ему вздумается, — указать ему никто не имѣетъ права. Въ этомъ заключается одна изъ слабыхъ сторонъ артели, дурно влияющая на ихъ артельный заработокъ. Многие изъ числа атамановъ входятъ въ темныя сдѣлки съ рыбакомъ, которому всю осень продаютъ рыбу, и продаютъ ее за цѣну меньшую ея дѣйствительной стоимости. Лично атаманъ не потеряетъ ничего, тогда какъ артель теряетъ чрезъ это самое меньшее 500 р. во время лова. Кромѣ темныхъ сдѣлокъ, есть прямыя, очевидныя для всѣхъ. Суть этихъ сдѣлокъ заключается въ томъ, что почти всѣ атаманъ и ихъ помощники кутятъ страшнѣйшимъ образомъ на счетъ рыбака, пропиваютъ по 25 р. за одинъ разъ, вчетверомъ иногда съѣдаютъ сотню яицъ, отчего артель въ насмѣшку называетъ ихъ «жрецами», т. е. обжорами. Подобныя кутежи бывають въ праздничные дни или когда артель не бываетъ на озерѣ по случаю вѣтра. А рыбакъ даромъ угощать не будетъ, подобная щедрость въ его расчеты не входитъ; онъ хорошо знаетъ, что чѣмъ больше накутили на его счетъ, тѣмъ выгоднѣе для него.

Что касается въ рыболовномъ отношеніи Псковскаго озера, то матеріалы, имѣющіеся объ артеляхъ на немъ, не отличаются полнотою и основательностью; они даже довольно разнорѣчивы по самымъ существеннымъ вопросамъ. Такъ, первымъ и наиболѣе важнымъ признакамъ, характеризующимъ артель, является вопросъ: кому принадлежит капиталъ артели, а въ связи съ этимъ, разумѣется, и другой коренной вопросъ: какъ производится дѣлежъ улова? Собственно говоря, этими двумя фактами можно вполне опредѣлять данное экономическое соединеніе, дѣйствительно ли это артель, или это закабаленная кулакомъ группа почти наемныхъ рабочихъ, только удерживающая кличку артели. Именно по этимъ вопросамъ и происходитъ серьезное разногласіе исследователей артелей на Псковскомъ озерѣ. Мы думаемъ, что это обстоятельство доказываетъ только то, что на озерѣ въ разныхъ его частяхъ есть самыя разнообразныя сочетанія труда, начиная отъ истинной артели и дода до наемной группы на капиталистическомъ началѣ. А каково значеніе этого озера въ народной жизни, можно видѣть изъ того, что заработокъ рыболововъ на немъ достигаетъ огромной суммы — 400 т. руб. въ годъ *).

*) „Докладъ комиссія“. Прилож., т. IV, отд. II.

Якушкинъ *) (со словъ разсказчика) въ такомъ видѣ представляетъ организацію рыболовства на Псковскомъ озерѣ:

«Составляются артели больше семействами, а не то скопляются два семейства и ловятъ. Выберутъ изъ старшихъ жерника, т. е. хозяина (главнаго начальника), да половчѣй кого кормщика; жерника—бросать запасъ, неводъ по нашему, кормщика — управлять ладьей, а остальные ловцы просто съ рукавицами, или половщики—изъ части ловятъ; а не то просто работники, вотъ тебѣ и вся дружина. Чаще всего хозяинъ добудетъ запасъ, да и подбираетъ изъ работниковъ или изъ половщиковъ, и самъ же хозяинъ назначаетъ, кому быть жерникомъ, кому кормщикомъ; ну, тѣмъ и часть или половину прибавитъ супротивъ простаго ловца, когда дѣлать рыбу, а зимой еще бываетъ комора: его дѣло стряпать, лошадамямъ воды приготовить; тотъ на половинной части.

«— Дѣлать какъ же рыбу?

«— А вотъ какъ: всю добычу разбиваютъ на 24 части (а вотъ этотъ хозяинъ, Яковъ Андреевичъ, дѣлитъ на 22), какъ всѣмъ ловцамъ, а всѣхъ ловцовъ на двухъ лодкахъ 12 человекъ, кажинному ловцу по одной долѣ, да, кромѣ той доли, кормщику, жернику,—для того работа тяжела,—еще доля, на ловцовъ выходитъ 14 частей; остальные части хозяину на запасъ (неводъ съ принадлежностями). А придетъ время тяжелой къ самой осени, хозяинъ догонитъ дружину до 16 человекъ: частей-то хозяину придется и меньше. У другихъ дѣлать на 24 части; такъ, на ловцовъ выходитъ 10 частей, да кормщику съ жерникомъ по 2 части, заапасъ остается хозяину 10 частей, а не вся дружина — такъ еще больше хозяинъ беретъ себѣ».

Между тѣмъ, г. Данилевскій **) представляетъ организацію эту нѣсколько иначе:

«На Чудскомъ или Псковскомъ озерѣ неводъ по своей величинѣ никогда не бываетъ собственностью одного лица; обыкновенно 2 или даже 5 хозяевъ имѣютъ одинъ общій неводъ. Число работниковъ разное; такъ, напримѣръ, на Псковскомъ озерѣ требуется 16 человекъ и 8 лошадей, на Чудскомъ же 12 человекъ и 6 лошадей. Одна или двѣ пары рукавицъ, т. е. одинъ или два работника съ одною лошадейю, составляютъ такъ называемое гнѣздо.

«Для производства зимняго неводомъ лова образуются ловецкія дружины. Кто достаточнѣе и, притомъ, опытнѣе какъ на ловлѣ, такъ и въ постановкѣ невода, тотъ выбирается дружиною жерникомъ. Онъ во время лова распоряжается и смотритъ за порядками; ему повинуются вся дружина. Жерникомъ избирается изъ болѣе исправныхъ ловцовъ по 16 человекъ на неводъ, а именно 8 коневниковъ и 8 тягловцовъ (безъ ло-

*) „Путевныя письма“.

**) „Исслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи“.

шадей). Каждому изъ нихъ назначается свое дѣло: 6 человекъ должны пробивать пешнями проруби въ воду—они называются пихлецами; одинъ долженъ проводить жердь или рѣль подъ льдомъ—рѣльщикъ; двое, называемые подавалами или исподниками, находятся при коробовыхъ саняхъ и подаютъ неводъ двумя тягунами; потомъ четыре другіе, одѣтые кожаными фартуками и поэтому иногда называемые кожеурами, обязаны опускать неводъ въ большую прорубь. Они же съ помощью другіихъ и вытаскиваютъ неводъ воротами на ледъ; двое изъ нихъ, стоя на краю проруби, вытягиваютъ верхнюю тетиву, а двое другіихъ должны складывать неводъ на коробъ; шестнадцатый изъ работниковъ, называемый коморою, приготовляетъ для дружины пищу. Когда озеро начинаетъ замерзать, то всѣ ловцы, каждый съ своею частью сѣтей, собираются къ своему жернику и подъ его присмотромъ шпиваютъ сѣти шире или уже, смотря по высотѣ озера. Когда же ледъ окрѣпъ, жерникъ назначаетъ день отправленія на ловъ. Отправляются въ понедѣльникъ, въ субботу возвращаются домой.

«Что касается вырученной за ловъ суммы, то она сперва раздѣляется на двѣ равныхъ части: изъ нихъ одна назначается на народъ, т.-е. на работниковъ, а другая на запасъ—въ пользу жерниковъ и вообще всѣхъ хозяевъ запаса и невода. Роли этихъ послѣднихъ соразмѣряются съ величиною принадлежащихъ имъ частей невода, а деньги на народъ раздѣляются между всѣми членами артели поровну, исключая коморы, получающаго половину. Кромѣ того, жернику-хозяину достается экстренная прибавка за квартиру и пр.»

Болѣе же новый изслѣдователь, г. Когень *), рисуетъ организацию псковскаго рыболовства совершенно несогласно съ предъидущими изслѣдователями. Онъ утверждаетъ, что неводъ здѣсь является собственностью всей артели и деньги, получаемыя за продуктъ, дѣлятся на равныя части между всѣми членами.

«Зимомъ,—говоритъ г. Когень,—артель составляется изъ 12 человекъ и 6 лошадей. Каждый членъ долженъ имѣть собственное тенето, которое, соединенное съ другими тенетами, образуетъ крыло невода; самая же мотня невода покупается всѣми на общія деньги; стоитъ она 85—100 рублей. Такой неводъ составляетъ собственность всей артели. Члены должны одинаково нести трудъ, подчиняясь во всемъ относительно рыболовни распоряженіямъ жерника. Лошади же возятъ съ мѣста на мѣсто рыбу и снасти; онѣ выставляются членами артели поочередно на недѣлю. Отправившись въ понедѣльникъ верстъ за 20 и далѣе съ провизіею, артель ставитъ на льду себѣ лубья вродѣ домиковъ, въ которыхъ и живетъ. Ночью въ субботу артель возвращается домой до понедѣльника. Вырученныя деньги дѣлятся жерникомъ на равныя части между всѣми членами.

*) *Гдовско-Ямбургскій Листокъ* 1872 года, №№ 21, 48.

«Лѣтомъ, осенью и весной артель составляется изъ 7 человекъ и двухъ лошадей, изъ которыхъ одна называется возовица, а другая подѣздница; на одной находится неводъ со всѣми принадлежностями и четыре человека, а на послѣдней 3 человекъ; неводъ здѣсь гораздо менѣе и мотня стоитъ не болѣе 20 руб.

«Никто изъ членовъ артели не имѣетъ права отказаться отъ участія въ ней безъ согласія всей артели. Передавать свою часть въ снарядахъ и участія въ артели другому дозволяется не иначе, какъ съ согласія всей артели. Каждый членъ во время лова можетъ поставить вмѣсто себя другаго человека, но только способнаго къ дѣлу; таковой обыкновенно получаетъ четвертую копѣйку изъ прибыли, падающей на долю члена.

«Съ наступленіемъ зимы, въ назначенный жерникомъ день каждый членъ долженъ доставить къ нему свою часть тенетъ, изъ которыхъ общимъ ихъ трудомъ придѣлываются къ мотнѣ крылья невода.

«На озерѣ рыбаки ѣдятъ хлѣбъ свой, а приварокъ общій, артельный, приготовленный на устроенномъ въ лубьяхъ очагѣ.

«По роду отправляемыхъ обязанностей каждый носить соответственное названіе: двое зовутся подавальщиками; они подаютъ неводъ передъ ловомъ и принимаютъ его послѣ лова на свои руки; два тяглица, шесть тяглицевъ: первые тянутъ неводъ, вторые по указанію жерника рубятъ ледъ и ставятъ лубья; два жерника: одинъ, старшій, отыскиваетъ мѣста для лова, управляетъ всѣми работами, смотритъ за исправностью снарядовъ, продаетъ добычу и дѣлитъ деньги или добычу поровну. Младшій жерникъ исполняетъ приказанія старшаго, а въ отсутствіи его заступаетъ его мѣсто.

«Когда ледъ на озерѣ начинаетъ раставать, рыбаки свозятъ лубья на берегъ и каждый членъ артели беретъ себѣ свое тенето, мотня же на лѣто остается у жерника.

«Лѣтомъ все идетъ такъ же, только въ меньшемъ размѣрѣ. Люди болѣею частью берутъ у зажиточныхъ крестьянъ на прокатъ. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ, часть его поступаетъ законнымъ наследникамъ и если они не пожелаютъ или не могутъ участвовать въ ловѣ по малолѣтству, могутъ часть свою въ снарядахъ и право участія въ артели уступить другимъ.

«Съ зимняго лова каждый получаетъ рублей 50, въ лѣтнее гораздо менѣе.

«Какъ вообще на моряхъ, такъ и на большихъ озерахъ рыболовы подвергаются, кромѣ страшныхъ трудовъ, еще и значительнымъ опасностямъ.

«Иногда при слѣжной вьюгѣ артель заблудится на льду и блуждаетъ по озеру нѣсколько дней, причемъ немнѣніе пищи и холодъ грозятъ рыбакамъ смертью. Иногда весною отрывается отъ берега огромная льдина

съ рыбаками и носится по озеру; сталкиваясь съ другими льдинами, она дѣлается все менѣе и, наконецъ, разбивается окончательно, а рыбаки погибаютъ».

Остается обратить вниманіе на любопытный обычай.

«Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить,—говоритъ г. Данилевскій *),—о превосходномъ обычѣ, который существуетъ на Пейпусѣ въ пользу бѣдныхъ жителей прибрежныхъ деревень. Гдѣ только производится неводомъ ловъ, тамъ собираются во множествѣ такъ называемые кошевщики, т.-е. мальчики, дѣвочки, бабы и старики съ маленькими санями, съ кошкою, т.-е. съ мѣшкообразною сѣтью на обручѣ, къ которому прикрѣплена рукоятка. Замѣтивъ, что гдѣ-нибудь вытягиваютъ неводъ, кошевщики тотчасъ спѣшатъ туда, окружаютъ корыто и вычерпываютъ изъ него своими кошками встрѣчающихся снѣтковъ. Это продолжаютъ они до тѣхъ поръ, пока жереникъ не объявитъ имъ, что до мотни остается только вытащить 20 саж. крыльевъ. Тогда они тотчасъ складываютъ кошки и начинаютъ вмѣстѣ со всею дружиной вытаскивать общими силами мотню изъ корыта на ледъ. Окончивъ это, кошевщики спѣшатъ къ другому неводу и обыкновенно привозятъ домой сани, наполненные снѣтками».

Г. Сазоновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

*) „Исслѣдованіе“, т. I.

Распределение поземельной собственности въ Европейской Россіи.

Предлагаемый очеркъ имѣеть задачей набросать въ общихъ чертахъ картину распределенія поземельной собственности въ Европейской Россіи и нѣкоторыхъ фактовъ движенія этой собственности. Предметомъ глшнихъ будетъ служить распределеніе собственности по количеству земли, а не по числу владѣльцевъ; для оцѣнки условий сельско-хозяйственнаго производства первое гораздо важнѣе, чѣмъ второе, хотя второму принадлежитъ болѣе соціологическое значеніе.

Наши свѣдѣнія о распределеніи земли въ Россіи сильно подвинулись впередъ за послѣднія шесть лѣтъ. Въ сентябрѣ 1880 года вышелъ въ свѣтъ второй томъ *Сравнительной статистики* проф. Янсона—громкая сводная работа, на выполненіе которой составителю потребовалось около двухъ лѣтъ. Изданіе такихъ подробныхъ сводныхъ работъ въ настоящее время нельзя не назвать еще трудомъ благодарнымъ, особенно въ области хозяйственной статистики. Хозяйственная статистика въ послѣдніе годы совершаетъ у насъ такіе быстрые успѣхи, благодаря дѣятельности и правительства, и земства, что всякая суммарная группировка свѣдѣній по Россіи неизбежно должна быстро ветшать.

Регистрація поземельной собственности принадлежитъ къ отдѣламъ основной (а не текущей) статистики, и потому, казалось бы, результаты ея не должны быстро мѣняться въ сравнительно короткій промежутокъ времени. Но здѣсь идетъ дѣло не столько о количественномъ измѣненіи, сколько объ улучшеніи качества и объ увеличеніи однородности данныхъ.

Въ одинъ и тотъ же годъ съ сборникомъ проф. Янсона, нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, появился первый выпускъ изданія центрального статистическаго комитета: *Статистика поземельной собственности*; выпускъ этотъ подготовлялся тоже въ теченіе двухъ лѣтъ. Основаніемъ для этого

изданія послужило одновременное обслѣдованіе поземельной собственности въ 49 губерніяхъ, предпринятое центральнымъ комитетомъ по карточной системѣ черезъ посредство губернскихъ комитетовъ. Только въ началѣ текущаго (1886) года вышелъ восьмой и послѣдній выпускъ этого изданія. Нельзя не пожалѣть, что работа въ центральномъ комитетѣ шла такъ медленно и что о распредѣленіи поземельной собственности въ Новороссіи мы узнаемъ черезъ 8 лѣтъ послѣ регистраціи этого распредѣленія *). Но, во всякомъ случаѣ, въ пользу этого изданія говорить одновременность собиранія свѣдѣній и однородность способовъ собиранія, поэтому мы и рѣшились руководствоваться этимъ источникомъ въ предлагаемомъ очеркѣ.

Кромѣ поименованныхъ двухъ, намъ извѣстна еще третья суммарная работа послѣдняго времени по тому же предмету; это *Статистическія свѣдѣнія о прямыхъ налогахъ*, изданныя департаментомъ окладныхъ сборовъ въ 1883 году.

Въ этомъ изданіи имѣются данныя о главныхъ категоріяхъ поземельной собственности по каждому уѣзду, составленныя по свѣдѣніямъ казенныхъ палатъ. Интересно было бы свѣрить послѣдовательно всѣ цифры этого изданія съ цифрами центрального комитета; на это у насъ, къ сожалѣнію, не было времени. Но для составленія общей картины изданіе это менѣе удачно, чѣмъ *Статистика поземельной собственности* **).

Земско-статистическія работы представляютъ еще одинъ источникъ свѣдѣній по распредѣленію земли,—источникъ въ настоящее время, конечно, далеко неполный (земская статистика охватила пока приблизительно около трети общаго числа уѣздовъ земской Россіи) и потому непригодный для итоговыхъ общихъ выводовъ, но, тѣмъ не менѣе, весьма цѣнный для повѣрки другихъ источниковъ и весьма важный, съ мѣстной точки зрѣнія, для ознакомленія съ хозяйственнымъ строемъ каждаго уѣзда. По движенію поземельной собственности земская статистика единственный источникъ свѣдѣній. Изъ сопоставленія земско-статистическихъ свѣдѣній о количествѣ крестьянской надѣльной земли съ свѣдѣніями центрального комитета по 83 уѣздамъ значительной разницы между этими двумя источниками не оказывается. Чтобы не быть голословными, приводимъ рядъ примѣровъ, взятыхъ изъ различныхъ мѣстностей Россіи.

*) Досадно еще, что центральному комитету приходится печатать свои изданія въ столь ограниченномъ числѣ экземпляровъ, что ко времени выхода восьмага выпуска первый выпускъ весь уже разошелся.

***) Изъ относительныхъ чиселъ въ изданіи департамента окладныхъ сборовъ приведены процентныя отношенія для главныхъ категорій, вычисленныя не къ общей площади губерній, а къ общей площади, за вычетомъ казенныхъ земель. Поуѣздные итоги большею частью близки къ земско-статистическимъ итогамъ.

	Свѣдѣнія центр. комит.	Свѣдѣнія земск. статист.
Московская губ	1.581,643 д.	1.580,328 д.
Полтавская »	1.926,609 »	1.919,604 »
Моршанскій у.	272,663 »	270,912 »
Шацкій уѣздъ	147,867 »	147,633 »
Елатомскій »	141,112 »	140,286 »
Данковскій »	129,464 »	130,082 »
Фатежскій »	163,870 »	164,688 »
Рыльскій »	108,466 »	108,042 »
Мценскій »	94,251 »	94,612 »
Самарскій »	465,479 »	467,035 »
Ставропол. »	464,289 »	460,704 »
Острогожск. »	441,735 »	437,517 »
С.-Петербургскій	45,890 »	45,363 »
Вяземскій »	122,297 »	121,610 »
Мелитопольскій	715,591 »	714,821 »
Хотинскій у.	161,399 »	159,851 »
Бонотопскій у.	119,626 »	117,983 »

Впрочемъ, по 15 уѣздамъ изъ числа 83 имѣется замѣтное разногласіе между обоими источниками и въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно отыскать причину этого разногласія. Такъ, по Рязанскому уѣзду центральный комитетъ зачислилъ въ надѣлы нѣкоторыя купчія земли; по Рязанскому уѣзду въ изданіи центрального комитета оказалась опечатка; по Курскому и Воронежскому уѣздамъ количество земли у помѣщичьихъ крестьянъ весьма близко въ обоихъ источникахъ, но у государственныхъ замѣчается порядочный недочетъ въ данныхъ комитета (впрочемъ, по Воронежскому уѣзду цифра комитета близка къ цифрѣ департамента окладныхъ сборовъ); по Царицынскому уѣзду есть вѣроятіе предполагать, что комитетъ зарегистрировалъ въ своей цифрѣ значительное количество неудобной земли, которая составляетъ цѣлую треть крестьянскихъ надѣловъ Царицынскаго уѣзда; въ Усманскомъ уѣздѣ тоже ошибочно причислена неудобная земля. Крупный дефицитъ земли въ данныхъ комитета оказывается по уѣздамъ: Малмыжскому, Ростовскому (на Дону) и по нѣсколькимъ уѣздамъ Черниговской губерніи, въ особенности по Городницкому.

Изданіе центрального комитета не свободно отъ многихъ недостатковъ, которые заслуживали бы спеціальнаго внимательнаго разсмотрѣнія въ особой статьѣ; здѣсь такое разсмотрѣніе неумѣстно. Еслибъ кто-нибудь вздумалъ предпринять теперь довольно неблагодарную, какъ мы сказали, работу подробной сводки данныхъ по статистикѣ русскаго землевладѣнія, онъ долженъ былъ бы, прежде всего, тщательно свѣрить между собою всѣ источники по всѣмъ уѣздамъ. Статистическая критика находится у насъ

еще въ зачаткѣ: мы слишкомъ, часто увлекаемся нѣкоторыми способами изслѣдованія и еще чаще щеголяемъ огульнымъ скептицизмомъ по отношенію къ различнаго рода статистическимъ даннымъ. И та, и другая крайность не могутъ быть полезными для спокойнаго изученія нашей отечественной дѣйствительности. Никакія статистическія данныя не могутъ и не должны претендовать на абсолютную достовѣрность; но, съ другой стороны, всякія статистическія ошибки должны обращать на себя вниманіе изслѣдователей и вести за собою не огульное сомнѣніе, но поиски причинъ, вызвавшихъ существованіе той или другой ошибки; подобные поиски могутъ способствовать коренному улучшенію въ приемахъ наблюденія, сводки и разработки данныхъ *).

Приступая къ изложенію результатовъ регистраціи русскаго землевладѣнія, мы должны высказать сожалѣніе о томъ, что не можемъ приложить здѣсь графическія пособія—карты и діаграммы (составленныя нами для русскаго землевладѣнія); эти пособія для многихъ нагляднѣе, чѣмъ словесное изложеніе, могли бы изобразить основныя черты территориальнаго распредѣленія поземельной собственности **).

1) Государственное землевладѣніе.

Относительная величина площади государственнаго землевладѣнія въ 12 областяхъ ***) Европейской Россіи можетъ быть выражена слѣдующими числами:

*) Если бы земскіе статистики не были такъ завалены работою, то отъ нихъ, прежде всего, слѣдовало бы ждать подробной свѣрки различныхъ статистическихъ матеріаловъ.

**) *Статистика поземельной собственности* еще слишкомъ мало утилизируется для разработки. Въ самомъ изданіи комитета имѣется только для 26 губерній (5 областей) краткій текстъ, составленный почтеннымъ П. П. Семеновымъ, бывшимъ директоромъ центрального комитета. Въ таблицахъ имѣются кое-какія относительныя числа (по уѣздамъ и губерніямъ), но многія важныя отношенія приходится вычислять самимъ интересующимся: Въ *Вѣстникѣ Финансовъ* (1886 г., № 13) появился недавно (когда нашъ очеркъ былъ уже готовъ) краткій сводъ результатовъ изслѣдованія поземельной собственности въ Россіи. Къ сожалѣнію, въ эту статью вкрадись нѣкоторыя ошибки въ процентныхъ отношеніяхъ (напримѣръ, для крестьянской земли въ губерніяхъ Новгородской, Сибирской, Казанской и Оренбургской); иногда эти ошибки представляютъ собою повтореніе опечатокъ, встречающихся въ оригинальныхъ таблицахъ.

Въ самое послѣднее время, когда статья наша была уже отдана въ печать, центральный комитетъ выпустилъ, наконецъ, въ свѣтъ сводку свѣдѣній о поземельной собственности съ общимъ обзоромъ ея распредѣленія. Работа эта произведена г. Ершовымъ и составляетъ особый выпускъ *Статистическаго Временика*. Мы, къ сожалѣнію, не могли уже воспользоваться этимъ изданіемъ для настоящаго очерка.

***) Напомнимъ составъ этихъ областей: 1) Центральная земледѣльческая—губерніи Курская, Орловская, Тульская, Калужская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская и Пензенская; 2) Московская промышленная—губ. Московская, Тверская, Владимирская, Нижегородская, Ярославская и Костромская; 3) Малороссійская—губ. Харьковская, Полтавская и Черниговская; 4) Юго-западная—губ. Киевская, Подольская и Волынская;

ОБЛАСТИ.	На 100 дес. об- щей площади приходится го- сударст. земли.	На 100 дес. крестьянск. надѣловъ.	На 100 дес. личнаго землевлднія.
Малороссійская	3,3	6,3	7,7
Центральн. земледѣл.	4,3	7,6	11,7
Новороссійская	4,3	10,3	8,7
Юго-западная	4,9	11	10,3
Бѣлорусская	6,7	19	12
Прибалтійская	7,3	18,3	16,3
Московск. промышленн.	10,3	23	24
Литовская	11,9	25,3	26
Нижевожская	13,3	26	54
Приуральская	34,6	103	196
Приозерная	46,3	231	165
Брайній сѣверъ	93,7	3,000	7,410

Всего больше мѣста государственныхъ земли занимаютъ въ малонаселенныхъ губерніяхъ крайняго сѣвера, всего менѣе мѣста принадлежить имъ въ лѣвобережной Украйнѣ.

Приведенная группировка ступенчываетъ значительныя различія, существующія по отношенію къ государственнымъ землямъ между отдѣльными губерніями каждой области. Укажемъ крайнія колебанія.

ОБЛАСТИ.	Губерніи съ наибольшимъ % госуд. земли.	Губерніи съ наименьшимъ % госуд. земли.
Малороссійская	Черниг. . . 5,7%	Полтав. . . 0,33%
Центральн. землед.	Тамбов. . . 8,3	Бурск. . . 1,1
Новороссійская	Херсон. . . 6,3	Бессараб. . . 0,4
Юго-западная	Волынс. . . 6,9	Подол. . . 2,3
Бѣлорусская	Минск. . . 12	Смолен. . . 2,6
Прибалтійская	Бурлянд. . . 21,3	Эстл. . . 1,6
Московск. промышл.	Костром. . . 19,3	Москов. . . 3,7
Литовская	Гроднен. . . 16	Ковен. . . 5,3
Нижевожская	Казан. . . 27	Симбир. . . 2,0
Приуральская	Перм. . . 52	Оренб. . . 3,3
Приозерная	Олон. . . 91,3	Псков. . . 3,3
Брайній сѣверъ	Арханг. . . 97,3	Волог. . . 84,1

5) Нижевожская—губ. Казанская, Симбирская, Саратовская, Самарская и Астраханская; 6) Литовская—губ. Ковенская, Виленская и Гродненская; 7) Бѣлорусская—губ. Смоленская, Витебская, Могилевская и Минская; 8) Приуральская—губ. Пермская, Вятская, Уфимская и Оренбургская; 9) Крайняя сѣверная—губ. Вологодская и Архангельская; 10) Приозерная—губ. Олонецкая, Петербургская, Псковская и Новгородская; 11) Прибалтійская—губ. Эстляндская, Ливонская и Курляндская; 12) Новороссійская—губ. Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская (безъ Измаил. уѣзда). Всего 49 губерній съ 479 уѣздами.

И такъ, по отношенію къ государственному землевладѣнію принятые центральнымъ комитетомъ районы оказываются весьма разнородными въ своемъ составѣ, кромѣ крайняго сѣвера. Наибольшую сравнительную однородность (съ колебаніями меньше, чѣмъ въ три раза) представляютъ области Юго-западная и Литовская. Если разбить 49 губерній по относительному количеству государственныхъ земель на 4 группы (I свыше 25%, II отъ 10 до 25%, III отъ 5 до 10% и IV менѣе 5%), то только одна группа, наиболѣе богатая казенными землями, помѣстится вся въ одномъ громадномъ отрубѣ, составляющемся изъ Архангельской (97,3%), Олонецкой (91,2), Вслгодской (84,1), Пермской (52), Вятской (48,9) и Базанской губерній (27). Вторая по значенію группа разбивается на 4 куска: два западныхъ и два восточныхъ; одинъ изъ западныхъ есть Новгородская губ. (16,2), другой—губерніи Курляндская (21,2), Виленская (10), Гродненская (16) и Минская (12); первый восточный кусокъ суть губерніи Костромская (19,2) и Нижегородская (16,2), второй восточный—Самарская (13,7) съ Астраханскою (20,7). Третья группа оказывается наиболѣе черезполосною, хотя и у нея имѣется довольно большой сплошной кусокъ, составленный изъ 7 губерній и напоминающій собою бунву А, вершина которой помѣщается въ Саратовской губерніи (5,2), одна ножка опирается на Черниговскую (5,7), а другая на Ярославскую (6,7). Вершину съ южною подошвою соединяють Орловская (5,7) и Тамбовская (8,2) губерніи, а съ сѣвреню Пензенская (5,2) и Владимірская (5,1). Кромѣ этой главной центральной массы, къ третьей группѣ принадлежатъ отдѣльныя периферическія губерніи: на западѣ—Волынская (6,2), Ковенская (5,2), Виленская (9,2) и С.-Петербургская (9,1), на востокѣ—Уфимская (9,2), на югѣ—Таврическая (6,2) и Херсонская (6,2). Четвертая группа, наиболѣе бѣдная государственными землями, разорвана, въ сущности, только на два разноплеменныхъ куска—сѣверный и южный. Въ сѣверному принадлежатъ губерніи: Рязанская (4,2), Тульская (1,7), Калужская (3,2), Московская (3,7), Тверская (4), Смоленская (2,2), Псковская (3,2), Лифляндская (2,2) и Эстляндская (1,2). Въ южному куску относятся губерніи: Воронежская (1,2), Курская (1,1), Харьковская (3,7), Екатеринославская (2,2) Полтавская (0,22), Кіевская (4), Подольская (2,2) и Бессарабская (0,2). Черезполосно лежація губерніи этой группы, Сибирская (2,2) и Оренбургская (3,2), имѣють въ своей чертѣ много земли, экономически аналогичной съ государственной (удѣль въ Сибирской, войсковая земля въ Оренбургской). Насиженные культурою центры оказались особенно неблагоприятными для государственнаго землевладѣнія въ Россіи. Полюсами случайно являются крайній сѣверо-востокъ (Архангельская губ.) и крайній юго-западъ (Бессарабія).

Русское государственное землевладѣніе, какъ указалъ еще Гакстгаузенъ*), рѣзко отдѣляется по характеру своего происхожденія отъ западно-

*) *Haxthausen*: „Etnudes“. Volume III, p. 498.

европейскаго. Оно не произошло изъ доменовъ какой-нибудь династїи и ближе подходит къ характеру національнаго землевладѣнія, чѣмъ западно-европейскія государственныя имущества. Самое опредѣленіе, которое дается въ нашемъ законодательствѣ государственнымъ имуществамъ, отражаетъ взглядъ на эти имущества, какъ на *res publicae*. Ст. 406 1 части X тома называетъ государственными имуществами «всѣ тѣ имущества, которыя не принадлежатъ никому въ особенности: ни частнымъ лицамъ, ни сословіямъ лицъ, ни дворцовому вѣдомству, ни удѣлу, ни установленіямъ». Поэтому на государственныя имущества у насъ вполне позволительно смотрѣть, какъ на фондъ, изъ котораго въ той или иной формѣ пользовавія можетъ быть удовлетворена часть населенія, наиболѣе нуждающаяся въ землѣ.

По отношенію своему къ крестьянскимъ надѣламъ государственныя земли различныхъ областей располагаются въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ находятся къ общей площади областей. Серьезное значеніе, какъ земельный фондъ для мѣстнаго крестьянскаго населенія, онѣ имѣютъ только на востокѣ и на сѣверѣ; затѣмъ свыше 20% отъ площади крестьянскихъ надѣловъ онѣ составляютъ въ Нижневолжской, Литовской и Московской промышлен. областяхъ. Для частныхъ землевладѣльцевъ государственныя земли являются конкурентомъ по сдачѣ земли въ аренду; конкуренція оказывается довольно серьезною въ Нижневолжской области и совершенно подавляющею въ Приуральской, Приозерной и на крайнемъ сѣверѣ.

Изъ всѣхъ видовъ государственнаго землевладѣнія наибольшее *современное* экономическое значеніе имѣютъ, конечно, казенныя оброчныя статьи. Онѣ составляютъ такой источникъ, изъ котораго прямо можетъ быть удовлетворена потребность нуждающихся въ землѣ. Вотъ каково отношеніе этихъ казенныхъ оброчныхъ статей *) къ площади крестьянскихъ надѣловъ и частнаго владѣнія въ гѣхъ губерніяхъ, гдѣ эти статьи занимаютъ наибольшее пространство:

	На 100 дес. крест. на- дѣловъ.	На 100 дес. частнаго владѣнія.		На 100 дес. крест. на- дѣловъ.	На 100 дес. частнаго владѣнія.
Самарская . .	20,4%	41,9%	Курляндія . .	6,8	6,1
Астраханская .	31,7	129	Пермская . . .	6,1	4,7
Херсонская . .	15,7	10,1	Оренбургская .	3,9	16,8
Таврическая . .	11	8,3	Екатеринослав.	3,9	3,8
Саратовская . .	6,7	8	Харьковская . .	3,7	5,8
			Тамбовская . . .	2,8	3,9

Земское статистическое изслѣдованіе коснулось уже значенія казенныхъ оброчныхъ статей въ губерніяхъ Тамбовской (въ описаніи Борисо-

*) Заимствуемъ свѣдѣнія о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ изъ записки, составленной въ 1881 г. для совѣщанія свѣдущихъ людей по переселенческому вопросу.

тѣбскаго уѣзда на нихъ остановился В. И. Орловъ), Самарской, Саратовской и Екатеринославской.

Если мы сравнимъ по нѣкоторымъ областямъ площадь государственнаго землевладѣнія въ 1878 году съ тою площадью, которая находилась въ непосредственномъ распоряженіи казны за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, т. е. въ 1858 году *), то окажется, что изъ восьми областей четыре даютъ уменьшеніе площади государственной земли: Нижневолжская, Юго-западная, Бѣлорусская и Литовская; напротивъ, другія четыре области, — Приуральская, Московская промышленная, Малороссійская и Центральная земледѣльческая, — показываютъ увеличеніе, которое особенно значительно въ Приуральской области (около 6 миллионъ десятинъ). Главною причиною увеличенія нужно считать отводъ въ казну земель, прежде считавшихся за башкирами, и отрѣзку земель, происходившую при выдачѣ владѣнныхъ записей бывшимъ государственнымъ крестьянамъ. Въ западномъ краѣ, не смотря на конфискацію, распродажа земель въ интересахъ національной политики вызвала нѣкоторую убыль въ государственномъ землевладѣніи **).

2) *Крестьянскіе надѣлы.*

Крестьянскія надѣльные земли по своей относительной величинѣ въ различныхъ областяхъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	‰ къ общей площади.	На 100 д. лич- ной собствен. приходится крест. над.		‰ къ общей площади.	На 100 д. лич- ной собствен. приходится крест. над.
Центр. землед.	56	154	Прибалтійская...	42	89
Малороссійская..	52	123	Новороссійская..	41	82
Нижневолжская .	51	196	Бѣлорусская....	35	60
Москов. промыш.	46	123	Приуральская...	34	194
Литовская.....	43	94	Приозерная.....	20,1	72
Юго-западная ...	43	91	Брайн. сѣверъ..	3	251

*) Подробныя свѣдѣнія о государственномъ землевладѣніи за 1858 г. приведены въ *Статистическомъ обзорѣ государственнаго имущества*, изданномъ по распоряженію Муравьева въ 1861 году.

***) Приводимъ въ прилѣжаніи сравненіе относительной величины государственнаго землевладѣнія въ 1858 и 1878 гг. для тѣхъ губерній (кромя крайнихъ сѣверныхъ), гдѣ сейчасъ насчитывается свыше 10‰ казенной земли.

	1858.	1878.		1858.	1878.
Вятская	37,9‰	48,9‰	Курляндія	20,2	21,2
Пермская	37,1	52	Базанская	19,8	27,0
Самарская	20,8	18,7	Гродненская	18,4	16,0
Нижегородская .	11,2	16,8	Астраханская . . .	6,0	20,7
Виленская	10,9	10,0	Новгородская . . .	4,2	16,3
Минская	8,8	12,0			

Слѣдуетъ помнить, что во многихъ губерніяхъ исчисленіе общей площади въ 1858 г. производилось довольно не точно.

Больше половины площади принадлежит крестьянским надѣламъ въ трехъ областяхъ, и эти области,—Центральную земледѣльческую, Малоросійскую и Нижневолжскую,—съ полнымъ правомъ можно назвать крестьянскими областями. По отношенію къ помѣщичьимъ землямъ крестьянская надѣльная земля выступаетъ на первый планъ, кромѣ поименованныхъ областей, еще въ Московской промышленной, Приуральской и Сѣверной; въ остальныхъ шести областяхъ у помѣщиковъ земли больше, чѣмъ у крестьянскихъ обществъ. Колебанія относительнаго количества крестьянскаго землевладѣнія въ каждой области по губерніямъ далеко не такъ сильны, какъ колебанія государственнаго землевладѣнія; только въ Прозерной области, Олонецкая губернія даетъ значительно низшій процентъ, чѣмъ остальные, да, кромѣ того, въ Приуральской области оназываются значительныя колебанія, которыя исчезнуть, если не причислять къ крестьянскимъ надѣламъ башкирскіе надѣлы и надѣлы оренбургскихъ козаковъ.

Располагая 49 губерній въ рядъ по уменьшающейся относительной величинѣ площади крестьянскихъ надѣловъ, мы можемъ составить изъ нихъ пять группъ. Въ первой группѣ крестьянскіе надѣлы составляютъ свыше 60% площади губерніи; сюда принадлежитъ ядро русскаго крестьянскаго землевладѣнія—губерніи Воронежская (67) и Курская (62); затѣмъ ядро башкирскихъ земель—бывшая Оренбургская губернія, распавшаяся нынѣ на Оренбургскую (64,*) и Уфимскую (64,*). Вторая по значенію крестьянскаго землевладѣнія группа (отъ 50 до 60%) примыкаетъ (за исключеніемъ Бессарабіи) къ обоимъ ядрамъ первой группы. Къ русскому ядру примыкаютъ съ юга Харьковская губернія, а съ сѣвера большая сплошная масса, состоящая изъ 10 губерній: Орловской (50), Тамбовской (50), Пензенской (54) и семи подмосковныхъ: Московской (55), Тверской (53), Ярославской (50), Владимірской (51), Рязанской (55), Тульской (51) и Калужской (53). Другой кусокъ второй группы занимаетъ все лѣвое побережье Волги отъ устья Ветлуги до Каспійскаго моря, т.-е. состоитъ изъ губерній: Казанской (58), Самарской (52), Астраханской (51); этотъ кусокъ примыкаетъ къ инородческому ядру крестьянскаго землевладѣнія. Совершенно изолированно лежитъ принадлежащая къ той же группѣ Бессарабія (50,†). Третья группа, гдѣ крестьянскимъ надѣламъ принадлежитъ отъ 40 до 50% земли, расположилась четырьмя сплошными оазисами. Одинъ изъ этихъ оазисовъ есть вся Литовская область: губ. Ковенская (45), Виленская (41) и Гродненская (42); затѣмъ другой, почти смежный съ первымъ: Лифляндія (45,‡), Эстляндія (41), Псковская (41) и Смоленская (43); потомъ пять южно-русскихъ губерній: Подольская (46,§), Кіевская (45), Черниговская (49,||), Полтавская (47,||) и Екатеринославская (45,¶) и, наконецъ, сплошная полоса, тянущаяся отъ юга къ сѣверу, отъ Царицына до Вятки—губ. Саратовская (49), Сибирская (41), Нижегородская (45) и Вятская (43,‡). Четвертая группа (отъ 25% до 40%) состоитъ изъ трехъ сѣверныхъ губерній: Костромской

(32), Петербургской (30) и Новгородской (29), двухъ южныхъ: Херсонской (34,а) и Таврической (37,а), и пяти западныхъ: Волынской (39,а), Минской (26), Могилевской (39), Витебской (37) и Бурляндской (37). Последнюю группу губерній, гдѣ крестьянскимъ обществамъ принадлежатъ менѣе 25% земли, составляютъ губерніи Пермская (18,а), Олонецкая (4,а) и крайній сѣверъ: Вологодская (8,а) и Архангельская (0,з).

Между отдѣльными уѣздами интересно отмѣтить такіе, которые отличаются крайнимъ избыткомъ крестьянской земли и, напротивъ, крайне малымъ количествомъ земли этой категоріи. Въ числу первыхъ, гдѣ крестьянскіе надѣлы занимаютъ болѣе $\frac{3}{4}$ общей площади, изъ всѣхъ 479 уѣздовъ Европейской Россіи относятся только четырнадцать: Черноярскій (91,з), Бердянскій (88,з), Коротоякскій (88,с), Богучарскій (84,с), Нижнедѣвицкій (83,а), Тетюшскій (81,а), Цивильскій (81,а), Обоянскій (78,з), Краснослободскій (78,с), Ядринскій (78,з), Нерехотскій (78,а), Мышкинскій (76,з), Наровчатскій (76,з) и Аккерманскій (75,а). Противуположную крайность, гдѣ менѣе $\frac{1}{4}$ площади входитъ въ составъ крестьянскихъ надѣловъ, представляютъ, кромѣ сѣверныхъ уѣздовъ, вошедшихъ въ последнюю группу при предыдущей группировкѣ (губ. Архангельской, Олонецкой, 7 уѣздовъ Вологодской и 5 уѣздовъ Пермской), еще слѣдующіе уѣзды: Шлиссельбургскій (24,з), Макарьевскій (Нижегор.) (24,а), Теодосійскій (22,з), Игуменскій (21,з), Бирилово (21,с), Перекопскій (20,а), Видавскій (20,з), Кологривскій (19,а), Пинскій (19,з), Ветлужскій (18,а), Мозырскій (18,з), Устюженскій (17,а), Слободской (17,а), Бѣлозерскій (16,з), Симферопольскій (16,) Евпаторійскій (8,з) и Троицкій (3,а).

Не всѣ крестьянскіе дворы владѣютъ надѣльной землей. Общихъ данныхъ по всей Россіи о числѣ безземельныхъ дворовъ не имѣется; приходится обращаться къ детальнымъ свѣдѣніямъ земской статистики и только для Московской губерніи можно имѣть средній выводъ по цѣлой губерніи (15,з% безземельныхъ дворовъ). Данныя объ относительномъ числѣ безземельныхъ (или безнадѣльныхъ) дворовъ по уѣздамъ, подвѣрженнымъ подворной переписи, можно свести въ слѣдующія группы:

I. Свыше 20% безземельныхъ:		Бозелецкій	16,з
Хотинскій	23%	Вяземскій	15,с
Серпуховской	20,з	Блинскій	15,а
Волоколамскій	20,а	III. Отъ 10 до 15 %.	
Московскій	20,а	Царицынскій	14,з
II. Отъ 15 до 20%.		Ростовскій (на Дону).	14,з
Звенигородскій	19,з	Бахмутскій	12,з
Дмитровскій	19	Бронницкій	12,з
Можайскій	18,з	Коломенскій	12,з
Рузскій	18,а	Сычевскій	11,а
Подольскій	16,а	Петергофскій	11,а

IV. Отъ 5 до 10%.			
Самарскій	9,9	Бурскій	4,4
Богородскій	9,6	Грайворонскій	4,3
Рыльскій	9,2	Раненбургскій	4,2
Тульскій *)	9,1	Дмитріевскій	3,9
Щигровскій	8,8	Львовскій	3,8
Мглинскій	8,1	Кирсановскій	3,7
Елатомскій	8,1	Борисоглебскій	3,7
Ставропольскій	7,8	Суджанскій	3,7
Городницкій	7,7	Моршанскій	3,3
Путивльскій	7,6	Зѣньковскій	3,1
Мценскій	7,0	Темниковскій	3,3
С.-Петербургскій	6,9	Миргородскій	2,9
Рязанскій	6,8	Фатежскій	2,8
Суражскій	6,7	Обоянскій	2,7
Петровскій	6,6	Лубенскій	2,8
Полтавскій	6,4	VI. Между 2 1/2 %.	
Бѣлгородскій	5,5	Спасскій (Тамбов. губ.)	2,4
Бузулуцскій	5,9	Липецкій	2,3
V. Отъ 2 1/2 до 5%.		Скопинскій	2,9
Козловскій	4,8	Уманскій	2,9
Шацкій	4,4	Гадячскій	1,9
Данковскій	4,4	Малмыжскій	1,9
Днѣпровскій	4,4	Воронежскій	1,9
		Мелитопольскій	1,8

Въ трехъ первыхъ группахъ мы видимъ преобладаніе нечерноземныхъ уѣздовъ. Относительно малороссійскихъ губерній необходима оговорка, что въ Черниговской губ. къ безземельнымъ причислены и огородники, а въ Полтавской этого не сдѣлано; но въ послѣдней губерніи очень много дворовъ, не имѣющихъ ни клочка пашни, и общій процентъ дворовъ безъ пахотной земли (считая безземельныхъ) выражается такими цифрами:

Зѣньковскій	31,5 %
Полтавскій	31,8 »
Миргородскій	23,9 »
Лубенскій	18,6 »
Гадячскій	14 »

Очевидно, что въ подворной Россіи обезземеленіе развито сильнѣе, чѣмъ въ общинной. Процентъ безземельныхъ (или не имѣющихъ надѣла), конечно, не можетъ служить мѣриломъ распредѣленія хозяйственной самостоятельности въ крестьянскомъ населеніи; послѣдней цѣли для на-

*) Тульскій уѣздъ неполный: въ немъ изслѣдовано 7 волостей.

дѣльнаго населенія можетъ служить процентъ безхозійныхъ дворовъ, не пользующихся своимъ полевымъ надѣломъ *).

Изъ отдѣльныхъ разрядовъ крестьянъ остановимся только на двухъ самыхъ главныхъ: на бывшихъ государственныхъ и на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ. Эти разряды довольно близки между собою по численности, но земли у первой категоріи почти вдвое больше, чѣмъ у второй. Государственнымъ крестьянамъ принадлежитъ болѣе половины общей площади крестьянскихъ надѣловъ въ областяхъ: Крайней сѣверной (74,2%), Малороссійской (72,9), Нижневолжской (65), Центр. земледѣльской (62,7), Новороссійской (55,4) и Приуральской (51,2). Менѣе половины изъ числа крестьянской надѣльной земли принадлежатъ бывшимъ государственнымъ въ областяхъ: Приозерной (48%), Литовской (46,7), Московской промышленной (34), Бѣлорусской (28), Юго-западной (25,8) и Прибалтійской (24). Напротивъ, въ областяхъ второй катего-

*) Хотя это и не относится къ плану нашего очерка, рассматривающаго владѣніе, а не пользованіе землею, но, въ виду большой важности процента безхозійныхъ и для сличенія его съ процентомъ безземельныхъ, позволимъ себѣ привести относительное число надѣльныхъ дворовъ, не пользующихся своею надѣльною землею. Въ Московской губерніи (по послѣдней переписи 1883 года) этотъ процентъ равняется 14,8%. Другіе угады изъ числа обследованныхъ земскими статистиками можно расположить по проценту безхозійныхъ въ слѣдующія группы:

I. Свыше 15% безхозійн. дворовъ:		Щигровский	8,6
С.-Петербургскій	22,2	Самарскій	8,5
Курскій	17,1	Спасскій	8,4
Бакмутскій	15,4	Петергофскій	8,1
Сычевскій	15,0.	Бѣлгородскій	8
II. Отъ 12,5 до 15%:		Щацкій	8
Липецкій	13,9	V. Отъ 5 до 7 1/2%:	
Бозовскій	13,8	Мелитопольскій	7,4
Усмандскій	13,0.	Грайворонскій	7,1
III. Отъ 10 до 12 1/2%:		Скопинскій	7
Раненбургскій	12	Фатежскій	7
Острогожскій	11,9	Бузулукскій	6,8
Кырсановскій	11,8	Путивльскій	6,7
Данковскій	11	Рыльскій	6,7
Воронежскій	11	Вяземскій	6,6
Старопольскій	11	Борисоглебскій	6,3
Рязанскій	10	Мглинскій	5,8
Моршанскій	10	Львовскій	5
Дмитріевскій	10	Суджанскій	5
Иценскій	10	Елатомскій	5
IV. Отъ 7 1/2 до 10%:		VI. Менѣе 5%:	
Дзвировскій	9,7	Темниковскій	4,8
Бозелецкій	9,8	Малыжскій	3,8
Обоянскій	9,3	Суражскій	1,8

Интересно, что въ двухъ первыхъ группахъ, за исключеніемъ Сычевскаго уѣзда, высшій процентъ безхозійныхъ совпадаетъ съ близостью къ пунктамъ встрѣчи нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ (на границѣ Усмандск. и Липец. уѣздовъ стоятъ ст. Грязи).

ри на крестьянскихъ надѣлахъ преобладаетъ земля бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Подъ надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ отошло отъ четверти до половины бывшей дворянской. Заслуживаютъ вниманія крайности, наблюдаемыя при сличеніи площади крестьянскихъ надѣловъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ бывшею дворянскою землей. Съ одной стороны, встрѣчаются такіе уѣзды, гдѣ крестьянамъ отошло свыше 60% бывшей дворянской земли; сюда принадлежатъ уѣзды: Нолинскій (98,з), Яренскій (90,з), Троицкій (75,1), Башинскій (72,з), Егорьевскій (72,1), Нерехотскій (69,з), Вязниковскій (66,7), Юрьевецкій (Костр.) (65,з), Гороховецкій (65,з), Серпуховской (64,з), Яранскій (64,з), Нижегородскій (64,з), Владимірскій (63,з), Бронницкій (63,з), Калынинскій (62,1), Коломенскій (61,1), Козельскій (61,з), Ковровскій (60,7), Повровскій (60,з), Шуйскій (60,з), Суражскій (60).

Какъ видно, большинство такихъ уѣздовъ принадлежитъ Московской промышленной области. Съ другой стороны, имѣются и такіе уѣзды, гдѣ крестьянамъ досталось менѣе 10% бывшей помѣщичьей земли; въ этихъ уѣздахъ отиѣна крѣпостнаго права была наименѣе чувствительна для разиѣровъ помѣщичьяго хозяйства. Въ этой категоріи относятся уѣзды: Царицынскій (9,з), Екатеринославскій (9,з), Тираспольскій (9,з), Ростовскій (на Дону) (9,з), Зѣньковскій (9,1), Николаевскій (9,з), Уфимскій (8,7), Бирскій (8,з), Уржумскій (8,з), Мамадышскій (7,7), Мариупольскій (7,з), Днѣпровскій (7,з), Александровскій (5,з), Царевскій (5,7), Верхотурскій (5,1), Красноярскій (5,з), Екатеринбургскій (3,1), Феодосійскій (2,з), Слободской (0,з), Ирбитскій (0,з), Златоустовскій (0,7), Верхнеуральскій (0,з), Симферопольскій (0,з), Евпаторійскій (0,з), Перекопскій (0,з) и Орскій (0,з).

Средній разиѣръ надѣла на дворъ, на ревизскую душу и на мужскую наличную душу у крестьянъ бывшихъ государственныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ выражается слѣдующими цифрами:

ОБЛАСТИ.	Бывшіе государственные.			Бывшіе помѣщичьи.		
	На дворъ.	На ревиз. душу.	На налич. душу.	На дворъ.	На ревиз. душу.	На налич. душу.
Прибалтійская.....	31,1	6,1	5,з	37,з	4,з	4,1
Нижневолжская.....	20,з	8,з	6,з	7,з	2,з	2,1
Сѣверная.....	18,з	7,з	6,1	12,7	5,з	4,з
Литовская.....	18,7	5,з	4,з	15,з	3,з	3,з
Приуральская.....	18,1	7,з	6,з	8,7	3,з	3,з
Бѣлорусская.....	17,з	6,з	4,з	12,з	4,з	3,з
Новороссія.....	16,з	7,з	5,з	6,з	4,1	2,з
Приозерная.....	15,1	6,з	5,з	11,з	5,1	4,1
Центр. землед.....	13,1	4,з	3,з	7,з	2,7	2,з

Московск. пром.....	11,8	4,7	4,2	9,8	3,8	3,4
Юго-западная	10,8	4,8	3,4	7,8	2,8	2,8
Малороссія	9,8	3,8	3,2	5,4	2,8	1,8

Надѣлъ у государственныхъ крестьянъ при всѣхъ единицахъ исчисления оказывается больше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ, за единственнымъ исключеніемъ надѣла на дворъ въ Остзейскомъ краѣ. Разница въ размѣрѣ надѣла у крестьянъ обѣихъ категорій особенно рѣзка на югѣ (въ Новороссіи) и на востокѣ (въ Приуральской и Нижневолжской обл.). Въ Нижневолжской и Новороссійской областяхъ даже на ревизскую душу у государственныхъ крестьянъ приходится больше земли, чѣмъ у помѣщичьихъ на цѣлый дворъ. Сличеніе размѣровъ надѣла на душу и на дворъ даетъ намъ представленіе о сравнительной хозяйственной силѣ крестьянскихъ дворовъ. Наиболѣе сильными оказываются крестьянскіе дворы въ Литовской и Прибалтійской областяхъ, гдѣ, стало быть, меньше всего распространены семейные раздѣлы. Въ Бѣлоруссіи дворы слабѣе, чѣмъ въ Литвѣ. Въ Московской промышленной области у государственныхъ крестьянъ дворы даже абсолютно слабѣе, чѣмъ въ Центральной земледѣльской, хотя въ послѣдней на наличную душу приходится значительно меньше земли; значитъ, въ промышленной области особенно сильно развиты семейные раздѣлы.

Сличеніе надѣла на ревизскую душу съ надѣломъ на наличную душу даетъ намъ представленіе о приростѣ мѣстнаго сельскаго населенія за 20 лѣтъ *) (съ 1858 по 1878). Величина этого прироста въ нѣкоторыхъ областяхъ такова:

	Бывш. государ.	Бывш. помѣщ.
Литовская	30,7%	31,7%
Бѣлорусская	25,0 >	27,1 >
Централн. земледѣльч.	25,1 >	19,2 >
Нижневолжская	22,8 >	19,5 >
Московская промышленная	12,4 >	10,4 >

Замѣчательно, что въ Литвѣ и Бѣлоруссіи приростъ населенія оказывается больше у бывшихъ помѣщичьихъ, чѣмъ у государственныхъ. Это зависитъ отъ рѣзкаго относительнаго измѣненія въ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ западнаго края вслѣдствіе реформъ 60 годовъ. Просматривая величину прироста крестьянскаго населенія по всѣмъ 479 уѣздамъ, мы можемъ подѣлать двѣ крайнихъ группы: въ одной изъ нихъ

*) Приводя свѣдѣнія о приростѣ изъ *Статист. позем. собств.*, мы должны оговориться, что % прироста не можетъ быть прямо сравниваемъ съ земскими данными. Мы прозавели сличеніе 23 поуѣздн. итоговъ числа ревизскихъ душъ и 2 погубернскихъ. Хотя крупная разница оказалась только въ одномъ уѣздѣ (Хотинскомъ), но и мелкая разница въ абсолютной величинѣ ревизскаго и наличнаго населенія отразится значительно при выводѣ относительной цифры прироста. Полнаго совпаденія въ числѣ ревизскихъ душъ нѣтъ нигдѣ.

этотъ приростъ поразительно высокъ, превышаетъ 40% (т.-е. 2% въ годъ), въ другой группѣ онъ, напротивъ, поразительно малъ, ниже 5% (т.-е. $\frac{1}{4}$ % въ годъ). Къ первой группѣ принадлежатъ половина уѣздовъ Новороссійской области (въ томъ числѣ цѣлая Бессарабія *) и, кромѣ того, уѣзды Трокскій (58,3%), Черноярскій (47,3), Бобруйскій (46,3), Новоалександровскій (45,4), Динабургскій (43,4), Вилькомирскій (43,1), Новоузенскій (41,3), Мозырскій (41,3), Ковельскій (41,2) и Черкасскій (41,2). Во вторую группу входятъ уѣзды: Александровскій (Владимир.) (4,3), Можайскій (4,4), Подольскій (3,3), Боровскій (3,3), С.-Петербургскій (3,3), Рыбинскій (2,3), Коломенскій (2,3), Рузскій (2,7), Олонецкій (2,1), Лetichevскій (2,3), Шуйскій (1,3) и, наконецъ, такіе уѣзды, гдѣ приростъ имѣетъ отрицательную величину, т.-е. гдѣ оказалось за 20 лѣтъ не прибыль, а убыль мѣстнаго сельскаго населенія; такихъ уѣздовъ три: Гжатскій ($-1,0\%$), Ельнинскій ($-7,4$) и Романово-Борисоглебскій ($-7,7$).

Величина прироста мѣстнаго населенія находится въ интересной зависимости отъ размѣровъ надѣла. Это вліяніе иллюстрируется для нѣкоторыхъ областей слѣдующею таблицей; гдѣ проценты обозначаютъ приростъ населенія за 20 лѣтъ:

Р а з м ѣ р ь н а д ѣ л а .

ОБЛАСТИ.	1 дес. и меньше.	1—2 десат.	2—3 десат.	3—4 десат.	4—5 десат.	5—6 десат.	Болѣ 6 дес.
Центр. земледѣльч.	16,3%	17,3%	19%	21,2%	25,4%	27,3%	30,3%
Нижеволжская . . .	15,4	19,1	17,3	18,7	21,3	21,3	27,3
Москов. промышл..	7,3	8,3	9,1	10,1	11,1	9,1	11,3
Литовская	14,1	14,4	22,7	30,3	33,2	30,3	33,3
Бѣлорусская	29,1	10,7	22,3	19,4	28,3	31,3	35,3

Въ совершенной строгости законосообразность проявляется только для Центральной земледѣльческой области, гдѣ каждое увеличеніе надѣла увеличиваетъ и приростъ мѣстнаго крестьянскаго населенія; здѣсь населеніе стоитъ въ наибольшей зависимости отъ земли. Уклоненіе, наблюдаемое въ самой малоземельной группѣ Бѣлорусской области, не имѣетъ значенія, потому что самая эта группа тамъ крайне ничтожна по своей величинѣ ($0,1\%$ у государствъ и $0,2\%$ у бывш. помѣщ.).

Свѣдѣнія о размѣрахъ надѣла на работника мужскаго пола можно собрать только по уѣздамъ, подвергшимся земско-статистическому обследованію. Въ этомъ отношеніи можно установить слѣдующій рядъ:

*) Впрочемъ, по Бессарабіи при исчисленіи прироста населенія допущены грубѣйшія ошибки, наприм., по Хотинскому уѣзду число ревнскихъ душъ взято 37,253 вмѣсто 65,775 (по земской переписи). Рѣшительно отказываемся понять причины такого крупнаго промаха; по земской статистикѣ, приростъ въ Хотинскомъ уѣздѣ составляетъ 30% . Вообще рекомендуемъ осторожность въ пользованіи свѣдѣніями о приростѣ.

I. Свыше, 10 дес. на работника:		Данковский.....	5,6
Бузулукскій.....	15,2	Звенигородскій.....	5,2
Царицынскій.....	14,1	Бурскій.....	5,2
Мелитопольскій.....	13,2	Суражскій.....	5,4
Малмыжскій.....	13,2	Щигровскій.....	5,2
Днѣпровскій.....	13,0	Суджанскій.....	5,2
Брестецкій.....	10,2	Моршанскій.....	5,2
Бахмутскій.....	10,1	Бирсановскій.....	5,1
II. Отъ 7 до 10 дес.		Дмитриевскій.....	5,1
Самарскій.....	9,9	Скопинскій.....	5,1
Ставропольскій.....	9,1	Раненбургскій.....	5,1
Острогожскій.....	8,6	Темниковскій.....	5,0
Ростовскій.....	8,6	V. Отъ 4 до 5 дес.	
Воронежскій.....	7,6	Бѣлгородскій.....	4,2
Борисоглебскій.....	7,2	Лубенскій.....	4,2
Петровскій.....	7,1	Тульскій.....	4,2
III. Отъ 6 до 7 дес.		С.-Петербургскій.....	4,2
Зиѣвскій.....	6,2	Грайворонскій.....	4,2
Можайскій.....	6,2	Гадячскій.....	4,2
Городницкій.....	6,7	Рязанскій.....	4,2
Обоянскій.....	6,6	Московскій.....	4,2
Сычевскій.....	6,2	Коломенскій.....	4,2
Усманскій.....	6,2	Мценскій.....	4,2
Дмитровскій (Моск.).....	6,4	Миргородскій.....	4,2
Липецкій.....	6,2	Мглинскій.....	4,2
Рувскій.....	6,2	Елатомскій.....	4,2
Фатежскій.....	6,1	Щадцкій.....	4,2
Возловскій.....	6,1	Льговскій.....	4,1
Спасскій (Тамб.).....	6,0	Богородскій.....	4,1
IV. Отъ 5 до 6 дес.		VI. Отъ 3 до 4 дес.	
Серпуховскій.....	5,9	Зѣньковскій.....	3,2
Волоколамскій.....	5,9	Полтавскій.....	3,2
Подольскій.....	5,9	Хотинскій.....	3,2
Петергофскій.....	5,9	Бронницкій.....	3,2
Вяземскій.....	5,2	Путивльскій.....	3,2
Влинскій.....	5,7	Рыльскій.....	3,2

Въ Московской и Курской губерніяхъ оказывается громадная разница между отдѣльными уѣздами въ отношеніи надѣльной земли къ мужской рабочей силѣ: стоитъ сравнить, напримѣръ, Можайскій уѣздъ съ Бронницкимъ или Обоянскій съ Рыльскимъ и Путивльскимъ. Общее колебаніе по различнымъ уѣздамъ весьма велико и превышаетъ четыре раза.

Въ распредѣленіи крестьянъ по размѣру надѣла наблюдается значи-

тельная неравномерность, неодинаковая для бывших государственных и для бывших помещичьих крестьянъ.

Вотъ какъ распределяются по размѣрамъ надѣла ревизскія души и земля у бывшихъ государственныхъ крестьянъ (со включеніемъ козаковъ, колонистовъ и башкиръ) по всей Европейской Россіи:

Распределение ревизск. душъ.	Размѣръ надѣла на ревиз. душу.						
	1 д. и мен.	1—2 д.	2—3 д.	3—4 д.	4—6 д.	6—8 д.	Больше 8 д.
	0,9%	3,1%	8,3%	15,1%	31,6%	18,6%	22,4%

Распределение надѣл. земли.	0,1	0,7	3,1	7,6	22,4	18,4	47,7

У бывшихъ помещичьихъ то же распределение представляется въ такомъ видѣ:

Ревизскія души	5,3	12,6	27,1	25,3	28,3	4,0	1,9
Надѣльная земля	0,9	5,3	20,3	26,3	32,4	8,0	5,3

Главная масса бывшихъ помещичьихъ крестьянъ въ большей части областей сосредоточивается на надѣлахъ отъ 3 до 5 десятинъ; только въ Центральной земледѣльской области ровно половина (50%) ихъ сидитъ на надѣлѣ отъ 2 до 3 десятинъ. У государственныхъ крестьянъ группа отъ 3 до 5 десятинъ характерна только для Центральной земледѣльской и Московской промышленной областей. Въ Литовской области самую характерную является группа отъ 4 до 6 дес., въ Бѣлорусской группы свыше 5 дес., а въ Нижневолжской области три пятыхъ (60,1%) общаго числа ревизскихъ душъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ концентрируются на надѣлѣ свыше 6 дес.

По отношенію къ помещичьимъ крестьянамъ заслуживаютъ особаго упоминанія такіе уѣзды, гдѣ много микроскопическихъ надѣловъ. Въ нижепоименованныхъ уѣздахъ болѣе 25% бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ получили надѣлъ не свыше 1 дес.:

Златоустовскій.....	100%	Сапожковскій.....	35,0
Орскій.....	100	Саранскій.....	34,3
Верхнеуральскій.....	100	Осинскій.....	34,4
Новохоперскій.....	85,9	Миргородскій.....	31,7
Слободской.....	71,3	Саратовскій.....	31,3
Екатеринбургскій.....	68,7	Красноуфимскій.....	30,0
Мамадышскій.....	65,1	Нижнедѣвичскій.....	29,4
Зѣньковскій.....	60,3	Кременчугскій.....	28,6
Ростовскій (на Дону).....	52,1	Спасскій (Тамб.).....	27,3
Цивильскій.....	50,3	Лубенскій.....	27,3
Чистопольскій.....	41,4	Ставропольскій.....	26,3
Сызранскій.....	39	Кобелянскій.....	26,0
Павловскій.....	38,3	Корочанскій.....	25,3
Полтавскій.....	37,1	Тетюшскій.....	25,4
Борзянскій.....	37,0	Чембарскій.....	25,3
Бобровскій.....	36,3		

Полное отсутствіе такихъ малыхъ надѣловъ (менѣе 1 дес.) наблюдается въ Прибалтійской области, въ большей части Приозерной, Литовской и Бѣлорусской и во многихъ уѣздахъ Юго-западной и Московской промышленной областей.

Въ приволжскомъ краѣ большое число малыхъ надѣловъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ объясняется, вѣроятно, обиліемъ дарственниковъ. По приблизительному исчисленію П. П. Семенова, въ Нижневолжской области около 17% крестьянъ пошли на даровые надѣлы. Третья часть утраченной крестьянами земли вернулась къ нимъ потомъ путемъ добровольной покупки *).

3) *Личная поземельная собственность.*

По относительному количеству личной поземельной собственности 12 областей Европейской Россіи располагаются въ слѣдующій рядъ:

Бѣлорусская.....	57%	общ. площади.
Новороссійская	50	»
Юго-западная	47,4	»
Прибалтійская.....	47,4	»
Литовская	45	»
Малороссійская.....	43	»
Центр. земледѣльческая...	38	»
Моск. промышл.....	37	»
Приозерная	28	»
Нижневолжская.....	26	»
Приуральская	17,4	»
Крайн. сѣверъ	1,3	»

Наноса на карту процентъ личной собственности въ различныхъ губерніяхъ, мы сразу видимъ противоположность между западною и восточною Россіей: первая изобилуетъ, вторая сравнительно бѣдна помѣщичьими землями. По отношенію къ личной собственности мы можемъ размѣстить 49 губерній въ слѣдующія 5 группъ. Въ первую группу входятъ такія губерніи, гдѣ болѣе половины общей площади принадлежатъ личнымъ владѣльцамъ. Большая часть этихъ губерній расположена сплошною массой въ сѣверо-западной Россіи: это вся Бѣлоруссія, т.-е. губ. Минская (61), Могилевская (57), Витебская (55) и Смоленская (54), затѣмъ Псковская (53), С.-Петербургская (51) и Эстляндская (57). Далѣе

* Приводимъ свѣдѣнія объ относительной численности дарственниковъ и о размѣрѣ надѣла у нихъ въ некоторыхъ уѣздахъ по земско-статистическимъ изслѣдованіямъ:

Царининскій уѣздъ....	67,4%	1,3 дес.	Бузулуцскій уѣздъ....	24,3%	1,3 дес.
Саратовскій „	54,2	1 „	Борисоглѣбскій „	17,3	1,3 „
Самарскій „	44,1	1,3 „	Спасскій (Тамб.) „	14,3	0,7 „
Петровскій „	37,3	1,2 „	Воронежскій „	18,3	1,3 „
Ставропольскій „	33,3	1 „			

сюда же принадлежать 2 новороссійскихъ губерніи: Херсонская (53,1) и Таврическая (50,2). Вторая группа губерній (отъ 40 до 50% въ личной собственности) весьма обширна; въ нее входитъ, прежде всего, громадная западная полоса, соединяющая Балтійское море съ Чернымъ; это губерніи Лифляндская (47,1), Курляндская (40,8), вся Литва, т.-е. губ. Ковенская (49), Виленская (47), Гродненская (40), вся Юго-западная область, т.-е. губ. Волынская (49,7), Подольская (45,2) и Бѣвская (45,8), коренная Малороссія, т.-е. губ. Черниговская (42,7) и Полтавская (49,8), а изъ Новороссіи губ. Екатеринославская (49,8) и Бессарабія (42,4). Кромѣ того, сюда же относятся великорусскіе острова: губ. Саратовская (41), Тульская (45%) и сѣверный островъ, состоящій изъ сосѣднихъ Костромской (41), Ярославской (41) и Новгородской (43,7). Въ слѣдующую, третью группу (отъ 30 до 40% помѣщичьей земли), представляющую собой совершенно непрерывную массу, входятъ вся Центральная земледѣльческая область, кромѣ Тульской губ., т.-е. губ. Рязанская (39), Калужская (39), Орловская (38), Пензенская (39), Тамбовская (36), Бурская (35), Воронежская (30), большая часть Московской промышленной области, а именно губ. Московская (36), Тверская (36), Владимирская (35), Нижегородская (32) и, кромѣ того, губерніи Харьковская (36,7) и Симбирская (31). Четвертая группа (отъ 20 до 30% личной собственности) тоже расположена въ одномъ сплошномъ кускѣ; она состоитъ изъ трехъ восточныхъ губерній: Пермской (26,4), Уфимской (23,2) и Самарской (26). Въ послѣднюю группу, гдѣ личная поземельная собственность имѣетъ наименьшее значеніе (захватываетъ менѣе 20% общей площади), входятъ семь восточныхъ и сѣверныхъ губерній: Астраханская (12), Оренбургская (8,4), Казанская (13), Вятская (5,1), Вологодская (3,7), Олонецкая (2,1) и Архангельская (менѣе 0,1).

Внутри личной поземельной собственности происходитъ довольно сильный процессъ мобилизаціи. Мѣриломъ этого процесса можетъ служить отношеніе того количества земли, которое ежегодно переходитъ изъ рукъ въ руки по куплѣ-продажѣ, къ общей площади личной поземельной собственности. Это отношеніе, которое можно назвать ежегоднымъ процентомъ мобилизаціи, представляется въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (по земско-статистическимъ даннымъ) слѣдующими цифрами:

I. Свыше 5% личной собственности ежегодно переходитъ изъ рукъ въ руки:	Русскій.....	4,7	
	Богородскій.....	4,3	
	(Тверская губ.....)	4,2	
Дмитровскій.....	6,4	Серпуховской.....	4,1
Подольскій.....	5,7	Липецкій.....	3,9
Московскій.....	5,0	Клинскій.....	3,9
Боломенскій.....	5,0	Можайскій.....	3,6
II. Отъ 3 до 5%.		Бронницкій.....	3,4
Звенигородскій.....	4,8	Усманскій.....	3,2

Вере́йскій	3,3	IV. Мѣнѣ 2°/о.	
Елатомскій	3,1	Спасскій (Тамб.)	1,9
III. Отъ 2 до 3°/о.		Переяславскій (Полт.)	1,9
Вяземскій	2,98	Кирсановскій	1,84
Воронежскій	2,8	Хорольскій	1,85
Полтавскій	2,8	Волоколамскій	1,8
Саратовскій	2,6	Роменскій	1,75
Шацкій	2,6	Ростовскій (на Дону)	1,54
Бременчугскій	2,5	Зѣньковскій	1,5
Темниковскій	2,3	Кобелякскій	1,48
Бозловскій	2,2	Золотоношскій	1,4
Константиноградскій	2,13	Лохвицкій	1,4
Моршанскій	2,11	Борисоглѣбскій	1,4
Лубенскій	2,07	Пирятинскій	1,28
Прилуцскій	2,05	Бахмутскій	0,85
Миргородскій	2,0		

Указанный здѣсь процентъ во многихъ случаяхъ ниже истиннаго; напр., въ Полтавской губерніи много сдѣлъ совершается въ обходъ закона подъ видомъ долгосрочной аренды. По Курской губ. мы не приводимъ данныхъ, ибо тамъ многія сдѣла исключены изъ разсмотрѣнія. Въ Московской губерніи, гдѣ мобилизація подробно изслѣдована за 17 лѣтъ, можно имѣть представленіе о самомъ темпѣ мобилизаціи. Въ общемъ выводѣ по губерніи мобилизація съ теченіемъ времени увеличилась; но три уѣзда, Клинскій, Подольскій и Коломенскій, показываютъ уменьшеніе мобилизаціи. Сословное распредѣленіе поземельной собственности у насъ въ Россіи, въ противоположность Западной Европѣ, до сихъ поръ не утратило хозяйственнаго значенія. Три важнѣйшихъ сословія землевладѣльцевъ, — дворяне, купцы и крестьяне, — различаются между собою какъ по отношенію къ обложенію земель, къ формамъ поземельнаго кредита, такъ и къ способамъ хозяйственнаго пользованія землею. Относительное количество личной поземельной собственности въ рукахъ трехъ важнѣйшихъ сословій изображается такими цифрами:

Области:	На 100 дес. личной собствен. принадл.:			Области:	На 100 дес. личной собствен. принадл.:		
	Двор.	Купц.	Крест.		Двор.	Купц.	Крест.
Прибалтійская	94,4	2,6	—	Нижневолжская	75	15	6,8
Литовская	92,0	1,0	3,8	Новороссійская	74,8	12,9	8,0
Юго-западная	91,2	3,2	0,8	Москов. промышл.	69	15,0	13,5
Бѣлорусская	88	6	2,8	Приозерная	66,9	15,2	12,2
Малороссійская	83,7	6,8	5,1	Брайн. сѣверь	57,8	10,8	31,4
Приуральская	83,8	15,0	1,2				
Центр. землед.	80	11	6,8	Европ. Россія	79,7	10,7	6,1

Если не считать крайняго сѣвера, гдѣ личной собственности почти не существуетъ, то наименѣе дворянскими оказываются Московская промышленная и Приозерная области, наиболѣе дворянскими—четыре области съ иностраннымъ дворянствомъ (польскимъ и нѣмецкимъ). Купеческой земли относительно всего меньше въ Литовской области, гдѣ раздѣленіе занятій между сословіями пошло всего дальше; купеческой земли всего больше на восточной и южной окраинѣ и въ промышленной области. Наконецъ, крестьянская личная собственность имѣетъ наименьшую площадь въ юго-западной Россіи, а наибольшую на сѣверѣ и въ промышленной области.

По относительному количеству дворянской земли губерніи можно распределить въ пять группъ. Первая группа, гдѣ каждая губернія имѣетъ свыше 90% дворянской земли, составляется девятью западными губерніями: Бурляндскою (95,₁), Лифляндскою (95,₂), Подольскою (95), Виленскою (94), Ковенскою (93), Минскою (93), Эстляндскою (92,₇), Киевскою (92,₆) и Могилевскою; сюда же попадаетъ и Симбирская губернія (90), но въ ней абсолютная величина личной собственности не велика вслѣдствіе обилія удѣльныхъ и удѣльно-крестьянскихъ земель. Вторая группа (отъ 80 до 90%), самая многочисленная, лежитъ въ трехъ кускахъ: одинъ на крайнемъ западѣ—губ. Волынская (89), Гродненская (86), другой на крайнемъ востокѣ—Пермская (87) и одинъ сплошной громадный кусокъ въ средней и южной Россіи. Этотъ кусокъ напоминаетъ по формѣ букву Ц и захватываетъ 15 губерній: Витебскую (83), Смоленскую (80), Орловскую (82), Тульскую (85), Курскую (83), Черниговскую (84,₁₂), Полтавскую (85,₈), Екатеринославскую (85,₁₃), Харьковскую (82), Воронежскую (84), Казанскую (83), Нижегородскую (84), Пензенскую (84), Саратовскую (80) и Астраханскую (84). Къ третьей группѣ (70—80% дворянской земли) принадлежатъ, во-первыхъ, Бессарабія (72,₇) съ Херсонскою губ. (76,₁), затѣмъ бывшая Оренбургская губернія, нынѣ распавшаяся на Оренбургскую (78,₁₁) и Уфимскую (79,₈), потомъ С.-Петербургская (76) и, наконецъ, центральный кусокъ изъ четырехъ губерній: Калужской (71), Московской (70), Рязанской (76) и Тамбовской (79). Четвертая группа (отъ 60 до 70%) состоитъ изъ губ. Таврической (60,₁) и Самарской (63) и шести нечерноземныхъ губерній, расположившихся въ рядъ отъ Псковскаго озера до истоковъ Камы: Псковской (66,₈), Новгородской (63,₇), Тверской (69), Ярославской (66), Костромской (69) и Вятской (67,₁₂). Въ пятой группѣ (менѣе 60%) остаются только Владимирская губернія (57), Олонецкая (51,₁₂) и крайній сѣверъ: Вологодская (58), Архангельская (0,₇).

Что касается движенія дворянскаго землевладѣнія, то въ этомъ отношеніи пока у насъ имѣются немногочисленные данныя, добытыя земскими статистиками; всѣ эти данныя единогласно говорятъ о повсемѣстной убыли дворянскаго землевладѣнія, за единственнымъ исключеніемъ

Царицынскаго уѣзда, гдѣ въ 10 лѣтъ замѣчается небольшая прибыль. Для лучшей удобосравнимости представимъ данныя объ измѣненіи дворянскаго землевладѣнія въ видѣ ежегоднаго средняго процента убыли дворянской земли (параллельно съ этимъ процентомъ для каждой мѣстности указано число лѣтъ наблюденія).

	‰ ежегодн. убыли.	Число лѣтъ.		‰ ежегодн. убыли.	Число лѣтъ.		‰ ежегодн. убыли.	Число лѣтъ.
Тверская губ. .	2,14	20	Бахмутскій	1,06	23	Аткарскій	0,74	17
Московск. губ. .	2,03	20	Вяземскій .	0,82	24	Самарскій	0,74	17
Рязанскій уѣздъ	2,01	14	Полтав.губ.	0,88	17	Обоянскій.	0,81	11
С.-Петерб.губ.*)	1,9	10	Саратовскій	0,84	16	Городницкій	0,88	7
Щигров. уѣздъ.	1,48	10	Тульскій .	0,88	9			
Ростовск. (на Д.)	1,3	22	Петровскій.	0,77	17	Царицын.	+0,83	10

По относительному количеству купеческихъ земель на первомъ планѣ стоятъ четыре губерніи: Олонецкая (33,6), Владимірская (27), Вятская (25) и Самарская (20‰); немалую роль купеческое землевладѣніе играетъ еще въ губерніяхъ: Оренбургской (19,2), Московской (18), Костромской (18), Бессарабской (17,8), Новгородской (17), Саратовской (16), Уфимской (15,8) и Тамбовской (15).

Прибыль купеческаго землевладѣнія констатирована въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи: въ Московской губерніи (за 20 лѣтъ почти въ 6 разъ), въ Рязанскомъ уѣздѣ (за 14 лѣтъ въ 7½ разъ), въ Рыльскомъ, Путивльскомъ, Щигровскомъ, Саратовскомъ, Петровскомъ и Аткарскомъ уѣздахъ. Въ Полтавской губерніи усиленная покупка земли купцами наблюдалась въ началѣ 70 годовъ, а съ конца 70 годовъ началась усиленная распродажа. Въ Царицынскомъ уѣздѣ у купцовъ почему-то оказывается громадная убыль земли (за 10 лѣтъ 74‰).

Личная собственность крестьянъ, помимо крайняго сѣвера, т.-е. губ. Архангельской (95,4) и Вологодской (26,6), особенно значительна въ Ярославской (23,2) и Тверской губ. (20,8), затѣмъ немаловажна въ губерніяхъ Костромской (18), Псковской (17,2), Таврической (14,2), Калужской (14), Новгородской (13,8), Владимірской (12,8) и Самарской (11). Всѣ работы земскихъ статистиковъ единогласно свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ возрастаніи личной крестьянской собственности. Новый толчекъ этому возрастанію дало учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка. Приведемъ отношеніе земли, купленной крестьянами до 1 марта 1886 года при содѣйствіи крестьянскаго банка, къ прежней площади личнаго крестьянскаго землевладѣнія; отношеніе это мы беремъ только для тѣхъ губерній, гдѣ банкъ дѣйствуетъ съ 1883 года.

*) Петербургская губернія изслѣдована отдѣльно г. Штейномъ (Яковъ: „Сравн. статист.“ Томъ II). Остальные данныя выбраны изъ земскихъ сборниковъ.

Уфимская губ. . .	107,7°/о	Біевская . . .	71,3°/о	Черниговская.	40,3°/о
Саратовская . . .	78,9 <	Полтавская	69 <	Херсонская . .	20,7 >
Екатеринославск.	77,2 <	Волынская	59,8 <	Тверская. . . .	7,2 >
Могилевская. . .	75,1 <	Подольская	58 <		

Согласно вѣдомости банка по 1 марта 1886 г. *), на долю сельскихъ обществъ приходится 28,3°/о общаго числа покупокъ, на долю товариществъ 58,3°/о и на долю отдѣльныхъ лицъ 13,3°/о.

Взглянемъ теперь на распредѣленіе личной поземельной собственности по размѣру владѣнія. Къ крупной собственности отнесемъ всѣ владѣнія свыше 1,000 десятинъ, въ средней отъ 100 до 1,000 десятинъ, въ мелкой менѣе 100 десятинъ. Общее распредѣленіе по областямъ выразится слѣдующею таблицей:

Области:	На 100 дес. личной собствен. приход.:			Области:	На 100 дес. личной собствен. приход.:		
	Крупн.	Средн.	Мелк.		Крупн.	Средн.	Мелк.
Приуральск. . .	97	2	1	Крайн. сѣверь.	58	21	21
Прибалтійск. . .	92	7	1	Литовская. . .	56	33	11
Нижеволжск. . .	80	17	3	Моск. пром. . .	55	31	14
Новороссійск. . .	75	22	3	Центр. землед. .	53	37	10
Юго-западн. . .	75	21	4	Малороссійская .	49	36	15
Бѣлорусская . .	74	20	6				
Приозерская . .	67	23	9	Европ. Россія .	70,6°/о	22,6°/о	6,8°/о

Только одна область, Малороссійская, имѣетъ менѣе половины земли въ крупной собственности; наибольшее развитіе крупной собственности замѣчается въ периферическихъ областяхъ: на востокѣ, на югѣ и западѣ; только Литва въ этомъ отношеніи приближается къ коренной Велико-россіи. Малороссія даетъ высокія цифры какъ для средняго, такъ и для мелкаго землевладѣнія; по среднему ее нѣсколько превосходитъ центральная Россія, а по мелкому въ Малороссіи близка промышленная область.

Разсматривая распредѣленіе крупной собственности по губерніямъ, мы встрѣчаемъ картину нѣсколько болѣе пеструю, чѣмъ та, которая представлялась намъ въ распредѣленіи дворянской собственности. Свыше 90°/о частновладѣльческой земли въ крупной собственности имѣютъ 5 губерній: Пермская (99,3), Оренбургская (94,3), Астраханская (93), Лифляндія (94) и Вятская (90,4). Отъ 80 до 90°/о имѣютъ на востокѣ: Уфимская (89,3), Самарская (85), Саратовская (80); на западѣ: Эстляндская (85) и Минская (86) и на югѣ Таврическая (83). Отъ 70 до 80°/о оказывается въ 14 губерніяхъ, отъ 50 до 70°/о въ 11 губерніяхъ. Наконецъ, менѣе 50°/о крупной собственности имѣетъ сплошной кусокъ средней Россіи, состоящій изъ губерній: Черниговской (49,7), Псковской (49,3), Калу-

*) Вѣстникъ Финансовъ 1886 г., № 9.

ской (47), Орловской (47), Рязанской (46), Тверской (43), Полтавской (43), Московской (42), Курской (37), Ярославской (35) и Тульской (33).

Что касается измѣненія количества крупной собственности (свыше 1,000 дес.) во времени, то мѣстами констатируется прибыль земли въ этой формѣ владѣнія, мѣстами, напротивъ, убыль ея.

Процентъ ежегодной прибыли.

Обоянскій уѣздъ	+ 0,33%	Самарскій уѣздъ	+ 0,2%
Вяземскій »	+ 0,37 »	Саратовскій »	+ 0,14 »
Борисоглѣб. »	+ 0,31 »	Городницкій »	+ 0,09 »

Процентъ ежегодной убыли.

Рязанскій уѣздъ	— 1,1%	Аткарскій уѣздъ	— 0,07%
Московская губ.	— 0,22 »	Петровскій »	— 0,03 »
Царицынскій уѣздъ	— 0,16 »		

Для средней поземельной собственности классическою мѣстностью является Тульская губернія, гдѣ 57% личной собственности принадлежитъ именно среднимъ владѣльцамъ (отъ 100 до 1,000 дес. у каждаго). Затѣмъ видную роль она играетъ (занимая отъ 40 до 50%) въ крестообразной фигурѣ, группирующей около Тульской губ.: губерніи Московской (49), Орловской (42), Курской (44), Калужской (41) и Рязанской (40). Большая часть губерній имѣютъ отъ 20 до 40% въ средней собственности. Всего меньше ея оказывается (менѣе 10%) въ губерніяхъ прибалтійскихъ, приуральскихъ и Астраханской.

Объ измѣненіяхъ въ среднемъ землевладѣніи многіе земскіе сборники не позволяютъ судить, потому что употребляютъ группировку отъ 50 до 200 дес. (данныя дѣлаются неудобосравнимыми съ группировкою центрального комитета).

Мелкой личной собственности (помимо дальняго сѣвера) оказывается всего больше въ Ярославской губерніи (27%), т.-е. тамъ же, гдѣ всего болѣе личной крестьянской земли. Затѣмъ слѣдуютъ Тверская губ. (19%), тоже богатая крестьянскою землею, и три мелкодворянскихъ губерній: Курская (19%), Полтавская (18,5) и Черниговская (16%). Всего меньше мелкой собственности въ Лифляндіи (0,1%) и на крайнемъ востокѣ: въ Оренбургской (0,3), Астраханской (0,1) и Пермской губ. (0,03).

Самое мелкое землевладѣніе (меньше 50 дес.), по свидѣтельству земскихъ статистиковъ, повсюду расширяетъ свою площадь.

Средній размѣръ одного частнаго владѣнія представляетъ значительныя колебанія какъ по областямъ, такъ и по губерніямъ.

По областямъ онъ измѣняется такъ:

Приуральская.	2,771 дес.	Юго-западная	282 дес.	Центр. землед.	123 дес.
Нижневолжск.	492 »	Бѣлорусская	272 »	Москов. пром.	86 »
Прибалтійская.	459 »	Приозерная.	175 »	Малороссійская	81 »
Новороссійская	450 »	Литовская.	149 »	Крайн. сѣверъ	65 »

Въ колебаніи средняго размѣра личной собственности по губерніямъ замѣчается нѣкоторая правильность. Средній размѣръ выше 500 десятинъ встрѣчается только на окраинахъ. Самый меньшій размѣръ (менѣе 80 дес.) оказывается именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ наиболѣе развито мелкое землевладѣніе.

Изъ трехъ важнѣйшихъ сословій наибольшій средній размѣръ владѣнія имѣютъ купцы (771 дес. для всей Россіи), за ними слѣдуютъ дворяне (638 дес.) и значительно уступаютъ тѣмъ и другимъ крестьяне (20,1 дес.).

Во многихъ мѣстностяхъ средній размѣръ дворянскаго имѣнія превышаетъ 1,000 десятинъ; изъ отдѣльныхъ уѣздовъ наибольшій средній размѣръ дворянскаго имѣнія оказывается въ Верхотурскомъ уѣздѣ (332,907 дес.). Менѣе 100 десятинъ среднее дворянское владѣніе занимаетъ только въ Архангельской губ., 2 уѣздахъ Вологодской и, кромѣ того, въ Полтавскомъ (98 дес.) и Миргородскомъ (92 дес.) уѣздахъ.

Съ теченіемъ времени средній размѣръ владѣнія вообще (безъ различія сословія) уменьшается, хотя средній размѣръ дворянскаго владѣнія мѣстами увеличивается вслѣдствіе того, что во многихъ мѣстахъ изъ дворянскихъ рукъ особенно сильно уходятъ имѣнія меньшаго размѣра.

Кромѣ рассмотрѣнныхъ нами трехъ главныхъ категорій поземельной собственности (т. е. государственной, крестьянской надѣльной и личной собственности), существуютъ еще земли, принадлежащія удѣлу, церквамъ, монастырямъ, частнымъ обществамъ, компаніямъ и другимъ учрежденіямъ, но эти земли не имѣютъ уже такого общаго значенія, какъ тѣ, на которыхъ мы останавливались, и въ сложности занимаютъ $\frac{1}{20}$ части Европейской Россіи.

Общее распредѣленіе удобныхъ земель въ 12 областяхъ Европейской Россіи (49 губерній) представляется въ слѣдующемъ видѣ *):

Области.	Государств.	Крест. надѣлу	Личн. собств.	Остальн. вѣнѣ.	Области.	Государств.	Крест. надѣлу	Личн. собств.	Остальн. вѣнѣ.
Малороссійская..	3,3	52,0	43,0	1,7	Литовская.....	10,7	43	45	1,3
Новороссійская..	4,3	41	50,0	4,7	Нижеволжская	13,3	51	26	9,3
Центр. землед. .	4,3	56	37	2,7	Приуральская..	34,0	33,3	17,1	14,3
Юго-западная...	4,3	43,3	47,4	4,4	Приозерная....	46,4	20,1	28,0	5,3
Бѣлорусская....	6,7	35,0	57,0	1,3	Крайн. сѣверъ .	93,7	3,0	1,3	2,0
Прибалтійская...	7,3	42,0	47,4	2,3					
Москов. промыш.	10,3	46	37	6,3	Европ. Россія..	40	31	24	5

И такъ, важнѣйшею категоріей (по количеству земли) является для Россіи государственная поземельная собственность, за нею слѣдуютъ крестьянскіе надѣлы и потомъ уже личная собственность.

*) Области расположены по возрастающему количеству государственнаго землевладѣнія.

Въ заключеніе повторимъ нѣкоторые общіе выводы относительно распределенія поземельной собственности въ Европейской Россіи.

1) Государственное землевладѣніе развито всего болѣе на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ (къ сѣверу отъ средняго теченія Волги).

2) Въ 4 областяхъ Европейской Россіи за 20 лѣтъ произошло увеличеніе площади государственнаго землевладѣнія.

3) Крестьянская надѣльная земля занимаетъ относительно наибольшее пространство въ центральной и юго-восточной Россіи.

4) Въ районахъ общиннаго землевладѣнія процентъ безнадѣльныхъ крестьянъ оказывается особенно высокимъ въ нечерноземныхъ уѣздахъ.

5) Средній размѣръ надѣла бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (при всѣхъ единицахъ исчисленія) уступаетъ размѣру бывшихъ государственныхъ; различіе между этими разрядами особенно рѣзко въ юго-восточной и южной Россіи.

6) Размѣръ надѣла оказываетъ прямое вліяніе на приростъ мѣстнаго населенія (Семеновъ).

7) Личная поземельная собственность развита гораздо сильнѣе на западѣ, чѣмъ на востокѣ Россіи.

8) Ежегодный процентъ мобилизаціи частновладѣльческой земли колеблется по различнымъ уѣздамъ въ весьма широкихъ предѣлахъ.

9) Дворянское землевладѣніе развито всего сильнѣе на западныхъ окраинахъ (съ польскимъ и нѣмецкимъ дворянствомъ); дворянское землевладѣніе почти повсюду уменьшаетъ свою площадь.

10) Личная крестьянская собственность повсюду возрастаетъ; крестьянскій банкъ оказалъ уже замѣтное вліяніе на расширеніе этой категоріи землевладѣнія.

11) Крупное землевладѣніе (свыше 1,000 дес.) мѣстами расширяетъ, мѣстами теряетъ свою территорію.

12) Самое мелкое землевладѣніе (менѣе 50 дес.) повсюду расширяетъ свою площадь.

А. Fortunatovъ.

Наши самоучки.

(*Материалы для истории народного просвещения в России. Самоучки. Собрал И. С. Ремизовъ. Съ приложеніемъ 4 портретовъ. Спб., 1886 г. (выпускъ I).*)

Вниманіе почтеннаго автора давно уже обратили на себя наши самоучки. Въ былое время онъ издавалъ о нихъ отдѣльныя книжечки, предназначенныя, главнымъ образомъ, для той среды, изъ которой по преимуществу и выходятъ самоучки. Теперь онъ снова завелъ бесѣду о нихъ, собираясь современемъ ее продолжать въ предполагаемыхъ имъ дальнѣйшихъ выпускахъ, — бесѣду, не даромъ носящую и болѣе широкое заглавіе: *Материалы для истории народного просвещения в России*. Въ этой бесѣдѣ съ читателями уже не изъ народа, а изъ классовъ, стоящихъ у него во главѣ и имъ правящихъ, авторъ смотритъ на нашихъ самоучекъ, какъ на самый благодарный матеріалъ для созданія той русской образованности, для которой такъ называемое «народное просвѣщеніе» должно служить только первою, но самою необходимою, конечно, ступенью. Въ настоящемъ выпускѣ выступаютъ передъ нами пока И. Т. Посошковъ, московскій крестьянинъ-мыслитель (1665—1726 г.); И. П. Булибинъ, нижегородскій механикъ-самоучка (изъ мѣщанъ) (1735—1818); А. В. Ступинъ, арзамаскій мѣщанинъ-иконописецъ (1776—1861); Ф. Н. Слѣпушкинъ, ярославскій крестьянинъ-стихотворецъ (1786—1848), и Ф. А. Семеновъ, курскій астрономъ-самоучка (изъ купеческаго, весьма достаточнаго, но вовсе не образованнаго семейства) (1794 — 1860). Уже эти пять лицъ, обстоятельно выясненныхъ авторомъ, являются съ его стороны самыми внушительными свидѣтелями, которыми и должны будутъ пользоваться какъ адвокаты широты и свободы образованія въ Россіи, такъ и та обвинительная власть, задача которой — дѣйствовать съ ними за одно, грома какъ явное, такъ и затаенное стремленіе ставить для того преграды. Прочитавъ одинъ этотъ первый выпускъ и вспомнивъ затѣмъ значительный рядъ также снизу возникшихъ людей, которые не остались только самоучками, немислимо, кажется, вторить тѣмъ академическимъ, барски и національно-предубѣжденнымъ нѣмцамъ, съ кото-

рыми ратовалъ такъ упорно великій Ломоносовъ, доказывая имъ, что образованіе не можетъ составлять монополію только извѣстныхъ націй и извѣстныхъ общественныхъ классовъ, и указывая имъ на себя, какъ на внушительное предвозвѣщеніе будущихъ «многочисленныхъ Ломоносовыхъ».

Но взглянемъ только внимательнѣе въ этихъ, такъ и оставшихся *самоучками*. Посошковъ, не говоря уже о предъказаніи имъ того, что «помѣщики крестьянамъ не вѣковые владѣльцы» и что можно цѣнить только «вещи грунтованныя» (т.-е. что подушная подать должна быть отмѣнена),—Посошковъ создаетъ, оставаясь на почвѣ нашихъ земскихъ обычаевъ и преданій, своеобразно-обоснованное ученіе объ «общесовѣтїи», которому суждено было просто заглохнуть, не оставивъ слѣда даже въ дальнѣйшемъ ходѣ нашей литературы. Кулибинъ, этотъ «дюжинный мастеръ изъ бородачей», какъ величали его тѣ самые академики, съ которыми ратовалъ Ломоносовъ, не только умудрился на свое гусиное яйцо-часы съ заключавшимися въ немъ музыкальными и лѣпными диковинами, но и соорудилъ ту успѣшно испытанную модель моста-дуги безъ свай, которой пришлось, однако же, просто безслѣдно пропасть, хотя ею уже рѣшалась задача, выполненная 70 лѣтъ спустя при постройкѣ въ Петербургѣ Николаевского моста (говорить ли объ изобрѣтенной нашимъ механикомъ искусственной ногѣ, о которой такъ долго спорили отечественные доктора и ученые, пока она не была увезена въ Парижъ какимъ-то французомъ, вскорѣ и разбогатѣвшимъ отъ чужаго изобрѣтенія?). Ступинъ, воспитывавшійся у какой-то мѣщанки, которая 8-ми лѣтнимъ повела его смотрѣть, какъ прогоняютъ сквозь строй, и, только уступая усиленнымъ просьбамъ даровитаго мальчика, взяла его изъ мелочной лавочки и отдала на выучку въ сосѣду-иконописцу, Ступинъ добился,—наконецъ, и возможности доучиться въ петербургской академіи художествъ и сдѣлался основателемъ арзамаской школы живописи, хотя, по замѣчанію г. Ремезова, «работы питомцевъ этого заведенія и не могли представлять *школы* въ художественномъ смыслѣ слова, т.-е. не отличались преемственностью въ направленіи, потому что самъ Ступинъ въ короткое время пребыванія въ академіи могъ приобрести лишь навыкъ рисовать болѣе или менѣе правильно, но сущности искусства усвоить не могъ по недостатку основательнаго образованія» (стр. 103). Тѣмъ не менѣе, ему удалось открыть дорогу къ благородному художническому труду многимъ талантливымъ людямъ въ провинціи, и, разумѣется, не его вина, если одинъ изъ самыхъ даровитыхъ его учениковъ не успѣлъ осуществить возлагавшихся на него надеждъ вслѣдствіе своей преждевременной смерти. «Мясниковъ,—разсказываетъ о немъ г. Ремезовъ,—отличался пылкимъ воображеніемъ и чрезвычайно благороднымъ характеромъ; чтеніемъ книгъ онъ настолько развилъ себя, что, при несомнѣнномъ талантѣ, ему предстояла, по окончаніи курса въ академіи, блестящая будущность. Но

дѣло въ томъ, что, будучи крѣпостнымъ г. Гладкова, онъ не былъ воленъ располагать своею судьбой. Стоя по развитію гораздо выше своего помѣщика, онъ, конечно, тяготился своею отъ него зависимою. Войдя въ затруднительное положеніе Мясникова, «общество поощренія художниковъ предложило за него г. Гладкову выкупъ въ 2000 р. Но помѣщикъ, какъ кажется, забавляло, что развитой человѣкъ находится въ его волѣ, и потому онъ наотрѣвъ отказалъ отпустить своего талантливаго крѣпостнаго на свободу. Этотъ отказъ такъ сильно подѣйствовалъ на бѣднаго Мясникова, что онъ съ отчаянія застрѣлился» (стр. 101, прим.).

Счастливые даровитаго ступинскаго ученика оказался четвертый изъ самоучекъ г. Ремезова, Слѣпушкинъ. Правда, его барыня, г-жа Новосильцова, запросила было за него 30,000 р., но согласилась, наконецъ, его уступить за 3,000 р., собранныхъ по подпискѣ кн. Т. В. Юсуповою. За то, при всей своей замѣчательной предприимчивости, смѣлой рѣшительности и нравственной высотѣ, Слѣпушкинъ, по мнѣнію г. Ремезова, удался вообще менѣе другихъ самоучекъ въ томъ смыслѣ, что изъ него вышелъ только любитель или дилеттантъ въ живописи и въ стихотворствѣ. Нашъ авторъ даже заканчиваетъ свой очеркъ Слѣпушкина слѣдующею моралью, обращенною не столько къ нему самому, сколько къ русскому обществу: «Если бы нашъ крестьянинъ-стихотворецъ получалъ лучшее образованіе, то, по всей вѣроятности, понялъ бы, что знаніе правилъ стихосложенія замѣнить таланта не можетъ, и потому, не тратя времени на стихотворство, обратилъ бы свои способности на болѣе полезную для общества дѣятельность». Но, вѣдь, это еще вопросъ: такъ ли уже бездаренъ въ своихъ стихахъ Слѣпушкинъ, какъ оно представлялось Бѣлинскому—въ силу той особой художнической требовательности, которая съ такимъ избыткомъ продолжала иногда сказываться у знаменитаго критика даже въ позднѣйшій, критико-публицистическій періодъ его дѣятельности?

Бить, по волѣ отца, вмѣстѣ съ работниками скотъ на бойнѣ и продавать затѣмъ мясо на рынкѣ и, въ то же время, бесплодно задавать окружающимъ вопросы: «отчего небо имѣетъ голубой цвѣтъ? почему солнце свѣтитъ только днемъ, а луна и звѣзды блестятъ по ночамъ? и что такое эти самыя свѣтила небесныя?»—такова была первоначальная участь послѣдняго изъ народныхъ героевъ г. Ремезова, Семенова, «астрономсамоучки», какъ онъ его называетъ. Но вотъ, послѣ цѣлыхъ десятилѣтій труда, такъ сказать, ощупью, съ запоздалымъ добываньемъ такихъ книгъ, съ которыхъ надобно бы было начать, Семеновъ, по замѣчанію г. Ремезова, «въ 1840 г. едва ли не первый изъ нашихъ астрономовъ заявилъ въ *Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* о предстоявшемъ черезъ два года полнонь солнечномъ затмѣніи», и, какъ оказывается далѣе, не ошибся въ своемъ заявленіи. «Точно также,—продолжаетъ г. Ремезовъ,—въ 1850 г. Семеновъ напечаталъ составленную имъ

карту полного солнечнаго затмѣнія, которое должно было послѣдовать 16 іюля 1851 г., присоединивъ къ ней объяснительную записку съ выводами изъ сдѣланныхъ имъ по этому предмету вычисленій»,—трудъ, вызвавшій самые одобрительные отзывы такихъ ученыхъ, какъ Перовицковъ и Савичъ.

Но довольно, чтобы дать бѣглое понятіе о любопытной книжкѣ г. Решезова, съ которою многіе, конечно, пожелаютъ непосредственно ознакомиться. Мы желали бы только въ заключеніе замѣтить, что почтенный авторъ недостаточно показалъ зависимость своихъ героевъ отъ той народной почвы, на которой они возникли. Дѣло въ томъ, что они не только какія-нибудь счастливыя исключенія, а краснорѣчивые свидѣтели о народѣ и въ пользу народа,—свидѣтели, которыхъ оказывалось бы налицо гораздо болѣе, если бы мы внимательнѣе слѣдили за всѣми признаками ихъ появленія. Если не только покойный Погодинъ, но вслѣдъ за нимъ и проф. Брикнеръ готовы были считать Посошкова прямо *гениальнымъ*, то мнѣніе это надо провѣрить и, какъ намъ кажется, отвергнуть. Къ сожалѣнію, нашъ авторъ, приводя изъ Посошкова большую выписку о правосудной книгѣ, оставляетъ насъ передъ этими страницами, какъ передъ сырымъ матеріаломъ. Между тѣмъ, для насъ важно знать, Посошковъ ли своимъ личнымъ умомъ додумался до всего этого, или онъ только провозвѣстникъ народнаго здраваго смысла и народныхъ бытовыхъ преданій,—вопросъ, который, по нашему крайнему разумѣнію, рѣшается не въ пользу исключительныхъ дарованій Посошкова, а въ пользу народа вообще, т.-е. рѣшается какъ свидѣтельство о необходимости для народа безпрепятственнаго органическаго развитія,—такого развитія, при которомъ «многочисленные Ломоносовы», переставая быть самоучками, не переставали бы быть такими чисто-народными, почвенно-живыми людьми, какъ Посошковы.

Нашему автору приходится и по поводу Посошкова, и по поводу Слѣпушкина коснуться такъ называемаго раскола, — религіозно-бытоваго явленія, къ которому едва ли уже можно въ наше время относиться такъ, какъ относились сами отставшіе отъ него, Посошковъ и Слѣпушкинъ, или какъ относились къ нему съ тогдашнихъ культурныхъ высотъ Ломоносовъ и Бантемиръ. «Въ основѣ раскола, какъ извѣстно,—утверждаетъ нашъ авторъ,—лежитъ одно догматизированіе обряда» (стр. 12). «Старовѣрчество,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—стремясь оставить навсегда духовныя силы въ усыпленіи, въ застоѣ, считаетъ всякую попытку ума выйти изъ этого оцѣпенія—суетудріемъ, грѣхомъ» (стр. 112). Пытливый умъ Слѣпушкина, по мнѣнію нашего автора, «не могъ не замѣтить у старовѣровъ замѣны истинныхъ правилъ христіанской жизни одною пустою наружною обрядностью» (стр. 115). Но, вѣдь, забвенія истинныхъ правилъ христіанской жизни было, конечно, немало и на сторонѣ, сжигавшей раскольниковъ въ срубахъ,—сжигавшей за непослушное

упорство въ томъ обрядовомъ формализмѣ, который, въ сущности, былъ только исчадіемъ исторически сложившагося формализма тѣхъ, которые жгли раскольниковъ. Въ расколѣ, во всякомъ случаѣ, были и есть и другія стороны—церковно-бытовыя. Когда нашъ авторъ, противопоставляя Рыбацкую слободу лежавшей на противоположномъ берегу Невы нѣмецкой колоніи, указываетъ на то, что Слѣпушкина привлекали въ послѣдней «достатокъ, довольство, порядокъ, чистота», то онъ, вѣроятно, не знаетъ или позабываетъ, что то же самое можно очень часто найти и у нашихъ раскольниковъ. Дѣло, должно быть, и тутъ въ такихъ «прекрасныхъ распорядкахъ», которые замѣтны иногда и у насъ, но по преимуществу сохранились именно въ старообрядцествѣ. Невольно задумаешься въ разсказѣ о Слѣпушкинѣ надъ тѣмъ незнакомцемъ, который неожиданно ссудилъ Слѣпушкина 700 руб. для поправленія его обстоятельствъ, сказавъ: «на что тебѣ меня знать, вѣдь, я тебя знаю»,—судилъ, да болѣе и не показывался. Откуда онъ, на какой почвѣ возникъ? Откуда и въ самомъ Слѣпушкинѣ то, что, обзаведясь кирпичнымъ заводомъ, онъ сталъ для рабочихъ «вторымъ отцомъ, кормильцемъ, совѣтникомъ, судьей, заботливымъ попечителемъ о больныхъ» (стр. 121)? Откуда и то, что «онъ всегда совѣстился притѣснять своихъ должниковъ и, встрѣтивъ кого-нибудь изъ нихъ, обыкновенно показывалъ, что не замѣчаетъ, потому что по опыту зналъ, какъ тяжело встрѣчаться съ заимодавцемъ» (стр. 122), и отчего, съ другой стороны, многіе, выйдя въ люди, т.-е. сравнительно разбогатѣвъ, подобно Слѣпушкину, становятся, напротивъ того, прижимистыми,—тѣмъ, что называется у народа *кулакомъ*? Отчего, въ самомъ дѣлѣ, одинъ и тотъ же народный нашъ *міръ* порождаетъ въ одно и то же время и самоотверженнаго *мірянина*, и *мірота*?

Но книга г. Ремезова тѣмъ, между прочимъ, и хороша, что возбуждаетъ немало вопросовъ. Значительнымъ пособіемъ для приисканія отвѣта на нихъ могутъ служить тѣ чрезвычайно добросовѣстно составленные библиографическіе указатели, которые помѣщены у него вслѣдъ за каждымъ изъ его очерковъ.

Закончимъ пожеланіемъ почтенному автору продолжать свой полезный трудъ. Пусть и тѣ дальнѣйшіе самоучки, которые остаются у него въ запасъ, также громко указываютъ, особенными обстоятельствами своей жизни, на тѣхъ многочисленныхъ русскихъ людей, въ которыхъ отъ нашего лѣниваго равнодушія и сонной неподвижности нерѣдко совсѣмъ угасаетъ присущая имъ, хотя бы и не въ такой степени, искра Божія.

Ор. Миллеръ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБЗРѢНІЕ.

Женское образованіе.—Записка о женскихъ гимназіяхъ.—Областной земскій съѣздъ въ Казани.—Страхованіе скота.—Земскія недоимки.—Денежный вопросъ въ земствѣхъ и въ волостяхъ.—Отношеніе земства къ народному образованію.—Новыя возвышенія таможеннаго тарифа.—Виды на урожай и вывозъ хлѣба.—Новое положеніе о добровольномъ флотѣ.—Приготовленіе къ судебной реформѣ въ балтійскомъ краѣ.—Законъ о новыхъ правахъ присяжныхъ на судѣ.—Преобразованіе адвокатскихъ совѣтовъ.—Мѣры относительно евреевъ въ вѣдомствѣ судебномъ.—Новый законъ о воинской повинности евреевъ.—Анти-еврейская полемика въ Варшавѣ.—Вопросъ о преобразованіи интендантства.

Направленія, какія сказываются въ нашей общественной жизни, нерѣдко портятся тѣмъ, что къ нимъ присоединяется мода. Это вовсе не парадоксъ. Хотя въ модѣ сказывается то самое направленіе, которое она беретъ преувеличивать и передразнивать, но въ ней отражается еще и нѣчто другое, а именно поверхностность пониманія и убѣжденія, несерьезность мысли, значительная степенъ умственнаго убожества, съ одной стороны, и обезьянства, въ цѣляхъ пустаго тщеславія,—съ другой. Мода, это—шарлатанство направленія, жалкое пристройство личной мелкоты къ важной, дѣйствительной общественной потребности.

Такъ, было время, когда, вслѣдъ за таяніемъ тридцатилѣтняго льда, сковывавшаго всю общественную жизнь, всѣ насущныя, долго гложувшія потребности заявили о себѣ естественными своими всходами. Въ числѣ ихъ была не только потребность личной безопасности и свободы труда для крестьянина, самоуправленія для уѣзда, правосудія и образованія для всѣхъ, но, между прочимъ, и потребность въ среднемъ и высшемъ образованіи для женщинъ. Въ законности, въ глубокой основательности стремленія женщинъ къ образованію не было возможности сомнѣваться, съ какой бы даже крайне-консервативной точки ни смотрѣть на назначеніе женщины въ обществѣ, хотя бы съ той, подновленной нынѣ графомъ Л. Толстымъ въ послѣдней его статьѣ въ *Русскомъ Богатствѣ*, но весьма не новой, въ сущности, точки зрѣнія, что мужчина призванъ работать, а женщина по преимуществу **рожать** и воспитывать дѣтей. Нельзя воспи-

тывать успѣшно, не имѣя образованія, и, дѣйствительно, почтенный авторъ признаетъ, что женщины, наравнѣ какъ и мужчины, необходимо «знаніе истины».

И вотъ, четверть вѣка тому назадъ возникли у насъ женскія гимназїи, которыхъ учрежденіе справедливо считалось въ то время важнымъ шагомъ впередъ нашего общественнаго развитія, а самое учрежденіе этихъ среднихъ женскихъ школъ для приходящихъ, — необходимо о томъ напомнить, — осуществилось ближайшимъ попеченіемъ покойной Императрицы Марїи Александровны. Одновременно проявилось и стремленіе русскихъ дѣвушекъ къ высшему образованію, притокъ нѣкотораго ихъ числа въ университеты иностранныя и Гельсингфорскій, наконецъ, возникли высшіе женскіе курсы.

Но къ серьезной, возвышенной, можно сказать, священной потребности примѣшалась, передразнивая ее, мода. Немалое число дѣвушекъ являлось въ столицы не столько съ цѣлью серьезнаго ученья, сколько изъ тщеславія поступить въ категорію «развитыхъ» женщинъ. Онѣ-то занялись болѣе всего, такъ сказать, «водруженіемъ знамени» развитости, старались выставить свое новопріобрѣтенное званіе при помощи разныхъ ребяческихъ особенностей въ одеждѣ, манерѣ держать себя и т. п. А такъ какъ у насъ нѣтъ недостатка въ такихъ семьяхъ, гдѣ дѣти не получаютъ никакого нравственнаго воспитанія, гдѣ первобытная дикость едва-едва прикрашивается наружными признаками того, что, смотря по сословіямъ, считается за «приличіе», то понятно, что тѣ изъ числа исказившихъ занятія наукой дѣвушекъ, которыя не имѣли серьезной умственной жизни, не влеклись истиннымъ призваніемъ къ образованію, а только слѣдовали «модѣ», вносили въ свою новую среду нѣкоторое ребяческое хвастовство, слишкомъ наивное, впрочемъ, чтобы оправдывать ту ожесточенную, ту, можно сказать, фанатическую ненависть, какую ребячество этихъ клеветчатыхъ шляцъ, пледовъ и т. п. вызвало со стороны многихъ далеко не праведниковъ. Съ другой стороны, неизбѣжно было въ средѣ учащихся нѣкоторое проявленіе некультурности, какую онѣ выносили изъ своихъ семей и которая и прежде нисколько не сдерживалась, а только прикрывалась «благовоспитанно» сложенными ручками и накрахмаленными воротничками.

Мы не отрицаемъ, что затѣмъ могла появиться и дѣйствительная общественная потребность сгладить нѣсколько эти шероховатости, а, главное, устранить фальшь и, пожалуй, нѣкоторое кривлянье. Но нужно, все-таки, замѣтить, что потребность въ такой поправкѣ представляла собой нѣчто второстепенное, не могущее идти ни въ какое сравненіе съ капитальной нуждой, — въ самомъ укрѣпленіи и распространеніи въ Россіи дѣла женскаго образованія.

«Поправка» эта и начиналась уже сама собою. На женскихъ курсахъ устанавливалась болѣе и болѣе серьезность, ребяческое стремленіе къ

внѣшнимъ отличіямъ исчезало. Предстояло озаботиться упроченіемъ существованія высшихъ училищъ для женщинъ. Какъ извѣстно, съ прекращеніемъ пріема на существующіе курсы, дальнѣйшее рѣшеніе этой задачи выпало на долю особой комиссіи, о предположеніяхъ которой пока ничего неизвѣстно, а, стало быть, невозможно и предугадывать для этого дѣла успѣхъ или неуспѣхъ въ ближайшемъ будущемъ. Относительно же женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній предстояло рѣшить и здѣсь тотъ вопросъ, который пока не рѣшенъ еще удовлетворительно для среднихъ школъ мужскихъ, а именно вопросъ объ освобожденіи гимназій отъ переполненія такими учениками и ученицами, которыхъ родители отдають въ гимназіи только за недостаткомъ иныхъ учебныхъ заведеній, съ курсомъ болѣе краткимъ, и которые гимназическаго курса «не кончаютъ», а, между тѣмъ, понижаютъ уровень самаго «духа» общеобразовательнаго училища, отчасти же и самаго преподаванія. Понятно, что при равномъ запасѣ свѣдѣній, удостовѣренномъ на вступительномъ экзаменѣ, присутствіе въ заведеніи значительнаго числа учениковъ, принесшихъ изъ дому меньшую степень умственнаго развитія, неизбѣжно задерживаетъ общій ходъ ученія. Приходится лишній разъ повторять, возвращаться къ тому, что предполагается усвоеннымъ прежде, наконецъ, задавать менѣе.

Таковы были дѣйствительныя нужды высшаго и средняго образованія для женщинъ къ тому времени, когда окончилось двадцатипятилѣтнее существованіе у насъ женскихъ гимназій. Но какъ первоначально самое движеніе къ образованію было отчасти невѣрно оцѣнено прицѣпившеюся къ нему «модой», такъ теперь дѣйствительная потребность въ небольшой поправкѣ можетъ также выродиться въ своего рода «моду», которая бы все преувеличила, исказила и могла бы угрожать самому дѣлу женскаго образованія, какъ оно было поставлено у насъ.

Весьма характернымъ признакомъ возможности появленія такой моды представляется документъ, носящій на себѣ несомнѣнные признаки того, что называется «знаменіемъ времени». Мы хотимъ говорить о запискѣ, составленной г-жею Пиккеръ, бывшею начальницей одесской женской гимназіи, подъ заглавіемъ: *О мѣрахъ для надзора за ученицами женскихъ гимназій*. Этотъ «документъ», какъ мы выразились, заслуживаетъ вниманія никакъ не по глубинѣ мыслей, не по рациональности и практичности указываемыхъ въ немъ мѣръ, но именно и исключительно потому, что въ немъ отражается нѣчто недоброе, несомнѣнно витающее въ воздухѣ, и еще потому, что записка эта разслана по одесскому учебному округу при циркулярѣ попечителя, г. Сольскаго.

Въ запискѣ, о которой мы говоримъ, излагается, между прочимъ: «Всѣмъ намъ извѣстенъ безотрадный типъ большинства нашихъ гимназистокъ, въ которомъ, по какому-то роковому совпаденію случайностей, сочетались и грубость натуры, и ухарство, и отсутствіе основательныхъ знаній; всѣ мы точно также прислушались къ ропоту общества на пла-

чевное состояніе гимназій, а у многихъ изъ интеллигентной публики эта антипатія возрасла до размѣровъ какого-то суевѣрнаго страха при мысли о воспитаніи дочерей въ гимназіи. По мнѣнію этихъ послѣднихъ, отдать дочь въ гимназію, это обречь ее на закланіе, на вѣрную гибель». Послѣ такой рекомендаціи гимназій со стороны бывшей начальницы одной изъ нихъ въ запискѣ г-жи Пиккеръ отзываются знакомыя погудки кастовой исключительности, смотрящей на общее, а тѣмъ болѣе на высшее образованіе какъ на дворянскую привилегію. Такъ, гимназическое образованіе не можетъ быть достойнѣе *всѣхъ сословій*: «извращая прямое назначеніе женскихъ гимназій, гимназія не должна превращаться (по мнѣнію г-жи Пиккеръ, это превращеніе уже совершилось) въ благотворительное учрежденіе, въ исправительный дѣтскій пріютъ, куда, подъ предлогомъ ученья, стекаются нищія дѣвочки, чтобъ укрыться отъ черной работы, холода, побоевъ и одѣться на счетъ различныхъ обществъ вспомошествованія».

Когда въ запискѣ доказывается, что для общества нужнѣе «хорошо обученныя портнихи, перчаточницы, поварихи, нежели нищенствующія и малограмотныя учительницы», то это не ново. Характеристично, однако же, что во главѣ женскихъ профессій, болѣе необходимыхъ обществу, чѣмъ плохія учительницы, поставлены именно портнихи и перчаточницы, которыя дѣйствительно необходимы для «общества», особенно для «хорошаго общества», пожалуй, даже болѣе, чѣмъ не только плохія, но и самыя лучшія русскія учительницы. Бѣда лишь въ томъ, что несомнѣнныя истины, а выражаясь правильнѣе, общія мѣста этого рода высказываются всегда съ особыми, всѣмъ извѣстными цѣлями. «Всесословность образованія», — вотъ что возмущаетъ г-жу Пиккеръ, и она высказываетъ это открыто, потому что раствореніе воздуха благопріятно для такой откровенности. Ее возмущаетъ; что городскія и земскія учрежденія даютъ на свои средства среднее образованіе десяткамъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ дѣтей, причеиъ «низкость происхожденія» даетъ, будто бы, даже «ученику безъ всякихъ способностей какъ бы преимущественное право на поступленіе въ гимназію».

Само собою разумѣется, что истиннымъ идеаломъ для женскаго образованія и воспитанія г-жѣ Пиккеръ должны представляться не училища для дѣвочекъ всѣхъ сословій, притомъ, «открытыя» училища для приходящихъ, но институты, гдѣ и сословная исключительность можетъ быть поддерживаема и гдѣ «надзоръ» за училищами предоставленъ всецѣло въ руки воспитательницъ. «Не подлежитъ сомнѣнію, — говоритъ она, — что для успѣха дѣла воспитатель долженъ имѣть матеріалъ въ своихъ рукахъ, а отсюда одинъ выходъ, это — сосредоточеніе возможно большаго количества ученицъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія, т.-е. учрежденіе пансіона при женской гимназій, въ который ученицы помѣщались бы на полное иждивеніе, подъ непосредственное руководство воспитательницъ». И

такъ, разрывъ съ семьей,—вотъ что по этому взгляду представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ для воспитанія дѣвочекъ. «Потворство капризамъ и фантастическимъ вкусамъ разнородныхъ родителей, стараніе поддѣлаться подъ домашнюю обстановку, образъ жизни, привычки и симпатіи каждой (?) отдѣльной семьи, чѣмъ теперь, по отзыву г-жи Пиккеръ, занимаются наши женскія гимназіи, только роняютъ достоинство воспитателя, у котораго должна быть самостоятельность дѣйствій».

Все это очень старо, все это давно опровергнуто и пережито и, какъ извѣстно, за послѣднія лѣтъ двадцать самыя институты признали необходимость сближенія съ семьей, стали отпускать воспитанницъ въ семьи на каникулы, даже на праздники. Во всѣхъ разсужденіяхъ г-жи Пиккеръ примѣчательно, повторяемъ, только то, что настоящее время считается благоприятнымъ для возобновленія пропаганды этихъ допотопныхъ взглядовъ, да еще то, что записка ея разослана при попечительскомъ циркулярѣ.

Жалуясь на «роковое сочетаніе» въ большинствѣ гимназистовъ грубости натуры, ухарства и отсутствія основательныхъ знаній, г-жа Пиккеръ думаетъ посредствомъ превращенія гимназій въ закрытыя заведенія «воскресить все болѣе исчезающій, по общему мнѣнію, образъ умной женщины, исполненной граціи и женственности», и рассылка этой записки при циркулярѣ сама по себѣ выражаетъ сочувствіе къ воскрешенію этого, будто бы, исчезающаго типа. Оставляя въ сторонѣ «мѣщанскихъ и крестьянскихъ дѣтей», которыя, очевидно, не представляютъ «матеріала» для воскрешенія такого эстетическаго типа, мы должны, однако, спросить, исполнѣ ли точно воспоминаніе автора записки о преобладаніи типа этого въ большинствѣ хотя бы средняго и низшаго дворянства, а также купечества у насъ въ старыя годы? Нельзя не замѣтить, что у самыхъ замѣчательныхъ нашихъ писателей такой типъ встрѣчается только въ видѣ исключеній. Большинство учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣвушекъ принадлежало и принадлежитъ у насъ доселѣ, все-таки, къ тѣмъ сословіямъ, для которыхъ записка предполагаетъ исключительно предоставить гимназіи, къ сословію дворянства, чиновничества, духовенства и купечества. Ученицы изъ прочихъ сословій въ гимназіяхъ и до сихъ поръ составляютъ незначительное меньшинство. Но дикость природы, слабость домашняго воспитанія вовсе не составляютъ исключительной черты «низкости происхожденія». Женскіе типы въ *Горь отъ ума*, въ *Ревизорѣ* и въ большинствѣ драмъ Островскаго взяты не изъ крестьянскаго и мѣщанскаго міра.

Между тѣмъ, школа, въ воспитательномъ отношеніи, или не дастъ того, чего не дала семья, или если привьетъ что-нибудь свое, особенное, то это будетъ нѣчто искусственное, идущее въ разрѣзъ съ условіями жизни. Въ закрытыхъ заведеніяхъ дѣти и подростки приучаются видѣть уровень необходимаго въ томъ, чѣмъ шеголяютъ наиболѣе достаточныя

изъ нихъ, приучаются къ чванству, зависти и недовольству болѣе бѣдною обстановкой, какая ожидаетъ ихъ въ жизни. Но на развитіе добрыхъ природныхъ качествъ воспитатели и воспитательницы въ закрытыхъ заведеніяхъ мало имѣютъ вліянія, во-первыхъ, потому, что большинство воспитателей относится къ своему дѣлу только съ формальной стороны, и, во-вторыхъ, потому, что для того, чтобы вліять на внутреннее развитіе человѣческаго существа, надо приобрести полное его довѣріе, что именно для пансіонскаго начальства особенно трудно. По всей вѣроятности, начальницы и нѣкоторыя надзирательницы женскихъ гимназій были бы очень довольны осуществленіемъ мысли г-жи Пиккеръ, такъ какъ завели бы при гимназіяхъ пансіоны и гимназіи превратились бы изъ «благотворительныхъ заведеній для нищихъ дѣвочекъ», какъ выражается бывшая начальница, въ гостиницы для достаточныхъ барышень; но собственное успѣхъ въ смыслѣ воспитательномъ былъ бы тутъ не при чемъ.

На ряду съ пожарами, о которыхъ говорится въ *Очеркахъ русской жизни* этой же книги нашего журнала, другимъ экономическимъ бичемъ Россіи являются падежи скота. Обсужденіемъ мѣръ для борьбы съ эпизоотіями занимался въ прошломъ мѣсяцѣ земскій съѣздъ въ Казани, примѣчательный по самому своему составу. Это былъ съѣздъ областной, въ которомъ участвовали представители земства восьми губерній приволжскаго края, въ числѣ 50. Съѣздъ, между прочимъ, высказался за обязательное убиваніе зачумленнаго скота съ отнесеніемъ расходовъ по борьбѣ съ чумой исключительно на средства губернскаго земскаго сбора. Такимъ образомъ, вознагражденіе, идущее въ пользу владѣльцевъ убиваемаго скота, должно будетъ пасть не на однихъ сельскихъ хозяевъ, но на все населеніе, участвующее въ платежѣ земскихъ сборовъ.

Рѣшеніе объясняется тѣмъ, что огромное большинство всего населенія заинтересовано въ охраненіи скота, въ особенности же владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, уплачивающіе губернской сборъ. Впрочемъ, если бы для составленія капитала, служащаго для вознагражденія за убиваемый скотъ, облагались особымъ сборомъ владѣльцы скота, то, въ сущности, вышло бы то же самое, съ тою только разницей, что сборъ этотъ представлялся бы въ видѣ налога на содержаніе скота, что могло бы, пожалуй, имѣть неблагопріятное послѣдствіе.

Вопросъ о томъ, какъ плательщики смотрятъ на налогъ, взимаемый въ томъ или другомъ видѣ, имѣетъ свое особенное значеніе. Налогъ въ формѣ обязательнаго земскаго страхованія скота могъ бы повести къ уменьшенію количества скота, между тѣмъ какъ тотъ же самый налогъ, но въ видѣ возвышенія губернскаго земскаго сбора, уплаты котораго нельзя избѣгнуть, хотя вовсе не содержи скота, такого послѣдствія имѣть не можетъ. А какъ великъ можетъ быть расходъ въ этомъ случаѣ, это показываютъ данныя относительно борьбы съ чумой въ 1884 году въ Са-

марской губерніи, гдѣ за убитый скотъ было выдано вознагражденія болѣе 600 тысячъ рублей.

Естественно, что средства для борьбы съ чумой должны быть однообразны для значительной полосы, иначе зараза будетъ распространяться. Это и повело къ разрѣшенію земскаго съѣзда восьми губерній по вопросу столь спеціальному. Съѣздъ, конечно, призналъ необходимость однообразія въ мѣрахъ для достиженія этой цѣли.

Между тѣмъ, для Псковской губерніи, какъ сообщаетъ корреспондентъ *Новаго Времени*, недавно утверждено положеніе именно объ обязательномъ страхованіи скота. Положеніе это соответствуетъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, тому проекту, который былъ утвержденъ губернскимъ земскимъ собраніемъ и рассчитанъ на покрытие потерь отъ падежа при посредствѣ ежегоднаго сбора по $1\frac{1}{4}$ коп. съ рубля стоимости всего скота, включая и мелкій. Впрочемъ, одно изъ измѣненій, сдѣланныхъ при разсмотрѣніи этого проекта въ министерствѣ, — разсмотрѣніи, которое продолжалось болѣе года, состояло въ исключеніи мелкаго скота изъ страхованія. Едва ли не слѣдуетъ отдать преимущество тому источнику для вознагражденія, какой принять на казанскомъ съѣздѣ. Составленіе особаго капитала изъ сбора по $1\frac{1}{4}$ коп. въ рубль стоимости крупнаго и мелкаго скота или хотя бы до $1\frac{1}{2}\%$ оцѣнки, какъ установлено закономъ 1879 г., возможно, но капиталъ этотъ легко можетъ исчерпаться въ половинѣ дѣйствія одной эпидеміи. Сверхъ того, для первоначальнаго введенія въ дѣйствіе правилъ о страхованіи требуются расходы, которые приходится все равно относить на общій губернский сборъ.

Вообще вопросъ объ обязательности убиванія зачумленнаго скота и обязательности страхованія не вполне еще выяснился. Нѣкоторыя земства, напр., новгородское и тверское, относятъ вознагражденіе на общій губернский сборъ, какъ теперь рѣшено въ Базани, другія — на сборъ съ владѣльцевъ скота. Нѣкоторыя земства стѣсняются ввести обязательность страхованія тѣмъ, что оно еще не введено въ смежной губерніи, откуда можетъ проникнуть зараза, и т. п. Очень различны и нормы вознагражденія, выдаваемого за скотъ, какъ, напр., не свыше 8 руб. за голову крупнаго скота (въ галичскомъ земствѣ) и 40 руб. за вола (въ московскомъ). Весьма важно въ дѣлѣ прекращенія эпизоотій въ Россіи окончательное уничтоженіе скотопрогонныхъ дорогъ и бичевой тяги, съ передвиженіемъ скота только по желѣзнымъ дорогамъ, гдѣ онѣ есть, конечно, и съ замѣной лошадиной тяги судовъ буксировкою, опять-таки гдѣ есть пароходы.

Вопросъ «депешный» всегда останется у земства въ состояніи плачевномъ — до преобразованія всего уѣзднаго управленія на земскомъ началѣ. Земскія недоимки, какъ извѣстно, постоянно возрастаютъ. Такъ, на последнемъ засѣданіи уѣзднаго елисаветградскаго собранія указыва-

лось, что недоимки превзошли уже сумму 200 т. рублей, и возбужденъ былъ вопросъ объ образованіи «института» частныхъ земскихъ сборщиковъ, которымъ уплачивалось бы по 2% съ суммы взысканныхъ недоимокъ. Сборщиковъ назначить бы легко, только спрашивается: какаа же была бы у нихъ, независимо отъ общей полиціи, власть къ понужденію плательщиковъ? Елисаветградское собраніе нашло рѣшеніе весьма практичное, именно: не учреждать частныхъ земскихъ сборщиковъ, по ту же уѣздную полицію заинтересовать въ взысканіи земскихъ недоимокъ, предложивъ ей два процента съ взысканной суммы.

Сомпѣваемся, однако, чтобы рѣшеніе это прошло безъ протеста со стороны администраціи, которая въ настоящее время, какъ извѣстно, возбуждаетъ даже вопросъ о незаконности назначенія земствами денежнаго вознагражденія исправникамъ, взамѣнъ подводной повинности. А, между тѣмъ, въ томъ, какъ и въ другомъ случаѣ отражается, въ сущности, только все одинъ и тотъ же вопросъ, выдвигаемый самою жизнью на каждомъ шагу,—о неестественности раздвоенія властей, о необходимости придать всему управленію уѣзда характеръ земскій.

Такъ и специально въ вопросѣ о взиманіи земскихъ сборовъ, который включаетъ въ себѣ и вопросъ объ устраненіи недоимокъ. Въ елисаветградскомъ собраніи повторилось повсемѣстное сѣтованіе, что при взносѣ денегъ плательщиками, прежде всего, отчисляются сборы казенные, а потомъ уже земскіе, «такъ что зачастую бываетъ, что казна получаетъ все, а земство ничего». Нѣкоторые гласные высказывались за ходатайство о «пропорціональномъ распредѣленіи поступающихъ суммъ между казною и земствомъ». Это вопросъ также не новый, но неразрѣшимый впредь до приданія однородности всѣмъ учрежденіямъ въ уѣздѣ. Доселѣ въ разныхъ земствахъ были придумываемы разныя средства для рѣшенія специального вопроса о поступленіи земскихъ сборовъ. Было ходатайство суджанскаго земства, сходное съ мыслью, теперъ заявленномъ въ елисаветградскомъ собраніи, именно ходатайство о томъ, чтобы казначейство отчисляло въ земскій сборъ изъ поступленій ту долю, которая приходится земству, пропорціонально всѣмъ окладнымъ сборамъ.

Новгородское земство нѣсколько лѣтъ тому назадъ ходатайствовало даже, чтобы обязанность взиманія всѣхъ вообще окладныхъ сборовъ и недоимокъ была поручена специальнымъ сборщикамъ, которыхъ бы избирало земство. Новгородское земство ссылалось при этомъ на неудовлетворительное поступленіе въ губерніи и казенныхъ сборовъ при нынѣшнемъ порядкѣ взиманія полиціею, которая обременена другими обязанностями, на избавленіе обществъ отъ расходовъ по доставленію денегъ въ казначейство, наконецъ, на удобство соединить въ однѣхъ рукахъ взиманіе всѣхъ окладныхъ сборовъ, между тѣмъ какъ при отдѣльномъ взиманіи разными вѣдомствами можетъ происходить конкуренція.

Къ нынѣшнимъ соображеніямъ елисаветградскаго и прежнимъ нов-

городскаго собраній можно прибавить, что поступленіе земскихъ сборовъ при нынѣшнихъ порядкахъ всегда должно быть неисправно, такъ какъ собранныя отъ плательщиковъ деньги отчисляются въ уплату земскихъ сборовъ уже третьими поочереді: сперва крестьянскія власти удерживаютъ изъ денегъ общественные сборы, потомъ въ уѣздѣ удерживаютъ казенные сборы и только то, что остается, зачисляется въ пользу земства.

Наконецъ, когда думаютъ о болѣе усердномъ содѣйствіи полиціи възысканію недоимокъ въ земскихъ сборахъ, то представляютъ себѣ обыкновенно, что вотъ исправники и становые пригрозятъ волостнымъ старшинамъ, которыхъ имѣютъ право самихъ подвергать «възысканіямъ», а старшины примутъ уже сами или посредствомъ волостныхъ судовъ надлежащія «мѣры» противъ неплательщиковъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, болѣе часть недоимокъ по земскимъ сборамъ состоитъ совсѣмъ не за крестьянами, а за частными владѣльцами, которые упомянутымъ мѣрамъ не подлежатъ. Есть губерніи, напр., Вологодская, Херсонская, въ которыхъ болѣе $\frac{3}{4}$ всей суммы земскихъ недоимокъ числится за частными владѣльцами. Затѣмъ изъ остальной, собственно крестьянской доли въ суммѣ недоимокъ нѣкоторую часть невозможно възыскать никакими мѣрами и кто бы за възысканіе ни брался, такъ какъ възыскать не съ чего. Чаше всего въ такомъ положеніи оказываются, конечно, получившіе такъ называемые даровые надѣлы.

Возрастаніе недоимокъ по земскимъ сборамъ обратило на себя и вниманіе правительства. Какъ слышно, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, независимо отъ сужденій земствъ, вырабатываются въ настоящее время предположенія о мѣрахъ къ обезпеченію болѣе правильнаго поступленія земскихъ сборовъ. Одновременно, въ статистическомъ отдѣлѣ министерства разрабатываются затребованныя отъ земствъ данныя относительно исполненія земскихъ смѣтъ, съ цѣлью составленія общаго свода. Эта работа представитъ то преимущество, что статистическія данныя по всѣмъ земскимъ губерніямъ будутъ собраны въ однородныхъ раздѣленіяхъ. Предположено, какъ говорятъ, обязать земства ежегоднымъ доставленіемъ въ министерство данныхъ по обложенію населенія и по движенію суммъ.

Данныя эти могутъ, конечно, послужить и для соображеній о государственныхъ налогахъ. Но что касается самыхъ «мѣръ» къ болѣе успѣшному поступленію земскихъ сборовъ, то не знаемъ, удастся ли и администраціи придумать что-либо новое въ этомъ отношеніи, такое, что не было бы ранѣе придумываемо въ земствѣ, только оставалось безъ разрѣшенія. Сюда относятся: 1) побужденіе плательщиковъ черезъ полицію; 2) установленіе нормы для пропорціональнаго зачисленія въ сборы государственные и земскіе платежей, собираемыхъ сельскими начальствами и полицейскими органами; 3) установленіе пеней за просрочку; 4) исключеніе недоимщиковъ изъ избирательныхъ списковъ; 5) назначеніе спе-

ціальныхъ сборщиковъ отъ земства и 6) учрежденіе выборныхъ отъ земства сборщиковъ для взиманія всѣхъ огладныхъ платежей, какъ земскихъ, такъ и государственныхъ, о чемъ упомянуто выше.

Въ неурядицѣ по сбору и произвольному зачисленію платежей въ налоги казенные или земскіе отражается, очевидно, все тотъ же вопросъ, на который мы указывали не разъ,— неурядица въ самомъ устройствѣ уѣзднаго управленія. Это и есть вопросъ общій, безъ разрѣшенія котораго немислимо удовлетворительное рѣшеніе и отдѣльныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, какъ-то: денежнаго, строительнаго, пожарнаго, охраненія лошадей отъ угона, лѣсовъ отъ порубки, садовъ отъ расхищенія, скота отъ нарушенія противочумныхъ мѣръ и т. д.

Въ волостяхъ «денежный» вопросъ представляется, прежде всего, въ излишней обременительности общественныхъ сборовъ, зависящей не только отъ возможныхъ и въ другихъ учрежденіяхъ злоупотребленій, но и отъ недостаточнаго пользованія сходами тѣми правами, какія имъ принадлежать по закону. Недавно въ *Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* напечатанъ былъ циркуляръ, изданный губернаторомъ вслѣдствіе произведенной имъ ревизіи трехъ волостей. Въ этомъ циркулярѣ замѣчается, что волостныя правленія не считаютъ себя ни зависимыми отъ сходовъ въ производствѣ расходовъ на свое содержаніе, ни обязанными давать сходамъ отчетъ въ расходованіи денегъ и сходы не настаиваютъ на своемъ правѣ. Отсюда истекаетъ возможность такихъ явленій, что въ одной изъ обревизованныхъ волостей содержаніе волостнаго управленія обходится крестьянамъ въ 2,155 рублей, причѣмъ старшина поставляетъ отъ себя шесть лошадей для разѣздовъ по волостнымъ дѣламъ и ставитъ ихъ еще въ счетъ волости за 2,260 рублей. Губернаторъ нашелъ также, что самое счетоводство въ волостяхъ находится въ совершенномъ запущеніи. Недостатки эти приписываются циркуляромъ бездѣятельности уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, которыя остаются «какъ бы въ полной незвѣстности относительно образа дѣйствій подвѣдомыхъ имъ властей»; поэтому присутствіямъ предписывается внимательнѣе относиться къ дѣлу.

Между тѣмъ, каковы бы ни были нареканія, взводимыя на земство, но несомнѣнно, что его издержки на управленіе не только не возрастали, но постепенно уменьшались въ процентномъ отношеніи къ общей суммѣ расходовъ. Такъ, на содержаніе земскаго управленія въ 1871 году расходовалось 13 процентовъ общаго расходнаго итога, а въ 1880 году уже только 9,6 процентовъ, между тѣмъ какъ относительный расходъ на народное образованіе въ тотъ же періодъ времени почти удвоился, а именно, составляя въ первомъ изъ названныхъ годовъ 7,6, доходилъ въ послѣднемъ до 14,3% бюджета.

Неудовлетворительное поступленіе земскихъ сборовъ и возрастаніе не-

допомоць не могутъ, однако, не отзываться преимущественно на тѣхъ отрасляхъ земской дѣятельности, которыя, по инымъ еще условіямъ, представляютъ въ то или другое время менѣе задатковъ для успѣха. Поэтому неудивительно, если нынѣ затраты земства на народное образование, вмѣсто того, чтобы возрастать съ трехлѣтія до трехлѣтія, быстрѣе, чѣмъ всѣ другіе необязательные расходы, останутся на прежнихъ цифрахъ или станутъ даже сокращаться. Любопытное указаніе въ этомъ смыслѣ содержится въ корреспонденціи изъ Верхнедѣпровска въ *Одесскій Листокъ*. Мѣстная уѣздная управа недавно разослала учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ циркуляръ, въ которомъ извѣщаетъ о намѣреніи земства упразднить съ будущаго года, вмѣстѣ съ другими необязательными для земства расходами, и расходы по народному образованію и, такимъ образомъ, предупреждаетъ, что учителя могутъ или остаться безъ мѣста, или продолжать свой трудъ только за то скудное жалованье, какое имъ въ состояніи будутъ предложить нѣкоторыя крестьянскія общества. Въ циркулярѣ объяснено, что «земство намѣрено совершить такой шагъ какъ по причинѣ своихъ финансовыхъ затрудненій, такъ и вслѣдствіе нравственной необязательности для земства заботиться о народномъ образованіи».

Сознаніе такой «необязательности», замѣтимъ мы, во всякомъ случаѣ, явленіе новое, такъ какъ въ прежнее время, при нѣскольکو иныхъ, правда, условіяхъ, въ земствѣ нашемъ было живое сознаніе, что попеченіе о распространеніи образованія въ народѣ должно составлять одну изъ главныхъ нравственныхъ обязанностей земства. Времена измѣняются и можно опасаться, что сознаніе это, дѣйствительно, будетъ слабѣть въ земствѣ. Такъ, въ харьковскомъ губернскомъ собраніи въ концѣ прошлаго года указывалось на послѣдовавшее уже сокращеніе въ губерніи числа народныхъ школъ, въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ, на 217.

Можно ли ожидать, что развитіе народнаго образованія, при ослабленіи, по разнымъ причинамъ, рвенія къ нему со стороны земства, будетъ обезпечено распространеніемъ вновь учреждаемыхъ школъ церковно-приходскихъ? Для содѣйствія содержанію этихъ школъ назначено въ нынѣшнемъ году пособіе отъ казны въ 120 тысячъ рублей. Но это вновь прибывшее для народнаго образованія пособіе не можетъ, конечно, уравнивать сколько-нибудь замѣтнаго сокращенія въ общей издержкѣ земства на тотъ же предметъ. И самая необходимость, какая оказалась, чтобы въ помощь церковно-приходской школѣ пришла казна, свидѣтельствуетъ, что распространеніе этихъ школъ не въ состояніи было бы вознаградить за сколько-нибудь значительную убыль въ школахъ земскихъ.

Въ связи съ особымъ попеченіемъ по духовному вѣдомству о распространеніи школъ церковно-приходскихъ находится и предпринятый нынѣ, по слуху, министерствомъ народнаго просвѣщенія пересмотръ положенія объ учительскихъ семинаріяхъ и курса въ этихъ заведеніяхъ, съ цѣлью

согласовать ихъ характеръ именно съ преподаваніемъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Предполагается усилить въ семинаріяхъ собственно религиозное обученіе, а также преподаваніе церковно-славянскаго языка, а по другимъ предметамъ курсъ упростить. Въ какой мѣрѣ такое преобразование учительскихъ семинарій и приурочиваніе въ нихъ курса спеціально въ виду преподаванія въ церковно-приходскихъ школахъ останется безъ вліянія на пожертвованія, дѣлаемые земствомъ въ пользу этихъ семинарій, это представляется открытымъ вопросомъ, какъ, впрочемъ, и вообще дальнѣйшее отношеніе земства къ необязательнымъ для него расходамъ на народное образованіе.

Въ области интересовъ промышленныхъ надо отмѣтить за истекшій мѣсяць, прежде всего, любопытное явленіе дипломатическаго протеста противъ дальнѣйшаго возвышенія у насъ пошлинъ на привозное желѣзо. Извѣстно, что уральскіе заводчики продолжали свою агитацію въ смыслѣ такого возвышенія. Мы уже рассказывали въ одномъ изъ предшествующихъ обзорѣній, какъ уральскіе заводы, соблазнившись нѣсколькими примѣрами выгодной продажи листового желѣза на нижегородской ярмаркѣ, обратились, главнымъ образомъ, къ выработкѣ этого желѣза и наводнили имъ прошлогоднюю ярмарку до того, что огромныя партіи листового желѣза остались на ней не проданными, а вслѣдъ затѣмъ подняли вопль о кризисѣ, о предстоящемъ разореніи заводовъ, а съ ними и миллионнаго горнозаводскаго населенія.

Цѣны на листовое желѣзо дѣйствительно упали съ 4 и 4¹/₂ рублей до 2 и 2¹/₂ р., что зависѣло какъ отъ усиленнаго предложенія, такъ и отъ упадка спроса, зависѣвшаго отъ сокращенія строительства въ большихъ городахъ, подѣ вліяніемъ общаго застоя. Въ нынѣшнемъ году уральскіе заводчики отчасти оставили выработку листового желѣза и обратились къ приготовленію желѣза сортового. Но такъ какъ, вслѣдствіе пониженія цѣнъ на хлѣбъ, заработки крестьянъ вообще сократились, то требованіе и на сортовое желѣзо очень слабо. Вслѣдствіе того, жалобы со стороны уральскихъ желѣзозаводчиковъ раздались громче прежняго и на иностранную конкуренцію, и на «чужездную» желѣзную промышленность въ Царствѣ Польскомъ, которая работаетъ на каменномъ углѣ, мѣстномъ и привозномъ, и на «передѣлочные» заводы въ другихъ губерніяхъ, которые хотя работаютъ также по большей части на иностранномъ углѣ, но за то зорко слѣдили за всѣми усовершенствованіями техники. Между тѣмъ, уральскіе заводы, правда, не уменьшали «выгодности торговаго баланса», но за то съ поразительною быстротой уменьшали лѣсное богатство Урала, такъ какъ они работаютъ на древесномъ углѣ, и хотя владѣльцы этихъ заводовъ отрицали свою отсталость въ техникѣ, вопреки отзывамъ специалистовъ горнаго дѣла, но больше всего твердили именно объ интересахъ миллионнаго горнозаводскаго населенія.

Какъ бы то ни было, предположеніе о дальнѣйшемъ возвышеніи пошлинъ на привозное желѣзо, стало быть, возникло и въ административныхъ сферахъ, если явилась необходимость дипломатическаго протеста со стороны Германіи. Въ какой формѣ выразился этотъ протестъ, мы не знаемъ, но содержаніе его, вѣроятно, сходно съ тою угрожающею статьей, которая появилась 24 іюня въ полуофициальномъ органѣ прусскаго правительства — *Северогерманской Газетѣ*. Официозная газета обращалась, разумѣется, только къ русскимъ газетамъ же, требовавшимъ возвышенія пошлинъ на желѣзо, и открыто угрожала возвышеніемъ въ такомъ случаѣ пошлины въ Германіи на русскій хлѣбъ и дѣсь. Угроза эта выражена въ добродушно-иронической формѣ: «Простѣйшее средство противъ чрезмѣрнаго производства, — говорила *Nordd. Allg. Ztg.*, — можетъ быть, при нынѣшнихъ отношеніяхъ между обоими государствами, примѣнено самымъ дружескимъ образомъ: Россія можетъ ограничить излишекъ производства въ Германіи таможенною пошлиною на желѣзо, а Германія можетъ задержать излишекъ производства въ Россіи аграрными таможенными пошлинами». Вслѣдствіе такого dictum oscurum, предположеніе о возвышеніи пошлины на желѣзо пришлось отложить.

Въ такихъ новѣйшихъ явленіяхъ, относящихся къ желѣзодѣлательному производству въ Россіи, отразились весьма рельефнымъ образомъ двѣ истины, которыхъ поборники таможенныхъ преувеличеній никакъ не хотятъ признать. Первая изъ нихъ та, что возвышеніями тарифа нельзя поправить основнаго условія для производства — положенія внутренняго спроса. Упадокъ хлѣбнаго вывоза вліяетъ на спросъ заводскихъ и фабричныхъ продуктовъ, а возвышеніе таможенныхъ пошлинъ не можетъ измѣнить этого обстоятельства. Вторая истина та, что возвышеніе таможенныхъ пошлинъ есть средство, доступное не для одной страны, но и для другихъ, сосѣднихъ съ нею странъ, что это и есть именно та «палка», у которой «два конца».

Мы имѣемъ, однако, случай и на этотъ разъ упомянуть о новомъ шагѣ къ частному возвышенію таможеннаго тарифа. Это — утвержденный въ минувшемъ мѣсяцѣ законъ (3 іюня), который вводитъ новыя возвышенія пошлинъ на привозные купоросы, квасцы, соду, дымящуюся сѣрную кислоту и клей. Пошлины съ этихъ продуктовъ подняты въ значительномъ размѣрѣ; также повышена пошлина на огнепостоянный кирпичъ и глиняныя трубы, за то понижена пошлина на невыдѣланныя, мокросоленныя кожи. Всѣ эти измѣненія вводятся въ дѣйствіе уже съ 1 нынѣшняго іюля.

Такая спѣшность въ примѣненіи закона въ данномъ случаѣ объясняется желаніемъ устранить привозъ въ усиленномъ количествѣ продуктовъ, которымъ предстоитъ обложеніе. Но эта выгода едва ли можетъ уравновѣсить потрясеніе, происходящее въ расчетахъ торговцевъ. Нынѣшній законъ напечатанъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 18 іюня, а

пошлина взимается съ 1 іюля. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что могутъ быть случаи, когда торговецъ или заводчикъ, сдѣлавшій за границей заказъ на партію, положимъ, соды и пославшій 18 іюня телеграмму объ отгнѣнъ заказа въ виду возвышенія пошлины втрое, получить въ отвѣтъ, что товаръ уже нагруженъ. Столь внезапныя переиѣны производятъ неблагоприятное впечатлѣніе въ торговомъ мірѣ и принадлежать къ числу условій, затрудняющихъ, по отзыву иностранцевъ, веденіе торговыхъ дѣлъ съ Россією.

А, между тѣмъ, внѣшняя торговля наша такъ примѣтно ослабѣваетъ, что всякое лишнее затрудненіе вовсе не желательно. Цѣнность ввоза въ Россію за 1885 годъ составила только 381 милл. р., то-есть упала на 105 милл. р. противъ 1884 г., когда итогъ былъ 486 милл. р. Вывозъ упалъ въ 1885 году до 498 милл. р., между тѣмъ какъ онъ составлялъ 551 милл. р. въ 1884 году. Что уменьшеніе привоза вліяетъ отчасти и на сокращеніе отпуска,—какъ мы замѣчали въ предшествующемъ обзорѣ ни,—рельефиѣ всего доказывается цифрами, въ которыхъ выражается упадокъ нашей торговли съ Германією: привозъ уменьшился на 32 милл. руб., а отпускъ—на 40 милл. р.

Такъ какъ новыя измѣненія въ тарифѣ побудили насъ возвратиться къ состоянію внѣшней торговли, то приводимъ еще характерный примѣръ одного изъ тѣхъ «затрудненій», на которыя сѣтуютъ иностранцы. Англійскій генеральный консулъ въ Одессѣ, какъ передаетъ *Новое Время*, въ донесеніи своему правительству указываетъ на формальность, ограничивающую вывозъ русскаго хлѣба въ Англію. По распоряженію англійскаго правительства, суда, везущія хлѣбъ въ Англію, обязаны часть хлѣбнаго груза имѣть въ мѣшкахъ, такъ какъ если весь хлѣбный грузъ имѣется насыпью, то онъ передвигается въ трюмѣ, что ведетъ къ несчастнымъ случаямъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе введенія въ Россію пошлины на хлѣбные мѣшки, шкипера обязаны объявлять «въ точности» количество имѣющихся у нихъ для погрузки хлѣба мѣшковъ, а за неточность взыскиваются штрафы. Между тѣмъ, число мѣшковъ бываетъ на одномъ суднѣ 5—10 тысячъ, изъ которыхъ нѣкоторое количество теряется или портится; счетъ ихъ, конечно, не бываетъ точенъ, и штрафа трудно избѣгнуть. Консулъ приводитъ отзывы лицъ, торгующихъ въ Одессѣ, что «таможенное вѣдомство пользуется всякимъ случаемъ для нахождения затрудненій и относится крайне безучастно ко всѣмъ представленіямъ по этому предмету. Дѣло доходитъ до того, что, по мнѣнію консула, можно подумать, будто Россія желаетъ искоренить иностранную торговлю въ своихъ портахъ и сдѣлаться государствомъ, всѣмъ себя снабжающимъ».

Мы могли бы разуверять въ такомъ предположеніи почтеннаго консула ссылкой на торговцевъ не иностранныхъ, а русскіхъ, и русскіхъ же производителей всякаго рода, въ пользу которыхъ, по его мнѣнію,

формалистикою и совершеннымъ безучастіемъ къ частнымъ интересамъ притѣняется портовая торговля иностранцевъ. Эта формалистика, эта изобрѣтательная придирчивость примѣняются и къ «young nationals» еще въ сильнѣйшей степени, чѣмъ къ «foreigners». Это просто особенность излишества въ регламентаціи.

Упадокъ внѣшней торговли продолжаетъ отражаться и въ хлѣбномъ вывозѣ. Хлѣба вывезено до половины іюня только 12 милл. четвертей, изъ которыхъ три четверти приходится на одну Одессу. Жалобы на застой продолжаются, а между тѣмъ, виды на новый урожай обрисовываются благопріятно; въ восточныхъ губерніяхъ ожидаютъ даже урожая необыкновеннаго. Если въ прошломъ году, когда урожай озимыхъ хлѣбовъ былъ незначительно выше, чѣмъ въ 1884 году, но яровые хлѣба уродились плохо, тѣмъ не менѣе, цѣны на хлѣбъ упали противъ 1884 года, то понятно, что если нынѣшнія надежды на богатый урожай оправдаются, въ результатѣ будетъ еще большее паденіе цѣнъ. Замѣчательно, что изъ всего вывоза 12 милл. четвертей, бывшаго къ началу іюня, отпущено хлѣба изъ одной Одессы почти 8½ милл. четв. Вообще же цифра вывоза доселѣ нѣсколько менѣе, чѣмъ была къ тому же времени въ прошломъ году.

Говоря о продолжающемся застоѣ въ нашемъ хлѣбномъ отпускѣ и объ упадкѣ нашей внѣшней торговли вообще, мы должны еще нѣсколько остановиться на необходимости устраненія лишнихъ по меньшей мѣрѣ затрудненій, какими обставляется портовая торговля. Формалистика и придирчивость таможенъ — это одно условіе. Затѣмъ является недостаточная добросовѣстность комиссіонеровъ, идущая во вредъ какъ продавцамъ хлѣба, такъ и иностраннымъ его покупателямъ. Очень вѣроятно, что новѣйшее усиленіе движенія хлѣбныхъ грузовъ къ Одессѣ и относительное усиленіе отпуска хлѣба изъ одесскаго порта обусловлены до нѣкоторой степени тѣми мѣрами, которыя тамъ были приняты для устраненія посредничества комиссіонеровъ, для непосредственной сдачи хлѣба самими производителями или, по крайней мѣрѣ, первыми скупщиками на станціяхъ желѣзной дороги. Практикуемые комиссіонерами обмѣръ и обвѣсъ при приѣмѣ хлѣба обращаются въ убытокъ продавцамъ его, а смѣшеніе сортовъ—въ ущербъ иностраннымъ покупателямъ, которые затѣмъ охотнѣе обращаются къ другимъ рынкамъ.

«Добровольный» флотъ, возникшій послѣ войны съ Турціею на частныя пожертвованія и образовавшійся посредствомъ покупки судовъ за границей, не всегда, какъ говорилось, удачной, пахотился доселѣ въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи. Управляло имъ особое общество, но общество это не имѣло торговаго характера и преобладали въ немъ ваіянія административныя.

Въ настоящее время этотъ призракъ «общества» исчезаетъ. Добровольный флотъ дѣлается казеннымъ, т.-е. окончательно поступаетъ въ вѣдѣніе управляющаго морскимъ министерствомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, добровольный флотъ, по буквѣ новаго закона, долженъ сохранять какъ бы самостоятельность: имъ вѣдаетъ особый комитетъ, который подчиненъ собственно министру, но не департаментамъ министерства, и «ведетъ дѣла на коммерческомъ основаніи». Добровольный флотъ сохраняетъ свои отдѣльные капиталы, а отъ правительства получаетъ субсидіи, въ видѣ годичной помилной платы за обязательные рейсы. Самое это пользованіе субсидіей указываетъ какъ бы на самостоятельность добровольнаго флота. Но изъ совокупности всѣхъ статей закона явствуетъ, что никакой самостоятельности этотъ флотъ, все-таки, имѣть не можетъ. Это будетъ просто казенный флотъ, состоящій на особыхъ правахъ, потому что предназначенъ онъ отчасти для операцій торговыхъ; однако, самая его торговая дѣтельность будетъ торговлею казенной.

Впрочемъ, дѣятельность добровольнаго флота предназначается исключительно для востока. Цѣль его опредѣлена въ положеніи такъ: «содержать срочное почтовое и товаропассажирское сообщеніе между Одессою и портами восточнаго океана и, вообще, содѣйствовать развитію отечественной торговли». И такъ, за добровольнымъ флотомъ упрочивается то значеніе, какое онъ уже получалъ, именно быть русскимъ *Messageries* для восточно-океанскихъ сообщеній.

Управление флотомъ сосредоточивается въ комитетѣ, котораго председатель и два члена назначаются отъ морскаго министерства, одинъ членъ отъ министерства финансовъ и одинъ отъ государственнаго контроля. Последний имѣетъ въ комитетѣ только совѣщательный голосъ, какъ и инспекторъ флота, также назначаемый отъ морскаго министерства и непосредственно завѣдующій дѣлами флота. Комитетъ находится въ Петербургѣ, собирается не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ и рѣшаетъ дѣла по большинству голосовъ. Всѣ члены его и инспекторъ получаютъ казенное жалованье, а послѣдній еще процентное вознагражденіе изъ чистаго дохода. Инспекторъ заключаетъ контракты и условія по перевозкѣ и вѣдаетъ агентства, которыя открываются въ русскихъ и иностранныхъ портахъ. Въ офицерскія должности на судахъ флота и въ должности коммерческихъ агентовъ служащіе опредѣляются начальникомъ морскаго вѣдомства. Самая инструкция для инспектора, планъ дѣйствій добровольнаго флота и смѣты утверждаются морскимъ вѣдомствомъ, а денежные и матеріальные обороты подлежатъ ревизіи государственнаго контроля. Всѣ эти условія придаютъ добровольному флоту значеніе казеннаго и торговымъ его операціямъ характеръ казеннаго торговаго управленія.

Обратимся теперъ къ экономическимъ основаніямъ этого дѣла. Послѣ опредѣленія, что «операціи добровольнаго флота производятся на коммерческомъ основаніи», законъ указываетъ слѣдующія средства для этихъ

операцій: суммы, поступившія отъ бывшаго общества, могутъ поступать пожертвованія, доходы, получаемые за перевозку, и правительственное пособіе въ видѣ помилной платы. Соединеніе въ дѣлѣ трехъ элементовъ—казеннаго, коммерческаго и частныхъ пожертвованій—представляетъ, правда, нѣчто странное. Но все учрежденіе, какъ уже показано выше, будетъ казеннымъ. Добровольный флотъ, пользуясь помилною платой, подчиняется за то слѣдующимъ обязательствамъ: суда его должны совершать ежегодно не менѣ семи срочныхъ рейсовъ между Одессою и портами восточнаго океана, въ общей сложности не менѣ 141 тысячи миль. Сюда входятъ четыре рейса между Одессою, Владивостокомъ и обратно, съ заходомъ въ Ханькоу, Константинополь, Портъ-Саидъ, Аденъ, Сингапуръ и Нагасаки; два рейса между Одессою и портомъ Дуэ на Сахалинѣ, съ заходомъ въ тѣ же порты, кромѣ Ханькоу, и одинъ рейсъ между Одессою, Владивостокомъ и обратно черезъ Гонгъ-Конгъ.

Добровольный флотъ получаетъ субсидію въ размѣрѣ 4 руб. 25 коп. за каждую пройденную его судами милю по указаннымъ линіямъ, но субсидія эта не можетъ превышать въ общей сложности 600 тысячъ рублей въ годъ. Сверхъ того, флоту предоставляется привилегія и исключительное право на перевозку пассажировъ и грузовъ по распоряженіямъ министерствъ морскаго, военнаго и внутреннихъ дѣлъ, причемъ такія казенныя отправки могутъ быть совершаемы помимо добровольнаго флота только въ случаѣ его отказа или въ случаѣ если поставщикъ для казны взялъ казенный подрядъ на какіе-либо предметы съ доставкою на мѣсто. Такимъ образомъ, отправленіе во Владивостокъ и другіе восточные пункты солдатъ, ссыльныхъ на Сахалинъ, оружія, казенныхъ снарядовъ и припасовъ, а также почты, можетъ производиться только на судахъ добровольнаго флота. Собственно, письменная корреспонденція, посылаемая изъ почтамта, должна перевозиться бесплатно, а почтовые посылки по низшему размѣру тарифа.

Основаніе для тарифа по частнымъ перевозкамъ установлено на началѣ не вполне коммерческомъ, а именно на строгомъ соответствіи платы расстоянію, съ опредѣленіемъ максимума платы на одну навигацію. Добровольному флоту предоставлена еще привилегія безвозмезднаго пользования пустопорожними землями для возведенія на нихъ построекъ. Флоту предоставлено также строить и приобрѣтать морскія паровыя суда. Такимъ образомъ, имѣется въ виду дальнѣйшее развитіе добровольнаго флота. Цѣль эта должна достигаться не при помощи собственныхъ капиталовъ флота, страховаго и запаснаго, которые будутъ служить для приобрѣтенія новыхъ пароходовъ взаменъ дѣлающихся негодными и для «расширенія предпріятія добровольнаго флота». Распредѣленіе чистой прибыли отъ торговыхъ операцій флота не имѣетъ нисколько коммерческаго характера; оно должно употребляться: на вознагражденіе инспек-

тора (1%), награду служащимъ (10%) и на зачисленіе въ страховой и запасный капиталы.

Положеніе о добровольномъ флотѣ названо «временнымъ», потому что въ шестилѣтній срокъ послѣ изданія его морское министерство можетъ внести законодательнымъ порядкомъ проектъ измѣненій. Нельзя не согласиться, что обезпеченіе срочнаго русскаго пароходнаго сообщенія съ дальнимъ востокомъ Россіи, и, притомъ, съ нѣсколькими важными азіатскими портами, при ежегодномъ пожертвованіи изъ казначейства не болѣе 600 тысячъ рублей, есть дѣло весьма полезное, которому можно только пожелать упроченія и развитія. Но понятно, что «положеніе» о добровольномъ флотѣ не можетъ считаться образцомъ для созданія торговаго флота въ портахъ Европейской Россіи. Сношенія съ Владивостокомъ и Сахалиномъ имѣютъ еще преимущественно казенный характеръ, а потому такой характеръ можетъ принадлежать и флоту, который предназначенъ, главнымъ образомъ, для этой цѣли. Національный торговый флотъ въ портахъ Европейской Россіи можетъ создаться только частнымъ починомъ и на совершенно коммерческомъ основаніи, причемъ, однако, примѣнимо и оказаніе этому важному дѣлу государственнаго покровительства. Покровительство это могло бы выразиться въ тѣхъ же видахъ, какъ выразилось содѣйствіе государства постройкѣ желѣзно-дорожной сѣти, то-есть посредствомъ гарантіи процентовъ по акціямъ и облигаціямъ, но только слѣдовало бы желать, чтобы при этомъ воспользовались урокомъ желѣзно-дорожнаго строительства, которое, дѣйствуя, главнымъ образомъ, на капиталы, добытые казною, вело къ быстрому обогащенію нѣсколькихъ лицъ, съ далеко еще не обезпеченнымъ возвратомъ казны затраченныхъ ею громаднхъ суммъ.

Частному торговому флоту можно было бы предоставить «воспособленіе» въ иной еще формѣ, а именно въ видѣ помилной платы, какая уже предоставлена у насъ нѣкоторымъ пароходнымъ обществамъ и, несмотря на разныя связанныя съ нею неудобства, все-таки, представляетъ наиболѣе практичное средство для созданія національнаго флота,— средство, употреблявшееся и въ иныхъ странахъ. Русскимъ судамъ могли бы предоставляемы и нѣкоторыя преимущества въ нашихъ портахъ, по мѣрѣ истеченія срока торговыхъ трактатовъ съ другими странами, установившихъ равенство условій для иностранныхъ судовъ въ русскихъ портахъ съ судами національными. Такое «положительное» покровительство русской торговлѣ могло бы быть полезнѣе, чѣмъ неограниченное и быстрое усиленіе покровительства «отрицательнаго», которое представляется въ охраненіи внутренней промышленности ограниченными или запретительными таможенными пошлинами.

Поѣздка, совершенная въ прошломъ мѣсяцѣ великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ съ супругою по балтійскому побережью, вы-

зывала въ городахъ Остзейскаго края рядъ празднествъ и заявленій преданности. Введеніе въ томъ краѣ преобразованія полицейскихъ учрежденій на общемъ основаніи, какъ мы уже упоминали, нѣсколько отсрочилось, такъ какъ проектъ не успѣлъ пройти въ минувшей сессіи государственнаго совѣта. Въ іюнѣ обнародована была, однако, мѣра, которую можно разсматривать, какъ приготовительный шагъ къ введенію въ балтійскихъ губерніяхъ реформы судебной.

Мѣра, о которой мы говоримъ, вводитъ въ упомянутыхъ губерніяхъ съ 1 нынѣшняго іюля нѣкоторые новыя правила, касающіяся порядка судопроизводства и дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ, а также обязанностей лицъ прокурорскаго надзора. При этомъ учреждаются 13 новыхъ должностей товарищей губернскихъ прокуроровъ, а должности «фискаловъ», какъ назывались прокуроры при разныхъ административныхъ и муниципальных мѣстныхъ учрежденіяхъ, отмѣняются. Въ примѣненіи этой мѣры съ 1 іюля видятъ доказательство, что дѣло преобразованія въ балтійскомъ краѣ въ принципѣ не отложено совсѣмъ. Но нельзя не замѣтить того значительнаго разстоянія во времени, какое проявляется вообще по отношенію къ балтійскому краю между рѣшеніемъ вопроса въ принципѣ, даже полною выработкой закона и окончательнымъ его введеніемъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ, между прочимъ, и нынѣшнія правила, которыя были утверждены еще въ 1880 году, но 5 лѣтъ оставались, неизвѣстно почему, не введенными; въ прошломъ году они были просмотрѣны вновь и рѣшено было дать имъ примѣненіе, а послѣдовало это теперь, то-есть чрезъ шесть лѣтъ по утвержденіи правилъ.

Мы вовсе не принадлежимъ къ числу сторонниковъ насильственнаго обрусенія. По нашему убѣжденію, поднятію значенія великорусскаго элемента на окраинахъ вѣрнѣе могли бы служить успѣхи свободнаго его развитія въ центральныхъ губерніяхъ, чѣмъ стѣсненіе прочихъ этнографическихъ особенностей. Но въ Остзейскомъ краѣ вопросъ о неотлагательности преобразованія вовсе не представляется въ сомнительномъ видѣ попытокъ къ какой-либо этнографической передѣлкѣ. Это просто вопросъ объ устраненіи порядковъ феодальныхъ, давно отмѣненныхъ и въ Германіи, и въ Финляндіи, но державшихся такъ долго среди остзейскихъ вѣшцевъ, эстовъ и латышей исключительно въ силу административныхъ связей тамошняго помѣщичьяго класса. Репутація такъ называемой «лояльности», которую остзейскіе помѣщики всегда выдвигали какъ главный аргументъ для награжденія ихъ, такъ сказать, продолженіемъ ихъ привилегій, составляетъ аргументъ, въ сущности, весьма мало убѣдительный. Никакое сословіе въ русскомъ государствѣ, а въ томъ числѣ и балтійское дворянство, не имѣетъ права хвалиться большею вѣрностью Россіи, чѣмъ всѣ сословія самаго великорусскаго народа, а въ числѣ ихъ и дворянство великорусскихъ губерній. Между тѣмъ, эта преданность государству не должна была мѣшать и не помѣшала ни освобожденію

крестьянъ, ни проведенію всѣхъ преобразованій, основанныхъ на всесловномъ началѣ.

Другой аргументъ, предъявляемый въ оборону неприкосновенности дворянскаго всевластія въ балтійскомъ краѣ, тотъ, что вообще «порядка» тамъ больше, чѣмъ въ любой русской губерніи. Но несомнѣнно, что еще больше «порядка» во всемъ въ Германіи, гдѣ всевластія дворянства и остзейскихъ «порядковъ» вообще не существуетъ; въ Пруссіи отиѣна такихъ «порядковъ» осуществлена была окончательно Штейномъ именно для пользы «порядка». При устройствѣ всесловномъ, какъ и при словномъ, хозяевами и дѣятелями во всѣхъ отрасляхъ жизни края останутся тѣ же латыши, нѣмцы и эсты и о порядкѣ будутъ заботиться они же, только съ болѣе справедливымъ распредѣленіемъ доли участія каждой національности и cadaго сословія въ пожертвованіяхъ, требующихся для содержанія «порядка». А то теперь выходитъ, что, несмотря на восхваляемое нѣмцами преимущество порядковъ остзейскихъ передъ русскими, происходитъ постоянное переселенческое теченіе латышей и эстовъ изъ упорядоченныхъ балтійскихъ губерній въ неупорядоченныя: Витебскую, Смоленскую, Могилевскую и Псковскую.

Прежде всего, разумѣется, необходимо преобразование въ балтійскихъ губерніяхъ, на общихъ основаніяхъ, полиціи и суда. Введеніе государственнаго языка въ тамошнихъ коронныхъ учрежденіяхъ явилось только какъ требованіе логичности. Но отиѣна полнаго преобладанія помѣщиковъ въ судѣ и расправѣ надъ ихъ рабочими и всѣмъ сельскимъ населеніемъ есть требованіе справедливости и человѣчности. Что касается введенія русскаго преподаванія въ народныхъ школахъ, которое будетъ послѣдствіемъ передачи этихъ школъ въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, то теперь сообщаютъ, что вслѣдствіе этой мѣры число народныхъ школъ въ балтійскихъ губерніяхъ можетъ сократиться, такъ какъ очень многія школы содержатся на счетъ дворянскихъ и городскихъ сословій, которыя проявляютъ намѣреніе отказаться отъ дальнѣйшаго содержанія школъ, послѣ того какъ онѣ утратятъ свой прежній лютеранско-церковный характеръ. Это послѣдствіе надо было предвидѣть и мѣры противъ него нельзя принять никакихъ, кромѣ назначенія новыхъ средствъ изъ государственнаго казначейства для русскихъ народныхъ школъ на окраинахъ. Противодѣйствовать же указанному явленію посредствомъ общаго закона, запрещающаго сословіямъ и обществамъ отказываться отъ расходовъ на содержаніе школъ, если въ первоначальномъ постановленіи объ учрежденіи ихъ выдача пособія не была обусловлена опредѣленнымъ срокомъ, едва ли было бы разсчитливо, не говоря уже о томъ, что это было бы справедливо.

Возвращаясь къ введенію судебной реформы въ Остзейскомъ краѣ, отиѣтимъ сдѣлавшіяся извѣстными особенности въ примѣненіи судебныхъ уставовъ къ этому краю: здѣсь, какъ и въ западныхъ губерніяхъ, ми-

ровые судьи будутъ по назначенію отъ правительства, а учрежденіе присяжныхъ засѣдателей введено не будетъ.

Въ дѣятельности этого послѣдняго учрежденія, какъ она опредѣлена уставомъ уголовного судопроизводства, произведено недавно измѣненіе, которымъ предоставлена присяжнымъ засѣдателямъ доля вліянія на постановку вопросовъ о виновности, подлежащихъ ихъ разрѣшенію. Мы говоримъ о законѣ 15 мая, составляющемъ вообще полезное дополненіе къ статьямъ, относящимся до постановки вопросовъ.

Новый законъ обязываетъ судъ, по прочтеніи вопросовъ, въ случаѣ, если стороны того потребуютъ, дать имъ время для разсмотрѣнія этихъ вопросовъ и сообщить имъ вопросы на письмѣ. Сверхъ того, законъ 15 мая предоставляетъ каждому изъ присяжныхъ засѣдателей право, которое доселѣ имѣли только стороны: требовать измѣненій въ поставленныхъ вопросахъ. Такимъ образомъ, сверхъ существовавшихъ нынѣ правъ присяжныхъ засѣдателей по отношенію къ поставленнымъ вопросамъ, а именно: что присяжные могли, по общему рѣшенію, потребовать разъясненія возникшихъ у нихъ, во время совѣщанія, сомнѣній и могли въ вердиктѣ своемъ отвергнуть тѣ или другіе изъ составныхъ частей вопросовъ, отвѣчая утвердительно на самый вопросъ, присяжнымъ предоставлены теперь еще новыя права. Въ случаѣ встрѣченныхъ присяжными сомнѣній, а также и въ случаѣ противорѣчій въ отвѣтахъ, вынесенныхъ присяжными, судъ можетъ признать необходимость измѣненія вопросовъ, не стѣсняясь тѣмъ, что вопросы эти были уже окончательно утверждены. Тогда новое составленіе вопросовъ производится какъ и первоначально, то-есть снова вопросы сообщаются сторонамъ и присяжнымъ для возраженій, а предполагаемыя измѣненія выдаются присяжнымъ на особомъ листѣ.

Законъ 15 мая, сверхъ полезнаго своего процессуальнаго значенія, представляетъ собой еще и благопріятный признакъ въ виду продолжающихся, съ разныхъ сторонъ, нападокъ на учрежденіе присяжныхъ. Расширяя ихъ права въ процессѣ, новый законъ тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что учрежденію этому въ настоящее время не угрожаетъ никакая опасность.

Какъ извѣстно, нареканія со стороны нашихъ такъ называемыхъ «консерваторовъ» наиболѣе подвергаются именно объ тѣ категоріи судебного состава, которымъ присвоено названіе «присяжныхъ», то-есть какъ присяжные засѣдатели, такъ и присяжные повѣренные. Объ измѣненіяхъ, предполагаемыхъ въ этомъ послѣднемъ учрежденіи, слышно давно, и слухи доселѣ обыкновенно указывали цѣлью такихъ измѣненій—ограниченіе самостоятельности адвокатскаго сословія.

Новѣйшіе слухи о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ учрежденіи присяжныхъ повѣренныхъ не подтверждаютъ, однако, чтобы такова была цѣль

въ настоящее время. Наоборотъ, говорятъ, что совѣты присяжныхъ повѣренныхъ будутъ введены повсемѣстно, что было бы только примѣненіемъ основной мысли судебныхъ уставовъ. Отступленіе отъ нея въ этомъ отношеніи, при открытіи новыхъ судебныхъ округовъ, было допущено именно въ видѣ уступки «консервативнымъ» сѣтованіямъ, явилось въ числѣ иныхъ отступленій отъ общихъ началъ уставовъ. Повсемѣстное учрежденіе совѣтовъ объясняется получившею вновь преобладаніе въ рѣшающихъ сферахъ мыслью, что только корпоративный надзоръ можетъ представлять ручательство въ нравственныхъ свойствахъ адвокатуры. Само собою разумѣется, что и это ручательство далеко не всегда бываетъ достаточно, но много, все-таки, нѣтъ, а, между тѣмъ, ручательство должно же быть.

Правда, высказывались у насъ и такія мнѣнія, что вся привилегія адвокатскаго званія есть только стѣсненіе для тяжущихся и налогъ на нихъ. Но, вѣдь, то же самое можно сказать и о врачахъ. Къ чему экзамены на степень лекаря, къ чему стѣсненіе права врачебной практики? Лечение было бы дешевле, если бы не существовало монополіи медицинскаго сословія. Дѣло въ томъ, однако, что адвокату, какъ и врачу, повѣряется судьба людей, причѣмъ у нихъ много такихъ средствъ погубить дѣло или жизнь, которыя не могутъ быть даже и предусмотрѣны никакимъ кодексомъ. Первое изъ такихъ условій—невѣжество, неспособность совѣтниковъ, берущихся руководить процессомъ или леченіемъ. Второе условіе—небрежность или намѣренно неудовлетворительное веденіе дѣла,—такое, однако, которое не заключаетъ въ себѣ нарушенія ни одной формальной обязанности.

Вотъ почему признается необходимою въ обоихъ случаяхъ гарантія нѣкотораго ценза какъ для врачей, такъ и для защитниковъ на судѣ—присяжныхъ повѣренныхъ и стряпчихъ и такъ называемыхъ «частныхъ повѣренныхъ». Если при этомъ у врачей нѣтъ сословной организаціи и начало надзора, представляемое медицинскимъ совѣтомъ, не имѣетъ дѣйствительнаго примѣненія, то объ этомъ можно пожалѣть, хотя это обстоятельство и объясняется крайнею трудностью дѣйствительнаго надзора во всѣхъ случаяхъ практики медицинской. Въ практикѣ же юридической надзоръ вполне возможенъ, но именно только надзоръ корпоративный, товарищескій, не ограничивающійся одною формальностью.

И такъ, самостоятельности сословія присяжныхъ повѣренныхъ, какъ она выражается въ совѣтахъ сословія, не угрожаетъ ничѣмъ отиѣна этого учрежденія. Но въ то же время, по слухамъ, готовится, все-таки, будто бы, нѣкоторое ограниченіе самостоятельности въ томъ смыслѣ, что утверждать предсѣдателя совѣтовъ будетъ судебная палата изъ двухъ избранныхъ ими кандидатовъ и, притомъ, по спросѣ мнѣнія прокурора, причѣмъ, по нѣкоторымъ предположеніямъ, прокурору будетъ даже принадлежать право *вето*. Будетъ ли прокурорское *вето* примѣнимо къ оцѣ

ному изъ двухъ избранныхъ кандидатовъ или къ обоимъ, — объ этомъ слухи пока умалчиваютъ.

Съ теоретической точки зрѣнія трудно согласить такія мѣры, такъ какъ послѣдняя изъ нихъ прямо стѣсняла бы самостоятельность совѣтовъ, которыхъ все значеніе, между тѣмъ, и заключается именно въ самостоятельности. Казалось бы, не вполне логично одновременно заботиться о повсемѣстномъ введеніи совѣтовъ и, вмѣстѣ, стѣснять до нѣкоторой степени отправленіе выборнаго начала, на которомъ они основаны. Особенно заключеніе прокурора относительно личностей избранныхъ присяжными повѣренными кандидатовъ представляло бы условіе странное, вторженіе бюрократическаго элемента въ учрежденіе, имѣющее характеръ товарищества. Сверхъ того, если бы прокурору было присвоено право *вето* безусловное, то это составляло бы ограниченіе дѣйствій самой палаты. Наконецъ, спрашивается еще: принадлежало ли бы палатѣ только право предпочтенія одного изъ избранныхъ кандидатовъ, или она могла бы не утверждать ихъ обоимъ, что вело бы къ новымъ выборамъ? Во всякомъ случаѣ, такое прохожденіе кандидата чрезъ двойную браковку нисколько не увеличило бы нравственнаго значенія предсѣдателя въ средѣ его товарищей, а скорѣе, наоборотъ, вводило бы на него подозрѣніе въ заискиваніи и угодничествѣ. Если же палата могла бы отклонять оба выбора, то это повело бы къ конфликтамъ, къ отказу отъ новаго избранія и къ временнымъ прекращеніямъ дѣйствія совѣта.

Теперь еще нельзя составить себѣ окончательнаго представленія о цѣли приведенныхъ предположеній, такъ какъ о нихъ извѣстно только изъ слуховъ, вызванныхъ циркуляромъ въ судебные округа, которымъ министерство юстиціи потребовало доставленія ему свѣдѣній о состоящихъ при нихъ присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ. Но нѣкоторая нелогичность въ теоріи между упомянутыми предположеніями не ручается еще, однако, за то, что слухи о нихъ совершенно лишены основанія. Практическая «логика» могла бы при этомъ быть выражена такъ: поставить совѣты въ нѣкоторую подчиненность, а, вмѣстѣ, и ввести ихъ вездѣ для того, чтобы вездѣ подчинить адвокатовъ нѣкоторой дисциплинѣ. Соглашаясь, что цѣль въ дѣйствительности можетъ быть такъ формулирована, мы едва ли ошибемся, сказавъ, что она, во всякомъ случаѣ, и осталась бы въ такомъ видѣ только въ соображеніяхъ доклада. Чувство товарищества достаточно развито у насъ; оно всегда находитъ отголосокъ въ русскихъ нравахъ и все противъ него направленное бываетъ осуждено на неисполненіе. Тѣмъ неизбѣжнѣе это въ такомъ словѣ, которое уже успѣло выработать себѣ взгляды согласныя на отношенія свои къ разнымъ инстанціямъ и властямъ.

Упомянемъ еще одно изъ приписываемыхъ проекту предположеній, а именно ограниченіе числа евреевъ въ составѣ присяжныхъ повѣренныхъ каждаго округа десятью процентами общаго числа. Но это предположе-

не имѣть, по сущности своей, ничего общаго собственно съ организаціею адвокатскихъ совѣтовъ, а относится скорѣе къ составу мѣръ ограничительныхъ или исключительныхъ, направленныхъ вообще противъ евреевъ. Въ этому предмету мы теперь и перейдемъ.

Возможность включенія такого предположенія въ проектъ, выработанный въ министерствѣ юстиціи, до нѣкоторой степени подтверждается недавнимъ распоряженіемъ того же министерства, чтобы всѣ письмоводители и писцы еврейскаго происхожденія, состоявшіе въ канцеляріяхъ судебныхъ слѣдователей и мировыхъ съѣздовъ, были удалены въ двухнедѣльный срокъ и чтобы впредь евреи къ занятіямъ въ тѣхъ канцеляріяхъ не допускались. Положимъ, адвокаты и письмоводители находятся въ положеніяхъ вовсе не сходныхъ. Тѣмъ не менѣе, въ принятой относительно послѣднихъ мѣрѣ позволительно видѣть нѣкоторый признакъ.

Распоряженіе объ удаленіи евреевъ-письмоводителей и писцовъ объясняютъ нерѣдкими случаями злоупотребленій въ судебномъ дѣлопроизводствѣ, особенно же въ слѣдственныхъ дѣлахъ, нарушенія тайны, сообщенія показаній и т. п. Что можно сказать въ виду такого мотива? Ясно, что слѣдуетъ всячески ограждать правильное теченіе правосудія. Но не менѣе ясно и то, что исключеніе цѣлыхъ категорій гражданъ отъ разныхъ занятій на основаніи одной, такъ сказать, этнографической ихъ неблагонадежности принципіи крайне шаткіи и ведущій, къ произволу.

Гораздо болѣе еще значеніе имѣетъ новый законъ, носящій названіе «нѣкоторыхъ мѣръ къ обезпеченію правильнаго исполненія евреями воинской повинности». Законъ этотъ устанавливаетъ штрафы въ 300 рублей за уклоненіе отъ военной службы; ограничиваетъ право евреевъ на перечисленіе изъ одного призывнаго участка въ другой; въ платѣжѣ штрафа семейство, къ которому принадлежитъ укрывшійся, солидарно съ нимъ. Самое допущеніе къ торговымъ и промысловымъ занятіямъ поставлено въ прямую зависимость отъ исполненія воинской повинности. «Всякаго рода документы на право торговли и промысловъ,—сказано въ законѣ,—выдаются евреямъ не иначе, какъ по предъявленіи свидѣтельства о припискѣ къ призывнымъ участкамъ, а тѣмъ изъ сихъ лицъ, которые перешли призывной возрастъ или отбыли воинскую повинность, сверхъ того, по предъявленіи удостовѣренія о явкѣ къ исполненію повинности или объ окончательномъ ея исполненіи». Всѣмъ воинскимъ присутствіямъ предоставлено подвергать внезапному освидѣтельствуванію всѣхъ евреевъ, получившихъ отсрочки по слабости или невозможности. Наконецъ, законъ устанавливаетъ еще денежное поощреніе за поимку евреевъ, уклоняющихся отъ воинской повинности.

Нѣтъ спора, что правила эти совершенно исключительныя и сопряженныя съ значительными стѣсненіями. Такъ, ограниченіе перечисленія въ другой призывный участокъ равносильно ограниченію права пребыва-

нія евреевъ и въ томъ краѣ, гдѣ они этимъ правомъ пользуются. Обращеніе денежной пени на семейство виновнаго за личный его проступокъ допускалось доселѣ только при подавленіи возстаній. Требованіе свидѣтельства о припискѣ къ участкамъ или объ исполненіи воинской повинности, какъ условіе для полученія права торговли, непременно повлечетъ за собою вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ возможно выдавать торговые документы лицамъ женскаго пола, такъ какъ иначе постановленіе это легко обходить. Наконецъ, денежное поощреніе поимщикамъ, — это такой приемъ, который чуждъ нашему законодательству.

Однако, что же дѣлать, если евреи, дѣйствительно, избобрѣтаютъ многочисленныя уловки, посредствомъ которыхъ они уклоняются отъ военной службы, несмотря даже на тотъ законъ, въ силу котораго призывные списки евреямъ ведутся отдѣльно и все недобранное съ еврейскаго общества число рекрутъ должно пополняться имъ же? Утверждаютъ, что евреи нерѣдко перечислялись въ другой участокъ для того только, чтобы подставлять вмѣсто призываемаго другое лицо, такое, которое неминуемо подвергнется забравованію; что въ нѣкоторыхъ участкахъ не оказывалось въ моментъ призыва достаточнаго числа молодыхъ евреевъ для пополненія слѣдовавшаго съ еврейскаго общества контингента; что, кромѣ льготныхъ и неспособныхъ, всѣ другіе разбѣгались и т. п. Во всякомъ случаѣ, можно примѣнить къ новымъ правиламъ римское изреченіе: «тяжкій законъ, но законъ».

Какъ ни строги, какъ ни исключительны кары за правонарушенія, но, все-таки, это кары за правонарушенія, дѣйствительно совершенныя, а не административное устраненіе людей отъ доступа къ образованію или къ избранію какой-либо профессіи на томъ только основаніи, что за самою національностью, къ которой они принадлежатъ, предполагается какая-либо неблагонадежность. Такъ, ограниченіе числа евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ или въ сословіи адвокатовъ, устраненіе евреевъ отъ тѣхъ или другихъ должностей, а, прежде всего, конечно, воспрещеніе имъ гдѣ-либо жительства, представляются мѣрами болѣе произвольными, чѣмъ специальное усиленіе наказаній за какіе-либо проступки, дѣйствительно совершенныя. Въ послѣднемъ случаѣ кара является послѣдствіемъ факта состоявшагося, несомнѣннаго, въ первомъ же случаѣ оно предшествуетъ какому-либо злему умыслу; оно совершенно произвольно предполагаетъ его на основаніи однихъ только національныхъ особенностей.

Впрочемъ, еврейскій вопросъ одинъ изъ тѣхъ, которымъ наиболѣе свойственно вызывать смѣшеніе въ понятіяхъ и противорѣчіе въ принципахъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы видѣли примѣръ тому въ польской печати. Дѣло въ томъ, что въ Варшавѣ учреждена «еврейская коммиссія», которой предложень или въ которой возбуждены вопросъ: не слѣдуетъ ли распространить на евреевъ въ Царствѣ Польскомъ тѣ ограниченія, которыя установлены въ 1882 году для евреевъ, имѣющихъ право пребыва-

нія въ другихъ губерніяхъ? Между тѣмъ, въ губерніяхъ Царства еврей доселѣ пользуются полною равноправностію съ кореннымъ населеніемъ, на основаніи, во-первыхъ, постановленій, изданныхъ во время управленія маркиза Велѣпольскаго, устранившихъ безусловно всякое различіе въ какихъ-либо правахъ между польскимъ евреями и другими гражданами. Евреи подали въ эту комиссію записку въ защиту своей равноправности, а кто-то сдѣлавъ изъ нея извлеченіе и напечаталъ его въ одномъ изданіи. Въ числѣ доводовъ, употребленныхъ евреями въ той запискѣ, было указаніе на неспособность кореннаго населенія того края къ торговой дѣятельности. Это вызвало въ варшавской печати цѣлую бурю противъ евреевъ.

И такъ, даже въ Варшавѣ, гдѣ съ евреями давно свыклись, не могли простить имъ слишкомъ исключительной самозащиты, хотя, вѣдь, евреи въ данномъ случаѣ и могли только защищать себя и, притомъ, защищать *только себя*, такъ какъ вопросъ объ ограниченіяхъ поставленъ собственно по отношенію къ нимъ. Это фактъ, характерный именно потому, что произошелъ онъ въ Варшавѣ. Между отношеніемъ русскаго и польскаго общества къ евреямъ разнища проявляется, главнымъ образомъ, въ томъ, что зависить отъ степени давности пребыванія евреевъ въ той или другой половѣ государства. У насъ даже люди, вовсе не раздѣляющіе какой-либо племенной вражды къ евреямъ, даже тѣ, кто въ принципѣ готовъ признать, что справедливо было бы дозволить евреямъ жить повсюду, все-таки, не могутъ еще отрѣшиться отъ точки зрѣнія, которую они заимствовали несознательно отъ существующихъ ограниченій права мѣстожителства для евреевъ. Напримѣръ, если бы человѣку, держащемуся либеральнаго взгляда относительно евреевъ, случилось встрѣтить ихъ за одинъ разъ какой-нибудь десятокъ, одного за другимъ, на Тверской, положимъ, отъ бульвара до Брюсова переулка, то это его, все-таки, нѣсколько бы смутило: отчего, молъ, ихъ вдругъ развелось такъ много? То же самое проявляется на югѣ. Хотя евреи пользуются тамъ правомъ пребыванія, но «коренное населеніе» не отрѣшилось еще отъ взгляда, что имъ собственно *не слѣдовало бы быть* или, по крайней мѣрѣ, не слѣдовало бы *быть* въ такомъ числѣ. Тамъ все еще многихъ возмущаетъ (вполнѣ нераціонально, разумѣется) фактъ, что евреи богатѣютъ, что число еврейскихъ лавокъ и гостиницъ растетъ, что евреевъ оказывается все больше въ разныхъ профессіяхъ. Въ корнѣ такого безотчетнаго чувства есть недосказанное себѣ самому убѣжденіе, что еврей, въ сущности, не имѣютъ «права быть», во всякомъ случаѣ, права быть въ большомъ числѣ гдѣ бы то ни было.

Въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ этого собственно взгляда нѣтъ, хотя всякія инныя предубѣжденія противъ евреевъ держатся и тамъ. Но давность пребыванія евреевъ исключаетъ уже всякое удивленіе тому, что они есть, или что ихъ такъ много, а, наконецъ, и

тому, что они богатѣютъ, такъ какъ тамъ вся почти торговля въ ихъ рукахъ. Однако же вотъ и тамъ возмущались одною ссылкою евреевъ на бывшій нѣкогда несомнѣннымъ фактъ несклонности мѣстнаго населенія къ занятіямъ торговымъ и промысловымъ, хотя, надо замѣтить, большинство варшавскихъ газетъ, даже давая волю непріязненному чувству къ евреямъ, все-таки, высказалось противъ всякихъ отступленій отъ признанной за ними равноправности.

Судебное дѣло о злоупотребленіяхъ инженеровъ финляндскаго округа, производившееся въ прошломъ мѣсяцѣ, выдвинуло на поле обсужденія вопросъ о лучшемъ устройствѣ казенныхъ снабженій. Генералъ Боровковъ въ статьѣ своей, помѣщенной въ *Военномъ Сборникѣ*, указываетъ на неудовлетворительность существующей системы довольствія войскъ и на необходимость дать «болѣе рациональную постановку интендантскому дѣлу». Главнымъ средствомъ для этого указывается улучшеніе личнаго состава интендантскаго вѣдомства. Что же касается самой системы довольствованія войскъ, то генералъ склоняется въ пользу предоставленія самимъ войскамъ закупать припасы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ расположена каждая часть. Такой выводъ есть, собственно, признаніе невозможности устроить удовлетворительно какую-либо систему общаго военнаго хозяйства, несмотря на то, что экономическія начала говорятъ въ пользу такого общаго хозяйства, такъ какъ при большихъ заготовленіяхъ вѣрнѣе могутъ быть устраняемы лишніе посредники, а припасы могутъ быть приобретаемы тамъ, гдѣ цѣна имъ ниже. Предоставлять все дѣло продовольствія хлѣбомъ, овсомъ и фуражомъ въ руки войсковыхъ частей съ отпускомъ имъ денегъ значитъ отчаяться въ возможности херошаго устройства интендантской части.

Между тѣмъ, отдѣленіе хозяйственной части, въ смыслѣ закупокъ, отъ строеваго управленія само возникло вслѣдствіе недостатковъ предлагаемаго смѣшенія этихъ отраслей въ однѣхъ рукахъ. Интендантство выдѣлено было въ особую часть не только въ силу экономическихъ соображеній, о которыхъ мы упомянули, но и съ цѣлью установленія контроля. Когда одна часть заготавливаетъ, а другая принимаетъ, съ правомъ браковки, то, по крайней мѣрѣ, въ теоріи злоупотребленія должны быть менѣе возможны, чѣмъ когда заготавливаетъ само начальство, а независимыхъ пріемщиковъ нѣтъ, когда отъ заготавлиющаго зависитъ самая судьба подневольныхъ потребителей.

Допустимъ, что не всегда бывало такъ на дѣлѣ, что злоупотребленія заражали цѣлое вѣдомство, а контроль превращался иногда просто въ дѣлежъ наживы между сдающими и пріемщиками. Но гдѣ же гарантія, что при соединеніи ихъ функций въ однихъ и тѣхъ же лицахъ злоупотребленія сдѣлаются невозможны? Генералъ Боровковъ указываетъ на улучшенія состоянія войскъ вслѣдствіе поднятія образовательнаго ценза

въ самой строевой службѣ, а такъ какъ и по предоставленіи войскамъ покупки продовольственныхъ припасовъ, суконъ, холста и сапожнаго товара интендантство, все-таки, останется нужнымъ для заготовленія аммуничныхъ вещей въ мирное время и всѣхъ снабженій въ военное время, то требуется поднять нравственный уровень самаго интендантства. Для этого предлагается учрежденіе особыхъ курсовъ и даже академій, которые приготовляли бы специалистовъ интендантскаго дѣла. Отъ обязательности такого спеціального высшаго образованія для служащихъ въ интендантствѣ, отъ порученія въ немъ всѣхъ отвѣтственныхъ должностей исключительно офицерамъ, прослужившимъ, сверхъ того, извѣстное время въ строю и отличившимся безупречною нравственностью, почтенный авторъ ожидаетъ улучшенія состава той части, чрезъ которую «проходятъ казенные милліоны» и которая «имѣетъ рѣшающее вліяніе на успѣшный ходъ военныхъ операцій».

Замѣтимъ, что указаніе на только что приведенныя спеціальныя условія для интендантской службы можетъ казаться наименѣе убѣдительнымъ именно теперь, когда производится дѣло объ обширныхъ злоупотребленіяхъ, въ какихъ обвиняются военные инженеры, то-есть такіе дѣятели по военно-хозяйственной части, которые въ значительной степени подходят подъ условія, указанныя авторомъ; есть у нихъ и академія, и военные чины, въ числѣ подсудимыхъ находится даже генералъ. Но въ общемъ несомнѣнно вѣрна та мысль, что никакая система снабженій сама по себѣ злоупотребленій устранить не можетъ и суть въ нравственныхъ качествахъ людей. Вопросъ только въ томъ, какъ поднять эти качества, и возможно ли это сдѣлать въ одной части, отдѣльно отъ другихъ, независимо отъ общихъ, наконецъ, условій?

Одного поднятія образовательнаго ценза для этой цѣли недостаточно, хотя оно и можетъ имѣть нѣкоторое вліяніе. Оставляя уже въ сторонѣ гельсингфорскій примѣръ, развѣ инженеры иныхъ вѣдомствъ—горные и путей сообщенія, развѣ архитекторы и лѣсничіе, наконецъ, штатъ-физики, члены врачебныхъ управъ и врачи прежнихъ рекрутскихъ присутствій не имѣли всегда ценза высшаго образованія? Замѣтимъ при этомъ, что духъ и въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ мѣнялся по эпохамъ. Такъ, наприм., инженеры путей сообщенія, вышедшіе изъ института въ то время, когда въ немъ еще сохранялись преданія александровской эпохи, были нравственно безконечно выше инженеровъ послѣдующихъ формаций, особенно той эпохи, когда, на смѣну заботѣ о развитіи, на смѣну уваженія къ человѣческому достоинству, явилась исключительно забота о «равненіи локтей», «чистотѣ и опрятности корридоровъ» и т. д.

Интендантскіе чиновники и офицеры не были, правда, связаны никакимъ товариществомъ по образованію. То, что между ними было общаго, то они находили въ свойствахъ и преданіяхъ, гнѣздящихся въ провіантскихъ магазинахъ и комиссаріатскихъ складахъ. Здѣсь духъ времени

отражался менѣе. Императоръ Александръ I, по окончаніи войны съ Наполеономъ, отдалъ подъ судъ самого военнаго министра князя Горчакова, который такъ и умеръ, не успѣвъ оправдаться. А интендантскихъ чиновниковъ Императоръ лишилъ мундира. При Николаѣ Павловичѣ не было столь яркихъ примѣровъ правительственнаго неудовольствія на интендантскую часть. Наоборотъ, они бывали по отношенію къ начальникамъ войсковыхъ частей: такъ, отданы были подъ судъ корпусный командиръ баронъ Розенъ, бригадный командиръ генералъ Тришатный. Но интендантская часть, дѣлавшаяся въ то время на провіантское и комиссаріатское вѣдомства, была, все-таки, такова, какъ и всѣ хозяйственныя управленія того времени. Военныя заготовленія совершались съ тѣми же приемами, какъ и постройка крѣпостей, какъ сборъ пошлинъ въ таможенныхъ, какъ контроль надъ откупщиками, у которыхъ не только вино, но и мѣстная администрація была на откупѣ. Въ нынѣшнее время, когда столько толкуютъ о преобладаніи «наживы» въ періодъ 60—70 годовъ, не мѣшаетъ напоминать, что тотъ періодъ начался именно съ отрицанія предшествующихъ порядковъ, при которыхъ «хищеніе» являлось не въ видѣ уклоненій, хотя бы и частыхъ, но въ видѣ общаго правила, когда считался чуть ли не «вольнодумцемъ» всякъ, кто возмущался всеобщимъ, открытымъ господствомъ взятки. «Что-жь, что вы взятокъ не берете, за то вы въ Бога не вѣруете».

Въ долголѣтнее управленіе военнымъ министерствомъ князя Чернышева хищеніе преобладало на всѣхъ ступеняхъ военно-хозяйственной іерархіи. При преемникахъ Чернышева, князѣ В. А. Доргогуровѣ, генералѣ Сухованетѣ 2-мъ и графѣ Милютинѣ, злоупотребленія постепенно уменьшались. Сущность этой перемѣны зависѣла не столько отъ преобразованій военно-хозяйственной части, сколько именно отъ поднятія общаго духа гражданственности при самомъ началѣ прошлаго царствованія. Напоминаемъ объ этомъ по той причинѣ, что, по мнѣнію генерала Боровкова, «интендантство требуетъ болѣе радикальной и болѣе широкой (чѣмъ перемѣны, сдѣланныя послѣ войны 1877—78 г.), захватывающей всѣ слабыя стороны реорганизациі, въ духѣ и направленіи уже совершенныхъ общихъ преобразованій по военному вѣдомству, результатомъ которыхъ является нынѣшнее образцовое состояніе войскъ, руководимыхъ значительнымъ числомъ научно-подготовленныхъ, добросовѣстныхъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ военнаго искусства». Подъ эту характеристику вполне подходятъ тѣ именно дѣйствительно радикальныя преобразованія въ военномъ вѣдомствѣ, которыя были осуществлены въ шестидесятыхъ годахъ.

Положеніе солдата было несомнѣнно улучшено именно въ то либеральное время, о которомъ теперь нерѣдко вспоминаютъ съ попрекомъ: отиѣнена была двадцатипятилѣтняя служба, отиѣнены тѣлесныя наказанія, улучшено довольствіе въ мирное время. Реорганизациія была самая

обширная и «захватывающая». Учреждены три новыя военныя академіи, изъ которыхъ стали выходить научно-подготовленные дѣятели, образовательному цензу стали придавать первостепенное значеніе при замѣщеніи высшихъ военныхъ должностей: отъ дивизионнаго начальника до полковаго командира включительно всѣ командующіе частями войскъ стали назначаться изъ офицеровъ, прошедшихъ чрезъ Академію генеральнаго штаба. Отъ прежней организаціи военнаго вѣдомства, можно сказать, не осталось камня на камнѣ. Департаменты провіантскій и комиссаріатскій были слиты въ главное интендантское управленіе, подчиненныя имъ комиссіи тѣхъ же названій упразднены, завѣдываніе хозяйствомъ было децентрализовано и сближено, а отчасти даже соединено съ строевымъ командованіемъ въ лицѣ начальника военнаго округа, который явился, въ то же время, командующимъ войсками; мѣстные интенданты и начальники инженерной и артиллерійской частей подчинены ему; въ полкахъ были учреждены хозяйственные комитеты, вмѣсто прежняго единоличнаго распоряженія полковаго командира въ дѣлѣ хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ извѣстно, уничтожены были большіе штабы, соединеніе частей войскъ въ «арміи» и отмѣнены самыя корпуса войскъ. Такимъ образомъ, въ военномъ хозяйствѣ было дано преобладаніе именно элементу военному, да и въ самомъ интендантскомъ управленіи элементъ военный, вышедшій изъ строя, получилъ полное преобладаніе.

Но всякое военное устройство остается не испробованнымъ пока нѣтъ серьезной войны. Наступила война 1877—78 годовъ, и что же оказалось? Что вся система, такъ стройно дѣйствовавшая на бумагѣ, во время войны дѣйствовала еще хуже, чѣмъ старинная система провіантскихъ и комиссаріатскихъ чиновниковъ. Во время войны севастопольской были, правда, злоупотребленія. Извѣстно, что полевой генералъ-интендантъ, генералъ Затлеръ, былъ по окончаніи войны отданъ подъ судъ, хотя дѣло ограничилось только исключеніемъ его изъ службы. Но несомнѣнно и то, что продовольствіе арміи было обезпечено въ то время гораздо лучше, чѣмъ въ послѣднюю войну. Специалистъ своего дѣла Затлеръ имѣлъ въ распоряженіи опытный интендантскій персоналъ; при началѣ войны въ Крыму тамъ не было готово ничего, такъ какъ самая высадка непріятеля тамъ нисколько не была предвидѣна. Затлеръ не имѣлъ ничего готоваго, кромѣ готоваго опытнаго персонала.

И, между тѣмъ, сравненіе между результатами хозяйства въ обѣ эти войны выходитъ положительное въ пользу Затлера. Генералъ Богдановичъ въ извѣстномъ трудѣ своемъ *Восточная война*, вышедшемъ около двадцати лѣтъ послѣ того времени, удостовѣряетъ, что крымская армія не нуждалась въ продовольствіи и недостатки были только въ госпиталѣхъ. Въ прошлую же войну новая интендантская система выказала свою полную несостоятельность еще до перехода войскъ черезъ Дунай, такъ какъ пришлось отдать продовольствованіе арміи въ руки «товарищества» Бо-

ганъ-Грегерь-Горвиць, а въ непріятельскихъ предѣлахъ войска нерѣдко терпѣли нужду въ провіантѣ; снѣжные проходы Балканъ переходились ими въ ноябрѣ мѣсяцѣ безъ полушубковъ, въ замерзшихъ шинеляхъ и валаточномъ холстѣ, а полушубки лежали десятками тысячъ по сю сторону Дуная и даже Прута.

Возвращаясь къ мнѣнію генерала Боровкова, замѣтимъ, что онъ самъ находитъ радикальную реорганизацію интендантства необходимою именно въ виду тѣхъ «недочетовъ и недостатковъ», — какъ онъ умѣренно отзывается, — по снабженію войскъ предметами довольствія интендантскаго вѣдомства», которые были «замѣчены» во время послѣдней войны. Но хотя мы и напоминаемъ, что и вся предшествовавшая этой войнѣ реорганизація была радикальною, и совершена была она въ духѣ тѣхъ самыхъ требованій, отъ которыхъ ожидалось бы успѣхи теперь, а, между тѣмъ, преобразованіе формъ и отношеній не обезпечило продовольствія во время войны. Основательна, повторяемъ, только мысль, что сущность не въ формахъ, но въ духѣ системы, не въ бумажныхъ правилахъ, но въ личномъ составѣ. Этому личному составу нужна для умѣнія опытность, для возвышенія нравственности — общій подъемъ гражданственности во всей странѣ. Отдѣльных нравственныхъ усовершенствованій одной какой-либо части не бываетъ.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

VI.

За сезономъ надеждъ на урожай слѣдуетъ у насъ въ традиціонномъ порядкѣ сезонъ пожаровъ. Такъ бывало всегда, такъ повторилось и нынче. Наступили жары, начались крестьянскія работы, а съ ними въ провинціальныхъ и столичныхъ газетахъ стали появляться извѣстія о деревенскихъ пожарахъ. Для городскихъ пожаровъ опредѣленнаго сезона не существуетъ и, во всякомъ случаѣ, города горять не тогда, когда горять деревни (въ Москвѣ, напримѣръ, въ мартѣ и апрѣлѣ было 40 пожаровъ и убытокъ отъ нихъ составляетъ 270 тыс. руб., въ январѣ же и февралѣ пожары сдѣлали Москвѣ убытку почти втрое больше). Деревни въ этомъ отношеніи поступаетъ гораздо опредѣленнѣе и точнѣе. Города горять больше случайно, деревни же, подчиняясь извѣстному неизмѣнному закону времени. Время есть и причина. Прежде долго не знали, почему деревенскіе пожары бывають почти исключительно лѣтомъ, и въ особенности въ рабочую пору, когда все взрослое населеніе уходитъ въ поле. Теперь уже выяснилось и установилось, что три четверти деревенскихъ пожаровъ, «причины которыхъ неизвѣстны», происходятъ оттого, что дома остаются ребяташки. Прежде думали, что пожары случаются преимущественно ночью, и согласно этому начальство требовало, чтобы въ деревняхъ ходили ночные караулы; теперь считаются болѣе дѣйствительными дневные караулы и, какъ пишутъ въ газетахъ, «въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ С.-Петербургской губерніи, въ виду усилившихся полевыхъ работъ, по инициативѣ мѣстныхъ земствъ, введены особые дневные караулы, главнымъ образомъ для присмотра за дѣтьми, остающимися безъ надзора родителей». Нужно думать, что другія земства приняли ту же мѣру, хотя объ этомъ и не писалось въ газетахъ.

Есть и еще разница между пожарами деревень и городовъ. Деревни горять тихо, скромно, по-домашнему, такъ что иногда и сами мужики не знаютъ, когда сгорѣла ихъ деревня: пришли съ поля и деревни нѣтъ. Города горять свѣтло, ярко, парадно, въ блестящей обстановкѣ пожар-

ныхъ, даже съ грандіозною величественностью, привлекающей массу любопытныхъ и публики. О пожарахъ деревень говорятъ мало и судьбой деревенскихъ погорѣльцевъ почти не интересуются. О пожарахъ городовъ оговѣщается во всѣхъ газетахъ, въ особенности если городъ выгорить до тла, какъ нынче выгорѣлъ Минскъ, какъ въ прошломъ году выгорѣло Гродно (деревни обыкновенно горятъ какъ свѣчки и до тла). Въ пользу городскихъ погорѣльцевъ объявляются подписки, назначаются комитеты для раздачи пособій и въ судьбѣ городскихъ погорѣльцевъ всѣ принимаютъ болѣе или менѣе живое и дѣятельное участіе. Недавно, напримеръ, въ торговомъ селѣ Баландѣ (Аткарскаго уѣзда) выгорѣло болѣе ста дворовъ и никто объ этомъ пожарѣ не зналъ, кромѣ двухъ-трехъ редакцій провинціальныхъ газетъ. А когда сгорѣлъ въ Вильно циркъ Феррони, то лучшія мѣстные литературныя силы успѣли описать это бѣдствіе съ такими трогательными подробностями, что нельзя было не сочувствовать и погибшей лучшей лошади цирка, не захотѣвшей выйти изъ пылавшей конюшни, и сгорѣвшимъ ручнымъ волкамъ, которыхъ тоже оказалось невозможнымъ спасти (несчастій съ людьми не было). Но особенную симпатію выразили мѣстные писатели къ козлу, обнаружившему замѣчательное хладнокровіе и мужество. Во время пожара всѣ были заняты спасеніемъ лошадей и ручныхъ волковъ, а о козлѣ, привязанномъ въ конюшнѣ на веревкѣ, забыли. Козелъ разорвалъ веревку и спокойнымъ, неторопливымъ шагомъ вышелъ изъ пламени и всталъ между публикой.

И тотъ же *Виленскій Вѣстникъ*, когда ему приходится говорить о деревенскихъ пожарахъ, становится внезапно сухимъ и жесткимъ, какъ пергаментъ. Вотъ какъ онъ сообщаетъ своимъ читателямъ о пожарахъ, бывшихъ въ губерніи за первую половину апрѣля: «*Виленскія Губернскія Вѣдомости* сообщаютъ...» и затѣмъ выписываетъ съ буквальной точностью, что сообщаютъ губернскія вѣдомости. Оказывается, что въ губерніи было 49 пожаровъ и «убытку понесено всего на 233,604 р.» Хорошо это *всею*; точно виленскія газеты очень огорчаютъ, что убытокъ такъ малъ. А, между тѣмъ, какъ трогательно онѣ описывали пожаръ цирка Феррони! «Дѣйствіями пожарной команды руководилъ г. полицеймейстеръ. На пожарѣ присутствовали гг. генераль-губернаторъ, губернаторъ, командующій войсками, генераль отъ инфантеріи Ганецкій и много другихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Вся площадь была запружена народомъ. Вниманіе всѣхъ было обращено на несчастнаго г. Феррони, который приходилъ въ отчаяніе...» Затѣмъ слѣдуетъ картина воображаемаго авторомъ передовой статьи (пожару цирка посвящена передовая статья) ужаса жителей Вильно, если бы циркъ Феррони загорѣлся во время представленія и публикой овладѣла паника... «Страшно! Дальше отъ этой картины!» — кончаетъ авторъ описаніе воображаемаго имъ пожара цирка Феррони вѣстѣ съ виленскою публикой.

Въ томъ же *Виленскомъ Вѣстникѣ* есть и еще описаніе пожара въ Вержболовѣ: «При весьма жаркой погодѣ, — пишетъ корреспондентъ, — въ самомъ центрѣ города, заселенномъ бѣдными обывателями, вспыхнулъ страшный пожаръ, который угрожалъ разрушеніемъ лучшей части города. Въ счастію, огонь былъ локализованъ. Особенно отличались своею энергіей пріѣзжіи всендѣзъ изъ сосѣднаго села, надзиратель пограничной стражи, г. Войтовичъ, и нѣкоторые другія лица. При полученіи извѣстія о пожарѣ въ сосѣднемъ посадѣ Кибартахъ и пограничномъ посадѣ Эйдкуненѣ (Пруссія) немедленно забили тревогу, стали звонить въ церкви и на вокзалѣ и, по распоряженію начальника станціи Вержболово, тотчасъ отправлена была желѣзно-дорожная пожарная команда съ инструментами. Въ то же время прибыла и вольная пожарная команда изъ Эйдкунена, состоящая изъ именитѣйшихъ гражданъ посада. Благодаря ихъ общиимъ усиліямъ, огонь былъ потушенъ и, такимъ образомъ, опасность устранена».

Сообщеніе это принадлежитъ корреспонденту *Новостей*, а не *Виленскаго Вѣстника*, но отъ этого вопросъ не измѣняется, тѣмъ болѣе, что я говорю не о газетахъ, а объ общемъ существующемъ у насъ отношеніи къ деревнѣ. Городской пожаръ у насъ всегда явленіе «субъективное»; это бѣдствіе той части общества, которая сама о себѣ пишетъ и сама о себѣ читаетъ. Поэтому всякій городской пожаръ найдетъ своихъ краснорѣчивыхъ лѣтописцевъ, которые постараются изобразить бѣдствіе съ перажающими и трогательными подробностями, а чтобы еще сильнѣе подѣйствовать на воображеніе читателей, готовы даже прибѣгнуть къ очень своеобразному художественному приему, какъ это и сдѣлалъ авторъ передовицы *Виленскаго Вѣстника*. Здѣсь задача въ томъ, чтобы возбудить благожелательство и сердоболіе, чтобы явилась «рука дающая»; а симпатическія чувства только и можно вызвать тѣмъ, чтобы читатель почувствовалъ весь ужасъ бѣдствія и всѣ страданія лишенихъ, которыя влечетъ за собою пожаръ. Но даже и помимо этого, каждый городской пожаръ всегда близокъ каждому городскому жителю уже потому только, что это пожаръ того самаго города, въ которомъ житель обитаетъ. Дѣло выходитъ, такимъ образомъ, своимъ, понятнымъ и близко затрогивающимъ чувство страха и личнаго интереса cadaго. Является даже солидарность не только между жителями одного города, но и жителями разныхъ городовъ. Когда сгорѣлъ вѣнскій театръ, жители всѣхъ городовъ, гдѣ есть театры, попризадумались надъ этою чужою бѣдой и начали принимать мѣры, чтобы и у нихъ не повторилось того же. Когда сгорѣлъ въ Бердичевѣ циркъ того самаго Феррони, который погорѣлъ нынѣ въ Вильно, повторилось то же и жители городовъ видѣли въ пожарѣ цирка общественное бѣдствіе.

Совсѣмъ другое деревенскіе пожары. Та часть русскаго населенія, которая сама о себѣ пишетъ и сама о себѣ читаетъ, относится къ нимъ всегда «объективно», да иначе къ нимъ отнестись и не можетъ. Для

описанія деревенскихъ пожаровъ не существуетъ корреспондентовъ - очевидцевъ; единственные корреспонденты, черезъ которыхъ становятся известными деревенскіе пожары, — урядники и волостныя правленія. Понятно, что отъ нихъ никакихъ трогательныхъ литературныхъ описаній ожидать нельзя, да они отъ нихъ и не требуются. Урядники и волостныя правленія просто доносятъ по начальству о деревенскихъ происшествіяхъ, а пожаръ есть «происшествіе», такое же происшествіе, какъ убитый или утонувшій человѣкъ, подкинутый младенецъ, украденная лошадь. Пока еще пожары случаются то здѣсь, то тамъ единично, о нихъ доносятъ въ отдѣльности; когда же наступитъ «сезонъ», объ огульныхъ пожарахъ идутъ и донесенія огульныя, въ видѣ «срочныхъ вѣдомостей» по установленной формѣ: погорѣли, молъ, такіа-то деревни, убытокъ отъ каждаго отдѣльнаго пожара такой-то, причина пожара неизвѣстна или онъ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ (поджоги въ деревняхъ очень рѣдки) и затѣмъ слѣдуетъ общій итогъ. Эти извѣстія въ ихъ краткомъ видѣ печатаются въ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ рубрикѣ происшествій, перепечатываются иногда другими газетами, больше провинціальными, и то не всегда, потому что для мѣстной провинціальной газеты достаточно печатать и о своихъ пожарахъ. Столичныя газеты этихъ извѣстій даже и не перепечатываютъ, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ читателю, ищущему разнообразнаго и интереснаго чтенія, дать цѣлыя столбцы выписокъ вродѣ этой: «въ продолженіе первой половины апрѣля всѣхъ пожарныхъ случаевъ по губерніи было 49; изъ нихъ произошли: отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ 8, отъ неисправнаго содержанія дымовыхъ трубъ 5, отъ поджога 3 и отъ неизвѣстныхъ причинъ 33, убытка понесено всего 233,604 р. Больше значительнѣйшіе по причиненнымъ убыткамъ пожары были: въ Лидскомъ, Дисненскомъ и Ошмянскомъ уѣздахъ; въ первомъ изъ нихъ въ м. Остринѣ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ сгорѣло 220 дворовъ, въ томъ числѣ 60 дворовъ крестьянскихъ и 160, принадлежащихъ евреямъ, а также двѣ синагоги и почти все движимое имущество; слишкомъ 400 семействъ остались безъ крова и хлѣба, убытка понесено на 149,665 р.; во второмъ сгорѣла деревня Савицкая, состоящая изъ 27 дворовъ; убытка понесено на 13,960 р., и въ послѣднемъ, въ дер. Чухны, Кревской волости, пожаромъ истреблено 15 дворовъ; убытка понесено на 13,635 р. Причина пожара не выяснена». Обыкновенный читатель, увидѣвъ цифры этой «статистики», читать ее не станетъ, хотя если бы онъ прочелъ ее, то пожаръ въ м. Остринѣ, гдѣ сгорѣло 220 дворовъ и осталось безъ крова и хлѣба слишкомъ 400 семействъ, а народъ лишился имущества на полтора ста тысячъ, оставилъ бы въ немъ живое впечатлѣніе. Теперь же при пожарныхъ извѣстіяхъ, вставляемыхъ въ газеты для полноты свѣдѣній, а иногда и просто для «затычки», извѣстія о горящей деревянной Россіи являются совсѣмъ мертвыми, числовыми, статистичес-

кимъ матеріаломъ вродѣ публикуемыхъ вѣдомостей о заразныхъ болѣзняхъ или о числѣ родившихся и умершихъ. Все это такъ далеко отъ читателя, что онъ никакой связующей идеи или чувства съ этими «мѣстными происшествіями» найти въ себѣ не можетъ и живаго дѣятельнаго впечатлѣнія они на него не производятъ.

Конечно, можно возразить, что живое впечатлѣніе и не особенно нужно, а достаточно впечатлѣнія дѣятельнаго, т. е. чтобы погорѣльцы получили земскую страховую премію. Но вотъ фактъ, изъ котораго читатель увидитъ, какія получаются иногда послѣдствія, если нѣтъ впечатлѣнія живаго. Осенью прошлаго года на тетюшской пристани загорѣлась барка съ грузомъ въ 35 тыс. порожнихъ кулей. Въ числѣ прибѣжавшихъ на пожаръ былъ и городской голова Серебряковъ. Прибѣжавъ онъ, разумѣется, вслѣдствіе впечатлѣнія дѣятельнаго. И тотъ же городской голова не обнаружилъ ни капли впечатлѣнія живаго, потому что встрѣтившейся ему пожарной командѣ приказалъ вернуться обратно. Пожаръ былъ настолько незначителенъ, что съ нимъ легко справилась бы одна пожарная машина, и Журинъ, хозяинъ кулей, нѣсколько разъ просилъ городского голову о пожарной трубѣ. Городской же голова оставался нѣмъ и глухъ къ просьбамъ Журина и лишь въ 8 ч. утра обнаружилъ нѣкоторый запасъ живаго чувства. Потому что живое чувство обнаружилось въ городскомъ головѣ только въ 8 ч. утра, послѣ того какъ пожаръ продолжался всю ночь и когда изъ 35 т. кулей осталось негорѣвшихъ лишь 2,700 кулей, Журинъ, какъ гласный думы, внесъ въ ближайшемъ засѣданіи на разрѣшеніе собранія вопросъ: имѣлъ ли право голова Серебряковъ отказать ему въ пожарной машинѣ? Дума не только нашла, что Серебряковъ отказать въ машинѣ не имѣлъ права, но и усмотрѣла въ поступкѣ головы неисполненіе думскаго постановленія 28 іюля 1881 г. и единогласно рѣшила о неправильномъ дѣйствіи городского головы сообщить губернатору. Дума рѣшила такъ потому, что постановленіемъ 28 іюля вѣнялось городскому головѣ въ обязанность отправлять часть пожарнаго обоза даже въ сосѣднія съ городомъ селенія, а ужъ тѣмъ болѣе для головы было обязательно послать пожарный обозъ на пожаръ на городской пристани, возлѣ самаго города. Все это не убѣдило городского головы Серебрякова и онъ на рѣшеніе собранія отвѣтилъ, что пожарныхъ за черту города, все-таки, отпускать не будетъ. Такимъ образомъ, вопросъ изъ маленькаго становился большимъ, изъ спокойнаго превращался въ страстный. Не рѣшивъ ничего въ этотъ день, дума собралась на другой и изъ дебата выяснилось, что у городского головы не разъ обнаруживалось и живое дѣятельное чувство. Такъ, когда горѣлъ кирпичный сарай брата Серебрякова, лежащій за чертой города, то онъ для тушенія пожара послалъ пожарныхъ. Обнаружены были и другіе подобные же случаи сочувствія Серебрякова къ людскимъ бѣдствіямъ и потому дума постановила: «вѣнчить головѣ въ непремѣнную»

обязанность исполнять постановленіе думы о пожарномъ обозѣ и просить губернатора охранить городъ отъ неправильныхъ дѣйствій головы, угрожающихъ опасностью горожанамъ». Это любопытное дѣло разсматривалось, наконецъ, въ особомъ присутствіи судебной палаты и въ искѣ Журина было отказано.

Какая же причина, что Серебряковъ былъ обѣденъ? Прежде всего, причина, вѣроятно, въ томъ, что въ письменномъ объясненіи онъ отрицалъ, будто бы далъ обозу приказаніе вернуться (а въ засѣданіи думы сказалъ, что такое приказаніе имъ было дано), дальше онъ говорилъ, что брандмейстеръ вернулся самъ, что ночь была темная, а спускъ съ горы крутой, что право распоряжаться пожарнымъ обозомъ принадлежитъ полиціи и, наконецъ, что губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе нашло дѣйствія его, Серебрякова, правильными. Прокуроръ судебной палаты далъ заключеніе въ пользу Серебрякова, основываясь на разъясненіи сената, что пожарными распоряжается полиція и что если палата признаетъ искъ Журина правильнымъ, то это рѣшеніе пойдетъ въ разрѣзъ съ постановленіемъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія.

Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ важно не рѣшеніе суда и я привелъ его только для полноты изложенія; важно внутреннее содержимое самаго факта и сравненіе, на которое онъ напрашивается. Совсѣмъ на противоположной сторонѣ отъ Тетюша, на крайнемъ западѣ Россіи, въ Вержболовѣ, случился тоже пожаръ. Корреспондентъ не скрываетъ, въ какую сторону склоняются его симпатіи. Пожаръ начался въ части города, заселенной бѣдными обывателями, и «угрожалъ разрушеніемъ лучшей части города». Тѣми ли соображеніями руководствовались пріѣзжіи ксендзъ изъ сосѣдняго села, надзиратель пограничной стражи Войтовичъ и другія лица и отставали ли они лучшую часть города, или только тушили худшую, неизвѣстно, но, какъ видно, они обнаружили большое самоотверженіе и мужество и, по словамъ корреспондента, «отличились своею энергіей». И не только очевидцы пожара были увлечены живымъ дѣятельнымъ чувствомъ помощи ближнему, но и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ начали бить тревогу, звонить въ колокола и съѣхались пожарные не только желѣзно-дорожной станціи, но и изъ Эйдкунена. Эйдкуненъ лежитъ въ Пруссіи и, казалось бы, какое ему дѣло до пожара въ Россіи, а онъ-то именно и поднялъ больше всего шуму и даже сталъ звонить на своей единственной колокольнѣ. Не для себя билъ тревогу и звонилъ въ колокола Эйдкуненъ, ему за себя бояться было нечего; онъ сзывалъ на помощь сосѣду и вслѣдъ за тревогой выслалъ въ Вержболово вольную пожарную команду, «состоящую изъ именитѣйшихъ гражданъ». А вотъ какъ поступилъ нашъ русскій «именитѣйшій» гражданинъ, городской голова города Тетюша. Онъ, правда, пришелъ на пожаръ, но пожарную команду, ѣхавшую на пожаръ, вернулъ обратно, и именитаго гражданина нужно было просить всю ночь, до 8 ч. утра, чтобы онъ позволилъ пріѣхать для ту-

шенія пожара одной трубѣ. А какъ бы поступилъ тотъ же самый Серебряковъ, если бы онъ былъ именитымъ гражданиномъ Эйдкунена? Нужно думать, что онъ поступилъ бы не такъ, какъ поступилъ въ Тетюшахъ, и поступилъ бы онъ не такъ просто потому, что въ Эйдкуненѣ и нельзя поступить иначе. Въ Эйдкуненѣ Серебрякову, вѣроятно, не удалось бы объ- литься и юридически. Объяленіе это было нужно Серебрякову не ради удо- влетворенія его нравственнаго чувства, а просто для того, чтобы не запла- тить Журину убытковъ, которые тотъ искалъ съ него. Объяленіе, конечно, получилось, но гдѣ же правда, которой искалъ Журинъ? Серебряковъ сна- чала говорилъ, что это онъ вернулъ пожарныхъ, а потомъ что ихъ вернулъ брандмейстеръ, и что во всемъ виновата полиція, съ которой Журинъ и долженъ искать убытки. Все это, конечно, очень хорошо, но, тѣмъ не менѣе, у Журина изъ 35 т. кулей осталось всего только 2,700, да и то потому, что Серебряковъ отпустилъ ему, наконецъ, одну пожарную тру- бу. Значить, могъ же распоряжаться пожарными городской голова. Правда и то, что губерское по городскимъ дѣламъ присутствіе нашло дѣйствія Серебрякова правильными, но, вѣдь, то же присутствіе не доказало, чтобы повѣренный Журина говорилъ неправду, когда, ссылаясь на свидѣтелей, онъ утверждалъ, что присутствіе «не провѣрило на мѣстѣ обстоятельствъ дѣла». Такимъ образомъ, тѣ, кто были обязаны тушить пожаръ и его не тушили, остались правыми и оказались виноватымъ тотъ, кто погорѣлъ. Смягчающимъ обстоятельствомъ является, разумеется, неблагоразу- міе самого Журина, на которое и указалъ Серебряковъ. «Журинъ самъ виноватъ въ своихъ убыткахъ, — писалъ въ объясненіи Серебряковъ, — потому что не застраховалъ свой товаръ». Это объясненіе Серебрякова ставить весь вопросъ на новую и, можетъ быть, самую правильную точку зрѣнія, ибо дѣлаетъ возможнымъ понять и объяснить то, что иначе со- всѣмъ непонятно и необъяснимо. Именно во всемъ виноватъ Журинъ. Онъ долженъ былъ помнить, что живетъ въ Тетюшахъ, а не въ Вер- боловѣ, и что подлѣ Тетюшъ нѣтъ ни Эйдкунена, ни какой-либо страны, населенной нѣмцами, или французами, или англичанами, которые, увидѣвъ, какъ горятъ его кули, забьютъ во всѣ колокола и вышлютъ своихъ иже- нитыхъ людей, чтобы тушить пожаръ совсѣмъ въ постороннемъ для нихъ государствѣ.

Къ вопросу о дѣятельномъ и недѣятельномъ чувствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ вопросу, отчего Серебряковъ въ Тетюшахъ и въ Эйдкуне- нѣ поступалъ бы неодинаково, я еще вернусь, а теперь буду опять про- должать о пожарахъ деревни, къ которымъ городъ относится объектив- но, тогда какъ къ своимъ пожарамъ онъ относится субъективно.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда всѣ вопросы были новыми и обще- ственными и каждый изъ нихъ устанавливался, опредѣлялся, популяризи- ровался и дѣлался общимъ достояніемъ, писалось много и о «пожарномъ вопросѣ». Въ это время было разсчитано (и затѣмъ подтверждено офи-

циальными статистическими изслѣдованіями), что «деревянная» Россія сгораетъ вся до тла каждыя 15—20 лѣтъ. Очевидно, что пожаръ—бѣдствіе такое же большое, какъ голодъ, какъ вымираніе населенія отъ оспы и повальныхъ болѣзней. Что пожары большое бѣдствіе, было извѣстно и до шестидесятыхъ годовъ и еще до шестидесятыхъ годовъ для предупрежденія пожаровъ въ казенныхъ селеніяхъ были предприняты очень серьезныя и радикальныя мѣры. Крестьянамъ приказано строиться съ интервалами, въ интервалахъ и передъ домами должны были расти березки; крестьяне должны были имѣть огнегасительные инструменты и съ какимъ инструментомъ какой крестьянинъ долженъ являться на пожаръ было обозначено на особыхъ дощечкахъ, а дощечки прибиты къ крестьянскимъ избамъ. При гр. Киселевѣ были заведены пожарныя трубы; трубы имѣлись при волостныхъ правленіяхъ и хранились какъ разъ противъ нихъ въ особыхъ открытыхъ спереди навѣсахъ. Было обращено вниманіе и на соломенные крыши и открыты даже способы превращенія ихъ въ негораемыя. Поощрялись въ деревняхъ каменные постройки, рекомендовались глинобитныя зданія. Всѣ эти предупредительныя мѣры удержались въ шестидесятыхъ и послѣдующихъ годахъ и составляли немалую заботу и земствъ. Мѣры земства были преимущественно поощрительнаго характера. Такъ, новгородское земство, по предложенію извѣстнаго князя Васильчикова, назначило награду отъ 10 до 20 р. «за каждое посаженное, принявшееся и огражденное отъ порчи скота дерево». Постановленіе это состоялось въ 1869 году, а въ 1870 было доложено собранію, что постановленіе осталось невыполненнымъ, «въ виду того, что при выдачѣ вознагражденій за посадку деревьевъ пришлось бы употребить столь значительную сумму, что истощился бы страховой капиталъ». Было признано полезнымъ, чтобы вмѣсто соломы крестьяне крыли избы дранью, и на это дѣло было открытъ крестьянамъ кредитъ, не истощавшійся, вѣроятно, только потому, что крестьяне остались, попрежнему, при соломѣ. Возложено было на крестьянъ-домохозяевъ обязательство имѣть передъ своими домами въ лѣтнее время, съ начала іюня по октябрь, по одному чану съ водой на каждые два дома. Усилены компетенція и власть пожарныхъ старостъ, которые сдѣланы главными распорядителями во время деревенскихъ пожаровъ (сдѣланы, такъ сказать, сельскими брандмейстерами). Каждый явившійся на пожаръ и вздумавшій не подчиниться законнымъ требованіямъ деревенскаго брандмейстера подвергался взысканію по суду. Предполагалось даже предоставить пожарнымъ старостамъ производить въ ихъ участкахъ примѣрныя пожарныя тревоги, но потомъ было найдено болѣе соответственнымъ предоставить это право только членамъ управы, и въ виду указа правительствующаго сената (6 ноября 1875 г.) новгородское земское собраніе редактировало этотъ деликатный пунктъ (§ 94 правилъ о предосторожности **Противъ** пожаровъ) такъ: «примѣрныя пожарныя тревоги производятся **Членами** земскихъ управъ, по уполномочію

онихъ, и уѣздными исправниками; являясь же на эти тревоги обязаны всѣ мѣстные жители съ надлежащими пожарными инструментами». Однимъ словомъ, воспитаніе крестьянъ въ искусствѣ тушенія пожаровъ принимало весьма серьезный характеръ не только земскій, но и полицейскій. Итълось въ виду снабдить крестьянъ даже гидропультами и довольно усердно пропагандировался гидропультъ Барановскаго. Заботливая регламентація дошла до того, что было точно обозначено, какое количество огнегасительныхъ снарядовъ должны имѣть крестьяне. На каждые 10 дворовъ назначено имѣть: 1 багоръ, 1 ухватъ, 1 лѣстницу трехсаженной длины, 1 бочку въ 20 ведеръ и при ней 2 швабры (это математически-точное постановленіе состоялось не въ тѣ отдаленныя времена, когда издавались бумажныя правила, а въ теперешнее практическое время, въ декабрѣ 1879 года). Было еще намѣреніе, ради усиленія обяванія пожарнаго старосты, дать ему мѣдный нагрудный знакъ по образцу тѣхъ, какіе даны лѣсникамъ и полевымъ сторожамъ, но это имѣніе не только не оказалось всеобщимъ, а явилось даже сомнѣніе въ необходимости специальныхъ пожарныхъ старостъ, которыхъ могли бы замѣнить старосты сельскіе. Защитники пожарныхъ старостъ справедливо доказывали, что въ большинствѣ случаевъ деревенскіе пожары легко потушить или, по крайней мѣрѣ, «локализовать», потому что небольшія крестьянскія избы можно раскидать и разнести безъ особенныхъ усилій, но для этого нужно, чтобы на пожарѣ былъ энергическій распорядитель, а имъ-то и долженъ быть пожарный староста.

Вромѣ этихъ мѣръ, направленныхъ собственно на борьбу съ огнемъ, были изданы еще постановленія, имѣвшія исключительно предупредительный характеръ, именно правила объ устройствѣ селеній. Въ этихъ правилахъ были сдѣланы точныя и подробныя указанія, какъ должны располагаться селенія, какія полагаются имъ улицы, гдѣ должны быть площади и церкви, въ какомъ порядкѣ ставить крестьянскіе дворы, какъ должны быть широки дворы. Напримѣръ, если для двора опредѣлено 12 сажень, то изъ нихъ 7 или 8 сажень отдѣлять подъ дворъ съ строеніемъ, а 5 или 4—подъ огородъ; а если дворъ опредѣленъ въ 10 сажень, то подъ дворъ съ строеніемъ отдѣлять 6 сажень, а подъ огородъ—4 сажени. Такія же точныя указанія сдѣланы и относительно размѣровъ и положенія коноплянниковъ, гуменъ и овиновъ; только относительно фруктовыхъ садовъ допущено исключеніе и всякое стѣсненіе ихъ признано «несоимѣстнымъ», ибо, «напротивъ, стараться должно всемѣрно поощрять разведеніе и распространеніе садовъ». Относительно матеріаловъ, изъ которыхъ крестьяне должны строить избы, регламентація оказалась довольно либеральной. Предоставлялось крестьянамъ строиться изъ такихъ матеріаловъ, «какіе гдѣ находятся, и дѣлать постройки каменные, деревянные и мазаные»; но въ мѣстахъ, «изобилующихъ камнями, строенія производить на каменномъ фундаментѣ». Вообще «изысканіе мѣръ къ

уменьшенію силы пожаровъ» составляло предметъ особенной заботливости не только земства, но и администраціи, и при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подѣ этимъ названіемъ (изысканіе мѣръ къ уменьшенію силы пожаровъ) состояла даже особая комиссія. Въ *Голосъ* въ 1878 г. сообщалось, что комиссія остановилась на мысли собрать черезъ губернаторовъ прибалтійскихъ и нѣкоторыхъ другихъ губерній подробныя свѣдѣнія о возведеніи построекъ изъ полевого камня. Примѣненіе этого камня къ строительному дѣлу желалось еще и для того, «чтобы хотя отчасти освободить отъ него поля и другія хозяйственныя угодья» (не было забыто, значить, и сельское хозяйство). Потомъ,—говорилось въ сообщеніи *Голоса*,—съ теченіемъ времени (когда?) комиссія соберетъ свѣдѣнія о другихъ способахъ производства недорогихъ огнебезопасныхъ зданій. Матеріаломъ для соображеній послужатъ, вѣроятно, и наблюденія, за послѣднее время сдѣланныя въ Румыніи и Болгаріи, гдѣ огнебезопасныя постройки изъ смѣси глины съ уличною грязью, соломой и т. п. въ большомъ употребленіи. При проложеніи бендеро-галацкой желѣзной дороги,—говорилось въ сообщеніи,—наши инженеры имѣли уже случай примѣнять такія наблюденія къ дѣлу при возведеніи сторожевыхъ будокъ и казарменныхъ помѣщеній.

Какимъ окончательнымъ успѣхомъ въ 1886 году увѣнчались изысканія мѣръ къ уменьшенію силы пожаровъ, читатель, знакомый съ деревней, можетъ безъ труда увидѣть изъ того, что онъ знаетъ о теперешней деревнѣ, а читатель, съ деревней незнакомый, изъ того, что пишется о деревенскихъ пожарахъ нынче и что писалось о нихъ въ газетахъ прежде. Деревни и нынче пылаютъ совершенно такъ же, какъ онѣ пылали до изысканія мѣръ.

Кто виноватъ, судить не намъ;
Но только возъ и нынѣ тамъ.

Нужно думать, что неуспѣхъ изысканій произошелъ исключительно оттого, что тѣ, кто обнаруживалъ заботливость о деревнѣ, относился къ ней «субъективно». Городскіе обитатели съ городскими привычками и средствами представляли себѣ, какъ бы они поступали сами, если бы были мужиками. Но, будучи мужиками, они бы поступали совершенно такъ же, какъ поступаютъ и теперь настоящіе мужики, т.-е. не строили бы избъ на каменномъ фундаментѣ или по румынскому и болгарскому образцу, не сажали бы березокъ и не имѣли бы ни чановъ съ водой, ни швабръ. Неуспѣхъ новыхъ бумажныхъ мѣръ былъ неизбѣженъ, потому что ими повторялось то, что и раньше оказывалось вполне бесплоднымъ. Повтореніе это было наслѣдственнымъ анахронизмомъ и собственно шестидесятымъ годамъ принадлежит не повтореніе стараго, а дѣйствительно новое, чего до шестидесятыхъ годовъ не было извѣстно,—взаимное страхованіе, введенное земствомъ. Въ организаціи и установленіи дѣла взаимнаго страхованія заключается, конечно, одна изъ величайшихъ заслугъ

земства на пользу погибавшей отъ пожаровъ деревянной Россіи. Взаимное страхованіе ничего не регламентируетъ, ничего не требуетъ отъ крестьянина, чего бы онъ не могъ исполнить. Осязательная и непосредственная практическая польза этого дѣла была настолько очевидна для крестьянина, что оно сейчасъ же привилось и усвоилось повсюду. Мужикъ, заплатившій 25 коп., получаетъ въ случаѣ пожара 50 руб., а заплатившій 50 к.—100 р. Это ужь совсѣмъ просто, ясно, несложно, а, главное, быстро. И вотъ простое дѣло, практическая полезность котораго была очевидна каждому, достигло въ 10 лѣтъ такого всеобщаго успѣха, какого «мѣры къ изысканію способовъ» не могли достигнуть и во сто лѣтъ (да не достигнуть и въ тысячу, если матеріальныя и умственные условія деревни не измѣнятся къ лучшему).

Сдѣлаю небольшое отступленіе. Въ *Неделяхъ* (№ 23) помѣщена статья о пожарахъ, какъ кажется, еще въ первый разъ въ печати указывающая на одну изъ «новыхъ» причинъ деревенскихъ пожаровъ.

Почтенная газета говоритъ: «Кто бы могъ ожидать, что существующая у насъ система обязательнаго земскаго страхованія можетъ явиться одною изъ важнѣйшихъ причинъ пожаровъ? А, между тѣмъ, это несомнѣнно доказано для Новгородской губерніи изслѣдованіемъ страховаго дѣла за 18½ лѣтъ его существованія. Точныя цифровыя данныя показали, что въ то время, какъ средняя страховая сумма, приходящаяся на одно застрахованное строеніе, колеблется по уѣздамъ губерніи отъ 21,4 до 39,8 рубля, страховая сумма, приходящаяся на одно сгорѣвшее строеніе, равна по тѣмъ же уѣздамъ отъ 23,7 до 54,8 рублей, т.-е. на 11—40% выше. Выходитъ, такимъ образомъ, что горять, главнымъ образомъ, строенія, застрахованныя по болѣе высокой оцѣнкѣ. Это обстоятельство уже наводитъ на мысль, что значительная часть пожаровъ происходитъ не отъ случайныхъ причинъ». Затѣмъ дѣлается ссылка на Старорусскій уѣздъ. Какъ ни правдоподобно подобное заключеніе, но, тѣмъ не менѣе, тѣ же самыя цифры не даютъ еще права его сдѣлать. Этотъ же самый вопросъ не разъ обсуждался новгородскимъ земствомъ и мнѣніе, подобное мнѣнію *Недели*, высказывалось представителями старорусскаго земства. Но противъ этого мнѣнія являлось и другое мнѣніе, менѣе сенсационное и, какъ кажется, болѣе справедливое. Старорусскій уѣздъ—уѣздъ богатый, съ большими селеніями и болѣе цѣнными постройками, чѣмъ другіе уѣзды. Подобныя селенія платятъ и болѣе высокую страховую сумму и получаютъ въ случаѣ пожаровъ болѣе высокую страховую премію, чѣмъ селенія мелкія, страховые риски которыхъ меньше. Все это настолько извѣстно земцамъ, что для нихъ совершенно понятно, почему *среднее* пожарное вознагражденіе по губерніи можетъ быть выше *средней* оцѣнки. До объясненія причины этого поджогами еще очень далеко. Поджоги съ корыстными цѣлями бывають и въ городахъ, но главнѣйшая причина городскихъ пожаровъ, все-таки, не въ нихъ, а уже тѣмъ болѣе пожаровъ

деревенскихъ. Деревенское страхование производится или по общей оцѣнкѣ, или по особой (для дворовъ болѣе цѣнныхъ). Страховая премія по особой оцѣнкѣ выдается въ $\frac{2}{3}$ стоимости и не выше 500 руб. Конечно, старшина можетъ по недосмотру допустить оцѣнку выше дѣйствительной стоимости строеній, но выше 500 р. она, все-таки, идти не можетъ, а, между тѣмъ, крестьянскія постройки бывають много выше 500 руб. и доходятъ даже до 1,000 руб. Какой же расчетъ поджигать дорогой домъ, чтобы получить за него меньше? Если бы, однако, корыстный поджигатель и явился, ему, кромѣ уголовного суда, грозитъ еще и крестьянскій самосудъ тѣхъ, кто погорѣлъ по его милости. Это узда сильная. Но, вѣдь, и земства понимаютъ страховой расчетъ, а потому едва ли повышенными страховыми преміями стануть поощрять поджоги. Слѣдовательно, видѣть въ обязательномъ земскомъ страхованіи одну изъ «важнѣйшихъ» причинъ пожаровъ едва ли есть основаніе. Изъ цифръ, приводимыхъ *Недѣлей*, оказывается, что по Новгородской губерніи поджоги составляютъ отъ 4—15%; если эту цифру принять даже для всей Россіи, то окажется, что остальные причины составляютъ отъ 85—96%. Значить, поджоги не только не «важнѣйшая» причина, но совсѣмъ ничтожная, и земское страхование въ нихъ совсѣмъ не повинно.

До сихъ поръ еще не придумано ничего лучшаго для обезпеченія крестьянъ въ случаѣ пожаровъ. Взаимное земское страхование настолько всеобщая «объективная» мѣра, что она сразу поставила деревню внѣ всякой зависимости отъ чьихъ бы то ни было симпатическихъ, дѣятельныхъ и недѣятельныхъ чувствъ, а людей, у которыхъ этихъ чувствъ нѣтъ, избавила отъ нареканій, подобныхъ тѣмъ, какія пришлось выслушать хотя бы тетюшскому городскому головѣ. И при деревенскихъ пожарахъ, не разъ и не два, падали на городскихъ пожарныхъ обвиненія въ равнодушіи къ бѣдствію и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, горитъ деревня въ двухъ верстахъ отъ города, и хоть бы одна живая душа отправилась къ ней на помощь. Да и не въ томъ обида, что никто изъ городскихъ жителей не слѣпнеть на помощь, а въ томъ, что пожарный на городской каланчѣ съ невозмутимымъ спокойствіемъ ходитъ кругомъ, точно нигдѣ нѣтъ никакого пожара. А пожарные, все-таки, правы, что не ѣдутъ тушить деревню, и нельзя ихъ винить за то, что у деревни нѣтъ никакой пожарной организаціи. Увлечшись дѣятельнымъ чувствомъ жалости, они стали бы перѣзжать отъ одной горящей деревни къ другой и могли бы забраться, наконецъ, изъ Тетюшъ въ Эйдуненъ. Не симпатіями и дѣятельнымъ чувствомъ жалости устанавливаются правильныя отношенія въ общественной жизни, а порядками и стройною организаціей этихъ отношеній. Эйдуненъ, конечно, поступилъ похвально, явившись на помощь горѣвшему Вержболово; но и Серебряковъ виноватъ не тѣмъ, что у него не нашлось сочувствія къ бѣдѣ Журина, а тѣмъ, что не исполнилъ своей обязанности, и не только ее не исполнилъ, а еще и нашелъ юридическіе выходы для собственнаго обѣленія. Это вопросъ не сочувствія или не-

сочувствія, а вопросъ о томъ, что человѣкъ теряетъ границы своихъ гражданскихъ отношеній.

Вся наша повседневная мелкая неурядица коренится именно въ нестройствѣ этихъ отношеній. И въ деревнѣ, и въ городѣ обыденная путаница, создающая всякія недоразумѣнія, неудовлетворенія и недовольства другъ другомъ и порядками, заключается только въ томъ, что люди забываютъ свое мѣсто и нѣтъ такихъ общихъ возможностей, доступныхъ для всякаго, чтобы высочившаго человѣка водворить въ его границахъ. Вотъ, напримѣръ (чтобы воспользоваться примѣромъ уже знакомымъ), Серебряковъ возвращаетъ пожарную команду съ пожара, когда, казалось бы, ему слѣдовало не только торопить ее прїѣздомъ, но и самому распоряжаться на пожарѣ. Что же онъ дѣлаетъ вмѣсто этого? Онъ заставляетъ Журина упрашивать себя всю ночь и склоняется, наконецъ, на его просьбу лишь въ 8 часовъ утра. Это уже совсѣмъ что-то непонятное, если искать разрѣшенія не тамъ, гдѣ его слѣдуетъ искать. Но еще Крыжаничъ замѣтилъ, что русскіе неумѣренны во власти, и это подтвердилъ еще разъ Серебряковъ. Онъ имѣлъ власть разрѣшить и отказать и въ Эйдкуненѣ онъ бы разрѣшилъ, а въ Тетюшахъ отказалъ. Во всехъ случаяхъ, подобныхъ тетюшскому (ему же имя легионъ), всегда главная причина въ игрѣ во власть. При отсутствіи общественнаго воспитанія и неразвитости общественныхъ понятій человѣкъ, очутившійся у власти и не умѣющій думать въ общественномъ направленіи, сейчасъ же начнетъ дѣйствовать, какъ Богъ положилъ ему на душу.

Тѣ, кто живетъ въ деревнѣ, имѣютъ возможность наблюдать этотъ порядокъ ближе, чѣмъ гдѣ-либо, а, главное, въ самомъ корнѣ явленія. Въ нашей округѣ живетъ кузнецъ, а у него есть сынъ, совсѣмъ молодой парень, длинный, какъ хлыстъ, и съ очень длинными ногами, приспособленными для ходьбы. Парень былъ нанятъ въ «бѣгунъ», т.-е. ходить въ городъ за почтой, а городъ лежитъ отъ нашей мѣстности за 40 верстъ. Нашъ «бѣгунъ» отиѣривалъ это разстояніе два раза въ недѣлю съ такою легкостью и быстротой, что даже приобрѣлъ себѣ извѣстность. Вѣроятно, поэтому на его долю и выпало высшее назначеніе: его сдѣлали сотскимъ. Получивъ, въ качествѣ официалаго лица, блаху на шапку и нагрудный знакъ, онъ обзавелся еще какииъ-то жезломъ вродѣ поповской палки и сталъ неузнаваемъ. Нѣкогда скромный «бѣгунъ» приобрѣлъ теперь особенный пошибъ, онъ пересталъ здороваться, снимая шапку, а прикладываетъ уже руку ко лбу совсѣмъ по-офицерски, и дѣлаетъ это не безъ граціи. Вся фигура его получила военный обликъ (насмотрѣлся на офицеровъ, когда ходилъ въ губернской городъ за почтой) и дышетъ самодовольнымъ достоинствомъ. Однимъ словомъ, парень потерялъ голову. Нынче въ христовскую заутреню онъ пришелъ въ свою приходскую церковь и, не прощенный никѣмъ, началъ распоряжаться, толкалъ (да какъ грубо) бабъ, ребятишекъ и мужиковъ, разставляя ихъ на мѣста, и до того мѣшалъ молиться, что вызвалъ ропотъ. Къ сожалѣнію, священникъ

ничего этого не замѣтилъ, а то велѣлъ бы его вывести. Сдѣлайте такого дурака старшиной и онъ непременно натворитъ всякихъ чудесъ и затѣетъ дѣло о сопротивленіи властямъ. Поручите ему быть сборщикомъ податей и онъ, конечно, не уступитъ тому старооскольскому сборщику, который трепалъ недоимщиковъ за бороды, толкалъ ихъ ногами въ спину и сажалъ подъ столъ, и все это только для того, чтобы показать, что это онъ можетъ сдѣлать. Должно быть, ужь очень завлекательно показать, что я, молъ, могу то и то, что я больше тебя; и это показываніе дѣлается даже и въ такихъ случаяхъ, когда никто и не сомнѣвается, что человѣкъ больше, такъ что, казалось бы, и показывать-то нечего. Въ *Новостяхъ*, напримѣръ, сообщалось о слѣдующемъ невозможномъ случаѣ въ кшиневской губернской земской больницѣ. Молодой врачъ, г. Ч—въ (и отчего не прописана вся фамилія?), завѣдывая сифилитическою палатой, явился въ нее, чтобы сдѣлать одному больному болгарину наголы для подкожнаго впрыскиванія. Болгаринъ, подвергавшійся этой манипуляціи уже четыре раза, возропталъ и заявилъ, что онъ не можетъ ихъ больше переносить. Казалось бы, доктору оставалось только исполнить желаніе больного и не лечить его мучительнымъ способомъ. Но г. Ч—въ поступилъ такъ, какъ развѣ поступилъ бы на его мѣстѣ какой-нибудь сотскій изъ «бѣгуновъ». Докторъ приказалъ больному «не возражать». Когда же больной опять о чемъ-то заикнулся, врачъ, топнувъ ногой, приказалъ прислугѣ держать его, чтобы сдѣлать операцію силой. Видя, что дѣло становится круто, болгаринъ собралъ остатки своего послѣдняго мужества и заявилъ рѣшительно, что «онъ не желаетъ». Тогда г. Ч—въ подбѣжалъ къ больному и далъ ему звонкую пощечину. Корреспондентъ прибавляетъ, что этотъ необычайный случай (ужь будто бы необычайный?) «заставилъ городъ вспоминать и перечислять, сколько реберъ лишились больные (вѣроятно, все въ той же больницѣ), сколько ихъ безцеремоннымъ образомъ выбрасывали на улицу и проч.»

Или такой фактъ. Въ Одессѣ у мирового судьи разсматривается дѣло по обвиненію вдовы чиновника Станиславы Хмелевской дамско-портняжескимъ цехомъ въ содержаніи «тайной мастерской». Въ качествѣ обвиняемой явилась худая, удрученная горемъ женщина, лѣтъ подъ сорокъ. Все время она горько плакала и постоянно приговаривала, что не свершила никакого преступленія. Защиту ея принялъ безденежно случившійся въ камерѣ помощникъ присяжнаго повѣреннаго г. Рейнгерцъ. Служащіе въ ремесленной управѣ, въ качествѣ обвинителей, утверждали, что въ квартирѣ обвиняемой, въ подвальномъ этажѣ, они застали Хмелевскую съ другою женщиной за иглой. Свидѣтельница г-жа Губеръ, живущая въ томъ же домѣ, показала, что Хмелевская занимается большею частью поденною работою, живетъ въ темной конурѣ, за которую платить 4 р. въ мѣсяцъ. Свидѣтельница иногда давала Хмелевской кое-какую работу; дѣвушка, которую застала ремесленная управа, приходитъ иногда къ Хмелевской просто какъ къ знакомой; вообще обвиняемая крайне нуждается.

Выслушав обвинителей и свидѣтелей, судья призналъ Хмелевскую по суду оправданною; но, «усматривая въ дѣйствіяхъ выборныхъ должностныхъ лицъ дамско-портняжескаго цеха незаконныя дѣйствія въ томъ, что они вышли изъ предѣловъ, предоставленной имъ власти; такъ какъ они не имѣютъ права нарушать неприкосновенности частныхъ квартиръ, и такое право принадлежитъ одной лишь государственной власти въ лицѣ администраціи, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, а равно не имѣли никакого права собственною инициативой конфисковать чужое имущество, такъ какъ такое право предоставлено законами Россійской имперіи одной лишь судебной власти, постановилъ: о дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ дамско-портняжескаго цеха довести до свѣдѣнія г. одесскаго градоначальника для поступленія съ ними по его усмотрѣнію». Корреспондентъ говоритъ, что радѣтелей интересовъ ремесленнаго сословія этотъ приговоръ непріятно поразилъ и они ужь вовсе не ожидали подобнаго сурприза. То-то и ужасно, что у насъ личное насиліе можетъ примиряться съ голубиною невинностью и съ полною вѣрой въ собственную правоту. Сознательное насиліе, которое знаетъ, что оно дѣлаетъ, слѣдовательно, можетъ этого и не дѣлать, для общежитія менѣе опасно, чѣмъ та тупая глупость, при которой человекъ, имѣя власти на мизинецъ, считаетъ себя уже въ законномъ правѣ дѣлать, что ему вздумается, да потомъ же еще и удивляется, что его за это не глядятъ по головкѣ.

До чего можетъ доходить тупость именно этого рода, читатель можетъ убѣдиться изъ слѣдующаго факта, сообщаемого *Астраханскимъ Справочнымъ Листкомъ*. Въ одномъ изъ засѣданій городской думы въ Красномъ Яру не доставало гласнаго. Въмѣсто того, чтобы объявить засѣданіе не состоявшимся, городской голова замѣнилъ двѣнадцатаго гласнаго именно печатью неграмотнаго гласнаго Шапошникова. Въ числѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, былъ и вопросъ о мѣрахъ противъ искусственнаго повышенія хлѣботорговцами цѣнъ на хлѣбъ по случаю неурожая и о выборѣ почетнаго смотрителя въ городское училище. Такъ какъ голова, подѣ председательствомъ котораго обсуждался вопросъ о цѣнахъ на хлѣбъ, самый крупный хлѣбный торговецъ въ Красномъ Яру, то дума постановила противъ искусственнаго повышенія цѣнъ на хлѣбъ мѣръ никакихъ не принимать. Съ именною печатью вмѣсто гласнаго прошли въ этомъ засѣданіи 7 постановленій. Но въ послѣдующее засѣданіе, когда гласные уже одумались, а, можетъ быть, запаслись и храбростью, одинъ изъ нихъ, Сергѣевъ, возбудилъ вопросъ о томъ, насколько печать можетъ замѣнить гласнаго. Разъ такое начало установилось, можно и всѣхъ гласныхъ замѣнить печатями и устраивать думскія засѣданія изъ печатей, подѣ председательствомъ головы. Такъ ли мотивировалъ гласный Сергѣевъ внесенный имъ вопросъ, я не знаю и корреспондентъ ничего не говоритъ; но за то онъ съ точнѣйшею пунктуальностью сообщаетъ отвѣтъ головы на неумѣстный вопросъ Сергѣева. Голова отвѣчалъ: «Я, председатель, приказываю вамъ замолчать, а то прикажу

вывести васъ вопль!» И Сергѣевъ, какъ говорить корреспондентъ, «прикусилъ языкъ».

Фактъ дѣйствительно изумительный; но вопросъ, во всякомъ случаѣ, не въ томъ, что красноярскій городской голова дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ помраченія, и не въ томъ вопросъ, чтобы придти отъ этого удивительнаго факта только въ изумленіе. Мы уже тысячу лѣтъ изумляемся и, все-таки, не ушли ни на шагъ впередъ. Надо что-нибудь, наконецъ, и сдѣлать. Бъ сожалѣнію, корреспондентъ не говоритъ, кончилось ли это дѣло только тѣмъ, что прикусилъ себѣ языкъ гласный Сергѣевъ, или же явились и еще какія-нибудь послѣдствія и прикусилъ языкъ городской голова. Фактъ прошелъ, во всякомъ случаѣ, для общественнаго мнѣнія незамѣтнымъ и, кромѣ *Саратовскаго Листка*, его, кажется, не перепечатали ни одна газета. А если бы что-нибудь подобное случилось хотя бы въ Эйдкуненѣ, нѣмцы, конечно, зазвонили бы во всѣ колокола, и погромче, чѣмъ они звонили, когда сдѣлался пожаръ въ Вержоловѣ. Да такой голова и страшнѣе всякаго пожара, а Красный Яръ молчитъ. Вотъ какія у насъ дѣла въ деревняхъ и въ городскихъ захолустьяхъ!

Красноярскій фактъ не простой, а сложный. Когда нашъ длинноногіи «бѣгунъ», превратившись въ сотскаго, усвоилъ себѣ офицерскія манеры, онъ только сталъ комиченъ. Когда, забравшись въ христовскую заутреню въ церковь, онъ сталъ разставлять въ порядкѣ бабъ, мужиковъ и ребятишекъ, онъ былъ тоже больше любопытенъ, чѣмъ опасенъ, и до сходства съ пожаромъ ему, во всякомъ случаѣ, далеко. Скажи сотскому слово священникъ или явись урядникъ—и вся его власть немедленно бы улетучилась передъ властью бѣльшей. Конечно, русская жизнь богата «изумительными» фактами изъ полицейской практики: городовые дерутся, урядники ломаются надъ сельскими учителями и учительницами и т. д., но всякій полицейскій чинъ стоитъ подъ властью еще бѣльшей власти и ея трепещетъ. Безобразія, которыя дѣлаетъ полицейскій чинъ, происходятъ больше отъ усердія (хотя не безъ примѣси иногда и погони за маргарычемъ); но полиція, все-таки, не больше, какъ войско, повинующееся командѣ и потому легко перемѣняющее фронтъ. Но здѣсь не то. Здѣсь выборное лицо, представитель и охранитель общественныхъ интересовъ, олицетворяетъ ихъ въ самомъ себѣ и соединяетъ кулачество съ властью. Онъ не только приказываетъ, какъ лицо, облеченное властью, но еще и давить своею толстою мошною. Ему, пожалуй, и власть-то нужна только для кулачества. А двѣ такія силы, приведенныя въ гармонію, могутъ произвести чудеса и убить всякую жизнь. Толстосумство—власть и сама по себѣ сильная, что же выйдетъ, если оно еще соединится съ правомъ заставлятъ своихъ противниковъ молчать? И молчать! А кулакъ, между тѣмъ, все дальше и дальше протягиваетъ руку; а по мѣрѣ того, какъ растетъ вокругъ него бѣдность, аппетиты его растутъ и онъ, наконецъ, даже въ счетъ процентовъ *Вѣстника* начинаетъ терять разумъ. Глазовскій корреспондентъ *Волжскаго Вѣстника* рассказываетъ, что народная нужда раз-

вела въ Глазовскомъ уѣздѣ слѣдующихъ «благодѣтелей». Мужикъ, нуждающійся въ сѣменахъ, обращается къ благодѣтелю и тотъ даетъ имъ ему «исполу». Это значитъ, что мужикъ обработаетъ землю, посѣетъ, сожнетъ, вымолотитъ и привезетъ половину урожая на дворъ благодѣтеля, который все это время только и дѣлалъ, что кулачилъ, да распивалъ чай, и еще въ ноги кланяется при этомъ мужикъ «благодѣтелю» и благодаритъ его за милость. Какъ же тутъ не потерять послѣдній общественный смыслъ?

Въ извѣстномъ всѣмъ дѣлѣ о безпорядкахъ на морозовской фабрикѣ повторилась та же исторія, но только вызвавшая острый конецъ. Я приведу показанія самого г. Морозова, который на судѣ «отвѣчалъ даже болѣе, чѣмъ его спрашивали стороны, стараясь мотивировать свои объясненія». По словамъ г. Морозова, прошедшій годъ, а, «пожалуй», и нынѣшній были для рабочихъ тяжелымъ временемъ. Спросъ на товаръ и сбытъ его сокращался, поэтому должны были уменьшиться и заработки рабочихъ. Когда торговля пошла тише, Морозовъ понизилъ плату рабочимъ на 10—15%. Но не пониженіе платы донимало рабочихъ, а штрафы. Морозовъ говорилъ, что штрафы поступали въ пользу товарищества фабрики, въ видахъ улучшенія товара; но за то морозовская фабрика платила по 45 к., а остальные фабриканты по 35 к. На вопросъ защитника г. Шубинскаго, не уравнивали ли штрафами эту разницу цѣнъ, такъ что, выработывая товаръ высшаго достоинства, системой штрафовъ плата за него доводилась, однако, до 35 к., Морозовъ далъ уклончивый отвѣтъ. Шоринъ, этотъ особенно довѣренный человекъ Морозова, раскрылъ еще болѣе фабричные порядки. По его словамъ, «штрафы налагались несправедливые»; въ послѣдніе 2½ года заработная плата все болѣе и болѣе (всего разъ пять) сбавлялась, а штрафы, наоборотъ, увеличивались, «такъ что ткачамъ дѣйствительно стало не въ моготу работать». Но не виноваты въ этомъ лица, налагавшія штрафы; они исполняли лишь распоряженіе Морозова, «который самъ приказывалъ браковщикамъ штрафовать по возможности строже, причеиъ нѣкоторыхъ браковщиковъ за *плохую службу* даже прогонялъ». Штрафныхъ денегъ набиралось ежегодно отъ 20 до 30 т. и среднимъ числомъ приходилось по 30 до 50% съ заработка, такъ что на нихъ уходила половина задѣльной платы. Бывали случаи, что ткачъ, благодаря системѣ штрафовъ, не выработывалъ даже на харчи. Частыя переиѣны выработываемыхъ матерій, переводъ ткачей съ одного станка на другой, съ ночной на дневную смѣну мѣшали успѣху работы и ставили ткачей еще въ болѣе тяжелое положеніе. Когда штрафы по рабочей книжкѣ достигали 50%, то, чтобы не поражались (кто? ужъ, конечно, не рабочій, который хорошо знаетъ, что онъ не допущитъ) количествомъ штрафовъ, «на всякій случай» такую книжку замѣняли новою. Это дѣлалось такъ: рабочаго рассчитывали фиктивно и на его книжку клали штемпель объ уничтоженіи, а черезъ день или два этотъ же рабочій какъ будто вновь поступалъ на фабрику и получалъ новую

рабочую книжку. Изъ одного изъ протоколовъ, составленныхъ слѣдователемъ о заработкахъ и штрафахъ, прочитаннаго на судѣ, обнаружилось, что цѣны въ 1884 г. сравнительно съ 1881 г. были понижены по сортамъ матерій на 8, 10, 15, 20 и 25%, на одномъ же сортѣ метлаسه и полушерстянаго молескина была сдѣлана скидка въ 50%. Съ Пасхи же 1884 г. цѣны были еще понижены.

Это та же система «исполу», о которой пишетъ глазовскій корреспондентъ. Рабочему назначается рубль, а дается полтина; рабочій же долженъ исполнить работу на весь обѣщанный рубль. Но глазовскіе благодѣтели дѣйствуютъ «на глазомѣрь» и совсѣмъ примитивно, больше по обычаю, тогда какъ морозовское «исполу» есть вполне законченная и выработанная система, сознательно обставленная даже извѣстными гарантіями. Первая гарантія заключается въ нуждѣ рабочаго, который поэтому всегда будетъ находиться во власти и что съ нимъ ни дѣлай—не уйдетъ; а вторая—въ уничтоженіи улигъ, ибо единственный свидѣтель, рабочая книжка, уничтоженъ. Примитивный глазовскій «благодѣтель»—не больше какъ обыкновенный деревенскій кулакъ, грубый и необразованный, вѣроятно, и не подозревающий, что онъ дѣлаетъ, а, можетъ быть, и искренно воображающій, что онъ благодѣтельствуетъ. Здѣсь же ужь далеко не примитивность, здѣсь не только знаютъ, что дѣлаютъ, но и знаютъ, что могутъ за это отвѣчать, и потому изобрѣтаютъ способъ, чтобы отводить глаза и замечать слѣдъ. И система эта продолжалась не годъ, не два, пока рабочіе не увидѣли, что они совсѣмъ приперты къ стѣнѣ. *Современная Извѣстія* совершенно вѣрно объясняютъ морозовское дѣло (и вся наша печать поняла и объяснила его вѣрно, кромѣ *Московскихъ Вѣдомостей*), какъ простое желаніе рабочихъ обратить на свое положеніе вниманіе начальства. «Они желали,—говоритъ газета,—правительственнаго вмѣшательства въ ихъ отношенія къ фабриканту, чувствуя себя опутанными и не умѣя найти своего права; требовали опредѣленія своихъ обязанностей по государственному уставу, призывали «государственный контроль»... Рабочіе чувствовали себя обиженными въ простомъ, обыкновенномъ, законномъ правѣ и обратились къ власти за огражденіемъ. Путь они избрали незаконный,—замѣчаетъ газета,—но они могли бы сказать, что другого имъ не остается. Въ самомъ дѣлѣ, къ кому бы они пошли? Къ исправнику? Къ мировому судѣ? Начали бы дѣло споромъ? Но такой поступокъ относительно законности немногимъ бы отличался отъ того, что было ими учинено». Въ заключеніе газета указываетъ на необходимость измѣнить кое-что въ фабричныхъ отношеніяхъ и говорить, что, по газетнымъ слухамъ, фабричный проектъ уже и составленъ.

И заливаетъ же фабричный рабочій, узнавъ, что законъ взялъ его подъ свою защиту! Когда-то очередь ликованья дойдетъ и до деревенскаго мужика и законъ защититъ его, наконецъ, отъ кулака? А этой «власти» развелось у насъ ужь слишкомъ много.

Н. Ш.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Педагогія.

Неудовлетворительность современной постановки среднего образованія.—Уточеніе учащихся занятіями.—Схоластическій характер преподаванія.—Воспитательное значеніе идей.—Вопросъ о физическомъ трудѣ въ школахъ.—Недостаточная обработка новыхъ требованій отъ школы.

Въ статьѣ о современномъ состояніи педагогіи *) мы указывали на исполнѣ основательныя требованія, которыя предъявляютъ къ воспитателямъ и учителямъ врачи и естествоиспытатели. Возрастъ раннаго дѣтства нуждается въ умѣломъ и тщательномъ уходѣ. Именно въ первые годы жизни ребенка возможна успѣшная борьба съ печальными наклонностями, переданными по наслѣдству, и въ эти же годы должно быть положено прочное начало добрымъ стремленіямъ, которыя разовьются впоследствии въ твердыя убѣжденія и устойчивыя привычки. Родителямъ и воспитателямъ необходимо заботиться медицинскими и естественно-научными свѣдѣніями, чтобы во-время и толково придти на помощь ребенку, обезпечить ему физическое и нравственное здоровье. Съ наступленіемъ школьнаго возраста такого рода обязанность переходитъ, главнымъ образомъ, на училище. Оно беретъ у ребенка все утро, все рабочее время, оставляя лишь нѣсколько часовъ для отдыха и для домашняго приготовленія уроковъ. При дружныхъ заботахъ школы и семьи трудная задача воспитанія облегчается и для той, и для другой; при отсутствіи этого условія молодому поколѣнію приходится въ большей или меньшей степени страдать, а нерѣдко такой порядокъ вещей ведетъ къ нравственному калѣченію дѣтей, къ появленію дряблага умомъ и слабога волей поколѣнія.

Современная европейская среднеобразовательная школа унаслѣдовала много недостатковъ отъ добраго стараго времени и не удовлетворяетъ основнымъ требованіямъ здоровой теоріи воспитанія и гигіены. Первый

*) *Русская Мысль* 1885, кн. V.

и главный ея недостатокъ заключается въ чрезмѣрности занятій. Въ то время, какъ законодательство всѣхъ образованныхъ народовъ стремится сократить физическій трудъ дѣтей, разрушающій ихъ силы, присяжные учителя расширяютъ учебныя программы до такой степени, что у дѣтей среднихъ способностей совсѣмъ не остается времени для отдыха и для сколько-нибудь самостоятельной умственной жизни. Шесть учебныхъ часовъ до обѣда сильно истощаютъ дѣтскій организмъ, а послѣобѣденное приготовленіе заданныхъ уроковъ поглощаетъ еще нѣсколько часовъ. Немудрено, что при такомъ обремененіи школьными занятіями дѣти выходятъ изъ учебныхъ заведеній хилыми умственно и физически. Въ этомъ отношеніи результаты, достигаемые нашими среднеучебными заведеніями, хуже далеко неудовлетворительныхъ результатовъ средняго образованія въ Германіи. Лишь одна пятая общаго числа учащихся въ русскихъ гимназіяхъ оканчиваетъ курсъ; остальные или очень запаздываютъ, или, — и это главнымъ образомъ, — совсѣмъ не оканчиваютъ курса. Очевидно, не въ бездарности нашихъ дѣтей лежитъ причина столь печальнаго явленія, а въ программахъ нашихъ учебныхъ заведеній и въ личныхъ недостаткахъ современныхъ учителей. Нерѣдки случаи, что ретивый педагогъ съ ожесточеніемъ заставляетъ дѣтей столько и такъ знать грамматику, сколько и какъ знаетъ ее самъ педагогъ, кончившій курсъ въ университетъ и послѣ того весь ушедшій въ эту грамматику. Если у такого педагога явится такой же товарищъ (а это случается), то ученики будутъ ошеломлены, подавлены требованіями, исполнять которыя имъ вмѣняется въ неукоснительную обязанность.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы въ нашей педагогической литературѣ не высказывались здравые взгляды на задачи школьнаго обучения, на тѣ приемы, которыми должны достигаться въ учебныхъ заведеніяхъ воспитательныя цѣли. Такъ, г. Каптеревъ говоритъ слѣдующее *): «Цѣль воспитанія ума можетъ заключаться только въ возбужденіи разнообразныхъ умственныхъ интересовъ, умственной пытливости, въ заложеніи прочнаго фундамента широкаго и свѣтлаго міровоззрѣнія, въ сообщеніи средствъ и орудій для удовлетворенія пробудившейся любознательности, для продолженія и окончанія постройки міровоззрѣнія. Если педагогъ, при образованіи ума, будетъ особенно заботиться о сообщеніи свѣдѣній, не давая большаго значенія пробужденію и укрѣпленію охоты къ умственному труду, любви къ мышленію, то онъ потратитъ свои силы и время почти безъ всякаго серьезнаго результата». Мы идемъ дальше г. Каптерева и утверждаемъ, что такой педагогъ принесетъ вредъ ученикамъ, что онъ убьетъ у многихъ изъ нихъ любознательность и ослабитъ способность къ самостоятельному мышленію. Зло увеличивается, если ученикъ подавленъ не свѣдѣніями, въ большей или меньшей степени полезными,

*) *Дидактическіе очерки*, стр. 8 и 9.

а грамматическими правилами и ни на что ненужными фактами. На эти недостатки современной школы указывают и лучшіе нѣмецкіе педагоги. Такъ, профессоръ Бидерманъ давно борется съ нелѣпымъ (однако, господствующимъ) способомъ преподаванія исторіи. Въ книгѣ, изданной имъ въ прошломъ году, Бидерманъ настаиваетъ на необходимости введенія въ школьное обученіе культурно-историческаго метода *). Пересказъ фактовъ въ хронологическомъ порядкѣ утомляетъ память учащихся и большая часть этихъ историческихъ фактовъ забывается, конечно, и не оставляетъ въ душевной жизни ученика никакого слѣда. При такомъ способѣ преподаванія исторіи воспитанникъ все время остается пассивнымъ, лишь механически воспринимая ему сообщаемое. Бидерманъ говоритъ, что на это зло, на отсутствіе самостоятельности учащихся, обратили вниманіе и другіе германскіе преподаватели, пользующіеся вполне заслуженнымъ авторитетомъ. Бидерманъ предлагаетъ давать дѣтямъ (не ранѣе тринадцатилѣтняго возраста) общую картину жизни даннаго народа въ опредѣленную историческую эпоху. Это связанное изображеніе легче уложится въ память учащагося, чѣмъ механически чередующіеся факты въ нынѣшнихъ учебникахъ, и, — что, разумѣется, особенно важно, — дастъ дѣтямъ возможность *понять*, что такое исторія, осмыслить приобретаемое ими знаніе. Ученикамъ должна быть показана зависимость однихъ историческихъ явленій отъ другихъ, тѣ причины, которыми обуславливается историческое развитіе. Если эпохи выбраны толково, то подобная задача совершенно достижима.

Эти мысли, которыя профессоръ Бидерманъ высказалъ въ брошюрѣ, изданной имъ въ 1860 году, встрѣтили, съ одной стороны, горячее сочувствіе, а съ другой — рѣзкія возраженія. Профессоръ Циллеръ (*Grundlegung zur Lehre vom erziehenden Unterricht*, 1865) заявилъ, что предлагаемый Бидерманомъ способъ преподаванія есть единственно правильный. Знаменитый педагогъ Виве (Wiese), авторъ *Писемъ объ англійскомъ воспитаніи*, отозвался объ этомъ способѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Бидерманъ кончаетъ свою книжку (имъ приготовленъ и учебникъ по новому методу) словами Юстуса Мозера, что исторія, въ особенности очевидная, тогда только заслуживаетъ этого названія, когда является исторіей народа, въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы рекомендуемъ нашимъ педагогамъ книжку Бидермана. Размышленіе надъ нею можетъ оказать смягчающее вліяніе на многихъ изъ нихъ.

И въ то самое время, какъ преподаваніе однихъ предметовъ (исторіи, географіи) превращается въ сообщеніе беспорядочной груды фактовъ, въ которыхъ дѣти не могутъ разобраться, смысла и значенія ко-

*) *Karl Biedermann*: „Der Geschichtsunterricht auf Schulen nach kulturgeschichtlicher Methode“. Wiesbaden, 1885.

торыхъ они совершенно не понимаютъ, другіе предметы преподаются чисто-схоластическимъ способомъ (языки). Ученикъ долженъ въ послѣднемъ случаѣ заучивать множество правилъ и опредѣленій, содержаніе которыхъ ему недоступно (въ которыхъ иной разъ и нѣтъ никакого содержанія). Г. Каптеревъ, — сторонникъ, замѣтимъ, классической системы образованія, — возстаетъ противъ умственной эквилибристики, противъ высокоумнаго пренебреженія къ фактическому знанію. «Предполагать, — говоритъ авторъ *Дидактическихъ очерковъ* (стр. 50), — что можно всесторонне развить умъ упражненіями въ одномъ предметѣ или въ одной группѣ наукъ, вполне ошибочно. Умъ не есть какая-либо общая сила, которая, разъ пробудившись и начавъ дѣйствовать, будетъ далѣе работать съ одинаковымъ успѣхомъ во всевозможныхъ областяхъ знанія и направленіяхъ. Умъ есть общее названіе многихъ и разнообразныхъ процессовъ, которымъ мы должны учиться, чтобы совершать ихъ съ полнымъ успѣхомъ».

Само собою разумѣется, что г. Каптеревъ настаиваетъ на томъ, чтобы курсъ обученія былъ посленъ (среднему ученику). Обученіе для него является въ то же время и воспитаніемъ. Идеи, которыя развиваетъ въ своемъ трудѣ г. Каптеревъ, получаютъ все большее и большее распространеніе въ нашей педагогической литературѣ, хотя имъ очень далеко еще отъ господства на практикѣ. Мы можемъ отмѣтить въ этомъ обзорѣ *Методику школьной дисциплины*, составленную, по Бему, г. Фармаковскимъ, какъ примыкающую къ указанному направленію *). Съ нѣкоторыми положеніями Бема, которыя принимаетъ г. Фармаковский, нельзя согласиться, но въ общемъ эта книга производитъ пріятное впечатлѣніе. Въ иное время съ радостью слышишь, какъ повторяются старыя, избитыя, повидимому, истины, которыя, однако, не вошли еще въ глубину общественной массы. Такъ, на страницѣ 12 мы читаемъ: «Дисциплина должна не поражать и уничтожать, а возвышать и ободрять». «Задача воспитанія сводится къ тому, чтобы дать обществу людей, сознательно и свободно стремящихся въ своей дѣятельности къ осуществленію требованій правды и нравственнаго блага» (стр. 26—27). «Обученіе, не основанное на самодѣятельности учащагося, отупляетъ. Вынужденное, пассивное повиновеніе расслабляетъ характеръ» (стр. 31). Отъ воспитателя г. Фармаковский требуетъ и знаній, и любви къ дѣтямъ, и тонкаго педагогическаго такта. Нужно замѣтить, однако, что въ его книгѣ школа и учителя нѣсколько идеализированы. Не отрицая недостатковъ дѣйствующей въ Европѣ учебной системы, авторъ *Методики школьной дисциплины* наибольшую долю ответственности за неудовлетворительные результаты воспитанія возлагаетъ на семью. «Многіе ли, — спрашиваетъ онъ, — озабочены тѣмъ, чтобы дѣти исполняли какъ слѣдуетъ домашнія работы?» Этотъ

*) В. Фармаковский: „Методика школьной дисциплины“. Одесса, 1886 г..

упрекъ, въ виду крайней обременительности школьныхъ занятій, мы считаемъ совершенно несправедливымъ. Родителямъ приходится, скрѣпя сердце, усаживать дѣтей за приготовленія заданныхъ уроковъ, польза которыхъ бываетъ иногда проблематична, даже устраняя вопросъ о здоровьи подрастающаго поколѣнія. Требовать отъ семьи искренняго и настойчиваго содѣйствія въ этомъ отношеніи дѣло невозможное *). *Методика школьной дисциплины* основательно замѣчаетъ, что «временное удаленіе ученика можетъ быть допущено только при условіи, если оно не нанесетъ существеннаго ущерба обученію его; а окончательное исключеніе лишь въ томъ случаѣ, когда оно не преграждаетъ ученику возможности закончить образованіе въ другомъ заведеніи или дома» (стр. 105). Послѣ такого гуманнаго заявленія странно и обидно читать на той же страницѣ условное допущеніе «физической боли», то-есть тѣлеснаго наказанія.

Не будемъ останавливаться на другихъ недостаткахъ книги. Отиѣтитъ, что она признаетъ, что существующая школа далека отъ совершенства. «Школа,—говорится у г. Фармаковскаго,—слонъ да вяду продолжаетъ грѣшить противъ юности непосильнымъ напряженіемъ его умственныхъ силъ, невниманіемъ къ основнымъ требованіямъ гигиены, несоблюденіемъ элементарныхъ правилъ, рекомендуемыхъ въ огражденіе дѣтскаго здоровья». Осторожный авторъ *Дидактическихъ очерковъ* находитъ, что «отдать дѣтей всецѣло въ руки однихъ администраторовъ и педагоговъ, обыкновенно не знающихъ ни физиологій, ни гигиены и постоянно стремящихся учить какъ можно больше, *едва ли удобно*» (стр. 178). Г. Вахтеревъ говоритъ, что «непрерывность ученья съ 16 августа по 20 декабря слишкомъ утомительна и для учащихся, и для учащихся, въ особенности же для учащихся младшаго возраста». Но съ особенною ясностью недостатки нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній изображены въ *Письмахъ* г. Правдина **). Авторъ ведетъ ироническую защиту современныхъ порядковъ и такимъ образомъ ярко обнаруживаетъ полную ихъ неудовлетворительность во многихъ отношеніяхъ. Составлены *Письма*, очевидно, опытнымъ наставникомъ. «Какъ духу,—говоритъ г. Правдинъ,—не нужно никакого вещественнаго питанія, такъ и педагогъ нуждается въ немъ меньше, чѣмъ всякій другой дѣятель. Этимъ именно и объясняется тотъ общезвѣстный фактъ, что матеріальное обезпеченіе педагога гораздо меньше такого же обезпеченія другаго дѣятеля». Ученики научаются также побѣждать духомъ тѣло. «Потому что въ каждомъ учебномъ заведеніи полагается программа, которую педагогъ обязанъ выполнить въ на-

*) Г. Фармаковскій требуетъ для учителей *извѣстнаго полномочія* (стр. 63). И съ этимъ требованіемъ мы, конечно, согласиться не можемъ. Что такое *извѣстное полномочіе*?

***) П. И. Правдинъ: «Письма педагога и примѣрная смета расходовъ для учителей среднихъ учебныхъ заведеній». Полтава, 1886 г.

значенное время и которая, дѣйствительно, выполняется въ большинствѣ случаевъ; а почему? потому, что душа надлежащимъ образомъ господствуетъ надъ тѣломъ. Если бы педагогу пришлось справляться и съ физическими силами ученика, брать ихъ въ расчетъ, онъ не прошелъ бы и половины того, что положено программой». Всякій ученикъ, который не успѣваетъ тянуться за другими, исключается изъ заведенія, чѣмъ задача педагога въ высшей степени облегчается. Насмѣшливо, но съ серьезнымъ видомъ доказывая превосходное состояніе современной школы, г. Правдинъ приходитъ къ такому заключенію: «Если въ настоящее время школа наша погрузилась въ столь отдаленную эпоху Греціи и Рима, то это значитъ, что жить въ XIX вѣкѣ нѣтъ никакой возможности». Насущныя жизненныя требованія не удовлетворяются господствующею учебною системою; но въ этомъ нѣтъ, увѣряетъ насъ остроумный авторъ, никакой бѣды: надо чтобы жизнь уступила школѣ. «Въ то время, какъ для сближенія съ жизнью школа должна совсѣмъ переродиться, замѣнить однѣ науки другими, дѣйствительно полезными живому человѣку, отъ жизни потребуются очень немного: ей стоитъ только проникнуться убѣжденіемъ, что безъ склоненій и спряженій переводъ немислимъ, что даже и по бессмысленно переведенному обрывку изъ греческихъ и римскихъ писателей можно отлично познакомиться съ духомъ античной культуры, и школа не замедлитъ принять жизнь въ свои объятія, выдастъ аттестатъ зрѣлости и жизни, и обществу».

Отъ такихъ мертвящихъ объятій стремится, хотя далеко не успѣшно, уклониться все живое. Въ нашей печати уже много разъ указывалось на попытки преобразованія западно-европейской школы, на стремленіе, которое тамъ все чаще и все сильнѣе обнаруживается, разорвать рутинныя пути, освѣжить школьное дѣло. Особенности успѣха сдѣлала французская школа. Печальныя послѣдствія наполеоновскаго режима, закончившагося такъ позорно, вызвали сильное духовное движеніе. Въ области философскихъ вопросовъ и въ области педагогій замѣчается во Франціи небывалое оживленіе. Противъ классической системы средняго образованія слышатся серьезныя возраженія. Ее упрекаютъ за то, что она является представительницей рутинны, традицій и рабскаго подражанія. Каждый народъ имѣетъ свою индивидуальность, которую онъ долженъ оберегать. Его искусство, его литература, учрежденія и его система обученія обуславливаются природными особенностями страны и историческимъ прошлымъ народа *). Навязывать народу чуждую школу значитъ

*) Ср., напримѣръ, *Beurdeley (L'école nouvelle, 154)*: „Chaque peuple, comme chaque individu, a son individualité propre qu'il doit savoir respecter. Son art, sa littérature, ses institutions politiques et son système d'éducation se rattachent à son climat, à la nature du sol, à son tempérament et à son histoire. Le passé n'est pas une loi pour nous mais une source de renseignements. Il doit nous servir d'exemple et non de modèle. L'erreur de l'école classique, qui prit naissance sous Louis XIV.,

посягать на самостоятельность національнаго развитія, задерживать или искажать его. Усвоивать необходимо лишь то, что составляет дѣйствительно общее достояніе образованнаго человѣчества, а для этого нуженъ строгій пересмотръ программъ, происхождение которыхъ относится къ тому времени, когда представители естественныхъ наукъ и медицины не могли еще произнести своего авторитетнаго въ этомъ отношеніи мнѣнія.

Мы всего менѣе склонны уменьшать значеніе обученія, вліянія идей, которыя вводитъ школа въ дѣтское пониманіе, и, разумѣется, сужденіе по такимъ вопросамъ должно произноситься педагогомъ. Однакоже здоровыя дѣти, — едва ли представляется надобность доказывать это, — могутъ получить совершенно различные взгляды на общественныя отношенія, на вопросы нравственнаго порядка. Безусловно необходимо, чтобы воспитатель, при помощи идей и идеаловъ, направлялъ стремленія дѣтей и вырабатывалъ въ нихъ соотвѣтствующіе навыки. «То или другое мировоззрѣніе, — основательно замѣчаетъ г. Каптеревъ, — вліяетъ не только на характеръ чувствованій, но и на наши дѣйствія. Представленія и идеи не суть мертвый капиталъ, не что-либо недѣятельное, неподвижное; все это процессы, возбужденіе, дѣятельность. Когда идея нами не сознается, это не значитъ, что вызвавшее ее возбужденіе совсѣмъ исчезло изъ нашей души; возбужденіе сохраняется, оно только ослабѣло. Имѣть мировоззрѣніе, сохранять его въ своей памяти значитъ сохранять громадное количество различныхъ возбужденій. Эти-то сохраняемые памятью возбужденія и склоняютъ человѣка къ дѣятельности, сообразной со своимъ (его) характеромъ». Всякій наблюдалъ на себѣ, какъ иная мысль или какой-нибудь образъ неотвязчиво преслѣдуютъ, наталкивая на опредѣленный поступокъ или мѣшая совершать какое-либо дѣйствіе. «Съ особенною наглядностью, — говоритъ авторъ *Дидактическихъ очерковъ*, — двигательная сила идей выражается въ подражательныхъ движеніяхъ, преимущественно массовыхъ, въ заразительныхъ душевныхъ болѣзняхъ, которыя наиболѣе широко были распространены въ средніе вѣка, таковы крестовые походы дѣтей, бичующіеся, пляска св. Витта и т. д.». Описаніе совершеннаго преступленія или самоубійства вызываетъ нерѣдко подражаніе. Оставляя въ сторонѣ болѣзненные явленія тагъ называемаго *внушенія* (suggestion) при гипнотизмѣ *), мы укажемъ на интересные опыты подобнаго внушенія безъ гипнотизированія, сообщенныя въ *Revue philosophique* 1886, III.

Но чѣмъ же объясняется разладъ между словомъ и дѣломъ, между идеями, которыя признаются вѣрными, и поступками, которые совершаетъ человѣкъ? «Дисгармонія между умственнымъ и нравственнымъ разви-

consiste dans son admiration étroite des anciens et dans cet esprit d'imitation qui ne devait pas tarder à devenir un esprit de servitude».

*) Ср. любопытную статью Дельбёва: *Память у гипнотизированныхъ* (*Delboeuf: „La mémoire chez les hypnotisés“*. *Revue philosophique* 1886, V).

тѣмъ была замѣчена давно и отчетливо выражена въ слѣдующихъ словахъ Овидія: *video meliора proboque, deteriора sequor* (вижу и одобряю лучшее, а слѣдую худому)*). Объясняется это печальное явленіе тѣмъ, что добрыя мысли и мудрыя правила сообщались дѣтямъ въ сухой, нерѣдко оттапливающей формѣ. Въ лучшемъ случаѣ, когда воспитатель умѣетъ хорошо растолковать ученику значеніе какого-либо нравственнаго предписанія, это объясненіе можетъ оказаться одинокимъ, не связаннымъ съ другими идеями, уже пустившими корень въ памяти воспитанника, и тогда оно забудется. Необходимо, чтобы у самого воспитателя было стройное міровоззрѣніе, чтобы его собственное поведеніе не шло въ разрѣзъ съ тѣми принципами, которые онъ берется проповѣдывать. Необходимо, какъ говоритъ Мишле, чтобы груду фактовъ и документовъ, которая сообщается ученикамъ, пронизала искра энтузіазма, чтобы сквозь нихъ прошелъ лучъ убѣжденія и братской любви**). А читать нотации да приучать къ механическому повиновенію значитъ нарушать основныя требованія педагогическія и готовить плохихъ людей, ненадежныхъ гражданъ. Само собою разумѣется, что школа не должна брать на себя непосильной задачи дать своимъ воспитанникамъ стройное и законченное міровоззрѣніе. Такое воззрѣніе складывается не въ среднемъ учебномъ заведеніи и не одна школа принимаетъ участіе въ его образованіи. Но общія гуманитарныя воззрѣнія должны быть заложены въ душу ученика еще въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ проходитъ общеобразовательный курсъ. Безъ этого условія обученіе не доставитъ большой пользы. Одно приобрѣтеніе свѣдѣній не отразится благотворнымъ образомъ на всемъ складѣ ума и привычекъ человѣка, и каждый изъ насъ знаетъ много примѣровъ, какъ люди, обладающіе громадными, но узко-спеціальными знаніями, остаются людьми необразованными, тупыми, лишенными жизненнаго такта и нравственной устойчивости.

Понятно поэтому, что нельзя относиться сочувственно къ попыткамъ сдѣлать область педагогическую, рѣзко отмежевать ее отъ психологической и философической. Педагогъ долженъ быть психологомъ, у него должно быть сознательное и цѣльное міровоззрѣніе. Въ противномъ случаѣ онъ явится только ремесленникомъ, который можетъ обучить грамматикѣ или арифметикѣ, какъ обучаютъ часовому производству или переплетному дѣлу. Въ такую односторонность впадаетъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ извѣстный историкъ-педагогъ Комперэ. Онъ пытается дать курсъ педагогическій, независимый отъ нравственныхъ системъ и психологическихъ теорій, и попытка эта кончается, конечно, полною неудачей***). Курсъ, съ одной стороны, приобрѣтаетъ при такой точкѣ зрѣнія узость и сухость, а съ

*) *Дидактическіе очерки*, стр. 6.

**) *Emmanuel Des Essarts*: „L'oeuvre posthume de Michelet“ (*La Nouvelle Revue* 1880, 1 novembre).

***) *Compayré*: „Cours de pédagogie theorique et pratique“.

другой стороны, непослѣдовательность и неопредѣленность, такъ какъ невозможно не ссылаться въ педагогическомъ трактатѣ на психологическія данныя и моральные принципы, невозможно не опираться на анатомію и физиологію. Приведемъ одинъ примѣръ, ясно показывающій, какъ важны свѣдѣнія подобнаго рода при разрѣшеніи педагогическихъ вопросовъ. Давно уже школьный міръ и педагоговъ-теоретиковъ, какъ и все образованное общество, занимается вопросомъ о томъ, вводить ли въ училища физическій трудъ. Много доказательствъ приводится какъ въ пользу, такъ и противъ этой мѣры. Между тѣмъ, задача упрощается, если перенести вопросъ на почву точнаго знанія условій правильнаго развитія дѣтскаго организма и присоединить соображенія физиологическія и медицинскія къ доводамъ нравственнаго и экономическаго характера. Въ № 1 *Медико-Педагогическаго Вѣстника* нынѣшняго года напечатана статья редактора-издателя, г. Маляревскаго: *Ручная умѣлость, какъ предметъ воспитанія*. Предпочтеніе умственному труду всѣхъ видовъ предъ трудомъ физическимъ ведется съ глубокой древности. Г. Маляревскій приводитъ отрывки изъ педагогическихъ предписаній, которыя заключаются въ нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ египетскихъ папирусахъ, гдѣ усиленно рекомендуется дѣтямъ учиться, чтобы стать чиновниками и, такимъ образомъ, избавиться отъ физической работы. Педагоги и до настоящаго времени спорятъ о цѣлесообразности введенія ручнаго труда въ систему школьнаго обученія. Между тѣмъ, у дѣтей, въ самомъ раннемъ возрастѣ, замѣчается склонность къ созиданію, къ ручной работѣ. «Фрѣбелю, — говоритъ г. Маляревскій, — какъ послѣдователю Песталоцци, принадлежитъ именно та доля величія, насколько онъ, не будучи физиологомъ, уловилъ эту склонность къ творчеству и выдвинулъ ее какъ черту, свойственную только дѣтямъ человѣческаго рода и требующую къ себѣ педагогическаго вниманія. Эта склонность требуетъ воспитанія и науки, потому что, при различныхъ условіяхъ, она можетъ или совершенно атрофироваться, или получить вредное, гибельное направленіе. Автоматическое выраженіе ея, вырывающееся непроизвольно, бессознательно, наблюдается очень часто и доказывается наглядно тѣми безпѣльными урокованіями классныхъ столовъ, которыя производятся засидѣвшими дѣтьми при содѣйствіи перочинныхъ ножей. Несмотря на огромное количество письменной работы, рисованія и черченія, дѣти оказываются неудовлетворенными и требуютъ ручнаго труда, который связанъ съ мышечнымъ напряженіемъ. Мышечное чувство не удовлетворяется вполнѣ даже гимнастическими упражненіями и играми, сопровождаемыми вольными движеніями. Оно требуетъ цѣлесообразнаго примѣненія и получаетъ удовлетвореніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенку дана возможность удовлетворить свои природенныя склонности къ творчеству». Исключительная забота о развитіи умственныхъ способностей ведетъ къ ослабленію организма и къ отупѣнію интеллекта и къ вырожденію. Рядомъ науч-

ныхъ опытовъ доказано, что физическія упражненія органовъ обуславливаютъ совершенствованіе соответствующихъ мозговыхъ центровъ, отсутствіе же этихъ упражненій порождаетъ ослабленіе и даже исчезновеніе определенныхъ частей мозгового вещества и, стало быть, калѣчить умственную дѣятельность.

«Какъ велика роль мышечнаго чувства въ жизни человѣка и его интеллектуальныхъ отправленійхъ,—говоритъ г. Маляревскій,—напримѣръ, въ соображеніи о пространствѣ, видно изъ того, что встрѣчаются люди, слѣпые отъ рожденія, но обладающіе способностью стрѣлять въ цѣль, такъ что получаютъ первые призы на состязаніяхъ. Передъ стрѣльбою слѣпой ошупываетъ цѣль и отходитъ на указанное ему разстояніе; затѣмъ, руководствуясь мышечнымъ чувствомъ, онъ прицѣливается какъ зрѣчій и стрѣляетъ». Мышечное чувство, подчиняясь руководству сознанія и вступая въ ассоціацію съ другими факторами, обогащаетъ душевную жизнь ребенка. Г. Маляревскій заключаетъ поэтому, что отсутствіе упражненія дѣтей *въ ручной самодѣятельности* «противорѣчитъ: 1) его физиологической природѣ, 2) психологическимъ законамъ развитія. Въ первомъ случаѣ оно порождаетъ дефектъ въ спинно-мозговой нервной системѣ; во второмъ, извращая психическую природу дѣтей, создаетъ основы для аналогій нравственнаго помѣшательства» *).

Такимъ образомъ, жалобы на современную школу слышатся со всѣхъ сторонъ и усиливаются въ числѣ и въ авторитетности. Конечно, не скоро еще рутинѣ поддастся передъ напоромъ здравыхъ требованій, да и требованія эти не выработаны еще въ совершенно стройную систему. Иной разъ даже критики теперешнихъ учебныхъ порядковъ вносятъ въ дѣло нѣкоторую путаницу. Для примѣра укажемъ на интересную книгу г. Воскресенскаго: *Свѣтъ и тѣни русской словесности* **). Основательно возставая противъ современнаго преподаванія словесности, авторъ обрушивается на такихъ педагоговъ, какъ г. В. Острогорскій, именно и принадлежащій къ числу счастливыхъ и рѣдкихъ исключеній среди теперешнихъ учителей русскаго языка и словесности. Въ нападеніяхъ на эстетику г. Воскресенскій впадаетъ въ крайности, которыя могутъ имѣть вредныя педагогическія послѣдствія, если книгу автора приметъ къ руководству какой-либо преподаватель. Противорѣчія и туманность изложенія ухудшаютъ дѣло. На страницѣ 153 мы читаемъ: «Въ наше время каждый писатель,—будетъ онъ поэтъ или ученый,—обязательно долженъ изображать въ сво-

*) Последнее требуетъ поясненія. Г. Маляревскій говоритъ, что естественная склонность къ творчеству, стѣсняемая педагогами, ее не понимающими, компенсируется уродливыми и гнусными ощущеніями: ребенокъ начинаетъ обрывать крылья мухамъ и вообще мучить животныхъ. Могучее инстинктивное влеченіе, не руководимое, а лишь подавляемое въ одномъ направленіи, и создаетъ въ дѣтахъ настроеніе, подобное нравственному извращенію (*moral insanity*).

***) Н. Воскресенскій: „Свѣтъ и тѣни русской словесности“. Слб., 1886 г.

ихъ сочиненіяхъ *только то* (курсивъ въ подлинникѣ), *что онъ доподлинно знаетъ, что видитъ собственными глазами, а вымыселъ, мечты и фантазіи безвозвратно потеряли свой кредитъ*. Этому мнѣнію противорѣчить, однако, утверженіе, находящееся на страницѣ 57. Доказывая, что всѣ искусства имѣютъ одинаковое достоинство, г. Воскресенскій говоритъ, что невозможно утверждать превосходства трагедіи Шекспира надъ сонатой Бетховена или рафаэлевской мадонной. «Каждое твореніе порознь велико само по себѣ и общаго во всѣхъ этихъ художественныхъ произведеніяхъ одно только, что творцы ихъ *создали идеальныя образы и типы, то-есть въ совершенствѣ исполнили задачу искусства вообще*». Очевидно, доподлинно знать и видѣть собственными глазами *идеальныя образы* можно лишь въ переносномъ смыслѣ, то-есть единственно при томъ условіи, когда мы вернемъ изгоняемый г. Воскресенскимъ вымыселъ *). Нѣтъ, намъ именно не достаетъ того, что стоитъ *выше* дѣйствительности, того, чего мы не видимъ собственными глазами, но къ чему должны всею душой стремиться: яркихъ общественныхъ идеаловъ на ряду съ идеальными образами общественныхъ дѣятелей. Нужно ли прибавлять, что воспитаніе тогда только будетъ въ состояніи исполнить эту высокую задачу, когда къ усиліямъ семьи присоединятся разумныя заботы школы, когда послѣдняя не будетъ приносить въ жертву различнымъ временнымъ интересамъ основныхъ требованій педагогическаго союза между семьей и школой можетъ быть достигнуто лишь тогда, когда женское образованіе сравнивается съ мужскимъ, потому что въ огромномъ большинствѣ случаевъ вліяніе матери на дѣтей, въ особенности ранняго возраста, сильнѣе вліянія отцовъ, и горе тому обществу, гдѣ женщины не открыта широкая и свободная дорога къ высшему образованію.

В. Гольцевъ.

*) Ср. дѣльный разборъ книги г. Воскресенскаго, написанный въ *Новостяхъ* (№ 139) г. Скабичевскимъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Іюль

1886 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика. — Философія. — Статистика и политическая экономія. — Юридическія книги. — Естествознаніе и технологія. — Медицина. — Педагогія, учебники и дѣтскія книги. — Искусство. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», июль. — «Сѣверный Вѣстникъ», апрѣль и май. III. Указатель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ. V. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» съ января по іюнь 1886 г. включительно.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Ревизоръ“ Н. В. Гоголя. — „Клейменал“ Д. Липова. — „Стукниъ и Хрустальниковъ“ Н. А. Лейкина. — „Наташка“ М. Буличинскаго. — „Пестрые рассказы“ А. Чехонте (Ан. П. Чехова). — „Петръ Федоровичъ Васмановъ“. — „Марина Мнишекъ“. Барона Н. Е. Врангеля. — „Карменъ“. Проспера Мериме.

Ревизоръ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Н. В. Гоголя. Первоначальный сценический текстъ, извлеченный изъ рукописей Николаемъ Тихонравовымъ. Изданіе книжнаго магазина насл. бр. Салаевыхъ. Москва, 1886 г. „Печатный“ текстъ знаменитой комедіи Гоголя издавна извѣстенъ всѣмъ русскимъ еще со школьной скамьи; *сценический* же ея текстъ появляется въ печати въ первый разъ; до сихъ поръ знали его только актеры; о самомъ существованіи его, т.-е. о томъ, что *Ревизоръ* играется на сценѣ иначе, чѣмъ онъ читается въ печатномъ изданіи, знали сравнительно очень немногіе изъ публики. Разница между обоими текстами произошла отчасти вслѣдствіе различія цензурныхъ требованій, предъявляемыхъ къ произведеніямъ печати и къ драматическимъ произведеніямъ, предназначеннымъ для сцены. Цензура для сцены была у насъ всегда нѣсколько строже, чѣмъ для печати. Вотъ что, между прочимъ, сообщается по этому поводу въ *Очеркъ исторіи текста комедіи Гоголя „Ревизоръ“*, составленномъ профессоромъ Тихонравовымъ и составляющимъ какъ бы предисловіе къ комедіи въ лежащемъ передъ нами изданіи: „Цензурныя условія печатнаго текста, по понятіямъ Гоголя, были гораздо свободнѣе и легче, нежели условія сценическаго. Въ бумагахъ Гоголя нашлась слѣдующая замѣтка, которую онъ предполагалъ включить въ свои объяснительныя замѣчанія къ *Ревизору*: „Точно также, какъ драматическій писатель, сочиняя драму, взятую изъ жизни, долженъ помышлять о томъ, (чтобы) изобразить въ ней при-

роду нѣсколько благороднѣй и чище, чѣмъ какъ она есть въ дѣйствительности; также точно должны стараться актеры о томъ, (чтобы) представить имъ созданныя лица какъ бы благороднѣй и чище, чѣмъ они есть. Иначе зачѣмъ и представлять пьесу? Она будетъ всегда прятнѣй въ чтеніи. Никакъ не нужно позабывать того, что всякая рѣзкость становится еще рѣзче и очевиднѣй въ представленіи. Поэтому-то самому и цензура театральная бываетъ строже той, какая бываетъ для книгъ, назначаемыхъ для простаго чтенія“. Такимъ образомъ, помимо требованій цензуры, Гоголь, „полный убѣжденія, что *драма живетъ на сценѣ*, гораздо болѣе придавалъ значенія совершенствованію сценическаго текста *Ревизора*, нежели печатнаго“, и продолжалъ исправлять его урѣзками, вставками и измѣненіями до самаго дня перваго представленія, когда комедія была уже отпечатана. Вслѣдствіе вышеназванныхъ причинъ,—говоритъ Н. С. Тихонравовъ въ своемъ *Очеркѣ*,— съ перваго представленія *Ревизора* на столичныхъ сценахъ обнаружилась значительная разниа между *текстомъ комедіи сценическимъ и печатнымъ*, хотя оба текста получили окончательную отдѣлку *въ одно и то же время*“.

Очеркъ исторіи текста „Ревизора“ передаетъ въ высокой степени любопытныя подробности созданія великой комедіи. Послѣ полутора годовъ неудачнаго профессорства Гоголь разстался въ 1835 г. съ петербургскимъ университетомъ. „Въ эти полтора года *безславія* профессора,—говоритъ г. Тихонравовъ,—выросталъ въ Гоголѣ славный писатель; въ эти полтора года созрѣло въ немъ сознаніе своего призванія: для него началась *новая жизнь*“. „Я увидѣлъ, — вспоминаетъ Гоголь въ *Авторской исповѣди*,— что въ сочиненіяхъ моихъ *я смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная, зачѣмъ*. Если смѣяться, такъ уже лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго. Въ *Ревизорѣ* я рѣшился собрать въ вучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надо всѣмъ. Но это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозъ смѣхъ, который никогда еще во мнѣ не появлялся въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть. *Я самъ почувствовалъ, что уже смѣхъ мой не тотъ, что былъ прежде*“... Пятьдесятъ лѣтъ миновало съ тѣхъ поръ, какъ публика смѣялась въ первый разъ, слушая *Ревизора* со сцены, и недоумѣвала, слѣдуетъ ли тутъ въ самомъ дѣлѣ смѣяться, или надо разсердиться. И многіе дѣйствительно разсердились. Съ теченіемъ времени смѣхъ превозмогъ и заглушилъ зlobу; но, въ концѣ-концовъ, самый смѣхъ какъ бы утратилъ свое отрезвляющее значеніе, и публика, хохочущая надъ городничимъ и уѣзднымъ судьей, надъ смотрителемъ богоугодныхъ заведеній и надъ смотрителемъ училищъ, безъ смѣха читаетъ разсужденія о томъ, какъ бы хорошо было вернуться опять къ блаженнымъ временамъ „властной руки“ Севозника-Дмухановскаго и „правосудія“ уѣзднаго суда съ Ляпкинымъ-Тапкинымъ во главѣ, къ хозяйничанью Земляники и къ педагогическимъ приемамъ Хлопова. Публика какъ бы утратила способность понимать, что въ *Ревизорѣ* проходитъ передъ нею *сама жизнь* такую, какою она была въ дѣйствительности и какою не замедлила бы стать снова при первыхъ появленіяхъ благоприятныхъ для того условій. Публика забываетъ, что Севозники-Дмухановскіе, Ляпины-Тапкины и всѣ остальные не могутъ

умереть, — они бессмертны, какъ *Ревизоръ*, какъ Чичиковъ, Маниловъ, Собакевичъ; что всѣ они могутъ только притаиться на время и при первомъ удобномъ случаѣ засѣсть на свои мѣста и съ торжествомъ заявить, что „это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ“.

Сценическій текстъ, какъ болѣе обработанный, чѣмъ находившійся до сихъ поръ въ обращеніи печатный текстъ 1842 года, и въ особенноти текстъ, при которомъ приложены всѣ дошедшіе до насъ варианты, даетъ возможность читателямъ прослѣдить мысль автора иногда съ самаго перваго ея возникновенія. Этому еще очень много помогаетъ помѣщенное въ новомъ изданіи *Ревизора*: *Предупомление для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“*. Кто бы не пожелалъ сыграть его „какъ слѣдуетъ“! Къ сожалѣнію, послѣ Щепкина и Шумскаго никто не игралъ *Ревизора* „какъ слѣдуетъ“, — ни даже Сосницкій и Самаринъ. *Предупомление* было, по всей вѣроятности, извѣстно Щепкину и другимъ артистамъ, игравшимъ съ нимъ въ *Ревизоръ*; но со смерти М. С. Щепкина оно, кажется, было забыто, судя потому, что о немъ заговорили по случаю пятидесятилѣтія *Ревизора*, какъ о вновь отырытомъ документѣ. Удивительное „забвеніе“! Имъ очень ярко характеризуется отношеніе актеровъ и сценическихъ заправителей нашихъ театровъ къ своему дѣлу. Впрочемъ, за послѣднее время на нашихъ сценахъ не считали нужнымъ строго руководствоваться даже *замѣчаніями для и. актеровъ*, составленными самимъ Гоголемъ и напечатанными во всѣхъ изданіяхъ *Ревизора*.

О числѣ вариантовъ, приложенныхъ къ изданію, о которомъ мы говоримъ, читатель посудитъ по тому, что текстъ комедіи занимаетъ 148 страницъ, а варианты — 86 стр. Цѣна за эту книжку назначена очень высокая — 3 руб., причемъ на имѣющемся у насъ экземплярѣ *наклеено* заявленіе, что „съ каждаго экземпляра отчисляется на сооруженіе памятнику Н. В. Гоголю 50 коп.“ Прекрасно, что „отчисляется“ 50 коп., но еще прекраснѣе было бы, если бы вся книжка въ 9½ печатныхъ листовъ продавалась за рубль, съ „отчисленіемъ“ полтинника на памятникъ, который давно — давно слѣдовало поставить творцу *Мертвыхъ душъ* и *Ревизора*. Издателямъ каждый экземпляръ обошелся отъ 20 до 30 коп., считая самую дороую цѣной, такъ ужъ съ публики-то не слѣдовало бы брать по 3 рубля... Слишкомъ ужъ велико выходитъ „отчисленіе“ въ карманъ книгопродавцевъ.

Клейменная. *Повѣсть Д. А. Линева*. Москва, 1886 г. Въ этой повѣсти авторъ возвращается къ старому вопросу о такъ называемыхъ у насъ на Руси „гражданскихъ бракахъ“, вѣрнѣе же о внѣ-брачныхъ сожитіяхъ, и объ отношеніи общества къ такимъ нелегальнымъ семьямъ. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ Россіи вообще взглядъ на незаконныя сожитія менѣе строгъ, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Въ частности онъ далеко не одинаковъ въ разныхъ слояхъ общества, въ различныхъ кружкахъ и даже въ разныхъ мѣстностяхъ, такъ что мы считаемъ совсѣмъ невозможнымъ подводить къ этому вопросу какое бы то ни было общее рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что иногда и самыя личности, сошедшіяся въ нелегальную семью, играютъ важную роль во взглядѣ общества на ихъ maritalную связь. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакой возможности сказать, что на „незаконную жену“ непремѣнно и всегда дожилось „клеимо“ отверженія и чтобы женщина, находящаяся въ положеніи „незаконной“ супруги, могла

быть всегда названа *клеименою*. Мы думаемъ даже, что „клеименость“ въ этомъ отношеніи является въ меньшемъ числѣ случаевъ, чѣмъ признаніе извѣстною частью общества незаконнаго сожитія „гражданскимъ бракомъ“, достаточно замѣняющимъ бракъ законный. Г. Линеви въ своей повѣсти беретъ совершенно исключительный случай, не со всѣмъ даже удачный, по нашему мнѣнію, для защиты женщины, живущей въ союзѣ, не освященномъ законнымъ бракомъ. Герой романа Скавронскій, богатый баринъ высшаго круга, молодой военный генералъ, влюбился въ красавицу-вдову, графиню Ганскую, и женился на ней. Какъ только онъ женился, такъ сейчасъ же оказалось, что его супруга негодница первостатейная во всѣхъ отношеніяхъ. Жить съ ней нѣтъ никакой возможности, и Скавронскій разстается съ нею, убѣдившись въ томъ, что она мѣняетъ любовниковъ, какъ башмаки. У его супруги родился тѣмъ временемъ „законный“ сынъ и наслѣдникъ Скавронскаго. Разставшись съ женой, Скавронскій встрѣчается съ прекраснѣйшею изъ женщинъ, которую онъ зналъ еще ребенкомъ, съ Лидіей Павловной Кругликовой, умной, образованной, одаренной всѣми талантами и всѣми добродѣтелями. Они полюбили другъ друга самою пламенною любовью, которую, однако же, не могутъ освятить бракомъ; жена Скавронскаго не хочетъ разводиться. „Адвокаты, консисторскіе и всякіе иные дѣльцы указывали на извѣстную статью закона и на возможность „обстригать“ дѣло при помощи свидѣтелей, которыхъ, по ихъ увѣреніямъ, за деньги можно хоть тысячу человѣкъ достать. Одной *правдѣ* было недостаточно“. Такъ говоритъ авторъ, но мы ему въ правѣ не вѣрять, такъ какъ Скавронская подала достаточно поводовъ къ разводу и были *свидѣтели*, горничная, лакей и др., которые по чистой *правдѣ* могли удостовѣрить требуемое закономъ для формальнаго развода. Объ этомъ самъ авторъ рассказываетъ въ другомъ мѣстѣ. Только и эту *правду* надо было деньгами купить у свидѣтелей, на что Скавронскій, по благородству и возвышенности своихъ убѣжденій, не соглашался. Тутъ нельзя спорить ни съ генераломъ Скавронскимъ, ни съ г. Линевинымъ; на *правду* и честность средствъ могутъ быть различныя взгляды; но надо признаться, что „взглядъ“ Скавронскаго былъ, все-таки, совсѣмъ исключительный. Адвокаты совѣтовали ему дать деньги не за жесвидѣтельство, а за то, чтобы вызвать свидѣтелей показывать сущую *правду* и тѣмъ добиться нравственной *правды* для себя, для любимой женщины, для своего роднаго сына, котораго держать при себѣ дурная мать. Отважь Скавронскаго воспользоваться своимъ правомъ вестъ къ настоящей *неправдѣ*, дѣлающейся источникомъ всѣхъ послѣдующихъ бѣдъ. Первая „неправда“ заключается въ томъ, что Кругликову онъ называетъ своею „женой“, тогда какъ она совсѣмъ ему не жена; вторая „неправда“—онъ не снимаетъ Лидіи, сходясь съ нею, всѣхъ послѣдствій ихъ нелегальнаго сожитія, оставляетъ ее въ заблужденіи относительно того, что ее могутъ „заклеймить“ позоромъ; третья „неправда“—Скавронскій лишаетъ сына любимой имъ Лидіи законныхъ правъ на имя, общественное положеніе, состояніе... и все это изъ-за щепетильнаго мнѣнія, что „купить“ *правдивыя* показанія свидѣтелей есть дѣло нечестное. Но и этого мало: мы не видимъ даже, почему необходимо „покупать“ или „подкупать“ свидѣтелей на то, чтобы они показали правду. Вѣдь, ихъ спросили бы на судѣ подъ присягой, и надо, стало быть, допустить предположеніе, что безъ подкупа Скавронскимъ свидѣтели совершили

бы клятвопреступленіе. Такое предположеніе ни на чемъ не основано и возможно лишь при другомъ предположеніи, что законная жена Скарронскаго подкупить свою прислугу на лжесвидѣтельство, а, слѣдовательно, вопросъ сойдетъ къ тому, за что будетъ предложено больше денегъ: за правду или за неправду? Въ такомъ положеніи, взятъ г. Линевымъ въ основу его повѣсти, мы видимъ и основную фальшь всего романа, притомъ же фальшь ненужную, вызванную единственно желаніемъ автора представить своего героя въ бѣлизнѣ небожителя. Въ результатѣ оказалось, что г. Линева „перебѣлили“ генерала Скарронскаго и тѣмъ лишилъ его образа и подобія человѣческаго. Мы считаемъ вообще плохимъ и не достигающимъ цѣли такой приемъ, при которомъ излюбленные герои изображаются преисполненными всѣми добродѣтелями, а ихъ противники — гнѣздилищами порока и зла. Это приемъ грубый, обличающій въ авторѣ недостатокъ истинно художественнаго чувства. Повѣсть *Клейменная* написана очень горячо, мѣстами и очень талантливо, но указанная нами грубость изображеній, отсутствіе тонкости штриховъ и нѣжности тоновъ портятъ все впечатлѣніе, какое она могла бы производить на читателя, если бы была написана не столь тяжеловѣсно.

„Права любить Скарронскій не имѣлъ,—говорить авторъ. — Ему, юридически несвободному, въ этомъ безапелляціонно отказывалось...“ „И пусть отказываютъ,—отвѣчала ему Лидія Павловна.—Я считаю себя въ правѣ любить тебя; твоя любовь, конечно, также не идетъ въ разрѣзъ съ твоею совѣстью. Въ чемъ же затрудненіе? Въ томъ, что нашъ союзъ называютъ преступленіемъ? Но, вѣдь, не въ нашей власти сдѣлать его законнымъ. Судьбѣ, очевидно, угодно, чтобы мы стали *преступниками*, хотя зла мы никому не причинили. Что дѣлать, мой другъ, будемъ... *преступниками*...“ Статочное ли дѣло, чтобы дѣвушка, умная, образованная, съ душою, чуткою ко всему прекрасному, стала такъ спокойно и такъ дубово разсуждать съ любимымъ человѣкомъ о ихъ *будущихъ* отношеніяхъ. Одного такого резонерства вполне достаточно, чтобы порядочный человѣкъ, какъ бы влюбленъ онъ ни былъ, почувствовалъ себя облитымъ ушатомъ холодной и, къ тому же, грязной воды... Выраженіе: „въ чемъ же затрудненіе?“ — просто цинично и непристойно.

Какъ бы то ни было, грубымъ разсужденіемъ дѣвицы Кругликовой „затрудненіе“ было устранено; оставаясь дѣвицей, Лидія стала называться женою Скарронскаго, родила сына и жила себѣ счастливо, покойно, до тѣхъ поръ, когда ея ученица Наденька не показала ей письмо своихъ родителей; въ которомъ эти деревенскіе помѣщики убѣждаютъ дочь прекратить всякія сношенія съ особою, живущею „заочно“, въ недозволенной связи съ женатымъ человѣкомъ. Скарронскій и Лидія ахаютъ, охаютъ, негодуютъ на родителей Наденьки, припоминаютъ другихъ знакомыхъ дамъ и дѣвицъ, переставшихъ бывать у нихъ, негодуютъ и на этихъ; ихъ негодованіе всецѣло раздѣляетъ и авторъ. Мы же, признаемся, ни капельки не раздѣляемъ и только удивляемся непослѣдовательности дѣвицы Кругликовой, ея сожителя и г. Линева. Герои повѣсти сами же порѣшили, что имъ надо сдѣлаться *преступниками* ради личнаго счастья, и теперь вдругъ совершенно нелогично возмущаются тѣмъ, что кое-кто изъ ихъ общества осмѣливается считать ихъ вправду *преступниками* и относится къ нимъ какъ къ *преступникамъ*. Стало быть, одно изъ двухъ: или барышня тогда насчетъ

преступности только такъ себѣ зря болтала, или же она крайне наивно воображала, будто общество по головкѣ гладитъ *преступниковъ*, ограничившихся совершеніемъ только одного *преступленія*.

Въ шестидесятыхъ годахъ, т.-е. въ то время, къ которому относится разсказъ г. Линева, въ числѣ многихъ вопросовъ, волновавшихъ мыслящую часть нашего общества, очень видное мѣсто занималъ вопросъ о сожительствѣ, не освященномъ законнымъ образомъ; тогда же появились названія такихъ союзовъ „гражданскими браками“ и наименованіе людей, живущихъ въ такихъ незаконныхъ союзахъ, „гражданскими мужьями“ и „гражданскими женами“. Въ то время нелегальныя семьи, каковою была вторая, „гражданская“ семья Скавронскаго, далеко не были рѣдкостью; общество относилось къ нимъ съ большою терпимостью, а нѣкоторая часть общества—даже съ большимъ сочувствіемъ, какъ къ смѣлой попыткѣ передѣлать общество на новый ладъ, и уже никакъ нельзя сказать, что большинство общества относилось къ женщинамъ, живущимъ въ нелегальномъ союзѣ, подобно Кругликовой, какъ къ *клеименымъ*. Поэтому мы думаемъ, что г. Линева, расписывая всѣ неприятели, которымъ подвергались Скавронскій и Кругликова за ихъ незаконное сожитіе, очень многое преувеличилъ, въ ущербъ правдивости картины общества того времени, и преувеличилъ совсѣмъ напрасно. Тѣмъ не менѣе, всѣ преувеличенія не помѣшали Скавронскому съ его подругою проживать покойно и счастливо нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, воспитывать сына Лидіи Павловны, заводить школы, больницы, аптеки, благотѣлствовать крестьянамъ и заслужить истинную любовь народа на 200 верстъ кругомъ,—словомъ, быть счастливыми, какъ только могутъ быть счастливы люди, создающіе себя творцами довольства и счастья многихъ тысячъ людей. Но Скавронскій и Лидія въ повѣсти г. Линева оказываются глубоко несчастными... Чѣмъ же собственно? А тѣмъ, что не все имъ желательное дѣлается „по щучьему велѣнію и по ихъ хотѣнію“. Они считаютъ, что всѣ ихъ затѣи, до нихъ небывалыя, невиданныя и неслыханныя, необыкновенно превосходны, что этимъ убѣжденіемъ должны проникнуться сосѣди-помѣщики, уѣздныя и губернскія власти и высшая администрація въ Петербургѣ и что всѣ обязаны сейчасъ же все разрѣшать, все утверждать, что вздумается генералу Скавронскому съ его блистающею добродѣтелями „гражданскою“ супругою и съ докторомъ Покровскимъ, ихъ другомъ и совѣтникомъ. Всѣмъ извѣстно, что самыя хорошія вещи „по щучьему велѣнію“ не дѣлаются и что осуществленіе ихъ требуетъ умѣнья, терпѣнья, труда и перѣдко очень упорной борьбы съ недоброжелательствомъ людей и съ неблагоприятными обстоятельствами. Вотъ тутъ-то всякій намекъ на необходимость труда и борьбы выводитъ нашихъ героевъ изъ терпѣнія; всякое препятствіе или замедленіе въ осуществленіи ихъ желаній дѣлается для нихъ источникомъ страданій и несчастія. И они въ самомъ дѣлѣ несчастны своею неумѣльностью, нежеланіемъ брать жизнь такою, какова она есть, и своимъ безсиліемъ взять *честно* и *правдиво* у жизни то, на что они имѣютъ право по совѣсти и по закону. Ихъ несчастіе въ томъ, что они не хотятъ „по закону“ на томъ болѣе чѣмъ странномъ основаніи, что, по ихъ мнѣнію, „законъ“ нехорошъ. Измученный личнымъ недовольствомъ, бесплодными мечтаніями, самимъ для себя созданными неудачами и несчастіями, Скавронскій наживаетъ анервизмъ и кончаетъ тѣмъ, что сходитъ съ ума. Законная жена узнаетъ объ

этомъ и начинается дѣло о признаніи Скавронскаго сумасшедшимъ и взятіи имѣнія въ опеку. Приѣзжаютъ власти его освидѣтельствовать. Скавронскій не выдерживаетъ этого послѣдняго удара и умираетъ отъ разрыва сердца. Повѣренный г-жи Скавронской выгоняетъ изъ дома дѣвицу Кругликову съ ея незаконнорожденнымъ сыномъ. Лидія Павловна очень скоро умираетъ отъ скоротечной чахотки, оставивши сына на попеченіе Наденьки, успѣвшей выдти замужъ за старика и овдовѣть, причеиъ мужъ завѣщаніемъ передалъ ей огромное состояніе. Всѣ начинанія Скавронскаго пошли прахомъ, такъ какъ имѣніе его приобрѣли какіе-то жида.

Еще разъ мы скажемъ: кто же виноватъ въ томъ, что Скавронскій всю жизнь умѣлъ только ахать да стонать и не позаботился даже передать состояніе или часть его своей „гражданской женѣ“ и своему сыну отъ этого союза? Не сдѣлавши этого, онъ поступилъ крайне глупо и совсѣмъ не честно; скверно сдѣлалъ и его другъ докторъ, знавшій опасное положеніе своего паціента и не принявшій своевременно мѣръ какъ къ огражденію Скавронскаго отъ покушеній законной жены, такъ и къ обезпеченію существованія его незаконной семьи, а съ нею вмѣстѣ и всѣхъ благихъ начинаній добродѣтельнаго генерала.

Подведемъ итоги: повѣсть задумана невѣрно, ведена во многихъ отношеніяхъ неправильно, нелогично; характеровъ въ ней нѣтъ; герои, по своей крайней слабости, не годятся въ герои. Есть въ повѣсти мѣста, написанныя очень горячо и талантливо; за то въ ней много резонерства, не только холоднаго и ошибочнаго, но и грубаго. При всѣхъ недостаткахъ, повѣсть, все-таки, читается легко и мѣстами производитъ надлежащее впечатлѣніе. Въ концѣ г. Линева объщаетъ въ другой повѣсти рассказать про судьбу другаго *клеиманаго, незаконнорожденнаго* сына Кругликовой и Скавронскаго. Очень желаемъ, чтобы въ ней г. Линева избѣжалъ указанныхъ нами промаховъ и изобразилъ бы жизнь и людей такими, каковы они въ дѣйствительности, не задаваясь непременно цѣлью показывать, какъ „порокъ торжествуетъ, а добродѣтель погибаетъ“; это, во-первыхъ, такъ же не вѣрно, какъ и то, что „добродѣтель всегда торжествуетъ, а порокъ наказанъ“, во-вторыхъ, торжество ли, гибель ли интересны лишь тогда, когда они являются результатомъ настоящей, серьезной борьбы изъ-за серьезной идеи.

Стукинъ и Хрустальниковъ. Банковая эпопея. Н. А. Лейкина. Спб., 1886 г. Хрустальниковъ—директоръ банка „Дешеваго Торговаго Кредита“; Стукинъ—мелкій служащій въ конторѣ банка. Хрустальниковъ—большой мошенникъ, ворочающій банкoвыми милліонами; Стукинъ—маленькій, мизерный мошенникъ, весь обтрепанный и сладко облизывающійся при помышленіи о возможности своровать нѣсколько рублей. Директору „нужно“ отдать замужъ „свою даму“, Матильду Николаевну, и сдѣлать это надо поскорѣе, чтобы будущему ея ребенку обезпечить легальное общественное положеніе. По рекомендаціи управляющаго конторой общества, Безпутнова, выборъ Хрустальникова падаетъ на Стукина, не молодаго, смирнаго, не пьющаго и безпрекословно согласнаго на всѣ поставленныя ему условія, самаго покладистаго и дешеваго жениха. Такова завязка „эпопеи“. Хрустальниковъ глумится и потѣшается надъ Стукинымъ, котораго считаетъ дурачкомъ, заставляетъ его ложиться на полъ, лаять по-собачьи, переносить всякія издѣвательства за мелкія подачи. Стукинъ все продѣлываетъ и

за все выпрашивает денегъ, сначала рубли, потомъ десяти, потомъ сотни и подъ конецъ добирается до тысячъ, не переставая смѣшивать патрона, исполняя его грязныя порученія къ разнымъ дамамъ и обманывая всѣхъ, кого придется. А „дамъ“ у Хрустальникова тѣмъ-тѣмущая, кромѣ Матильды: танцовщица Еликанида Андреевна, нѣмеца, жена бухгалтера Фриша, какая-то консерваторка, еще какой-то „бу-тончикъ“, живущій у „тетеньки“, и т. д. Всѣ эти „дамы“, ихъ мужья, маменьки, тетеньки, танцовщицы, бутончики, ихъ „рекомендатели“ и „женихи“ Стукинъ тащатъ деньги, вылянчиваютъ, вымогаютъ, врутъ каждый порознь и въ союзахъ своимъ. Въ концѣ-концовъ, банкъ оказывается разграбленнымъ. Является судебная власть; все опечатывается и готовъ „банковый процессъ“. Стукинъ натаскалъ себѣ порядочный капиталъ, встаетъ ограбилъ и довѣрчивую „невѣсту“, Матильду, купилъ домъ и собирается жениться на „хорошей“ купеческой дѣвицѣ съ приданымъ. Вотъ вамъ и вся „банковая эпопея“. Ее правильнѣе бы было назвать „банковымъ анекдотомъ“; но не въ названіи дѣло, а въ томъ, что „анекдотъ“ этотъ рассказанъ очень длинно, на 20 слишкомъ печатныхъ листахъ. Но, благодаря бойкости рассказа, множеству забавныхъ сценъ и неожиданныхъ „словечекъ“, эта „эпопея“ читается безъ скуки, можетъ даже понравиться извѣстной части публики, не прихотливой въ своихъ запросахъ отъ книги. Лица всѣ болѣе или менѣе живыя; главные герои, Хрустальниковъ, Стукинъ, Матильда и, въ особенности, мамаша танцовщицы Еликаниды, довольно типичны. Изъ этой „эпопеи“ можно бы, кажется, сдѣлать небольшую, трехактную комедію; при бойкомъ исполненіи она должна имѣть нѣкоторый успѣхъ.

Наташка. Рассказъ Максима Бѣлинскаго. Кіевъ, 1886 г. Максимъ Бѣлинскій былъ одно время „писателемъ, подававшимъ большія надежды“, потомъ сталъ „писателемъ, подающимъ надежды“, уже безъ опредѣленія, какія надежды, большія или меньшія. Возлагавшихся на него „надеждъ“ онъ нисколько не оправдалъ; тѣмъ не менѣе, между мелкими рассказами, написанными имъ въ началѣ его литературнаго поприща, попадаются очень хорошенькіе, проникнутые гуманною идеей, которой, за неимѣніемъ таланта, г. Бѣлинскій и обязанъ своимъ былымъ успѣхомъ и возбужденными имъ ожиданіями. Къ такимъ рассказамъ, молодо и тепло написаннымъ, принадлежитъ и *Наташка*. Героиня, шестнадцатилѣтняя Наташка, живетъ съ больною старухою-матерью въ подвальной каморкѣ. Работы нѣтъ, за квартиру платитъ нечѣмъ, ѣсть нечего, нищета полная и безвыходная. Наташка хорошенькая и „честная“ дѣвушка. Она съ ругательствомъ убѣгаетъ отъ гнусныхъ предложеній дворника, отказывается отъ столь же мерзкихъ, но болѣе соблазнительныхъ предложеній богатаго ловеласа; вопреки наставленіямъ умирающей отъ холода и голода матери, она не соглашается ѣхать къ нѣкоей Рахили Рафаиловнѣ, у которой „бываютъ все хорошіе господа, честные господа... офицеры въ золотѣ... и музыка играетъ“. Толстая Рахиль не одинъ разъ предлагаетъ матери „хорошія“ деньги; Наташка всѣмъ отвѣчаетъ одно: „Я не гулящая, у меня глухости въ головѣ не сидятъ и денегъ вашихъ мнѣ не надо. Кабы хотѣла гулять, такъ въ лисахъ бы ходила“... Наташка выгоняетъ даму, у которой „честные“ господа бываютъ. Мать клянетъ Наташку за ея „упорную дурость“. Послѣдняя надежда дѣвочки—занять денегъ у подруги Паши и при ея помощи послужить на фаб-

рижу. Но у Наши нѣтъ у самой ни гроша; мѣсто же на фабрикѣ будетъ только черезъ недѣлю. Вынужденная голодомъ, стономъ и страданіями матери, Наташка идетъ въ Пассажъ. Къ ней скоро пристраивается молодой человѣкъ и зоветъ „прогуляться“.

— Я не гулящая, — сказала Наташка съ тоской. — А сколько вы дадите? Сто рублей дадите?

— Это за что же?

— Такъ. Я не гулящая, — отвѣчала Наташка, пугливо глядя по сторонамъ и вытатывая пальцы рукъ, точно хотѣла оторвать ихъ.

— Не обманываешь?

— Она побоялась.

— Десять дамъ, — сказалъ онъ.

Наташка согласилась и поѣхала съ молодымъ человѣкомъ; но... убѣжала изъ номера и опять очутилась на улицѣ; опять холодъ и голодъ нестерпимый...

— На углу Знаменской встрѣтила господина въ шубѣ. Онъ не замѣтилъ Наташки, и она сама пристала къ нему.

— Возьмите меня, баринъ! Добрый баринъ!... Возьмите меня съ собой!...

— Пошла, дрянъ!

— Баринъ, подарите же мнѣ... Ну, хоть рубликъ! Я голодная, а ничего не ѣла... Маменька больная... Баринъ!

— Какой рубликъ! Жирно, братъ. Вотъ тебѣ пятнадцать копѣекъ. Господь тебя проститъ! Да не таскайся... жорда какая!...

Онъ протянулъ ей деньги, она не успѣла ихъ взять, и монета упала въ снѣгъ. Наташка не нашла ее. Господинъ въ шубѣ скрылся. Изнемогая отъ усталости и голода, дѣвушка повернула на Знаменскую, потомъ въ какой-то переулокъ, потомъ еще и еще, и все шла, шла до тѣхъ поръ, пока на какомъ-то пустырьѣ силы ее совсѣмъ не оставили и несчастная Наташка замерзла.

Мы потому остановились на этомъ маленькомъ разсказѣ Максима Бѣлинскаго, что въ немъ соединены всѣ лучшія и всѣ плохія стороны лучшихъ произведеній этого автора: вышеуказанная нами гуманность идеи, теплое чувство нищетѣ и несчастью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недостаточная ясность мысли, живость сценъ и лицъ и ни на что ненужная грубость въ ихъ изображеніи, ошибочно принимаемая иными за реализмъ и за правдивость, тогда какъ, по нашему мнѣнію, это просто признакъ неумѣнья автора добиться желательнаго впечатлѣнія иными, настоящими художественными приѣмами. Неясность мысли въ разсказѣ *Наташка* мы находимъ въ нижеслѣдующемъ: героиня „не гулящая“ дѣвушка, по изъ этого вовсе не слѣдуетъ, — въ разсказѣ г. Бѣлинскаго, — что она принципиально „честная“ дѣвушка; она сама говоритъ: „что и честь, когда нечего ѣсть“. Изъ разсказа не видно даже, чтобы Наташка переживала какую-либо „нравственную“ борьбу, прежде чѣмъ идти въ Пассажъ продатьсь первому встрѣчному. Она „честная“ только инстинктивно, а не сознательно, она „не гулящая“ лишь въ силу физическаго отвращенія, которое возбуждаютъ въ ней ухаживание мужчинъ, а не нравственнаго отвращенія отъ порока. Наташка не идетъ въ „домъ“ Рахили потому, что ея подруга, Паша, „погуливающая“ тихомолкомъ и осторожно по Невскому, сказала ей, что къ Рахили „не пойдетъ и послѣдняя шляха съ улицы, а она (Наташка) и подавно“ не пойдетъ. Такимъ образомъ, Наташка голодаетъ и стра-

даеть за себя и за болную мать не ради добродѣтели по принципу, ей и набратсь такихъ принциповъ было не откуда, „не гуляетъ“ она просто потому, что случай такого не подошло, и не ея вина, и не ея заслуга, что случай не подошелъ даже тогда, когда она искала его въ Пассаждъ и на Невскомъ. Изъ-за чего же она замерзла? Изъ-за того, что случай не подошелъ? Стоить ли изъ-за этого рассказы писать?...

Пестрые рассказы. А. Чехонте (Ан. П. Чеховъ.) Изд. журнала „Осколки“. Спб., 1886 г. Имя А. Чехонте хорошо знакомо читателямъ *Будильника*, *Осколковъ* и другихъ иллюстрированныхъ и такъ называемыхъ сатирическихъ журналовъ, и знакомо съ очень хорошей стороны. Не всѣ его рассказы одинаково талантливо написаны, конечно,—недаромъ, собравши ихъ вмѣстѣ, авторъ назвалъ ихъ *пестрыми*; они дѣйствительно очень „пестры“. Между ними попадаются и умно задуманные, живо и остроумно написанные, попадаются и посредственные, и ниже посредственныхъ. Но въ нихъ во всѣхъ есть два превосходныхъ качества, дѣлающихъ для насъ г. Чехова особенно симпатичнымъ писателемъ,—это честность мысли, вложенная въ основу его рассказовъ, полная пристойность изложенія,—пристойность во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ легкаго, правильнаго языка. Авторъ затрогиваетъ иногда весьма щекотливые вопросы, самыя грязныя стороны человѣческихъ отношеній, и при этомъ умѣетъ коснуться ихъ какъ разъ настолько, насколько это необходимо для осмѣянія того, что въ нихъ достойно осмѣянія и осужденія. Самое осужденіе человѣческихъ слабостей выходитъ у г. Чехова какимъ-то беззлобнымъ, осмѣяніе—добродушнымъ, не коробящимъ рѣзкостью. Изъ-за его смѣха часто видна неподдѣльная грусть, и у читателя порою невольно вырывается вздохъ. Всѣхъ рассказовъ семьдесятъ семь; сюжеты большей части изъ нихъ взяты изъ сѣренькой жизни мелкаго люда, изъ такой среды, гдѣ тоску-горе люди заливаютъ водкой и пивомъ, гдѣ водка и пиво всего чаще дѣлаются источникомъ людскаго горя и несчастья. Даже въ такихъ рассказахъ авторъ, оставаясь вполне реальнымъ и правдивымъ, умѣетъ въ большинствѣ случаевъ избѣгать непристойныхъ рѣзкостей, принимаемыхъ иными изъ нашихъ писателей за лучшіе цвѣты современнаго французскаго натурализма.

Два слова о виѣшности книги. *Пестрые рассказы* появились въ видѣ тяжеловѣснаго тома въ 8 долю листа большаго формата, точь въ точь историческія монографіи или кака-янибудь солидная академическая работа. Просто страшно въ руки взять такой томище, а, пробѣжавши два-три рассказа, не знаешь, куда дѣваться съ огромною книжицей,—въ карманъ не дѣзетъ, въ дорожную сумку не впишаешь... Въ этомъ отношеніи нашимъ издателямъ слѣдовало бы взять примѣръ съ французовъ. У нихъ много выходитъ сборниковъ мелкихъ рассказовъ, но содержащю весьма сходныхъ съ рассказами г. Чехова; только никогда ихъ веселія, юмористическія мелочи не являются въ свѣтъ въ такомъ унынѣ наводящемъ видѣ.

Петръ Федоровичъ Басмановъ. — Марина Мнишекъ. Двѣ драмы изъ эпохи смутнаго времени. Барона Н. Е. Врангеля. Спб., 1886 г. Попытокъ писать драмы изъ смутнаго времени самозванщины было у насъ немало, но всѣ онѣ кончались болѣе или менѣе неудачно, за исключеніемъ трагедіи Пушкина *Борисъ Годуновъ* и трилогіи гр. Ал. Толстаго. Самою же неудачной изъ всѣхъ, какія мы

припомнимъ, слѣдуетъ признать попытку барона Н. Е. Врангеля. Обѣ его вышеназванныя драмы для сцены не годятся, въ литературномъ же отношеніи онѣ ниже всякой критики. Ни въ той, ни въ другой нѣтъ ни одного настоящаго характера, нѣтъ даже серьезныхъ драматическихкихъ положеній, не говоря уже о томъ, что авторъ безъ всякой нужды перевираетъ исторію или, вѣрнѣе, плохо ее знаетъ, а что и почерпнулъ изъ учебниковъ, того не понимаетъ. Басмановъ у него оказывается рыцаремъ чести, какимъ-то русскимъ роялистомъ, на манеръ д'Артаньяна въ *Виконтъ де-Бражелонъ*. Басмановъ, невѣдомо зачѣмъ, влюбленъ въ Ксенію Борисовну Годунову, а Ксенія влюблена въ него; но и эта выдумка не даетъ никакого повода къ драмѣ. Баронъ Врангель не имѣетъ даже ни малѣйшаго представленія о наружности героевъ своихъ драмъ; такъ, Ксенія говоритъ Басманову въ четвертомъ дѣйствіи: „Да у меня-ль коса не золотиста и не бѣла лицомъ а?“ Ни капельки не золотиста, смѣемъ въ томъ завѣрить г. Врангеля со словъ лѣтописца, приводимыхъ Н. И. Костомаровымъ въ его очеркѣ: *Ксенія Борисовна Годунова*, напечатанномъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* (№ 1, 1884 г.). „Отроковица чюднаго домышления зѣлною красотою лѣба, бѣла и лицомъ румяна, очи имѣя черны велики... бровми союза... власы имѣя черны велики, аки трубы по плечамъ лежаху“, — читаемъ мы въ названной статьѣ Н. И. Костомарова.

Изъ Марьяны Мнишекъ можно, конечно, сдѣлать героиню трагедіи, и даже не одной, а нѣсколькихъ трагедій, и для этого нѣтъ необходимости стѣсняться историческою достовѣрностью; въ тому же, мы и не имѣемъ безспорно точныхъ данныхъ, чтобы составить себѣ безошибочное понятіе о характерѣ знаменитой польской панны. Баронъ Врангель начинаетъ свою драму съ приѣзда Марины въ Тушино, гдѣ она воображаетъ встрѣтить своего перваго мужа, спасагося отъ смерти. Тутъ Марина узнаетъ, что ее ждетъ завѣдомый обманщикъ, воръ и „уродъ“ собою. Сначала она не хочетъ признать въ немъ Дмитрія, потомъ склоняется на дружныя уговоры Рожинскаго, Юрія Мнишка и іезуитскаго патера и при народѣ бросается на шею тушинскому вору. Второй актъ — бѣгство изъ Тушина; въ третьемъ — смерть „вора“ въ Калугѣ — Марина сходится съ Заруцкимъ; въ четвертомъ и послѣднемъ актѣ Марина въ тюрьмѣ ухаживаетъ за своимъ пятилѣтнимъ сыномъ, котораго отъ нея уводятъ обманомъ и казнятъ; узнавши объ этомъ, Марина „падаетъ мертвая“... Г. Врангель умудрился самія драматическія положенія такъ изобразить, что въ нихъ не осталось признака драмы, а есть только пустыя разговоры, напыщенные, нелѣпыя, написанные такимъ языкомъ, какимъ никто не говорилъ и не могъ говорить. Вотъ обращеніе рѣчи Марины, обращенной къ Рожинскому: „Довольно! Пощадите! Что за *глупство!* Такимъ ужаснымъ тономъ, *точь* изъ гроба, — вы говорите, что я вновь, какъ въ дѣтствѣ, пустую сказку принимаю къ сердцу“. Въ другомъ мѣстѣ Марина восклицаетъ: „Обманщикъ! Воръ! *Неуже* мнѣ, царицѣ, съ ворами быть. И оставаться здѣсь дольше не могу. Прощай, князь“. Рожинскій: „Дудки! Ни съ мѣста! Коль добромъ не хочешь ты, я силою тебя заставлю! Ладно! Запляшешь у меня, *бабенка!* Голодомъ тебя я изведу! И жилы изъ тебя всѣ вытану я пыткой!“ Восклицательныхъ знаковъ много, смысла же ровно никакого. Въ *Басмановѣ* языкъ еще вычурнѣе, еще замѣтнѣе усилія автора поддѣлаться подъ стихи, даже съ приемами для довершенія безобразія. Басмановъ говоритъ Ксеніи: „Ты взгляни! Въ небесахъ, высоко,

высоко заблестала звѣзда... и примѣтить ее не могли мы при свѣтѣ... настала пора и среди ночи сіяетъ она... Было въ сердцѣ темнѣй этой *ночи*. Было въ немъ такъ темно, было въ немъ такъ мертво, что и жить уже не было *ночи*. Ты молила слово—и стала снова *свѣтъ*, надежда вернулась и горя ужъ *нѣтъ*! Да! Горе минуетъ. Настанетъ пора! Настанутъ блаженныя *ночи*! И буду ласкать и лелѣять тебя, лобзать твои чудныя *очи*! И прошлое горе, ненастные *дни*, какъ сонъ, безвозвратно минуютъ *они*“. Стиховъ, все-таки, не выходитъ, а какъ проза—это никуда не годится; такую приемованною прозой говорить только лакеи и мастеровые, начитавшіеся *тысенниковъ*.

Изъ Ксеніи и изъ Марины можно было сдѣлать героинь драмы двоякимъ образомъ, благодаря неточности опредѣленія ихъ характера самою исторіей. Обѣихъ можно было изобразить слабыми, любящими, милыми и нѣжными женщинами, сдѣлавшимися жертвами безжалостной политической интриги въ рукахъ честолюбцевъ. Можно было, наоборотъ, представить ихъ одаренными большою силой характера, добивающимися своихъ собственныхъ цѣлей и обрывающимися въ моментъ достиженія этихъ цѣлей. Въ томъ и другомъ случаѣ было бы мѣсто борьбѣ между страстями и долгомъ, т.-е. былъ бы матеріалъ для драмы. Ничѣмъ этимъ баронъ Врангель не умѣлъ воспользоваться: нѣтъ ни драмы, ни характеровъ; это два очень скучныхъ и плохо написанныхъ упражненія въ лицахъ съ историческими именами.

Кармень. Романъ Проспера Мериме. (Дорожная библіотека). Изд. А. С. Суворина. Спб. 1886 г. Названіе этого романа и отчасти его фабула знакомы нашей публикѣ по оперѣ *Кармень*, сюжетъ которой заимствованъ изъ романа знаменитаго французскаго писателя, которому его соотечественники и мы, русскіе, обязаны превосходными переводами на французскій языкъ нѣкоторыхъ произведеній Пушкина, *Ревизора* и отрывковъ изъ *Мертвыхъ Душъ* Гоголя, романа *Дымъ* и *Записокъ охотника* Тургенева. Просперъ Мериме первый познакомилъ французовъ съ нашею литературою и указалъ Западу на ея значеніе. Пушкинъ отплатилъ Просперу Мериме переводомъ одиннадцати лучшихъ пѣсень изъ его *Guzla*, напечатанныхъ у насъ подъ названіемъ *Пѣсни западныхъ славянъ*. Пѣсни эти не болѣе, какъ поддѣлка необыкновенно талантливаго французскаго писателя, но такая мастерская поддѣлка, что ею были введены въ заблужденіе очень многіе и въ томъ числѣ Пушкинъ, принявшіе сочиненные Мериме стихи за переложеніе подлинныхъ далматскихъ пѣсень. Романъ *Кармень* много теряетъ въ русскомъ переводѣ; оригиналъ написанъ блестящимъ, необыкновенно изящнымъ языкомъ, какимъ умѣлъ писать лучший изъ придворныхъ людей второй имперіи.

Ф И Л О С О Ф И Я .

„Прошедшее философія“. Е. де-Роберти.—„Положительныя задачи философія“. Л. Лопатина.

Прошедшее философіи. Е. де-Роберти. Томъ II. Москва, 1886 г. Замѣчательный трудъ г. де-Роберти, о первомъ томѣ котораго мы уже упоминали („Библиографическій отдѣлъ“ *Русской Мысли* 1886 г., кн. II), теперь оконченъ. Въ ряду философскихъ сочиненій, появившихся на русскомъ языкѣ, онъ займетъ почетное мѣсто и послужитъ,

надо надѣяться, къ оживленію интереса къ философіи, къ распространенію правильнаго взгляда на ея задачи и методу.

Состояніе положительнаго знанія, — говоритъ г. де-Роберти, — оказывается могущественнымъ факторомъ, опредѣляющимъ съ поразительною точностью направленіе и внутренній характеръ самыхъ разнообразныхъ системъ прежней философіи. Но состояніе знанія есть фактъ социологическаго порядка, продуктъ и, въ то же время, важный двигатель общественной эволюціи. Возражая противъ О. Конта и его послѣдователей, авторъ указываетъ, что научное мышленіе не можетъ проходить теологической и потомъ метафизической фазы развитія, потому что всеобщія и непровѣряемыя гипотезы, — существенный признакъ теологическихъ и метафизическихъ системъ, — не имѣютъ мѣста въ наукѣ, въ области знанія. Въ послѣдней роль гипотезъ лишь вспомогательная, онѣ относятся только къ опредѣленной группѣ явленій и непременно подлежатъ провѣркѣ. На этомъ основаніи эволюцію наукъ и эволюцію міропониманій слѣдуетъ разсматривать порознь. Развитие социальныхъ наукъ вообще направляетъ развитие философскихъ системъ, другими словами: „наука и ея развитіе есть социологическая причина, а философія и ея развитіе — социологическое послѣдствіе“. Въ каждую метафизическую систему входятъ на ряду съ социологическими и біологическіе (психо-физическіе) элементы, и г. де-Роберти полагаетъ поэтому, что „рано или поздно, конкретное или био-социологическое изслѣдованіе развитія философіи когда-нибудь да будетъ считаться наиболѣе совершеннымъ способомъ изученія этого крайне сложнаго разряда фактовъ“. На это мы замѣтимъ, что такой взглядъ проникаетъ уже въ лучшіе учебники. Его держится, напримѣръ, Целлеръ (*Очеркъ исторіи греческой философіи*. Ср. „Библиографическій отдѣлъ“ *Русской Мысли* 1886 г., кн. V). Несовершенство социологіи и психологіи дѣлаетъ, однако, по мнѣнію г. де-Роберти, подобныя попытки преждевременными.

Теологическія и метафизическія системы, — доказываетъ авторъ, — являются философіей незнанія, чисто-гипотетическими міропониманіями, которыя падаютъ съ развитіемъ знанія, съ ростомъ научнаго мышленія. Но при настоящемъ положеніи общественныхъ наукъ нѣтъ возможности предсказать съ точностью конечную судьбу супра-натуралистическихъ идей и многочисленныхъ социальныхъ превращеній, которыя могутъ повліять на указанный процессъ. Слѣдуетъ, однако, помнить, что въ прошедшемъ мы встрѣчаемъ совокупность такихъ *общественныхъ* (авторъ настаиваетъ на этой квалификаціи) условий, которыя не мирятся ни съ наивными приѣмами первой фазы развитія мысли, ни съ болѣе сложными и совершенными приѣмами метафизическаго объясненія природы. Поэтому социологъ не можетъ признать, — говоритъ г. де-Роберти, — за *иллюзіей свержестественнаго* характера какой-то высшей, неизмѣнной и вѣчной потребности нашей умственной организаціи, хотя, съ другой стороны, полное уничтоженіе невѣжества и различныхъ формъ общественнаго неравенства является для автора *праздною мечтой* (стр. 143). А на страницѣ 113 г. де-Роберти социалистическія теоріи и стремленія прямо приписываетъ метафизической культурѣ, высшей, — прибавляетъ онъ. Мы недоумѣваемъ, почему стремленіе устранить общественное неравенство и создать для каждаго члена общества одинаковыя (не тождественныя) условія существованія должно считаться метафизическимъ.

Подробно разъясняя законъ отношенія науки къ философіи, г. де-Роберти признаетъ, что въ наукѣ всегда заключается возможность будущаго міропониманія или философіи. „Наука объясняла отдѣльными частями обширнаго цѣлаго, не зная, гдѣ и на чемъ она остановится; въ этой завоевательницѣ, по самой природѣ своей, какъ называлъ науку Клодъ Бернаръ, всегда жила смутная надежда на то, что, переходя отъ одной части къ другой, она именно такимъ путемъ, рано или поздно, обниметъ и цѣлое. Напротивъ того, философія прямо приступала къ объясненію гадательной суммы явленій, неизвѣстнаго міроваго итога. Это коренное различіе въ приемахъ проходитъ черезъ всю исторію наукъ и философскихъ системъ и въ немъ, главнымъ образомъ, и выразилась преждевременность отдѣленія отъ древа спеціальнаго знанія незрѣлыхъ плодовъ философіи, которая только такою цѣной и могла приобрести внѣшній видъ самостоятельности. Но именно эту фазу развитія философіи, характеризуемую *мнимой независимостью* ея отъ науки, и называютъ, или должно называть, *метафизическимъ* ея состояніемъ“. Признавая возвратное вліяніе метафизики на спеціальныя науки, г. де-Роберти приписываетъ ему задерживающее успѣхи наукъ значеніе. Наоборотъ, „главное назначеніе позитивизма состоитъ въ томъ, чтобы дальнѣйшею разработкой отвлеченныхъ наукъ и ихъ спеціальныхъ философій приблизить время, когда отъ нынѣшняго міропониманія или полупониманія можно будетъ перейти къ полному и ясному созерцанію общей связи или единства всѣхъ явленій“.

Многіе взгляды г. де-Роберти вызовутъ возраженія отчасти со стороны мыслителей метафизическаго направленія, отчасти со стороны позитивистовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ насъ почтенный трудъ г. де-Роберти возбуждаетъ также нѣкоторыя недоразумѣнія, на которыя въ библиографической замѣткѣ мы можемъ лишь указать. Авторъ *Прошедшаго философіи* стремится, напримѣръ, поставить свои выводы внѣ прямой зависимости отъ той или другой теоріи познания (32—33, ср. 42—43). Поэтому важнѣйшіе выводы автора получаютъ предварительный, такъ сказать, характеръ, потому что самъ г. де-Роберти указываетъ на будущую научную теорію познания, „которая, рано или поздно, должна будетъ возникнуть изъ совокупныхъ усилій психофизики и конкретной социологіи“. На страницѣ 161 авторъ какъ бы признаетъ *за наукою* способность „снабжать насъ идеалами и руководящими вѣрованіями“, что противорѣчитъ правильному опредѣленію науки.

Приведемъ въ заключеніе возраженіе г. де-Роберти К. Д. Кавелину, требовавшему направить въ нынѣшній кризисъ, переживаемый образованнымъ человечествомъ, всѣ усилія въ сторону нравственнаго развитія личности. „Всякіе призывы къ подъему личной психической жизни,—говоритъ авторъ,—къ исправленію индивидуальнаго типа, всѣ эти *sursum corda*,—исторія доказала это сотни разъ,—безцѣльны и бесплодны, какъ древній вавилонскій плачъ, бесплодны часто даже въ смыслѣ личнаго исправленія. Выходъ изъ современнаго кризиса можетъ быть найденъ единственно и исключительно на пути дружнаго напряженія всѣхъ силъ знанія и только знанія (а вовсе не практической опытности), съ цѣлью построения міропониманія, которое бы соотвѣтствовало нынѣшнему состоянію этого знанія и которое только тогда и успокоитъ отдѣльную личность и подниметъ ее на нужную этическую высоту“ (стр. 271). Въ этомъ мнѣніи есть значительная доля ис-

тины, но роль науки и философіи нѣсколько преувеличена, по нашему мнѣнію. *Понять* не всегда значитъ *успокоиться*.

Положительная задача философіи. Часть первая. Область умозрительныхъ вопросовъ. Л. Лопатина. М., 1886 г. Эта книга составляетъ совершенную противоположность съ книгой г. де-Роберти. Г. Лопатинъ—метафизикъ и, слѣдовательно, горячій противникъ позитивизма всѣхъ оттѣнковъ. Нужно замѣтить, однако, что изложеніе тѣхъ взглядовъ, которые берется опровергать г. Лопатинъ, и приѣмъ этого опроверженія не отличаются достаточною основательностью и не свободны отъ недомолвокъ и противорѣчій. Такъ, на страницѣ 7 г. Лопатинъ утверждаетъ, что представителя позитивной философіи „предпочитають вовсе игнорировать критику своихъ противниковъ,—лучшее доказательство ея справедливости“. Это *лучшее* доказательство никуда не годится: на слѣдующей же страницѣ мы читаемъ, что „послѣдующіе философы позитивной или эмпирической школы старались возмѣстить этотъ недостатокъ (закона трехъ фазисовъ развитія мысли) въ системѣ Конта“. Многие вопросы первостепенной важности г. Лопатинъ разрѣшаетъ съ плеча. Такъ, онъ утверждаетъ, что „необѣдимая вѣра въ реальность внѣшнихъ вещей и неспособность къ идеальнымъ представленіямъ,—вотъ двойной источникъ матеріализма“. Вторая половина этого утвержденія не имѣетъ за себя никакихъ серьезныхъ доказательствъ.

„Философія,—говоритъ авторъ,—стремится быть системою органически-связанныхъ понятій, поэтому ей неизбѣжно доступна только рациональная сторона дѣйствительности, хотя она постоянно должна сохранять сознаніе единства этой стороны съ другою, ирраціональною стороною существующаго и должна ставить себѣ неизмѣнною цѣлью возможно отчетливое усвоеніе этой послѣдней“ (стр. 287). Иными словами, г. Лопатинъ требуетъ отъ философіи пониманія непонятнаго, что не помѣшало ему утверждать тремя страницами ранѣе, что „всякій философъ обязанъ помнить, что онъ философъ лишь до той минуты, пока онъ усваиваетъ истины по ихъ разумной очевидности“. Дойдя съ г. Лопатинымъ до этой роковой минуты, мы дальше за нимъ уже не послѣдуемъ.

СТАТИСТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губерніи“. — „Kritik der Gesellschaft“. *Blanqui*. — „Die Lage des bayerischen Grundbesitzes in Deutschland und die Reform unserer Agrargesetzgebung“. *Kuno Frankenstein*.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губерніи. Томъ III. Вып. I. Зарайскій уѣздъ. Изд. рязанскаго губернскаго земства. 1885 г. Статистическія работы рязанскаго земства, прекращенныя въ концѣ 1882 года, въ 1884 году снова были возобновлены подъ руководствомъ г. Селиванова. Видимымъ результатомъ слишкомъ двухлѣтней работы рязанскаго земства мы имѣемъ теперь только *Сборникъ* по Зарайскому уѣзду. Онъ состоитъ исключительно изъ элементарныхъ таблицъ по крестьянскому хозяйству; имъ даже не предпослано никакихъ объяснительныхъ замѣчаній, не говоря уже объ ихъ анализѣ или о дополнительныхъ данныхъ, не уложившихся въ табличныя рубрики. Если еще добавить къ тому, что и самый заголовокъ

таблицъ почти цѣликомъ взяты изъ ранѣе выпущенныхъ статистическихъ сборниковъ по тремъ южнымъ уѣздамъ Рязанской губерніи, то поневоля отмѣтишь малоуспѣшность работъ теперешняго статистическаго бюро рязанскаго губернскаго земства; на это уже указала и ревизіонная коммиссія въ своемъ докладѣ экстренному собранію текущаго года.

Въ виду того, что это первый опытъ статистическихъ работъ г. Селиванова и что ему предстоитъ дать земству еще выпуски сборниковъ по семи уѣздамъ, сдѣлаемъ два-три замѣчанія по его адресу.

Прежде всего, въ ближайшемъ же выпускѣ совершенно необходимо дать детальныя разъясненія о приемахъ работъ на мѣстахъ и о степени достовѣрности собираемаго матеріала. Это особенно важно въ виду тѣхъ неудачъ, какія отмѣчены самимъ завѣдывающимъ въ своихъ объясненіяхъ земскому собранію 1884 года, на которыя указываетъ ревизіонная коммиссія, съ которыми въ значительной степени согласна и сама управа (см. протоколы экстреннаго собранія 1886 года и очереднаго собранія 1884 года). Судя по этимъ протоколамъ и докладамъ, мѣстныя изслѣдованія съ 1884 года велись сельскими учителями, совершенно незнакомыми съ дѣломъ и оставленными безъ руководства во время самыхъ работъ. Результатомъ такой неудачной организаціи дѣла явилась совершенная негодность или, по крайней мѣрѣ, настолько малая достовѣрность данныхъ по цѣлому уѣзду (Пронскому), что его предположено передѣлать заново; къ этому заключенію пришли самъ завѣдующій, ревизіонная коммиссія и даже управа. Г. Селивановъ отмѣчаетъ въ своемъ докладѣ чрезвычайно крупныя недостатки матеріаловъ, собранныхъ неподготовленными учителями, и доволенъ уже тѣмъ, что эти недостатки „не настолько значительны, чтобы повредить *всему* дѣлу“. Если не *всему* дѣлу, то какой же его части? Насколько можно вообще довѣрять изданному матеріалу *Сборника*? Разъ у самого организатора работъ закрадываются сильныя сомнѣнія въ годности добытыхъ свѣдѣній, публика тѣмъ болѣе будетъ имъ не довѣрять, чѣмъ меньше свѣта на истинное положеніе дѣлъ прольетъ руководитель работъ. И такъ, будемъ ждать обстоятельнаго предисловія въ ближайшемъ выпускѣ.

Далѣе, едва ли есть надобность рабски слѣдовать рубрикамъ таблицъ раньше изданныхъ томовъ. Конечно, необходимо давать сравнимыя свѣдѣнія, но это нисколько не исключаетъ возможности примѣняться въ ихъ группировкѣ къ мѣстнымъ условіямъ уѣзда, вводить болѣе детальную разработку и пр., и пр. Вѣдь, нельзя же считать тождественными по условіямъ черноземный Раненбургскій уѣздъ съ 36% безлошадныхъ дворовъ и Зарайскій съ 48% безлошадныхъ, почти не заключающій въ себѣ черноземныхъ пространствъ, но за то богатый прекрасными заливными лугами, и т. д.

Необходимо давать очерки хозяйственнаго положенія уѣздовъ или хотя разработку нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ экономической жизни мѣстнаго населенія. Дополненія къ таблицамъ были бы тоже очень желательны, тѣмъ болѣе, что теперь и собраніе, и управа не видятъ въ нихъ ничего ужаснаго, намѣреваясь выпустить въ свѣтъ даже злополучные *Сборники* по Данковскому и Раненбургскому уѣздамъ (за ничтожными сокращеніями).

Бросаются въ глаза также нѣкоторые недосмотры въ сводкѣ табличныхъ данныхъ. Напримѣръ, цифра всѣхъ домохозяевъ или семей Зарайскаго уѣзда значится 19,597, а число семей, распределенныхъ

на рабочей силѣ (считая и тѣ, составъ которыхъ не выясненъ), на нѣскольکو сотъ (на 485) или почти на 2,½% меньше. Не совсѣмъ сходятся и надѣльные дворы графѣ 68—70-й съ ихъ общимъ числомъ (графа 41). Избъ съ дымовою трубой и безъ нея (72 и 73 графы) слишкомъ на 2,000 (по цѣлому уѣзду) меньше, чѣмъ деревянныхъ и каменныхъ; очевидно, въ обоихъ случаяхъ числа должны быть одинаковы, какъ сумма всѣхъ избъ уѣзда. Такую разницу слѣдовало бы объяснить специальнымъ примѣчаніемъ или въ предисловіи къ таблицамъ, а то читатель не скоро доищется ея причины.

Слѣдовало бы также менѣ разгонисто печатать таблицы: по Зарайскому уѣзду каждая община растянулась на 8 страницъ (четыре разворота), тогда какъ тѣ же 116 графъ предыдущихъ выпусковъ свободно помѣщались на трехъ разворотахъ или на шести страницахъ. Это сдѣлало бы болѣе удобнымъ чтеніе данныхъ *Сборника* и сберегло бы около 250 рублей земскихъ денегъ.

Kritik der Gesellschaft. Gesammelte national-ökonomische Schriften von Auguste Blanqui. Erster Band. Kapital und Arbeit. Behauptungen einiger Nationalökonomien. Zweiter Band. Aufsätze und Notizen. Leipzig. Verlag von Otto Wigand. 1886. Имя Бланки, какъ выдающагося политическаго дѣятеля Франціи, достаточно извѣстно. Правда, его далеко нельзя причислить къ агитаторамъ перваго ранга, но, тѣмъ не менѣ, онъ всю жизнь оставался вѣренъ своимъ воззрѣніямъ и боролся за нихъ. Въ настоящей рецензіи мы не имѣемъ въ виду политическую дѣятельность Бланки, а ограничиваемся рассмотрѣніемъ его сочиненій *политико-экономическаго содержанія*. Вышедшіе недавно два тома не представляютъ цѣльнаго сочиненія, а рядъ статей, очерковъ и отрывковъ. Впрочемъ, если внимательно вчитаться въ нихъ, то легко можно себѣ представить все міросозерцаніе Бланки, цѣль тѣхъ идей, которыя онъ проводилъ.

„Съ введеніемъ раздѣленія труда и употребленіемъ денегъ,—говоритъ Бланки въ самомъ большемъ своемъ очеркѣ: *Капиталъ и трудъ* (т. I, стр. 3—141),—обмѣнъ сдѣлался основой экономическаго порядка. Необходимое условіе обмѣна есть равноцѣнность обмѣниваемыхъ предметовъ; это аксіома, которую политико-экономы единогласно принимаютъ, она не нуждается въ доказательствѣ. Но политическая экономія, въ то же время, сама нарушаетъ эту аксіому; я обвиняю экономическую науку въ томъ, что она есть ничто иное, какъ постоянное нарушеніе этого принципа, что она придаетъ ростовщичеству законную форму и представляетъ только описаніе общественнаго механизма, но не заключаетъ въ себѣ ни тѣни философіи, ни слѣда морали“. „Единственная функція денегъ,—продолжаетъ онъ,—это производить обмѣнъ *al pari*; всякая другая функція есть только грабежъ и доказывать это очень легко“. Послѣдуемъ за Бланки и посмотримъ, удалось ли ему доказательство его положенія. Въ обществѣ, думаетъ онъ, есть всегда непредусмотрительные и легкомысленные люди, которые потребляютъ въ надеждѣ на то, что и другіе будутъ потреблять; на самомъ же дѣлѣ этого не происходитъ, и они остаются съ своими непроданными товарами, нуждаются въ деньгахъ и принуждены за безцѣнокъ сбывать ихъ тѣмъ, которые сберегаютъ и воздерживаются отъ потребления. Все это подробно изображено въ видѣ діалога между Лазаремъ и Гобзеккомъ, двумя лицами изъ бальзаковскаго романа *Comédie humaine*. Изъ этого діалога видно, что все зло заключается въ томъ, что

легковѣрные люди выполняютъ законъ обмѣна, а ростовщики нарушаютъ его тѣмъ, что не желаютъ покупать по настоящей цѣнѣ товаровъ, живутъ скудно и берегаютъ, чтобы извлечь пользу изъ нужды сосѣдей, которые волей-неволей продаютъ дешево свои товары, чтобы не умереть съ голода. „За изобрѣтеніемъ денегъ послѣдовало раздѣленіе труда, каждый занялся приготовленіемъ одного предмета, потомъ продавалъ его за деньги, съ помощью которыхъ можно купить всѣ товары. Это было бы весьма благодѣтельно, если бы обмѣнъ совершался законно, но въ дѣйствительности тѣ, которые имѣли счастье продать свои товары, не покупаютъ чужихъ товаровъ, подвергаютъ себя лишениямъ, чтобы обратитъ деньги въ средство эксплуатаціи сосѣдей и тѣмъ нарушить законъ взаимности; эти люди совершаютъ покушеніе на общественный порядокъ, покоющійся на взаимности обмѣна. Деньги приобрѣтаютъ тогда главенствующее значеніе и т. д.“. И такъ, вся бѣда въ томъ, что *одни* „употребляютъ здоровую пищу, имѣютъ приличное помѣщеніе и обстановку, не заставляють голодать женъ своихъ и дѣтей, не желаютъ берегать“, а покупаютъ по поговоркѣ: „я потребляю, чтобы поддержать торговлю“; это люди съ совѣстью, тогда какъ *другіе продаютъ, не покупая*, увеличиваютъ свои сбереженія, пьютъ одну воду, ѣдятъ сухой хлѣбъ, живутъ въ грязномъ и тѣсномъ углу, одѣваются въ лохмотья, съ тѣмъ, чтобы на сбереженные деньги заставить другихъ работать на себя“.

Приведенныхъ отрывковъ достаточно для характеристики воззрѣній Бланки; они не нуждаются въ комментаріяхъ, а тѣмъ менѣе въ опроверженіи. Но послушаемъ еще, что онъ говоритъ о *деньгахъ* и *капиталѣ*, чтобы заключеніе наше о недостаточномъ непониманіи Бланки экономическихъ феноменовъ не показалось произвольнымъ. „Происхожденіе денегъ относятъ къ незапамтнымъ временамъ; думаютъ, что онѣ введены въ бронзовомъ вѣкѣ. Впрочемъ, это для экономиста не имѣетъ важнаго значенія; для насъ важно то, что за услуги, доставляемыя деньгами, приходится очень дорого расплачиваться. *Деньги принесли ростовщичество, капиталистическую эксплуатацію и ея мрачныя сестры: неравенство и нищету.* Когда были введены въ употребленіе деньги, людямъ представлялось два пути примѣненія этого орудія обмѣна: *братство* и *эгоизмъ*, но люди пошли по второму пути, развилось ростовщичество, деньги сдѣлались идоломъ, которому всѣ поклоняются“. Сдѣланныя нами выписки могутъ показаться случайными, но стоитъ только раскрыть книгу, чтобы убѣдиться, что онѣ вполнѣ соответствуютъ содержанію книги. Мы нарочно оставили поэтому въ сторонѣ его саркастическія восклицанія и горячія нападенія на деньги, на ростовщиковъ (подъ которыми онъ понимаетъ всѣхъ нарушителей закона взаимности обмѣна). О *капиталѣ* мы находимъ у него слѣдующее: „Капиталъ имѣетъ два значенія: одно всѣми признанное, ясное, краткое, взятое изъ дѣйствительной жизни, покорившее весь міръ; это *серебро* и *золото*. Другое значеніе темно, шатко, какая-то смѣсь хитросплетеній и пошлости, печальный образъ, неизвѣстный никому, кромѣ такъ называемыхъ ученыхъ; это капиталъ официальной школы, который даже трудно опредѣлить, потому что его вовсе нѣтъ или почти нѣтъ и т. д.“. Опредѣленіе капитала, какъ сбереженного труда, какъ запаса продуктовъ, предназначенныхъ для дальнѣйшаго производства, вообще всѣ принятыя въ политической экономіи опредѣленія онъ считаетъ абсурдомъ, а экономистовъ нечестными людьми, отума-

живающими своими опредѣленіями самое ясное представленіе. „Ясно, — восклицаетъ онъ послѣ цѣлаго ряда такихъ тирадъ, — что для общества въ цѣломъ капиталы суть продукты, а продукты суть капиталы, что сумма ихъ равна, они находятся въ равновѣсіи или они просто тождественны. Капиталъ состоитъ исключительно изъ денегъ, которыя устранены отъ обмѣна и ограничиваютъ производство. Слѣдовательно, это ни „накопленный трудъ“, ни средство труда, напротивъ, это покоренный трудъ и цѣпи для труда; это десятина отъ продуктовъ труда, которые за невозможностью обмѣна принуждены терпѣть вычеты, которые съ нихъ собираетъ въ свою пользу владѣлецъ средствъ обмѣна. Капиталъ есть, такимъ образомъ, украденный трудъ“. И такъ, капиталъ все равно, что деньги, и всѣ язвы современнаго экономическаго строя коренятся въ деньгахъ.

Опровергать Бланки, какъ было выше замѣчено, излишній трудъ. Приведемъ только одну выдержку изъ 2 тома Маркса, въ которой, какъ намъ кажется, прекрасно изображена роль денегъ. „Въ теченіи процесса производства капиталистическія отношенія обнаруживаются только потому, что они уже существуютъ въ актѣ обращенія, въ тѣхъ различныя основныя экономическія условія, при которыхъ покупатель и продавецъ противостоятъ одинъ другому, какъ общественные классы. Отношеніе это дается не сущностью, не природою денегъ, какъ денегъ, но вследствие существованія этихъ отношеній простая денежная функція превращается въ функцію капитала... Ошибка заключается въ томъ, что специфическое содержаніе функціи денегъ, которое, въ то же время, обращаетъ ихъ въ функцію капитала, выводится изъ сущности самихъ денегъ, слѣдовательно, деньги смѣшиваются съ капиталомъ, между тѣмъ какъ онѣ предполагаютъ общественныя условія, которыя ни въ какомъ случаѣ не имѣются при простомъ товарномъ и соответственномъ денежномъ обращеніи. По своей формѣ, покупка и продажа рабовъ также есть покупка и продажа товара. Но безъ существованія рабовъ деньги не могутъ совершать этой функціи. Существуетъ рабство — деньги могутъ быть затрачены на покупку рабовъ. Наоборотъ, еще недостаточно того, что деньги имѣются въ рукахъ покупателя, чтобы сдѣлать возможнымъ рабство“. Изъ этого ясно, что деньги выполняютъ лишь ту роль, которая возложена на нихъ всѣмъ экономическимъ строемъ страны, что существованіе денегъ само по себѣ не создаетъ ни рабства, ни крѣпостничества, ни наемнаго труда. Но Бланки такъ самоувѣренъ, что считаетъ свои собственныя воззрѣнія выше всего, что когда-либо было сказано какимъ-нибудь экономистомъ; ему одному будто удалось опровергнуть Бастіа. Полемика съ Бастіа удѣлена не одинъ десятокъ страницъ, но какъ ни поверхностенъ самъ Бастіа, возраженія Бланки положительно блѣдны предъ софизмами автора *Экономическихъ гармоній*. Впрочемъ, въ прямыхъ доказательствахъ они совершенно сходятся: у обоихъ на сцену выступаютъ два изолированныхъ человѣчка, разговаривающихъ между собой на экономическую тему; у обоихъ не видно, въ чемъ же заключается социальный вопросъ, между кѣмъ ведется борьба: между классомъ капиталистовъ и классомъ рабочихъ или же между отдѣльными видами капиталистовъ? И это послѣ блестящаго опроверженія Бастіа въ 3 социальномъ письмѣ Ротбертуса и основательнаго, прекраснаго разбора въ статьѣ Карнеса! Самые сложные вопросы рѣшаются у Бланки весьма легко: автора онъ называетъ или глушцомъ, или свое-

корыстнымъ человѣкомъ, а его теорію опровергаетъ нѣсколькими восхваливаніями о ничетѣ рабочихъ классовъ. Таковъ его разборъ мальтузовской теоріи населенія на стр. 93—96; такова статейка его *Коммунизмъ первобытныхъ временъ* во второмъ томѣ, стр. 35—44, въ которой на девяти страницахъ изъ головы построена вся исторія человѣчества. Таковы же его рецензіи о книгахъ: ему нигдѣ не удастся ни поставить вѣрно вопросъ, ни распутать то, что дѣйствительно можно было бы распутать, какъ это, напримѣръ, видно въ его замѣткахъ по поводу книги Лавеле о кризисахъ или Воловскаго о банкахъ.

Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить, что Бланки не вѣрять во внезапный переходъ современнаго строя въ лучший; послѣдній наступитъ, по его мнѣнію, не раньше, чѣмъ люди *путемъ распространенія образованія* будутъ убѣждены во вредѣ неравномѣрнаго распредѣленія богатства; будущій строй будетъ тогда, думаетъ онъ, естественнымъ результатомъ большаго развитія знаній. Поэтому онъ не устанно проповѣдуетъ принудительную систему образованія. Это высказываетъ онъ, между прочимъ, въ той же главѣ, гдѣ онъ начерталъ планъ будущаго общества (гл. V: *Коммунизмъ, будущее общество*; стр. 112—145).

Если разсматриваемое нами сочиненіе, несмотря на нѣкоторыя тирныя мысли и теплое честное отношеніе къ рабочимъ классамъ, имѣетъ такой незначительный научный интересъ, то возникаетъ вопросъ, стоило ли издавать ихъ въ свѣтъ? Имя Бланки едва ли много выиграло отъ обнародованія его экономическихъ статей. Переносить центръ тяжести соціального вопроса на существованіе денегъ значитъ переносить все на поверхность, на виѣшній покровъ, не вникая въ содержаніе, въ тѣ экономическія основы, которыя придаютъ всей жизни ея современный отпечатокъ, а тогда исчезаетъ возможность не только лечить то зло, на которое Бланки указываетъ подчасъ очень вѣрно, но и понять его.

Die Lage des bäuerlichen Grundbesitzes in Deutschland und die Reform unserer Agrargesetzgebung. Ein Beitrag zur Lösung der Agrarfrage von Kuno Frankenstein. Yena. Verlag von Carl Döbereiner. 1885. Тяжелое положеніе нѣмецкаго крестьянства вызвало, прежде всего, въ ученомъ мірѣ стремленіе основательно ознакомиться съ тѣми экономическими и соціальными недугами, которые подтачиваютъ *der kräftigen deutschen Bauernsland*, гордость нѣмецкаго народа и одну изъ прочныхъ основъ его государственной и общественной жизни. Изданіе трехъ томовъ *Bäuerliche Zustände* обществомъ соціальной политики вызвало, въ свою очередь, немало толковъ и немало новыхъ изслѣдованій того же вопроса. Авторъ разсматриваемой нами книги останавливается преимущественно на крестьянскомъ наслѣдственномъ правѣ и на гипотечной задолженности крестьянскаго землевладѣнія. Долгъ, падающій на землю въ Германіи, растетъ изъ года въ годъ съ удивительною быстротой, увеличивается приблизительно на 210 милл. марокъ (105 милл. рублей) ежегодно. Точно опредѣлить, какая часть этого ежегоднаго увеличенія долга падаетъ на мелкую собственность, нѣтъ возможности. Также точно нѣтъ возможности подвести итогъ задолженности для всей страны, а приходится ограничиваться свѣдѣніями о каждой провинціи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже просто ограничиваться общею фразой, какъ, напримѣръ, что задолженность велика и проч., за отсутствіемъ данныхъ. Во многихъ мѣстностяхъ задолженность не

приняла еще формы банковскаго долга, а весь кредитъ находится преимущественно въ рукахъ частныхъ лицъ, какъ на Рейнѣ. Впрочемъ, статистика принудительныхъ отчужденій пополняетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отсутствіе статистики долговъ. Принимая во вниманіе большое разнообразіе въ экономическихъ и общественныхъ условіяхъ, въ наслѣдственномъ правѣ, въ способѣ веденія хозяйства, мы не можемъ ожидать цѣльности; остается только общее впечатлѣніе сильной задолженности. Разсмотрѣніе задолженности во всѣхъ частяхъ Германіи и группировка отдѣльныхъ ея причинъ (стр. 9—43) привела автора къ слѣдующимъ выводамъ: „1) Задолженность возрастаетъ съ поражающею быстротой и достигла во многихъ мѣстностяхъ такой высоты, что возрастаніе ея приведетъ къ принудительному отчужденію земли; тамъ, гдѣ долги еще не достигли этого размѣра, этого можно ожидать въ будущемъ. 2) Чѣмъ меньше участен, тѣмъ больше долги и тѣмъ чаще является принудительное отчужденіе. 3) Долги растутъ не потому, чтобы земля поглощала новые капиталы при переходѣ къ интензивной культурѣ, а потому, что отъ земли отрываются ея собственныя части, переходящія въ чужія руки при покупкѣ земли и при раздѣлѣ наслѣдства“. Правда, выводы эти не новы, какъ не новы и разсужденія автора о подчиненіи земли капиталу, о гибельномъ влияніи усиленія капитализма, но такъ какъ въ этомъ случаѣ выводы являются не голословными, а дѣйствительно вытекаютъ изъ условій крестьянскаго быта, то мы находимъ въ нихъ новое подтвержденіе старой мысли, высказанной Робертсомъ для всего землевладѣнія и сдѣлавшейся теперь почти общимъ мѣстомъ. Чтобы понять причины задолженности, авторъ обращается къ исторіи германскаго землевладѣнія, но эта экскурсія, повидимому, въ мало знакомую ему область представляетъ самое слабое мѣсто книги. Совсѣмъ неосновательными и просто непонятными являются нападки его на римское право, оказавшее будто бы влияніе на германское наслѣдственное право, непонятными потому, что изъ римскаго права у него вытекаютъ двѣ діаметрально-противоположныя формы наслѣдованія: равный раздѣлъ земли между сонаслѣдниками (натуральное дѣленіе), существующей въ прирейнскихъ провинціяхъ, и *Anerbenrecht*, при которомъ одинъ изъ сонаслѣдниковъ вступаетъ во владѣніе всѣмъ участкомъ и выдѣляетъ другимъ доли, опредѣляемыя обычаемъ, но всегда значительно меньшія противъ своей собственной доли, какъ это существуетъ въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ. Ни та, ни другая форма наслѣдованія не могутъ быть объяснены римскимъ правомъ, послѣдняя же чисто-германскаго происхожденія. При существованіи натурального раздѣла земли весьма быстро возникаетъ парцеллированіе, участки мельчаютъ, вслѣдствіе чего обработка земли дѣлается болѣе и болѣе затруднительной, а веденіе хозяйства на клочкѣхъ земли съ трудомъ можетъ прокормить собственника и его семью. Но это есть состояніе равенства, при которомъ не возникаетъ привилегированнаго класса среди крестьянъ, а всѣ живутъ приблизительно при одинаковыхъ условіяхъ, класса безземельныхъ крестьянъ не существуетъ, — однимъ словомъ, каждый является собственникомъ полоски земли. При такихъ условіяхъ только интензивное хозяйство спасаетъ отъ нищеты. Съ другой стороны, при существованіи нераздѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ, когда одному достается вся земля на сравнительно льготныхъ условіяхъ, такъ какъ другимъ выдѣляются незначительныя доли, сохраняется *der kräftige deutsche Bauernsland*, но за то на ряду съ этимъ

возникаетъ сельскій пролетаріатъ, на одного состоятельнаго крестьянина имѣются десятки батраковъ, самъ же крестьянинъ весьма быстро отвыкаетъ отъ работы и оставляетъ себѣ только управление и надзоръ за рабочими. Авторъ высказывается въ пользу послѣдней формы наслѣдованія; онъ хочетъ сохранить прочное крестьянское сословіе. Съ такимъ заключеніемъ едва ли можно согласиться. Признавая всѣ невыгоды чрезмѣрнаго дробленія земли, мы, все-таки, думаемъ, что равный раздѣлъ земли заслуживаетъ предпочтенія вслѣдствіе тѣхъ социальныхъ преимуществъ, какія даетъ легкой доступъ къ землѣ для большей части сельскаго населенія. Интересныя данныя объ обѣихъ формахъ наслѣдованія и вытекающихъ изъ нихъ результатовъ можно найти въ книгѣ Мясковскаго и въ вышеназванномъ трудѣ *Bäuerliche Zustände in Deutschland*.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи сдѣланы были попытки искусственно развить Anerbenrecht; такъ ганноверскій законъ отъ 24 февраля 1880 г. (Höfegesetz), вестфальскій Landgüterordnung отъ 30 апрѣля 1882 г. и другіе. Основная идея этихъ законовъ заключается въ слѣдующемъ: крестьянскій участокъ съ усадьбой вносится въ особую книгу по волѣ владѣльца и тогда къ такому участку примѣняется не обычное наслѣдственное право, а нѣсколько видоизмѣненное въ пользу одного сонаслѣдника, обыкновенно старшаго сына. Къ нему переходитъ дворъ съ землей, причѣмъ дѣлается оцѣнка всего имущества; изъ всей цѣнности ему, прежде всего, достается треть, и въ этомъ заключается главное его преимущество предъ другими, а изъ остальнаго онъ получаетъ опять-таки равную съ другими сонаслѣдниками долю. Законы эти, впрочемъ, едва ли достигаютъ цѣли, такъ какъ внесеніе въ списки (Gütervolle) необходимо, а предоставлено волѣ собственника, которому, притомъ, не запрещается распорядиться своимъ имуществомъ путемъ завѣщанія. „Ничто не должно казаться болѣе естественнымъ, — заключаетъ изъ этого авторъ, — какъ то, что государство въ интересахъ сохраненія прочнаго крестьянскаго сословія должно приступить къ реформѣ наслѣдственного права въ томъ смыслѣ, чтобы при раздѣлѣ отдавать преимущество одному изъ наслѣдниковъ, но чтобы это не было предоставлено волѣ cadaго крестьянина, а сдѣлалось бы обязательнымъ и какъ законъ вошло бы въ гражданскій кодексъ. Реформа крестьянскаго наслѣдственного права должна стремиться создать учрежденія, гарантирующія сохраненіе здороваго крестьянства“.

Такова основная идея книги. Какъ выше было замѣчено, сохраненіе зажиточнаго крестьянства, о которомъ многіе мечтаютъ въ Германіи, связано съ обезземеленіемъ большей части сельскаго населенія и быстро создаетъ сельскій пролетаріатъ, а потому система натуральнаго дробленія земли, несмотря на всѣ связанныя съ нимъ невыгоды большаго парцелированія, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, предпочтенія. Законодательству въ послѣднемъ случаѣ предстоитъ трудная задача, между прочимъ, путемъ рациональной организаціи гипотечнаго и личнаго кредита, еще болѣе путемъ развитія меліоративнаго кредита и улучшенія сельско-хозяйственной техники, предотвратить обѣдненіе мелкихъ собственниковъ, владѣльцевъ незначительныхъ парцеллъ, которые только при интензивномъ хозяйствѣ и при необременительности долговъ въ состояніи вести хозяйство. Безъ такой помощи мелкій собственникъ мало чѣмъ отличается отъ пролетарія, какъ это наглядно

показываетъ жалкое положеніе крестьянъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Précis de l'histoire du droit français, accompagné de notions de droit canonique et indications bibliographiques“. Paul Viollet. — „Institutionen des Römischen Rechts“. R. Sohm. — „Deutsche Rechtsgeschichte“. H. Siegel. — „Institutionen des deutschen Privatrechts“. A. Heusler.

Précis de l'histoire du droit français, accompagné de notions de droit canonique et indications bibliographiques, par Paul Viollet. Paris, 1886. Первый выпускъ этой книги появился въ 1884 году, и тогда въ *Русской Мысли* былъ переданъ краткій перечень его содержанія. Теперь къ первому выпуску присоединенъ второй, посвященный исторіи частнаго права. „Эта вторая часть, — говоритъ авторъ, — по необходимости болѣе оригинальна, чѣмъ первая; я рѣдко резюмировалъ здѣсь труды моихъ предшественниковъ; чаще я долженъ былъ открывать и прокладывать дороги“. Слова эти совершенно справедливы и опредѣляютъ характеръ книги. Передъ нами не обыкновенный учебникъ исторіи французскаго права, подобный другимъ, появившимся въ послѣднее время (Beaup'a, Routier, Guétat), какъ объ этомъ можно бы было заключить изъ заглавія книги, а совершенно оригинальное произведеніе, задуманное и исполненное съ тѣмъ остроуміемъ, которое отличаетъ автора *Etablissements de saint Louis* среди другихъ французскихъ историковъ. Поставивъ себѣ скромную цѣль написать очеркъ исторіи французскаго права, который могъ бы „послужить введеніемъ для начинающихъ и доставить желающимъ изучить ту или другую часть права, первый общій обзоръ предмета и необходимыя библиографическія указанія“, авторъ на самомъ дѣлѣ далъ очеркъ, полезный и не для однихъ начинающихъ. Стоя на почвѣ современныхъ изслѣдованій по всеобщей исторіи права, въ которыхъ онъ обладаетъ замѣчательно обширными свѣдѣніями, Поль Виоле не ограничивается только примѣненіемъ ихъ результатовъ къ французской исторіи, а умѣетъ пойти дальше ихъ, досказать недосказанное и разъяснить оставшееся темнымъ, и это не съ помощью одной только логики, а и съ подлинными источниками въ рукахъ. Такъ, въ исторіи семьи, послѣ описанія формъ и условій заключенія и расторженія брака и изслѣдованія о положеніи незаконныхъ дѣтей и усыновленія, въ которыхъ, рядомъ съ многими поправками, внесенными въ добытые уже ранними изслѣдованіями результаты, онъ слѣдитъ за смѣной и борьбой каноническихъ и гражданскихъ вліяній, авторъ, переходя въ 8 главѣ къ общей характеристикѣ отцовской и опекунской власти, дѣлаетъ любопытную аналогію римской *manus* и нѣмецкаго *mundium* и здѣсь, вставъ выше споры, существующихъ по этому поводу въ литературѣ, наглядно показываетъ какъ сходство этихъ выраженій власти главы семьи, такъ и истинный характеръ различій, которыя дали поводъ историкамъ нѣмецкаго права оспаривать эту аналогію. Въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи собственности и договоровъ, авторъ не только даетъ замѣчательно живой очеркъ примитивныхъ общинныхъ формъ владѣнія землею и различныхъ остатковъ ихъ въ поздѣйшемъ французскомъ правѣ (взгляды автора на этотъ вопросъ извѣстны русскимъ читателямъ по статьѣ того же Виоле, переведенной на русскій языкъ г. Зи-

беромъ), но и послѣдовательно проводить общинную теорію собственности въ области договоровъ. Здѣсь же находится интересный очеркъ первоначальной исторіи договора и древнѣйшаго юридическаго формализма,—очеркъ, нагляднымъ образомъ показывающій, до какой степени авторъ можетъ быть оригиналенъ даже въ вопросѣ, разработанномъ въ самое послѣднее время рядомъ извѣстныхъ французскихъ и нѣмецкихъ историковъ права. Аналогіи, которыя здѣсь дѣлаетъ Поль Виоле съ римскимъ правомъ, освѣщаютъ дѣйствительный характеръ не только первоначальныхъ нѣмецкихъ формъ обязательствъ, но и самихъ римскихъ, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ послѣднія затемнены излишними учеными стараніями романистовъ. Рядомъ съ очеркомъ договоровъ помѣщенъ обширный трактатъ о средневѣковыхъ формахъ зависимаго владѣнія землею и феодальномъ строѣ земельной собственности. Авторъ не ограничивается здѣсь, подобно Гейслеру, о книгѣ котораго мы даемъ отчетъ вмѣстѣ съ этимъ, описаніемъ однихъ только частно-правовыхъ, строго-юридическихъ отношеній, возникавшихъ при феодальномъ строѣ, но и даетъ общую характеристику этого строя, замѣчательную какъ по множеству оригинальныхъ взглядовъ, подтверждаемыхъ умѣло подобранными мѣстами источниковъ, такъ и по необыкновенной живости и ясности описанія разнообразныхъ формъ средневѣковыхъ „держаній“. Такою же оригинальностью взглядовъ отличаются и заключительныя главы этого отдѣла, посвященныя исторіи римской и французской ипотеки, товариществамъ (общинамъ и обществамъ) и институту приданого. Послѣдній отдѣлъ, относящійся къ исторіи наследованія по закону и завѣщанію, обращаетъ на себя вниманіе опять послѣдовательнымъ проведеніемъ общинной теоріи собственности, рядомъ остроумныхъ аналогій французскаго и римскаго правъ, служащихъ объясненіемъ постановленій того и другаго, и живымъ, дочнымъ и яснымъ описаніемъ сложныхъ наследственныхъ порядковъ и отношеній. Исторія всѣхъ этихъ институтовъ доводится, начиная съ раннихъ временъ, до Наполеонова кодекса. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что онъ въ продолженіе 25 лѣтъ собираетъ и классифицируетъ замѣтки, послужившія основаніемъ для его книги, и что при ея составленіи онъ пользовался многими указаніями нѣсколькихъ выдающихся французскихъ ученыхъ. Читатели повѣрятъ автору и въ томъ, и въ другомъ, прочитавъ книгу и лично убѣдившись въ замѣчательномъ соединеніи необыкновенной свѣжести и оригинальности мысли съ огромною эрудиціей. Въ системѣ изложенія авторъ только отчасти слѣдуетъ обычному порядку учебниковъ и рѣшительно исключаетъ изъ книги весь традиціонный балластъ юридическихъ институцій и учебниковъ. Изложеніе автора до такой степени живо, ясно и свободно, что замѣтно выдѣляетъ его книгу даже среди французскихъ книгъ. Вообще Поль Виоле вѣрно самъ описываетъ общій характеръ своей книги, когда говоритъ въ предисловіи: „Я, насколько было возможно, исключилъ догадки, гипотезы, многосложныя изслѣдованія и ни на минуту не переставалъ говорить начинающимъ; я желалъ начертить общія линіи, провести читателя по широкимъ и легкимъ дорогамъ, однако, я остерегался воздвигать справа и слева этихъ большихъ дорогъ высокія стѣны ограды, закрывающія горизонтъ: я люблю пути открытые“. Книга до такой степени представляетъ законченное цѣлое, что мы затруднились бы, если бы захотѣли иллюстрировать сказанное нами передачей взглядовъ автора на какой-нибудь вопросъ или указать его промахи и ошибки.

Institutionen des Römischen Rechts von Rudolph Sohm, Professor in Strasburg. 2-te umbearbeitete Auflage. Leipzig, 1886. Первое изданіе названной книжки знаменитаго германскаго историка права появилось въ 1884 году; теперь вышло уже второе, въ которомъ авторъ переработалъ нѣкоторые отдѣлы, пользуясь указаніями критики, но оставилъ за книгой въ общемъ прежній характеръ. Эту книгу можно настойчиво рекомендовать русскимъ студентамъ, занимающимся римскимъ правомъ. Здѣсь они найдутъ замѣчательно живое, простое и ясное объясненіе римскихъ юридическихъ понятій и получатъ цѣльное представленіе объ общемъ ходѣ историческаго развитія права и результатахъ этого развитія. Проф. Зомъ, обладаая огромными научными познаніями и свѣтлою систематическою мыслью, которая связываетъ эти познанія въ стройное цѣлое и ясные образы, умѣетъ, кромѣ того, вложить въ книгу долю своей личности, лишить ее тѣмъ вида сухаго учебника и сдѣлать изъ нея живой курсъ лекцій, возбуждающій къ занятіямъ живымъ словомъ и примѣромъ талантливаго и остроумнаго учителя, стоящаго на высотѣ современныхъ научныхъ требованій. Зомъ хочетъ своею книгой „произвести впечатлѣніе, возбудить умъ начинающаго юриста къ дѣятельности, заставить его по возможности ближе войти въ предметъ своей науки, чтобы увидать тотъ міръ чудесъ, который ему здѣсь открывается“ (пред., стр. VIII). Авторъ достигаетъ своей цѣли: его книга стоитъ несравненно выше обычныхъ нѣмецкихъ руководствъ и учебниковъ, очень ученыхъ и полныхъ, но рассчитывающихъ всегда только на терпѣніе ученика; она даетъ, при небольшомъ объемѣ, и массу систематическихъ и строго-научныхъ знаній, и побужденіе и руководство къ дальнѣйшему ихъ приобрѣтенію.

Deutsche Rechtsgeschichte v. Heinrich Siegel. Berlin, 1886. Вѣнскій профессоръ Зигель принадлежитъ къ старѣйшимъ профессорамъ нѣмецкой исторіи права и за нимъ числится достаточно заслугъ предъ этою наукой. Это обстоятельство заставляетъ сказать нѣсколько словъ о его новой книгѣ, чтобы опредѣлить ея общій характеръ. Книга Зигеля—краткій учебникъ нѣмецкой исторіи права, вмѣщающій на 450 страницахъ исторію источниковъ права, исторію государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права и исторію процесса. При такой краткости отъ книги нельзя, конечно, требовать полноты изложенія институтовъ права, но можно предъявить другое требованіе: умѣть въ немногихъ словахъ передать сущность института и намѣтить ясно пункты историческаго его развитія, которые могли бы служить руководящею нитью для дальнѣйшихъ занятій. Такимъ умѣньемъ въ высшей степени обладаютъ Поль Виоле и Зомъ,—о книгахъ которыхъ мы дали отчетъ,—но не обладаетъ Зигель. Его книга можетъ дать элементарное понятіе о предметѣ, но не можетъ служить опорнымъ пунктомъ для занятій. Ея авторъ обладаетъ большою ученостью, но эта ученость не утилизируется въ достаточной степени: Зигель скупо и не вездѣ приводитъ или, по крайней мѣрѣ, цитируетъ источники, относящіеся къ его краткимъ очеркамъ и служащіе имъ основаніемъ. Не являясь, однако, достаточнымъ помощникомъ при занятіяхъ сама по себѣ, книга указываетъ, однако, такихъ помощниковъ: предъ важнымъ параграфомъ ея находится подробный библиографическій указатель относящихся къ нему литературныхъ изслѣдованій. Несмотря на то, что этотъ указатель отличается субъективнымъ характеромъ, авторъ отводитъ первое мѣсто сочиненіямъ, мыслей которыхъ онъ дер-

жится, отводя на второй планъ или вовсе выпуская несогласныя съ нимъ; несмотря на это, онъ, все-таки, достаточно полонъ, и даетъ указанія не только относительно книгъ, но и журнальныхъ статей.

Institutionen des deutschen Privatrechts von Andreas Heusler. Zweiter Band. Leipzig, 1886. Говоря о первомъ томѣ Гейслера, мы обратили вниманіе, главнымъ образомъ, на отрицательную сторону этого труда—на тотъ субъективизмъ, съ которымъ авторъ трактуетъ многіе предметы своего изслѣдованія. Эта черта особенно выдавалась именно въ первомъ томѣ, посвященномъ *общей* части гражданскаго права, содержащей въ себѣ изложеніе отвлеченныхъ юридическихъ понятій, которыя выработаны на почвѣ современнаго дѣйствующаго и развитаго римскаго права. Мы указывали тогда на то, что книга, благодаря поведенію явленій средневѣковой жизни подъ рубрики этихъ общихъ понятій, является больше отвлеченнымъ юридическимъ трактатомъ, чѣмъ историческимъ изслѣдованіемъ „живыхъ силъ, творящихъ право“, которое поставилъ себѣ задачей авторъ. Въ недавно появившемся второмъ томѣ обращаетъ на себя вниманіе другая сторона—положительная. Второй томъ посвященъ особенной части гражданскаго права: вещному, обязательственному, семейному и наследственному праву. Здѣсь авторъ отъ общихъ понятій переходитъ къ изложенію отдѣльныхъ институтовъ права и описываетъ исторію ихъ развитія въ теченіе среднихъ вѣковъ. Являясь первымъ систематическимъ изложеніемъ средневѣковаго частнаго права въ его цѣломъ видѣ, эта работа отличается выдающимися достоинствами. Кромѣ подробнаго и обстоятельнаго описанія институтовъ гражданскаго права, представляющаго сводъ результатовъ новыхъ изслѣдованій по исторіи права, она представляетъ изъ себя критическое изслѣдованіе этихъ результатовъ, основанное на обширномъ и глубокомъ знаніи источниковъ, и вноситъ въ литературу много поправокъ и новыхъ мыслей.

Въ своемъ изложеніи авторъ слѣдуетъ обыкновенному порядку нѣмецкихъ институцій. Второй томъ начинается изложеніемъ *ученія о вещномъ правѣ*. Указавъ особое значеніе, которое имѣло въ нѣмецкомъ правѣ раздѣленіе вещей на движимыя и недвижимыя, авторъ переходитъ къ обзорнѣю права собственности на недвижимость. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе изложеніе ученія о *Gewere*, нѣмецкомъ юридическомъ владѣніи, въ основѣ котораго лежитъ хорошо извѣстное сочиненіе самого автора подъ этимъ заглавіемъ, дополненное разборомъ новыхъ изслѣдованій по этому вопросу, и, между прочимъ, рядъ остроумныхъ замѣчаній, которыми авторъ опровергаетъ мнѣніе о томъ, что древнее германское право не знало собственности, а лишь одно владѣніе. Въ ученіи о собственности находится нѣсколько главъ, посвященныхъ спорнымъ вопросамъ: о значеніи *dominium directum* и *utile*, о такъ называемыхъ ограниченіяхъ собственности (сосѣдскихъ и родовыхъ правахъ, родовомъ выкупѣ и пр.), о способахъ ея пріобрѣтенія (происхожденіе инвеституры и судебного отреченія и пр.) и др.,—главъ, въ которыхъ авторъ съ замѣчательною широтой взгляда разрѣшаетъ трудности, представляемыя этими вопросами, и даетъ убѣдительныя объясненія. Въ главахъ, посвященныхъ описанію средневѣковыхъ зависимыхъ поземельныхъ владѣній, средневѣковой аренды, залога и т. д., онъ даетъ подробное изложеніе юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ этихъ правъ, и оригинальную общую характеристику съ частно-правовой точки зрѣнія. Небольшой, сравнительно

съ другими, *отдѣлъ о договорахъ и обязательствахъ* представляетъ пересмотръ литературы по этому вопросу и вноситъ много серьезныхъ поправокъ, основанныхъ на замѣчательномъ знакомствѣ съ источниками, въ мнѣнія, высказанныя въ литературѣ по этому, очередному теперь въ наукѣ, вопросу. Этотъ отдѣлъ примыкаетъ непосредственно къ помѣщенному въ первомъ томѣ очерку нѣмецкаго юридическаго формализма и является тѣмъ необходимымъ дополненіемъ въ нему, на недостатокъ котораго мы указывали, говоря о первомъ томѣ. *Отдѣлъ семейнаго права*, взятый вмѣстѣ съ находящимися въ первомъ томѣ очерками юридическаго значенія *Munt (mundium)* и организаціи семьи подъ заглавіемъ: *Gemein der Schaft und gesammte Hand*“, является обширнымъ изслѣдованіемъ, въ которомъ широта мысли и остроуміе соединяются съ глубокимъ знаніемъ источниковъ. Авторъ доказываетъ здѣсь, что германцы прошли періодъ жизни, характеризующійся господствомъ родства по матери, даетъ блестящій очеркъ общаго строя семейной организаціи агнатической семьи и хода его разложенія у крестьянъ и дворянскаго сословія, указываетъ историческій ходъ образованія формъ заключенія брака, гдѣ обращаетъ на себя вниманіе остроумное рѣшеніе спорнаго вопроса о похищеніи женъ, какъ формъ заключенія брака у древнихъ германцевъ, и затѣмъ излагаетъ съ особою подробностью ученіе о брачныхъ, имущественныхъ и личныхъ отношеніяхъ въ отдѣльныхъ варварскихъ правахъ, имущественныхъ и личныхъ отношеніяхъ отца и дѣтей и правахъ опекунскихъ. Послѣдній отдѣлъ представляетъ больше систему, чѣмъ исторію этихъ отношеній, но авторъ предпосылаетъ имъ „историческія основанія“, гдѣ указываетъ исходные пункты развитія. Въ отдѣлѣ наследственнаго права авторъ снова возвращается къ установленію положенія, — исходнаго пункта развитія наследственнаго права, — о смѣнѣ родства по матери родствомъ по отцу, о происхожденіи отсюда борьбы агнатовъ съ когнатами за наследство и даетъ затѣмъ подробный и систематическій очеркъ наследованія по закону (обычаю) и завѣщанію и описаніе нѣмецкой системы счета родства.

Этотъ краткій перечень содержанія новой книги Гейслера показываетъ, что она полна и свѣтлыми мыслями, и богатымъ запасомъ фактовъ. Присоединивъ ее къ первому тому, читатели увидятъ, что тѣ недостатки, на которые мы указывали въ первомъ томѣ, есть недостатокъ системы книги, которая, въ свою очередь, есть послѣдствіе традиціонной нѣмецкой привязанности къ римскимъ институтамъ. Гейслеръ совсѣмъ безъ нужды разбилъ, въ угоду институціонной системѣ, свой трудъ на общую и особенную часть, въ первой изложилъ извлеченные изъ второй выводы, а во второй фактическія основанія этихъ выводовъ. Читателю приходится читать обѣ книги заразъ и терять время на чтеніе общихъ разсужденій, необходимыхъ автору для связи этихъ частей. Эта же привязанность является причиною и другой особенностью книги: авторъ, излагая историческое развитіе правовыхъ явленій, постоянно обращается къ установленію точныхъ юридическихъ понятій средневѣковаго права. Разсужденія, направленные въ эту сторону, всегда остроумны у автора, но, сопоставленные съ историческими его очерками, обнаруживаютъ свою излишность: исторія достаточно объясняетъ и образованіе понятій, и ихъ неустойчивость, а, между тѣмъ, этимъ разсужденіямъ принесены въ жертву систематическія указанія источниковъ и литературы. Но эти отрицательныя стороны

книги блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что сдѣлалъ авторъ, и мы должны кончить свой отчетъ о цѣломъ сочиненіи замѣчаніемъ, что изъ книгъ Гейслера читатели получаютъ вѣрное представленіе о результатахъ нѣмецкой исторіи гражданскаго права.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ТЕХНОЛОГІЯ.

„Новая теорія происхожденія міра“. В. Бобынина. — „Очеркъ органоластическихъ силъ организмовъ“. Проф. А. Я. Данилевскаго. — „Однорѣзныя и двухрѣзныя цвѣтущія растенія, находящіяся въ каталогахъ сѣмяноторговцевъ; выборъ лучшихъ изъ нихъ и уходъ за ними“. — Д-ра Реселя. — „Электрическіе контрольные приборы для желѣзныхъ дорогъ“. А. Абрамсона. — „Печи для металлургическихъ процессовъ“. А. Ледебура.

Новая теорія происхожденія міра. Составилъ по сочиненію Фэ (Faye) „Sur l'origine du monde“ В. Бобынинъ. Москва, 1885 г. Авторъ излагаетъ новую теорію происхожденія міра, предложенную знаменитѣйшимъ изъ современныхъ французскихъ астрономовъ Огюстомъ Фэ, въ виду того, что принимаемая до сихъ поръ всѣми теорія Лапласа является во многомъ несогласной съ новыми фактами, добытыми современною наукой. Исходною точкой для своихъ идей о первоначальномъ состояніи солнечнаго міра и образованія вселенной вообще Фэ принимаетъ идею хаоса и вихрей Декарта. Подъ именемъ хаоса обозначается состояніе міроваго пространства, непосредственно предшествовавшее образованію вселенной, причѣмъ матерія, составляющая міръ, была равномерна и чрезвычайно рѣдко разсѣянна въ пространствѣ. Если принять, что матерія, составляющая солнце и всѣ вращающіяся около него планеты, равномерно распредѣлится въ шарѣ радіуса, въ 10 разъ превосходящаго разстояніе солнца отъ послѣдней планеты Нептуна, то „плотность этого хаоса будетъ въ 250 милліоновъ разъ меньше плотности воздуха, остающагося въ пустотѣ пневматической машины подъ давленіемъ, составляющимъ $\frac{1}{1000}$ обыкновеннаго“. При такомъ строеніи хаосъ могъ быть только холоднымъ и темнымъ. Отъ начала хаосъ не былъ неподвиженъ, но совершающимися въ немъ движеніями былъ разбиваемъ на отдѣльныя безформенныя части, которыя должны были обладать поступательнымъ движеніемъ въ различныхъ направленіяхъ. Изъ этихъ - то частей хаоса образовывались прежде, образуются теперь и будутъ образовываться и впоследствии составляющіе вселенную міры, солнечныя системы. Вслѣдствіе взаимнаго притяженія, существующаго между частицами матеріи, составляющей раздѣлившіяся части хаоса, онѣ должны были сконцентрироваться около одного или нѣсколькихъ центровъ и вслѣдствіе этого хаотическая масса матеріи должна была все болѣе и болѣе уплотняться и изъ темной и холодной переходить въ теплую и свѣтящуюся сначала слабымъ свѣтомъ, затѣмъ все болѣе и болѣе яркимъ. Различныя стадіи этого развитія солнечныхъ системъ можно наблюдать и теперь, какъ показало изученіе туманныхъ пятенъ, блистательно начатое Вильямомъ Гершелемъ и съ замѣчательнымъ успѣхомъ продолженное послѣдующими астрономами. Таковы главныя основанія теоріи, предложенной Фэ. Основываясь на нихъ, онъ объясняетъ, каковымъ путемъ произошло образованіе нашей солнечной системы, причѣмъ приходитъ къ интересному выводу, что такія планеты, какъ Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Земля, Венера и Меркурій, вращающіяся около своихъ осей

въ томъ же направленіи, какъ и солнце (справа налѣво), образовались въ то время, когда солнце еще совсѣмъ не существовало или, по крайней мѣрѣ, не успѣло приобрести преобладающей массы; такія же планеты, какъ Уранъ и Нептунъ, вращающіеся около своихъ осей въ направленіи, противоположномъ вращенію солнца, образовались, когда солнце уже существовало или, по крайней мѣрѣ, приобрѣло преобладающую массу.

Не входя въ болѣе подробное изложеніе теоріи Фэ, мы отсылаемъ интересующихся этимъ къ книжкѣ г. Бобынина, гдѣ она изложена достаточно полно и ясно. Въ дополненіи къ этой книжкѣ помѣщенъ рефератъ статьи Фэ, представленной имъ парижской академіи наукъ. Въ статьѣ этой Фэ указываетъ на согласіе геологическихъ эпохъ съ космогоническими эпохами, предполагаемыми его теоріей.

Очеркъ органопластическихъ силъ организмовъ. Проф. А. Я. Данилевскаго. Два вступительныхъ чтенія въ январѣ 1886 года. Харьковъ, 1886 г. Почтенный профессоръ начинаетъ свое вступительное чтеніе съ выясненія задачи физиологической и патологической химіи и затѣмъ, „пользуясь тою свободою въ выборѣ темы и способѣ изложенія, какую даютъ по обычаю вступительныя чтенія“, ставитъ себѣ цѣлю показать, „что химическіе процессы лежатъ въ основаніи всѣхъ существеннѣйшихъ явленій жизни, а именно питанія, развитія динамическихъ продуктовъ и поддержанія формы“. Переходя далѣе къ характеристикѣ органической жизни, онъ выясняетъ слушателямъ, что во всякомъ живомъ организмѣ имѣютъ мѣсто два капитальныхъ химическихъ явленія: *постоянная смѣна вещества* и стремленіе организма охранить *постоянство своего химическаго состава*, и какъ причины этихъ явленій, два противоположныхъ химическихъ теченія, одно *разрушительное*, другое *созидательное, образовательное*; въ первомъ всякое сложное вещество распадается на простѣйшія химическія формы, во второмъ простые растворенныя вещества превращаются въ полуплотныя массы и становятся *пластическимъ матеріаломъ*, изъ котораго строятся ткани организма. Указавъ на то, какой характеръ носятъ эти два теченія въ различные періоды жизни организма, авторъ переходитъ къ рѣшенію вопроса о томъ, „какими силами, какими средствами организмъ осуществляетъ эти два противоположныхъ явленія“, и знакомитъ слушателей съ интересными выводами изъ своихъ работъ. Въ противоположность существующему возрѣнію, что кислородъ является единственнымъ разрушителемъ животныхъ тканей, почтенный профессоръ приходитъ къ тому выводу, что организмъ заключаетъ въ себѣ иныя разрушительныя агенты, *тканевые ферменты*, разжижающіе и растворяющіе полуплотныя, бѣлковыя массы и вслѣдствіе этого дѣлающіе ихъ доступными разрушительному дѣйствию кислорода. „И такъ,—говоритъ авторъ,—кислородъ не есть прямой, непосредственный разрушитель живой ткани, но этого мало: онъ ея энергичный и, можетъ быть, единственный защитникъ противъ ея истинныхъ разрушителей“, такъ какъ въ присутствіи кислорода дѣвіе тканевыхъ ферментовъ значительно замедляется, въ отсутствіи же его ихъ дѣвіе усиливается.

Другое теченіе, *созидательное*, обуславливается нахожденіемъ въ организмѣ тоже ферментовъ, двухъ *пластическихъ ферментовъ*; одинъ изъ нихъ способенъ развивать наибольшее дѣвіе въ щелочной, другой въ слабокислотной средѣ. Замѣчательно то, что послѣдній ферментъ

находится въ организмѣ въ двухъ состояніяхъ, въ одномъ—явномъ, дѣятельномъ, въ другомъ—скрытомъ, недѣятельномъ, связанномъ съ частицами бѣлковыхъ веществъ, отъ которыхъ онъ отдѣляется при ихъ распаденіи. Кромѣ этихъ ферментовъ, въ организмѣ находится еще новый агентъ, который отличается отъ нихъ тѣмъ, что прямо онъ не обнаруживаетъ ровно никакого дѣйствія на самый матеріалъ, напримѣръ, на бѣлковыя тѣла, но онъ усиливаетъ, ускоряетъ въ 10—20—50 разъ дѣйствіе пластическаго фермента, который въ присутствіи его пріобрѣтаетъ способность превращать бѣлковыя тѣла не только въ слабокислоты, но и въ нейтральной, даже въ щелочной средѣ. Въ виду такого сильнаго возбуждающаго дѣйствія на пластическій ферментъ, новый агентъ получилъ названіе *стимулина*. Стимулинъ находится повсемѣстно, во всякой клѣткѣ, во всякой части ея; онъ распространенъ въ растительномъ, также какъ и въ животномъ царствѣ. Въ заключеніе своихъ чтеній г. профессоръ дѣлаетъ общій очеркъ дѣятельности ферментовъ и приходитъ къ тому выводу, что ферменты суть единственные инициаторы жизненныхъ процессовъ.

Однолѣтнія и двухлѣтнія цвѣтушія растенія, находящіяся въ каталогахъ сѣмяноторговцевъ; выборъ лучшихъ изъ нихъ и уходъ за ними. Д-ра Регеля. Третье, исправленное и дополненное изданіе, съ 361 рисункомъ въ текстѣ. Изд. Карла Риккера. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 коп. Эта прекрасная книга даетъ читателю значительно болѣе, чѣмъ обѣщаетъ ея слишкомъ скромное заглавіе. Почтенный авторъ не только учитъ въ ней уходу за садовыми растеніями и выбору ихъ, но и даетъ еще научно-ботаническія описанія родовъ, видовъ и разновидностей и сообщаетъ массу свѣдѣній, любопытныхъ не только садоводамъ, но и ботаникамъ. Въ третьемъ изданіи своемъ книга является въ настолько измѣненномъ видѣ, что представляетъ собою новый большой вкладъ д-ра Регеля въ русскую ботаническую литературу. Задача книги — „съ одной стороны, дать любителямъ, садовникамъ и сѣмяноторговцамъ руководство для справокъ относительно всѣхъ тѣхъ однолѣтнихъ и двухлѣтнихъ растеній, которыя встрѣчаются въ каталогахъ сѣмяноторговцевъ, а съ другой—посредствомъ ознакомленія читателей съ разными видами этихъ растеній руководить ихъ при выборѣ сѣмянъ и дать сѣмяноторговцамъ твердое основаніе при составленіи ихъ каталоговъ“.

За удачное рѣшеніе намѣченной задачи ручается громкое имя автора. Почти все, изложенное въ его сочиненіи (исключеніе составляетъ сказанное о немногихъ растеніяхъ, введенныхъ въ культуру лишь съ прошлаго года), основано на собственныхъ его „многолѣтнихъ опытахъ, которые были исчерпаны наблюденіями надъ точно осмотрѣнными, описанными и изслѣдованными растеніями и по живымъ, и по сухимъ экземплярамъ“.

✱ Планъ книги таковъ. Послѣ краткихъ замѣчаній объ общемъ уходѣ за лѣтниками авторъ описываетъ въ алфавитномъ порядкѣ (по латинскимъ названіямъ) всѣ роды (*genera*) однолѣтнихъ и двухлѣтнихъ садовыхъ растеній. Въ этихъ описаніяхъ предлагается ботаническая характеристика рода, указывается семейство, къ которому родъ принадлежитъ, и приводятся названія на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. За характеристикой рода слѣдуетъ описаніе его видовъ: названіе вида на четырехъ языкахъ, указаніе источниковъ, гдѣ видъ описанъ и изображенъ, синонимика его, обозначеніе родины, ботаническая ха-

рактика и затѣмъ правила ухода и оцѣнка качествъ съ точки зрѣнія садовой эстетики. Если видъ имѣеть разновидности, онѣ описываются въ томъ же порядкѣ. Здѣсь авторъ даетъ массу свѣдѣній о происхожденіи варіететовъ и о классификаціи ихъ. Свѣдѣнія эти, въ видахъ громаднѣйшей эрудиціи д-ра Регеля и его положенія, имѣють большую цѣнность для специалистовъ. Исполняя такой планъ, авторъ имѣлъ въ виду, что „даже самимъ садовникамъ часто трудно найти между множествомъ для нихъ новыхъ названій желаемыя растенія, особенно потому, что одинъ и тотъ же видъ или разновидность нерѣдко находятъ въ каталогахъ подъ различными названіями“. Въ алфавитномъ спискѣ книги одно и то же растеніе приводится въ разныхъ мѣстахъ ея, смотря по названіямъ его. Такъ, отыскивая *Casalia*, мы узнаемъ, что растеніе это воспитывается въ садахъ подъ именемъ *Emilia*. Имя *Eudianthe* отсылаетъ насъ къ *Lychnis*, *Eustachys* къ *Chloris* и т. п. Для опредѣленія видовъ и разновидностей служить, помимо обстоятельныхъ описаній, многочисленныя хорошія рисунки. Кромѣ того, въ родахъ, богатыхъ видами, авторъ дѣлитъ послѣдніе на группы. Такъ, напр., многолѣтніе колокольчики распредѣлены въ три порядка: а) чашечка безъ прибавокъ (придатковъ) въ пазухѣ между зубцами. Коробочка пониклая; б) чашечка безъ прибавокъ въ пазухахъ между зубцами. Коробочка прямая (три вида); в) чашечка между лопастями съ прибавкою (4 вида). При такомъ приемѣ трудъ опредѣленія значительно облегчается. Въ концѣ книги приложены алфавитныя списки французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ названій, а также списокъ сочиненій авторовъ, на труды которыхъ сдѣланы ссылки. Послѣдній списокъ заключаетъ въ себѣ 201 названіе. Изъ многочисленныхъ достоинствъ книги мы особенно отмѣчаемъ внесеніе научнаго элемента въ практическое руководство. Сдѣйствуя развитію у насъ благородной страсти къ садоводству, д-ръ Регель пользуется случаемъ, чтобы увеличить въ Россіи запасъ ботаническихъ свѣдѣній, что очень важно, такъ какъ прочная выработка ученыхъ силъ и трудовъ возможна лишь тамъ, гдѣ въ обществѣ развито искренне-любтивное отношеніе къ наукѣ, т.-е. гдѣ имѣется среда работающихъ диллетантовъ. Въ обращеніи къ г. министру государственныхъ имуществъ М. Н. Островскому, которому посвящена книга, авторъ, въ виду преклонныхъ своихъ лѣтъ, называетъ трудъ свой, вѣроятно, послѣднимъ изъ его значительныхъ изданій. Отъ души желаемъ, чтобы нашъ маститый ученый на этотъ разъ ошибся.

Электрическіе контрольные приборы для желѣзныхъ дорогъ. Инженера А. Абрагамсона. Съ 15 политипажами въ текстъ и 7 листами чертежей. Киевъ, 1886 г. Движеніе по желѣзнымъ дорогамъ сдѣлалось болѣе правильнымъ и безопаснымъ съ тѣхъ поръ, какъ были примѣнены разнаго рода дѣйствующіе автоматически электрическіе контрольные приборы, которые, благодаря простотѣ конструкціи и дешевизнѣ, входятъ все въ большее и большее употребленіе, позволяя внимательно слѣдить за положеніемъ сигналовъ, стрѣлокъ, за скоростью движенія поѣздовъ, за уровнемъ воды въ резервуарахъ и, наконецъ, за точнымъ исполненіемъ сторожами своихъ обязанностей. Изъ множества существующихъ системъ контрольных аппаратовъ авторъ выбралъ только наиболѣе практичныя, съ успѣхомъ уже примѣняемыя на разныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Для лицъ, желающихъ ознакомиться съ устройствомъ и дѣйствіемъ электрическихъ

контрольныхъ приборовъ, книжка г. Абрагамсона будетъ очень полезна. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что авторъ разсматриваетъ вопросъ не съ научной, а исключительно съ практической точки зрѣнія.

Печи для металлургическихъ процессовъ. Руководство для металлурговъ, заводчиковъ, завѣдующихъ заводами и изучающихъ металлургію. Составилъ А. Ледебуръ, профессоръ Корслевской Горной академіи во Фрейбергѣ. Перевелъ горный инженеръ А. Шуппе. Спб., 1886 г. Вполнѣ рациональное подраздѣленіе технологіи металлургіи на общую и частную, какъ-то не привилось на практикѣ. При изученіи этой науки обыкновенно держатся такого пути, что, описывая то или другое производство, попутно сообщаютъ основныя положенія науки, общіе принципы различныхъ приборовъ и тѣхъ химическихъ процессовъ, которые имѣютъ мѣсто между заводскими операціями. Гораздо удобнѣе было бы сперва изложить общія начала, а затѣмъ отдѣльныя производства разсматривать, какъ приложение извѣстныхъ основныхъ принциповъ къ частнымъ случаямъ. Этой послѣдней системѣ слѣдовали лучшіе металлурги, каковы напр., Керль, Дюрре, Грюннеръ. Этому же пути держится и Ледебуръ въ своей прекрасной книгѣ о металлургическихъ печахъ. Онъ старается уяснить, прежде всего, тѣ общія основанія, какихъ необходимо держаться при устройствѣ печей и уходѣ за ними, предназначая свой трудъ, главнымъ образомъ, для практиковъ. Въ сочиненіи Ледебура нѣтъ сложныхъ математическихъ вычисленій и всѣ его выводы построены на логическихъ разсужденіяхъ и простыхъ алгебраическихъ уравненіяхъ. Нерѣдко приводимыя авторомъ цифровыя данныя взяты съ лучшихъ заводовъ и тщательно провѣрены. Книжка Ледебура, несмотря на свой малый объемъ (всего 68 стран.), весьма обстоятельно трактуетъ о явленіяхъ, сопровождающихъ горѣніе, потерѣ тепла, дымовыхъ трубахъ, о полезномъ дѣйствіи печей, ихъ устройствѣ и проч. Очень жаль только, что авторъ не приложилъ къ книгѣ чертежей; они несомнѣнно облегчили бы пониманіе тѣхъ отдѣловъ, въ которыхъ описываются типы печей. Положимъ, что чертежи эти имѣются во всякомъ курсѣ металлургіи, но, тѣмъ не менѣе, отсутствіе рисунковъ въ сочиненіи, специально посвященномъ печамъ, невольно бросается въ глаза. Переводъ сдѣланъ видимо старательно, хотя языкъ довольно тяжелый, а мѣстами и не совсѣмъ русской. Книга Ледебура, имя котораго давно уже пользуется заслуженною извѣстностью, безъ сомнѣнія, принесетъ большую пользу не только практикамъ - металлургамъ, но и преподавателямъ высшихъ техническихъ школъ.

МЕДИЦИНА.

„Лекціи о гигиеническомъ и климатическомъ леченіи хронической легочной чахотки“. Д-ра Г. Вебера.— „Основы оперативной хирургіи“. Проф. Л. Н. Фарабефа.— „Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащахся“. Д-ра Франца Кенма.— „Практическое руководство повивальнаго искусства“. Д-ра Исполотова.

Лекціи о гигиеническомъ и климатическомъ леченіи хронической легочной чахотки, читанныя въ „Royal College of Physicians“ д-ромъ Г. Веберомъ, старшимъ врачомъ нѣмецкой больницы въ Лондонѣ. Переводъ съ англійскаго д-ра С. Серебренникова, подъ редакціей проф. М. А. Аенасьева. Изданіе редак-

ціи журнала „Практическая Медицина“. Спб., 1886 г. Мы уже имѣли случай упомянуть о томъ, какого сильнаго конкурента приобретаетъ врачебный эвипризмъ въ научномъ направленіи современной терапіи, и „лекціи“ Вебера служатъ, между прочимъ, этому довольно наглядною иллюстраціей. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Кохъ открылъ туберкулезныя (чахоточныя) бациллы и доказалъ, что онѣ именно являются главными виновниками чахотки, то къ радости въ врачебномъ мірѣ по поводу этого важнаго открытія примѣшивалось довольно-таки горестное чувство публики, узнавшей, что легочная чахотка, этотъ страшный бичъ человѣчества, болѣзнь заразительная, что, поэтому, она можетъ быть передана не только непосредственно отъ больнаго къ здоровому, но что послѣдній можетъ заразиться ею и всякимъ другимъ, часто непредвидѣннымъ путемъ, ибо бациллы чахотки, въ сообществѣ множества другихъ микроорганизмовъ, носятся въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ. А какія опустошенія производитъ легочная чахотка, видно изъ того, что на каждые семь смертныхъ случаевъ два приходится на ея долю; отношеніе это еще болѣе въ пользу чахотки, если принять во вниманіе число смертныхъ случаевъ отъ хроническихъ болѣзней вообще, и должно возрасти еще больше при все ухудшающихся условіяхъ жизни, въ которыя поставлено современное человѣчество. Поэтому, хотя врачи и раньше догадывались о заразительности чахотки, но открытіе Коха должно было непременно повліять на терапевтическія мѣры, предпринимаемыя при этой болѣзни. Этихъ-то методовъ леченія легочной чахотки (въ ея хронической формѣ) и касается Веберъ въ своихъ трехъ *Лекціяхъ*: имъ посвящены лекціи вторая (діета, воздухъ, движеніе) и третья (климатическіе курорты). Будучи, конечно, приверженцемъ ученія о заразительности чахотки, Веберъ одинаково строго настаиваетъ, говоря какъ о предупрежденіи, такъ и о леченіи уже разившейся болѣзни, на возможно-полной *чистотѣ* воздуха. Правда, о чистотѣ воздуха заботились и до открытія туберкулезныхъ бациллъ, но тогда врачи совсѣмъ не то подразумѣвали подъ этимъ понятіемъ; въ настоящее время подъ чистотой воздуха, въ отношеніи предупрежденія и леченія чахотки, подразумѣвается, главнымъ образомъ, *относительное отсутствіе въ немъ микроорганизмовъ*. Таково самое главное условіе, которому должны удовлетворять климатъ, гдѣ должны пребывать чахоточные, а также и тѣ, которые имѣютъ наследственное или приобретенное *предрасположеніе* къ чахоткѣ. Прежде же климатотерапія хронической легочной чахотки заботилась о барометрическомъ давленіи, о содержаніи въ воздухѣ кислорода, о количествахъ угольной кислоты и амміака и, главное, о теплотѣ его. Но какъ отъ избытка амміачныхъ паровъ или холода никто еще чахотки не получалъ, такъ точно теплота и идеальная смѣсь составныхъ частей воздуха ничего не значатъ въ климатическомъ леченіи чахотки, если воздухъ, въ то же время, не свободенъ отъ микроорганизмовъ. Но свободенъ ли гдѣ-нибудь воздухъ отъ этой организованной примѣси? Да; во-первыхъ, потому, что мы, прежде всего, говоримъ объ относительной свободѣ воздуха отъ микроорганизмовъ; во-вторыхъ, даже въ пользу абсолютной чистоты воздуха въ этомъ смыслѣ можно, помимо теоретическихъ доводовъ, которые не трудно было бы почерпнуть изъ современнаго состоянія нашихъ свѣдѣній объ условіяхъ существованія микробовъ, привести результаты весьма тщательныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ этомъ направ-

леніи Микелемъ въ обсерваторіи въ Монсури. Изъ его таблицъ видно, что дѣтомъ, въ самомъ Парижѣ, на улицѣ Rivoli, въ полкубической сажени воздуха находится не болѣе и не менѣе, какъ 55 тысячъ микроорганизмовъ. Но вывѣжайте изъ города въ предмѣстье, наприм., въ паркъ Монсури, и тамъ вы уже дышете воздухомъ, который въ семь разъ бѣднѣе микроорганизмами. Еще ошутительнѣе разница между низменнымъ и высокимъ мѣстомъ: на высотѣ 2,000—4,000 фут. Микель уже не нашелъ ни одного микроорганизма. Если теперь принять во вниманіе, что легкія чахоточныхъ заключаютъ въ себѣ большей или меньшей величины открытыя, широко сообщающіяся съ вѣвнею средой полости съ воспаленными стѣнками, то поймемъ, чего можетъ ожидать подобный чахоточный больной отъ теплаго климата, отъ отсутствія вѣтровъ и т. д., если атмосфера, въ которой онъ живетъ, въ то же время, кипитъ безчисленными мириадами микроорганизмовъ: безвредные (въ извѣстныхъ границахъ) для здороваго легкаго, они, попадая въ воспаленное, энергично продолжаютъ разрушительный трудъ, начатый чахоточными бактеріями. Поэтому единственное средство воспрепятствовать чахоткѣ легкихъ прогрессировать и даже вовсе *излечить* ее (въ извѣстномъ, конечно, стадіи развитія) состоитъ въ климатическомъ леченіи и только тамъ, гдѣ нѣтъ микроорганизмовъ. Что чахотка можетъ быть излечена, это доказано клиническими наблюденіями и патолого-анатомическими вскрытіями. Правда, разрушенные туберкулезнымъ процессомъ участки легкаго не могутъ быть восстановлены; но человѣкъ можетъ дышать удѣльнѣшими лопастями или даже долями легкаго: объемъ послѣдняго не есть нѣчто постоянное и варьируетъ у различныхъ индивидуумовъ въ довольно значительныхъ предѣлахъ. Поэтому подъ излечимостью легочной чахотки подразумѣвается возможность остановки дальнѣйшаго распространенія на тѣлѣ легкаго чахоточнаго процесса, и возможность эта стоитъ внѣ сомнѣнія. Случаи излеченія хронической легочной чахотки, вѣроятно, станутъ еще болѣе многочисленными, когда войдетъ во всеобщее сознаніе врачей и публики, что значеніе климатическихъ станцій для чахоточныхъ больныхъ обуславливается, главнымъ образомъ, отсутствіемъ микроорганизмовъ; что, поэтому, только высокія горы, пустыни (въ обширномъ смыслѣ этого слова) и поверхность морей и океановъ могутъ служить курортами для этой цѣли; что теплота воздуха и его спокойствіе весьма драгоцѣнныя качества, но только въ сочетаніи съ отсутствіемъ въ воздухѣ организованныхъ частицъ; что холодъ, если онъ не настолько ужъ силенъ, что препятствуетъ больнымъ проводить большую часть дня на открытомъ воздухѣ, вообще не вреденъ для чахоточныхъ и, наоборотъ, полезенъ тѣмъ, что парализуетъ жизнь микроорганизмовъ; что „ледъ и снѣгъ, покрывающіе почву, мѣшаютъ образованію пыли и разложенію, а также задерживаютъ почвенныя испаренія, наполненныя микробами“; что высокія швейцарскія Альпы, какъ, наприм., долины Давосъ и Сенъ-Морицъ, лежащія на 5,000 — 6,000 футовъ надъ уровнемъ моря, Силезскія горы, горныя станціи, въ слишкомъ 10,000 футовъ высоты, на перуанскихъ Андахъ, Скалистыя горы, Гималаи и т. д., благодаря именно разрѣженности воздуха, которой прежде такъ избѣгали, низкой температурѣ и, въ зависимости отъ нея, снѣгу и льду и рѣдкости населенія, являются лучшими климатическими пунктами для чахоточныхъ больныхъ. И дѣйствительно, всѣ случаи безспорнаго излеченія чахотки, извѣстные въ медицинско-лите-

ратурѣ, касаются именно такихъ больныхъ, которымъ пришлось по совѣту врача или по другимъ обстоятельствамъ жить тамъ, гдѣ воздухъ долженъ считаться свободнымъ отъ взвѣшанныхъ въ немъ пылевыхъ частицъ вообще и организованныхъ въ частности. Таковы влпматотерапевтическія основы хронической легочной чахотки, которыя проводитъ авторъ *Лекцій*. Кромѣ того, врачъ и обыкновенный читатель (*Лекціи* написаны въ довольно доступной формѣ) найдутъ въ нихъ весьма интересныя подробности, касающіяся леченія на открытомъ воздухѣ, устройства *маленькихъ* больницъ (но многочисленныхъ) для леченія хронической чахотки бѣднаго класса, который не можетъ пользоваться курортами, предупреждающаго леченія и многихъ другихъ весьма важныхъ вопросовъ терапіи данной болѣзни.

Основы оперативной хирургии. Профессора Л. Н. Фарабѣфа. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ добавленіями профессора А. С. Таубера. Выпускъ I. Перевязки артерій. Изданіе К. Л. Риккера. Спб., 1886 г. Хотя хирургія и терапія развились каждая въ такія обширныя области медицины, что въ настоящее время уже невозможно сосредоточивать въ одномъ лицѣ обѣ эти отрасли врачебнаго искусства, однако, невозможность также разграниченія того, гдѣ кончается сфера терапевта и начинается область хирургическихъ страданій, съ одной стороны, и отсутствіе въ провинціи, за исключеніемъ развѣ большихъ городовъ, специалистовъ-хирурговъ, — съ другой, дѣлають, въ силу сказаннаго, а также по многимъ другимъ причинамъ, немислмымъ полное раздѣленіе названныхъ отраслей медицины для практическаго врача, въ извѣстныхъ, конечно, границахъ. Если принять далѣе во вниманіе, что именно провинціальные врачи преобладають своею численностью и что область хирургіи не состоитъ только изъ такъ называемыхъ большихъ операцій, которыя въ большинствѣ случаевъ терпятъ отсрочки, а складывается также изъ множества пособій, которыя должны быть немедленно оказаны, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ ожоговъ, вывиховъ, переломовъ, раненій съ обширными кровотечениями и т. д., то необходимость для всякаго врача практическихъ хирургическихъ знаній пріобрѣтаетъ еще большую безусловность. Въ программѣ нашихъ медицинскихъ факультетовъ хирургія занимаетъ довольно почетное мѣсто; ей предоставлены четыре кафедръ: теоретической хирургіи, хирургической клиники, госпитальной хирургіи и оперативной хирургіи, и учащіеся имѣють возможность упражняться въ малыхъ операціяхъ на живыхъ, а въ большихъ — на трупахъ. При такомъ широкомъ развитіи хирургіи понятно, насколько, между прочимъ, важно существованіе въ средѣ медицинскихъ студентовъ и врачей *практическихъ* руководствъ, которыми они могли бы пользоваться какъ при упражненіяхъ на трупахъ, такъ и при самостоятельныхъ небольшихъ операціяхъ вполнѣ стѣснѣнн. Русская же медицинская литература не богата въ этомъ отношеніи. Поэтому переводъ *Основъ оперативной хирургіи* проф. Фарабѣфа является очень кстати. Собственно первый выпускъ *Основъ оперативной хирургіи*, имѣющийся пока на русскомъ языкѣ, касается только перевязки артерій и состоитъ изъ 2 частей: общей, въ которой говорится объ общихъ методахъ перевязки артерійныхъ стволовъ, т.-е. объ обнаженіи сосудистаго пучка, изолированіи и перевязкѣ сосудовъ, и изъ частной, въ которой излагаются перевязки артерій въ частности, начиная съ верхней системы аорты. Ясность изложенія, отсутствіе всего лишняго и практичность сообщас-

мых свѣдѣній,—вотъ основные качества *Основъ оперативной хирургіи* Фарабѣфа. И это неудивительно. „Фарабѣфъ,—говоритъ редакція перевода *Основъ*,—состоя профессоромъ при парижскомъ медицинскомъ факультетѣ, уже десятки лѣтъ руководить студентовъ какъ при практическомъ изученіи анатоміи человѣка, такъ и при упражненіяхъ въ операціяхъ на трупѣ, но, въ то же время, онъ не покидаетъ поля дѣятельности госпитальнаго хирурга“. Такимъ образомъ, правила оперативнаго искусства, преподаваемая въ *Основахъ*, вытекаютъ изъ анатомической и клинической опытности автора. Необходимыя при перевязкѣ артерій свѣдѣнія по хирургической анатоміи (топографическія свѣдѣнія) изложены достаточно полно, причемъ все это изучающій оперативную хирургію можетъ провѣрить на тутъ же, въ текстѣ, приложенныхъ многочисленныхъ (64), хорошо исполненныхъ рисункахъ, каковы, напримѣръ, рисунокъ 39, изображающій топографію наружной сонной и язычной артерій, и рисунокъ 43, на которомъ представлены мышцы и артерьяльные стволы голени и стопы.

Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Д-ра Франца Кѣнига, орд. профессора хирургіи и директора хирургической клиники въ Геттингенѣ. Переводъ съ четвертаго нѣмецкаго изданія д-ра Д. Г. Фридберга. Русское изданіе второе. Томъ I. Съ 90 рисунками. Изданіе Карла Риккера. Спб., 1886 г. Профессоръ Кѣнигъ первый сдѣлалъ попытку составить учебникъ по частной хирургіи, который могъ бы служить *руководствомъ* для учащихся и практическихъ врачей, подобно тому, какъ существуютъ учебники по частной патологіи и терапіи. Но составить новый учебникъ по частной патологіи уже не составляетъ въ настоящее время большаго труда, потому что, благодаря многочисленности учебниковъ и руководствъ по этой отрасли медицины, выработалась вполне строгая въ этомъ отношеніи система, и составителю новаго учебника по частной патологіи, какими бы самостоятельными качествами послѣдній ни отличался, какъ, напримѣръ, руководства Эйхгорста и Штрюмпеля, остается только внести лишь позднѣйшія изслѣдованія. Не то представляло Кѣнигу, когда онъ взялся составить впервые руководство къ частной хирургіи. До него ничего подобнаго не было въ хирургической литературѣ. Были отдѣльныя монографіи, отдѣльные трактаты о той или другой области частной хирургіи; была уже и обширная хрестоматія по частной хирургіи Бильрота и Питы, но не было *учебника, руководства*, не говоря уже о томъ, что многое изъ того, что было написано, отчасти устарѣло, отчасти было не полно и требовало новаго освѣщенія съ точки зрѣнія результатовъ новыхъ изслѣдованій. Поэтому автору *Руководства къ частной хирургіи* пришлось не только выработать систему для своего *Руководства*, но и каждую главу для послѣдняго составить на основаніи специальныхъ монографій и изслѣдованій, которыя, притомъ, приходилось критически разрабатывать. „Задача эта была не изъ легкихъ,—писалъ Кѣнигъ въ предисловіи къ первому изданію.—Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій хирургія, стоящая преимущественно на почвѣ анатомическихъ фактовъ, должна была принять подобающее ей участіе во всемъ, что дѣлалось и создавалось въ каждой отдѣльной отрасли медицинской науки“. И авторъ удачно выполнилъ эту задачу. Въ теченіе десяти лѣтъ *Руководство къ частной хирургіи* выдержало въ Германіи четыре изданія, несмотря на то, что тамъ уже успѣли появиться за это время такія же ру-

ководства Альберта и Гютера. Впервые *Руководство* Кёнига появилось въ русскомъ переводѣ въ 1876 г.; это былъ первый томъ. Хотя остальные два тома появились значительно позже, но издатель русскаго перваго изданія нашелъ себя вынужденнымъ издать въ прошломъ году дополнительную часть къ *Руководству*. И, несмотря на то, что русская учебно-хирургическая литература въ послѣднее время обогатилась переводами руководствъ и Альберта, и Гютера, появленіе новаго изданія *Руководства къ частной хирургіи* Кёнига, стоящаго въ уровень съ послѣднимъ нѣмецкимъ изданіемъ, принесетъ, какъ и прежде, немалую пользу учащимся и врачамъ, ибо они „найдутъ въ немъ все, что до сихъ поръ извѣстно по различнымъ вопросамъ, касающимся отдѣльныхъ хирургическихъ болѣзней“, и, притомъ, все изложено живымъ языкомъ, сжато и кратко.

Практическое руководство повивальнаго искусства, составленное подъ редакціей директора родовспомогательнаго заведенія д-ра Гугенбергера докторомъ медицины Исполатовымъ. Москва, 1886 г. Написанная простымъ общепонятнымъ языкомъ, книга доктора Исполатова восполняетъ одинъ изъ крупныхъ пробѣловъ въ нашей популярно-акушерской литературѣ. Недостатокъ дѣльныхъ и толковыхъ руководствъ повивальнаго искусства заставляеть ясныхъ акушеровъ пользоваться въ своей практической дѣятельности только тѣми отрывочными и обыкновенно крайне неполными свѣдѣніями, какія онѣ выносятъ изъ лекцій, читаемыхъ имъ при воспитательномъ домѣ. Благодаря неудовлетворительной подготовкѣ и отсутствію хорошихъ популярныхъ сочиненій, наши акушерки съ дипломами по своимъ знаніямъ зачастую стоятъ не выше обыкновенныхъ повитухъ. А такъ какъ за ними нѣтъ ровно никакого контроля (особенно въ провинціи), то онѣ могутъ дѣйствовать въ своей практической дѣятельности какъ имъ угодно, не стѣсняясь указаніями современной науки и даже совершенно ихъ игнорируя. Мы не будемъ здѣсь распространяться о томъ огромномъ вредѣ, какой могутъ нанести и дѣйствительно наносятъ общественному здравію невѣжественныя повивальныя бабки. Замѣтимъ только, что проводимая докторомъ Исполатовымъ мысль объ установленіи нѣкоторыхъ законоположеній относительно отвѣтственности акушеровъ заслуживаетъ полнаго сочувствія. Ясная и опредѣленная регламентація была бы здѣсь болѣе чѣмъ умѣстна въ виду того, что, благодаря невѣжеству и небрежности ученыхъ и неученыхъ повитухъ, родильная горячка ежегодно уноситъ въ могилу массу жертвъ. Мы бы рекомендовали каждой практикующей акушеркѣ приобрести книгу г. Исполатова для точнаго и неуклоннаго слѣдованія преподаннымъ въ ней совѣтамъ. Почтенному же автору мы посовѣтовали бы тщательно пересмотрѣть книжку для послѣдующихъ изданій, дабы избѣжать нѣкоторыхъ противорѣчій и неясностей.

ПЕДАГОГИЯ, УЧЕБНИКИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Обзоръ дѣтской литературы“. В. М. Гаршина и А. Я. Герда. — „Наши педагогическіе вопросы“. Барона Н. А. Корфа. — „Словарь малопонятныхъ славянскихъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ Евангеліи, дополненный словаремъ къ псалмамъ, молитвамъ и пѣснопѣніямъ“. Ал. Державина. — „Новый систематическій задачникъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ по русскому первоначальному правописанію“. П. Цыткова. — „Родное чтеніе для дѣтей среднего возраста“. В. Виноградова. — „Русская грамматика для низшихъ классовъ“. А. Алферова. — „Руководство прямолинейной тригонометріи“. П. Преображенскаго. — „Путешествіе вокругъ свѣта“. Э. Р. Циммермана.

Обзоръ дѣтской литературы. Выпускъ II. Книги, изданныя въ 1884 году. Составленъ кружкомъ учащихся, подъ редакціею В. М. Гаршина и А. Я. Герда. Спб., 1886 г. Въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году былъ уже данъ отзывъ о первомъ выпускѣ *Обзора дѣтской литературы*. Второй выпускъ не менѣе заслуживаетъ вниманія со стороны лицъ, нуждающихся въ компетентныхъ совѣтникахъ при выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія. Читая эти отзывы, можно, на основаніи ихъ, довольно основательно познакомиться съ характерными чертами многихъ изъ нашихъ книжныхъ фирмъ и изданій. Между прочимъ, обращаемъ вниманіе на справедливый отзывъ о дѣятельности извѣстнаго „общества распространенія полезныхъ книгъ“. Рецензентъ отмѣчаетъ небрежность и неразборчивость отношенія „общества распространенія полезныхъ книгъ“ къ своему дѣлу и даетъ вѣрную характеристику произведеній, издаваемыхъ подъ фирмою этого „общества“. Въ концѣ этого *Обзора* приведенъ списокъ книгъ, *особенно рекомендуемыхъ* составителями *Обзора*, что очень практично.

Наши педагогическіе вопросы. Соч. барона Н. А. Корфа. Томъ II. Выпускъ первый. Москва, 1886 г. Статьи этого тома посвящены, главнымъ образомъ, вопросамъ народной школы. Авторъ горячо защищаетъ ее отъ нападокъ скептиковъ, не хотѣвшихъ признавать за нею никакихъ заслугъ. Но, защищая школу отъ несправедливыхъ нападокъ, баронъ Корфъ смотрѣлъ на условія, въ которыя она поставлена, трезво и безъ пристрастія и указывалъ на дѣйствительные недостатки школьнаго дѣла у насъ и на вопіющія нужды школы (см. статью III). Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ страницы, на которыхъ онъ энергично выступаетъ съ пропагандой воскресныхъ повторительныхъ школъ, доказывая *фактами* благотворное ихъ вліяніе на народъ (см. статью V и VI). Не менѣе горячо авторъ настаиваетъ на необходимости народныхъ чтеній и доказываетъ, что ихъ крайне легко осуществить въ провинціи (см. статью IV). При этомъ покойный баронъ Корфъ съ особеннымъ жаромъ возстаетъ противъ нашей общественной апатіи, которая сказывается въ отсутствіи почина, въ боязни официальныхъ препятствій, въ нашемъ умѣннѣ *соучаствовать* на словахъ и отлынивать отъ „содѣйствія“ благороднымъ и разумнымъ планамъ, когда приходитъ время къ исполненію ихъ на дѣлѣ (см. ст. I, а также стр. 35—38 изъ статьи IV). Ожидая многихъ благъ отъ народнаго просвѣщенія, баронъ Корфъ не впадаетъ въ односторонность и не видитъ въ школѣ панацею отъ всѣхъ нашихъ общенародныхъ недуговъ. Онъ знаетъ, что школа врядъ ли много можетъ сдѣлать тамъ, гдѣ *общій строй жизни* препятствуетъ проведенію въ общество свѣтлыхъ принциповъ общественности. А потому онъ является горячимъ сторонникомъ *учрежденій, развивающихъ чувства ответственности и са-*

модѣльности. Эти учрежденія, по его мнѣнію, способны, съ своей стороны, оказывать, рядомъ со школою, воспитательное вліаніе на людей. Авторъ говоритъ, что школьное обученіе сохраняетъ безспорную силу „только при томъ условіи, чтобъ жизнь не шла съ нимъ въ разрѣзъ и чтобъ вся политическая система продолжала послѣ школы то, что въ ней можетъ быть лишь начато“ (стр. 13).

Словарь малопонятныхъ славянскихъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ Евангеліи, дополненный словаремъ къ псалмамъ, молитвамъ и пѣснопѣніямъ. Составилъ Ал. Державинъ. Выпускъ первый. Спб., 1886 г. Въ виду того, что Евангеліе, псалтырь и часословъ употребляются въ начальныхъ школахъ въ качествѣ книгъ для церковно-славянскаго чтенія, авторъ и приступилъ къ составленію изданнаго имъ словаря, исходя изъ того разумнаго положенія, что чтеніе подобныхъ книгъ учениками должно происходить не механически только, но и сознательно—съ переводомъ и передачею читаннаго. Кромѣ того, словарь можетъ быть полезенъ и учителямъ для справокъ. Въ лежащемъ передъ нами первомъ выпускѣ словаря помѣщены: 1) алфавитный словарь къ Евангелію; 2) болѣе употребительныя въ Евангеліи слова въ порядкѣ главъ и стиховъ Евангелія; 3) алфавитный словарь къ псалтырю и часослову; 4) переводъ трудныхъ мѣстъ, встрѣчающихся въ псалмахъ и пѣснопѣніяхъ, помѣщенныхъ въ часословѣ, и 5) нѣкоторые изъ болѣе употребительныхъ оборотовъ Четвероевангелія. Словарь отпечатанъ на хорошей бумагѣ, довольно крупнымъ шрифтомъ и стоитъ недорого—20 коп.

Новый систематическій задачникъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ по русскому первоначальному правописанію. Составилъ П. Цвѣтковъ. Спб., 1886 г. Главная цѣль автора—дать такое руководство, въ которомъ народному учителю не пришлось бы ничего ни измѣнять, ни выпускать, ни перетасовывать, а по возможности слѣдовать урокъ за урокомъ. Каждая работа рассчитана на цѣлый часовой урокъ съ заданіемъ и исправленіемъ ея. Передъ большинствомъ работъ перваго отдѣла помѣщены скороговорки и реченія, которыя передъ началомъ работы произносятся учениками хоромъ или прочитываются по одиночкѣ, что, по справедливому мнѣнію автора, оживляетъ классъ и развиваетъ языкъ учащихся. Въ самомъ началѣ руководства помѣщена таблица образцовъ письменныхъ буквъ и ихъ соединеній. Нѣсколько статейкъ, помѣщенныхъ въ *Задачникъ*, предназначены для самостоятельныхъ работъ, а приложенныя въ концѣ руководства небольшія повторительныя диктовки имѣютъ цѣлью дать возможность учителю время отъ времени провѣрять знанія учениковъ. Составленъ *Задачникъ* добросовѣстно и потому можетъ сослужить хорошую службу въ качествѣ учебнаго пособия для сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищъ и для домашняго обученія.

Родное чтеніе для дѣтей средняго возраста. Годъ второй. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія. Составилъ В. Виноградовъ, учитель Дуденевскаго мужскаго начальнаго училища, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губ. Изд. насл. бр. Салаевыхъ. Москва, 1886 г. Г. Виноградовымъ издана въ прошломъ году книга для дѣтей младшаго возраста (см. нашъ отзывъ объ этой книгѣ въ „Библ. отдѣлѣ“ *Русск. Мысли* 1885 г., кн. VI), а потому настоящее изданіе служитъ ея продолженіемъ и назначается для занятій роднымъ языкомъ съ дѣтьми средняго возраста. Книга раздѣлена

на три отдѣла: первый отдѣлъ включаетъ въ себѣ статьи для чтенія, заимствованныя исключительно изъ сочиненій русскихъ писателей; весь этотъ матеріалъ обнимаетъ собою окружающую жизнь, а также природу и занятія людей по временамъ года. Второй отдѣлъ посвященъ письменнымъ упражненіямъ. Всѣ письменныя работы, по плану автора, должны соединяться съ читаемою статьей и быть по возможности простыми, чтобы научить учениковъ начальной школы разсуждать письменно о предметахъ, доступныхъ ихъ пониманію. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ помѣщенъ матеріалъ для церковно-славянскаго чтенія и содержитъ въ себѣ разказы изъ ветхаго завіта. При помѣщеніи въ книгѣ этихъ разказовъ составитель руководился, во-первыхъ, тѣмъ, чтобы дать матеріалъ для церковно-славянскаго чтенія, заключающій въ себѣ бытописаніе патріархальныхъ временъ, и, во-вторыхъ, тѣмъ, чтобы сколько-нибудь подсобить ученикамъ начальной школы ознакомиться съ ветхимъ завітомъ, который, по недостатку библій, мало доступенъ въ сельской школѣ. Выборъ матеріала для чтенія сдѣланъ составителемъ весьма удачно, а нѣсколько хорошо исполненныхъ рисунковъ помогаютъ наглядности.

Русская грамматика для низшихъ классовъ (по руководству Грота). А. Алферова. Москва, 1886 г. Еще одною грамматикой прибавилось къ нескончаемому морю нашихъ грамматическихъ учебниковъ! Напрасно раздаются голоса въ защиту подрастающаго поколѣнія отъ затхлой атмосферы того, что покойный критикъ Льва Толстого, Громека, называлъ „по истинѣ варварскою педагогіей русскаго языка“, которая вся построена наперекоръ законамъ дѣтской природы. Напрасно великій творецъ *Анны Карениной* изобразилъ намъ въ блестящей художественной формѣ, какъ недоступна, какъ бесполезна для дѣтскаго возраста школьная грамматика съ ея логическими опредѣленіями и грамматическими категориями. Вспомните прекрасную картину, какъ Сережа Каренинъ учитъ грамматикѣ, слушаетъ объясненія „обстоятельства образа дѣйствія“ и... недоумѣваетъ, къ чему всѣ эти свѣдѣнія и что они собой обозначаютъ. Наши педагоги-методики, по справедливому замѣчанію Громеки, „не расширяя въ ребенкѣ круга его впечатлѣній и представленій, закрывая ему путь для образованія понятій, сразу наваливаютъ на его мозгъ страшную работу, прямо пичкаютъ его опредѣленіями. Но добро бы еще опредѣленіями понятій о чемъ-либо конкретномъ,—это бы еще полбѣды,—нѣтъ, они учатъ опредѣленіямъ не вещей, не понятій даже, но опредѣленіямъ ихъ *названій*, не вещей, но *словъ*. И этому они учатъ не взрослыхъ людей, а маленькихъ дѣтей съ приговорительнаго класса!“

Какъ на бѣду, учебникъ г. Алферова изобилуетъ опредѣленіями. Впрочемъ, эта бѣда еще поправима: разумный педагогъ, если будетъ пользоваться этимъ учебникомъ, можетъ зачеркивать эти опредѣленія. Но для втораго изданія, буде онаго удостоится эта грамматика, мы совѣтуемъ послѣдовать примѣру г. Поливанова, который въ своей маленькой грамматикѣ рационально выпустилъ многія опредѣленія. И это мы совѣтуемъ тѣмъ болѣе, что г. Алферовъ въ своихъ опредѣленіяхъ и не точенъ, и не ясенъ, и мѣстами противорѣчивъ. Отрицательное достоинство этого учебника заключается въ томъ, что онъ короче другихъ, содержитъ свѣдѣнія, почитаемыя у нашихъ грамматиковъ-педагоговъ за самыя существенно-необходимыя, безъ которыхъ ребенку, по ихъ убѣжденію, не жить.

Намъ понравилось, между прочимъ, что авторъ въ приложеніи къ грамматикѣ приводитъ вопросы, на которые слѣдуетъ ученикамъ отвѣчать при грамматическихъ разборахъ. Это практично. Вообще эта грамматика удобнѣе большинства другихъ.

Руководство прямолинейной тригонометріи (съ приложеніемъ таблицъ тригонометрическихъ величинъ). Составилъ П. В. Преображенскій, преподаватель 4 московской классической гимназіи. Москва, 1886 г. Руководство это отличается отъ существующихъ у насъ руководствъ тѣмъ, что въ него, кромѣ изложенія требуемыхъ программами гимназій важнѣйшихъ положеній тригонометріи, входитъ еще изложеніе способа рѣшать вопросы ея безъ логарифмовъ, съ помощью особой таблицы, приложенной въ концѣ книги. Все руководство раздѣлено на пятнадцать уроковъ. На первомъ урокѣ ученикъ знакомится съ способомъ сокращеннаго умноженія и дѣленія и съ возвышеніемъ четырехъ, пяти или шестизначнаго числа въ квадратъ и извлеченіемъ квадратнаго корня по таблицѣ квадратовъ. Со втораго урока начинается знакомство съ тригонометрическими функциями угла, причемъ, прежде всего, ученикъ знакомится съ тангенсомъ угла, суммы и разности двухъ угловъ и со способомъ отыскивать тангенсы по таблицѣ, приложенной въ концѣ книги, затѣмъ переходитъ къ знакомству съ остальными тригонометрическими функциями угловъ. Последніе уроки (начиная съ 13) посвящены объясненію таблицы логарифмовъ и задачамъ на рѣшеніе треугольниковъ. Въ концѣ книги приложены таблицы, которыя могутъ оказать большую помощь при слѣдующихъ вычисленіяхъ: таковы, на примѣръ, обращеніе простой дроби, съ членами, не превышающими 17, и квадрата ея въ десятичную; выраженіе какой угодно десятичной дроби приближенно простой съ точностью $\frac{1}{100}$; разложеніе числа на сумму двухъ квадратовъ; таблица составныхъ чиселъ до 10,783, имѣющихъ простыхъ дѣлителей выше 13; возвышеніе въ квадратъ чиселъ до 1,000 и извлеченіе квадратнаго корня изъ чиселъ и т. под. Мы думаемъ, что предложенный авторомъ способъ нахожденія тригонометрическихъ функций безъ помощи логарифмовъ имѣетъ большое педагогическое значеніе, такъ какъ учащійся при этомъ гораздо лучше уясняетъ себѣ зависимость между величиной угла и его тригонометрическими функциями. Впослѣдствіи же, когда учащійся напрактикуется въ рѣшеніи задачъ и будетъ свободно обращаться съ таблицей логарифмовъ, для него во многихъ случаяхъ удобнѣе и скорѣе рѣшать тригонометрическія задачи съ помощью послѣдней. Въ заключеніе замѣтимъ, что языкъ руководства нѣсколько сжатъ, и нельзя не пожелать, чтобы нѣкоторыя объясненія были поподробнѣе.

Путешествіе вокругъ свѣта. Э. Р. Циммермана. Для русскаго юношества. 1886 г. Г. Циммерманъ много странствовалъ по земному шару, много видѣлъ и обладаетъ талантомъ для описанія и характеристики явленій природы, произведеній, этнографическихъ особенностей и социальныхъ условій посѣщенныхъ имъ странъ. Изданный имъ въ настоящее время небольшой томъ, предназначенный, какъ гласитъ заглавіе, для просвѣщенія русскаго юношества, пригоденъ и для исполнѣнн взрослыхъ читателей, заключаая въ себѣ на немногихъ страницахъ (177) много любопытныхъ свѣдѣній о различныхъ мѣстностяхъ, разбросанныхъ по лицу земли. Книга г. Циммермана принадлежитъ къ области литературы скорѣе популярной, чѣмъ педагогической.

Центръ тяжести въ изложеніи *Путешествія вокругъ свѣта* лежитъ въ описаніи интересныхъ краевъ Тихаго океана, такъ что заглавіе было бы болѣе вѣрнымъ, если бы авторъ назвалъ свое сочиненіе путешествіемъ въ Австралію и на острова Тихаго океана.

Въ сентябрѣ 1881 года г. Циммерманъ выѣхалъ изъ Москвы въ Венецію, взявъ билетъ отъ агента англійской компаніи пароходства, поддерживающей прямое сообщеніе съ южнымъ материкомъ, и поплылъ по Адриатическому морю. Изъ прибрежныхъ итальянскихъ городовъ описанъ имъ Бриндизи. На третью сутки послѣ выхода изъ этой итальянской гавани русскій путешественникъ увидѣлъ Александрію. Сообщивъ интересныя свѣдѣнія о хамелеонѣ, г. Циммерманъ рассказываетъ свои впечатлѣнія во время переѣзда по желѣзной дорогѣ въ Суэсъ. Поля съ рисомъ, съ сахарнымъ тростникомъ и съ дуррою даютъ ему поводъ поговорить о дуррѣ, этомъ важномъ хлѣбномъ растеніи темнаго материка и объ египетскихъ пахарихъ-феллахъ. Разумѣется, столь наблюдательный туристъ не преминулъ высказаться по поводу финиковой пальмы. Вообще г. Циммерманъ любитъ давать характеристики не только нравовъ, жителей и пейзажей видѣнныхъ имъ странъ, но также популярное и вполне доступное описаніе выдающихся растеній и замѣчательнѣйшихъ животныхъ. Изъ Суэса, по Красному морю, а потомъ по выходѣ изъ Адэнскаго пролива, пароходъ благополучно миновалъ опасный мысъ Гвардафуй, прошелъ въ виду острова Сокоторы и направился по водамъ Индѣйскаго океана на востокъ къ острову Цейлону. Достопримѣчательности этой жемчужины въ вѣнцѣ англійской королевѣ переданы г. Циммерманомъ самыми яркими красками.

Послѣ 35-ти дневнаго плаванія по морямъ и океанамъ, путешественникъ съ удовольствіемъ покинулъ на долгое время пароходъ и прибылъ въ Аделаиду, главный городъ Южной Австраліи. Этой англійской колоніи посвящена цѣлая глава, хорошо знакомящая съ австралійскою природою. За Южною Австраліею слѣдуетъ Викторія съ ея знаменитымъ городомъ Мельбурномъ. Говоря объ этой колоніи, г. Циммерманъ повѣствуетъ о кэнгуру, о динго, объ ехиднѣ и объ утконосѣ. Изъ породы птицъ его заинтересовали лирохвость и эму. Посѣщеніе балларата дало автору возможность распространиться объ австралійскихъ золотыхъ приискахъ. Въ особой главѣ собраны впечатлѣнія изъ путешествія по Вандименовой землѣ и Тасманіи. Оттуда г. Циммерманъ отправился въ Новый Южный Вельсъ. Въ его оживленномъ разказѣ передъ читателемъ проходятъ картины Сиднея и Синихъ горъ. Отпраздновавъ съ жителями австралійской столицы девяносто четвертую годовщину основанія города, русскій путешественникъ поѣхалъ въ дальнѣйшій путь, имѣя въ виду побывать на болѣе населенныхъ островахъ Тихаго океана. Новая Каледонія съ главнымъ поселеніемъ Нумей, Новая Зеландія съ Окландомъ и Гавайскіе острова съ Гонолулу, — вотъ главные пункты, въ которыхъ останавливался г. Циммерманъ между Сиднеемъ и Санъ-Франциско. Въ Новой Каледоніи считаемъ нужнымъ указать на описаніе мангроваго лѣса, французскихъ колоній близъ Паиты; въ Новой Зеландіи дѣвственный лѣсъ и озеро Рото-Магана со знаменитыми фумаролами и гейзерами въ его окрестностяхъ и, наконецъ, на Гавайскихъ островахъ описаніе вулкана Килоаеа, царства богини огня Пелэ. Санъ-Франциско, тихо-океанская дорога, пересѣкающая материкъ Америки отъ Великаго океана до Атлантическаго, Чикаго и Нью-Йоркъ, — всѣ эти достопамятности Сѣверной Аме-

рики занимаютъ сравнительно мало мѣста, но и на нѣсколькихъ страницахъ, отведенныхъ авторомъ Соединеннымъ Штатамъ, читатель встрѣтитъ для себя много интересныхъ и поучительныхъ свѣдѣній.

Мы остановились нѣсколько подробнѣе на небольшой книгѣ г. Циммермана, такъ какъ желаемъ, чтобы наша скудная популярно-научная литература представляла какъ можно чаще произведенія столь прекрасныя, какъ сочиненіе нашего извѣстнаго путешественника. Къ сожалѣнію, такія книги являются у насъ рѣдко и г. Циммерманъ оказалъ бы еще большую услугу, сдѣлавъ менѣе дорогимъ изданіе своего путешествія вокругъ свѣта, исключивъ плохіе рисунки, которые не способствуютъ ни къ украшенію, ни къ поясненію текста.

ИСКУССТВО.

„Биографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей“. А. И. Рубца.—„Популярное изложеніе основныхъ началъ музыкальной теоріи, приспособленное къ самообученію“. А. Ф. Казбирюка.—„Азбука хорового пѣнія съ практическими упражненіями и краткою хрестоматіей“ Д. Н. Соловьева.—„Альбомъ узоровъ русскихъ кружевъ“. А. С. Давыдовой.

Биографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. Составилъ А. И. Рубецъ, профессоръ петербургской консерваторіи. Два обстоятельства заставляютъ насъ обратить вниманіе читателей на тоненькую брошюру (97 страницъ, стоющую, однако, рубль) подъ вышесказаннымъ заглавіемъ: во-первыхъ, титулъ автора; отъ кого же и ждать пособій и учебниковъ по музыкальной части, какъ не отъ профессоровъ консерваторіи, —людей, специально посвятившихъ себя музыкальному дѣлу? Во-вторыхъ, крайняя бѣдность въ какихъ бы то ни было книжкахъ съ цѣлью ознакомленія съ нашими музыкальными дѣятелями также заставляютъ слѣдить за каждою новинкой по этой отрасли и говорить о ней.

Брошюра, о которой идетъ рѣчь, вышла въ свѣтъ надняхъ. Отсутствіе знанія, масса ошибокъ, безграмотное изложеніе (не говоря о корректурныхъ ошибкахъ), пристрастное отношеніе къ своимъ кружковымъ интересамъ и знакомымъ, пропуски о дѣятельности такихъ лицъ, которыя имѣютъ полное право быть помѣщенными въ такомъ лексиконѣ, и, наоборотъ, расписываніе качествъ и заслугъ такихъ, которыя ничего общаго не имѣютъ съ русскимъ искусствомъ, наконецъ, ничтожный объемъ брошюры и высокая ея цѣна заставляютъ рекомендовать эту книжечку (изданіе Битнера) съ отрицательной стороны. Познакомившись съ лексикономъ, читатели могутъ подумать, что г. Пасхаловъ или какой-нибудь г. Эверарди сдѣлали для нашего искусства больше, чѣмъ Рубинштейнъ и Чайковскій, судя по мѣсту, отводимому авторомъ тѣмъ и другимъ. Какъ курьезъ (а ихъ не оберешься въ Лексиконѣ г. Рубца) отмѣтимъ, что „профессоръ консерваторіи“, трагую о такихъ важныхъ нашихъ дѣятеляхъ, какъ Ахтель, Дооръ, Пешкау, Бушекъ, Маллосъ и проч., имя которыхъ легионъ и о которыхъ никто не вѣдаетъ, не упоминаетъ вовсе о такихъ капитальныхъ произведеніяхъ Чайковскаго, какъ *Евгеній Онггинъ* и *Мазепа*. Полное пристрастіе замѣтно въ авторѣ, когда онъ касается малороссовъ: отзывъ о г. Лысенко занимаетъ добрыхъ три страницы, почти столько же, сколько о Глинкѣ.

Популярное изложение основных начал музыкальной теории, приспособленное къ самообученію. Составилъ А. Ѳ. Казбирюкъ. Кіевъ, 1885 г.—Азбука хороваго пѣнія съ практическими упражненіями и краткою хрестоматіей. Составилъ Д. Н. Соловьевъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб., 1886 г. Теорія музыки принадлежитъ къ числу отраслей знанія, наименѣе разработанныхъ научнымъ образомъ. Отчасти это объясняется общеою ей участію съ другими практическими дисциплинами, научная состоятельность которыхъ вообще обусловливается соотвѣтственнымъ развитіемъ чистыхъ наукъ, служащихъ для нихъ опорой. Необходимо, однако, признать, что современное естествознаніе могло бы дать теоріи музыки болѣе прочныя опоры, чѣмъ тѣ, которыя у нея существуютъ въ настоящее время, если бы только музыканты хотѣли ими пользоваться. Между тѣмъ, господствующая теорія музыки представляетъ не болѣе, какъ сборникъ правилъ, добытыхъ ощущеніемъ и чисто эмпирически,—правилъ, не только не сопровождающихся научною проверкой, но нерѣдко даже лишенныхъ и какой-либо попытки научнаго объясненія или доказательства. Все, сдѣланное въ этой сферѣ, пока еще слишкомъ незначительно.

Замѣчаніе это не относится, разумѣется, непосредственно къ составителямъ учебниковъ и руководствъ. Задача учебника состоятъ не въ производствѣ самостоятельныхъ изысканій: обязанность его, стоя на почвѣ уже произведенныхъ изслѣдованій въ данной области, изложить ихъ въ наиболѣе систематичной и доступной для легчайшаго усвоенія формѣ. Такимъ образомъ, указанное обстоятельство невольно заставляетъ уже заранѣе не ждать отъ учебника теоріи музыки сколько-нибудь значительной научной состоятельности.

Неудивительно поэтому, если г. Казбирюкъ, говоря на первыхъ же страницахъ своей книжки о различіи между *музыкальными тонами* и *шумами*, довольствуется лишь такимъ опредѣленіемъ тѣхъ и другихъ, по которому первыми называются звуки, пригодные для музыкальных цѣлей, а послѣдними звуки, непригодные для таковыхъ цѣлей. Такимъ образомъ, г. Казбирюкъ не считаетъ нужнымъ указать, чѣмъ именно обусловливается годность звуковъ для употребленія ихъ въ музыкѣ. Между тѣмъ, изъ того же источника, изъ котораго авторъ почерпнулъ свѣдѣнія о томъ, что *физически* звукъ есть ничто иное, какъ колебанія воздуха, онъ бы могъ узнать также, что равномерныя колебанія даютъ звукъ опредѣленной высоты или тона, а неравномерныя—различные виды неопредѣленнаго шума; само собою разумѣется, что указаніе это нимало бы не помѣшало популярности изложенія. Это уже показываетъ, какой случайный характеръ имѣютъ свѣдѣнія автора въ точныхъ наукахъ.

Точно также, говоря объ элементахъ музыкальнаго сочиненія, онъ насчитываетъ ихъ три: мелодію, гармонію и ритмъ, лишь повторяя въ этомъ отношеніи ошибку другихъ теоретиковъ. Дѣло въ томъ, что мелодія не простѣйшій элементъ музыки, а уже болѣе или менѣе сложная художественная форма, въ свою очередь разложимая на дѣйствительно простѣйшіе элементы—гармонію и ритмъ. Всякая мелодія должна имѣть извѣстную гармоническую основу, а правильность группировки въ ней звуковъ относится къ ритму. Такимъ образомъ, мелодія не можетъ разсматриваться отвлеченно подобно гармоніи и ритму: она, такъ сказать, есть уже синтезъ того и другаго, и если музыкальные

теоретики продолжаютъ, тѣмъ не менѣе, считать ее самостоятельнымъ элементомъ музыки, то это свидѣтельствуеетъ лишь о томъ, что они— часто плохе аналитики.

Но особенная путаница находится въ отдѣлѣ о ритмѣ. Такъ, г. Казбирюкъ причисляетъ къ ритму даже темпъ, чего еще никто не дѣлалъ. Темпъ обуславливается требованіями эстетическими и относится къ ученію о музыкальномъ исполненіи или къ тому, что обыкновенно называется музыкальною фразировкой.

Какъ хорошую сторону учебника надо отмѣтить мысль автора предпослать изложенію чисто-теоретическихъ свѣдѣній описаніе орудій музыкальнаго искусства, начиная съ человѣческаго голоса и кончая различными музыкальными инструментами. Описаніе это сдѣлано ясно и толково, а иногда связано и съ краткими историческими свѣдѣніями. Съ точки зрѣнія системы нововведеніе это, несомнѣнно, удачно, но за то дальше система является совсѣмъ невыдержанной. Такъ, изложеніе гаммъ два раза прерывается, причеъ одинъ изъ перерывовъ сдѣланъ ради ученія объ интервалахъ, тогда какъ раціональнѣе было бы изложить ихъ раньше гаммъ: строеніе гаммъ безъ знанія интерваловъ не можетъ быть вполнѣ понято.

Болѣе удовлетворительное впечатлѣніе сравнительно съ руководствомъ г. Казбирюка производитъ *Азбука хорового пѣнія* г. Соловьева. Въ текстѣ ея авторъ ограничился сообщеніемъ лишь необходимыхъ свѣдѣній для чтенія нотъ, причеъ, видимо, заботился объ ясности изложенія, не претендуя нисколько на оригинальность. Что касается приложенной къ ней *краткой хрестоматіи*, то она состоитъ изъ нѣсколькихъ церковныхъ пѣснопѣній, нѣсколькихъ народныхъ пѣсень (взятыхъ преимущественно изъ *Сборника* Т. И. Филиппова) и нѣсколькихъ оперныхъ нумеровъ. Какъ выборъ, такъ и переложенія (двухъ-голосныя, трехъ-голосныя и четырехъ-голосныя, для однородныхъ хоровъ и для смѣшанныхъ) заслуживаютъ полнаго одобренія.

Странно только, что въ концѣ своего учебника г. Соловьевъ излагаетъ также составъ цифернаго нотописанія, не сопровождая это изложеніе никакими критическими замѣчаніями. Нотное письмо и цифрное настолько своеобразны, что никому, конечно, не придетъ въ голову, чтобы возможно было вести преподаваніе параллельно по обоимъ способамъ. Такимъ образомъ, насколько умѣстно составленіе учебника одного только нотнаго или одного цифернаго музыкальнаго письма, настолько же трудно объяснимо изъ сколько-нибудь раціональныхъ соображеній соединеніе въ одномъ и томъ же руководствѣ обоихъ способовъ безъ всякихъ оговорокъ.

Альбомъ узоровъ русскихъ кружевъ, собранныхъ С. А. Давыдовой, по порученію комиссіи въ 1880—1884 гг. въ губерніяхъ: Тверской, Ярославской, Тульской, Орловской, Нижегородской, Пензенской, Казанской, Вологодской, Вятской и Великомъ Кн. Финляндскомъ. Спб., 1885 г. Альбомъ этотъ остается однимъ изъ памятниковъ *Трудовъ комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи*. Не вдаваясь здѣсь въ оцѣнку всей важности трудовъ означенной комиссіи, мы укажемъ только на ближайшую практическую пользу, которую могутъ принести такіе сборники, какъ лежащій передъ нами *Альбомъ узоровъ*. Многіе города и села Россіи специализировались, такъ сказать, на издѣліи кружевъ, и произведенія ихъ приобрѣли въ послѣднее время

громкую известность и хороший сбытъ, благодаря модѣ. Такъ, кружева вологодскія, елецкія и скопинскія (Рязанской губ.) хорошо распродаются въ столицахъ Россіи и даже вывозятся за границу. До сихъ поръ каждая мѣстность, изстари занимавшаяся плетениемъ кружевъ, держалась только однихъ своихъ образцовъ, переходившихъ изъ рода въ родъ по наслѣдству. Являлся спросъ на известный сортъ кружевъ, и приготовляющая ихъ мѣстность не успѣвала наготовить бойко идущаго товара; издѣлія всѣхъ другихъ мѣстностей не находили себѣ сбыта и падали въ цѣнѣ. Измѣнялась мода и спросъ направлялся въ другую сторону; только что было ожившія кружевницы опять не знали, что дѣлать, а долго голодавшія мастерицы оживали до новаго измѣненія прихотливаго вкуса. Само собою разумѣется, что при такихъ приливахъ и отливахъ спроса кружевной промышленности не представляя никакого прочнаго обезпеченія и наживались отъ него, главнымъ образомъ, только столичные торговцы русскими кружевами. Съ опубликованіемъ такихъ сборниковъ узоровъ, какъ лежащій передъ нами, елецкія кружевницы получаютъ возможность, по первому требованію моды, переставить свои булавки и коклюшки на спрашиваемые образцы и продолжать работу безъ перерывовъ, безъ періодическихъ застоевъ и соединенныхъ съ ними голодовокъ. Выбѣсть съ тѣмъ, и кружевной рынокъ не будетъ никогда поставленъ въ затрудненіе удовлетворить спросъ, какъ бы великъ онъ ни былъ. Кружевницы, въ которыхъ мы обращались за оцѣнкою достоинства узоровъ, собранныхъ г-жею Давыдовой, отзывались о нихъ единогласно съ полною похвалою. Вообще, насколько мы могли узнать, кружевной промышленности въ Россіи, при постоянной работѣ, даетъ нашимъ кружевницамъ болѣе зароботокъ, чѣмъ тотъ, который получаютъ мастерицы, изготовляющія за границей самые дорогіе сорта кружевъ. *Альбомъ узоровъ* г-жи Давыдовой состоитъ изъ 36 большихъ таблицъ съ 96 образцами самыхъ разнообразныхъ кружевъ. Мы полагаемъ, что города и земства тѣхъ мѣстностей, гдѣ есть хотя въ зародышѣ кустарное производство кружевъ, оказали бы добрую услугу населенію, принявши на себя трудъ ознакомленія кружевницъ съ *Альбомомъ* г-жи Давыдовой. Стоить онъ всего 50 копѣекъ и съ требованіями о высылкѣ его можно обращаться въ земскій музей кустарной промышленности въ Москвѣ, на Знаменѣ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, июнь.—„Сѣверный Вѣстникъ“, апрѣль и май.

Вѣстникъ Европы, июнь. Продолженіе статьи Д. А. Корсакова: *Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ. (Матеріалы для біографіи изъ семейной переписки и воспоминаній)* обнимаетъ собою 1834—1842 г., т.-е. годы студенчества въ Москвѣ и годъ жизни К. Д. Кавелина въ Петербургѣ на службѣ въ министерствѣ юстиціи. Эта часть *Матеріаловъ для біографіи* представляетъ большой интересъ; въ ней уже опредѣляется будущее направленіе высокоталантливаго ученаго и необыкновенно привлекательнаго человѣка и выясняются обстоятельства, благотворно вліявшія на богато одаренную натуру молодого человѣка и способствовавшія его развитію въ известномъ направленіи. Однимъ изъ учителей, готовившихъ Кавелина къ вступительному экзамену въ университетъ, былъ Виссаріонъ Григорьевичъ Вѣлинскій, „какъ разъ въ это

время дебютировавшій на поприщѣ журнальной критики талантливою статьей *Литературная мечтація*, названной имъ *Элегией въ прозѣ*, появившейся въ мало-распространенной газетѣ *Молва*, которая выходила въ видѣ прибавленія къ журналу Надеждина *Телескопъ*⁴. Преподавателемъ Бѣлинскій былъ плохимъ. „Но насколько онъ былъ плохой педагогъ, мало знающій предметъ, которому училъ,—говорить о немъ Кавелинъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—настолько онъ благотворно дѣйствовалъ на меня возбужденіемъ умственной дѣятельности, умственныхъ интересовъ, уваженія и любви къ знанію и нравственнымъ принципамъ. Мы занимались съ нимъ больше разговорами, въ которыхъ не было ничего педагогическаго въ школьномъ смыслѣ, и я только по счастливой случайности не провалился на экзаменѣ; но эти разговоры оставили во мнѣ гораздо больше, чѣмъ детальное и аккуратное знаніе учебника и руководства“... „Для юноши эта среда (въ которой жилъ и вращался Кавелинъ) была зараза, и тѣ, которые въ ней не оплошѣли и изъ нея выдрались, были обязаны, подобно мнѣ, тѣмъ струйкамъ свѣта, которыя контрабандой врывались черезъ Бѣлинскаго и ему подобныхъ въ эту тину и болото“: Въ университетѣ Кавелинъ вступилъ въ счастливое время его обновленія подъ попечительствомъ графа Сергѣя Григорьевича Строганова. „Имя его,—говорить г. Корсаковъ,—неразрывно связано съ исторіей Московскаго университета, самая блестящая пора котораго (1835—1847 гг.) по справедливости носить названіе „Строгановской“. Молодые люди этого времени явились потомъ „главными участниками московскихъ литературныхъ кружковъ, вырабатывавшихъ русское общественное сознаніе, среди которыхъ еще въ тридцатыхъ годахъ стали намѣчаться два противоположныя философско-политическія воззрѣнія, получившія черезъ нѣсколько лѣтъ наименованія: *западниковъ* и *славянофиловъ*“. Рядомъ съ вліяніемъ на студентовъ молодыхъ профессоровъ, докончившихъ свое образованіе въ Германіи, и московскихъ литературныхъ кружковъ того времени біографъ Кавелина ставитъ и вліяніе тогдашняго московскаго общества, группировавшагося у такихъ центровъ, каковымъ былъ домъ Елагиныхъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. „Во главѣ этой семьи стояла одна изъ замѣчательнѣйшихъ по уму, образованію и характеру русскихъ женщинъ—Авдотья Петровна Елагина, рожденная Юшкова“, по первому мужу Кирѣевская, мать „извѣстныхъ корифеевъ такъ называемаго славянофильскаго направленія—Ивана Васильевича и Петра Васильевича Кирѣевскихъ“.

Вотъ какъ воспоминаетъ объ этомъ домѣ К. Д. Кавелинъ въ написанномъ имъ некрологѣ А. П. Елагиной,—мы позволимъ себѣ сдѣлать тутъ довольно большую выдержку, въ виду важнаго значенія, которое мы придаемъ въ данномъ случаѣ мнѣніямъ Кавелина, высказаннымъ въ 1877 г. *) (А. П. Елагина скончалась 10 іюня 1877 г., на 89 г. отъ рожденія): „Съ тридцатыхъ годовъ и до новаго царствованія домъ и салонъ Авдотьи Петровны были однимъ изъ наиболѣе любимыхъ и посѣщаемыхъ средоточій русскихъ литературныхъ и научныхъ дѣятелей. Все, что было въ Москвѣ интеллигентнаго, просвѣщеннаго и талантливаго, стѣзжалось сюда по воскресеньямъ. Прїѣзжавшія въ Москву знаменитости, русскіе и иностранцы, являлись въ салонъ Елагиныхъ.

**) *Сверный Вѣстникъ*, газета, издававшаяся В. О. Коршемъ, 1877 годъ, №№ 68 и 69.

Въ немъ преобладало славянофильское направленіе, но это не мѣшало постоянно посѣщать вечера Елагинныхъ людямъ самыхъ различныхъ возрѣній, до тѣхъ поръ, пока литературныя партіи не раздѣлились на два непріязненныхъ лагера—славянофиловъ и западниковъ, что случилось въ половинѣ сороковыхъ годовъ. Блестящіе московскіе салоны и кружки того времени служили выраженіемъ господствовавшихъ въ русской интеллигенціи литературныхъ направленій, научныхъ и философскихъ взглядовъ. Это извѣстно всѣмъ и каждому. Менѣе извѣстны, но не менѣе важны были значеніе и роль этихъ кружковъ и салоновъ въ другомъ отношеніи, именно какъ школа для начинающихъ молодыхъ людей: здѣсь они воспитывались и приготавливались къ послѣдующей литературной и научной дѣятельности. Вводимые въ замѣчательно образованныя семейства добротой и радушіемъ хозяевъ, юноши, только что сошедшіе со студенческой скамейки, получали доступъ въ лучшее общество, гдѣ имъ было хорошо и свободно, благодаря удивительной простотѣ и непринужденности, царившей въ домѣ и на вечерахъ. Здѣсь они встрѣчались и знакомились со всѣмъ, что тогда было выдающагося въ русской литературѣ и наукѣ, прислушивались къ спорамъ и мнѣніямъ, сами принимали въ нихъ участіе и мало-по-малу укрѣплялись въ любви къ литературнымъ и научнымъ занятіямъ "... „Пишущій эти строки (К. Д. Кавелинъ) испыталъ на себѣ всю обаятельную прелесть и все благотворное вліяніе этой среды въ золотые дни студенчества; ей онъ обязанъ направленіемъ всей своей послѣдующей жизни и лучшими воспоминаніями"... „Такою же благодатною средой былъ для насъ салонъ Свербеевыхъ, отрывшійся, кажется, нѣсколько позднѣе, чѣмъ у Авдоты Петровны. Въ сороковыхъ годахъ онъ уже былъ въ полномъ блескѣ. Теперь не слышно болѣе о такихъ салонахъ, и оттого теперь молодымъ людямъ труднѣе воспитываться къ интеллигентной жизни, чѣмъ было намъ, когда мы начинали жить. Разрозненность, одиночество, недостатокъ живаго, материнскаго участія просвѣщенныхъ женщинъ, недостатокъ непосредственнаго общенія и связи между старымъ и новымъ мыслящими поколѣніями, быть можетъ, болѣе всего объясняютъ болѣзненность, раздражительность, сердечную отчужденность, составляющія обычныя свойства и характерную черту выдающихся умовъ и талантовъ новаго поколѣнія, идущаго на смѣну нашему. Время, которое взваливается на интеллигенцію всею обстановкой русской дѣйствительности, еще кое-какъ выносятся при соединеніи силъ, но оно тяжело давитъ лучшихъ людей по одиночкѣ". Девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти искренно прочувствованныя и глубоко правдивыя слова, и жизнь московскаго общества, а съ нею и положеніе образованной молодежи стали еще безотраднѣе, чѣмъ были тогда, когда Кавелинъ такъ сердечно вспоминалъ прошлое своей молодости. О такихъ „салонахъ“, какъ Елагинскій и Свербеевскій, утратились даже воспоминанія; о такихъ кружкахъ, о которыхъ вспоминалъ Кавелинъ, теперешняя молодежь и понятія не имѣетъ, и мечтаетъ не дерзаетъ... „Разрозненность, одиночество"... отсутствіе живаго, „непосредственнаго общенія и связи между старымъ и новымъ мыслящими поколѣніями"... полная отчужденность всѣхъ отъ cadaго и cadaго отъ всѣхъ... Виновата ли молодое поколѣніе, если оно бродитъ безъ пути-дороги и попадаетъ не туда, куда бы привели его лучшіе умы своимъ совокупнымъ вліяніемъ, куда бы направила его разумная жизнь въ образованномъ, высоко развитомъ умственномъ об-

„Ты говоришь, что я непостояненъ, т.-е. желалъ вонъ изъ Москвы, а когда уѣхалъ, то хочу опять въ Москву. Это не совсѣмъ такъ. Видишь ли въ чемъ дѣло. Не будь въ Москвѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя толкали меня оттуда по шеемъ, я бы никогда ее не оставилъ“... „Я бѣжалъ, ты сама слишкомъ хорошо знаешь, отъ чего. Теперь я поставленъ въ ужасную alternative. Съ одной стороны, Петербургъ, служба мнѣ противны; съ другой — сердце такъ и танеть въ Москву; но тотчасъ же представляется, что меня тамъ ждало бы, если бы я возымѣлъ нелѣпую мысль возвратиться въ нее теперь же. Это противорѣчіе, изъ котораго нѣтъ выхода, и убиваетъ меня“... Здѣсь Константинъ Дмитриевичъ прямо указываетъ на требованія родителей, вынудившихъ его на время отказаться отъ ученой дѣятельности. Въ письмѣ отъ 27 сентября того же года онъ „строить воздушные замки“, но его собственному выраженію, мечтаетъ о томъ, какъ поѣдетъ за границу, когда у него „будутъ развязаны руки“ и онъ будетъ „свободенъ располагать своею судьбой“, какъ онъ сдастъ экзаменъ на доктора правъ и сдѣлается профессоромъ... „Сообщи мнѣ, пожалуйста, дорогая Sophie, — пишетъ онъ дальше, — точныя подробности относительно здоровья и расположенія духа маменьки; суда по письмамъ багюшки и Павла, нравъ ея становится все невыносимѣе. И вотъ она сама, добровольно, портитъ себѣ существованіе, потому что, въ концѣ-концовъ, чего теперь не достаетъ для счастья маменьки? Но она дѣлаетъ все, что только возможно, чтобы устроить себѣ несчастную жизнь и стѣснить волю ее окружающихъ“. Вотъ начало письма къ сестрѣ отъ 29 декабря 42 года: „Меня подвинули по службѣ. Къ чему это послужить — не знаю; но будь, что будетъ. Благодарю тебя за утѣшенія, которыми ты хочешь убавлять мои желанія и раззолотить пилюлю, поднесенную мнѣ не совсѣмъ искусно; вѣмъ — ты знаешь. Мнѣ ужъ стыдно и жалко бы довольствоваться побрякушками, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи. Я все вижу и понимаю очень ясно и теперь уже не стану тревожить никого пустыми просьбами, изъ одного уваженія къ самому себѣ; я не хочу доставить удовольствія опять сдѣлаться больнымъ, падать въ обмороки и писать грозныя, трагическія письма. Даже невинное и мягкосердечное удовольствіе видѣть и слышать мольбы и послѣ долгаго упорства милосердно дозволить и изъяснить свое согласіе — и это даже я не уступлю никому. Люди не стоятъ того, чтобы имъ приносилась въ жертву лучшая часть нашей души и нашего сердца. Какъ неистовые слѣпорожденные, они все даютъ и топчуть подъ ногами, что имъ ни попадетъ. Но объ этомъ довольно; я, можетъ быть, сказалъ больше, чѣмъ хотѣлъ и долженъ былъ сказать“. Во всякомъ случаѣ, то, что сказалъ въ цитированныхъ нами письмахъ К. Д. Кавелинъ, представляется намъ весьма характернымъ и существеннымъ для его біографіи: ни предстоявшая Кавелину блестящая чиновничья карьера, ни своеправное упорство его матери, причинявшее ему такъ много непріятнаго, что онъ въ правѣ былъ почитать себя несчастнымъ, ни противодѣйствіе отца не въ силахъ были побѣдить въ немъ стремленія къ наукѣ, къ профессорству. Въ томъ же письмѣ отъ 29 декабря у К. Д. Кавелина вырываются очень горькія слова, очевидно, вымученныя изъ его души неблагоприятными семейными обстоятельствами. „Оторванный отъ дѣли своей милосердіемъ судьбы, — говоритъ онъ, — и добродушіемъ людей, принимающихъ нѣжное участіе въ моей судьбѣ и вмѣшивающихся не въ свое дѣло, я сижу

у моря и жду погоды; если до того времени теперешняя моя жизнь не исковеркаетъ меня совершенно и останется во мнѣ хоть одно воспоминаніе прошедшаго, я ворочусь; если нѣтъ, то брошусь опростетью въ омутъ, въ которомъ пропало столько и столько людей"... Тутъ уже слышится настоящій вопль отчаянія. Кавелинъ не выдержалъ и въ началѣ 1843 года поѣхалъ самъ въ Москву, чтобы лично убѣдить мать, „что она его губить, заставляя противъ воли служить въ Петербургѣ, что настоящая его карьера—это наука и профессорская кафедра. Ему удалось это, наконецъ: Шарлота Ивановна уступила настоятельнымъ мольбамъ сына, и онъ вернулся въ Петербургъ успокоеннымъ“.

Въ это время (въ 1843 г.) въ Петербургѣ около Бѣлинскаго группировался кружокъ начинающихъ писателей и образованныхъ молодыхъ людей, въ которому и примкнулъ К. Д. Кавелинъ. Члены этого кружка были: Н. Н. Тютчевъ, Кульчицкій, Ив. Ив. Панаевъ, И. С. Тургеневъ, В. П. Боткинъ (пріѣзжавшій изъ Москвы), М. А. Языковъ и И. И. Масловъ. Мы считаемъ не лишнимъ привести небольшой отрывокъ, посвященный этому кружку К. Д. Кавелинымъ въ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ: „Какъ мы проводили время и что происходило въ нашемъ капелльномъ кружкѣ, это легко представить себѣ всякій, кто знакомъ хоть по наслышкѣ съ молодыми литературными кружками 30 и 40 годовъ. Аристократическимъ изяществомъ людей съ достаткомъ всё мы, кромя Панаева и Тургенева, не отличались. Аристократическіе салоны и литературные тузы были намъ извѣстны только по имени. Но весело намъ было очень, насколько можно было веселиться при отвратительной тогдашней обстановкѣ сверху и кругомъ. Каждый литературный кружокъ, въ томъ числѣ и нашъ, былъ тогда похожъ на секту, въ которую новые члены принимались трудно, по испытанію и рекомендаціи. Мы мечтали о лучшемъ будущемъ, не формулируя положительно, какимъ оно должно быть, жадно собирали всё анекдоты, слухи и рассказы, изъ которыхъ прямо или косвенно слѣдовало (или должно было слѣдовать), что апокалипсическій звѣрь недолго провоевоствуетъ, также жадно и зорко слѣдили за всякимъ проявленіемъ въ словѣ или печати мыслей и стремленій, которыми были преисполнены"... „Взаимныя отношенія членовъ кружка были самыя дружескія, тѣсныя, интимныя. Камертонъ имъ давалъ Бѣлинскій. Шуткамъ и остроуміямъ, часто очень неостроумнымъ, не было конца. Запѣвалой былъ почти всегда Бѣлинскій"... „Споры и серьезные разговоры не велись методически, а всегда перемежались и смѣшивались съ остротами и шутками“.

Кавелинъ кончилъ свою магистерскую диссертацию и отправилъ ее въ Москву. Но уже въ маѣ 1843 г. въ письмѣ къ сестрѣ жалуется, что „Строгановъ тянетъ дѣло и затягиваетъ въ долгій ящикъ“. Въ сентябрѣ (письмо отъ 13 числа) онъ уже выражаетъ мало надежды на успѣшность своего дѣла въ Москвѣ. Въ концѣ 43 года Кавелинъ уѣзжаетъ въ Москву для разъясненія мучащихъ его недоразумѣній и оставляетъ на этотъ разъ Петербургъ „съ такимъ же сожалѣніемъ, съ какимъ оставлялъ Москву, чтобы переѣхать въ Петербургъ"... „Къ кружку Бѣлинскаго я привязался всею душой“, — пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ. Къ продолженію этой крайне интересной статьи мы вернемся въ слѣдующей книжкѣ.

Въ майской и іюньской книжкахъ *Вѣстника Европы* напечатать

рассказъ П. Д. Боборыкина: *Безвѣстная*. Фабула рассказа немудрая, но написанъ онъ съ обыкновенною бойкостью г. Боборыкина, въ данномъ случаѣ довольно, впрочемъ, умѣренной, и читается легко. Вотъ содержаніе рассказа. Жила-была въ Петербургѣ *безвѣстная* повивальная бабка Марья Трофимовна Евсѣева, двѣца лѣтъ сорока, которую всѣ почему-то считали вдовой. Жила она очень бѣдно, въ практикѣ ей не везло, т. е. не везло въ качественномъ отношеніи, а не въ количественномъ, такъ какъ отъ практики по подваламъ, чуланамъ и угламъ отбоя не было; но съ такой практики Евсѣева приносила домой на хорошій конецъ полтинникъ, а то и ничего не приносила, бывало и такъ, что нерѣдко сама же тащила изъ дома что могла несчастной, у которой не было ни щепотки чаю, ни куска сахару. Разъ съ такой практики Евсѣева привела съ собою семилѣтняго мальчика и девятилѣтнюю дѣвочку, оставшихся послѣ вдовы-чиновницы, умершей родами въ крайней нищетѣ. Мальчику она охлопотала помѣщеніе въ пріютъ, дѣвочку оставила у себя, привязалась къ ней. „Всегда она любила дѣтей,—говоритъ авторъ.—Дѣвичья доля,—перевалило ей уже за тридцать,—стала тяготить ее, хотѣлось привязанности, цѣли, для кого-нибудь жить, о комъ-нибудь безпрестанно думать, на кого-нибудь дышать“. Помѣстила Евсѣева свою пріемную дочку въ гимназію, изъ послѣдняго биласа, платила, одѣвала. Маруся была хорошенкая; у нея оказался голосокъ, способность къ музыкѣ. Охлопотала Евсѣева ей бесплатные уроки въ одной музыкальной школѣ, только мало радости видѣла отъ своей воспитанницы, грубитъ или дуется, чванлива, лгать рано начала, франтовата и требовательна, о себѣ много возмечтала, что артисткой будетъ, въ оперу поступитъ на огромное жалованье, а сама учится плохо и, наконецъ, совсѣмъ бросила въ семнадцать лѣтъ. Пришла Маруся разъ къ своей названной мамашѣ и заявила, что долше оставаться въ гимназіи не желаетъ и поступаетъ въ оперетку, добрый человѣкъ нашелся, знаменитый баритонъ, Бобровъ, беретса устроить ей ангажементъ въ Москву въ садъ „Эрмитажъ“. Такъ и обмерла Марья Трофимовна: „погибнетъ... погибнетъ дѣвочка... если только уже не погибла!...“ Но приласкалась къ ней Маруся, и Евсѣева сама же ее собрала и проводила на желѣзную дорогу. Тутъ очень хорошъ вводный эпизодъ, посѣщеніе Марьей Трофимовной пріятельницы, акушерки Переверзевой, которой все въ жизни улыбалось: и богатая практика, и семейное счастье. „Живутъ они какъ мужъ съ женой; но на разныхъ квартирахъ, въ одномъ домѣ. Онъ служить въ банкѣ, хорошее мѣсто занимаетъ. И оба такіе веселые, все смѣются, да подцѣвуютъ, здоровые; она хоть старше его, а кажется ровесницей“... и любятъ другъ друга, сердце на нихъ радуется. Евсѣева зашла къ пріятельницѣ въ минуту страшной тревоги за участь Маруси,—съ годъ она не была у Переверзевой,—пришла душу вылить, горемъ и тревогой подѣлиться. А на той на самой лица нѣтъ. „Что съ вами? Что случилось?“ Женится ея Леонидъ... любить, души не чаешь въ молодой женѣ... И несчастье Переверзевой такъ тронуло, взволновало доброе сердце Марьи Трофимовны, показалось ей настолько превосходящимъ ея собственное горе, что она не заикнулась даже о немъ. Маруся уѣхала въ Москву, писала два-три письма, да и замолкла. Не выдержала Евсѣева, распродала свои скудные позитки, выручила девяносто рублей и поѣхала тоже въ Москву,—все-таки, поближе къ дѣвочкѣ, спасти ее, если еще не поздно, помочь, выручить, не дать

погибнуть окончательно. Послѣ разныхъ мытарствъ и тревоженій Марья Трофимовна находить-таки свою Марусю. Она въ „Эрмитажѣ“, „въ пажахъ“ служить; Бобровъ, какъ и слѣдовало ожидать, ее бросилъ. Теперь она съ какимъ-то „комикомъ“ путается“. Ей уже нѣтъ возврата; Маруся стала настоящею эрмитажною дамою, изъ сословія „пажей“. Возврата нѣтъ, но что же дѣлать, таково уже положеніе „этихъ артистокъ“,—разсуждаетъ Евсѣева и, опять разнѣженная ласкою „своей дѣвочки“, помогаетъ ей своими скудными грошами, „до полученія задатка на новый ангажементъ въ провинцію“, и переѣзжаетъ къ ней на квартиру. Въ одно прекрасное утро Евсѣева просыпается, а Маруси и слѣдъ простылъ, уѣхала неизвѣстно куда съ своимъ „комикомъ“, не расплатившись съ хозяиномъ и оставивши ему въ обезпеченіе уплаты „маману“ съ ея пожитками. Хозяинъ пожитки отобралъ, а Евсѣеву выгналъ на улицу. Марья Трофимовна такъ убита всѣмъ случившимся, что и не подумала сопротивляться, не все ли ей равно теперь, куда идти и что съ ней будетъ? Просидѣла она до поздней ночи на бульварѣ. Подошелъ какой-то нищій-попрошайка офицеръ, сталъ просить подаванія, разжалобилъ... Кстати тутъ же припомнилась и первая любовь; тотъ былъ тоже офицеръ, тоже замотался, выгнали изъ полка, спился потомъ... Гдѣ-то онъ?... Марья Трофимовна опустила руку въ карманъ и отдала нищему что подъ руку попалось, два двугривенныхъ, а сама осталась съ тремя мѣдными пятаками. Куда дѣваться? Попрошайка-офицеръ говорилъ о ночлежныхъ домахъ на Хитровомъ рынкѣ, говорилъ про „Лалинку“, куда даромъ пускаютъ. И вотъ Евсѣева на Хитровомъ рынкѣ; „Лалинка“ заперта, поздно. Евсѣева зашла къ содержательницѣ ночлежныхъ „коекъ“, заплатила два пятака и уснула, раздумывая о томъ, какъ бы хорошо было хоть въ часть попасть за безпаспортность, такъ какъ ея паспортъ остался въ сакъ-вояжѣ, отобранномъ хозяиномъ Марусиной квартиры. На развѣтъ ее разбудилъ шумъ; привычнымъ ухомъ она различила женскіе стоны и поняла, въ чемъ дѣло. Сна какъ не бывало: „Все такъ стало просто и хорошо, попрежнему“... Марья Трофимовна живо вскочила „и начала дѣйствовать“. „Все сегодняшнее вылетѣло изъ нея,— поясняетъ авторъ. — Не сходила ли она временно съ ума? Что такое она думала, что говорила про себя, какъ могла впасть въ такую отчаянность? Вотъ ей дѣло... Вотъ она судьба, вотъ назначеніе, все то же... И здѣсь, и въ ночлежной квартирѣ не ушла она отъ своей звѣзды... И такая внезапная и могучая радость охватила ее, что она не испытывала ни малѣйшей робости“... Нужно теплой воды; даромъ не дадутъ. Евсѣева вспоминаетъ, что у нея осталась одна монетка... „Вотъ, хозяйшка, семитка!“—восклицаетъ радостно Марья Трофимовна и отдаетъ свою послѣднюю „семитку“. Родился мальчикъ.

„— Ты, голубчикъ, въ воспитательный дитя-то свезти хочешь?“—обратилась Евсѣева къ матери.

„— Куды еще... Не знаю я...“

„— Да куда же инъ?—окигнула ее сѣмщица черезъ всю комнату.“

„— Я возьму!—вырвалось у Марьи Трофимовны звонко, радостно.“

„Всѣ притихли, какъ передъ приходомъ полиціи, а это былъ часъ сборовъ“.

„— Да, да!—говорила Евсѣева, качая ребенка.—Выкормимъ тебя, бутузъ, кормилку возьмемъ!“—И ее наполняла увѣренность, что все бу-

детъ такъ, какъ она говоритъ; и вывернется она, напишетъ сейчасъ Переверзевой. Какъ она о ней не подумала! Та ее возьметъ къ себѣ въ помощницы и пришлетъ сюда „бѣлую“ ассигнацію; заберетъ она этого „бутуза“, подыщетъ кормилку и станетъ съ нимъ нанячиться еще сильнѣе, чѣмъ нанячилась съ Марусей... И Маруса прибѣжитъ... У нея тоже можетъ быть ребенокъ, какъ и у этой побирושки... Она и его приметъ, и повивать будетъ, и выведетъ въ люди!.. Чего же ей? И такъ пойдетъ до самой смерти, до послѣдняго издыханія... Утро заглянуло въ окно ночлежной и обволокло свѣтлою пеленой и бабушку-повивалку, и ея пріемнаго сына“.

Какъ видитъ читатель, рассказъ далеко не изъ „важныхъ“; но мы остановились на немъ потому, что отъ него вѣетъ здоровымъ, бодрымъ духомъ, дающимъ силу жить при самыхъ удручающихъ обстоятельствахъ. Евсѣева и Переверзева живыя лица, очень симпатичныя своею типичностью, въ которой сказывается вліяніе идей шестидесятыхъ годовъ. Въ нихъ въ обѣихъ жива вѣра въ себя, въ людей и въ жизнь, стремленіе жить и давать жить во что бы то ни стало. У обѣихъ жизнь отняла все, что онѣ любили, что составляло „смыслъ ихъ жизни“; судьба сдѣлала все, что только можно сдѣлать, чтобы разбить сердце женщины: у одной отняла, опозорила и загубила любимое дитя, у другой вырвала любимаго человѣка, которому та отдала всѣ свои лучшія чувства, и ни та, ни другая не утратили своей вѣры. Одна одишеенька, въ чужомъ, незнакомомъ городѣ, безъ кофѣйки денегъ, не имѣя ничего, кромѣ одного платья на плечахъ, безъ паспорта, найдя пристанище въ ночлежномъ домѣ на Хитровомъ рынкѣ, Евсѣева съ непоколебимою вѣрой беретъ чужаго ребенка, дитя какой-то нищей „потаслушки“, и смѣло говоритъ: „воспитаю, кормилку возьму“... и у Маруси, которая всякимъ зломъ заплатила ей за благодѣянія, можетъ тоже быть ребенокъ, — „и его возьму и въ люди выведу“. Переверзева пришлетъ денегъ, къ себѣ возьметъ и ее, и „ея ребенка“, подобранаго въ грязи улицы, и воспитать поможетъ: непременно пришлетъ и все сдѣлаетъ, что ждетъ отъ нея Евсѣева. Не можетъ она не сдѣлать этого: она живой человѣкъ, свято сохранившій въ душѣ завѣтъ того времени, когда люди перестали было говорить: „каждый за себя“ и начали было говорить: „каждый за всѣхъ и всѣ за cadaго“, когда люди не только говорили такъ, но и твердо вѣрили, что такъ и быть должно, что такъ и будетъ, — и настоялко крѣпка была ихъ вѣра, что никакія разочарованія, никакія доказательства противнаго не въ состояніи уничтожить ихъ спасительной вѣры.

Съ какимъ удовольствіемъ мы прочли рассказъ П. Д. Боборыкина, съ такимъ же неприятнымъ чувствомъ и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ вынуждены указать на рассказъ Т. А. Кузминской, озаглавленный: *Бѣшеный волкъ. Истинное происшествіе*. Суть „пронсшествія“ заключается въ томъ, что забѣжалъ въ поселокъ бѣшенный волкъ и искусалъ нѣсколько человѣкъ. Волка убили, а больныхъ отправили въ больницу. Тамъ ихъ немного подержали и распустили по домамъ. Искусанные волкомъ дворничиха съ сыномъ обратились къ заговорщику-знахарю; другіе стали лечиться травами у бабки-заговорщицы. Послѣдніе всѣ сбѣсились и померли, а дворничиха съ сыномъ выздоровѣли. На томъ и конецъ „истинному происшествію“. Спорить о томъ, что оно „истинное“, никто, конечно, не станетъ, какъ и о томъ, вѣроятно, что въ этомъ „пронсшествіи“, при всей его истинности, нѣтъ

ровно никакого смысла. Надо отдать справедливость г-жѣ Кузминской: рассказала она про выдуманную *Бабью долю* (*Вѣстникъ Европы* 1886 г., апрѣль) и вышло замѣчательно плохо, попробовала рассказать *Истинное происшествіе*—оказалось еще хуже. Ничего тутъ не подѣлаешь, коли Богъ не далъ ни искры таланта.

Въ статьѣ *Межевые обряды прежнихъ временъ* (очеркъ изъ сравнительной исторіи культуры) М. И. Кумишеръ передаетъ о томъ, что въ старые годы, когда границы владѣній опредѣлялись урочищами, могилами, курганами, деревьями и т. под., отъ времени до времени производился обходъ границъ „стариками“ и „понатыми“ людьми въ сопровожденіи подростковъ, которыхъ на урочищахъ „сѣкли для памяти“, дабы въ свое время они могли свидѣтельствовать о границахъ и, въ свою очередь, тѣмъ же способомъ укрѣплять въ памяти подрастающихъ поколѣній подлинность владѣній. Авторъ указываетъ на древность такого „обряда“, на его существованіе у нѣкоторыхъ народовъ Запада, на его происхожденіе и на связь его съ бывшими когда-то кровавыми боями при спорахъ о границахъ.

А. Н. Пыпинъ въ статьѣ *До-петровское преданіе въ XVIII вѣкѣ* (съ подзаголовкомъ: *Старина въ нравахъ и бытовыхъ понятіяхъ*) возвращается къ старому спору западниковъ съ славянофилами о значеніи и размѣрахъ петровскихъ преобразованій, „ломки“ имъ всего стараго. Авторъ доказываетъ, во-первыхъ, что „ломка“ была далеко не такою всезахватывающей, какъ это стало „казаться“ потомъ людямъ, недовольнымъ новшествами; во-вторыхъ, что „старина“ XVII вѣка не только пережила „ломку“, а сама петровская реформа „очень часто прилаживалась къ старому обычаю, къ привычнымъ понятіямъ“; въ-третьихъ, что „старина“ совсѣмъ не такъ была привлекательна, какъ это старались выставить люди, звавшіе насъ „домой“, т.-е. къ этой старинѣ, яко бы блиставшей „чистотою нравовъ“ и „добродѣтелями нашихъ предковъ“. По адресу нашихъ такъ называемыхъ *народниковъ* г. Пыпинъ говоритъ: „Въ народной массѣ (у насъ, какъ и вездѣ) старина держится всего прочнѣе не потому, чтобы народъ былъ одаренъ особо мистическою силою, какую у насъ ему приписываютъ, странно исключая изъ него тотъ кругъ людей, который успѣлъ и успѣваетъ пріобрѣсти извѣстную долю образованія и сознанія, а просто потому“, что народъ стоитъ далеко отъ культурнаго воздѣйствія. Старина, — продолжаетъ авторъ, — кромѣ народной массы очень долго и крѣпко держалась въ слоѣ купеческомъ „не потому, чтобы купечество (напримѣръ, Киты Китычи) хранило упомянутую мистическую силу“, а по лѣни и косности этого класса, которая и привелъ къ тому, что „иностранныя торговля Россіи, какъ было въ московской Руси, до нашихъ дней оказалась въ рукахъ иностранцевъ“. Въ другомъ мѣстѣ, возвращаясь опять къ купечеству, какъ вѣрному хранителю старины и преданій предковъ, авторъ говоритъ, что классъ этотъ, оставаясь „не оторваннымъ отъ своего народа“, подобно дворянству, ровно ничего не далъ своему народу; „присутствіе этого класса, вѣрнаго старинѣ, не отразилось въ жизни и въ литературѣ какимъ-нибудь противовѣсомъ тому злокачественному направленію, какое приписывается дворянскому сословію. Купеческій классъ положительно отсутствуетъ въ умственномъ процессѣ прошлаго вѣка“. Далѣе авторъ многими примѣрами доказываетъ, что и дворянство XVIII вѣка приняло только внѣшній видъ западно-европейцевъ, въ нравахъ же и обычаяхъ почти ничѣмъ

не отличалось отъ своихъ предковъ XVII вѣка. Дворяне, „по старинѣ“, безобразничали, колотили своихъ женъ и дѣтей, дѣлали разбойничьи наѣзды на сосѣдей, въ домашней жизни и въ донятіяхъ держались той же старины, лишь прикрытой новымъ одѣяніемъ и кое-какими внѣшними признаками заимствованной культуры. „Однимъ словомъ,—говорить г. Пыпинъ,—XVIII вѣкъ, который, съ точки зрѣнія первыхъ горячихъ поклонниковъ Петра, пораженныхъ величіемъ его личности, и съ точки зрѣнія позднѣйшихъ историковъ... представляется вѣкомъ переворота и вѣкомъ ломки, для большинства ближайшихъ современниковъ, людей простыхъ, не могъ имѣть этого рѣзкаго характера“. Несмотря на всѣ доводы автора, большинство читателей останется, —мы думаемъ,—при прежнемъ взглядѣ на петровскія реформы, т.-е. при убѣжденіи, что „ломка“ была весьма капитальная и перестройка государственнаго зданія была задумана и начата всеобщая. Само собою разумѣется, что матеріалъ при этой перестройкѣ оставался старый и всѣ послѣдствія „ломки“ обнаружилась не сразу и даже не скоро. Въ новомъ зданіи остались старые жильцы, правда, въ новыхъ костюмахъ, при обилии свѣта и притока свѣжаго воздуха, но со всѣми привычками, укоренившимися многими предшествовавшими вѣками, а не однимъ XVII вѣкомъ. Реформа принесла съ Запада много хорошаго, но принесла съ собою и все дурное, что было на Западѣ; „ломка“ уничтожила много своего негоднаго, но уничтожила и много своего хорошаго. Все это дѣлалось слишкомъ наскоро,—быть можетъ, и не могло иначе дѣлаться,—и въ спѣхъ некогда было разбирать и выбирать, охранять все хорошее изъ своей „старины“ и заимствовать только хорошее чужое. Приносное хорошее смѣшалось съ отечественною дрянью, на старое хорошее наслылось чужое негодное, азіатское спуталось съ европейскимъ. Но все это сдѣлалось въ тѣхъ слояхъ общества, которые подверглись непосредственному воздѣйствію реформатора, стояли ближе къ нему, т.-е., главнымъ образомъ, въ классѣ дворянскомъ, который тѣмъ самымъ оказался „оторваннымъ“ отъ всѣхъ другихъ слоевъ русскаго народа, болѣе или менѣе ускользавшихъ отъ прямаго дѣйствія реформъ и вѣрнѣе державшихся „своей старины“ со всѣмъ, что въ ней было дурнаго и хорошаго: нельзя же въ самомъ дѣлѣ утверждать, будто въ ней уже такъ и не было ничего хорошаго, достойнаго охраненія во всей чистотѣ.

Статья Л. З. Слонимскаго: *Поэзія и проза войны* въ основной идеѣ направлена противъ всякаго войнолюбія, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, въ формѣ ли поэтическихъ прославленій „человѣкоубійства“, или въ формѣ задорныхъ политическихъ статей въ газетахъ, или въ видѣ статей, доказывающихъ необходимость и неизбѣжность международныхъ вооруженныхъ столкновеній, и т. д. Авторъ разбираетъ причины и результаты нѣкоторыхъ послѣднихъ войнъ и довольно убѣдительно доказываетъ, что причины, ихъ вызвавшія, были недостаточны для оправданія гибели множества людей, а результаты ничтожны и вредны для побѣдителей, побѣжденныхъ и остальныхъ народовъ, не принимавшихъ даже прямаго участія въ войнахъ. Превжній мотивъ,—говоритъ авторъ,—завоеванія и приобрѣтенія (земель) утратилъ всякій смыслъ. „Земельная тѣснота, побуждавшая людей искать новыхъ мѣстъ путемъ военныхъ походовъ и нашествій, имѣетъ теперь другіе, болѣе удобные и обширные способы выхода и облегченія. Сотни тысячъ нѣмцевъ свободно зарабатываютъ свой хлѣбъ въ нѣмѣншей

Франціи, несмотря на непріязненные чувства къ нимъ со стороны французовъ. Въ нашемъ западномъ краѣ, особенно въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ, проживаетъ огромное количество нѣмецкихъ переселенцевъ; они безпрепятственно извлекаютъ всякія выгоды изъ средствъ и условій края, приобретаютъ земли, строятъ заводы и фабрики, основываютъ цѣлыя промышленныя поселенія и даже города,—словомъ, они въ мирное время, при дружбѣ обѣихъ сосѣднихъ имперій "... живутъ припѣваячи на русской землѣ. И г. Слонимскій очень доволенъ, находить, что сохраненіемъ такого порядка вещей предотвращаются поводы къ неудовольствіямъ и къ международнымъ столкновеніямъ, на томъ основаніи, что нѣмцамъ будто бы и желать уже больше нечего. Мы столь благодушно-оптимистическаго мнѣнія не раздѣляемъ; да, къ тому же, и самое мнѣніе г. Слонимскаго основано на предположеніи, что „дружба обѣихъ сосѣднихъ имперій“ останется ничѣмъ ненарушимой на вѣки вѣковъ даже въ томъ случаѣ, когда одна изъ имперій распорядится выгнать изъ своихъ предѣловъ поголовно всѣхъ подданныхъ другой имперіи. Авторъ не предвидитъ или умалчиваетъ о томъ, что бы произошло въ случаѣ, если бы другая имперія отвѣтила такою же нелѣпою мѣрой и предложила бы „огромному количеству нѣмцевъ“ отправиться въ короткій срокъ во-свояси. Конечно, на дружбѣ двухъ государствъ можно основывать надежды на доброе улаживаніе возникающихъ между ними недоразумѣній и предотвращеніе тѣмъ войны. Но если возможны непоколебимо-дружескія отношенія двухъ государствъ, то таковыя же возможны и между тремя, пятью, десятью... всѣми государствами Европы, всѣми народами земнаго шара: пришли нѣмцы—милости просимъ, приплыли англичане—живите, сдѣлайте одолженіе, китайцамъ тѣсно дома—къ намъ пожалуйте, у насъ просторно; также поступать американцы, народы Африки, обитатели Бразиліи... и будетъ „на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе“. Умилительно, только... неправдоподобно. Мирное, промышленное занятіе одной страны „огромнымъ количествомъ переселенцевъ“ изъ другой не представляется намъ такимъ утѣшительнымъ явленіемъ и такимъ ручательствомъ за вѣчный миръ, какими это кажется г. Слонимскому. Авторъ находитъ ошибочнымъ мнѣніе, будто бы „борьба вызывается (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) различіемъ и противоположностью культурныхъ типовъ просвѣщеннаго человѣчества“. Высказывающихъ такое мнѣніе онъ называетъ „наивными толкователями *соціальной подборки*“. „Россія,—цитируетъ г. Слонимскій оспариваемаго имъ автора (г. Южакова),—какъ страна *мужицкая*, должна, будто бы, бороться съ Англійей, какъ главною представительницей промышленнаго капитализма въ Европѣ; демократическое государство будетъ воевать съ державою, построенною на шляхетскомъ началѣ, и такъ далѣе. Почему и для чего?“ „Безсмысленность этой теоріи слишкомъ очевидна, чтобы останавливаться на ней...“ „Припутывать къ печальнымъ фактамъ военныхъ столкновений такія понятія, какъ капитализмъ, буржуазія, мужицкое государство, смѣшно уже потому, что традиціи военнаго и политическаго соперничества коренятся всего меньше въ матеріальныхъ потребностяхъ мирныхъ населеній: капиталисты, промышленная буржуазія и земледѣльцы повсюду стоятъ одинаково за прочный миръ между великими европейскими народами“. Во-первыхъ, мы думаемъ, что теорія, опровергаемая г. Слонимскимъ, нисколько не смѣшнѣе и не бессмысленнѣе его собственной теоріи, выше приведенной нами; во-вторыхъ,

опроверженія г. Слонимскаго нигуда не годятся, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что войны велись, ведутся и будутъ вестись изъ-за рынковъ, т.-е. изъ-за интересовъ капиталистовъ и промышленной буржуазіи и по настоящему требованію этихъ мирныхъ гражданъ, но миролюбивыхъ лишь до тѣхъ поръ, пока не трогаютъ ихъ кармана. Самъ же г. Слонимскій немного дальше говоритъ: „Привозъ скота изъ Румыніи нарушалъ интересы австрійскихъ землевладѣльцевъ я, по настоянію послѣднихъ, запрещена была доставка скота въ Австрію“. Румыны рѣшили отвѣтить запрещеніемъ ввоза произведеній австрійскихъ фабрикъ. Въ Австрія это рѣшеніе произвело „ошеломляющій эффектъ“. Г. Слонимскій думаетъ, что Австріи удастся *побудить*, т.-е. попросту принудить румынское правительство къ уступчивости; „но промахъ былъ бы непоправимъ,—продолжаетъ авторъ,—если бы дѣло шло не о маленькомъ королевствѣ, а о первоклассной европейской державѣ“. Такимъ образомъ, „по настоянію“ *мирныхъ* австрійскихъ землевладѣльцевъ и такихъ же *мирныхъ* скотоводовъ-румынъ созданъ „конфликтъ“, тяжело отозвавшійся на карманахъ *мирныхъ* австрійскихъ мануфактуристовъ, „по настоянію“ которыхъ австрійское правительство станетъ *нубуждать* румынское дѣйствовать въ ущербъ своему народу; а если румынское правительство заупрямится, тогда очень возможно, что изъ-за нѣсколькихъ тысячъ быковъ будетъ убито много тысячъ людей и даже очень много, такъ какъ Россія не можетъ допустить занятія австрійцами Румыніи. Всѣ усложненія, только что улаженные кое-какъ и лишь на время въ Средней Азій, захвачены англичанами форта Гамильтонъ и т. под. вызваны *мирными* капиталистами и фабрикантами Манчестера и Ливерпуля, а ужъ никакъ не воинственностью англичанъ. Тонкая экспедиція начата самыми типичными „буржуа“. И такъ, если мирные буржуа, капиталисты, скотопромышленники и фабриканты создаютъ поводы къ „конфликтамъ“, что же нашелъ г. Слонимскій безсмысленнаго въ предположеніи, что шляхта, всегда заносчивая и не миролюбивая, можетъ воспользоваться случаемъ и напасть на „мушицкое“ государство, къ которому, по шляхетству своему, она не можетъ питать даже такой дружбы, какую, по мнѣнію г. Слонимскаго, питаютъ къ намъ нѣмцы Германской имперіи? Въ заключеніе своей статьи авторъ говоритъ, что хорошо бы было войны замѣнить „единоборствами между воинственными патриотами различныхъ странъ. Такія единоборства давали бы вполне справедливыи и естественный выходъ тѣмъ инстинктамъ героизма, которые столь часто овладѣваютъ дѣятелями журналистики въ Европѣ“. Противъ установленія такихъ „единоборствъ“ мы ничего не имѣемъ и предложили бы только поправку или дополненіе, чтобы для ликвидаціи торгово-промышленныхъ столкновеній, вродѣ возникшаго между Австріей и Румыніей, въ единоборство, рядомъ съ журналистами, вступали и лично тѣ, по настоянію кого возникъ „конфликтъ“. Тогда войны перестали бы быть опасными для дѣйствительно мирной, *мушицкой* части населенія Европы.

Сѣверный Вѣстникъ, *апрѣль и май*. Въ этихъ двухъ книжкахъ на первомъ мѣстѣ напечатана повѣсть г. Мачтега: *Изъ невозвратнаго прошлаго. Романъ изъ жизни юго-западнаго края*. Мы называемъ это произведеніе „повѣстью“, такъ какъ это не *романъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято это названіе въ литературѣ; это повѣсть или, вѣрнѣе, даже рассказъ, написанный отъ перваго лица. Первое лицо, Ивасикъ (уменьшительное отъ Иванъ въ южно-русскомъ говорѣ), по

фамиліи Кожухъ, рассказываетъ свою исторію со дня рожденія. Его родители мужики, крѣпостные крестьяне богатаго польскаго пана Жонгаловича. Мать Ивася была дворовою дѣвушкой и, по настоянію отца, рано выдана замужъ въ деревню, чѣмъ отецъ хотѣлъ спасти свое единственное дитя отъ позора, неминуемо ожидавшаго красавую сѣннюю дѣвушку развратнаго пана. Съ мужемъ она жила довольно ладно, хотя не охотно мирилась съ крестьянскою долей. У молодой женщины было двое дѣтей, сынъ Тарасъ и дочь Галя. Ивасикъ явился на свѣтъ послѣднимъ, и деревенская молва считала виновникомъ его рожденія пана Облупинскаго, красиваго шляхтича, служившаго экономомъ у богатаго владѣльца имѣнія, къ которому принадлежали главныя дѣйствующія лица повѣсти. Въ началѣ читатель узнаетъ изъ разсказа Ивася, что онъ „изъ крѣпостнаго сдѣлался, въ концѣ-концовъ, владыкою роднаго села“. Въ самомъ раннемъ возрастѣ Ивасикъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ мужичьей долѣ, къ крестьянскому труду, къ бѣдности и грубости крестьянской жизни. Этому, помимо врожденной склонности, быть можетъ, унаслѣдованной отъ шляхтича Облупинскаго и отъ матери, несомнѣнно незаконной дочери пана, не мало способствовали и разсказы матери о привольномъ житьѣ въ панскихъ палатахъ. По мѣрѣ того, какъ Ивасъ подрасталъ, въ немъ все сильнѣе становилась ненависть ко всему мужицкому и къ самимъ мужикамъ и развивалось холопское влеченіе къ панамъ и ко всему панскому. На этихъ природныхъ зачаткахъ, при поощреніи матери, изъ Ивася въ семь-восемь лѣтъ выработался уже отчаяннѣйшій мерзавецъ. Очень талантливую черту въ повѣсти г. Мачета представляетъ то, какъ Ивасъ, разсказывая всѣ содѣянные имъ возмутительныя мерзости, объясняетъ ихъ честными, добрыми и даже возвышенными побужденіями своей необыкновенно „благородной“ натуры. Очень крупный недостатокъ повѣсти состоитъ въ томъ, что авторъ излишне поусердствовалъ, собралъ все, что зналъ и что могъ придумать самаго отвратительнаго, и вложилъ въ своего героя, не оставивши въ немъ ни малѣйшей черточки человѣчности. Его Ивасъ — чудовище холопства, а отнюдь не типичный холопъ; въ его повѣсти собрано все, что было самаго возмутительнаго въ крѣпостномъ правѣ, и потому картина описываемаго имъ *невозвратнаго прошлаго* представляется чѣмъ-то вродѣ запоздавшаго памфлета, со всѣми преувеличеніями, допускаемыми въ произведеніяхъ обличительнаго характера, но неумѣстными въ художественномъ произведеніи. Порки людей до полусмерти на конюшнѣ, то по прихоти, то изъ мести пана, то для принужденія подчиниться его гнустнымъ покушеніямъ на честь крѣпостныхъ дѣвушекъ, насилія надъ этими дѣвушками, оргіи пановъ, при которыхъ дворовыя дѣвушки голыя пляшутъ передъ пьяною толпою подъ страхомъ розогъ, сѣ, ны дикаго разгула, насилія и разврата быстро смѣняють одна другую какъ сочетанія разноцвѣтныхъ стеколъ въ калейдоскопѣ... Самоубійства дѣвушекъ, чтобы избѣжать насилія и позора, засѣканье до смерти крестьянъ на площади, покушенія на убійство пана, отдача въ солдаты жениха дѣвушки, чтобы воспользоваться невѣстою для удсвѣтворенія развратныхъ инстинктовъ пана, поджогъ гумна, убійство бурмистра, необузданный развратъ панны Жонгаловичевой и т. д., и т. д. И во всемъ *этомъ* самую гнустнѣйшую роль играетъ герой Ивасикъ: онъ подличаетъ *изъ любви* къ подлости, онъ дѣлаетъ всѣ возможныя и невозможныя *мерзости* столько же изъ желанія вы-

служиться передъ панами и тѣмъ возвыситься въ лакейской іерархіи, сколько изъ природной склонности къ мерзостямъ, онъ доводитъ на друзей, родныхъ и близкихъ, радуется самоубійству двоюродной сестры потому, что ненавидитъ свою тетку, ея мать, выдаетъ двоюроднаго брата, бѣжавшаго изъ военной службы, прикрываетъ развратъ барыни, устраиваетъ отдачу въ солдаты жениха своей родной сестры, помогаетъ притащить родную сестру на поруганіе къ развратному пану и, наконецъ, дѣлается любовникомъ самой панны. Таково содержаніе повѣсти. Многія сцены написаны въ ней очень живо и талантливо, но... нагорожено уже слишкомъ много всяческихъ возмутительностей. Авторъ поступилъ по русской поговоркѣ: „что есть въ печи, на столъ мечи“ и выложилъ безъ остатка все, что могъ выложить. Написана повѣсть прекраснымъ, литературнымъ языкомъ. И тутъ мы бы рекомендовали г. Мачтету воздержаться отъ текстуальнаго прописыванья нѣкоторыхъ ругательствъ, по меньшей мѣрѣ излишнихъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ (апрѣльская кн., стр. 71, послѣдняя строка снизу). Ругательство это повторяется въ повѣсти нѣсколько разъ. Въ этомъ случаѣ примѣръ даже великихъ писателей отнюдь не достоинъ подражанія.

Въ апрѣльской кн. кончена повѣсть изъ институтской жизни, озаглавленная: *Изъ дѣтства и школьныхъ лѣтъ*, подписанная буквами А. Л. Къ сказанному нами въ прошлый разъ объ этой повѣсти мы не имѣемъ ничего добавить. Начало, первая глава, въ которыхъ рассказывалось про дѣтство героини, обѣщали много; все то, что относится къ *школьнымъ годамъ*, описаніе жизни въ провинціальномъ женскомъ институтѣ далеко не соответствуетъ началу. Это рядъ довольно вяло рассказанныхъ и лишенныхъ оригинальности анекдотовъ про классныхъ дамъ, учителей, эконома и т. д. Повидимому, это первое попавшее въ печать произведеніе автора, и при всемъ нашемъ желаніи привѣтствовать его добрымъ словомъ въ началѣ литературнаго поприща, мы не считаемъ себя въ правѣ сказать, что у господина или у госпожи А. Л. есть литературный талантъ. Если судить по первымъ главамъ, талантъ есть, а судя по послѣдующимъ, составляющимъ почти двѣ трети повѣсти, его нѣтъ ни искры, и можно думать, что воспоминанія о дѣтствѣ просто только удались автору лишь потому, что въ нихъ правдиво и горячо-искренно передано многое въ дѣйствительности пережитое и пережитое авторомъ. Въ воспоминаніяхъ ранняго дѣтства, разъ они переданы искренно и правдиво, безъ фальши,—все существенно: и мелкія, и крупныя радости, дѣйствительныя печали, тяжелое горе и мелочныя событія, заставляющія страдать дѣтское сердце. Дѣтскій умъ всему придаетъ свое особенное значеніе и свои размѣры, неимѣющіе иногда ничего общаго съ дѣйствительностью, какъ ее видятъ взрослые. Не то уже въ школѣ, въ закрытомъ учебномъ заведеніи: тамъ казенные порядки заставляютъ страдать всѣхъ дѣтей не въ одинаковой степени, конечно, но отъ однихъ и тѣхъ же неудобствъ, общихъ для всѣхъ. При описаніи этихъ новыхъ, коллективныхъ страданій, горестей и радостей является уже необходимость для автора выдѣлить существенное отъ несущественнаго и въ особенности индивидуальное отъ общаго: необходимо, чтобы главное дѣйствующее лицо не затерялось въ общей массѣ, съ которою оно живетъ совмѣстной жизнью, но не сливается, сохраняя свою индивидуальность, если, конечно, авторъ имѣетъ въ виду сохранить

вполнѣ всѣ личныя особенности психической жизни своей героини или героя. Въ томъ случаѣ, когда мысль автора заключается въ томъ, чтобы показать, какъ школа дѣйствуетъ на иные характеры обезличивающимъ образомъ, тогда и приѣмъ долженъ быть употребленъ соответственный, должно быть ясно показано, въ чемъ собственно состоитъ нивелирующее дѣйствіе среды и должна быть съ достаточною опредѣленностью изображена психическая борьба не сразу поддающейся обезличенью природы, протесты и страданія, вызываемые процессомъ обезличиванья, и, наконецъ, результатъ обезличивающаго воспитанія. Извѣстно, что самая слабая и самая несимпатичная сторона закрытыхъ учебныхъ заведеній и въ особенности женскихъ институтовъ и состоитъ именно въ систематическомъ и, до извѣстной степени, въ предумышленномъ обезличиваньи воспитанниковъ и воспитанницъ, въ подведеніи ихъ подъ одинъ уровень и цѣль „золотой серединны“ и блистающей условнымъ лоскомъ посредственности, въ наложеніи на нихъ неизгладимаго клейма, стереть которое не всегда удается и всей послѣдующей жизни. Природы, не поддающіяся такой нивелировке, упорно отстаивающія свое „я“, подвергаются большимъ страданіямъ, чѣмъ мягкія или только гибкія природы; неподатливыя страдаютъ сильнѣе, иногда выкидываются вонъ изъ заведенія, какъ „негодныя“, чаще же искалѣчиваются на всю жизнь; гибкія природы приобретаютъ еще большую гибкость на іезуитскій ладъ, а мягкія—отливаются въ заразе опредѣленную форму *ad majorem gloriam* института. Ничего этого авторъ вышеназванной повѣсти не показалъ и даже не затронулъ. Его институтки страдаютъ, правда, но только отъ дурной пищи, потому что экононы воруютъ, отъ неумѣлости и капризовъ классныхъ дамъ, а никакъ не отъ „системы“; институтки повѣсти живутъ какъ бы внѣ институтскаго вліянія, хотя и въ одномъ зданіи, и приходятъ только отъ времени до времени въ соприкосновеніе съ своими воспитательницами и начальницами. Оттого и не получилось никакой цѣльной картины, связанной единствомъ мысли, и вся повѣсть представляетъ собою разрозненные наброски случайно взятыхъ авторомъ сценъ, изъ которыхъ нѣкоторыя изображены довольно живо, но теряютъ всякое значеніе, благодаря отсутствію руководящей идеи.

Мы считаемъ совершенно неудобнымъ говорить о новомъ отрывкѣ изъ романа В. Крестовскаго (псевдонимъ): *Обязанности*, начало котораго напечатано въ сентябрѣ прошлаго года, первое продолженіе въ январѣ нынѣшняго, второе—въ апрѣлѣ, а когда появится третье и появится ли когда-нибудь—неизвѣстно. Мы не будемъ также говорить о романѣ г-жи Русланъ: *На туманномъ свѣтѣ*. Все, что можно сказать о немъ, уже сказано нами въ обзорѣ журналовъ во II кн. *Русской Мысли* и прибавлять нечего. Къ по содержанию, такъ и по языку этотъ романъ ничѣмъ рѣшительно не отличается отъ множества заурядныхъ переводныхъ романовъ.

Въ майской кн. *Свернаго Вѣстника* помѣщенъ рассказъ г. Златовратскаго: *Труженики. Очерки изъ народной жизни*. Рассказъ этотъ составляетъ продолженіе „очерка“, помѣщеннаго въ февральской кн. подъ заглавіемъ: *Льсы*, о которомъ нами данъ отзывъ въ „Библиограф. отдѣлъ“ IV кн. нашего журнала. Какъ достоинства, такъ и недостатки этого втораго очерка почти тѣ же, на которые мы уже указывали. Главное достоинство всѣхъ произведеній г. Златовратскаго—это не подлежащая сомнѣнію искренность автора и непритворность его любви

къ народу, его вѣры въ народъ. Этимъ очень многое выкупается и, между прочимъ, даже неопредѣленность самой „вѣры“, большая туманность „надеждъ“, соединенныхъ съ этою вѣрой и возлагаемыхъ на „народъ“ или, вѣрнѣе, на его низшіе слои, которые, несомнѣнно, ищутъ чего-то, какой-то чаемой, но пока не поддающейся никакимъ опредѣленіямъ „правды по-божьей“. Въ настоящемъ очеркѣ мы опять имѣемъ дѣло съ тѣмъ же исканіемъ, толкающимъ „простыхъ“ людей въ расколъ, въ разные сектантскіе толки. Связь второго очерка съ первымъ состоитъ единственно въ томъ, что во второмъ выясняется, что люди, остановившіеся въ мѣсту сбившихся съ дороги путниковъ, родителей рассказчика, когда онъ былъ ребенкомъ, что эти страшные люди, укрывшіеся въ лѣсной глуши, были сектанты. Во второмъ очеркѣ авторъ на короткое время возвращается къ воспоминаніямъ дѣтства, когда его дѣдъ, священникъ, и причетники толковали о совратившихся, объ ихъ порочности, а, главное, о томъ матеріальномъ ущербѣ, какой наносятъ совращенія интересамъ духовенства. Эти воспоминанія составляютъ самыя живыя страницы повѣствованія и тѣмъ рѣзко отличаются отъ рассказовъ о прибытіи автора въ раскольничій поселокъ и о проходившихъ тамъ передъ его глазами лицахъ и слышанныхъ разговорахъ. Мудреный человѣкъ русскій мужикъ и очень трудно выполнима, — если только выполнима, — задача вѣрнаго его изображенія даже людьми, всею душой преданными народу, ревностно его изучавшими, „ходившими въ народъ“ ради ближайшаго и, по возможности, полнаго съ нимъ ознакомленія. Многие „ходили“, многие ознакомились съ народомъ, а „мужика“, все-таки, не узнали, не поняли, не добрались до самой „сѣти“, и изобразить его вѣрно имъ не удастся, не во гнѣвъ будь сказано народоизобразителямъ. Всякій, кто брался у насъ изображать „мужика“, изображалъ не настоящаго и дѣйствительнаго мужика, а своего „собственнаго“, — такого, каковымъ онъ ему представился. Самый говоръ крестьянскій передавался каждымъ авторомъ по-своему, а не такъ, какъ на самомъ дѣлѣ говорятъ мужики. Въ этомъ поддѣлка сразу бросается въ глаза человѣку, хорошо знакомому съ крестьянскимъ говоромъ, и проходитъ незамѣтною для горожанъ и людей, стоящихъ далеко отъ деревенскаго люда. Мы уже указывали на „сочиненность“ разговоровъ въ очеркѣ г. Златовратскаго *Льсы*; такими же дѣланными находимъ мы ихъ и въ *Труженикахъ*. Но въ первомъ очеркѣ понятенъ былъ, все-таки, общій смыслъ рѣчей собесѣдниковъ автора, Илюши и Семіона Ивановича. Нельзя того же сказать про очеркъ *Труженики*. Говорятъ много мужики, бабы, старики, молодые и юноши, очень всѣ „утруждаются“; не мало „утруждается“ и г. Златовратскій надъ восстановленіемъ слышаннаго имъ и видѣннаго... Признаемся, и мы довольно-таки „утруждались“ понять, въ чемъ же собственно суть дѣла, но „утруждение“ вовсе оказалось; мы такъ и не добрались до удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ: что хотѣлъ сказать авторъ? Нельзя же предположить, что это просто бытовая картина, взятая прямо изъ жизни и списанная цѣликомъ съ природы, безъ какой-либо общей основной идеи; а, между тѣмъ, такой-то именно идеи мы и не можемъ уловить въ лежащемъ передъ нами рассказѣ. Мы не можемъ даже уразумѣть, кто такіе эти *труженики*; очевидно, что они сектанты, но какого раскольничьяго толка — неизвѣстно. Сошлись *труженики* на какое-то „важное собраніе“, а что составляетъ предметъ собранія и почему оно важно,

авторомъ не выясняется. Что значить наименованіе *труженики* и *труженицы*, есть ли это названіе особливаго раскольничьяго толка или же произвольное названіе, данное этимъ сектантамъ авторомъ, мы тоже уяснить себѣ не можемъ. Наконецъ, въ чемъ состоятъ *труженичество* людей, описываемыхъ авторомъ, остается тоже тайною для читателя. Можетъ быть, всѣ эти недоумѣнія будутъ намъ разъяснены въ послѣдующихъ очеркахъ, а пока весь очеркъ, не освѣщенный руководящею мыслью, оставляетъ такое впечатлѣніе, какое испытываетъ путникъ, когда идетъ по незнакомой дорогѣ среди густаго тумана. Кругомъ мелькаютъ неясные образы, впереди не то есть тропинка, не то ея нѣтъ, пройденная верста кажется версты въ три, путникъ „утруждается“, не вида конца—цѣли своей дороги, и его охватываетъ тоскливое чувство гнетущей скуки.

Очень интересна и весьма современна статья г. Лесевича: *Буддѣйскій нравственный типъ*, помѣщенная въ майской книгѣ *Сверника Вѣстника*. „Переживанія (survivals) и оживанія (revivals),—такъ начинается эта статья,—представляютъ такіе моменты въ ходѣ общественнаго развитія, на которыхъ отъ времени до времени нельзя не останавливаться съ особеннымъ вниманіемъ всякому, не безучастно относящемуся къ судьбамъ этого развитія“... „Оживанія — это тѣ обряды, обычаи, воззрѣнія и проч., которые, къ удивленію міра, считавшаго ихъ умершими или умирающими, вдругъ возникаютъ вновь, какъ это обнаружилось недавно въ такой замѣчательной степени въ исторіи новѣйшаго спиритизма“,—поясняетъ авторъ словами Тейлора и затѣмъ продолжаетъ отъ себя: „Въ нашемъ современномъ обществѣ можно найти, конечно, не мало переживаній и оживаній, и всякому стоитъ только оглянуться кругомъ, чтобы ихъ видѣть. Нѣкоторые изъ нихъ достойны особеннаго вниманія, такъ какъ они не перестаютъ разрастаться и преуспѣвать; возьмемъ хоть всѣмъ извѣстное ученіе о несопротивленіи злу и проч., къ нему соотносящееся. Не есть ли все это оживаніе буддѣйской этики въ нашей культурной средѣ? Буддѣйскій характеръ ученія, которое мы имѣемъ въ виду, былъ замѣченъ даже въ иностранной литературѣ, да и не можетъ не бросаться въ глаза каждому, знакомому съ буддѣйскою теоріею нравственности. У насъ, однако, всего менѣе обращали вниманіе именно на корни и нити всѣхъ интересующаго явленія нашего умственнаго развитія за послѣдніе годы...“ Въ изображеніи г. Лесевича *Буддѣйскій нравственный типъ* имѣетъ не малое сходство съ идеальнымъ типомъ „монашества“ и не представляетъ собою ничего привлекательнаго. Буддѣйскій типъ есть, въ сущности, полное отрѣшеніе отъ всего мірскаго, суетнаго, отъ всего человѣческаго, т. е. крайній предѣлъ иноческаго и пустынноческаго стремленія. „Буддизмъ въ своей чистой формѣ,—говоритъ авторъ,—и въ самомъ строгомъ своемъ направленіи имѣетъ цѣлью отрѣшеніе отъ міра и жизни, выводимое изъ извѣстныхъ абстрактныхъ метафизическихъ положеній. Онъ представляетъ поэтому ученіе сухое, отвлеченное, мало годное для удовлетворенія нравственныхъ потребностей массъ...“ „Квіетизмъ, индифферентизмъ, мистицизмъ, созерцаніе, экстазъ, галлюцинаціи,—все это не представляетъ ничего такого, что могло бы привлечь и самонаибѣйшія наши симпатіи къ буддѣйскому нравственному типу...“ Это типъ совершенно противоположный и своему родѣ психопатической, какъ выясняетъ авторъ въ другой мѣстѣ. Буддѣйское писаніе поучаетъ, что

„только тот истинно благочестивъ, кто умѣетъ спокойно претерпѣвать несправедливое поношеніе, узы и муки,“ и потому писаніе внушаетъ кротость къ разгнѣваннымъ и вообще „препобѣжденіе“ зла добромъ: „кротостью побѣждается гнѣвъ, добрымъ дѣломъ—дѣло злое, скупость—щедростью, ложь—правдивою рѣчью...“ Цѣлый рядъ подходящихъ легендъ „развиваетъ эти положенія въ послѣдовательной прямолинейности до ихъ послѣднихъ крайнихъ выводовъ“. Буддѣ, согласно этимъ легендамъ, случилось много разъ жертвовать собою ради спасенія голубей и другихъ животныхъ; „въ предпослѣднемъ изъ своихъ земныхъ существованій Будда отдалъ шедшему мимо его стоянни браману жену и дѣтей и, наконецъ, былъ и такой случай, что, принявъ видъ зайца, онъ зажарилъ самого себя, прыгнувъ добровольно въ огонь, чтобы накормить *достойнаго*, которому не могъ предложить никакой другой пищи...“ „Какъ далеко ни заходить прямолинейность буддизма въ проведеніи тезиса о непротивленіи злу,—говоритъ авторъ далѣе,—самый тезисъ такъ нелѣпъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и неустрашимые буддійскіе проповѣдники не выдерживаютъ, и, какъ бы подтверждавая истину, что прямолинейность примѣнима только въ пустомъ пространствѣ, впадаютъ въ самое рѣзкое противорѣчіе и вдругъ начинаютъ проповѣдывать совершенно бодрую и настойчивую активность“. Такой казусъ имѣетъ мѣсто въ легендѣ о журавлѣ, рыбахъ и крабѣ. Каково бы ни было достоинство нравственныхъ поученій буддизма, они сводятся, все-таки, къ крайнимъ и совершенно антисоциальнымъ выводамъ къіетизма, индифферентизма и совершенно исключительнаго индивидуализма: „Все для Нирваны, а Нирвана для меня“,—вотъ тезисъ, въ которомъ резюмируется вся суть буддійскаго ученія.

Въ заключеніе своей статьи г. Лесевичъ останавливается на вопросѣ, что предпочтительнѣе, послѣдованіе буддійскому ученію или „ученію мірскому“, приводящему въ своихъ крайнихъ послѣдствіяхъ къ „бѣшеной конкуренціи, недостойнымъ общественнымъ распрямъ и ненасытнымъ, страстнымъ тревоженіямъ нашего Вавилона?“ Авторъ приходитъ къ такому заключенію, что то и другое—крайности и представляютъ явленія психопатическія, обусловленныя „вырожденіемъ“. Если первый типъ всего болѣе склоненъ къ галлюцинаторному помѣшательству и меланхоліи, то второй не можетъ и перечислить всѣхъ тѣхъ формъ психическаго вырожденія, которыя угрожаютъ ему со всѣхъ сторонъ, которыя затопляютъ его своими волнами—карой фальшивой постановки всей его жизни и дѣятельности. При всемъ томъ, однако же, психическое вырожденіе перваго есть послѣднее слово его міровоззрѣнія, естественный и неизбѣжный исходъ всего его уклада жизни, тогда какъ психическіе недуги втораго хотя и создали *наши нервные отъѣзды*, являются только результатомъ роковыхъ ошибокъ, гибельныхъ недосмотровъ и печальнаго уклоненія отъ пути, указываемаго наукою“... „Наука, на той высотѣ, на которой она теперь находится, даетъ уже богатые средства для исправленія ошибокъ прошедшаго и предотвращенія новыхъ въ будущемъ“. Тогда какъ буддизмъ и соприкасающіяся съ нимъ доктрины поощряютъ и восхваляютъ отмѣченное авторомъ психическое вырожденіе и неудержимо влекутъ къ нему своихъ послѣдователей. „Жертвы старыхъ ошибокъ и умственного мрака—все надорванное, подстѣченное, истребавшееся чахнетъ и гибнетъ,—продолжаетъ г. Лесевичъ.—Жертва лжи и лицемѣрія „of this Babylon of ours“—все увядшее, засохшее, поблек-

шее, переутомленное тянется къ своего рода Нирванѣ—отрицанію дѣйствительнаго элемента жизни... Картина ужасная, несчастье глубокое и непоправимое! Но будущее не безнадежно: все уцѣлѣвшее, бодрое, здоровое стремится къ живой дѣятельности и, отбрасывая всякія метафизическія бредни, работаетъ надъ наукою и при ея помощи стремится разумно воздѣйствовать на условія жизни и цѣлесообразно споспѣшествовать естественному ходу развитія общественной среды“.

Намъ нѣтъ надобности указывать на бодрящее и освѣжающее значеніе этой статьи въ противовѣсъ попыткамъ „оживленія“ *буддійскаго нравственнаго типа*, могущимъ имѣть только принижющее и разлагающее вліяніе въ современномъ обществѣ, полномъ исванія путей для выхода изъ „this Babylon of ours.“ Отъ буддійскаго ученія „о непротивленіи злу“ и „о познваніи“ безъ помощи науки одною интуиціей будетъ совершенно послѣдовательнымъ обратиться къ ученію графа Л. Н. Толстаго, которому посвящена въ майской кн. *Свѣ. Вѣстника* статья, озаглавленная: *Дневникъ читателя* и подписанная буквами Н. М. Авторъ говоритъ о двѣнадцатомъ томѣ сочиненій графа Толстаго (о которомъ мы дали отзывъ въ VI кн. *Рус. Мысли*), во многомъ сходящаясь съ высказанными нами взглядами и указываетъ на то, какъ у проповѣдника нравственныхъ доктринъ слово его проповѣди стоитъ въ постоянномъ противорѣчій съ дѣломъ. Проповѣдуетъ графъ Толстой презрѣніе къ деньгамъ и продаетъ свои сочиненія по такой неимовѣрной цѣнѣ, что они становятся почти недоступными для огромнаго большинства публики. Графъ Толстой говоритъ о своихъ прежнихъ произведеніяхъ, какъ о плодахъ „служенія и потворства ложному ученію нашего міра“ и въ „тридорога продаетъ публикѣ повтореніе своихъ старыхъ грѣховъ“, выпуская ихъ пятимъ изданіемъ. „Одно изъ двухъ,—замѣчаетъ г. Н. М.,—или прежнія сочиненія гр. Толстаго не заслуживаютъ бичеванія, которому онъ ихъ предаетъ, или если они ложь и зло, не слѣдуетъ распространять эту ложь и это зло не только за 18 руб., а и даромъ“. Гр. Толстой всячески прославляетъ „смирненіе“, побуждающее человѣка оставаться „въ неизвѣстности“, поучаетъ, что „такъ и надо вести себя!“ „Но отчего же онъ самъ, проповѣдникъ, не тонетъ въ неизвѣстности? — спрашиваетъ г. Н. М.—Отчего, напротивъ того, слава его гремитъ по всему цивилизованному міру? Отчего каждое благородное движеніе души его и каждый сшитый имъ сапогъ становятся немедленно предметомъ горячихъ разсужденій въ печати? И какая странная слава! Какъ странно и двусмысленъ въ особенности процессъ настанія славы гр. Толстаго. Былъ гр. Толстой беллетристъ первой величины...“ и стяжалъ славу. Потомъ „объявилъ, что вся его дослѣдственная беллетристика—пустяки, празднословіе и потворство жи. И опять ему поклонились, на этотъ разъ за искренность и мудрость, и новая слава осіяла его. Но страннымъ образомъ эта новая слава не похерила предыдущей, хотя идетъ въ разрѣзъ съ ней: забракovaná, объявленная живыми прежнія сочиненія вновь издаются, вновь разносятъ славу писателя, который въ искренности и мудрости своей объявилъ ихъ негодными... И за плюсъ—слава, и за минусъ—слава, и плюсъ на минусъ не сокращается, и, въ противность всякой логики и ариметики, выходятъ двѣ славы...“ Авторъ обращается къ гр. Толстому съ совершенно справедливымъ упрекомъ, когда говоритъ о его статьяхъ, направленныхъ противъ науки и ея обезпеченія, и на-

зываетъ ихъ несвоевременными и безтактными. „Эта безтактность,— пишетъ г. Н. М.,—это отсутствіе живаго чутья особенно сказалось въ статьѣ *Женщинамъ*. Статья эта, направленная противъ высшаго женскаго образованія, явилась какъ разъ въ то время, когда высшее женское образованіе прекратилось. Публицистъ, обладающій живымъ чувствомъ, никогда не станетъ стучаться въ отвернутую дверь и бить лежачаго. Да и дѣйствительно, помимо щекотливаго чувства собственнаго достоинства, какая цѣль, какой практической смыслъ бить лежачаго? Затѣмъ съ грохотомъ стучаться въ дверь, которая отворена? Только развѣ затѣмъ, чтобы грохотъ былъ услышанъ и чтобы труба славы гр. Толстаго разнесла этотъ грохотъ по всему міру. Незавидная слава и, можетъ быть, нѣкоторые изъ лавровъ, украшающихъ чело графа, завали при этомъ отъ стыда“. Въ заключеніе мы позволимъ себѣ сдѣлать еще одну выписку изъ статьи г. Н. М.: „Завидна участь гр. Толстаго. Завидны это спокойствіе сердца, приставшаго къ странѣ, гдѣ рѣки въ кисельныхъ берегахъ молокомъ текутъ; эта чистота совѣсти передъ любовною и радостною дѣятельностью; эта ясность разума, который говоритъ: я все понялъ! Да, это завидно. Но мы, мятушіеся, мы, ищущіе, мы, не счумѣвшіе выскочить изъ водоворота жизни ни на кисельный берегъ молочной рѣки, ни на облака, вѣнчающія вершины Олимпа, мы не, вѣримъ гр. Толстому! Онъ, конечно, говоритъ правду: онъ спокоенъ, счастливъ, онъ достигъ того душевнаго состоянія, которое даже не всѣмъ угодникамъ усвоиваютъ житія святыхъ. Но это только потому, что графъ прислушивается къ шуму въ собственныхъ ушахъ. Отверая онъ ихъ на минуту для воспріятія живыхъ вѣшнихъ впечатлѣній, и онъ долженъ ужаснуться того страннаго, противорѣчиваго положенія, въ которомъ онъ находится. Какъ? Гр. Толстой знаетъ и исповѣдуетъ прелесть неизвѣстности, въ которой утонуть богоугодный старикъ сказки, а самъ гремитъ по всему міру съ каждымъ маленькимъ движеніемъ души, и спокоенъ? Гр. Толстой считаетъ свои прежнія сочиненія ложью и съ чистою совѣстью смотритъ, какъ эта ложь въ тридорога распространяется и уловляетъ въ свои сѣти все новыя и новыя сердца? Гр. Толстой даетъ пинка холодѣющему уже трупу высшаго женскаго образованія и думаетъ, что сразилъ зло въ благородной борьбѣ? Не можетъ этого быть“... Авторъ *Дневника читателя* обѣщаетъ договорить свою мысль въ слѣдующій разъ и мы не преминемъ возвратиться къ продолженію статьи уважаемаго критика.

Недоросль. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Д. И. Фонвизина. Изданіе журнала „Будильникъ“. Журналъ *Будильникъ* уже третій годъ даетъ своимъ подписчикамъ такъ называемыя „премія“. Не касаясь здѣсь вопроса, насколько заслуживаетъ сочувствія и похвалы система „премій“, даваемыхъ нѣкоторыми русскими и иностранными журналами своимъ подписчикамъ, мы считаемъ своимъ долгомъ сказать, что *Будильникъ* избралъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ самый лучшій путь, и его „премія“ способны примирить всякаго съ этою системой. Въ 1884 году *Будильникъ* далъ очень хорошо иллюстрированное изданіе знаменитой комедіи Бомарше: *Севильскій цирюльникъ* въ переводѣ артиста М. П. Садовскаго; въ 1885 г.—*Ревизора* Гоголя, иллюстрированнаго прекрасными фототипіями художника Панова, снятыми съ натуры съ артистовъ-исполнителей безсмертной ко-

медіи на московской сценѣ; въ нынѣшнемъ, 1886 г., въ видѣ преміи, приложена къ журналу комедія Фонвизина *Недоросль*, съ портретомъ автора и семью сценами, воспроизведенными также фототипіей съ исполнителей этой комедіи. Если уже давать подписчикамъ „преміи“, то именно такія, представляющія собою во всѣхъ отношеніяхъ художественныя произведенія и неимѣющія ничего общаго съ безобразными олеографіями, которыя являются только поблажкою самыхъ грубыхъ вкусовъ мало развитой части публики. Къ тому же, и по самой цѣнности приложенія къ *Будильнику* во много разъ превосходятъ нелѣпыя произведенія заграничныхъ олеографическихъ мастерскихъ. Можно только пожелать, чтобы журналъ *Будильникъ* и на будущее время держался принятаго имъ правила давать ежегодно своимъ подписчикамъ одно изъ образцовыхъ произведеній литературы, отдавая, притомъ, предпочтеніе роднымъ и близкимъ русскимъ людямъ.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРАВИЛА И УСЛОВИЯ.

1) Рукописи доставляемы редакціи должны быть в надлежащем виде: в сильной заказной бандеролю или заказным письмом, или связкою в помянутой редакции, где въ приняты ихъ выдаются установленныя квитанціи, въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣчаетъ.

2) Редакція возвращаетъ доставленную ей рукопись только тогда, если она четко написана, подписана авторомъ, снабжена его адресомъ и, кроме того, представляетъ вполне законченное произведеніе. Беллетристическія произведенія и статьи представляются въ неконченномъ видѣ, въ томъ случаѣ, когда авторъ не пожелаетъ, чтобы его произведеніе оставалось въ распоряженіи редакціи.

3) На прочтеніе редакціей доставляемыхъ ей рукописей полагается срокъ отъ одного до четырехъ мѣсяцевъ, по истеченіи котораго рукопись, къ помѣщенію въ журналъ не принята, считается редакціей въ распоряженіи автора, и не подлежитъ оцѣнѣ редакціи.

4) Опрысканная рукопись, по причинѣ произведенія, незначительнаго характера, можетъ быть послана почтовымъ расходомъ денегами или марками, причемъ отвѣтственность за потерю, во избѣжаніе утраты рукописи и могущихъ отъ того возникнуть недоразумѣній и нареканій, редакція на себя не принимаетъ.

5) О причинахъ непомященія въ журналъ того или другаго произведенія редакція объясненій не даетъ.

6) На запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. Относительно же не принятыхъ для помѣщенія въ журналъ стихотвореній редакція ни въ какому переписку не входить, если бы даже на то предлагались марки, и рукописей этихъ стихотвореній не хранитъ.

7) Авторы принятыхъ для помѣщенія въ журналъ произведеній и статей своевременно о томъ извѣщаются. Время помѣщенія обозначается приблизительно, причемъ редакція не обязывается помѣщеніемъ въ той или другой книгѣ, а помѣщаетъ по мѣрѣ возможности, давая преимущество статьямъ, имѣющимъ временное значеніе.

8) Одобренныя редакціей статьи помѣщаются только въ томъ случаѣ, если не встрѣтятся къ тому цензурныхъ или иныхъ независимыхъ отъ редакціи препятствій.

9) Не помѣщая въ своемъ журналѣ драматическихъ произведеній и имѣя постоянныхъ переводчиковъ, редакція *Русской Мысли* доставляемыя ей рукописи драматическихъ произведеній и всякаго рода переводы съ иностранныхъ языковъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

10) На предварительные запросы относительно помѣщенія того или другаго произведенія безъ присылки рукописи онаго редакція не отвѣчаетъ.

11) Принятые для помѣщенія въ журналъ беллетристическія произведенія и статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и стилистическому исправленію. Безъ этого условія ничего для помѣщенія въ журналъ не принимается. Измненія и дополненія дѣлаются редакціей не иначе, какъ по согласенію съ авторами.

12) При доставленіи рукописи долженъ быть указанъ размѣръ желаемаго авторомъ гонорара. При невыполненіи этого условія расчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

13) Гонораръ уплачивается только за статьи, вышедшія въ свѣтъ.

14) Авансы не выдаются.

15) Выдача денегъ производится каждое первое число, за истекшій мѣсяць.

16) Отдѣльные оттиски дѣлаются не иначе, какъ по заявленію желанія на то авторовъ и на ихъ счетъ.

17) Бесплатные экземпляры журнала высылаются только ближайшимъ сотрудникамъ журнала.

18) Редакція и контора журнала открыты ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 до 4 часовъ дня.

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГИЯ.

Апостолъ (Древне-славянскій Карпинскій) XIII в., смиченный по древне-славянскимъ наметкамъ XI—XVII вв., съ разночтеніями греческими изъ Новаго Завета. М. Тип. Снегирева. 8 д., 705 стр., 600 экз.

Берсье.—Бесѣды. Спб., Тип. Апостолова. 8 д., 204 стр., 1,200 экз.

Бесѣды къ воинамъ о вѣрѣ и нравственности. Спб., 1886 г. Тип. Добролюб. 8 д., 148 стр., 4,100 экз.

Входъ (торжественный) Господа въ Иерусалимъ. Спб., 1886 г. Тип. Петерб. газеты. 2,000 экз.

Гуляевъ.—Катехизическія поученія. Спб., 1886 г. Тип. Дома пр. малол. бѣд. 8 д., 312 стр., 1,000 экз.

Нарушители (смыслъ наказаніе) десяти заповѣдей. Владим. Тип. Новгородскаго. 8 д., 312 стр., 1,500 экз.

Нищіе въ церкви. Спб. Тип. Сущинскаго. 8 д., 16 стр., 10,000 экз.

О распространеніи христіанства. Николаевъ. 1886 г. Тип. Якубовича. 8 д., 26 стр.

Памятники древней письменности. Поученіе на Богоявленіе Господне. Славяно-русскаго извода. (Печатается съ рукописи нач. XVI в.) Сообщилъ архим. Леонидъ. Изд. общ. любит. древн. писем. Сбн., 1885 г. Тип. В. Балашева. 8 д., VIII+30 стр., 620 экз.

Полисадовъ, І.—Проповѣди. Т. I. Спб., 1886 г. Тип. В. Балашева. 8 д., 36½ п. л., 4,000 экз.

Слова и поученія на воскресные и праздничные дни года. Острогомскъ, 1886 г. Тип. Азаровой. 8 д., 1,200 экз.

Словарь малопонятныхъ словъ и оборотовъ въ Евангеліи, дополненный слова-

ремъ къ псалмамъ, молитвамъ и піснопініямъ. Спб., 1886 г. Тип. В. Балашева. 8 д., 4½ п. л., 1,200 экз.

Смоликовскій, С. Изложеніе началъ позитивной философіи и социологіи Огюста Конта. Варш. 1886 г. Тип. К. Ковалевскаго. 8 д., 144 стр., 750 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Чижевъ, В. О развитіи этическихъ воззрѣній. Изъ лекц. Вильгельма Вундта. М., 1886 г. Унив. тип. 8 д., 43 стр., 1,200 экз. Ц. 50 к.

ПУБЛИЦИСТИКА.—КРИТИКА.

Булгаковъ, Ѳ.—Графъ Л. Н. Толстой и критика его произведеній, русская и иностранная. Съ 7 портретами. Спб., 1886 г. Тип. и изд. т-ва М. О. Вольфъ. 8 д., 128 стр., 2,400 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Зингеръ, Г. Критическій комментарий къ некоторымъ спорнымъ текстамъ Горация. Варш., 1886 г. Тип. К. Ковалевскаго. 8 д., 490 стр., 400 экз.

Нагуевскій, Д.—Критическія замѣчанія къ третьей сатирѣ Ювенала. Воронежъ, 1886 г. Тип. В. Исаева, 8 д., 9 стр., 150 экз.

Чадохульянъ, Г.—Армянская поэзія въ лицѣ Рафаила Патканяна. Литературный вѣстникъ. Ростовъ-на-Дону, 1886 г. Тип. Холева. 8 д., 58 стр., 1,500 экз. Ц. 50 к.

Юрьевъ, С. Опытъ объясненія трагедіи Гёте „Фаустъ“. 1-я часть трагедіи. М., 1886 г. Тип. И. Н. Кушарова и К°. 8 д., 79 стр., 600 экз.

ВЕЛЛЕТРИСТИКА.

Аксаковъ, С.—Полное собраніе сочиненій. Въ 6-ти томахъ. Т. 5-й. Съ портретомъ автора. Изд. книж. маг. Н. Г. Мартинова. Спб., 1886 г. 8 д., 825

стр., 8,000 экз. Ц. 12 р. 50 к. за 6 томовъ.

Андерсенъ, Г., Додэ, А., Золя, Э., Гюи-де-Мопассанъ, Ришпенъ, Ж., и Захеръ-Мазохъ. — Картины жизни. Сборникъ очерковъ и рассказовъ. Перев. А. Н. Чудикова (Дорож. библиотека). Тип. и изд. А. Суворина. Спб., 1886 г. 12 д., 306 стр., 2,000 экз.

Буренинъ, В. — Мертвая нога. Романъ въ Кисловодскѣ. Спб., 1886 г. Тип. А. Суворина. 12 д., 287 стр., 1,000 экз.

Бѣлинскій, М. Натанъ. Романъ. К., 1886 г. Тип. Г. Фронцкевича. 12 д., 63 стр., 240 экз. Ц. 65 к.

Веригъ, Ж. Южная звезда или страна алмазовъ. М., 1886 г. Тип. В. Рихтеръ. 8 д., 266 стр., 1,500 экз.

Добрининъ, В. Собрание сочиненій. М., 1886 г. Тип. Е. Гербека и К°. 8 д., 207 стр., 1,200 экз. Ц. 75 к.

Диневъ, Д. — Клейменная. Повесть. Изд. библиотекъ бнвнм. Лебедевой. М., 1886 г. Тип. Э. Лиснеръ и Ю. Романъ. 8 д., 210 стр., 2,500 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Орловскій, К. — Блудный братъ. Повесть въ 2-хъ час. Спб., 1886 г. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 405 стр., 1,500 экз. Ц. 2 р.

Павлухинъ, Н. — Блуждающій вѣчный жидъ. Ром. въ 2-хъ час. Изд. А. Абрамова. М., 1886 г. 12 д., 162 стр., 6,000 экз.

Плаксинъ, В. — Букетъ стиховъ. Вла., 1886 г. Тип. А. Зака. 8 д., 40 стр., 500 экз.

Полонскій, Я. — Полное собраніе сочиненій. Т. 6-й. Изд. Ж. Полонской. Спб., 1886 г. Тип. Р. Голицы. 8 д., 530 стр., 2,000 экз.

Раймбургъ, В. Любовь и предразсудокъ. Ром. Спб., 1886 г. Тип. Х. Гельпернъ. 8 д., 306 стр., 500 экз.

Риваль, В. Тайны сердца. Изъ мрака и свѣта театральной жизни. Повесть. — Въ маскарадѣ. Рассказъ. — Передъ концомъ. Эскизъ. — М., 1886 г. Тип. И. Смирнова. 8 д., 198 стр., 600 экз. Ц. 1 р.

Соллогубъ, В. (Графъ). — Тарантасъ. Путевныя впечатлѣнія. (Дорож. библиотека). Спб., 1886 г. Тип. и изд. А. Суворина. 12 д., 330 стр., 2,000 экз. Ц. 1 р.

Тютчевъ, Ф. — Сочиненія. Стихотворенія и политич. статьи. Спб., 1886 г. Тип. Тренке и Фиско. 8 д., 598 стр., 1,200 экз.

Чеховъ, А. (Чеховъ, А.). Пестрые рассказы. Изд. жур. „Осколки“. Спб., 1886 г. 8 д., 380 стр., 2,000 экз. Ц. 2 р.

Шкляревскій, А. — Новая метла Уголов. романъ. (Изд. въ пользу семейства покойнаго автора). Спб., 1886 г. Тип. М. Румна. 8 д., 306 стр., 2,000 экз. Ц. 1 р.

Яромевскій, С. — На пути. Ро-

манъ. Спб., 1886 г. Тип. А. Ландау. 8 д., 390 стр., 1,200 экз.

ИСТОРИЯ. — БИОГРАФІЯ. — МЕМУАРЫ.

Абаза, В. — Исторія Россіи. Спб., 1886 г. Тип. А. Суворина. 8 д., 382 стр. и 2 таб. 2,000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Битъ (внутренній) русскаго государства съ 17-го октября. 1740 г. по 25 нояб. 1741 г., по документамъ, хранящимся въ москов. архивѣ и т-ва истинн. Кн. 2-я. Выспія государств. учрежденія. М., 1886 г., Тип. Д. Снегирева. 8 д., 473 стр., 600 экз.

Веселовскій, Г. — Историч. очеркъ города Воронежа. 1586—1886. Изд. Воронежской гор. управл. Воронежъ, 1886 г. 8 д., 302 стр., 1400 экз.

Дьячянъ, В. — Краткіе очерки по исторіи германскаго государственнаго устройства. Варш., 1886 г. Въ Губ. тип. 8 д., 19 стр., 150 экз.

Львовъ, Е. — Румелійскій переворотъ. Историч. этюдъ. М., 1886 г. Универ. тип. 8 д. 113 стр., 1,200 экз. Ц. 90 к.

Нахичкинъ, В. — Крат. исторія казакскаго ханства. Каз., 1885 г. Тип. Импер. универ. 8 д., 220 стр., 600 экз.

Письма Государниці Императрицы Маріи Феодоровны, Августѣйшей основательницы и покровительницы Москов. больницы для бѣдныхъ, къ почетному оекуну А. И. Муханову. 1800—1828. Изд. членовъ Маріинс. благотворит. об-ва при Маріинс. больницѣ. М., 1886 г. 8 д., 162 стр., 300 экз.

Руммель, В. и Голубовъ, В. — Родословный сборникъ русскихъ дворянск. фамилій. Т. 1-й. Съ таблицей. Спб., 1886 г. Тип. и изд. А. Суворина. 8 д., 619 стр., 1,020 экз. Ц. 10 р. за два тома.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ. — ПОЛИТИКА. — СТАТИСТИКА.

Ковалевскій, М. — Современный обычай и древній законъ. Т. 2-й. М., 1886 г. Тип. В. Гатюкъ. 8 д., 412 стр., 800 экз. Ц. 2 р.

Пособіе для изученія римскаго брачнаго права. Переводъ соотвѣствующихъ источянковъ. Изд. П. И. Д—скій. К., 1886 г. Тип. К. Милевскаго. 8 д., 26 стр., 200 экз.

Разъясненіе статей воинскаго уст. о наказаніяхъ и уст. о наказаніяхъ, налагаемыхъ миров. судьями, извлечен. изъ рѣшеній главн. воен. суда. М., 1886. Тип. И. Малышева. 8 д., 22 стр. 1,200 экз.

Рѣпинскій, А. — Сборникъ разъясненій по процессуал. вопросамъ предварит. слѣдствія. Спб., 1886 г. Тип. Э. Аригольда. 2 д., 176 стр., 1,200 экз.

Списокъ статей свода законовъ и распоряженій правительства о фельдшерахъ и фельдшерцахъ, лекаряхъ, помощникахъ и помощницахъ, глыарс. ученыхъ и о друшьянахъ гражданъ вѣдомства. Изъ медицинс. д-та м-тва внут. дѣл. Сиб., 1886 г. 8 д., 142 стр., 2,000 экз.

Списокъ статей свода законовъ, сенатскихъ указовъ и правительст. распоряженій, касающихся быта уменьшенныхъ въ Россіи. Изд. медицин. д-та м-тва внут. дѣл. Сиб., 1886 г. 8 д., 69 стр., 500 экз.

Трифоновъ, А.—Полицейское право. Лекціи, читан. въ военно-юридич. академіи. Изд. Шидловскій. Сиб., 1886 г. Тип. морс. м-тва. 8 д., 250 стр., 150 экз.

ГЕОГРАФІА.—ЭТНОГР.—ПУТИШЕСТВІЯ.

Волости и важнѣйшія селенія Европейск. Россіи. Изд. централн. статистич. комитета. Мин. Внут. Дѣл. Вып. VIII. Губернія Новороссійск. группы. Сиб., 1886. 4 д., 8 нел.+157 стр.

МЕДИЦИНА.—ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Аскоченскій, А.—Монографія. Алюминожелезистый глей (глина Тимофеева), какъ новое лекарство противъ застарѣлаго ревматизма, хроническ. назож. синей и др. болѣзней. Верхнедвир., 1886. Тип. Н. Губермана. 8 д., 134 стр., 2,400 экз. Ц. 1 р.

Бекаревичъ, В.—Къ вопросу о науч. основаніяхъ для приложенія торфа въ санитарной практикѣ. Диссертация. М., 1886 г. Тип. А. Карцева. 8 д., 70 стр., 300 экз.

Билъ, И.—Бѣлковыя вещества кумыса и кефира. Исслѣдованіе. (Отдѣл. оттискъ изъ „Фармацевтическ. журнала“). Изд. К. Риккера. Сиб. 1886 г. 8 д., 54 стр. и 1 таб., 310 экз.

Богдановъ, А.—Медицинская зоологія. I. Общія вступительныя зоологическія данныя и сравненія. М., 1886. Тип. А. Карцева. 8 д., 88 стр. въ два столбца, 1,800 экз. Ц. 25 к.

Gowerg, W.—Лекціи по діагностикѣ болѣзней головного мозга. Перев. А. Гевсѣева, подъ редак. П. Коналесскаго. Изд. жур. „Архивъ невропатріи, неврологіи и судеб. психонатологіи“. Харак., 1886 г. 8 д., 218 стр., 1,500 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Каженскій, Д.—Матеріалы къ изученію клиническаго значенія глобулинуріи при хроническомъ воспаленіи почекъ. Диссертация. Сиб., 1886. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 39 стр., 600 экз.

Ланцескій, С.—Крат. общій очеркъ физиологіи человека по сочиненіямъ Штей-

нера и Германа. Варш., 1886 г. Тип. А. Паскевича. 8 д., 109 стр. и 1 таб. рисунковъ, 500 экз. Ц. 75 к.

Изъ Бюро геолог. изъвед. Краткія общедоступ. правила для коллекціонированія и наблюденія по геологіи. Состав. Д. Ф. Сиб., 1886. Тип. Д. Бермана и Г. Рабиновича. 8 д., 7 стр., 1,000 экз.

Маевскій, П.—Весенняя флора сред. Россіи. Таблици для опредѣленія растеній, кѣтушки въ марѣ и апрѣлѣ. Изд. изд. „Начал. Школа“ Е. Тихомировой. М., 1886. 8 д., 55 стр., 2,400 экз. Ц. 30 к.

Небогатъ, И.—Первое поданіе помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Дерягинъ, 1886 г. Тип. Шнакенберга. 12 д., 16 стр., 2,000 экз.

Нѣмченковъ, В.—Картефель и его питательность. (Изъ рабѣннич. лабораторіи военно-медиц. академіи.) Диссертация. Сиб., 1886. Тип. М. Румина. 8 д., 40 стр. и 8 таб., 600 экз.

Сабанѣевъ, А.—Химич. исслѣдованіе Липецкихъ минерал. водъ. М., 1886 г. Унив. тип. 8 д., 88 стр. и 2 таб., 300 экз.

Скребницкій, А.—Къ вопросу о распространеніи у насъ слѣпоты. Сиб., 1886. Тип. А. Суворина. 8 д., 5 стр., 500 экз.

Татарскій, В.—Исслѣдованія надъ дѣйствующимъ химическимъ веществомъ при сибирской язвѣ. Диссертация. Сиб., 1886 г. Тип. м-тва внут. дѣл. 8 д., 57 стр., 360 экз.

Тешерсон, Н.—Лекціи объ опухоляхъ пундры и о нѣкоторыхъ важнѣйш. пунктахъ хирургіи мочевого пути. Надобная операція при открытіи пундры для извлеченія камня и опухоли. Перев. съ англійск. подъ редак. А. Введенскаго, съ предислов. Н. Склифасовскаго. Съ 61 повѣст. въ текстѣ. М., 1886. Тип. и изд. А. Карцева. 8 д., 231 стр., 5,400 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Холмогоровъ, С.—О происхожденіи хроническ. интерстиціального воспаленія печени. Экспериментал. исслѣдованіе. Диссертация. М. 1886. Тип. И. Кушнерова и К°. 8 д., 186 стр. и 14 рисун., 480 экз.

Чирьевъ, С.—О физиологическихъ основаніяхъ такъ называемаго отпаданія мышелъ. Публич. лекція. К., 1886. Унив. тип. 8 д., 20 стр., 200 экз.

Шидловскій, Г.—Къ вопросу о продолжительности пребыванія пищи въ желудкѣ здоровыхъ и болѣзнихъ людей и о вліяніи на эту продолжительность искусственно вызваннаго потвнія. Диссертация. Сиб., 1886 г. Тип. А. Брукера. 8 д., 51 стр., 600 экз.

МАТЕМАТИКА.—ФИЗИКА.—ХИМИЯ.—АСТРОНОМІЯ.

Бобилевъ, Д.—Гидростатика и теорія упругости. Вып. 1-й. Сиб., 1886 г.

Тип. Имп. ак. наук. 8 д., 184 стр. и 1 лис. чертежей, 910 экз. Ц. 1 р. 70 к.

Гамель, I.—Историч. очерк электрическ. телеграфовъ. Съ портретомъ бар. Шиллинга. Сиб., 1886 г. Тип. м-тва внутр. дѣл. 8 д., 52 стр., 300 экз.

Головинъ, X.—Курсъ строительной механики. Лекціи, читан. въ сиб.-номъ практик. технологич. институтѣ въ 1887/8. Сиб. 8 д., 270 стр., 810 экз.

Евневичъ, И.—Курсъ прикладной механики. Лекціи, читан. въ институтѣ гражданск. инженеровъ. Съ атласомъ изъ 10 таблицъ. Сиб., 1886. Тип. А. Перотт и К°. 8 д., 468 стр., 1,200 экз. Ц. 8 р.

Качаловъ, Н.—Элементар. телеграфія. Техническая часть. Курсъ для телеграфистовъ и надсмотрщиковъ. Сиб., 1886 г. Тип. морс. м-ва. 8 д., 117 стр., 2,000 экз.

Константиновъ, А.—Таблицы взаимнаго соотношенія съ миллиметрами русск. линейныхъ мѣръ, футовъ, саженей и ихъ долей, съ максимальномъ погрѣшностію въ 0,05 мил. Тиф., 1886. Тип. канц. главнонач. гражд. час. на Кавказѣ. 8 д., 22 стр., 1,018 экз. Ц. 1 р.

Кудрявцевъ, М.—Арифметика на счетахъ. М., 1886 г. Т-ва „Печатня С. П. Яковлева“. 8 д., 83 стр., 2,400 экз. Ц. 45 к.

Хандриковъ, М.—Описательная астрономія, общедоступно изложенная. К., 1886. Тип. С. Кульженко. 8 д., 424 стр., 2,000 экз. Ц. 3 р.

Шначинскій, Э.—Электрическіе аккумуляторы. (Отдѣл. оттискъ изъ „Жур. элементар. математик.“). К., 1886. 8 д., 46 стр., 600 экз. Ц. 50 к.

Щавинскій, А.—Кнопка — телефонъ. Описание ея устройства и примененій. Сиб., 1886. Тип. и лит. А. Траншеля. 8 д., 14 стр. и 4 таб. чертежей, 960 экз. Ц. 65 к.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Газенкампфъ, М.—Полковой и дивизионный обозы переходнаго устройства. Дополненіе къ брошюрѣ того же автора: „Войсковой обозъ новой организаціи и переходнаго устройства“, изд. 1885 г. Сиб., 1886. Воен. тип. 8 д., 52 стр., 800 экз. Ц. 40 к.

Оборона Россіи отъ нашествія съ запада. Съ картою. Состав. Ла-ва, П. Сиб., 1886 г. Тип. Тренке и Фюсно. 16 д., 22 стр., 270 экз.

Описание устройства и употребленія станка для объясненія свойствъ тракторія винтовки. Киб., 1886 г. Тип. В. Апостолова. Изд. К. Грибовскаго. 4 д., 6 столбцовъ. 1,000 экз.

Шерферъ, Н.—Изъ дневника ротнаго командира. Примѣры ротныхъ так-

тичск. сторожевыхъ и патрульн. учений, при весьма ограничен. времени и др. неблагопріятныхъ условіяхъ. Составлено по сочиненію Р. фонъ-Армина, майора прусск. служб. Изд. В. Березовскій. Сиб., 1886 г. 12 д., 101 стр., 1,180 экз. Ц. 50 к.

Янжулъ.—Восемьдесятъ лѣтъ боевой и мирной жизни 20 артиллерійской бригады 1806—1886. Историч. очеркъ войны и владѣчества русскихъ на Кавказѣ. Состав. похъ редак. Чернявскаго. Т. I-II. Тиф., 1886 г. Тип. окруж. штаба. 8 д., 605 стр.

ТЕХНОЛОГІЯ.—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Дерягинъ, Н.—О цыганскомъ овцеводствѣ въ Бессарабѣ и торговѣ шерстью въ Россіи. М., 1886 г. Тип. Любенькова. 8 д., 39 стр., 1,200 экз.

Залѣвскій, В.—Камернальн. очеркъ для обихатанія высшихъ сортовъ алебастра. (Извѣс. политехнич. общ., состоящаго при Импер. технич. училищѣ. Вып. IV.) М., 1886 г. 8 д., 15 стр. и 1 таб., 610 экз. Ц. 40 к.

Баженько, В.—Двѣнадцать слѣвъ моего сада. Спб., 188 г. 6 Тип. М. Стасюлевича. 4 д., 40 стр. и 12 хромолитогр., 300 экз.

Муратовъ, Л.—Комнатное садоводство. Руковод. къ разведенію и содержанію растений въ комнатахъ и теплицахъ. М., 1886 г. Тип. В. Гаткукъ. 8 д., 266 стр. съ 24 гравюр. и 117 политип., 1,500 экз. Ц. 2 р.

Щербачевъ, Г.—Крат. очеркъ теоріи и практики сельск. хозяйства. М., 1886 г. Тип. В. Рихтеръ. 8 д., 195 стр., 1,200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

ЛИНГВИСТИКА.

Атта, М.—Арабская хрестоматія. Час. 1-я (текст). Каз., 1886 г. Тип. Импер. унвер. 8 д., 113 стр., 600 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Джафаръ-Мирза.—Персидско-русская грамматика. Изд. персидскаго вице-консула Мирзи-Немагули-Аминова. Каз., 84 г. 8 д., 85 стр., 800 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Свѣшниковъ, Н.—„Volapuk“. Курсъ всемірнаго языка, изобрѣтеннаго I. Шлейеромъ. Час. 1-я. Грамматика съ упражненіями въ переводахъ, ключомъ къ нимъ и отдѣломъ о словообразованіи. Ватка, 1886 г. Тип. Кузлина. 8 д., 63 стр., 300 экз. Ц. 75 к.

Словарь (Краткій русско-греческій), съ обозначеніемъ этимологич. и синтаксич. особенностей каждого слова. Изд. книж. маг. Юраксонъ. К., 1886 г. 32 д., 174 стр., 2,000 экз. Ц. 85 к.

ПЕДАГОГИЯ. — КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Барановъ, А.—Наше родное. Русскій и церковно-славянскій букварь и сборникъ статей для упражненія въ рус. и церковно-славянск. чтеніи, съ образками для самостоятельныхъ писмен, упражненій и рисунками въ текстѣ (правописаніе по Гроту). Изд. Д. Полубоярнова. Сиб., 1886 г. 8 д., 96 стр., 5,100 экз. Ц. 30 к.

Бойчевскій, И.—Курсъ теоріи словесности. М., 1886 г. Тип. Э. Лисснеръ и Ю. Романъ. 8 д., 175 стр., 600 экз. Ц. 60 к.

Виноградовъ, В.—Родное чтеніе для дѣтей сред. возраста. Годъ 2-й. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія, составленная изъ сочиненій рус. писателей, съ отдѣломъ для письменныхъ упражненій и матеріаломъ для церковно-славянскаго чтенія. Изд. книж. маг. наслед. бр. Салаевыхъ. М., 1886 г. 8 д., 100 стр., 2,300 экз. Ц. 30 к.

Висковатовъ, В.—День въ римскомъ црквѣ. Картины римскихъ нравовъ. (Народ. бібліотека). М., 1886 г. 8 д., 32 стр., 1,200 экз. Ц. 7 к.

Гвѣздичъ, Н.—Рыбаки. Идиллія. (Всеобщая бібліотека). Изд. Я. Самойлова. М. 16 д., 12 стр., 2,400 экз. Ц. 3 к.

Гобза, У.—Геродотъ. Греко-персидскія войны. Греческій текстъ съ примѣчаніями и статьями о Геродотѣ и новогреческомъ діалектѣ и съ тремя картами сраженій. Изд. книж. маг. наслед. бр. Салаевыхъ. М., 1886 г. 8 д., 155 стр., 2,400 экз. Ц. 70 к.

Гржегоржевскій, Д.—Систематич. сборникъ примѣровъ для упражненія въ разборѣ сложныхъ предложеній, построенныхъ по способу подчиненія, съ прилож. руководящихъ вопросовъ для разбора. (Матеріалъ для синтаксическаго заданія) К., 1886 г. Унив. тип. 8 д., 73 стр., 500 экз. Ц. 70 к.

Диккенсъ.—Смерть пльниця. Рассказъ. Изд. „Народ. Библіотека“. М., 1886 г. 8 д., 16 стр., 1,500 экз. Ц. 3 к.

Ивазовъ, Д.—Слово крестьянина. Сиб., 1886 г. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 48 стр., +1 портретъ. 1,000 экз. Ц. 10 к.

Майнъ-Ридъ.—Игнацианъ въ гѣсу. Рассказъ изъ путешествія по юж. Америкѣ. Съ картинами. Изд. книгопр. В. Губинскаго. Сиб., 1886 г. 8 д., 319 стр., 2000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Немировичъ-Давченко, В.—Махмудкин дѣт. Рассказъ. Изд. склада „Посредникъ“. М., 1886 г. 16 д., 85 стр., 24,000 экз.

Новосильцевъ, А.—Латинскій синтаксисъ въ объемѣ гимназич. курса, изложенный примѣнительно въ рус. син-

таксису. М., 1886 г. Унив. тип. 8 д., 192 стр., 12,000 экз. Ц. 1 р.

Рассказъ дѣдушки. К., 1886 г. Тип. окруж. штаба. 12 д., 35 стр., 3,000 экз. Ц. 15 к.

Таращенко, А.—Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки. Въ переводѣ Галлана и другихъ. М., 1886 г. Тип. Л. Снегирева. 8 д., 395 стр., 2,400 экз. Ц. 2 р.

Толстой, Л.—Три сказки: 1) Много ли человѣку земли нужно? 2) Зерно съ курное ядро и 3) Какъ чертенюкъ красному выучажд. Изд. склада „Посредникъ“. М., 1886. 12 д., 34 стр., 24,000 экз.

Толстой, Л.—Сказка объ Иванѣ-дурачѣ и его двухъ братьяхъ: Семенѣ-воинѣ и Тарасѣ-брюханѣ и нѣмой сестрѣ Маланѣ и о старомъ дяволѣ и трехъ чертенятахъ. Изд. склада „Посредникъ“. М., 1886. 16 д., 85 стр., 24,000 экз.

Толстой, Л.—Чѣмъ люди живи. Въ рисункахъ И. Ге. М., 1886. Тип. Мамонтова. 1 д., 2 стр. въ три столбца текста и 10 фототипій, 1,000 экз.

Тронцкій-Сенютовичъ, П.—Подготовительныя русскія азбучныя таблицы при начальномъ обученіи чтенію и письму. Учебное пособіе для семьи и школы. Варш., 1886 г. Тип. И. Котля. 8 д., 16 стр., +5 таб. 1,000 экз.

„Уродушки“. Рассказъ. Изд. редак. журн. „Чтеніе для народа“. Сиб., 1886. 8 д., 14 стр., 2,000 экз. Ц. 5 к.

Хилева, О.—Марья-кружевница. Повѣсть. Изд. склада „Посредникъ“. М., 1886. 12 д., 36 стр., 24,000 экз.

Эртель, А.—Повѣсть о жадномъ мужикѣ Ермигѣ. Изд. склада „Посредникъ“. М., 1886. 12 д., 69 стр., 24,000 экз.

С М Ъ С Ъ .

Поновъ, С.—„Другъ и руководитель охотника“. Собака въ здоровомъ и больномъ состояніи. Охота на дичь и звѣрей. Лечебникъ и анкета для собакъ. Составлен. подъ редак. Г. Игнатьева. М., 1886. Тип. Ф. Югансонъ. 8 д., 273 стр., 1,200 экз. Ц. 2 р.

НА ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФИЯ.—ПСИХОЛОГИЯ.

Bukowski (Julian, x.). Dzieje reformacyi w Polsce od wejścia jej do Polski, aż do jej upadku. Kraków, 1886. Tom II. IX i 599 str. in 8.

Stagraczyński (J., x.). Nauki katechizmowe o prawdach wiary i obyczajów katolickiego kościoła. Według średniego katechizmu Deharba. Poznań, 1886. Tom III. VIII i 351 str. in 8.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Obełgalski (Wydrwisław). Eufonia i Arkadyusz, czyli miłość z przeszkodami. Poznań, 1886. 100 str. in 16.

КОРИДЖЕВСКІЯ КНИГИ.—НОЛИТИКА.—СТАТИСТИКА.

Demetrykiewicz (Włodzimierz, d-r). Finansowe zaniedbanie galicyjskich poraników historycznych. W imię prawdy i oczyszczonych zabytków. Kraków, 1886. 26 str. in 8.

Demetrykiewicz (Włodzimierz, d-r). Konserwatorstwo dla zabytków archeologicznych. Studium ze stanowiska dziejów kultury i nauki porównawczej prawa. Kraków, 1886. 74 str. in 8.

Tomkiewicz (Stanisław). Reforma konserwatorska zabytków sztuki w Galicji. Kraków, 1886. 112 str. in 8.

МВДЕННИНА.

Smetesz (Jeremi, ks.). Poradnik domowy lekarzki na różne choroby i cierpienia ludzkie. Poznań, 1886. VIII i 122 str. in 8.

ПЕДАГОГИЯ.

Czubski (Jan). Śpiewnik polski dla ochronek szkół ludowych i wydziałowych. Wydanie II przerobione. Lwów, 1886. Część I. 52 str. in 8.

Pietrzycki (Edward). Nauka teoretyczna i praktyczna rachunkowości, czyli buchhalterji kupieckiej, pojedynczej i podwójnej dla użytku szkolnego i domowego. Wydanie II przerobione i pomnożone. Lwów, 1886. Tom I. Dział teoretyczny. XVIII i 382 str. in 8.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

РЕЦЕНЗИЯ.—ФИЛОСОФИЯ.—ПСИХОЛОГИЯ.

Ballet (Gilbert). Le Langage intérieur et les diverses formes de l'aphasie. Paris, 1886. XVI et 174 p. in 18.

(Bibliothèque de philosophie contemporaine).

Bastide (J.). Dieu dans la création. Lausanne, 1886. 79 p. in 24. II. 30 k.

Bastie (Charles). Sermons ou Discours apologétiques. 3-me et dernière série. Paris, 1886. 307 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Eldin (F.). Derniers temps et avenir éternel du grand oeuvre humain d'après l'apocalypse. Paris, 1886. XXII, 374, 374 bis, 374 ter et de 375—376 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Explication familière de l'évangile de Saint Matthieu. Souvenirs des leçons bibli-

ques de M. le pasteur Demole à ses catéchumènes par l'auteur de „Sous la croix“. Lausanne, 1886. Tome II, VII—359 p. in 18. II. 1 p. 50 k.

Fouard (abbé C.). Les Origines de l'église. Saint Pierre et les premières années du christianisme. Paris, 1886. XXVI et 568 p. in 8. II. 3 p. 75 k.

Guettée (Wladimir). Histoire de l'église depuis la naissance de N. S. Jésus-Christ jusqu'à nos jours composée sur les documents originaux et authentiques. Paris, 1886. Tome V, 624 p. in 8. II. 1 p. 75 k.

Kruger (Gustave A.). Une Eglise judéo-chrétienne en Bessarabie. Documents relatifs à sa formation, publiés par M. le professeur Delitzsch, traduits et accompagnés d'une notice historique et de l'examen du caractère scripturaire de ce mouvement. Lausanne, 1885. XIX et 152 p. in 18.

Moody (D. L.). A l'Oeuvre. Paris, 1886. 207 p. in 18. II. 1 p.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Améro (Constant). Le Tour de France d'un petit parisien. La Lutte pour la vie. Paris. 429 p. in 18. II. 1 p. 50 k.

Aubert (Charles). Les Nouvelles amoureuses. Paris, 1885. Vol. XXII. Sacha et Loudmilla. Marfa. 62 p. in 18. II. 1 p. 50 k.

Augu (Henri). Un Bandit amoureux. Paris, 1886. 355 p. in 18.

Bayeux (Marc). Les Amours de jeunesse. Paris, 1886. 516 p. in 18. II. 1 p. 50 k.

Bernard, Alph. de (A. de Calonne). La Foire aux écus. Paris, 1886. 306 et 1 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Beyra (Armand). Scènes de la vie militaire. Mademoiselle Providence. Paris, 1886. 291 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Blandy (S.). Trois contes de Noël. L'Epilogue d'un procès. Sous le gui. Sixpence. Paris, 1886. 309 p. in 18. II. 1 p. 25 k.

Borin (Achaë). Contes orientaux. Daniel. La Peau de léopard. L'Hospitalité. Paris, 1886. 174 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Boufflers (chevalier de). Poésies diverses. Avec une notice bio-bibliographique par Octave Uzanne. Paris, 1886. L et 239 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Cançacuzène-Altieri (princesse Olga). Irène. Paris, 1886. 319 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Carrance (Evariste). Les Belles-mères. Anecdotes, épigrammes, satires dédiées aux gendres français et étrangers. Agen, 1886. 29 p. in 18.

Cauvain (Henry). La Main sanglante. Paris, 1886. 345 p. in 18.

Destournelles (Alfred). Le Loup

dans la bergerie. Paris, 1886. VII—219 p. in 18. II. 1 p. 50 k.

Drack (Maurice). Le Pavé de l'enfer. Paris, 337 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Ducrot (Edouard). La Vie qui tue. Chignon d'or. Moeurs parisiennes. Paris, 1886. 372 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Dumonteil (Fulbert). Contes jaunes. Paris, 1886. 356 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Faure (Emile). Les Grandes viveuses. Paris, 1886. 316 p. in 18. II. 1 p. 50 k.

Forsan. La Duchesse Ghislaine. Paris, 1886. 281 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Fusco (Jean). Mademoiselle Corvin. Vaincu! Un Provincial à Paris. Paris, 1886. 286 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Germont, Louis (Rose-Thé). Belle-amie. Préface par Armand Silvestre. Paris, 1886. XII et 305 p. in 18. II. 1 p. 50 k.

Goncourt (Edmond et Jules de). Pages retrouvées. Préface de Gustave Geffroy. Paris, 1886. XIX et 324 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Hessem. Les Confessions d'une comédienne publiées par Louis de Hessem. Paris, VI et 326 p. in 18.

Hugo (Victor). Oeuvre. Edition nationale. Paris, 1886. Poésie. Tome V. Les Contemplations. Tome I: Autrefois. 348 p. in 4.

Hugo (Victor). Théâtre en liberté (Prologue. La Grand'mère. L'Épée. Mangeront-ils? Sur la lisière d'un bois. Les Gueux. Être aimé. La Forêt mouillée). Paris, 1886. 320 p. in 8.

Icres (Fernand). Le Justicier (Mœurs pyrénéennes). Paris, 1886. 271 p. in 18.

Landell'e (G. de la). Le Roi des rapaces. Paris, 1886. 353 p. in 18. II. 1 p. 50 k.

Lange (Félix de). Fleurs d'automne, poésies diverses. Paris, 1886. 104 p. in 12. II. 1 p.

Lapeyrouse (S. de). Misères oubliées. Californie 1850—1853. Aventures et souvenirs d'un chercheur d'or. Paris, 301 et 1 p. in 18.

Lavedan (Henri). Reine Janvier. Paris, 1886. 100 p. in 8. II. 2 p. 50 k.

Lepage (Auguste). Le Roman d'un héros. Paris, 1886. 432 p. in 18.

Lermina (Jules). Le Livre d'amour. Paris, 1886. 716 p. in 4.

Leroy (Charles). La Foire aux conseils. Paris, 308 p. in 18.

Marcel (Et.). Elle et moi, suivi de La Vengeance d'une reine. Paris, 1886. 280 p. in 18. II. 1 p. 25 k.

Mary (Jules). La Marquise Gabrielle. Paris, 303 p. in 18.

Matthey, A. (Arthur Arnould). La Fête de Saint-Remy. Paris, 1886. 406 p. in 18. II. 1 p. 50 k.

Mayet (Charles). Le Dernier caprice. Paris, 1886. 316 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Melvil (Francis). Marcel Campagnac. Paris, 1886. 314 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Mendès (Catulle). Un Miracle de Notre-Dame, conte en vers. Paris, 1886. 1 p. in 8.

Mérouvel (Charles). Thérèse Valignat. Paris, 1886. 343 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Moreau (Emile). Le Gant de Conradin. Manfred. Paris, 1886. IX et 402 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Nazim (Georges). Les Rois du jour. Le Ténor. Paris, 1886. 345 p. in 18.

O'Meara (K.). Un Salon à Paris. Madame Mohl et ses intimes. Paris, 296 p. in 18.

Paulhaguet. Boris Trofimoff. Scènes de la vie russe contemporaine. Paris, 1886. 356 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Pig (Gustave). Le Castel de Montalune. Paris, 1886. 297 p. in 18.

Pigeon (Amédée). La Confession de madame de Weyre. Deux mensonges. Conversation parisienne. Un Bon conseil. La Critique qui ne passe qu'une fois. Nogaret. Au village. Le Mot „amour“. Paris, 1886. 294 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Pisemsky (A. Th.). Mille ames. Traduction de Victor Derély. Paris. Tome I, 316 p. Tome II, 352 p. in 18. II. 3 p. 75 k.

Pradel (Georges). La Fille du régicide. Paris. 354 p. in 18.

Rambaud (Yveling). La Vertu de m-lle Drichet. Paris, 1886. 324 p. in 18. II. 1 p. 15 k.

Richard (Charles). Malingreux. Paris, 1886. 115 p. in 8. II. 2 p. 50 k.

Robidou (Bertrand). La Dame de Coëtquen. Paris, 1886. 593 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Rommel (Dr.). Au pays de la revanche. Genève, 1886. XIII et 279 p. in 18.

Rouquette (Frédéric). Madame la vierge. Paris, 1886. 261 p. in 18.

Saint-Jairs. Madame Bourette. Paris, 1886. 289 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Scholl (Aurélien). Les Fables de La Fontaine filtrées. Paris, 1886. 62 p. in 8. II. 5 p.

Stapleaux (Léopold). Les Diabliesses de Paris. La Femme du député. Paris, 1886. 324 p. in 18. II. 1 p. 50 k.

Stapleaux (Léopold). Histoires d'hier. Une Victime du krach. Paris, 1886. 311 p. in 18.

Stenger (Gilbert). Maître Duchesnois. Roman parisien. Paris, 1886. 396 p. in 18.

Théo-Critt. Le Régiment où l'on s'amuse. Paris. 353 p. in 18. II. 2 p. 50 k.

Theuriot (André). Bigarreau. La Pamplina. Marie Ange. L'Oreille d'ours. La Saint-Nicolas. Paris, 1886. 266 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Turique (Julien Berr de). Un Homme aimé. Paris, 1886. 307 p. in 18.

Vallée (Oscar de). Nouvelles études et nouveaux portraits. Paris, 1886. 451 p. in 8.

Veron (Pierre). Paris vicieux. L'Amour de Babel. Paris, 1886. 290 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Vilmain (Jules). Etude contemporaine. Mari ou père? Paris, 1886. VII et 229 p. in 18.

Willia. Le Petit marquis. Le Peintre de fleurs. Paris, 1886. 266 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Zaccone (Pierre). Les Drames du demi-monde. Paris, 1886. Tome I. La Buveuse de sang. 368 p. Tome II. Jane la Rousse. 398 p. in 18. II. 3 p.

ИСТОРИЯ.—БИОГРАФИЯ.—МЕМОАРЫ.

Aulard (F. A.). Les Orateurs de la législative et de la convention. Paris, 1886. Tome I, 567 p. 1886. Tome II, 591 p. in 8.

Bonnemère (Eugène). Histoire des guerres de religion. XVI-e siècle. Paris, 1886. 292 p. in 8. II. 1 p. 75 k.

Broglie (feu duc de). Souvenirs. 1785—1870. Paris, 1886. Tome I, 4, VII et 391 p. in 8. II. 3 p. 75 k.

Chérest (Aimé). La Chute de l'ancien régime (1787—1789). Paris, 1886. Tome III. XVI et 360 p. in 8.

Dubard (Maurice) et Ernest Grasset. Souvenirs de guerre et de mer. Deux petites sauvages. Thi-Bai-Tran. Akoulina. Paris. 304 p. in 18.

Joret (Charles). Jean-Baptiste Tavernier, ecuyer, baron d'Aubonne, chambellan du grand électeur d'après des documents nouveaux et inédits. Paris, 1886. X et 413 p. in 8. II. 3 p. 75 k.

Lagrèze (G. B. de). La Société et les mœurs en Béarn. Pau, 1886. 568 p. in 18. II. 2 p. 50 k.

Lescure (M. de). Lettres d'amour d'Henri IV publiées avec une préface. Paris, 1886. XXX et 214 p. in 18.

Moreau (abbé Christian). Une Mystique révolutionnaire. Suzette Labrousse, d'après ses manuscrits et des documents officiels de son époque. Ouvrage précédé d'une lettre — préface de M. H. Taine. Paris, 1886. 2, VII et 268 p. in 8. II. 3 p.

Nos fautes. Lettres de province 1879—1885 par Un Républicain. Paris, 1886. VII et 414 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Pontmartin (A. de). Mes mémoires. Seconde jeunesse. II-e série. Paris, 1886. 394 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Porret (J. Alfred). L'Insurrection des Cévennes, 1702—1704. Esquisse historique accompagnée de notes et d'appendices. Lausanne, 1885. 144 p. in 18. II. 75 k.

Pougin (Arthur). Verdi, histoire anecdotique de sa vie et de ses œuvres. Paris, 1886. VIII et 381 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Réville (Jean). La Religion à Rome

sous les Sévères. Paris, 1886. VII et 302 p. in 18.

Sainte-Marie (E. Pricot de). Les Slaves méridionaux. Dalmates, Bulgares, Serbes, Bosniaques. Leur origine et leur établissement dans l'ancienne Illyrie. Paris, 1886. 179 p. in 18.

Vingtrinier (Aimé). Soliman-Pacha, colonel Sève, généralissime des armées égyptiennes ou Histoire des guerres de l'Égypte de 1820 à 1860. Paris, 1886. 580 p. in 8. II. 5 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ КНИГИ.—ПОЛИТИКА.—СТАТИСТИКА.

Bataille (Albert). Causes criminelles et mondaines de 1835. Paris, 1886. 510 p. in 18.

Bouniceau-Gesmon. Domestiques et maîtres ou Sécurité de la famille à propos de crimes récents. Paris, 1886. XI—355 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Clercq (P. H. de). Les Finances de l'Empire de Russie. Amsterdam, 1886. I, IV et 315 p. in 8.

Darimon (Alfred). L'Opposition libérale sous l'empire (1861—1863). Paris, 1886. 417 p. in 18.

Gambetta. Dépêches, circulaires, décrets, proclamations et discours de Léon Gambetta, publiés par M. Joseph Reinach. Edition définitive. Paris, 1886. Tome I, IV et 528 p. in 8.

Jousserandot (M. Louis). De la Démocratie républicaine. Paris, 1886. 83 p. in 8.

Smith (L.). Les Coalitions et les grèves. D'après l'histoire et l'économie politique. Avec un appendice de lois de divers pays. Paris. IV et 288 p. in 8. II. 3 p.

Saint-Thomas (H.). Le Rêve de Paddy et le cauchemar de John Bull. Notes sur l'Irlande. Paris. IV et 367 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

ГЕОГРАФИЯ.—ЭТНОГРАФИЯ.—ПУТЕШЕСТВИЯ.

Bertie-Marriot (C.). Un Parisien au Mexique. Paris, 1886. 384 p. in 18. II. 1 p. 50 k.

Bouchet (Evariste). Souvenirs d'Espagne. Paris, 1886. VI et 390 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Bourquellot (Emile). Promenades en Égypte et à Constantinople. Paris, 1886. 442 p. in 18.

Montet (Joseph). De Paris aux Carpathes. Paris, 1886. 148 p. in 18. II. 1 p.

МЕДИЦИНА.—ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ.

Cels (Alphonse). Eléments d'anthropologie. Notions de l'homme comme organ-

me vivant et classification des sciences anthropologiques fondamentales. Bruxelles. Tome I, VIII et 202 p. in 8.

Galopin (Augustin). Excursions du Petit Poucet dans le corps humain et dans les animaux. Physiologie, hygiène, médecine et chirurgie usuelles. Paris, 1886. 408 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Lachèse (Dr. Lanoaille de). Tarassis, troubles de l'ame et du corps chez l'homme dans les temps modernes et dans l'histoire. Paris, 1886. 40 p. in 8.

Saury (Dr. H.). Etude clinique sur la folie héréditaire (les dégénérés). Paris. IV et 233 p. in 18. II. 2 p.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Hennebert (lieutenant-colonel). Les Armées modernes. Paris. VIII et 352 p. in 18 II. 3 p. 75 k.

ИСКУССТВО.

Boutarel (Amédée). L'Expression musicale au point de vue de la science et de la poésie. Paris, 1885. 62 p. in 18.

Enault (Louis). Paris-Salon. 1886. Paris, 1886. Vol I-er. 4, 40 et 80 p. in 8. (12-e vol de la collection). II. 7 p. 50 k.

Noël (Edouard) et Edmond Stoullig. Les Annales du théâtre et de la musique. Avec une préface par M. Ch. Gounod. XI-me année. 1885. Paris, 1886. XXII et 567 p. in 18.

ТЕХНОЛОГІЯ.—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Kunnen (N. P.). Voyage agricole en Russie pendant l'année 1885. Luxembourg, 1886. VII et 143 p. in 8.

ПЕДАГОГІЯ.

Morlet (A.) et H. Lémonon. Nouveau recueil de narrations françaises, contenant 80 sujets avec une matière, un plan, des conseils pour le développement, des notes et renseignements, des variantes. Suivi de 130 morceaux choisis pouvant servir de modèles ou d'études préparatoires au développement à l'usage des classes de grammaire et d'enseignement spécial des lycées, collèges et institutions de jeunes gens et de jeunes filles. Paris, 1886. 1-re partie, XXV et 399 p. in 18.

Ménard (René). Cours d'histoire générale. L'Ancienne Asie. Paris, 1886. 87 et 1 p. in 12.

Quayzin (Henri). Premières lectures dédiées aux classes moyennes des écoles supérieures de jeunes filles avec un vocabulaire français-allemand et la table alphabétique des verbes irréguliers les plus usités. Stuttgart, 1886. VII et 247 p. in 18.

Scènes de famille ou Lectures pour des enfants de sept à neuf ans. Fontaines, 1885. 299 p. in 18. II. 1 p. 25 k.

С М Ъ О Б.

Monin (docteur E.). L'Hygiène de la beauté. Formulaire cosmétique. Ouvrage précédé d'une lettre de Catulle Mendès. Paris, 1886. XIV et 220 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГІЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.

Huhn (A. L.). Predigten über die Leidengeschichte unseres Herrn. Reval, 1886. IV und 368 S. in 8.

Jatho(G.). Unser Gemeindegottesdienst, sein Verfall und Wiederaufbau. Frankfurt a./M., 1886. 55 S. in 8.

Kayser (A.). Die Theologie des Alten Testaments in ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt. Strassburg, 1886. XII und 264 S. in 8.

Noiré (L.). Logos. Ursprung und Wesen der Begriffe. Lpz. 1885. 862 S. in 8.

O. H. Ueber die Geheimlehre. Betrachtungen. Lpz., 1886. 23 S. in 8.

Oswald (J. H.). Die Schöpfungslehre im allgemeinen und in besonderer Beziehung auf den Menschen, im Sinne der katholischen Kirche dargestellt. Paderborn, 1885. V und 248 S. in 8.

Schon (M.). Das Mennonitenthum in Westpreussen. Berlin, 1886. 83 S. in 8.

Stendel (A.). Ueber Materie und Geist. Stuttgart, 1885. 58 S. in 8.

Von Mara nach Elim. Dichtungen zum Katechismus. Frankf. a./M., 1886. X und 168 S. in 8.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Asmus (G.). Amerikanisches Skizzenbüchlein. Zwei Episteln in Versen. Köln und Lpz., 1885. 127 S. in 8.

Bargen (H. R.). Don Juan Redaado. Der Stierkämpfer und Abenteuerer. Neusalza i./S., I Bd. 650 S.; II Bd. 552 S.; III Bd. 366 S.; IV Bd. 206 S. in 8.

Böhlau (H.). Der schöne Valentin. Die alten Leuten. 2 Novellen. Berlin, 1886. 286 S. in 8.

Bornhak (F.). Kaiserin Augusta. Züge aus einem fürstlichen Frauenleben. Berlin, 1886. 205 S. in 8.

Bülow (M. v.). Jonas Briccinus. Erzählung. Lpz., 1886. 248 S. in 8.

Bürger (G. A.). Die Königin von Golkonde. London. 28 S. in 16.

Dostojewski (F. M.). Erzählungen.

- Frei nach dem Russischen von W. Goldschmidt. Lpz. 119 S. in 16.
- Eckstein (E.). Ringkämpfe. Kleine Essays. Lpz., 1886. 250 S. in 8.
- Erhard (E.). Onkel Hermann. Novelle. Berlin, 1886. 171 S. in 8.
- Folkrats (R.). Die Brautfahrt eines deutschen Husaren. Reutlingen. 56 S. in 8.
- Frenzel (K.). Des Lebens Ueberdruss. Eine Berliner Geschichte. Minden i./W., 1886. 163 S. in 8.
- Freundenberg (R.). Verknüpft und Getrennt. Roman. Berlin, 1886. I—III Bd.: 224, 215, 226 S. in 8.
- Frey (B.). Auf der Wege des Glücks. Roman. Stuttgart, 1886. 168 S. in 8.
- Fricke (W.). Wupperthaler Novellen, oder: Geschichtliche Erzählungen aus der Vorzeit Elberfelds und Barmens. Bielefeld und Barmen, 1886. 177 S. in 12.
- Friedmann (A.). Aus Höhem und Tiefen. (Ernstes und Profanes). Minden i./W., 1886. VIII und 294 S. in 8.
- Fuchs (R.). Gedichte (1878—1885). Dresden-Striesen. VIII und 176 S. in 8.
- Geyern (D. v.). Ein Feenschloss. Roman. Stuttgart und Lpz., 1886. I—III Bd.: 277, 269 und 303 S. in 8.
- Hallervorden (J.). Genrebilder. Berlin, 1886. 190 S. in 12.
- Hamerling (R.). Amer und Psyche. Eine Dichtung in sechs Gesängen. Hamburg. 188 S. in 8.
- Heimer (V.). Unschuldig verurteilt, oder: Die Flucht nach Deutschlands Kolonien. Neusalza i./S. 1—10 Heft. 320 S. in 8.
- Heyse (P.) und L. Leistner. Neuester deutscher Novellenschatz. München und Lpz., 1886. 248 S. in 8.
- Hirschfeld (H.). Königshaus. Mülh. a./R. 88 S. in 8.
- Hösekiel (L.). Excellenz. Erzählung. Berlin. 122 S. in 8.
- Hopfen (H.). Der letzte Hieb. Eine Studentengeschichte. Lpz. 216 S. in 8.
- Kist (L.). Das Familienleben in Leid und Freud. Mainz, 1885. 539 S. in 8.
- Kniele (R.). Weltersprachliche Humorstika. Ueberlingen a./B. XVI und 128 S. in 16.
- Kohn (S.). Des Stadtschreibers Gast-Geretete Ehre. Lpz. 228 S. in 8.
- König (E. A.). Spuren im Sande. Roman. Jena, 1886. I—III Bd.: 227, 246 und 248 S. in 8.
- Kretzer (M.). Drei Weiber. Berliner Kultur- und Sitten-Roman. Jena, 1886. I und II Bd. 296 und 233 S. in 8.
- Küchling (H.). Novellen. Breslau, 1886. 317 S. in 8.
- Laverrenz (V.). Ein Jahr im bunten Rock. Militärische Humoresken. Berlin, 1886. 198 S. in 8.
- Lenzen di Sebregondi (M.). Rau von Nettelhorst. Roman. Köln a./R. 420 S. in 8.
- Leixner (O.). Blitz und Stern. Novellen. Berlin. 168 S. in 8.
- Letnew (P.). Fremde Schuld. Roman. Nach dem Russischen von W. Goldschmidt. München und Lpz., 1886. 308 S. in 8.
- Lionheart-Zoeller (Ch.). Namenlos. Roman. Berlin, 1886. 190 S. in 8.
- Loti (P.). Die Ehe des Lieutenants Grant. Hagen i./W., 1886. 210 S. in 8.
- Mertens (L. v.). Falad. Kleine Bilder aus der Zeit der Völkerwanderung. Wien, 1886. 233 S. in 8.
- Raabe (W.). Uruhige Gäste. Ein Roman aus dem Saekulum. Berlin, 1885. 200 S. in 8.
- Rethwisch (E.). Schattenbilder. Norden, 1886. 183 S. in 8.
- Rostin (E.). Dominik Cartouche, genannt der Gaunerkönig in Paris. Neusalza i./S. I Bd. 321—512 S.; II Bd. 128 S. in 8.
- Rothschütz (T. v.). Mein Blauebuch. Anklam, 1886. 177 S. in 8.
- Sacher Masoch (L. v.). Die Seelenfängerin. Roman. Jena, 1886. I Bd. 308 S.; II Bd. 328 S. in 8.
- Schmidt-Cabanis (R.). Brummstimmen der Zeit. Lustiges und Unlustiges aus Papa Kronos' Liederfibel. Berlin, 1886. X und 218 S. in 8.
- Schneegans (A.). Aus fernen Landen. Novellen. Breslau, 1886. 288 S. in 8.
- Schubin (O.). Erinnerungen eines alten Oesterreichers. Drei Erzählungen. Jena, 1886. 168 S. in 16.
- Silberstein (A.). Landläufige Geschichten aus Dorf, Stadt und Alm. Lpz., 1886. I und II Bd. 329 und 295 S. in 8.
- Söndermann (A.). Die arme Näherin. Berlin. 7—56 Heft. 209—1808 S. in 8.
- Sonnenburg (F.). Auf der Grenz wacht. Roman aus der baltischen Geschichte des 16 Jahrhunderts. Berlin, 1886. I—III Bd. 286, 220 und 226 S. in 8.
- Sonntag (W.). Anti-Fancke. Bremen, 1886. 86 S. in 8.
- Sternau (A.). Lydia, oder: Die Ganner einer Weltstadt. Dresden. 1 Lief. 32 S. in 8.
- Telmann (K.). Vom Wegrund. Novelistische Skizzen. Lpz., 1886. 248 S. in 8.
- Tolstoi (Graf Leo N.). Kleine Erzählungen und Kriegsbilder. Aus dem Russischen übersetzt von W. P. Graff. Berlin, 1886. 266 S. in 8.
- Tschabuschnigg (A. v.). Ironie des Lebens. Roman. Norden, 1886. I Bd. 259 S. II Bd. 327 S. in 8.
- Walloth (W.). Paris der Mimes. Realistisch historischer Roman aus der Zeit Domitian's. Lpz., 1886. 332 S. in 8.
- Walter (G. E.). Kandidat Müller. Berlin, 1886. 292 S. in 8.
- Weber (C. v.). Vier tragische Novellen. Lpz. 224 S. in 8.

Wendelin (R.). Vornehme Verbrecher. Sensations-Roman aus der Gegenwart. Reudnitz-Lpz. 1—14 Heft. 464 S. in 8.

Wilbrandt (A.). Der Wille zum Leben.-Untrennbar. Novellen. Stuttgart, 1886. 160 S. in 8.

Winterfeld (A. v.). Lebenskämpfe. Erzählungen. Jena. 1886. I Bd. 219 S.; II Bd. 236 S.; III Bd. 358 S. in 8.

ИСТОРИЯ. — БИОГРАФИЯ. — ЖЕМУ-АРЫ.

Alberti (C.). Ludwig Börne (1786—1837). Lpz., 1886. 208 S. in 8.

Bloch (J. S.). Aus der Vergangenheit für die Gegenwart. Wien, 1886. 258 S. in 8.

Böllnitz (Baro von). Das galante Sachsen. Aus dem Herzenleben August des Starken. Neu herausgegeben von Graf Vassil. Berlin. IX und 150 S. in 8.

Boylesve (P. M. v. S. J.). Kurze Geschichte der Päpste. Mainz, 1886. VIII und 280 S. in 8.

Brünsicke (A.). Zwei berühmte Chefs des Preussischen Zietenhusaren: Prinz Friedrich Carl v. Preussen und Hans Joachim von Zieten. Rathnew, 1886. 91 S. in 8.

Caro (J.). Geschichte Polens. Gotha. V Th. 1 Hälfte. 1455—1480. XIII und 500 S. in 8.

Friedrich der Grosse. Denkwürdigkeiten seines Lebens. Lpz., 1886. I Bg. XII und 592 S.; II Bd. 504 S. in 8.

Hahn (O.). Ein nachgeborener Spross des Hauses Habsburg. Prag und Lpz., 1886. 90 S. in 12.

Hegewald (Dr.). Die Heidelberger Chronik. Meiningen, 1886. 32 S. in 8.

Jken (J. E.). Heinrich von Zütphen. Halle, 1886. VI und 124 S. in 8.

Karl-Ferdinands-Universität, Die, in Prag und die Cechen. Lpz., 1886. 68 S. in 8.

Majunke (P.). Geschichte des Culturkampfes in Preussen-Deutschland. Paderborn und Münster, 1886. 128 S. in 8.

Mayer (G.). Heraklit von Ephesus und Arthur Schopenhauer. Eine historischphilosophische Parallele. Heidelberg, 1886. 47 S. in 8.

Noer (Friedrich August Prinz von Schleswig-Holstein-Augustenburg, Graf v.). Briefe und Aufzeichnungen aus seinem Nachlass. Herausgegeben von Carmen Gräfin von Noer. Nördlingen, 1886. 224 S. in 8.

Pearl (C.). Memoiren. Budapest, 1886. 107 S. in 8.

Redivivus (Fridericus). 1786—1886. Oden und Episteln Friedrichs des Grossen. Deutsch von Th. Vulpinus. Berlin, 1886. XI und 283 S. in 8.

Schauerte (Fr.). Abraham a Santa Clara. Eine biographische und literarhisto-

rische Skizze. Frankf. a./M. und Luzern. 1886. 113—152 S. in 8.

Schumann (J. Chr., G.). Dr. Karl Kehr. Ein Meister der deutschen Volksschule und Lehrerbildung. Lpz. und Neuwied, 1886. VI und 261 S. in 8.

Stürmer (B. v.). Berichte des K. K. Commissärs Bartholomäus von Stürmer aus St. Helena zur Zeit der dortigen Internirung Napoleon Bonaparte's (1816—1818). Herausgegeben von Dr. Hanns Schlitter. Wien, 1886. 210 S. in 8.

Wertheimer (E.). Erzherzog Carl und die zweite Coalition bis zum Frieden von Lunéville (1798—1801). Wien, 1886. 62 S. in 8.

Wohlgemuth (W.). Wilhelm I, Deutscher Kaiser, König von Preussen. Berlin, 1886. 127 S. in 8.

Wohlwill (A.). Georg Körner. Ein deutsches Lebensbild aus dem Zeitalter der französischen Revolution. Hamburg und Lpz., 1886. X und 192 S. in 8.

Zorn (P.). Das alte und das neue Reich. Berlin und Lpz., 1886. 29 S. in 8.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.—ПОЛИТИКА.—СТАТИСТИКА.

Freund (L.). Forschungen über Staat und Gesellschaft. Lpz., 1886. II Heft. 144 S. in 8.

Geiser (B.). Die Ueberwindung des Kriegs durch Entwicklung des Völkerrechts. Stuttgart, 1886. VIII und 56 S. in 8.

Köhler (J.). Das Recht als Kulturer-scheinung. Würzburg, 1886. 29 S. in 8.

Reisenbichler (G. F.). Die Rettung der Landwirtschaft und des Bauernstandes durch Staats- und Eigenhilfe. Jena, 1886. 22 S. in 8.

Rosin (H.). Das Recht der oeffentlichen Gennossenschaft. Freiburg i./B., 1886. XII und 210 S. in 8.

Ross (D. C. D.). Den Niedergang der Landwirtschaft und des Handels. Stuttgart, 1886. 28 S. in 8.

Uhlhorn (G.). Zur socialen Frage. Stuttgart, 1886. 353—410 S. in 8.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТНЕСТВІЯ.

Schneideck (G. H.). Der Auszug nach Kobl. Jena, 1886. 364 S. in 8.

Semmig (H.). Rhein, Rön und Loire. Cultur und Landschaftsbilder diesseits und jenseits der Vogesen. Lpz., 1886. IV und 427 S. in 8.

Nordenskiöld (A. E. v.). Grönland. Seine Eiswüsten im Innern und seine Ostküste. Lpz., 1886. XIII und 305 S. in 8.

Weiss (K.). Meine Reise nach dem Kilima-Ndjarogebiet. Berlin, 1886. 46 S. in 8.

Neumayr (M.). Erdgeschichte. Lpz., 1886. I Bd. 1—4 Heft. 192 S. in 8.

ПЕДАГОГИЯ.

Becker (H.). Zehn Kapitel aus der praktischen Pädagogik. Langensalza, 1886. 115 S. in 8.

Dichtungen, Epische und lyrische, erläutert für die Oberklassen der höheren Schulen. Herausgegeben von Dr. O. Fricke und Fr. Polack. Berlin, 1886. I Abth. 479 S. in 8.

Lohmeyer (K.) und A. Thomas. Hilfsbuch für den Unterricht in der brandenburgisch-preussischen Geschichte für höhere Lehranstalten und Mittelschulen. Halle a. S. 1886. V und 108 S. in 8.

Polack (Fr.). Ein Führer durchs Lesebuch. Erläuterungen poetischer und prosaischer Lesestücke aus deutschen Volksschul-Lesebüchern. Berlin, 1886. I Theil. 240 S. in 8.

Wychgram (J.). Lehrbuch der Geschichte für die mittleren und oberen Klassen höheren Mädchenschulen so wie für Lehrerinnen-Seminare. Berlin, 1886. II Th. Mittlere und neuere Geschichte. 184 S. in 8.

НА АНГЛІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГИЯ. — ФИЛОСОФІЯ. — ПСИХОЛОГИЯ.

Amherst (W. J.). The History of Catholic Emancipation and the Progress of the Catholic Church in the British Isles (chiefly in England) from 1771 to 1820. London, 1886. Vol. I. pp. XIII and 331. Vol. II pp. VIII and 355 in 8.

ВЕЛЕТРНСТНА.

Abdy-Williams (E. M.). Foreward! London, 1886. pp. 126 in 16.

Alexander (Mrs.). Beaton's Bargain. A novel. London, pp. X—188 in 18.

Dale (Alan). Jonathan's Home. Bristol. London, 1885. pp. IV and 160 in 16.

Campbell-Praed (Mrs.). The Head Station. A novel of Australian Life. Lpz., 1886. Vol. I. pp. 288. Vol. II. pp. 286 and 1 in 12.

Tauchnitz ed. Vol. 2396—2397.

Crawford (F. Marion). A Tale of a

Lonely Parish. Leipzig, 1886. Vol. I. pp. 286. Vol. II. pp. 271 in 12.

(Tauchnitz ed. Vol. 2394—2395).

Philips (F. C.). As in a Looking Glass. A novel. London, 1886. pp. 328 in 18.

Reid (T. Wemyss). Manleverer's Millions, a Yorkshire romance. Leeds. pp. 224 in 18.

Riddell (Mrs. J. H.). The Prince of Wales's Garden-Party and other stories. A new edition. London, 1884. pp. 329 in 18.

Thackeray, Miss (Mrs. Richmond Ritchie). Mrs. Dymond. Leipzig, 1886. Vol. I. pp. 295. Vol. II. pp. 288 in 12.

(Tauchnitz ed. Vol. 2392—2393).

ИСТОРИЯ. — БИОГРАФИЯ. — МЕНУА-РЫ.

Farmer (John S.). 'Twixt Two Worlds: a narrative of the life and work of William Eglinton. London, 1886. pp. 196 in 4.

Field (Henry M.). The Greek Islands and Turkey after the War. New-York, 1885. pp. VI—228 in 18.

King (Edward). Descriptive Portraiture of Europe in Storm and Calm. Twenty years' Experiences and Reminiscences of an American journalist. Springfield, 1885. pp. X and 849 in 8.

Tucker (William James). Life and Society in Eastern Europe. London, 1886. pp. XII and 492 in 8.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ. — ПОЛИТИКА. — СТАТИСТИКА.

George (Henry). The Land, the Lords, and the People. An address. London. pp. 14 in 18.

Wallace (Alfred Russel). Bad Times: an essay on the present depression of trade, tracing it to its sources in enormous foreign loans etc. London, 1885. pp. XII and 118 in 12.

ГЕОГРАФИЯ. — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Greely (Adolphus W.). Three Years of Arctic Service. An Account of the Lady Franklin Bay Expedition of 1891—84 and the Attainment of the farthest North. London, 1886. Vol. I. pp. XXV and 428. Vol. II. pp. XII and 444 in 4.

Raum (George E.). A Tour around the World. New-York., 1886. pp. 430 in 18.

СОДЕРЖАНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ КНИГЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ. Іюль. Мимолѣтно, Ком. въ 1 дѣйстви, въ стихахъ, Ф. Коппе. Съ франц. О. Чуминой. — Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Д. А. Корсакова. — Старинныя дѣла. IV. Язовъ Хохоль. А. Д. — Новая земля. Путев. замѣтки изъ полярной экспедиціи 1882—88 г. I, Н. Кривошеин. — Врачъ по призванію. Разсказъ. А. Виницкой. — Государство и державы въ Пруссіи. Пятнадцать лѣтъ культурнаго, 1870—86 г. Стат. I. А. Д. Градовскаго. — Россія и Европа въ эпоху Крымской войны. Бар. А. Жомини. — Гелимеръ. Истор. романъ изъ эпохи Юстиніана В. Соч. Ф. Дана. Кн. II; I—X. А. Э. — До-петровское преданіе въ XVIII в. VI. Продолженіе старинныхъ преданій въ литературѣ. (Омоуч.). А. Н. Пнигина. — Пoesія и проза войны. П. Л. З. Слонимскаго.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ. Іюль. Внѣшнія сношенія Россіи въ эпоху Крымской войны. Гл. VI. С. С. Татищева. — Въ дальнихъ водахъ и странахъ. Гл. XXIII. В. В. Крестовскаго. — Сельское хозяйство въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ. Гл. VI—IX. В. Э. Головкина. — Вредоубъ. Ч. I. Гл. I—IX. А. В. — Политика и судъ. Гл. I—IV. В. Я. Фукса. — Нигилизмъ и нигилизмъ. Гл. I. И. Э. Циона. — Болѣзни времени. Ч. II. Гл. I—II. В. П. Желиховской. — Казенная продажа вина. Гл. II—III. Д. В.

НАВЛЮДАТЕЛЬ. Іюль. Иринархъ Шутарховъ. Ром. М. Бѣлинскаго. — Воспоминанія префекта полиціи. Л. Андріе. — По поводу совершеннотѣи новыхъ судовъ. А. Красовскаго. — Патеръ Дезуальдо. Разсказъ. Уйда. — Безправная. Пов. К. В. Назаревой. — Дворянинъ-рабочій. (Ismael). Ром. мистръ Бреддонъ. — Первый опытъ. Пов. С. Гельтъ. — Идеаль. Ром. Э. Золя.

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ. Іюль. Одель. Разск. Н. Ф. Бакина. — Сословныя нужды, желанія и стремленія въ эпоху Екатерининской комиссіи. (Прод.) Я. Абрамова. — Фантазія. Ром. Матильды Серао. Ч. I—II. А. В. — Снизу вверхъ. Пов. Баронина. — Озимадія. (Изъ П. Б. Шелли.) А. Барниковой. — Радикаль. Ром. (приложеніе). — Славянской мессіанствъ. (Прод.). Урсина. — На коммерческомъ основаніи. III. — Областной отдѣлъ: Изъ записокъ помѣщика. Кн. В. П. Долгорукаго. — Изъ медвѣжьяго угла. Е. — Изъ провинціальной печати.

РУССКАЯ СТАРИНА. Іюль. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в. Сост. Гельбигъ. — Нѣмецъ и французъ въ запискахъ своихъ о Россіи въ 1839 г. Пер. и сообщ. Н. К. Шильдеръ. — Записки Дмитрія Ивановича Кипіани съ 1820 года. — Воспоминанія М. И. Венюкова 1850—56 гг. — Императоръ Николай Павловичъ. Эпизодъ изъ его жизни. Сообщ. Э. Д. Рудаковъ. — Кавказъ и его военачальники 1854—64 гг. Сообщ. И. С. Кравцовъ. — Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ. † 21 февраля 1886 г. Очеркъ. Сообщ. В. Е. Явужинъ. — Андрей

Иванович Подолинскій: 1) Змѣй, кievская биль 1827 г.; 2) Письма его 1894 г.— Александръ Ивановичъ Казарскій † 1833 г. Сообщ. Ел. Фаренинкова.— Пловненское сѣдѣніе 1877 г. Очеркъ. Н. Е. Шильдера.— Стихотворенія: Н. М. Язикова.— Н. А. Добролюбова.— Признаніе въ любви армейскаго офицера.— Александръ Николаевичъ Островскій † 2 іюня 1886 г.

РУССКІЙ АРХИВЪ. Іюль. Разсказъ кн. Александра Николаевича Голицына.— Кража въ кабинетѣ императрицы Елисаветы Петровны. Современныя бумаги съ объясненіями. Д. И. Сапожникова.— 1812 годъ. Изъ семейныхъ воспоминаній. А. С. Кологривовой (урожд. Вельяминовой-Зерновой).— Историческія замѣтки и дополненія: I. О казанскомъ архіепископѣ Павлѣ Зерновѣ. II. Къ воспоминаніямъ о Варшавскомъ мятежѣ 1861—64 гг.— Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Статья Ф. П. Еленова.— Къ исторіи нашей духовной мисси въ Китаѣ (архмандритъ Петръ Каменскій). По поводу воспоминаній А. С. Гангболова.— Къ биографіи В. М. Ушодьскаго (записка его матери).

КИЕВСКАЯ СТАРИНА. Іюль. Кіево-печерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи. (Прод.).— Неизданныя произведенія Т. Г. Шевченко. П. Варнакъ.— Люди старой Малороссіи. А. Лазаревскаго.— Малорусская географическая номенклатура. Н. Ф. Сумцова.— Вѣдьма. Погѣбскій разсказъ.— Архивныя матеріалы для исторіи запорожскы. Д. И. Эварницкаго.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Іюль. Антонъ Фридрихъ Бюшингъ. А. Г. Бригнера.— Смадебинъ бунтъ. Историч. пов. Гр. Е. А. Салиаса.— Отрывокъ изъ воспоминаній. А. С. Хомутова.— Болгарія и восточная Румалія послѣ Берлинскаго конгресса. Гл. IV. П. А. Матѣева.— Принцъ Ваттенбергскій. Изъ недавнихъ воспоминаній. А. Н. Молчанова.— Первый въ Россіи военно-временный госпиталь. Л. Ф. Змѣева.— Изъ походной записной книжки. А. Е. Гаусмана.— Баронъ Исая Петровичъ Шафировъ. Ф. А. Бичкова.— Холера въ 1830—31 гг. въ Курской губ. Н. Д—скаго.— Ученые труды П. А. Лавровскаго. Д. Д. Язикова.— Леопольдъ Ранке и его значеніе въ исторической литературѣ. (съ иллюстрац.). В. З.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Іюль и Іюль. Исторія права. Ф. Зигеля.— Проверка доказательствъ на волостномъ судѣ. П. Скоробогатаго.— Взглядъ на исторію и современное состояніе мѣстнаго самоуправленія въ Англіи. М. Ковалевскаго.— Крестьянскій поземельный банкъ въ связи съ современнымъ положеніемъ крестьянскаго хозяйства. А. Немеровскаго.— Александръ Федоровичъ Кистковский и его труды. С. Викторскаго.— О значеніи нотаріальныхъ актовъ на продажу недвижимаго имущества до утвержденія ихъ старшими нотаріусомъ. К. Змирлова.— Къ вопросу объ ограниченіи видизаціи. Д. Перевощикова.— Карточнй способъ собранія и подсчета статистическихъ данныхъ. Докладъ Д. Щербини.— Данныя по нравственной и экономической статистикѣ и ихъ взаимная связь. В. Щепкина.— Замѣчанія на „Отвѣтъ“ г. Латкина. Н. Карѣева.— Замѣтка. С. Муромцева.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	Стр.
Беллетристика: „Ревизоръ“. <i>Н. В. Гоголя.</i> —„Клейменал“. <i>Д. Липова.</i> — „Стукниъ и Хрустальниковъ“. <i>Н. А. Лейкина.</i> —„Наташка“. <i>М. Вильмискаго.</i> — „Пестрые рассказы“. <i>А. Чехонте.</i> —„Петръ Федоровичъ Басмановъ. — Марина Миннекъ“. <i>Барона Н. Е. Врангеля.</i> —„Карменъ“. <i>Проспера Мериме.</i>	1
Философія: „Промеднее философія“. <i>Е. де-Роберти.</i> — „Положительныя задачи философія“. <i>Л. Лопаткина.</i>	12
Статистика и политическая экономія: „Сборникъ статистическихъ свѣ- дѣній по Рязанской губерніи“.—„Kritik der Gesellschaft“. <i>Blanqui.</i> — „Die Lage des bäuerlichen Grundbesitzes in Deutschland und die Reform unserer Agra-gesez- gebung“. <i>Kuno Frankenstein.</i>	15
Юридическія книги: „Précis de l'histoire du droit français, accompagné de notions de droit canonique et indications bibliographiques“. <i>Paul Viollet.</i> —„Insti- tutionen des Römischen Rechts“. <i>R. Sohm.</i> — „Deutsche Rechtsgeschichte“. <i>H. Siegel.</i> —„Institutionen des deutschen Privatrechts“. <i>A. Heusinger.</i>	23
Естествознаніе и технологія: „Новая теорія происхожденія міра“. <i>В. Бобылина.</i> —„Очеркъ органопластическихъ силъ организмовъ“. <i>Проф. А. Я. Да- вилесскаго.</i> —„Однодѣтныя и двухдѣтныя цвѣтущія растенія, находящіяся въ ката- логахъ сѣмяноторговцевъ“. <i>Д-ра Регеля.</i> —„Электрическіе контрольные приборы для желѣзныхъ дорогъ“. <i>Инж. А. Абрахамсона.</i> —„Печи для металлургическихъ процессовъ“. <i>А. Ледебура.</i>	28
Медицина: „Лекція о гигиеническомъ и климатическомъ леченіи хрониче- ской легочной чахотки“. <i>Д-ра Г. Вебера.</i> — „Основы оперативной хирургіи“. <i>Проф. Л. Н. Фарабѣфа.</i> — „Руководство къ частной хирургіи для врачей и уча- щихся“. <i>Д-ра Ф. Кѣнна.</i> —„Практическое руководство повивальнаго искусства“. <i>Д-ра Исмаилова.</i>	32
Педагогія, учебники и дѣтскія книги: „Обзоръ дѣтской литературы“. <i>В. М. Гаршина</i> и <i>А. Я. Герда.</i> —„Наши педагогическіе вопросы“. <i>Барона Н. А. Корфа.</i> —„Словарь малопонятныхъ славянскихъ словъ и оборотовъ, встрѣча- ющихся въ Евангеліи, дополненный словаремъ къ псалмамъ, молитвамъ и нѣ- сповѣдьямъ“. <i>Ал. Державина.</i> —„Новый систематическій задачникъ самосто- ятельныхъ письменныхъ работъ по русскому первоначальному правописанію“. <i>П. Цеткова.</i> —„Родное чтеніе для дѣтей средняго возраста“. <i>В. Виноградова.</i> — „Русская грамматика для низшихъ классовъ“. <i>А. Алферова.</i> —„Руководство пря- молинейной тригонометріи“. <i>П. Преображенскаго.</i> —„Путешествіе вокругъ свѣ- та“. <i>Э. Р. Циммермана</i>	38

Искусство: „Биографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей“. *А. И. Рубин.*—„Популярное изложеніе основныхъ началъ музыкальной теоріи, приспособленное къ самообученію“. *А. Ф. Казбирюка.*—„Азбука хорового пѣнія съ практическими упражненіями и краткою хрестоматіей“. *Д. Н. Соловьева.*—„Альбомъ узоровъ русскихъ кружевъ“. *С. А. Давыдовой.* 43

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, июль.—„Сѣверный Вѣстникъ“, апрѣль и май	46
III. Указатель новыхъ книгъ.	1
IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ: „Вѣстникъ Европы“.—„Русскій Вѣстникъ“.—„Наблюдатель“.—„Сѣверный Вѣстникъ“.—„Русская Старина“.—„Русскій Архивъ“.—„Кіевская Старина“.—„Историческій Вѣстникъ“.—„Юридическій Вѣстникъ“.	18
V. Указатель книгъ, разобранныхъ въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ съ января 1886 г. по июль включительно.	1

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ съ января 1886 г. по июнь включительно.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЯ КНИГИ.

- Барсовъ, Н. Исторія первоначной христіанской проповѣди. 1886 г. Кн. I, стр. 6.
- Гротъ, Н. О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. 1886 г. Кн. VI, стр. 388.
- Дебольскій, Н. О высшемъ благѣ или о верховной дѣлѣ нравственной дѣятельности. 1886 г. Кн. V, стр. 315.
- Книга Есфирь въ текстахъ: еврейскомъ масоретскомъ, греческомъ, древнемъ латинскомъ и славянскомъ. Исслѣдов. И. Рождественскаго. 1886 г. Кн. I, стр. 6.
- Козловъ, профес. Философскій Трехмѣсачникъ. 1886 г. Кн. VI, стр. 386.
- Любимовъ, Н. Философія Декарта. 1886 г. Кн. V, стр. 318.
- О'Квинъ, маркизъ. Немножко философіи. 1886 г. Кн. IV, стр. 249.
- Палестинскій патерикъ. Изд. правосл. палестин. обществомъ. 1886 г. Кн. I, стр. 6.
- Де-Роберти, Е. Промѣдшее философіи. 1886 г. Кн. II, стр. 80.
- Фужье, А. Изложеніе и критика современныхъ системъ морали. 1886 г. Кн. VI, стр. 388.
- Целлеръ. Очеркъ исторіи греческой философіи. 1886 г. Кн. V, стр. 318.
- Ярдингъ, Г. Иеремія Бентамъ; его отношеніе къ ученію объ естественномъ правѣ. 1886 г. Кн. II, стр. 248.
- Vauissire, E. Les principes de la morale. 1886 г. Кн. II, стр. 82.
- Janet, P. Victor cousin et son oeuvre. 1886 г. Кн. I, стр. 9.
- Haber, J. Die Philosophie in der Socialdemocratie. 1886 г. Кн. III, стр. 168.
- Wegner, Karl. Die italienische Philosophie des neunzehnten Jahrhunderts. 1886 г. Кн. I, стр. 10.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

- Амитинъ, А. Свѣтъ великъ, да некуда дѣваться. Разсказъ изъ еврейск. жизни. 1886 г. Кн. I, стр. 3.
- Алуктинъ, А. Стихотворенія. 1886 г. Кн. V, стр. 311.
- Грибоѣдовъ, А. Горе отъ ума. 1886 г. Кн. V, стр. 309.
- Гулишамбаровъ, С. Мелкіе разсказы. Переводъ. 1886 г. Кн. II, стр. 79.
- Захарьинъ, И. Тѣни прошлаго. 1886 г. Кн. IV, стр. 244.
- Линевъ, Д. По этапу (бронзовое дѣло). 1886 г. Кн. III, стр. 163.
- Малеонскій, А. Большія перемѣны. Повѣсть быта семинаристовъ и духовенства. 1886 г. Кн. I, стр. 1.
- Медвѣдевъ, А. Стихотворенія. 1886 г. Кн. V, стр. 314.
- Михневичъ, В. Любимцы. Хроника одного историческаго семейства. 1886 г. Кн. I, стр. 4.
- Муравлинъ, Д. Мракъ. 1886 г. Кн. II, стр. 74.
- Назарьева, К. Скорбный путь. 1886 г. Кн. II, стр. 74.
- Николаевъ, В. Стихотворенія. 1886 г. Кн. V, стр. 313.
- О женщинахъ мысли старія и новыя. 1886 г. Кн. III, стр. 165.
- Передельгинъ, Н. Свѣтъ и тьма. 1886 г. Кн. IV, стр. 246.
- Сибиряковъ, И. Сибирскіе мотивы. 1886 г. Кн. III, стр. 164.

- Симонова, Л. Спутница. 1886 г. Кн. IV, стр. 241.
 Толстой, Л., графъ. Сочиненія. Ч. XII. 1886 г. Кн. VI, стр. 375.
 Шамошкинъ, А. Войсковыя и миллионы. 1886 г. Кн. III, стр. 161.

ПУБЛИЦИСТИКА.—КРИТИКА.

- А. фонъ-Вейсгопфенъ, издатель первой астраханской газеты *Восточная Извѣстия*. 1886 г. Кн. IV, стр. 250.
 Зеллинскій, В. Историко-критическія комментарии къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго. 1886 г. Кн. I, стр. 14.
 Каблицъ (Юзовъ). Интеллигенція и народъ въ общественной жизни Россіи. 1886 г. Кн. I, стр. 11.
 Поповъ, А. Типы духовенства въ русской художественной литературѣ за послѣднее 12-лѣтіе. 1886 г. Кн. I, стр. 14.
 Приклонскій, С. Очерки самоуправления земскаго, городского и сельскаго. 1886 г. Кн. IV, стр. 250.
 Страховъ, Н. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и гр. Л. Н. Толстомъ. 1886 г. Кн. I, стр. 12.
 Шарановъ, С. Почему Сосновки побѣждаютъ Москву. 1886 г. Кн. II, стр. 98.

- A. von Randow. Die Landesverweisungen aus Preussen und die Erhaltung des Deutschthums an der Ostgrenze. 1886 г. Кн. VI, стр. 389.

ИСТОРИЯ.—БИОГРАФИЯ.—АРХЕОЛОГИЯ.

- Аландскій, П. Исторія Греціи. 1886 г. Кн. I, стр. 18.
 Аванасъевъ, Г. Внѣшняя политика Наполеона III. 1886 г. Кн. III, стр. 172.
 Вагалъи, Д. Матеріалы для исторіи колонизаціи и бита степной окраины Московскаго государства въ XVI—XVIII стол. 1886 г. Кн. III, стр. 170.
 Вобровскій, П. Переходъ Россіи къ регулярной арміи. 1886 г. Кн. II, стр. 84.
 Вюхеръ, Ф. О мѣстѣ погребенія Хемницера. 1886 г. Кн. I, стр. 19.
 Вейсбергъ, Л. Воронежскій край. 1886 г. Кн. I, стр. 18.
 Вяземскій, П. Полное собраніе сочиненій. 1886 г. Кн. II, стр. 86.
 Грегоровіусъ, Ф. Исторія города Рима въ средніе вѣка. 1886 г. Кн. VI, стр. 392.
 Ешиповъ, Г. Тяжелая память прошлаго. 1886 г. Кн. IV, стр. 254.
 Иловайскій, Д. Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гунскому. 1886 г. Кн. IV, стр. 254.
 Каръевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. 1886 г. Кн. IV, стр. 257.

- Комаровъ, М. Экскурси въ сказочный міръ. 1886 г. Кн. VI, стр. 391.
 Лепешкинъ, С. В. И. Орловъ, какъ устроитель 1-го студенческаго общежитія. 1886 г. Кн. I, стр. 19.
 Лучицкій, Н. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV вв. 1886 г. Кн. III, стр. 171.
 Мансуровъ, В. Базилика императора Константина въ св. гр. Іерусалимѣ. 1886 г. Кн. I, стр. 19.
 Оокинъ, Н. Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. 1886 г. Кн. IV, стр. 256.
 Перволюбовъ, І. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. 1886 г. Кн. V, стр. 319.
 Пышкинъ, А. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. 1886 г. Кн. I, стр. 16.
 Сборникъ Императорскаго историческаго общества. 1886 г. Кн. IV, стр. 253.
 Сочиненія Корнелія Тацита. Пер. съ прим. и стѣсей о Тацитѣ В. И. Модестова. 1886 г. Кн. IV, стр. 258.
 Цвѣтаевъ, Д. Изъ исторіи иностранцевъ въроксповѣданій въ Россіи въ XVI—XVII вв. 1886 г. Кн. V, стр. 320.

- Daremberg, M. et Saglio, E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. 1886 г. Кн. V, стр. 325.

- v. Biedermann, Karl. Deutsche Volk und Kulturgeschichte. 1886 г. Кн. IV, стр. 259.
 v. Brosch, M. Oliver Cromwell und die Puritanische Revolution. 1886 г. Кн. V, стр. 321.
 v. Gilbert, G. Handbuch der griechischen Staatsalterthümer. 1886 г. Кн. III, стр. 172.
 v. Gneist, E. Das englische Parlament in tausendjährigen Wandlungen. 1886 г. Кн. IV, стр. 259.
 v. Honegger, J. J. Allgemeine Kulturgeschichte. 1886 г. Кн. III, стр. 173.
 v. Raumer, F. Historisches Taschenbuch. 1886 г. Кн. III, стр. 174.
 Schäfer, D. Die Hanse und ihre Handelspolitik. 1886 г. Кн. II, стр. 88.
 Schreiber, T. Kulturhistorischer Bilderatlas. 1 Alterthum. 1886 г. Кн. III, стр. 174.
 Tiele, C. Babylonisch-Assyrische Geschichte. 1886 г. Кн. III, стр. 174.
 v. Treitschke, H. Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert. 1886 г. Кн. III, стр. 173.
 Winckler, A. Die deutsche Hanse in Russland. 1886 г. Кн. V, стр. 323.
- ГЕОГРАФИЯ.—ЭТНОГРАФИЯ.—ПУТЕШЕСТВИЯ.
- Вухаровъ. Поѣздка по Лапландіи. 1886 г. Кн. IV, стр. 259.

- Веберъ, Ф. Д.** Городъ Ялта съ его окрестностями и лечебными средствами. 1886 г. Кн. V, стр. 384.
- Горчакова, Е. Кіевъ**, 1886 г. Кн. I, стр. 21.
- Житіе и хожденіе Данила**, Русскія земли игумена. 1886 г. Кн. I, стр. 20.
- Каневскій, И.** Любимыя уголки Кавказа. Батумскій округъ. Сванетія. 1886 г. Кн. V, стр. 331.
- Овсянниковъ, Н.** Дунай въ географическомъ, историческомъ и другихъ отношеніяхъ. 1886 г. Кн. V, стр. 330.
- Пашиню, П.** Вокругъ свѣта. Т. I. По Индіи. 1886 г. Кн. V, стр. 331.
- Путеводитель по св. землѣ**. 1886 г. Кн. V, стр. 334.
- Романовъ, Е.** Бѣлорусскій сборникъ. 1886 г. Кн. IV, стр. 259.
- Скельковскій, К.** Путевыя впечатлѣнія въ Португаліи, Франціи, Австріи и Италиі. 1886 г. Кн. V, стр. 333.
- Gaebler** Heroen der Afrikaforschung. 1886 г. Кн. IV, стр. 262.
- Ratzel, F.** Völkerkunde. 1886 г. Кн. I, стр. 21.
- Stein, G.** Die Entdeckungsgreisen in alter und neuer Zeit. 1886 г. Кн. IV, стр. 261.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.—ФИНАНСЫ.—СТАТИСТИКА.

- Андріашевъ, И.** Къ вопросу о государственномъ поземельномъ кредитѣ въ Россіи. 1886 г. Кн. I, стр. 23.
- Анхимовъ, И.** Хозяйственно-экономическія данныя земской статистики. 1886 г. Кн. IV, стр. 263.
- Варъ, Ф.** Общинное землевладѣніе, малоземелье, переселеніе и земледѣльческій, экономическій и торговый кризисъ въ Россіи. 1886 г. Кн. VI, стр. 396.
- Вобковъ, В.** Фабричная и заводская промышленность Московск. губ. за 1881—71 г. 1886 г. Кн. III, стр. 178.
- Свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ Московской губ.** 1886 г. Кн. III, стр. 179.
- Василенко, В.** Кустарные промыслы сельскихъ сословій Полтавской губ. 1886 г. Кн. III, стр. 179.
- Домктябрь, Е.** Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Коломенскаго уѣзда. 1886 г. Кн. II, стр. 93.
- Добротворскій, Н.** Кустарные промыслы Курской губ. 1886 г. Кн. III, стр. 179.
- Материалы по статистикѣ Вятской губ.** 1886 г. Кн. V, стр. 326.
- Народное образованіе въ Воронежскомъ уѣздѣ**. 1886 г. Кн. I, стр. 26.
- Осиповъ, Н.** Краткій очеркъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій. 1886 г. Кн. II, стр. 92.
- Рязановъ.** Дифференціальныя таможен-

ныя пошлины внутри Россіи, доступныя ей пространствамъ. 1886 г. Кн. III, стр. 176.

Тарасовъ, И. Интензивное хозяйство и сельско-хозяйственная политика. 1886 г. Кн. IV, стр. 394.

Янковичъ, Я. О поднятій народнаго благосостоянія. 1886 г. Кн. V, стр. 328.

Eheberg R. Th. Dr. Agrarische Zustände in Italien. 1886 г. Кн. IV, стр. 264.

H. F. Die Verstaatlichung des Grundkredits. 1886 г. Кн. II, стр. 94.

Knies, K. Geld und Credit. 1886 г. Кн. I, стр. 23.

Munding, K. Die Lügen des socialistischen Evangeliums und die moderne Gesellschaft. 1886 г. Кн. III, стр. 184

Schippel, Max. Staatliche Lohnregulirung und die social reformatorischen Bestrebungen der Gegenwart. 1886 г. Кн. III, стр. 182.

Stöpel, F. Sociale Reform. 1886 г. Кн. III, стр. 185.

ЮРИДИЧЕСКІЯ БИНИГИ.

Владиміровъ, П. Реформа уголовной зашиты. 1886 г. Кн. III, стр. 192.

Гвоздевъ, И. Къ ученію о тѣлесныхъ поврежденіяхъ. 1886 г. Кн. I, стр. 33.

Глазеръ, Ю. Руководство по уголовному праву. 1886 г. Кн. V, стр. 329.

Градовскій, А. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. 1886 г. Кн. II, стр. 96.

Гурляндъ, Я. Юридическій лексиконъ, объясняющій терминъ и институты всѣхъ правъ, судопроизводства, судостройства, и нотариата. 1886 г. Кн. II, стр. 97.

Муравьевъ, Н. Кандидаты на судебныя должности. 1886 г. Кн. I стр. 33.

Муромцевъ, С. Реценція римскаго права на Западѣ. 1886 г. Кн. III, стр. 187.

Рейнгардтъ, Н. О личнахъ и имущественныхъ правахъ женщинъ по русскому закону. 1881 г. Кн. I, стр. 33.

Тарасовъ, И. Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности. 1886 г. Кн. V, стр. 329.

Труды комиссіи, учрежденной московскимъ ген. - губерн. вѣ. В. А. Долгоруковымъ для осмотра фабрикъ и заводовъ. 1886 г. Кн. III, стр. 191.

Чижовъ, Н. Материалы къ исторіи системы права (энциклопедія права). 1883 г. Кн. III, стр. 189.

Щербатовъ, полк. Дисциплинарный уставъ съ подробными разъясненіями для чиновъ военнаго вѣдомства и пограничной стражи. 1886 г. Кн. I, стр. 34.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

- Библиотека греческих и римских классиковъ въ русск. переводѣ. I. Овидій Назонъ. Перев. Алексѣевъ. 1886 г. Кн. II, стр. 105.
- Гл — скій, М. Всемирно-научный языкъ. 1886 г. Кн. V, стр. 335.
- „Начальная школа“ (изд.). Volapük, всемирный языкъ. 1886 г. Кн. V, стр. 339.
- Потъ, А. Введение въ общее языкознание. 1886 г. Кн. II, стр. 103.
- Поэмы Гомера: Илиада и Одиссея, въ пер. на рус. яз. В. Краузе. 1886 г. Кн. II, стр. 107.
- Старчевскій, А. В. Русскій Мецдофантъ. 1886 г. Кн. VI, стр. 398.

Letellier, M. C. L. A. La langue internationale démontrée pratique, facile et actuellement à la portée de chaque peuple d'Europa ou d'Asie au moyen de l'analyse grammaticale de sa langue maternelle. 1886 г. Кн. V, стр. 339.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

- Алексѣевъ, П. Обзоръ русской химической литературы за 1884 г. 1886 г. Кн. I, стр. 34.
- Материалы для исторіи химической лабораторіи университета св. Владимира. 1886 г. Кн. III, стр. 195.
- Вурдонъ-Сандерсонъ, Фостеръ и Врунтонъ. Практическій курсъ физиологій. 1886 г. Кн. VI, стр. 403.
- Вутлеровъ, А. Основныя понятія химіи. 1886 г. Кн. IV, стр. 268.
- Госпиталь, Э. Главнѣйшія приложенія электричества. Пер. Степанова. 1886 г. Кн. IV, стр. 268.
- Электричество въ домашнемъ быту. 1886 г. Кн. VI, стр. 402.
- Деложъ. Фотографія на бромо-желатинныхъ пластинкахъ. 1886 г. Кн. II, стр. 110.
- Денисьевскій, М. Примененіе электричества въ домашнемъ быту. 1886 г. Кн. II, стр. 110.
- Золотницкій, Н. Золотая рыба и ея варіететы. 1886 г. Кн. I, стр. 38.
- Литовъ, Ю. Пемеры-ледники. 1886 г. Кн. VI, стр. 401.
- Макуваль. Электричество въ элементарной обработкѣ. 1886 г. Кн. IV, стр. 269.
- Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ биологій и близкахъ къ ней наукахъ.
- Оберштейнеръ. Гипнотизмъ. 1886 г. Кн. IV, стр. 269.
- Порчинскій, I. Гусеницы и бабочки С.-Петербургской губ. 1886 г. Кн. I, стр. 38.
- Розенбергеръ, Ф. Очеркъ исторіи физи-

ки съ синхронистическими таблицами по математикѣ, химіи, описательнымъ наукамъ и всеобщей исторіи. 1886 г. Кн. III, стр. 193.

Труды комиссіи при Импер. рус. технич. обществѣ по вопросу о нефтепроводахъ и мѣрахъ къ развитію нефтянаго дѣла въ Россіи. 1886 г. Кн. II, стр. 112.

Хвольсонъ, О. Популярная лекція объ электричествѣ и магнетизмѣ. 1886 г. Кн. II, стр. 108.

Чиколовъ. Электрическіе аккумуляторы. 1886 г. Кн. II, стр. 110.

Справочная книжка по электротехникѣ. 1886 г. Кн. II, стр. 111.

Dammer, O. Illustriertes lexicon der Verfälschungen und Verunreinigungen des Nahrungs und Genussmittel der Kolonialwaren und Manufakte, der Drogen, Chemikalien und Farbwaren, gewerblichen und landwirtschaftlichen Produkte, Documente u. Wertzeichen. 1886 г. Кн. IV, стр. 270.

Siemens, W. Ueber die Erhaltung der Sonnen-Energie. 1886 г. Кн. III, стр. 196.

МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА.

- Андріѣ, Е. Болѣзни зубовъ. 1886 г. Кн. VI, стр. 408.
- Вергеръ, П. Слабоверность. 1886 г. Кн. IV, стр. 276.
- Ворисовъ. Медицинскій очеркъ села Вербовца, Кіевской губ. 1886 г. Кн. II, стр. 117.
- Войтовъ, А. Методы изслѣдованія патогенныхъ микроорганизмовъ. 1886 г. Кн. IV, стр. 271.
- Гольдендахъ, Ю. Лекціи современныхъ нѣмецкихъ клиницистовъ. 1886 г. Кн. IV, стр. 272.
- Де-Вари, А. Лекціи о бактеріяхъ. 1886 г. Кн. II, стр. 116.
- Домашніе аптечка и гѣбечникъ. 1886 г. Кн. VI, стр. 410.
- Dujardin-Beaumont. Новыя способы леченія. Пер. Панченко. 1886 г. Кн. IV, стр. 272.
- Кѣнигъ, Фр. Бугорчатка костей и суставовъ. 1886 г. Кн. IV, стр. 274.
- Козловскій, В. Эпидемія дезинтерій въ войскахъ, расположенныхъ въ Кіевѣ, въ 1883 г. 1886 г. Кн. IV, стр. 271.
- Каншинъ, Д. Энциклопедія питанія. 1886 г. Кн. III, стр. 202.
- Либермейстеръ. Лекціи по частной патологій и терапіи. 1886 г. Кн. II, стр. 117.
- Румъ, Р. Санитарныя очерки. 1886 г. Кн. III, стр. 202.
- С.-Петербургская городская комиссія общественного здравія. 1886 г. Кн. II, стр. 115.

- Тарновскій, В.** Половая зрѣлость, ея теченіе, отклоненія и болѣзни. 1886 г. Кн. VI, стр. 406.
- Тихомировъ, В.** Курсъ фармаціи. 1886 г. Кн. VI, стр. 408.
- Циншенъ.** Руководство къ общей терапіи. 1886 г. Кн. III, стр. 199.
- Шаховской, А.** Критика ученій бактерианцевъ и антибактеріанцевъ съ точки зрѣнія рациональной этиологіи. 1886 г. Кн. I, стр. 34.
- Штрюмпель, А.** О причинахъ заболѣванія нервной системы. 1886 г. Кн. VI, стр. 407.
- Шульгинъ, М.** Ученіе о бактеріяхъ. 1886 г. Кн. I, стр. 37.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

- Ватагинъ, Ѡ.** Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяина. 1886 г. Кн. II, стр. 127.
- Вутлеровъ, А.** Какъ водить пчелъ. 1886 г. Кн. I, стр. 42.
- Веберъ, Е.** Справочная книжка по сельско-хоз. технич. производствамъ. 1886 г. Кн. V, стр. 342.
- Высокерскій, В.** Сфагнумъ или растительный войлокъ. 1886 г. Кн. III, стр. 207.
- Григальдтъ, Ѡ.** Искусственное птицеводство. 1886 г. Кн. V, стр. 348.
- Девриенъ.** Альбомъ главнѣйшихъ породъ рогатаго скота. 1886 г. Кн. V, стр. 342.
- Доброгаевъ, М.** Разведеніе мака. 1886 г. Кн. III, стр. 205.
- Загорскій, П.** Первый шагъ въ дѣлѣ улучшенія полевой культуры у крестьянъ Тотемскаго уѣзда. 1886 г. Кн. V, стр. 341.
- Зелинскій, А.** Теорія плуга, орудія и боронъ. 1886 г. Кн. IV, стр. 279.
- Исслѣдованіе современнаго состоянія овцеводства въ Россіи.** 1886 г. Кн. I, стр. 39.
- Исслѣдованіе современнаго состоянія скотоводства въ Россіи.** 1886 г. Кн. VI, стр. 411.
- Казанская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1885 г.** 1886 г. Кн. V, стр. 341.
- Карпенковъ, Д.** Молочное хозяйство въ Финляндіи. 1886 г. Кн. II, стр. 127.
- Касперовъ, В.** Къ вопросу о причинахъ паденія цѣны на пшеницу. 1886 г. Кн. II, стр. 126.
- Корженевскій, П.** Разсказы о рациональномъ пчеловодствѣ. 1886 г. Кн. I, стр. 39.
- Королевъ, Ф.** Лъноводство. 1886 г. Кн. III, стр. 204.
- Остычъ, Н.** Почва черноземной области Россіи, нѣкъ происхожденіе, составъ и свойство. 1886 г. Кн. IV, стр. 277.

- Котельниковъ, В.** Бесѣды по земледѣлію. 1886 г. Кн. I, стр. 40.
- О покупныхъ землеудобрительныхъ тукахъ въ Россіи. 1886 г. Кн. I, стр. 41.
- Котельниковъ, Е.** Выборъ и содержаніе лакомобиля. 1886 г. Кн. VI, стр. 414.
- Красильщевъ, И.** Отчетъ объ осмотрѣ припрусскихъ виноградниковъ южной Бессарабіи въ связи съ вопросомъ о филлоксерѣ въ Румыніи. 1886 г. Кн. VI, стр. 415.
- О грибныхъ болѣзняхъ у насѣкомыхъ. 1886 г. Кн. VI, стр. 415.
- Красноперовъ, Е.** Работы статистическаго бюро при пермской губернской управѣ: матеріалы къ борьбѣ съ вредными насѣкомыми. 1886 г. Кн. VI, стр. 415.
- Къ вопросу о подсобныхъ кормахъ. 1886 г. Кн. I, стр. 42.
- Линдеманъ, Е.** Саранча и способы ея истребленія. 1886 г. Кн. VI, стр. 414.
- Мальшевъ, И.** Къ вопросу о воспитаніи приплода домашнихъ сельско-хозяйственныхъ животныхъ. 1886 г. Кн. V, стр. 343.
- Матеріалы къ изученію русскихъ почвъ. 1886 г. Кн. IV, стр. 276.
- Роде, О. и Эйсбергъ, К.** Крупный рогатый скотъ. 1886 г. Кн. IX, стр. 342.
- Россіяновъ, М.** Кіевскій пчеловодъ. 1886 г. Кн. I, стр. 43.
- Турскій, М. и Яшновъ, Л.** Определеніе древесныхъ и вѣтвей главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицахъ. 1885 г. Кн. I, стр. 42.
- Черняевъ, В.** Плужная запряжка. 1886 г. Кн. VI, стр. 413.
- Черноглазовъ, Л.** Усовершенствованныя орудія для садоводства, огородничества и специальныхъ культуръ. 1886 г. Кн. III, стр. 207.
- Чтенія Н. В. Верещагина въ Императорскомъ сельско-хозяйственномъ музеѣ по вопросамъ о молочныхъ скотоводствѣ и хозяйствѣ. 1886 г. Кн. IV, стр. 280.
- Цвѣтковъ, О.** Травосѣяніи, съ присовокупленіемъ собранія народныхъ примѣтъ о посѣвѣ и уборкѣ сѣна, о паханіи и удобреніи земли. 1886 г. Кн. III, стр. 205.
- Шестаковъ, М.** О современныхъ задачахъ метеорологіи въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. 1886 г. Кн. V, стр. 344.

ТЕХНОЛОГІЯ.

- Визенталь, А.** Рецепты для приготовленія вина, водокъ и ликеровъ холодными путемъ, помощью эссенцій. 1886 г. Кн. V, стр. 346.
- Звѣригичевъ.** Систематическій библиографическій указатель книгъ по всѣмъ отраслямъ техники. 1886 г. Кн. V, стр. 341.

Приложение къ трудам съезда гг. членовъ Импер. технич. общества въ Москвѣ 1882 г. 1886 г. Кн. V, стр. 345.
Рожь, Н. Домашнія ремесла. 1886 г. Кн. V, стр. 345.

ВОЕННОЕ ДѢЛО.

Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. 1886 г. Кн. I, стр. 44.

ПЕДАГОГИКА, УЧЕБНИКИ, КНИГИ ДЛѢ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Авенариусъ, В. Дѣтскія сказки. 1886 г. Кн. III, стр. 209.
Арендтъ, Р. Основныя начала химіи. 1886 г. Кн. II, стр. 123.
Архангельская, А. Тиффъ и его друзья. 1886 г. Кн. V, стр. 348.
Афросимовъ, П. Курсъ желѣзно-дорожнаго дѣла для технич. и жел.-дорожныхъ училищъ. 1886 г. Кн. IV, стр. 283.
Варацъ, С. Полный курсъ коммерческой корреспонденціи. 1886 г. Кн. II, стр. 123.
Вахрунъ, Н. Проектъ новой системы азбукъ и ореографіи. 1886 г. Кн. V, стр. 350.
Векотовъ, А. Бесѣды о звѣрахъ. 1886 г. Кн. I, стр. 50.
Ворокій, И. Максимъ - самоучка. 1886 г. Кн. VI, стр. 426.
Висковатовъ, В. Какъ люди научились писать. 1886 г. Кн. VI, стр. 426.
Воскресенскій, Е. „Борисъ Годуновъ“, А. С. Пушкина. 1886 г. Кн. V, стр. 349.
Василекъ, изд. „Воспитанія и обученія“, 1886 г. Кн. III, стр. 210.
— Зарница. (Сборникъ для дѣтей). 1886 г. Кн. VI, стр. 424.
— Гявдышко. 1886 г. Кн. VI, стр. 424.
Деркачевъ. Загадки (дѣтская игра). 1886 г. Кн. II, стр. 124.
Дмитревскій, А. Добро-азбука. 1886 г. Кн. II, стр. 121.
Дрентельцъ, Н. Начальный учебникъ химіи. 1886 г. Кн. IV, стр. 282.
Ершинъ, Н., и Некрасовъ, Н. Азбука для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. 1886 г. Кн. V, стр. 350.
Зарубинъ, В. Слово о полку Игоревѣ. 1886 г. Кн. VI, стр. 421.
Засодимскій, П. Сѣятель. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для дѣтей. 1886 г. Кн. VI, 424.
Земляскій, В. Алфавитный справочникъ по русскому правописанію. 1886 г. Кн. V, стр. 350.
Зиминскій, В. Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка. 1886 г. Кн. III, стр. 211.

Иловайскій, Д. Историческое чтеніе. 1886 г. Кн. VI, стр. 417.
Ильинъ, А. Подробный атласъ Россійской имперіи, съ планами главнѣйшихъ городовъ. 1886 г. Кн. VI, стр. 423.
Евпріановичъ, И. Синтаксисъ русскаго языка, сличенный съ синтаксисомъ классическихъ языковъ. 1886 г. Кн. V, стр. 350.
Коваленская, А. Новыя разсказы и сказки для дѣтей. 1886 г. Кн. IV, стр. 285.
Ковалевичъ, Е. Сборникъ ариметическихъ примѣровъ. 1886 г. Кн. V, стр. 351.
Кругловъ, А. Дѣти лѣсовъ. 1886 г. Кн. II, стр. 125.
— Незабудки. 1886 г. Кн. IV, стр. 284.
— Въ гостяхъ. 1886 г. Кн. V, стр. 348.
Бюкенталь, В. Микроскопическая техника преимущественно для зоологическихъ цѣлей. 1886 г. Кн. V, стр. 351.
Лаврентьева, С. Въ Крыму съ дѣтьми. 1886 г. Кн. VI, стр. 426.
Линдбергъ, А. Краткій учебникъ всеобщей географіи. 1886 г. Кн. VI, стр. 421.
Маевскій, П. Весенняя флора средней Россіи. 1886 г. Кн. V, стр. 351.
Марашевъ, Н. Галилей, его жизнь и ученые труды. 1886 г. Кн. III, стр. 210.
Мечъ, С. Австралія. Географ. очеркъ. 1886 г. Кн. III, стр. 210.
Миропольскій, В. Курсъ русской грамматики примѣнительно къ программамъ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, прогимназій, духовныхъ училищъ и городскихъ школъ. 1886 г. Кн. III, стр. 212.
„Народная бібліотека“: Король Лиръ. — Первая помощь до прихода лекаря. 1886 г. Кн. II, стр. 124.
Острогорскій, В. Русскіе писатели, какъ воспитательно - образовательный матеріалъ. 1886 г. Кн. II, стр. 124.
Ожешко, Е. Приключенія Яск. 1886 г. Кн. II, стр. 125.
Павловъ, А. Русское слово: 1886 г. Кн. I, стр. 49.
Павловъ, И. Народная школа. 1886 г. Кн. II, стр. 119.
Петрушевичъ, А. Разсказы про Суворова. 1886 г. Кн. I, стр. 50.
Погосскій и Подисадовъ. Судъ людской и судъ Божій. 1886 г. Кн. VI, стр. 428.
Погосскій, А. Камень-Кривеневичъ. 1886 г. Кн. VI, стр. 428.
Поливановъ, Л. Первая пчелка. 1886 г. Кн. VI, стр. 420.
Полкова, А. Природа и люди Австраліи. 1886 г. Кн. III, стр. 210.
Пуцковичъ, Ф. Начала русской грамматики. 1886 г. Кн. II, стр. 120.
Русскіе писатели для школъ: Пушкинъ, его жизнь и сочиненія. 1886 г. Кн. V, стр. 349.

- Сказка Густафсона. 1886 г. Кн. VI, стр. 426.
- Сковронская, М. Муравейникъ. 1886 г. Кн. V, стр. 348.
- Сливницкій, А. Бѣлечекъ. 1886 г. Кн. IV, стр. 285.
- Смирновъ, А. Живныя картинки. 1886 г. Кн. IV, стр. 284.
- Соколовъ, А. Уроки христіанскаго ученія. 1886 г. Кн. II, стр. 120.
- Соколинскій. Указатель книгамъ, одобренными ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. 1886 г. Кн. III, стр. 208.
- Страсбургеръ, Э. Краткій практическій курсъ растительной гистологии для начинающихъ. 1886 г. Кн. II, стр. 122.
- Страховъ, И. Краткій свѣдѣніе греческаго языка. 1886 г. Кн. VI, стр. 421.
- Сумскій, В. Краткая русская грамматика и упражненія по правиламъ правописанія. 1886 г. Кн. II, стр. 121.
- Сытинъ и К^о (изд.). Самоучитель или русская народная азбука, составленная по новѣйшимъ методамъ. 1886 г. Кн. I, стр. 47.
- Новѣйшая полная русская азбука. 1886 г. Кн. I, стр. 48, и Азбука золотая.
- Картинная русская азбука. 1886 г. Кн. I, стр. 48.
- Товуль, да выпилъ. 1886 г. Кн. VI, стр. 428.
- Трачевская, Ю. Систематическій курсъ русской грамматики. 1886 г. Кн. IV, стр. 281.
- Фридрихсъ, Е. Дѣтямъ старшаго возраста. Сборникъ рассказовъ. 1886 г. Кн. III, стр. 209.
- Фурманъ, П. Дѣтская историч. библиотечка: „Александръ Даниловичъ Меншиковъ“. 1886 г. Кн. III, стр. 209.
- Саардамскій плотникъ. 1886 г. Кн. II, стр. 124.
- Цвѣтковъ, И. Школьные бесѣды. 1886 г. Кн. V, стр. 348.
- Шереметевскій, В. Слово въ защиту живаго слова въ связи съ вопросомъ объ объяснительномъ чтеніи. 1886 г. Кн. V, стр. 347.
- Яхонтовъ. Путешествіе въ сѣверный край Россіи. 1886 г. Кн. II, стр. 124.

Lehmann, V. Vorlesungen über Hilfsmittel und Methode des Geographischen Unterrichts. 1886 г. Кн. VI, стр. 416.

ИСКУССТВО.

- Астафьевъ, А. Текинскіе орнаменты. 1886 г. Кн. III, стр. 215.
- Бурдинъ, Ф. Краткая азбука драматическаго искусства. 1886 г. Кн. V, стр. 352.

- Капо и К^о. Альбомъ гелиографуръ съ картинами русскихъ художниковъ. 1886 г. Кн. V, стр. 358.
- Симаховъ, Н. Искусство Средней Азіи. 1886 г. Кн. III, стр. 218.
- Русский орнаментъ въ старинныхъ образцахъ художественно-промышленнаго производства. 1886 г. Кн. III, стр. 214.
- Шаховская, С., кн. Узоры стариннаго шитья въ Россіи. 1886 г. Кн. III, стр. 215.
- Les lettres et les arts. 1886 г. Кн. V, стр. 354.

ДУБОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

- Абрамовъ, А. (изд.). Тарасъ Бульба или Запорожская Сѣчь. 1886 г. Кн. I, стр. 53.
- Князь Серебряный. 1886 г. Кн. II, стр. 129.
- Рука Всевышняго отечество спасла или освобожденіе Москвы отъ поляковъ въ 1612 г. 1886 г. Кн. II, стр. 133.
- Таинственный монахъ. 1886 г. Кн. III, стр. 216.
- В. С. Юрій Милославскій или какъ жили русскіе люди въ безгосударственное время. 1886 г. Кн. I, стр. 53.
- Именитые купцы Строгановы и удалой витязь Сибирскій князь. 1886 г. Кн. I, стр. 55.
- Разбойникъ Тарасъ Черноморъ. 1886 г. Кн. I, стр. 56.
- Князь золотой. 1886 г. Кн. I, стр. 56.
- Могила Маріи. 1886 г. Кн. I, стр. 56.
- Глазовъ, Н. Аскольдова могила. 1886 г. Кн. II, стр. 184.
- Губановъ, А. (изд.). Приключеніе казакаго атамана Урвана. 1886 г. Кн. II, стр. 54.
- Евстигьевъ. Царевна-преступница. 1886 г. Кн. III, стр. 217.
- Зряховъ, Н. Михаилъ Новгородскій или нарушенная клятва. 1886 г. Кн. II, стр. 130.
- Битва русскихъ съ кабардинцами или прекрасная рагометанка, умирающая на гробѣ своего супруга. 1886 г. Кн. I, стр. 52.
- Извольскій, С. Иванъ Мазепа, гетманъ Малороссіи. 1886 г. Кн. II, стр. 219.
- Гражданинъ Мининъ и кн. Пожарскій. 1886 г. Кн. III, стр. 133.
- Комаровъ, М. Повѣсть о приключеніи англійскаго милорда Георга и о бранденбургской маркграфинѣ Фридерикѣ Луизѣ. 1886 г. Кн. I, стр. 52.
- Кондратьевъ. Воевода Волчій хвостъ. 1886 г. Кн. II, стр. 134.
- Манухина, Е. (изд.). Могила Маріи или вратовъ подъ Москвою. 1886 г. Кн. II, стр. 131.

- Манухинъ, А.** (изд.). Гетманъ Молоросіи Богданъ Хмельницкій. 1886 г. Кн. III, стр. 217.
- Местъ гетмана или Тайнственный монахъ. 1886 г. Кн. III, стр. 218.
- Любовь царя. 1886 г. Кн. III, стр. 221.
- Николаевичъ, И.** Нищій или избавленая жертва. 1886 г. Кн. II, стр. 133.
- Чигиринскій лѣсъ. 1886 г. Кн. III, стр. 219.
- Пазухинъ, Н.** Ермакъ, покоритель Сибири. 1886 г. Кн. I, стр. 55.
- Пономаревъ В.** (изд.). Тайнственный монахъ. 1886 г. Кн. III, стр. 218.
- Прѣсковъ, Д.** (изд.). Царь Іоаннъ IV Грозный въ эпоху опричниковъ. 1886 г. Кн. II, стр. 130.
- Черный воронъ или „по дѣломъ вору и мука“. 1886 г. Кн. II, стр. 131.
- Атаманъ - разбойникъ Чортовъ усь. 1886 г. Кн. II, стр. 131.
- Дочь разбойника или любовникъ въ бочкѣ. 1886 г. Кн. II, стр. 132.
- Панъ Сапѣга или 16-ти мѣсячная осада Троицкой лавры. 1886 г. Кн. II, стр. 133.
- Иванъ Мазепа. 1886 г. Кн. III, стр. 219.
- Жизнь за царя Ивана Сусанина. 1886 г. Кн. III, стр. 216.
- С—въ.** Япанча, татарскій наѣздникъ, или покореніе Казани. 1886 г. Кн. II, стр. 130.
- Свѣшниковъ, Е.** Князь Серебряный. 1886 г. Кн. II, стр. 123.
- Суворовъ, В.** Русскій бояринъ или смерть князя Мих. Изъ Воротынскаго. 1886 г. Кн. II, стр. 129.
- Сытинъ, И.** (изд.). Исторія о храбромъ рыцарѣ Францѣ Венціанѣ и прекрасной королеви Ренцивенѣ. 1886 г. Кн. I, стр. 53.
- Серебряный князь. 1886 г. Кн. I, стр. 54.
- Ермакъ Тимофеевичъ, покоритель Сибири. 1886 г. Кн. I, стр. 55.
- Могила Маріа. 1886 г. Кн. II, стр. 131.
- Маріа Мнишекъ, дочь Сендомірскаго воеводы и жена Дмитрія Саконца. 1886 г. Кн. II, стр. 132.
- Тайнственный монахъ. 1886 г. Кн. II, стр. 218.
- Преданіе, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго отъ смерти у разбойниковъ. 1886 г. Кн. III, стр. 221.
- Чигревъ, Н.** Атаманъ волжскихъ разбойниковъ Ермакъ, кн. Сибирскій. 1886 г. Кн. I, стр. 55.
- Шараповъ, П.** (изд.). Япанча, татарскій наѣздникъ, или страшная смерть безъ вины. 1886 г. Кн. II, стр. 130.
- Ивѣна гетмана Мазепы. 1886 г. Кн. III, стр. 220.
- Шмитановскій, В.** Ермакъ или покореніе Сибирскаго царства. 1886 г. Кн. II, стр. 129.
- Преданіе, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго отъ смерти у разбойниковъ. 1886 г. Кн. III, стр. 221.

КАЛЕНДАРИ.

- Гатцукъ, А.** Крестный календарь на 1886 г. 1886 г. Кн. I, стр. 57.
- Сытинъ, И.** Календарь на 1886 г. 1886 г. Кн. I, стр. 57.
- Харьковскій** Календарь на 1886 г. 1886 г. Кн. I, стр. 57.

ПЛОДЫ КНИГОПРОДАВЧЕСКОЙ СПЕКУЛЯЦІИ.

- Левшинъ-Иноземцевъ, В.** Гигіено-экономическій словарь практическихъ познаний. 1886 г. Кн. II, стр. 134.
- Леухинъ, С.** (изд.). Законъ и правда. 1886 г. Кн. II, стр. 36.
- Пальховскій.** Лучи ума. 1886 г. Кн. II, стр. 135.

XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Женское образованіе. — Записка о женскихъ гимназіяхъ. — Областной земскій съѣздъ въ Казани. — Страхованіе скота. — Земскія недоимки. — Денежный вопросъ въ земствѣ и въ волости. — Отношеніе земства къ народному образованію. — Новыя возвышенія таможеннаго тарифа. — Виды на урожай и вывозъ хлѣба. — Новое положеніе о добровольномъ флотѣ. — Приготовленіе къ судебной реформѣ въ балтійскомъ краѣ. — Законъ о новыхъ правахъ присяжныхъ на судѣ. — Преобразование адвокатскихъ совѣтовъ. — Мѣры относительно евреевъ въ вѣдомствѣ судебномъ. — Новый законъ о воинской повинности евреевъ. — Анти-еврейская полемика въ Варшавѣ. — Вопросъ о преобразованіи интендантства	141
XIV. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. VI. — Н. Ш.	172
XV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Педагогія. — В. А. Гольцева	190
XVI. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика. — Философія. — Статистика и политическая экономія. — Юридическія книги. — Естествознаніе и технологія. — Медицина. — Педагогія, учебники и дѣтскія книги. — Искусство. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>іюнь</i> . — «Сѣверный Вѣстникъ», <i>апрѣль и май</i> . III. Указатель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ. V. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ «Русской Мысли» съ января 1886 г. по іюнь включительно	1

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногороднихъ въ городскіе — 50 к.; изъ городскихъ или иногороднихъ въ заграничныя — недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп.

